355.48
В-31

30880
Верещагин
Дома и на
войне
2

Гривет

Фт II / 26.

ПРОВЕРЕНО 1965 г.

2

255418
В-21
ПРОВЕРЕНО 1960 г.
Проверено | 2015

Эт II/26

Проверено 51 г.

Редакция журнала „Морской сборник"
Погашено 3061

Филиал Центральной ВМБ

30880

ГЛАВА I.

Дѣтство. Наша дворня.

Въ Череповскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, въ полуверстѣ отъ рѣки Шексны, стоитъ небольшая деревня „Пѣртовка". Узенькая рѣчушка, что течетъ изъ сосѣдняго лѣса, отдѣляетъ ее отъ господской усадьбы, расположенной по близости, на пригоркѣ. Еще недавно, вѣковой темный сосновый боръ точно громаднымъ кольцомъ охватывалъ Пѣртовку со всѣхъ сторонъ. Мелкій кустарникъ, прилегавшій къ окрестнымъ полямъ, постепенно становился крупнѣе и крупнѣе; углубясь саженей двѣсти въ лѣсъ, уже начинался стройный высокій сосновый боръ. Курчавыя вершинки сосенъ, точно зеленыя шапочки, тихонько покачивались, повременамъ наклоняясь другъ къ другу, и какъ будто перешептывались.

Посреди усадьбы раскинулся просторный дворъ. Деревянный господскій домъ сѣраго цвѣта съ мезониномъ стоитъ въ концѣ двора; позади его садикъ съ огородомъ; по другой сторонѣ двора тянется длинная двухъ-этажная постройка—это людская; внизу ея двѣ кухни: лѣвая—людская, правая—поварская; вверху помѣщеніе для дворни. Дальше идутъ прочія службы: сушило съ погребами, баня, конюшня. Постройки всѣ деревянныя, выстроенныя изъ хорошаго лѣса.

Фундаментальная военно-научная библиотека ГШ ВМС

Имѣніе это, вмѣстѣ съ деревней и окрестными лѣсами, принадлежало отцу моему, коллежскому ассесору Василію Васильевичу Верещагину.

Отступлю немного и скажу нѣсколько словъ о моихъ дѣдушкѣ и бабушкѣ.

Василій Матвѣевичъ Верещагинъ былъ небогатый помѣщикъ; все имѣніе его заключалось въ маленькой усадьбѣ близь Вологды, гдѣ онъ когда-то служилъ солянымъ приставомъ.

Не знаю въ точности, когда именно, но должно быть въ концѣ тысяча семисотыхъ годовъ, Василій Матвѣичъ женился на дѣвицѣ Натальѣ Алексѣевнѣ Башмаковой и тогда-же переѣхалъ изъ Вологды въ ея родовое имѣніе, село Любецъ, расположенное на самомъ берегу Шексны, въ пяти верстахъ отъ сельца Пѣртовки.

Хотя Наталья Алексѣевна и строгая была хозяйка, но все не такъ, какъ братъ ея, Петръ Алексѣевичъ, по смерти котораго ей и достался Любецъ. Одна древняя старушка, Анна, жившая у насъ въ домѣ, которая еще Башмаковымъ въ качествѣ сѣнной дѣвушки служила, такъ разсказывала мнѣ про Петра Алексѣевича:

— Онъ былъ отличный хозяинъ, и отказу крестьянамъ въ лѣсѣ или хлѣбѣ у него никогда не было; но Боже избави, если онъ замѣчалъ, что мужичокъ лѣнится или пьянствуетъ,—дѣдушка приходилъ въ сильный гнѣвъ и тогда бѣда! Хорошій былъ онъ человѣкъ, только до женскаго полу охочъ; ну и не стерпѣли мужички, сговорились и убили его. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ найденъ убитымъ, бабушка-то твоя памятничекъ каменный поставила, разсказывала старая. —И не бывать-бы этому грѣху, батюшко, продолжала Анна,— кабы разбойники не спрятали Вальтонку, дѣдушкину собаку. Большущая такая была. Намъ все еще за нее отъ бабушки-то попадало, пачкала гораздо въ комнатахъ. Такъ въ тотъ день они, разбойники, запрятали ее подъ пивной котелъ, что на бѣломъ дворѣ опрокинутый стоялъ. Дѣдушка-то вышелъ вечеромъ погулять, свиснулъ. Собаки—нѣтъ; ну онъ одинъ и пошелъ. Тутъ за селомъ, возлѣ овиновъ, они на него, окаянные, и па-

пали, четверо. Пастухъ Тимошка, да еще трое. Дѣдушка-то говорятъ, — добавила старушка шопотомъ, — къ ихъ бабамъ частенько по вечерамъ хаживалъ. Какъ напали на него злодѣи, тутъ, сказываютъ, онъ бросился бѣжать, да споткнулся, вотъ гдѣ памятничекъ, и упалъ; тутъ они ему головушку шкворнемъ и проломили. А Вальтонка-то, кормилецъ ты мой, вѣдь ровно слышалъ: выкарапкался, нашелъ своего барина, и всѣ руки вылизалъ, жалость смотрѣть было.

— Ну что-же, судъ наѣхалъ? спрашиваю я.

— Судъ, батюшка мой, судъ наѣхалъ изъ городу. Цѣлый мѣсяцъ у бабушки выжилъ; почитай все село въ колодки забилъ. Малыхъ дѣтей, и тѣхъ пытали спрашивать, да что малый знаетъ? Какъ, говорятъ, твоего отца зовутъ?—Тятькой. А мать?—Мамкой. Ну такъ и отступились. Троихъ-ли, четверыхъ въ каторгу сослали. А какой дѣдушка-то Петръ Алексѣичъ молодецъ былъ изъ себя: росту высокаго, волосомъ черный, настоящій бояринъ.

Мало подробностей о дѣдушкѣ Василіѣ Матвѣичѣ извѣстно мнѣ. Умеръ онъ въ 1806 году; сколько я слышалъ, былъ онъ человѣкъ добрый, заслужившій уваженіе и любовь своихъ сосѣдей.

Бабушка Наталья Алексѣевна имѣла большое состояніе и происходила изъ стариннаго боярскаго рода Башмаковыхъ. Въ жалованныхъ грамотахъ, сохранившихся и понынѣ, сказано, что предки ея „крѣпко и мужественно стояли за вѣру Христову и церковь православную“, и служили еще царямъ Алексѣю Михайловичу и Федору Алексѣевичу.

Нѣкоторыя изъ поименованныхъ въ этихъ грамотахъ деревень въ настоящее время не существуютъ: напримѣръ, деревня Байтузово. Сколько ни распрашивалъ я стариковъ, никто и не слыхалъ подобнаго названія.

Верстъ на двадцать тянулись по берегамъ Шексны великолѣпные лѣса и заливные луга моей бабушки; много сотенъ крестьянъ и много всякаго добра у нея было.

Бабушка пользовалась большимъ вліяніемъ не только въ уѣздѣ, но даже и въ губерніи.

Съ крестьянами своими она была строга, какъ и братъ

ея: непослушнаго мужика сдавала безъ разговоровъ въ солдаты, а оплошавшей дѣвицѣ отрѣзывала косу и ссылала на птичій дворъ.

Послѣ смерти Василія Матвѣевича, осталось на ея попеченіи пятеро дѣтей: два сына, Алексѣй и Василій, и три дочери: Анна, Софья и Настасья. Когда они подросли, Наталья Алексѣевна переѣхала на житье въ Петербургъ и поселилась въ Сергіевской улицѣ. Жила она тамъ не бѣдно, открыто, какъ подобало богатой барынѣ того времени, держала лошадей и экипажъ. Знакомство вела большое; кажется, я слыхалъ, что у ней даже всесильный Аракчеевъ бывалъ и ручку цѣловалъ.

Относительно образованія своихъ дѣтей бабушка не особенно заботилась. Первоначально къ нимъ приставленъ былъ гувернеръ M-r Cabot. Его она выбрала изъ партіи плѣнныхъ французовъ, когда ихъ въ 12-мъ году гнали тысячами по большой почтовой дорогѣ мимо Любца; тамъ еще до сихъ поръ, на одномъ высокомъ песчаномъ бугоркѣ, кой-гдѣ валяются бѣлыя кости похороненныхъ плѣнныхъ.

Въ Петербургѣ дядя Алексѣй Васильевичъ поступилъ юнкеромъ въ кавалергардскій полкъ, но вскорѣ перевелся въ лейбъ-гусары, гдѣ и служилъ все время, проживая въ Царскомъ Селѣ. Будучи старше отца моего на 6 лѣтъ, онъ былъ любимцемъ матери. Бабушка баловала его насколько могла: платила полковые долги, смотрѣла сквозь пальцы на всѣ его проказы; папашу-же любила меньше, часто бранила, и еще маленькаго такъ разъ испугала соннаго, что тотъ навсегда остался немного заикой.

Тетокъ я ни одной не помню; двѣ изъ нихъ вышли замужъ; третья-же, Настасья Васильевна, умерла старой дѣвой.

Папаша воспитывался въ Лицеѣ, учился плохо и, не кончивъ курса, опредѣлился въ одинъ изъ департаментовъ Сената. Служилъ онъ, какъ служили всѣ дворянскіе сынки стараго времени, больше для чина. Начальникъ отдѣленія его былъ нѣкто Языковъ. Разсказывалъ мнѣ папаша, что скромный Языковъ, котораго Наталья Алексѣевна приглашала ино-

гда въ гости, не смѣлъ у нихъ въ домѣ сѣсть хорошенько на стулъ, все на кончикъ примащивался, а когда за обѣдомъ хозяйка, бывало, обращалась къ нему съ вопросомъ: „Что, Васинька-то мой ходитъ-ли на службу?“—Языковъ спѣшилъ ее успокоить, говоря: „Ходитъ, матушка Наталья Алексѣевна, ходитъ“, и при этомъ подобострастно привставалъ и кланялся; а что ея Васинька дѣлалъ на службѣ и чѣмъ занимался — объ этомъ она не спрашивала: лишь-бы ходилъ да чины получалъ.

По смерти бабушки, какъ дядя, такъ и папаша почти одновременно вышли въ отставку: первый—съ чиномъ полковника, поселился въ Любцѣ, доставшемся ему по завѣщанію, отецъ-же вышелъ коллежскимъ ассесоромъ. Ему досталась въ наслѣдство Пѣртовка и еще нѣсколько деревень, что въ общемъ составило хорошее имѣніе. Онъ служилъ въ своемъ уѣздномъ городѣ три трехлѣтія предводителемъ дворянства.

Отца помнить я началъ, когда ему уже было подъ пятьдесятъ лѣтъ. Тогда онъ имѣлъ еще черные вьющіеся волосы; бороду и усы брилъ. Средняго роста, съ брюшкомъ, или, какъ мы смѣясь называли, съ „наросточкомъ“, онъ былъ красивой, симпатичной наружности. Голосъ имѣлъ мягкій и пѣлъ довольно пріятно. Характера молчаливаго, флегматичнаго, что не мѣшало все-таки намъ, маленькимъ, подчасъ до такой степени выводить его изъ терпѣнья, что онъ хваталъ насъ обѣими руками за уши и крѣпко трясъ. Впрочемъ, это случалось рѣдко.

Былъ онъ большой домосѣдъ, и любимое занятіе его составляло—читать, лежа на диванѣ въ халатѣ, и отъ времени до времени дремать, — тогда книга засовывалась подъ подушку.

Хозяйство отецъ велъ на старинный ладъ, т. е. коровъ держалъ болѣе для удобренія, нежели для молока; лѣсъ очень берегъ, хотя случалось, за неимѣніемъ другаго сбыта, рубилъ строевыя бревна на дрова.

Большая семья заставляла его быть через-чуръ аккуратнымъ. По желѣзнымъ дорогамъ мы ѣздили только въ третьемъ классѣ, и помню, какъ, бывало, во время прохода кондуктора

для осмотра билетовъ, папаша приказывалъ намъ улѣзать подъ скамейки, да еще и ногой подпихнетъ, приговаривая: „Сиди тамъ смирно, что шевелишься!“ Если-же кондукторъ замѣчалъ и заставлялъ насъ вылѣзать, то отецъ, нимало не конфузясь, утверждалъ, что съ насъ слѣдуетъ только за половину билета: „вѣдь они маленькіе“, говорилъ онъ убѣдительно кондуктору и въ то-же время грозно и внушительно мигая намъ, чтобы мы принаклонились: „вѣдь имъ 10-ти лѣтъ нѣтъ“, а мнѣ, самому младшему, было уже болѣе.

Папаша былъ очень добрый человѣкъ и часто помогалъ бѣднымъ: нѣкоторыя недостаточныя семейства получали отъ него ежегодно въ опредѣленное время провизію и денежные подарки.

Мамаша была, какъ говорятъ, въ молодости красавица, высокая, стройная брюнетка. Она осталась послѣ матери ребенкомъ и воспитаніе получила подъ надзоромъ строгаго старика отца, умнаго и набожнаго. Характера она была открытаго: горе-ли, радость, все равно, не могла скрыть, должна была непремѣнно съ кѣмъ-либо подѣлиться.

Хозяйствомъ она стала заниматься подъ старость, въ молодости-же ограничивалась тѣмъ, что заказывала повару кушанье. Зная отлично французскій языкъ, почитывала иногда повѣсти и романы; была хорошая рукодѣльница и часто вышивала шерстью по канвѣ, русскимъ швомъ по полотну; плела кружева; но всего больше любила она принимать гостей и угощать ихъ: хлѣбосолка была.

Легко припомнить свое дѣтство, но трудно опредѣлить то именно обстоятельство, отъ котораго началъ себя помнить. Я очень рано помню себя. Вспоминаешь одинъ случай, этотъ кажется уже самый первый, самый раннiй; а между тѣмъ за нимъ въ головѣ выростаетъ другой и, какъ-бы отстраняя первый, говоритъ: „Нѣтъ, не правда, я раньше былъ“. Вотъ, напримѣръ, живо представляется мнѣ, какъ въ морозный зимній вечеръ, старушка наша няня, Анна Ларивоновна, высокая,

худощавая, съ отвислыми щеками, воспользовавшись тѣмъ, что папаша съ мамашей еще съ утра куда-то уѣхали, торопится вымыть меня вмѣстѣ съ братомъ Алешей. Но гдѣже она хочетъ насъ мыть? На людской кухнѣ — въ русской печкѣ!! По утру въ печкѣ пеклись хлѣбы, а потому жару въ ней еще много. Въ людской никого нѣтъ — дворня уже отъужинала, только кухарка-большуха возится въ своей чуланкѣ съ ложками да съ горшками. Мы съ Алешей стоимъ, раздѣтые, на полу, около печки. Няня въ одной рубашкѣ, черные волосы на головѣ всклокочены, жиденькая, заплетенная косичка закинулась на грудь, — попеременно намыливаетъ намъ головы маленькимъ обмылочкомъ; затѣмъ мажетъ насъ съ головы до ногъ дегтемъ (няня слышала отъ кого-то, что деготь очень помогаетъ отъ золотухи, которой мы маленькіе всѣ страдали) и подсаживаетъ на шестокъ, послѣ чего ужъ мы сами уползаемъ въ печь. Въ печи свѣтло, въ углу горитъ сальный огарокъ, вставленный въ желѣзный свѣтецъ; рядомъ — чугунъ съ горячей водой. Дно печки устлано мягкой соломой. Такъ тепло, такъ хорошо тутъ, мы совершенно счастливы! За нами влѣзаетъ и няня съ маленькимъ корытцемъ въ рукахъ. Она уже скинула рубашку. Старческіе глаза ея съ отвисшими нижними вѣками выражаютъ тревогу и опасеніе, какъ-бы ей поспѣть исполнить свое завѣтное желаніе—вымыть деготкомъ своихъ рожоныхъ дѣтушекъ до пріѣзда „самихъ". А если-же она не успѣетъ, да они пріѣдутъ,—пропала тогда ея головушка: разбранятъ, разнесутъ ее господа. Но не этого боится няня; пуще всего опасается она, чтобы ее совсѣмъ изъ нянекъ не прогнали и не лишили-бы ея сокровищъ, питомцевъ, которыхъ она любитъ больше всего на свѣтѣ, т. е. любитъ точно такъ-же, какъ и мы ее. Торопливо хватаетъ она костлявой рукой маленькую деревянную чашечку, что плаваетъ въ чугунѣ, льетъ ею воду въ корытцо и моетъ и третъ наши маленькія тѣльца обрывкомъ мягкаго шерстянаго чулка, сложеннаго нѣсколько разъ, плещетъ теплую водичку морщинистой ладонью на наши маленькія личики, а сама шепчетъ и приговариваетъ: „Гос-

поди Іусе, Пресвятая Богородица“ и со страхомъ прислушивается—не звенитъ-ли на дворѣ колокольчикъ, не лаютъ-ли собаки, не скрипятъ-ли около барскаго крыльца полозья тяжелаго возка, по промерзшему снѣгу.

Для меня это очень давно было. Но слѣдующая картина, кажется, еще раньше была.

Прекрасный лѣтній день; тепло; солнышко свѣтитъ ясно; время послѣ обѣда. Я, въ маленькой дѣтской комнатѣ, взобрался на табуретку возлѣ окна, заставленнаго отъ мухъ волосяной рѣшеткою, и, стоя на колѣнкахъ, строю на столѣ карточные домики. Въ противуположной сторонѣ комнаты няня убаюкиваетъ сестру Машу, которая лежитъ въ маленькой деревянной кроваткѣ съ высокими черными стѣнками, и тихимъ, заунывнымъ голосомъ, покачивая въ тактъ головой, поетъ знакомую мнѣ пѣсенку:

И на дворѣ овеч-ка-а спи-итъ,
Да хоро-ошохонько лежитъ.
Бай, бай, по-очи-ивай,
Да глазъ сво-оихъ не откры-ывай.

Отлично помнится, какъ при словахъ „на дворѣ овечка спитъ и хорошохонько лежитъ“, — я взглядываю на дворъ и ищу глазами, гдѣ-же это овечка лежитъ? Вѣдь если няня поетъ, такъ значитъ должна-же овечка лежать гдѣ-нибудь, и, не находя ея, обращаюсь къ нянѣ и спрашиваю: „Няня, гдѣ же на дворѣ овечка лежитъ?“

Няня приподнимается немного отъ маленькой кроватки, къ которой припала-было грудью, поворачиваетъ ко мнѣ голову, повязанную темной ситцевой косынкой, съ концами, запачканными нюхательнымъ табакомъ, такъ какъ она часто обтирала ими свой табачный носъ, сердито киваетъ, чтобы я не шумѣлъ, и затѣмъ продолжаетъ свою пѣсеньку тѣмъ-же убаюкивающимъ голосомъ:

И выростешь боль-и-ша-ая,
Будешь и въ золотѣ ходи-нтъ.

Бай-бай, по-о-чи-ивай
И глазъ своихъ не открывай.

Еще припоминаю я такой же лѣтній день и тоже послѣ обѣда. Папаша съ мамашей ушли къ себѣ наверхъ отдохнуть и велѣли нянькѣ и насъ укладывать. Въ большой дѣтской стоятъ неподалеку одна отъ другой двѣ кроватки, моя и Алешина. Въ комнатѣ полутемнота; окна завѣшены старыми, дырявыми, ватными одѣялами. Свѣтъ только черезъ ихъ дырки пробивается немного.

Въ сосѣдней комнатѣ, у окошка, сидитъ старушка няня и, подсунувъ подъ себя прялку, старательно прядетъ. Тихонько подергиваетъ она изъ льняного куделя костлявыми пальцами тонкую прядь, слюнитъ ее и все вытягиваетъ нитку длиннѣе и длиннѣе, причемъ правой рукой равномѣрно, съ какимъ-то жужжаніемъ, крутитъ веретено. Вотъ она закрутила нитку достаточно, быстро наматываетъ всю ее на растопыренные пальцы лѣвой руки, упираетъ веретено къ себѣ въ животъ и наматываетъ на него нитку.

Изрѣдка, няня посматриваетъ на наши постельки, достаетъ съ окна буракъ съ табакомъ, съ наслажденіемъ нюхаетъ и затѣмъ опять продолжаетъ свою работу. Мы съ Алешей не спимъ, а начинаемъ шалить: кричимъ, болтаемъ ногами и выводимъ старушку изъ терпѣнія.

— Да чтой-то такое право, сладу нѣтъ съ вами. Вотъ ужо, погодите маленько!

Бросаетъ прялку на лежанку, поправляетъ съѣхавшій съ головы платокъ и уходитъ. Черезъ нѣсколько минутъ она возвращается, какъ-то загадочно грозитъ намъ и снова садится за прялку. Мы начинаемъ немного трусить, но пока не понимаемъ, въ чемъ дѣло.

— Тукъ, тукъ, тукъ, стучится кто-то въ дверь.

— Кто тамъ? спрашиваетъ няня и испуганно смотритъ на насъ. Я какъ сейчасъ вижу ее въ эту минуту: добрые глаза широко раскрыты, носъ въ табакѣ, въ одной рукѣ держитъ веретено, въ другой нитку и точно застываетъ въ такомъ положеніи.

Заслышавъ стукъ, мы начинаемъ трястись отъ страху, точно въ лихорадкѣ. Алеша быстро забирается съ головой подъ одѣяло, я хотя тоже прячусь, но чуть-чуть выглядываю, чтобы узнать, что дальше будетъ. Дверь тихонько отворяется и я вижу спачала лапы какого-то чудовища, а за ними и самое чудовище, съ вывороченнымъ на головѣ тулупомъ, мѣхомъ кверху.

— Гдѣ тутъ шалуны, давайте ихъ мнѣ, я ихъ возьму съ собой! кричитъ пугало грубымъ голосомъ, зажимая на лицѣ воротъ тулупа, чтобы не быть узнаннымъ, и дѣлаетъ руками видъ, что хочетъ схватить насъ. Мнѣ хотя и сдается, что голосъ пугала походитъ на голосъ нашей горничной Агнеи, но я всетаки въ ужасѣ корчусь подъ одѣломъ, ни живъ, ни мертвъ, да такъ и засыпаю.

Какъ сейчасъ я вижу, въ деревенскомъ домѣ, наверху, маленькую кроватку свою, возлѣ большой двухъ-спальной кровати моихъ родителей. Въ углу спальни блеститъ высокій стеклянный кіотъ; и какихъ только тамъ образовъ не было: и въ золотыхъ ризахъ, и серебряныхъ, и съ разноцвѣтными камешками, и безъ камешковъ. Одинъ, большой, съ золотымъ сіяніемъ, въ особенности меня удивлялъ. Около образовъ лежитъ много пасхальныхъ яицъ: золоченыя, пестрыя, мрамористыя, въ луковичныхъ перьяхъ и просто въ сандальной краскѣ крашеныя, но самыя дорогія хрустальныя: этимъ, казалось, и цѣны не было.

Вотъ папаша вечеромъ ложится спать: Передъ кіотомъ теплится лампадка; онъ молится Богу. Я вылѣзаю изъ кроватки, подбѣгаю къ нему въ одной рубашонкѣ и говорю: „Папа, покажи хрустальное яичко!“ Онъ беретъ меня подъ мышки, приподымаетъ и говоритъ: „Ну, на, смотри!“—Я упираюсь въ кіотъ носомъ и губами, и съ великимъ интересомъ разсматриваю, причемъ паръ отъ моего рта стелется по холодному стеклу.

— Ну что, наглядѣлся? Ну, теперь бѣги-же спать, а то

смотри, сейчасъ мама придетъ!—Но я не очень-то боюсь мамаши, а потому остаюсь и дожидаюсь, когда папаша будетъ въ землю кланяться.

Ждать приходится недолго: прошептавъ молитву, глубоко вздохнувъ, отецъ широко крестится и кряхтя дѣлаетъ земной поклонъ, при чемъ старается разостлать передъ собой кончикъ халата, чтобы не коснуться лбомъ до голаго пола, — и довольно долго остается въ такомъ положеніи. Мнѣ только этого и нужно: живо взбираюсь къ нему на спину, сажусь верхомъ и совершенно счастливъ...

Папаша никогда не сердился на это; ужь если очень, бывало, надоѣмъ ему, такъ закричитъ: „Пошелъ спать, шалунишка".

По утрамъ, часто, видя, что я не сплю, онъ возьметъ меня изъ кроватки, посадитъ на свою мохнатую грудь и начнетъ разсказывать, въ сотый разъ, сказку про „Красную шапочку". Точно сейчасъ чувствую, какъ у меня пробѣгалъ морозъ по кожѣ въ то время, когда на вопросъ Красной шапочки: „А зачѣмъ, бабушка, у тебя такіе большіе зубы", волкъ отвѣчаетъ: „Чтобы тебя съѣсть, моя матушка" и бросается на нее. Отецъ при этомъ дѣлалъ видъ, что хочетъ меня съѣсть: „Амъ, амъ!"— Я съ крикомъ увертываюсь и лѣзу подъ одѣяло; и, не смотря на то, что сказку эту папаша разсказывалъ мнѣ чуть не каждое утро, я всякій разъ точно также кричалъ и прятался.

Учить начали меня очень рано. Помню какъ теперь, сижу я на высокомъ дѣтскомъ стулѣ, выкрашенномъ красной краской; широкая перекладина съ желобкомъ, на которую упираюсь грудью, не даетъ мнѣ вывалиться. Гувернантка Елизавета Семеновна, или какъ мы звали—Лиля, очень милая и добрая дѣвушка, учитъ меня считать; я шалю и болтаю ногами.

— Не шали-же, что это такое, сколько разъ говорю! восклицаетъ гувернантка, беретъ мои ноги, сжимаетъ ихъ и останавливаетъ.—Ну, продолжай дальше!

— Десять, одиннадцать, тринадцать,—тяну я лѣнивымъ,

унылымъ голосомъ, поглядывая въ то-же время въ окошко и раздумывая о томъ, какъ-бы хорошо убѣжать на дворъ и поиграть.

— Не правда, двѣнадцать. Ну, повтори же! О чемъ ты думаешь, Саша!

— Двѣна-а-а-дцать!

— Ну дальше!

— Трина-адцать, четырна-адцать!

— Хорошо,—ну!—Молчаніе.

— Ну что-же?—пятнадцать... Опять болтать ногами! Няня! дай-ка веревку, вотъ я ему свяжу ихъ! сердито восклицаетъ она. Но какъ няньки не случилось, Лиля бѣжитъ сама, возвращается съ какимъ-то шнуркомъ и связываетъ ноги. Я сержусь, стискиваю зубы и молчу; и что она тогда со мной ни дѣлаетъ, я все молчу. Кончается тѣмъ, что беретъ меня за руку и ведетъ къ мамашѣ. Мамаша сидитъ въ каминной у окна и вышиваетъ по канвѣ.

— Анна Николаевна, Саша не слушается и не хочетъ учиться, докладываетъ Лиля.

— Ахъ, матушка, такъ поставь его въ уголъ, пусть стоитъ до обѣда, говоритъ мамаша, продолжая шить и не глядя на меня.

Понуривъ голову, стою я въ углу и кручу кончикъ носоваго платка, торчащаго изъ кармана; шалю стальными пряжками клеенчатаго пояска: то застегиваю ихъ, то разстегиваю. Въ комнатѣ тишина. Лиля куда-то вышла; слышно одно шуршанье шерсти о туго натянутую канву. Я искоса поглядываю на мамашу и сбираюсь просить прощенье:

— Liebe Mama, verzeihen Sie mir, ich werde nicht! вырывается у меня, наконецъ, съ языка, и непремѣнно по-нѣмецки, какъ меня учила гувернантка, чтобы скорѣй простили.

— Не я, батюшка, тебя поставила, а потому и не проси меня! строго отвѣчаетъ мамаша, стараясь вдѣть въ иголку, не попадаетъ, крутитъ кончикъ и, наконецъ, вдѣваетъ.

— Василій Василичъ, батюшка! закажи что-нибудь. Скука такая, право, каждый разъ не знаю, что и заказывать.

— Да что-же? я право тоже не знаю, ворчитъ тотъ.

Длится молчаніе.

— Ну, пускай сваритъ зеленые щи. Яичекъ къ нимъ свари, слышишь? обращается отецъ лично къ повару: — да только поджарь ихъ въ маслѣ и сухаряхъ, какъ дѣлалъ прошлый разъ, знаешь?

— Слушаю-съ.

Молчаніе.

— На холодное свари языкъ. Хрѣнъ только чтобы покрѣпче былъ! Ты хрѣнъ совсѣмъ не умѣешь дѣлать! Его надо горячимъ бульономъ заварить, а у тебя онъ Богъ знаетъ на что похожъ!

— Слушаю-съ!

— А что, Анна Николаевна, дичина есть у насъ?

— Какъ-же, Василій Василичъ, давно-ли принесли.

— И рябчики есть?

— Есть и рябчики.

— Ну, такъ изжарь ты рябчиковъ, да пожалуйста не засуши. Ты вѣчно такъ засушишь, что ѣсть нельзя. Слышишь?

— Слушаю-съ. Сколько прикажете изжарить?

— Сколько! вѣдь ты знаешь сколько насъ? Ну, зажарь еще тетерьку, если мало.

— Слушаю-съ.

Пауза.

— На пирожное что прикажете?

— Сдѣлай вафли, съ молокомъ будемъ ѣсть.

— Слушаю-съ. Можно идти-съ?

— Ступай себѣ.

Отецъ зѣваетъ и чешетъ затылокъ.

Папаша былъ охотникъ покушать и часто заказывалъ обѣды вмѣсто мамаши, которая въ это время любила дремать у него на груди и по временамъ сонливо восклицала: „Ахъ, этого у насъ нѣтъ!“ или: „Ахъ, онъ это не умѣетъ дѣлать!“

Когда дѣло доходило до пирожнаго, мы, маленькіе, и нач-

30883
ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

немъ приставать къ мамашѣ: „Мама, милая, прикажи трубочки со сливочками“, и если она была въ хорошемъ расположеніи духа, то говорила, обращаясь къ повару, будто прося у него извиненія: „Ну, ужь сдѣлай ты имъ трубочки; вѣдь отъ нихъ не отвяжешься“.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ тотъ, сумрачно на насъ поглядывая.

Поваръ былъ Михайло хорошій, но за кушанье все-таки ему часто попадало; въ особенности доставалось за бѣлый хлѣбъ.

— Что это, матушка, какой у насъ опять хлѣбъ нехорошій! говоритъ папаша за чаемъ, нюхая и мня только-что отрѣзанную горбушку отъ горячаго хлѣба.

— Позвать повара! слышится строгій приказъ мамаши.

Послѣдній является. Лицо у него неспокойное; онъ чуетъ что-то недоброе.

— Подойди сюда, говоритъ папаша тихимъ голосомъ.— Возьми, что это такое, развѣ это хлѣбъ?.. На, ѣшь его! Да нуже, бери!

И вотъ Михайло начинаетъ ѣсть; и, случалось, принужденъ съѣдать весь хлѣбъ до конца, а хлѣбъ увѣсистый. Хорошо если тутъ бывала Бокса, папашина охотничья собака, ну такъ та немного выручала его: какъ папаша отвернется, Михайло незамѣтно и сунетъ ей корку, которую та съ удовольствіемъ съѣдала, виляя отъ радости своимъ порубленнымъ хвостикомъ.

— Ну что, съѣлъ? слышался подъ конецъ вопросъ.

— Такъ точно-съ, съѣлъ-съ, отвѣчалъ тотъ, вытягивая какъ журавль шею и стараясь проглотить застрявшій въ горлѣ кусочекъ.

— Ну, теперь можешь идти себѣ; да смотри! мнѣ такого хлѣба не смѣть больше подавать.

Михайло молчитъ и молча-же уходитъ. Характера онъ былъ смирнаго и я не помню, чтобы онъ хоть разъ вздумалъ противорѣчить. Только и твердитъ бывало: „слушаю-съ“ или: „какъ вашей милости угодно будетъ“. Впрочемъ—будешь смирнымъ!!..

Кучеръ Поликарпъ: среднихъ лѣтъ, небольшого роста, широкоплечій, съ большой окладистой рыжей бородой, съ сильно нависшими наискосокъ вѣками, какъ у стараго лягаваго пса. Вѣки нависали у него въ особенности съ перепою.

Поликарпъ былъ очень хорошій кучеръ, и хотя любилъ выпить, и по временамъ даже и очень, но все-таки мамаша предпочитала больше ѣздить съ нимъ, чѣмъ съ другимъ кучеромъ, Мосеемъ, который былъ и пьяница, и ѣздить не умѣлъ.

Лошади у Поликарпа всегда были въ прекрасномъ тѣлѣ и отлично вычищены; но бѣда въ томъ, что все это продолжалось до первой поѣздки въ село Любецъ, къ обѣднѣ. Въ Любцѣ былъ кабакъ; въ Пе́ртовкѣ кабака не было.

Передъ таковой поѣздкой Поликарпу строго внушалось—не напиваться.

— Помилуйте, Васи́лій Василичъ, какъ-же можно!... Не видалъ я, что-ли, прости Господи... сохрани Богъ... будьте спокойны...

Вечеромъ ѣхать назадъ, хвать-искать, а онъ, что называется—мертвецки. Окачиваютъ водой, трутъ уши, ничего не беретъ, только мычитъ.

Большею-же частью онъ напивался въ полъ-пьяна и бывалъ въ состояніи подать экипажъ; только лицо, красное какъ кумачъ, выдавало его. Тогда отецъ, садясь въ тарантасъ, обращался къ нему съ такими словами:

— А ты таки не утерпѣлъ, чтобы бѣлки не налить! А? Что молчишь-то? Ну да ладно; дай пріѣхать домой, я тебя отбарабаню.

Замѣчательно хорошо помнится мнѣ, хотя я и очень малъ былъ, какъ этого самаго Поликарпа женили на толстенькой, кругленькой, краснощекой дѣвушкѣ Афанасьѣ. Свадьба происходила зимой. Молодыхъ только что привезли изъ Любца отъ вѣнца въ Пе́ртовку. Я сижу у нихъ въ комнатѣ, въ людской, наверху. Комната довольно тускло освѣщена сальными свѣчами. На столѣ, накрытомъ грубой скатертью, стоятъ нѣсколько тарелокъ съ пряниками, калеными орѣхами, леденцами. По близости на полкѣ видна еще тарелка съ пряниками: это не такіе, какъ

тѣ, что передо мной—не покрыты краснымъ слоемъ, а бѣлые, мятные, вкусъ ихъ мнѣ хорошо знакомъ. Они отставлены въ сторону для пріема самыхъ почетныхъ гостей—моихъ родителей, которые должны сейчасъ быть. Вотъ дверь въ комнату распахивается, влетаетъ Ванюшка поваренокъ и кричитъ: „Баре идутъ". Молодые, радостные и вмѣстѣ испуганные, хватаютъ со стола свѣчи и опрометью бросаются въ сѣни, перевѣшиваются черезъ перила и свѣтятъ внизъ.

Молодой, Поликарпъ Семенычъ, одѣтъ франтомъ: черная суконная поддевка, застегнутая на всѣ крючки, сидитъ на немъ очень недурно. Изъ-подъ нея виднѣется красная кумачевая рубаха. Шея повязана блестящимъ чернымъ атласнымъ галстухомъ. Рыжая борода старательно расчесана. Молодая, Афанасья, одѣта тоже не хуже супруга: клюковнаго цвѣта кисейное платье съ плечъ почти до самыхъ пятокъ прикрываетъ пестрая шаль, подаренная ей барыней. Въ головѣ воткнуто нѣсколько фальшивыхъ розановъ.

Между тѣмъ, съ верху до-низу лѣстницы, вдоль стѣнъ, прижались знакомые и родственники молодыхъ, преимущественно старики и старухи. Они настойчиво желаютъ воспользоваться благопріятной минутой, чтобы поближе взглянуть на своихъ повелителей и пониже поклониться. Морщинистыя, закорузлыя руки ихъ съ совершенною покорностью сложены на животахъ. Спины и шеи какъ-бы заранѣе приготовлены отвѣшивать низкіе, низкіе, протяжные поклоны. Я смотрю сверху, но не черезъ перила, а сквозь нихъ, причемъ пробую, пролѣзетъ-ли моя голова между перекладинками? Туда-то она лѣзетъ свободно, а назадъ съ трудомъ—угловатыя стойки рѣжутъ мнѣ уши.

Внизу засуетились. Молодые значительно толкаютъ другъ друга, переглядываются, жена шепчетъ что-то на ухо мужу, и оба притихаютъ. Наружная дверь широко распахивается. Густой потокъ морознаго воздуха врывается во внутрь избы и обдаетъ стоящихъ, даже и до меня добирается; сквозь тоненькія панталончики я чувствую, какъ колѣни мои моментально начинаютъ зябнуть. Свѣтъ нѣсколькихъ свѣчекъ на минуту ясно обрисовываетъ, хотя и расчищенное, но все-таки грязное

крыльцо, а по бокамъ его—груды блестящаго, какъ-бы синеватаго снѣгу.

Первымъ входитъ отецъ, въ черномъ ватномъ картузѣ, и въ лисьей шубкѣ съ поднятымъ бобровымъ воротникомъ. За нимъ и мамаша. Нѣсколько мужичковъ бросаются принять ихъ верхнюю одежду. Папаша скидываетъ шубку, затѣмъ, опираясь безъ церемоніи на чью-то шею, стряхиваетъ просторные черные катанки съ очень короткими голенищами, слегка запорошенные снѣгомъ. Мамашѣ холодно, а потому, не скинувъ своей черной шерстяной шубки на бѣличьемъ мѣху, она тихонько подымается по лѣстницѣ за папашей.

— Здравствуйте, кормильцы, батюшки!—восклицаютъ дождавшіеся старики и старухи, и одинъ передъ другимъ лобзаютъ барскія руки. Папаша сегодня въ духѣ.

— Здорово, дѣдушко Иванъ, — какъ тебя Богъ милуетъ, живъ еще? весело обращается онъ съ вопросомъ къ худенькому старичонкѣ, съ высокой пожелтѣлой поярковой шляпой въ рукахъ. Старику должно быть никакъ не менѣе 80-ти лѣтъ, а между тѣмъ волосы его настолько черны, что мало отличаются отъ смуглаго, кофейнаго цвѣта морщинистаго лица, съ жиденькой черной бородкой.

— Твоими молитвами, батюшко, захлебывающимся дребезжащимъ голосомъ тянетъ старикъ, еще болѣе сгорбивъ уже и безъ того горбатую спину. При этомъ онъ устремляетъ на папашу безжизненный, усталый взглядъ, по которому издали трудно опредѣлить, дѣйствительно-ли онъ смотритъ, или только дѣлаетъ видъ. Дѣдушка Иванъ замѣтно прифрантился для сегодняшняго вечера, хотя сквозь всю чистоту его одежды бѣдность проглядываетъ: черный поношенный кафтанъ, доходящій ему только до колѣнъ, подпоясанъ шерстянымъ краснымъ кушакомъ; синіе крашенинные шаровары, совершенно новенькіе, даже глянецъ съ нихъ не сошелъ; должно быть какъ ихъ подарила ему дочка или внучка, такъ они и лежали у его старухи гдѣ-нибудь въ сундукѣ, ожидая подобнаго торжественнаго случая. Штаны заправлены въ тяжелые неуклюжіе сапоги, жирно смазанные дегтемъ. Сапоги, вѣроятно, тоже надѣваются имъ

очень рѣдко; да ужъ его слабенькимъ ногамъ, согнутымъ въ колѣнкахъ, какъ у разбитой лошади, и не подъ силу таскать ихъ.

Господамъ остается еще нѣсколько ступенекъ. Молодые, ожидавшіе ихъ на площадкѣ, какъ по командѣ—бултыхъ въ ноги, при чемъ я замѣчаю, что молодая, очень быстро и ловко, постилаетъ передъ собой подолъ платья, и въ такомъ положеніи остаются оба до тѣхъ поръ, пока господа не подходятъ и не подымаютъ ихъ. Съ какимъ подобострастіемъ бросаются они оба цѣловать барскія руки, полы платья; какая преданность, покорность выражаются на ихъ добрыхъ лицахъ! Папаша и мамаша очень благосклонно обходятся съ ними и незамѣтно суютъ въ руки по кредитной бумажкѣ, затѣмъ проходятъ въ комнату, которой небольшая часть, вмѣстѣ съ русской печкой, отдѣлена тесовой перегородкой.

Перегородка оклеена раскрашенными лубочными картинками; изъ всѣхъ этихъ картинъ осталась въ моей памяти „Полтавскій бой“, гдѣ Петръ I представленъ скачущимъ по головамъ своихъ войскъ, какъ по булыжникамъ мостовой. Тотъ самый столъ, за которымъ я за минуту передъ тѣмъ сидѣлъ, теперь уже накрытъ свѣжей скатерткой, между старымъ угощеньемъ стоитъ и тарелка съ мятными пряниками, моими любимыми, и круглый опарный пирогъ съ малиновымъ вареньемъ. Кромѣ того, нѣсколько бутылокъ съ наливками и графинъ водки.

Вслѣдъ за господами, одинъ за другимъ осторожненько пробираются въ комнатку бывшіе на лѣстницѣ. Они тихонько входятъ, крестятся на образа, кланяются намъ, шопотомъ переговариваются между собой, при чемъ бабы и старухи шепчутъ такъ, что намъ все ясно слышно, и, скопившись въ уголъ, съ какимъ-то безмолвнымъ удивленіемъ устремляютъ глаза на своихъ властителей.—Вотъ и дѣдушка Иванъ съ трудомъ переступаетъ черезъ порогъ комнатки. За нимъ тащится и жена его, такая-же старая, какъ и онъ, въ темномъ крашенинномъ сарафанѣ, такомъ-же новомъ, какъ и дѣдушкины штаны, да и цвѣта-то они того-же самого. Сарафанъ у старушки по серединѣ, во всю длину, застегивается на круглыя оловянныя

пуговки. Мнѣ въ это время представляется, „какъ-бы хорошо было пообрѣзать у старухи этихъ пуговокъ и пострѣлять ими изъ самострѣла—какъ-бы онѣ далеко полетѣли-бы!—Сверхъ сарафана надѣта на ней полинялая желтая кацавейка, опушенная бѣлымъ заячьимъ мѣхомъ. Голова повязана темнымъ платкомъ въ видѣ треугольника. Старушка держитъ въ рукахъ грязный,темный узелокъ съ гостинцами. Морщинистыя складки на ея лицѣ, въ особенности на скулахъ, отвисли и болтаются: глаза узенькіе, гнойные, слезистые. Вообще все лицо ея имѣетъ такое выраженіе, какъ если-бы старушка собиралась плакать.

Баринъ съ барыней проходятъ въ передній уголъ и садятся подъ образами, около которыхъ на полочкѣ уже стоятъ новенькія свадебныя свѣчи, не успѣвшія еще запылиться.

Мамаша скидываетъ свою шубку на руки молодой. Та, запыхавшись, не знаетъ куда шубку помѣстить поудобнѣе; бросается туда, сюда, и кончаетъ тѣмъ, что бережно складываетъ ее мѣхомъ кверху, точно святыню какую, и кладетъ возлѣ самой барыни, хотя жара въ комнатѣ и безъ шубы невыносимая. Я примащиваюсь поближе къ тарелкамъ и запускаю всю пятерню въ мятные пряники. Папаша видитъ это и пребольно шлепаетъ меня по рукѣ, приговаривая: „Что жадничаешь!“ Веселость моя сразу исчезаетъ; я краснѣю и нѣкоторое время стыжусь смотрѣть вокругъ себя. Молодая ставитъ на столъ подносъ съ двумя рюмками; мужъ ея дрожащими руками наполняетъ ихъ наливкой пунцоваго цвѣта и съ поклономъ и безмолвно подаетъ.

— Пожалуйте, Василій Василичъ, Анна Микалавна, отвѣдайте-ка сладенькой-то, торопливо визжитъ изъ-за мужниной спины Афанасья, вся раскраснѣвшись, суетится и подсовываетъ господамъ тарелки съ гостинцами и пирогомъ.

— Ну, давай вамъ Богъ миръ да согласье, говоритъ отецъ и выпиваетъ съ полъ-рюмки.—Совѣтъ да любовь, улыбаясь прибавляетъ мамаша, чуть-чуть пробуетъ, ставитъ рюмку на подносъ и бросаетъ снисходительный взоръ на прижавшихся въ углу остальныхъ гостей. Во взглядѣ этомъ можно прочесть, что мамаша уже привыкла ко всей этой раболѣпности. Она

видимо сознаетъ свое могущество надъ присутствующими, въ противуположность ихъ полнаго ничтожества передъ нею. Папаша такого взгляда не кидаетъ, онъ даже совсѣмъ не тѣмъ занятъ: пристально уперъ онъ свое хозяйское око въ закоптѣлый потолокъ и задумчиво разглядываетъ трещины; затѣмъ спускается взоромъ ниже, всматривается въ бревенчатыя стесанныя стѣны, отыскиваетъ глазами копошащихся кой-гдѣ въ щеляхъ таракановъ, и скинувъ рукой одного изъ нихъ, успѣвшаго уже залѣзть къ нему за воротникъ, равнодушно смотритъ на мамашу, зѣваетъ и чешетъ затылокъ. Мамаша шепчетъ отцу что-то на ухо.

— Allons, ma bonne amie, allons—тянетъ онъ, послѣ чего, не торопясь, оба подымаются. Молодые опять бросаются какъ угорѣлые помогать одѣваться, цѣлуютъ руки и съ поклонами провожаютъ ихъ до самаго низу.

Во время проводовъ, лица той и другой стороны казались такими, по которымъ можно-бы предположить, что миръ и согласіе заключены надолго. Но я не вѣрю этому, и дѣйствительно, не прошло мѣсяца, бѣгу я какъ-то утромъ на конюшню, волоча за собой маленькія саночки, смотрю: Поликарпъ чиститъ привязанную у столба нашу любимую лошадку „Машку“. Видъ его какой-то странный: волосы растрепаны, полушубокъ изорванный; лицо опухшее, въ особенности вѣки: они почти совсѣмъ закрыли глаза. Вся одежда на немъ, за исключеніемъ высокихъ сѣрыхъ катанковъ съ протоптанными пятками, сидитъ какъ-то особенно. Громко ругая и проклиная часъ своего рожденія, сердитый чиститъ Поликарпъ лошадь: кричитъ, дергаетъ за поводъ и бьетъ ее, ничѣмъ не повинную, концомъ валенка въ животъ.

Я спрашиваю его о чемъ-то — молчитъ. Бѣгу назадъ къ нянькѣ; та въ это время вышла изъ дому на крыльцо, машетъ мнѣ и кричитъ:—„Рукавички забылъ, Сашенька, у-у-у!“ Я подбѣгаю къ ней и спрашиваю:

— Няня, отчего Поликарпъ такой сердитый?

— Оставь его, мой роженый, пущай, успокоиваетъ она,

надѣвая мнѣ рукавички. — Папенька приказалъ его утромъ высѣчь!

Другой кучеръ, Моисей, или, какъ мы его звали, Мосей, во многомъ разнился отъ Поликарпа. Какъ Поликарпъ былъ въ трезвомъ видѣ молчаливъ и неповоротливъ, такъ этотъ, напротивъ, вертлявъ и болтливъ. Ѣздилъ плохо, безпрестанно стегалъ лошадей и непремѣнно норовилъ ударить нѣсколько разъ по одному и тому-же мѣсту, преимущественно по ногамъ и подъ брюхо, отчего лошади у него постоянно лягались и вертѣли хвостами. Привычка была у него мызгать, и до того другой разъ надоѣстъ отцу въ дорогѣ, что тотъ закричитъ:—„Да перестанешь-ли ты мызгать, вѣдь ужъ у меня уши заболѣли".

Всѣ эти привычки онъ усвоилъ въ Москвѣ, гдѣ былъ нѣкоторое время въ извощикахъ.

Въ дорогѣ у Мосея навѣрно что-нибудь да случится, безъ этого ни одна поѣздка не обходилась: или гужъ лопнетъ, или постромка оборвется, а то и колесо съ оси скатится, и это случалось часто. На облучкѣ не могъ онъ сидѣть смирно, все ёрзалъ съ одной стороны на другую, сто разъ выдернетъ изъ подъ себя кнутъ, стегнетъ лошадей, опять спрячетъ, и т. д., пока не получитъ отъ отца тумака въ шею.

Въ двухъ вещахъ сходился онъ съ Поликарпомъ: въ пьянствѣ и ѣдѣ.

Въ первомъ оба были совершенно одинаковы, во-второмъ была нѣкоторая разница. Поликарпъ до страсти любилъ сочни, которыя пеклись у насъ по праздникамъ на кухнѣ, очень большiе, съ тарелку величиной, довольно толстые, прѣсные и почти совершенно безъ масла. Поликарпъ съѣдалъ такихъ до сорока штукъ въ одинъ присѣстъ.

Мосей души не чаялъ въ пареной брусникѣ съ ѳолокномъ. За это кушанье онъ что угодно готовъ былъ сдѣлать; бывало надъ нимъ вся дворня трунила:

— А что, Мосей, брусники съ толокномъ хошь?

— Давай!

— А съ мухами станешь жрать?

— Давай!

Ну вотъ ему и надавятъ въ чашку съ брусникой мухъ, и онъ ѣстъ какъ ни въ чемъ не бывало. За это лакомство переплывалъ онъ Шексну взадъ и впередъ два раза не отдыхая; а рѣка у насъ около ста сажень шириною.

Былъ у Мосея сынъ Алексѣй; сѣкъ онъ его чуть не каждый день, сколько попало, чѣмъ попало и почемъ попало за всякую малость; и въ то самое время, какъ Алешка пляшетъ бывало отъ боли, Мосей достанетъ изъ кармана пряникъ или бубликъ, подастъ ему и, поглаживая по головкѣ, уговариваетъ:—„Ну, на, ѣшь, чего нюни-то распустилъ? Вѣдь не тебя одного порютъ. Вонъ, смотри, какъ баръ-то дерутъ".

Садовникъ Илья всею фигурою рѣзко запечатлѣлся въ моей памяти. Очень большого роста, съ длинными косматыми волосами съ просѣдью; на лбу носилъ ремешекъ, который препятствовалъ спадать волосамъ на глаза; всегда съ небритымъ подбородкомъ и съ щетинистыми усами; видъ его наводилъ на меня нѣкоторый непонятный страхъ; говорилъ онъ громко, немного сиплымъ голосомъ, ходилъ въ темно-синей клѣтчатой крашенинной рубахѣ, съ растегнутымъ воротомъ, причемъ на груди всегда виднѣлся мѣдный крестикъ на грязномъ шнуркѣ. Рубаху подпоясывалъ краснымъ шерстянымъ узенькимъ пояскомъ „со словами"; съ боку болтался мѣдный гребень. На ногахъ свѣтло-синіе крашенинные шаровары и громадные башмаки на босу ногу. Очень много нюхалъ табаку, причемъ свою огромную берестяную тавлинку, или, какъ нянька называла, „буракъ" засовывалъ или за голенище, если и бывалъ въ сапогахъ, или просто за пазуху рубахи.

Когда ни прибѣжишь бывало въ огородъ или въ садъ, Илья ужь непремѣнно тамъ, сидитъ между грядами и вѣчно безъ шапки; но не думайте, чтобы онъ былъ ужь такъ старателенъ: нѣтъ, онъ плелъ преспокойно корзинки изъ лыка,

которое ему доставляли пастухи, и тайкомъ продавалъ ихъ въ городъ.

Какъ теперь слышу мамашинъ голосъ въ саду: — Илья, Илья!

— Кхм, кхм! Здѣсь я, Анна Николавна, слышался отвѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ все его огромное туловище показывалось изъ-за гряды; корзинки, конечно, спрятаны въ траву и самъ онъ роется въ землѣ.

Поликарпъ и Мосей были пьяницы, словъ нѣтъ; но Илья былъ архи-пьяница, пилъ запоемъ, подолгу. Что съ нимъ ни дѣлали, какъ его ни наказывали, ничего не помогало. Илья такъ до самой смерти и остался неисправимымъ. Ко всему этому онъ имѣлъ привычку заѣдать запахъ водки чеснокомъ, вслѣдствіе чего приближеніе его было слышно на значительномъ разстояніи, и говорить съ нимъ близко было просто невозможно. Какъ только онъ приходилъ въ прихожую, то тотчасъ распространялъ отъ себя запахъ, точь-въ-точь такой, какъ въ кабакахъ. Если-бы не его жена Варвара, которая была сначала ключницей, потомъ любимою мамашиною горничною, то, мнѣ кажется, Илья давно былъ-бы сданъ въ солдаты.

Еще припоминаю маленькую, небритую фигуру старика лакея, Игнатія Абрамыча, онъ-же былъ у насъ и портной; но его уже едва-едва помню, и то только потому, что у меня до сихъ поръ остался тотъ страхъ, съ какимъ я заглядывалъ въ дверную скважинку, передъ тѣмъ, чтобы пробѣжать лакейскую: тамъ-ли Игнатій Абрамычъ. Поджавши ноги, на столѣ, съ огромными очками на концѣ носа, постоянно сидѣлъ онъ и что-нибудь шилъ или кроилъ; и какъ только замѣчалъ, что я бѣгу, тотчасъ-же перегибался со стола и, глядя черезъ очки, старался достать меня иголкой пониже спины, приговаривая при этомъ: „Ишь ты опять бѣжишь, пострѣленокъ“. Я-же, прижимаясь къ стѣнѣ и защищаясь ладонью, пробѣгалъ мимо него насколько возможно быстро.

Въ Пертовкѣ, по большимъ праздникамъ, какъ напримѣръ Кузьмы-Демьяна, Фрола и Лавра, для дворовыхъ людей устраивалось особое угощеніе, и какъ въ деревнѣ крестьяне варили пиво, то и у насъ тоже варили. Папаша, свыкшись съ тою мыслью, что пьянство ему не искоренить, смотрѣлъ въ такіе праздники на подгулявшихъ сквозь пальцы, и даже въ нѣкоторомъ отношеніи самъ поблажалъ этому. Такъ напримѣръ пива варилось у насъ столько, что вся дворня могла имъ и безъ водки напиться.

Опишу празднество въ день Кузьмы-Демьяна, 1-го іюля *).

День солнечный, теплый. На дворѣ передъ господскимъ крыльцомъ бабы разставляютъ длинные столы изъ людской кухни. Стряпуха кухарка Ульяна, грубая и очень некрасивая, съ утра и до вечера ругавшаяся съ дворней, съ недовольнымъ видомъ раскладываетъ на столахъ полубѣлые пироги съ пшенной кашей и творогомъ. Ломти чернаго хлѣба, пальца въ два толщиной, тоже разложены по столамъ. По утоптанной узенькой тропинкѣ, ведущей отъ погреба къ дому, поваръ Михайло, вмѣстѣ съ сыномъ Ванюшкой, съ озабоченнымъ видомъ тащатъ ушатъ съ пивомъ и ставятъ нарединѣ стола. За ними спѣшитъ толстая ключница Анисья Романовна съ желѣзной ендовой (родъ большой чаши съ рыльцемъ) въ рукахъ.

Вся дворня, староста и многіе изъ мужичковъ, кто поисправнѣе, сбираются на барскій дворъ „проздравить" помѣщика.

Всѣ они теперь безъ шапокъ толпятся около столовъ. Папаша выходитъ на крыльцо и здоровается съ крестьянами.

— Зд-д-равствуйте р-р-ебята, п-п-поздравляю васъ съ п-праздникомъ, говоритъ онъ немного заикаясь.

— И тебя также, кормилецъ нашъ, проздравляемъ! Спасибо, батюшко, покорно благодаримъ, Василій Василичъ! раздается въ толпѣ нестройно и растянутымъ голосомъ.

Впереди всѣхъ я вижу старосту Алексѣя, высокаго худощаваго мужика съ темными кудреватыми волосами и очень симпатичнымъ лицомъ. Его черный суконный кафтанъ порыжѣлъ

*) Покровители скота.

отъ времени и казался коричневымъ. Подпоясанъ онъ краснымъ шерстянымъ кушакомъ.

Какъ я себя помню, такъ и старосту Алексѣя, такъ какъ онъ ежедневно являлся къ папашѣ за приказаніями, причемъ, дожидаясь въ лакейской, держалъ свою огромную поярковую шляпу обѣими руками у живота. Изъ шляпы всегда торчалъ засаленный ситцевый платокъ. И такъ какъ, во время разговора съ папашей, Алексѣй находился нѣсколько въ согнутомъ положеніи, поэтому и шляпа его приходилась очень низко. Хорошо помнится мнѣ, что я съ братомъ Алешей часто подбѣгали въ такія минуты къ старостѣ и приподнявъ со дна шляпы платокъ, заглядывали, нѣтъ-ли тамъ чего подъ нимъ, такъ какъ Алексѣй нерѣдко приносилъ намъ изъ дому гостинцевъ: лепешекъ, яицъ, сусляниковъ*) и т. п. Приносилъ онъ намъ это не въ карманѣ, а такъ прямо въ шляпѣ на головѣ, заложивъ ихъ платкомъ.

Позади Алексѣя старосты стоятъ другіе представители пертовскихъ домохозяевъ. Ближе всѣхъ Яковъ Трифоновъ, средняго роста, съ черными съ просѣдью волосами и небольшой бородкой. Говорилъ онъ бабьимъ тягучимъ голосомъ, причемъ шепелявилъ. Любилъ выпить, и по праздникамъ всегда былъ навеселѣ. Яковъ умѣлъ хорошо ловить рыбу и когда папаша спрашивалъ у него крупныхъ стерлядей, то Яковъ, отмѣривая правой рукой на лѣвой четверти полторы, восклицалъ: „Ей-Богу, Васій Васічь, вотъ евдонькая попая, подмѣйочекъ**), ей-Богу подмѣйочекъ хибинька (рыбинька), нѣтъ кхупной, нѣтъ!“ Говорилъ-же Яковъ такимъ жалостливымъ умоляющимъ голосомъ, что папашѣ невольно приходилось соглашаться. Иногда-же онъ сердился, и приказывалъ старостѣ Алексѣю наказать Якова на конюшнѣ, тогда Яковъ бросался передъ папашей на колѣни и кричалъ: „Васій Васічь, отецъ годной, ей-Богу нѣту кхупной, повѣй, повѣй“ (т. е. повѣрь).

*) Пряники, самые дешевые.

**) На Волгѣ и Шекснѣ стерлядей покупаютъ на мѣру, причемъ мѣряютъ отъ глаза и до начала хвоста. Рыба короче семи вершковъ считается подмѣркомъ и цѣнится дешево.

Рядомъ съ Яковомъ Трифоновымъ стоитъ Иванъ Оборинъ, самый высокій мужикъ во всей деревнѣ, съ длинной русой бородой и выпученными глазами. Голоса его я не помню, такъ какъ Оборинъ больше молчалъ. По праздникамъ всегда напивался и вступалъ въ драку, преимущественно съ посторонними мужиками: ольховскими, любецкими и другими. Оборину на моей памяти неоднократно проламывали голову кольями, полѣньями и чѣмъ попало. Иванъ Оборинъ былъ великъ и силенъ, поэтому я представлялъ себѣ въ лицѣ его Еруслана Лазаревича, о которомъ намъ няня иногда разсказывала.

Дворовые наши: Поликарпъ, Мосей, Илья, ткачъ Савелій и нѣсколько другихъ, всего человѣкъ 9—10, столпились тутъже, около столовъ, но держатся отдѣльно. Вотъ баринъ уходитъ въ комнаты и картина на дворѣ измѣняется. Первымъ приступаетъ къ пиву староста Алексѣй. Онъ бережно снимаетъ съ края ушата свѣтлый жестяной ковшикъ, подчерпываетъ имъ пиво и, проговоривъ направо и налѣво „съ праздникомъ", тихонько выпиваетъ, затѣмъ беретъ кусокъ пирога, осторожно кладетъ его на дно шляпы, прикрываетъ платкомъ, и, держа шляпу обѣими руками, мѣрнымъ шагомъ направляется черезъ дворъ къ деревнѣ. За старостой приступаетъ къ пиву съ сіяющимъ лицомъ Яковъ Трифоновъ. „Бгагосгови Господи и бахна, и бахню, и дѣтокъ ихъ", крикливо восклицаетъ онъ бабьимъ шепелявымъ голосомъ и размашисто крестится, искоса посматривая на барскія окна. Но только что Яковъ взялся за ковшикъ, какъ съ господскаго крыльца стремительно спускается поваръ Михайло. Лицо по обыкновенію сумрачное, животъ повязанъ бѣлымъ фартукомъ. Какъ-бы мимоходомъ, не нарочно, подбѣгаетъ онъ къ Якову, почти вырываетъ у того ковшикъ и, воскликнувъ: „Дай-ко поскорѣй—глотнуть, бѣжать надо готовить", быстро осушаетъ; затѣмъ встряхиваетъ волосы, и, наклонившись по обыкновенію туловищемъ впередъ, такъже поспѣшно продолжаетъ свой путь въ поварскую.

— Бгагосгови Господи и бахна, и бахню, и дѣтокъ ихъ, снова начинаетъ выкрикивать Яковъ, нѣсколько ошеломленный дѣйствіемъ Михайлы, и осушаетъ ковшикъ. За нимъ пьютъ осталь-

ные мужики,—они, какъ гости, пьютъ раньше дворни. Дворовые-же стоятъ и тоскливо дожидаются, когда дѣло дойдетъ до нихъ. Послѣднимъ изъ мужичковъ берется за ковшикъ Иванъ Оборинъ. Дворовые гурьбой тѣснятся къ ушату. Я любилъ смотрѣть, какъ они пьютъ, а потому подвигаюсь ближе къ нимъ. Слышатся возгласы: „Ну, Мосей, за Оборинымъ валяй ты". Очевидно, вся дворня знала, насколько Мосею было тяжело дожидаться очереди. Мосей не заставляетъ себя упрашивать: онъ рѣшительно подходитъ къ столу, скидаетъ свою фуражку подъ столъ, какъ вещь совершенно ненужную ему въ настоящую минуту, и берется, но не за ковшикъ, а прямо за ендовку. Наливаетъ ее полную изъ ушата, и обхватываетъ ладонями. Отъ удовольствія что-ли, слегка поводитъ спиной; оттопыриваетъ губы точно насосъ какой и, поднесши сосудъ ко рту, сдуваетъ пѣну и, не взглядывая ни на кого, принимается пить. Пьетъ долго и безъ отдыха. Стоящіе рядомъ даже не смотрятъ на него, зная хорошо, что Мосей не скоро отступится, а только вздыхаютъ, кашляютъ и изрѣдка переглядываются.

— И вѣдь чему пить, мразь евдакая! сердито ворчитъ Поликарпъ, расправляя пальцами свою рыжую бороду. Онъ крѣпко золъ въ эту минуту на Мосея. Дѣйствительно, мнѣ маленькому даже страшно становилось въ такія минуты за Мосея. Худощавенькій, плюгавенькій въ сравненіи съ другими, Мосей выпивалъ пива баснословное количество; мнѣ все казалось, что животъ его разомъ лопнетъ и окатитъ насъ всѣхъ пивомъ. А Мосей все пьетъ и пьетъ. Пиво холодное, вкусное. Мосей вѣроятно рѣшилъ въ душѣ допить всю ендову. И онъ уже къ концу подходитъ, уже ему наклонять ее приходится.

— Чортъ, дьяволъ, лопнешь! — слышатся опять возгласы позади его.—Куда въ него лѣзетъ!—Но Мосей и ухомъ не ведетъ, допиваетъ все до капли, даже оставшуюся по краямъ пѣну и ту всасываетъ въ себя съ наслажденіемъ и ставитъ ендову на мѣсто. Покончивъ такимъ маперомъ, онъ не дотрогивается ни до пирога, ни до мяса, а прямо направляется на сѣновалъ, гдѣ стоятъ экипажи и, забравшись въ одну изъ кибитокъ, укладывается поудобнѣе и засыпаетъ.

— Ну, чрево! ворчитъ Поликарпъ нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ. Очередь пить за нимъ; онъ боится осрамиться противъ Мосея, но тоже берется за ендову толстыми, мозолистыми руками и, прошептавъ: „Господи Іисусе", погружается краснымъ лоснящимся лицомъ вмѣстѣ съ рыжими усами и бородой въ бѣлую пушистую пѣну. Но у Поликарпа не хватаетъ столько „духу", какъ у Мосея, поэтому минуты черезъ двѣ или три, онъ приподнимаетъ голову, восклицаетъ: „уфъ!", набираетъ грудью сколько можетъ воздуху и снова припадаетъ къ ендовѣ. За Поликарпомъ пьетъ Илья. Онъ пьетъ такъ-же какъ и Поликарпъ, съ передышкой. Причемъ нѣсколько разъ откашливается своимъ басистымъ, какъ изъ бочки, голосомъ, достаетъ берестяную тавлинку изъ-за голенища, нюхаетъ, опять откашливается и опять пьетъ. Онъ нѣсколько разъ чередуется съ Поликарпомъ и до тѣхъ поръ оба возятся около ушата, пока не кончаютъ до дна, послѣ чего, обнявшись, уходятъ пьянствовать по деревнѣ.

ГЛАВА II.

Няня Анна Ларивоновна.

Дѣтскія комнаты наши, какъ я уже сказалъ, помѣщались внизу. Въ одной изъ нихъ, на лежанкѣ, любила грѣться старушка няня. Истопитъ она лежанку такъ, что нельзя дотронуться, и взберется на нее, да еще голой спиной уляжется, и охаетъ, и зѣваетъ и крестя ротъ, приговариваетъ: Лежите, дѣтушки, спите, рожоные, Христосъ надъ вами, охъ-хо-хо, и, выбившись изъ силъ отъ жары, приподымется, сядетъ на печку, почешется, посмотритъ на насъ, какъ на какое-нибудь сокровище, тутъ-ли дескать оно, послюнитъ пальцы, сниметъ съ нагорѣвшей сальной свѣчки и снова уляжется, только ужъ на этотъ разъ бокомъ.

Мамаша рѣдко заглядывала на нашу половину. Появленіе ея у насъ обыкновенно случалось по вечерамъ, когда насъ укладывали спать, и напоминало мнѣ впослѣдствіи появленіе директора гимназіи въ классахъ. Какъ тамъ кто-нибудь изъ учениковъ предупреждалъ о приходѣ и учитель съ подобострастіемъ вставалъ съ каѳедры для встрѣчи, такъ и тутъ, которая-нибудь изъ горничныхъ извѣщала няню, и та суетливо

начинала прибирать все что попадало ей подъ руку и уговаривала насъ смирно лежать. Мы притворяемся, что спимъ, я чуть-чуть щурю глаза, и со страхомъ вижу, что входитъ мамаша. На ней ситцевое платье съ синими крапинками, на головѣ знакомый мнѣ бѣленькій шелковый платочекъ, въ рукахъ зонтикъ.

— Что, нянька, дѣти спятъ? строго спрашиваетъ она.

— Спятъ, матушка, спятъ! и при этомъ складываетъ смиренно руки на животъ, кланяется въ поясъ, и въ то-же время, не смѣя коснуться рукой, старается губами изловить и поцѣловать барынину руку.

— Ну, смотри, Анна, если дѣти не будутъ слушаться, скажи мнѣ.—И послѣ этого она тѣмъ-же мѣрнымъ шагомъ удаляется, сопровождаемая низкими поклонами.

Няня, въ свою очередь, любила насъ безъ памяти и всячески скрывала всѣ наши шалости и проказы. Когда она только спала—вотъ это составляетъ секретъ для меня до сихъ поръ. Когда, бывало, ни проснешься, только закричишь: Няня! тотчасъ-же она является, въ длинной бѣлой рубашкѣ изъ грубаго холста, съ растрепанными волосами и маленькой заплетенной косичкой; морщинистое лицо ее озабочено.

— Что, батюшка, что, свѣтикъ, что, рожоный мой? Испить не хочешь-ли? и подаетъ кружку съ квасомъ, которая постоянно стояла на окошкѣ, покрытая отъ мухъ бумагою; въ квасу мокнутъ ржаные сухари для вкуса. Какъ сейчасъ вижу эту кружку, съ обломанной ручкой, трещиной во всю длину, перевитую желтоватой берестой.

Няня очень любила нюхать табакъ. У нея былъ берестяной бурачекъ. Буракъ этотъ служилъ предметомъ вѣчныхъ ея розысковъ; какъ только захочетъ нюхать, давай искать: ищетъ, ищетъ, нѣтъ, пропалъ:—Чтой-то Господи, куда-же я его запропастила?—И въ то же время искоса поглядываетъ на насъ. Мы не можемъ утерпѣть и смѣемся.—Ужъ такъ и знала, что вы задѣвали буракъ. Подайте мнѣ сейчасъ, а то, право, мамашенькѣ пожалуюсь! кричитъ старушка, стараясь казаться на-

сколько возможно сердитою. Ее такъ и звали люди табачницею.

Любимую пищу няни составляли чай, въ скоромные дни съ молокомъ; пареная брюква, брусника и тому подобныя вещи.

Я началъ помнить няню уже беззубою. Бывало, скажешь ей: „Няня, покажи-ка, сколько у тебя зубовъ?“ Она сейчасъ-же оскаливала свои гладкія, какъ у младенца, десны, и проводя по нимъ пальцами, приговаривала: „Во, батюшко, во во здѣсь только одинъ и остался!“ и тыкала въ оставшійся глазной зубъ. Отъ времени зубъ этотъ сдѣлался темнокоричневымъ, и торчалъ во рту, какъ древнее дерево среди открытой дубравы. Всѣ тяжести и невзгоды, когда нянѣ приходилось разжевывать корочку, падали на этотъ злосчастный зубъ. И доставалось-же тогда ему! Долго шамкала, суслила и переворачивала няня языкомъ корку, и такъ и этакъ, стараясь попасть половчѣе, все напрасно. Кончала она обыкновенно тѣмъ, что брала корку обѣими руками и точно о крюкъ какой соскабливала объ него всю мякоть, на чемъ и успокоивалась.

Четверо старшихъ братьевъ были уже давно въ корпусѣ, между тѣмъ, какъ я съ братомъ Алешей подростали въ деревнѣ. Жилъ я съ нимъ дружно, но это не мѣшало намъ драться чуть-ли не каждый день. До чего, до чего мы дрались! Ну точь-въ-точь какъ пѣтухи сцѣпимся, и кровь изъ насъ такъ и сочится, какъ изъ пѣтуховъ, только вмѣсто гребешковъ у насъ страдали носы. Достаточно было кому-либо изъ гостей или изъ своихъ подразнить: — Что, дескать, ты, Алеша, или Саша, улепеталъ отъ брата, — какъ уже мы бросались и тузили другъ друга изо всѣхъ силъ. Драки происходили гдѣ-нибудь въ углу, втихомолку, такъ какъ папаша не терпѣлъ этого. Заслышавши его шаги, мы тотчасъ-же мирились, цѣловались и изъ злѣйшихъ враговъ становились лучшими друзьями. Но, случалось, отецъ заставалъ насъ врасплохъ, тогда дѣло кончалось плачевно: — Что, опять драться! кричалъ онъ, — ну, дѣлать нечего, пойдемте, я васъ помирю. — О, ужасъ! насъ ведутъ сѣчь! Подпрыгивая, умоляя, бѣжимъ мы

за нимъ, хватаемъ за рукава и забѣгаемъ впередъ, останавливаемъ и не даемъ ему ходу: — Миленькій, папашенька, голубчикъ, дорогой мой, простите, мы никогда не будемъ!—Цѣлуемъ его, умоляемъ; но папашу ничто не беретъ, онъ отталкиваетъ насъ сердито и говоритъ:—Отвяжитесь вы отъ меня!— Затѣмъ выдергиваетъ по пути изъ вѣника нѣсколько самыхъ гибкихъ прутьевъ, очищаетъ сухіе листочки и ведетъ въ прихожую, гдѣ и начинается расправа. Раньше достается Алешѣ, какъ старшему, но это для меня еще хуже, такъ какъ я долженъ смотрѣть на его мученья.

Отецъ производилъ эту операцію прехладнокровно. Сядетъ въ халатѣ на стулъ и, глядя на насъ безучастными глазами, держитъ лѣвой рукой брата, правой въ то-же время старается разстегнуть его штанишки, а такъ какъ они держатся только на одной пуговкѣ, то мы всѣми силами препятствуемъ этому. Но борьба неравная. Глядя въ эту минуту на Алешу, я, со слезами, отплясываю трепака и цѣлую папашу; называю его всѣми ласковыми именами, какія только приходятъ мнѣ на память. Но все напрасно. Покончивъ съ Алешей и стегнувъ его еще на прощанье нѣсколько разъ, въ то время, какъ уже тотъ уползаетъ отъ него на корточкахъ, отецъ берется за меня и производитъ то-же самое.

Получивъ, какъ и Алеша, въ догонку нѣсколько ударовъ по чемъ попало и поерзавши нѣсколько секундъ больнымъ мѣстомъ по холодному полу для облегченія, я съ плачемъ убѣгаю въ дѣтскую, придерживая обѣими руками незастегнутые штанишки. Няня съ воемъ встрѣчаетъ, обнимаетъ меня и немедленно свидѣтельствуетъ побитыя мѣста, при чемъ восклицаетъ:

— Экой папашинька озорникъ-то! Нако-се, все по одной-то половинкѣ! Смотри какъ зарумянилась, и старушка плачетъ отъ жалости.

Все лѣто мы проводимъ съ Алешей на дворѣ. Проснувшись и напившись чаю, бѣжимъ прежде всего на конюшню,

осматриваемъ лошадей, оттуда отправляемся въ каретникъ, забираемся на козлы какого-нибудь экипажа, привязываемъ къ оглоблямъ веревочку и, помахивая веревочнымъ кнутомъ, съ крикомъ начинаемъ нескончаемую поѣздку. Надоѣло это—бѣжимъ въ обгонку на рѣчку купаться, по дорогѣ къ намъ пристаютъ дворовые мальчики, и мы всѣ вмѣстѣ, другъ передъ другомъ, стараемся скорѣй раздѣться, разбрасываемъ по пути сапоги, платье, фуражки, такъ что послѣднее разстояніе передъ рѣчкой бѣжимъ нагишомъ, и затѣмъ, съ шумомъ и смѣхомъ, бросаемся въ воду. Тутъ ужъ крику и радости не оберешься: кувыркаемся, прыгаемъ, брызжемъ, ныряемъ, булькаемъ ногами, шалимъ на всѣ манеры. Пробывъ нѣкоторое время въ водѣ, вылѣзаемъ на берегъ и начинаемъ голыми руками копать ямки, причемъ стараемся докопаться до воды. Выкопавъ одну, начинаемъ другую, третью, пока не наскучитъ. Послѣ этого валяемся по берегу въ сухомъ, тепломъ пескѣ, какъ поваръ валяетъ котлетки въ сухаряхъ, и затѣмъ опять бросаемся въ воду. Такъ шалимъ до тѣхъ поръ, пока нянька не уводила насъ обѣдать.

Очень любили мы стрѣлять изъ самострѣловъ, и у каждаго изъ насъ было ихъ по нѣскольку штукъ. Стрѣлки дѣлалъ намъ ткачъ Савелій. Придемъ къ нему въ ткацкую и просимъ: „Савелій, сдѣлай стрѣлочку!“

— Эхъ, некогда-бы, отвѣчаетъ тотъ,—да ужъ баринъ-то больно хорошъ, и начинаетъ стругать.

Вотъ выбѣгаю я на дворъ съ натянутымъ самострѣломъ, кладу стрѣлку въ желобокъ и кричу брату: „Лёля, смотри, я въ вершинку!“ и спускаю шнурокъ. Стрѣла взвивается высоко, такъ что едва видна дѣлается и, достигши высшей точки, какъ-бы останавливается и не хочетъ падать обратно, но затѣмъ тихо дѣлаетъ загибъ и быстро летитъ книзу; бѣда, если упадетъ на камень или на что-нибудь твердое,—навѣрное переломится. Тогда опять пойдутъ просьбы: „Савелій, сдѣлай стрѣлочку!“

Нерѣдко отправлялись мы, въ сопровожденіи толпы деревенскихъ и дворовыхъ мальчиковъ, на рѣчку, ботать рыбу.

Эта ловля состояла въ томъ, что бралась верша и опускалась на дно рѣчки, въ самомъ узкомъ мѣстѣ; промежутки между вершей и берегомъ заваливались чѣмъ попало, дерномъ, щепками, прутьями; затѣмъ мы заходили за полверсты вверхъ по теченію и начинали оттуда бить по водѣ дощечками, насаженными на длинные шесты: это орудіе и называлось ботало. Съ какимъ трепетомъ и ожиданіемъ приближались мы къ вершѣ, съ какимъ усиліемъ начинали бить по водѣ; ну, положительно можно было думать, что верша будетъ полна рыбы. Добрались, приступаемъ, вытаскиваемъ, наперерывъ каждый изъ насъ суется первый взглянуть на результатъ. Вотъ показалась верхушка верши, пока кромѣ тины ничего не видно—дальше будетъ; уже середина видна—ничего нѣтъ, на днѣ будетъ; вотъ и дно—на днѣ два большихъ рѣчныхъ таракана и одна улитка. Щучекъ, которыхъ мы такъ ожидали и которыхъ видѣли въ рѣчкѣ, не оказалось. А какъ выпачкались-то: панталоны, рубашка—все мокрое, все въ грязи. Но эта неудача нисколько насъ не смущаетъ и не отбиваетъ надежды. Отправляемся вторично, и на этотъ разъ удается поймать двухъ щучекъ, вершка въ два, три длиною. Боже мой, сколько радости, съ какимъ торжествомъ несемъ ихъ на кухню, съ какою гордостью подаемъ ихъ повару Михайлѣ! Но каково-же наше огорченіе, когда Михайло, вмѣсто того, чтобы похвалить, взглядываетъ сердито на нашу добычу и, не сказавъ ни слова, бросаетъ рыбки кошкѣ. Та хватаетъ ихъ, и ворча и мурлыкая, сначала рысцей, а потомъ галопцомъ, галопцомъ, загнувши хвостъ въ видѣ вопросительнаго знака, убѣгаетъ въ подполье, а мы съ плачемъ бѣжимъ жаловаться нянькѣ.

Зимой уже намъ не было того приволья и все удовольствіе заключалось въ катаніи съ горъ на корежкахъ. Корежка просто корыто, на дно котораго придѣлывалась скамеечка: къ носу корыта мы привязывали веревочку, чтобы таскать его; дно корыта обмазывалось навозомъ, обливалось водой и обледенялось. Если только позволяла погода, катались съ утра и до сумерекъ, такъ что няня съ трудомъ уводила насъ домой.

Въ долгіе зимніе вечера мы играли въ большой залѣ, гдѣ

становились гуськомъ 5 или 6 стульевъ, продѣвали между спинками веревки и привязывали ихъ къ переднему. Стулья, разумѣется, изображали лошадей, задніе же два покрывали разными платками, шалями и устраивали родъ шалаша, что представляло экипажъ. Мы заберемся туда, дергаемъ за веревки, стулья, шумимъ, стучимъ, машемъ кнутиками, и такъ цѣлый вечеръ.

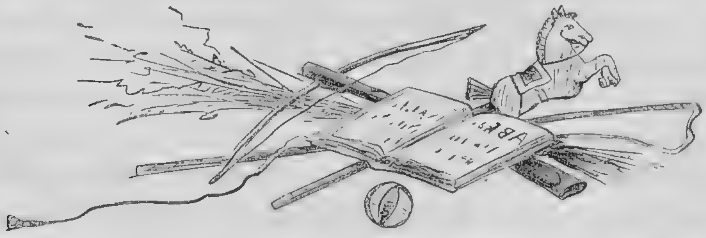
По вечерамъ случалось, когда отецъ бывалъ въ духѣ, то бралъ гитару и пѣлъ. Любимою его пѣснью была:

Братья, рюмки наливайте,
Лейся черезъ край вино,
Все до капли выпивайте,
Осушайте въ рюмкахъ дно.

Пѣлъ онъ тоненькимъ теноркомъ, съ большимъ чувствомъ, и любилъ, чтобы ему подпѣвали. Поэтому, когда онъ пѣлъ, то мамаша то-же старалась попасть ему въ тонъ, хотя это и рѣдко ей удавалось, и она вскорѣ отставала. Тогда отецъ сердился и говорилъ:

— Да ну-же, помогай, матушка Анюта! Что-же ты молчишь!

— Пою, пою, Василій Василичъ, пою—вѣдь ужъ какъ умѣю! возражала она на это нѣсколько обидчиво.



ГЛАВА III.

Сборъ оброка.

Не мало радостей доставлялъ намъ также разнощикъ Семенъ, который ежегодно передъ Рождествомъ пріѣзжалъ къ намъ въ деревню съ нѣсколькими возами краснаго товару и проживалъ у насъ дня по три, по четыре.

Семену было лѣтъ подъ 40, маленькаго роста, полный, краснощекій, съ маленькой русой бородкой и съ подстриженными въ кружокъ волосами. И до обѣда и послѣ обѣда онъ показывалъ свои товары, раскладывая ихъ въ залѣ на полу. Его суровый прикащикъ, высокій, съ черной бородой, то и дѣло вносилъ и выносилъ тяжелые лубяные ящики, затянутые бичевками. Мамаша всѣ эти дни проводила въ разсматриваніи платковъ, шалей, ситцу, матерій, прошивокъ, кружевъ, полотенецъ, шерстей, канвы и всего того, что касалось рукодѣлія и нарядовъ. Мы бѣгаемъ тутъ-же, шалимъ и поглядываемъ, скоро-ли Семенъ покажетъ намъ обѣщанныя игрушки. Вотъ принесли одинъ ящикъ, открыли его, ахъ радость, сколько тутъ дорогаго для насъ: мячики, погремушки, свистульки, резиновыя птички, собачки и, что всего лучше, маленькіе жестяные гар-

монійки, которыя играли, когда проводишь по губамъ. Мы обступили ящикъ и роемся. Семенъ хотя и занятъ другимъ дѣломъ, но не забываетъ, отъ времени до времени, искоса поглядывать, чтобы мы чего-нибудь не затащили.

Горничныя дѣвушки, старыя и молодыя, густой стѣной окружили товары и, сначала несмѣло, выглядываютъ другъ изъ-за друга. Хозяинъ ловко развертываетъ передъ ними интересныя вещи.

— Это-ли ужъ не платокъ, голубушка! расхваливаетъ онъ красивой горничной Любѣ, которая, стоя за спиной своей подруги и оперши̂сь подбородкомъ о ея плечо, масляными глазами посматриваетъ на платокъ.

— Ты изволь, милая, доброту пощупать, и подноситъ ей. Та легонько дотрогивается, хихикаетъ, стыдится и снова прячется за спину пріятельницы.

— Ну, чего-же ты боишься, покупай, если нравится! обращается къ ней мамаша. Она сидитъ на мягкомъ сафьянномъ креслѣ, очень низкомъ; Варюша и Лиля ползаютъ передъ ней на колѣнкахъ и по-очередно показываютъ ей то то, то другое.

— Ахъ, Анна Николавна, вотъ хорошенькій ситчикъ! кричитъ Лиля и тащитъ кусокъ.

— Что ты въ немъ хорошаго нашла, матушка? Положи обратно!

— Сударыня, вы шерсти-то зеленой спрашивали, вотъ есть, коли погодится! восклицаетъ Варюша, показывая. Мамаша смотритъ, отбираетъ нѣсколько мотковъ и откладываетъ въ сторону. Такъ проходитъ день.

Въ тотъ годъ, когда мои родители отвозили Алешу въ М*** корпусъ, я и сестра Маша оставались въ г. Череповцѣ на попеченіи одной нашей короткой знакомой, старушки помѣщицы, Анны Ильиничны, которую мы очень любили. Теперь, право, какъ вспомнишь, точно во снѣ промелькнули всѣ эти знакомыя лица.

Когда начнешь поглубже вдумываться, припоминать по-

дробности лица, манеръ, одежды, всю обстановку квартиры, гдѣ мы когда-то жили, такъ тебя начинаетъ обхватывать какое-то странное чувство. Что-то хорошее, теплое распространяется по тѣлу, и чѣмъ дальше вдумываешься, тѣмъ большія припоминаешь подробности. Вотъ хоть-бы и Анна Ильинишна, какая была видная барыня! Лѣтъ шестидесяти, росту выше средняго, довольно полная, голосъ имѣла звонкій, лицо красивое, вселяющее уваженіе. Верхняя губа подернута черными усиками, очень замѣтными. Волосы на головѣ совершенно сѣдые, почти бѣлые и закалывались сзади большой черепаховой гребенкой съ различными фигурками. Гребенкой этой я часто любовался, когда она лежала на туалетѣ. Подъ волосы, что на вискахъ, Анна Ильинишна подкладывала кругленькія, черныя подушечки, въ видѣ сосисочекъ, заостренныхъ съ обоихъ концовъ. Подушечки эти такъ старательно прикрывались волосами, что совершенно оставались невидимы для посторонняго глаза. Лѣвую руку Анна Ильинишна постоянно держала въ карманѣ, гдѣ хранились ключи отъ множества комодовъ и шкаповъ. Ходила очень скоро и здоровьемъ обладала крѣпкимъ.

Одинъ былъ у ней недостатокъ: любила она разузнавать гдѣ что дѣлается и гдѣ что говорятъ. Какъ теперь слышу, посылаетъ она горничную Варюшу и проситъ ее: „Варюша, матушка, сходи, посмотри въ щелочку, что Василій Василичъ дѣлаетъ?“ А если, бывало, когда кто изъ насъ маленькихъ замѣтитъ ей и скажетъ: „Зачѣмъ-же вамъ, Анна Ильинишна, это знать? Не вы-ли говорили, что нехорошо подсматривать и подслушивать?

— Ахъ, батюшка! восклицала она на это обидчивымъ тономъ,—вотъ уже въ этомъ-то никто не можетъ меня укорить; никогда не была я любопытной, и не буду.

Квартировали мы на главной улицѣ, въ домѣ купчихи Пустошкиной и занимали весь нижній этажъ, въ верхнемъ-же помѣщался земскій судъ.

Вслѣдствіе такого близкаго знакомства съ судомъ, въ моей памяти до сихъ поръ свѣжо сохранились нѣкоторые обряды тогдашняго судопроизводства.

Такъ напримѣръ: если помѣщику нужно было наказать своего слугу или кого изъ крестьянъ, то онъ присылалъ его при запискѣ къ судьѣ, и расправа производилась немедленно.

Такъ какъ старушка Анна Ильинишна была женщина очень почтенная и съ хорошими средствами, поэтому уѣздное начальство готово было безпрекословно исполнять малѣйшее ея желаніе. Въ то время уѣзднымъ судьею былъ Іона Матвѣичъ Кирьяковъ, ея короткій знакомый.

Какъ теперь помню, Анна Ильинишна, выведенная изъ терпѣнья пьянствомъ нашего кучера Поликарпа (ей, конечно, были предоставлены моими родителями, на время ихъ отсутствія, всѣ права и преимущества надъ прислугой), посылаетъ горничную Настю наверхъ, въ судъ, съ наказомъ:

— Наська, бѣги наверхъ, кланяйся Іонѣ Матвѣевичу и проси ихъ пожаловать сейчасъ-же ко мнѣ; скажи, что очень нужно, слышишь?

— Слушаю-съ, сударыня! и Настя убѣгаетъ.

Іона Матвѣичъ немедленно-же является, въ зеленомъ форменномъ мундирѣ съ бронзовыми пуговицами, запыхавшись; толстый-претолстый, съ отвислымъ бритымъ подбородкомъ. Цѣлуетъ старушкѣ руку, та въ отвѣтъ чмокаетъ его въ лобъ.

— Что, матушка Анна Ильинишна, прикажете? Чѣмъ служить могу?

— Да что, мой батюшка, силъ моихъ нѣтъ; Поликарпъ опять отъ рукъ отбился!

— Что! Опять пьянъ? Гдѣ онъ?

— Да вонъ на кухнѣ лежитъ, полюбуйтесь!

— А вы, матушка, какъ онъ проспится, пришлите-ка къ намъ наверхъ, мы его тамъ поучимъ маленько.

— Хорошо, батюшка, непремѣнно пришлю, только ужь вы хорошенько его.

— Не безпокойтесь, матушка, знаемъ свое дѣло. Останется доволенъ.

Проспавшись, Поликарпъ бросается старушкѣ въ ноги:

— Матушка, Анна Ильинишна, простите, не буду! вопитъ онъ.

— Нѣтъ ужъ, Поликарпъ, и не проси лучше, ни за что не прощу. Надоѣлъ ты мнѣ. Ступай, ступай!—и барыня рѣшительно машетъ рукой.

Поликарпъ грустный отправляется наверхъ въ сопровожденіи той-же Насти. Назадъ возвращается онъ совсѣмъ сумрачный, и дня два не говоритъ ни съ кѣмъ ни слова, только старательно чиститъ лошадей.

Почти такая-же сцена происходитъ у старушки при полученіи оброковъ съ крестьянъ.

Является къ ней горничная и докладываетъ:

— Анна Ильинишна, ольховскій староста съ оброкомъ пришелъ.

— Гдѣ староста? спрашиваетъ та.

— Въ прихожей, сударыня.

Старушка идетъ въ прихожую.

Пожилой крестьянинъ, высокаго роста, съ большой сѣдой бородой, въ рукахъ черная поярковая шляпа, раболѣпно дожидается барыню. Грубый сѣрый кафтанъ его подпоясанъ полосатымъ кушакомъ, шаровары крашенинные свѣтло-синіе; поверхъ лаптей ноги обвиты онучами и перевиты накрестъ плетенками. При появленіи барыни-старушки, мужикъ кланяется въ ноги.

— Ахъ, ради Бога не кланяйся! Какъ я не люблю этого! восклицаетъ она.

Староста встаетъ и боязливо прикладывается къ рукѣ.

— Ну что, съ чѣмъ пришелъ?

— Да вотъ, матушка барыня, частицу оброка принесъ. Годъ-то нонѣ плохой, объясняетъ онъ глухимъ усталымъ голосомъ, растягивая слова: — мужички вовсе изъ хлѣба выбились; ѣсть нѣче, заработки плохіе.—При этомъ дрожащими руками разстегиваетъ воротъ и вытаскивая висящій на груди тощій холстяной кошель, въ который запихнутъ истрепанный кожаный бумажникъ, раскрываетъ его, достаетъ нѣсколько старыхъ засаленныхъ кредитныхъ билетовъ и съ поклономъ подаетъ ихъ.

— Тутъ сколько? небрежно спрашиваетъ барыня. Съ васъ

недоимки прочитается больше этого, а ты приходишь съ такой бездѣлицей!

— Воля ваша, матушка, міръ только послалъ. Ужо, на лѣто, Богъ хлѣбушка народитъ, такъ мужички заплатятъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это пустяки, этого нельзя такъ оставить! Наська—Настюшка! Бѣги позови Іону Матвѣича, кричитъ Анна Ильинишна.—Погоди тутъ немного, обращается она къ крестьянину и сама удаляется въ свои покои.

Іона Матвѣичъ не заставляетъ себя ждать, спускается сверху и, мелькомъ взглянувъ на старосту, быстро проходитъ дальше.

— Здравствуйте, Анна Ильинишна, раздается въ комнатахъ.

— Ахъ, Іона Матвѣичъ, какъ я рада! Происходитъ обычное чмоканье;—спасибо вамъ, право! Какой вы добрый, никогда не отказываетесь мнѣ помочь!

— Что прикажете, матушка, радъ служить чѣмъ могу,— и вмѣстѣ съ этимъ идутъ оба въ прихожую.

— Да вотъ, батюшка, мнѣ слѣдуетъ получить съ ольховскихъ 540 недоимки, да за январьскую треть 433 рубля, а онъ и всего-то 200 принесъ Вѣдь ужь это ни на что не похоже.. Ужь вы помогите мнѣ, Іона Матвѣичъ!—и старушка дѣлаетъ при этомъ жалостное лицо.

— Вы, матушка, успокойтесь, уйдите къ себѣ: денежки ваши вы получите...

Та уходитъ. Іона Матвѣичъ, оставшись одинъ, тотчасъ-же какъ-бы перерождается.

— Ты кто?! староста ольховскій!? грозно обращается онъ къ трепещущему мужику.

— Такъ точно, кормилецъ мой, тоскливо отвѣчаетъ тотъ и кланяется въ поясъ.

— Ты или деньги изволь сейчасъ уплатить, или сейчасъ будешь выдранъ. Знаешь, у меня судъ короткій.

— Батюшко, помилосердствуйте! вопіетъ мужикъ и падаетъ въ ноги.—Воля ваша, батюшко, денегъ болѣ нѣту-ти.

— Врешь, врешь; знаемъ мы какъ у васъ нѣтъ. Поищешь, такъ найдешь.

— Ей-Богу, отецъ родной, нѣту-ти! кричитъ тотъ, не подымаясь и уткнувъ носъ въ сапогъ судьи.

— Да ну-же, вставай, раскошеливайся, а то мнѣ некогда съ тобой возиться. Эй, десятскій! кричитъ Іона Матвѣичъ, пріотворивъ дверь наверхъ.

Десятскій является.

— Гдѣ разсыльный? Тащите-ка его наверхъ, и указываетъ на старосту, все еще продолжающаго валяться въ ногахъ.

— Батюшко, пощади! Малость найдется.

— А-а, что? Теперь другое запѣлъ, старая ворона!

Староста достаетъ изъ-за пазухи тряпку, завязанную узелкомъ, развязываетъ и подаетъ одну ассигнацію.

— Да этого мало, что ты меня морочишь! Лазаря-то не пой... Тащи его на-верхъ!

— Отецъ родной, кормилецъ, батюшка, хоть убей, больше нѣтъ ни копѣйки!

На подмогу десятскому является разсыльный.

— Тащите его, ребята, на-верхъ, а я сейчасъ приду! кричитъ судья и уходитъ къ старой барынѣ передать вышибленную малость, да кстати выпить рюмочку. Старосту-же вытаскиваютъ и ведутъ подъ руки на-верхъ, какъ архіерея. На лѣстницѣ еще долго слышны крики:—„Батюшки, кормильцы, хоть убейте, больше нѣтъ ни копѣйки“.

Закусивъ и выпивъ, Іона Матвѣичъ успокоиваетъ еще разъ старушку и затѣмъ отправляется выбивать остатки. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ розогъ, несчастный староста опять начинаетъ кричать:—„Помѣшкайте, православные, еще есть маленько“.

— Ну, остановитесь, молодцы. Показывай, что у тебя еще есть! приказываетъ судья.

Мужикъ снимаетъ лапоть и достаетъ изъ него еще маленько.

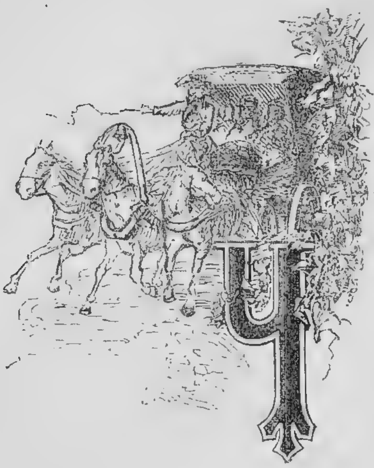
— Чего, это вздоръ! валяй его еще, ребята!

Еще валяютъ. И такъ повторялось разъ пять или шесть.

И такое вышибаніе оброку было повсемѣстное. Цѣлый день приводились въ судъ старосты и раздавались ихъ крики: „Стой, отцы родные,—стой, еще есть маленько.“

ГЛАВА IV.

Поѣздка въ Петербургъ и возвращеніе въ деревню.



Черезъ два года подошло и мнѣ время отправляться въ Петербургъ. Задолго я узналъ объ этомъ и больше всего пугала меня мысль разстаться съ нянькой. Это мнѣ казалось дотого невѣроятно страшнымъ, что я просыпался по ночамъ, плакалъ, звалъ няню и говорилъ ей: „Нянюшка, милая, голубушка, вѣдь ты меня не оставишь, вѣдь ты вмѣстѣ со мной поѣдешь?“ А няня уже и безъ того мучилась больше моего, а потому обливалась при этомъ слезами, и начинала успокоивать и увѣрять, что ѣдетъ вмѣстѣ, и чѣмъ ближе подходило время отъѣзда, тѣмъ тревожнѣе проводилъ я ночи и чаще плакалъ.

Настaлъ день отъѣзда. Хотя я ѣхалъ вмѣстѣ съ родителями и братьями, но всетаки разлука съ няней для меня была тяжела, такъ какъ я любилъ ее больше всѣхъ и всего. Передъ самымъ отъѣздомъ, когда всѣ сборы были кончены и всѣ одѣты по дорожному, мы сбираемся въ зало. На папашѣ надѣта синяя, суконная коротенькая шубка на ватѣ. На шеѣ пестрый шерстяной шарфъ; черезъ плечо толстая, изъ желтой кожи сумка, въ которой помѣщается пачка мелкихъ ассигнацій,

для уплаты почтовыхъ прогоновъ, мѣдь, серебро и большой дорожный складной ножикъ съ обломаннымъ кончикомъ. Какъ я папашу началъ помнить, такъ и этотъ ножикъ. Боже мой, сколько у меня съ братомъ Алешей было хлопотъ и страху, когда взявъ зачѣмъ-то съ письменнаго стола ножикъ, мы сломали конецъ; какъ мы перетрусили, чтобы не сказать больше, бѣгали тихонько съ ножикомъ къ кузнецу Тимофѣю, чтобы тотъ *приклеилъ* кончикъ; какъ тотъ, повертѣвъ его въ черныхъ, закоптѣлыхъ, мозолистыхъ рукахъ, къ ужасу нашему отказался починить, объяснивъ, что „это штука тонкая". Сколько ни бились мы, а не избѣгли отцовскаго гнѣва. Папаша узналъ и крѣпко потрясъ насъ за уши.

По старинному обычаю, папаша предлагаетъ присѣсть. Садимся—кто куда успѣлъ; посидѣвши нѣсколько секундъ, всѣ встаютъ и начинаютъ креститься и молиться, послѣ чего идетъ общее прощанье. Я прильнулъ къ нянькѣ, отъ которой едва-едва меня отняли. Прощаться собралась вся дворня и много народу изъ деревни. Они цѣлуютъ намъ руки и плечи, приговаривая: „Прощайте, баре хорошіе, дай Богъ вамъ счастія, до генерала дослужиться". Мальчишекъ изъ деревни полонъ дворъ, все знакомыя лица, каждаго знаешь по имени, съ каждымъ шалилъ и игралъ. Вонъ тому, что прячется за материнскій сарафанъ, я еще долженъ остался двадцать бабокъ; онъ искоса на меня поглядываетъ, улыбается и сосетъ рукавъ грязной рубашки; другому, передъ отъѣздомъ, я попалъ въ ногу изъ самострѣла и онъ хотѣлъ было жаловаться на меня папашѣ, да почему-то отдумалъ; у третьяго закинулъ кожаный мячикъ: мальчику такъ его жаль, что онъ едва утерпѣлъ, чтобы не просить меня о вознагражденіи даже въ эту горькую минуту.

А собакъ-то, собакъ сколько бѣгаетъ, со всей деревни: тутъ и Жучко, и Соловейко, и Сѣрко, и Мальчикъ, и Катайко большой, и Катайко маленькій, у котораго одно ухо постоянно торчитъ, а другое болтается. Всѣ онѣ, повидимому, очень озабочены, усиленно шныряютъ подъ экипажемъ и между лошадьми, высунувъ красные языки, и старательно чего-то ищутъ; двѣ изъ нихъ уже успѣли разодраться. Ощетинивъ

шерсть и поднявшись на заднія лапы, онѣ уперлись передними другъ въ друга и яростно, съ пѣною у рта, хрипло ворчатъ. Кругомъ лай, вой, плачъ дѣтей, бабъ, все слилось вмѣстѣ и образовало порядочный шумъ.

Наконецъ усаживаемся. Первая садится мамаша.

— Ты, голубчикъ Поликарпъ, хорошо держишь лошадей? спрашиваетъ она, взбираясь въ тарантасъ, крестя себя и незамѣтно по сторонамъ; ее поддерживаютъ съ одного бока ключница Анисья Романовна, съ другаго—горничная Варюша.

— Не сумлѣвайтесь, Анна Миколавна, лошади смирныя, отвѣчаетъ тотъ, снявъ шапку и обернувшись въ полъ-оборота.

Въ этотъ знаменательный день онъ имѣетъ солидный видъ: совершенно трезвый и серьезный сидитъ онъ на козлахъ; въ обѣихъ рукахъ возжи, на правой виситъ кнутъ; синій суконный армякъ подпоясанъ пунцовымъ кушакомъ, на головѣ пуховая шляпа со стальной пряжкой. Поликарпъ ѣдетъ только до Любца, откуда долженъ возвратиться верхомъ. Экипажъ же идетъ на проходъ до желѣзно-дорожной станціи Валдайки, на перекладныхъ, такъ какъ изъ Любца идетъ почтовая дорога.

Въ тарантасъ запряжена тройка гнѣдыхъ, хотя и небольшихъ, но крѣпкихъ лошадей. Коренная, должно быть недовольная тѣмъ, что поводъ подтянутъ слишкомъ высоко, безпрестанно мотаетъ головой: динь-динь, динь-динь-динь, однообразно звенитъ колокольчикъ подъ темно-красной дугой. Правая пристяжная, опершись мордой о конецъ дуги, бойко водитъ ушами и какъ будто переговаривается съ коренной о предстоящемъ пути. Лѣвая что-то пригорюнилась. Подогнувъ правую заднюю ногу, она точно раздумываетъ о томъ, скоро-ли кончится нагрузка экипажа?

Поликарпу услужливо помогаетъ Мосей; онъ остается дома, а потому одѣтъ по-домашнему, въ сѣренькой тиковой свиткѣ, мѣстами запачканной дегтемъ и въ старенькомъ картузѣ на затылкѣ. Мосей, кажется, уже успѣлъ пропустить стаканчикъ и вѣроятно поэтому усиленно моргаетъ лѣвымъ глазомъ. Между ними идутъ въ полголоса разговоры:

— Поправь-ка возжу! проситъ Поликарпъ.

— Котору, евту?

— Вонъ, вишь зацѣпилась, продѣнь ее въ шлевку.

— На что въ шлевку? Оставь, такъ ловчѣе, не запутается! убѣждаетъ Мосей.

Поликарпъ соглашается.

— Кажись, энта постромка короче? говоритъ Поликарпъ и указываетъ кнутомъ.

Мосей беретъ подъ уздцы пристяжную, мызгаетъ и подаетъ впередъ; постромка натягивается и дергаетъ экипажъ; слышатся крики:

— Ахъ, погоди, что такое, постой!

Разговаривающіе оба притихаютъ и продолжаютъ уже чуть не шепотомъ:

— Ладно такъ, затяни еще маленько. Ну ладно, оставь. Накрени дугу-то... Ну ладно!

Мамаша не сразу усѣлась. Вещи такъ неловко уложены, что многое пришлось перекладывать. Варюша долго выдергивала и поправляла мѣшки и коробки, такъ что папаша не утерпѣлъ, чтобы не закричать:

— Да ну-же, скоро-ли ты тамъ, Анюта?

— Готова, Василій Василичъ, садись!

Отецъ поднимается на подножку, хватается за край дверцы, и, нагнувшись немного во внутрь экипажа, быстро подправляетъ подъ сидѣньемъ подушку, толкаетъ подъ бокъ другую и затѣмъ разомъ грузно опускается. Тарантасъ порядочно наклоняется на его сторону. Папаша тяжелъ.

— Ахъ, Василій Василичъ, какъ ты на меня налегся, совсѣмъ бокъ отдавилъ! восклицаетъ мамаша.

— Ну на, я подвинусь!

— Еще немного, да ты на бурнусъ присѣлъ.

— Да ну, куда-же еще, больше некуда!

— Ну, такъ—хорошо.

Меня садятъ въ середку, я прошусь на козлы.

— Вздоръ, пустяки, говоритъ отецъ, — дорога большая. Это вѣдь братъ не къ дядѣ въ гости, устанешь.

Няня стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ и не спускаетъ съ

меня глазъ. Слезы текутъ по ея смуглому морщинистому лицу. Обхвативъ правой рукой животъ, лѣвой-же, вмѣстѣ съ платкомъ, зажимаетъ ротъ, желая заглушить рыданія. Горько качаетъ она головой и что-то шепчетъ про себя: по движенію губъ я разбираю: „Прощай, мой соколъ ясный, прощай, мой золотой, рожоный мой. Ой умру, ой батюшки, дайте мнѣ обнять его еще разочикъ!“

Мамаша, какъ-бы ревнуя насъ къ ней, сердится и кричитъ:

— Что это за слезы за такія? Какъ тебѣ, Анна, не стыдно! Только дѣтей смущаешь. Ужъ кажется довольно было времени нацѣловаться.

Я уткнулся въ подушку и стараюсь болѣе не глядѣть на няню.

— Ну, съ Богомъ, трогай! приказываетъ отецъ, снимаетъ шапку и крестится. Всѣ слѣдуютъ его примѣру.

— Нн-о-оо! съ Богомъ, милыя! протяжно кричитъ Поликарпъ и шевелитъ возжами. Тарантасъ, закачавшись, тяжело катится по мягкой дорогѣ, пощелкивая дрогами. Мужики, бабы, дворовые, большіе и малые, всѣ низко кланяются, всѣ желаютъ счастливаго пути. Мальчишки бѣгутъ и провожаютъ за деревню, а нѣкоторые изъ нихъ, далеко впереди, треплютъ во всѣ лопатки, не смѣя оглянуться назадъ, чтобы не потерять напрасно времени: имъ хочется заблаговременно добраться до дальняго отвода, что въ концѣ поля, и отворить его, конечно, въ надеждѣ получить на пряники. Когда мы ихъ стали проѣзжать, у меня такъ сердце и сжалось; такъ и выскочилъ-бы я къ нимъ и побѣжалъ-бы съ ними обратно. Казалось, не надо мнѣ ни хорошаго платья, ни сапогъ съ красными сафьянными отворотами, ни варенья, ни пироговъ. Няню, няню хочу видѣть, съ ней хочу остаться, не хочу ѣхать въ противный Петербургъ! Но дѣлать нечего—надо покориться.

Увидавъ въ первый разъ желѣзную дорогу, я былъ пораженъ, никакъ не предполагая увидѣть такія узенькія желѣзныя полоски. Мнѣ думалось, что вся дорога покрыта желѣзными листами и по ней катаются тяжелые тарантасы.

Мнѣ было семь лѣтъ, когда я въ первый разъ увидалъ Петербургъ. Мы поселились совсѣмъ близко отъ М*** корпуса.

Первоначально жизнь наша въ Петербургѣ была спокойная. Разъ была она нарушена тѣмъ, что брата Сережу папаша высѣкъ за лѣность; при этомъ отцу помогалъ братъ Коля. Сережа уже былъ тогда довольно большой, учился въ корпусѣ и папашѣ трудно было-бы справиться съ нимъ одному. Я отъ страха, помню, убѣжалъ и спрятался въ уголъ, чтобы не попасться отцу на глаза, такъ какъ зналъ очень хорошо, что въ эту минуту папаша и меня высѣкъ-бы кстати. Онъ никогда не считалъ это за лишнее, при моей лѣности. Проучившись зиму дома очень плохо, я поѣхалъ лѣтомъ вмѣстѣ со всѣми братьями обратно въ деревню.

Не знаю, съ чѣмъ можетъ сравниться та радость, съ какой подъѣзжаешь къ дорогимъ роднымъ мѣстамъ послѣ долгой разлуки. Мнѣ кажется, этихъ минутъ невозможно описать. Какъ сейчасъ вижу, няня, запыхавшись, бѣжитъ къ намъ черезъ дворъ навстрѣчу. Платокъ съ головы ея свалился по дорогѣ, волосы растрепались, но она этого не замѣчаетъ, а только одного за другимъ судорожно хватаетъ насъ, обнимаетъ, цѣлуетъ и причитываетъ: „Охти мнѣ, охъ вы, мои соколики, ой умру! Да гдѣ-же Васинька-то? Колинька-то гдѣ-же?“

— Няня, ихъ на войнѣ убили, смѣясь говоримъ мы ей.

— Ой, Господи, неужто! восклицаетъ она, блѣднѣя.—Грѣхъ вамъ пугать старуху!

Разсказамъ и радостямъ нѣтъ конца. Затѣмъ уводитъ къ себѣ въ каморку; тутъ ужъ она вполнѣ наслаждается: чѣмъ, чѣмъ только не пичкаетъ насъ, и, странное дѣло, тѣ предметы, которые-бы мы при другихъ обстоятельствахъ и ѣсть не стали, какъ напр. пареную брюкву, бруснику, моченый горохъ, сушеную чернику, моченые сухари, — изъ ея-же рукъ мы все ѣли и все намъ казалось необыкновенно вкуснымъ.

— Кушайте, милые, кушайте досыта. Поди-ко васъ тамъ на чужой-то сторонкѣ голодомъ морили, причитываетъ старая и не можетъ довольно наглядѣться на насъ.

Нѣсколько дней затѣмъ отдавались намъ въ полное распоряженіе. Мы цѣлые дни ничего не дѣлаемъ, занятій учебныхъ нѣтъ. Спустя нѣкоторое время, папаша начинаетъ поговаривать: „Ну, вотъ, побѣгайте еще денекъ, а тамъ надо и за книжку приняться, не все-же собакъ гонять“.

По лѣтамъ нанимался намъ молодой учитель, нѣкій Михайло Викторовичъ. Онъ долженъ былъ наблюдать за нашими занятіями, которыя происходили наверху и продолжались ежедневно, три часа, отъ 9 до 12. Но что это было за ученіе, смѣхъ одинъ. Мы боролись, шалили, разговаривали. Учитель нисколько не препятствовалъ этому, а иногда и самъ участвовалъ въ борьбѣ; но достаточно было заслышать или голосъ, или кашель отца, какъ немедленно садились за книгу, затыкали уши и принимались громко читать.

Отецъ входилъ и начиналъ съ учителемъ слѣдующій разговоръ:

— Ужь вы, Михайло Викторовичъ, пожалуйста послѣдите за дѣтьми, чтобы они учились. Вѣдь довольно времени, можно и пошалить и побѣгать; но надо-же и честь знать. Вѣдь вотъ ты, Саша, говоритъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—„пишешь, какъ лавочникъ. Взялъ-бы перо да бумагу и писалъ. Ты думаешь, это само придетъ. Эхъ ты, голова!.. Что ты только объ себѣ думаешь, въ пастухи что-ли готовишься? Учишься скверно, пишешь отвратительно,—ну что изъ тебя выйдетъ?—Я стою молча, понуривъ голову. Братья также молчатъ и не смѣютъ взглянуть на отца, такъ какъ чувствуютъ, что этотъ разговоръ и до нихъ отчасти касается. Какъ только папаша уходилъ, тотчасъ-же все забывалось: книги—въ сторону, учителя валили на полъ и садились на него верхомъ.

Въ 12 часовъ отправлялись обѣдать. Въ деревнѣ завтракать не полагалось. Папаша былъ тѣмъ хорошъ, что за обѣдомъ никогда и помину не было о томъ, кѣмъ и за что онъ былъ недоволенъ, а только подкладывалъ на тарелку, да приговаривалъ: „Ѣшь, братъ, ѣшь. Вѣдь этого въ Питерѣ не дадутъ. Что, не хочешь? Сила не беретъ? Ну, значитъ сытъ!“ А ужь ѣли-то мы въ деревнѣ какъ! Дѣйствительно, въ Питерѣ того нельзя было по-

лучить. Одна стерляжья уха чего стоила! Подадутъ ее, бывало, въ кострюлькѣ, такъ точно золотомъ подернута,—одного жиру на палецъ.

Случалось, послѣ утреннихъ занятій отецъ заставлялъ насъ читать по-славянски, подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ. Бѣгаешь, помню, гдѣ-нибудь на дворѣ. Вдругъ слышишь голосъ одного изъ братьевъ: „Саша! ступай по-славянски читать, папаша зоветъ!" Уфъ, батюшки, такъ всего жаромъ и обдастъ.

— А гдѣ папа?

— Въ каминной.

Бѣгу—вхожу въ каминную, отецъ лежитъ на диванѣ, въ халатѣ, со славянской книгой въ рукахъ. Не глядя на меня, онъ указываетъ пальцемъ и говоритъ: „Вотъ, продолжай, гдѣ братъ кончилъ".

Смотрю, какіе-то знаки, красныя титла, ковычки, ничего не разбираю—молчу.

— Ну что-же ты молчишь? Не видишь что-ли? Слава Богу вѣдь не по-китайски!—Не знаю уже почему, только папаша полагалъ, что читать по-славянски дано каждому человѣку отъ самаго рожденія.

Я начинаю дрожащимъ голосомъ.

— Что-о! да читай-же громче, братецъ, вѣдь я ничего не слышу!

Начинаю громче, но опять останавливаюсь. Отецъ теряетъ терпѣніе.

— Фу-ты, Боже мой, какое наказаніе! Дуракъ на дуракѣ и дуракомъ погоняетъ. П-о-ш-олъ вонъ!—и даетъ мнѣ подзатыльника.

Отворивъ головою дверь, вылетаю въ прихожую и бѣгу къ братьямъ; тѣ таскаютъ въ это время телѣжку по двору.

— Что, прогналъ?

— Прогналъ.

— Ну, мы такъ и знали! Становись съ лѣваго бока,—и, сунувъ мнѣ въ ротъ вмѣсто возжи веревочку, уже замусленную, бѣгаемъ по двору, забывъ и папашу, и славянскій языкъ.

Помню, какъ-то ужъ я очень обидѣлся на папашу, за то,

что онъ крѣпко наказалъ меня. Нѣсколько дней я избѣгалъ встрѣчи съ нимъ и только приходилъ здороваться и прощаться. Папаша замѣтилъ это, и поймавъ меня какъ-то въ залѣ, подтащилъ къ креслу, сѣлъ въ него, меня-же поставилъ между колѣнами, и тихонько гладя ладонью по головѣ, сказалъ: „Грѣхъ, Александръ, сердиться на родителей. Помни, что дѣдушка твой говаривалъ: Есть старикъ—убилъ-бы его, нѣтъ старика—купилъ-бы его“. И эти немногія слова были сказаны такимъ ласковымъ тономъ, что я бросился къ папашѣ на шею и расплакался.

Самое любимое наше время лѣтомъ была пора сѣнокоса Съ какимъ удовольствіемъ проводили мы на работахъ цѣлые дни. Покончивъ кое-какъ уроки, отправляемся съ папашей, всей гурьбой, на покосъ (наволокъ), а тамъ уже съ утра кипитъ работа. Каждый изъ насъ пристраивается къ какому-нибудь изъ мужиковъ, помогать возить копны: сядешь на лошадь, возьмешь подъ мышки подкопенники и погоняешь ими усталую лошаденку. Я хорошо умѣлъ возить копны, хотя это не такъ легко, какъ кажется. Сразу этого не сдѣлать, до половины не довезешь—развалишь.

Я ѣду къ сараю, сухое сѣно шумитъ; лошадка, вытягиваясь, шагъ за шагомъ, тащитъ копну, потряхивая ушами и лягаясь отъ докучливыхъ оводовъ. Подъѣзжаю къ воротамъ сарая, а ужъ тамъ нѣсколько лошадей стоятъ, дожидаясь очереди. Вотъ ворота очистились. Въ сараѣ работа идетъ горячая: человѣкъ десять мужиковъ съ вилами, потные, съ засученными рукавами, быстро подхватываютъ сѣно и кидаютъ на верхъ, гдѣ для пріемки и уминки поставлены въ каждомъ концѣ по нѣскольку бабъ, дѣвушекъ и молодыхъ парней. У нихъ тамъ и смѣхъ и разговоры.

— Да ну тя, баловень, чего толкаешься! кричитъ дѣвичій голосъ:—не угомонишься, такъ я вотъ старостѣ скажу, онъ тя пугнетъ отсель сѣно метать!

— Пугне-етъ, пугне-етъ, передразниваетъ ее парень;—а ты

чего стоишь-то на одномъ мѣстѣ? Ты сюда поставлена, чтобы сѣно мять, ну и мни! И парень толкаетъ ее, та кувыркается и съ визгомъ скатывается внизъ. Раздается всеобщій хохотъ.

— Ахъ, пострѣлъ тя возьми! вылѣзая изъ сѣна кричитъ дѣвица и отряхивая съ головы сѣно, бросается съ граблями на обидчика. Тотъ обращается въ постыдное бѣгство и выбѣгаетъ изъ сарая, та за нимъ и долго они еще оба гоняются другъ за другомъ. Пыхтя и охая возвращается дѣвица и ворчитъ: „Ничего, ужо задамъ ему, безстыжіе глаза“, и взбирается обратно на верхъ, подсаживаемая услужливыми ребятами.

Я въѣзжаю.

— Ай, да баринъ, ай, да молодецъ, смотри-ко какъ ходко оборотилъ, да какую копну-то припёръ! хвалятъ мужики,— есть за что хлѣбомъ кормить.—Не слѣзая съ лошади, я дожидаюсь, пока раскопнаютъ.—А ну-ка, можете-ли ее сразу поднять? спрашиваю рабочихъ. Шесть вилъ дружно втыкаются въ копну, перегибаются черезъ колѣно, и копна, почти вся безъ остатка, высоко подымается.

— Эй, вы тамъ, принимайте! кричатъ метальщики и норовятъ завалить стоящихъ наверху. Опять смѣхъ и крикъ.

— Вотъ тебѣ и копна, баринъ, вези другую, говоритъ одинъ изъ мужиковъ, вытаскивая изъ сѣна ужище *) и тыча вилами въ задъ моей лошади.

А самая косьба развѣ не прелесть, въ особенности, когда длинная шеренга косцовъ, стройно, слѣдуя одинъ за другимъ, взмахиваютъ свѣтлыми косами по густой душистой травѣ? Ровныя скошенныя кучки ложатся ровными рядами, оголенное отъ травы мѣсто рѣзко отличается, и какъ-бы жалуется: за что-же дескать меня такъ обкарнали? Но вотъ передній косецъ останавливается, упираетъ косьевище въ землю, беретъ лѣвой рукой за носокъ косы, правой-же, захвативши пучекъ травы, медленно обтираетъ желѣзо; затѣмъ достаетъ, изъ привязаннаго у пояса берестянаго кошеля, деревянную лопаточку и, поплевавъ на нее, начинаетъ точить. Не слѣдуетъ браться

*) Веревка.

точить не умѣя, непремѣнно порѣжешь руку: у меня до сихъ поръ рубецъ на пальцѣ, хотя уже прошло болѣе 20 лѣтъ.

На звукъ, который при этомъ производитъ коса, у мужичковъ сложена пѣсенька:

Коси, коса,
Пока роса,
Роса спадетъ,
Косецъ домой уйдетъ.

Коса любитъ лопаточку,
Лопаточка песочекъ,
Косецъ пирожечекъ.

И дѣйствительно, коса, при точеніи точно говоритъ: коси-коса, коси-коса!

Пока онъ точитъ, задній догоняетъ и дѣлаетъ тоже самое. Отъ передняго много зависитъ успѣхъ работы, такъ какъ задній не можетъ идти впередъ, помимо передняго. Поэтому передовымъ выбирается самый старательный и бойкій косецъ.

Во время покоса, папаша очень дорожилъ хорошей погодой и, какъ всякій хозяинъ, старался убрать сѣно безъ дождя.

Какъ теперь его вижу въ бѣломъ коломянковомъ сюртукѣ на распашку, безъ жилета и въ коломянковыхъ-же панталонахъ, на головѣ сѣрая пуховая шляпа съ большими полями и въ фильдекосовыхъ перчаткахъ на рукахъ. Опираясь на толстую камышевую палку, со слоновой рукояткой, обходитъ онъ тихонько работающихъ и привѣтливо здоровается:

— Богъ на помочь! Богъ на помочь!

— Просимъ милости, батюшка, добро пожаловать, кормилецъ, слышится въ отвѣтъ.

Отецъ былъ однимъ изъ самыхъ добрыхъ помѣщиковъ въ уѣздѣ, и, какъ кажется, крестьяне его хотя и боялись, но любили. Напрасно онъ никого не обижалъ.

ГЛАВА V.

Наши крѣпостные.

ъ то крѣпостное время у насъ былъ такой обычай; крестьянинъ два дня работалъ на себя, а третій на помѣщика. Съ вечера десятскій всѣхъ окликалъ, т. е. обходилъ каждый домъ, стукалъ палочкой подъ окошкомъ и передавалъ приказаніе старосты на какую работу завтра идти. Случалось, что погода не соотвѣтствовала работѣ, тогда всѣ посылались въ лѣсъ за грибами или ягодами. Боже мой, какая масса всего этого приносилась намъ въ домъ. Заваливались столы, подносы, скамейки, весь балконъ и его ступеньки, и при всемъ этомъ изобиліи, все-таки не обходилось безъ сценъ между экономкой и бабами, въ родѣ слѣдующей:

— Ты что, Анка, мало принесла? А? Гдѣ у тебя грибы-то?

— Право, Анисья Романовна, я всѣ вывалила, ей-Богу-же всѣ!

— Врешь, безстыдница, по глазамъ вижу, что врешь! Смотри, у прочихъ-то сколько!

Другую ругаетъ:

— Ты чего старья-то нанесла! Смотри, съ червями набрала! и она сердито ломаетъ и бросаетъ въ сторону негодные.

— Ѣшь ихъ сама коли любишь!

Нерѣдко при этомъ инымъ попадали отъ нея и тычки.

Если мамаша оставалась довольна, то мужичковъ обносили водкой, а бабамъ дѣлились пряники, и всѣ они должны были съ пѣснями возвращаться домой. Хочешь не хочешь, а пой.

Были у насъ въ деревнѣ также свои охотники и рыболовы.

Вотъ одинъ изъ охотниковъ, пожилой мужичокъ, невысокаго роста, сутуловый, съ рыжей жиденькой бородкой, стоитъ въ прихожей. Пришолъ онъ въ дождь изъ лѣсу. Сѣрый кафтанъ промокъ насквозь. Собаку Сѣрко онъ не посмѣлъ взять съ собой въ домъ, а оставилъ ее на крыльцѣ; та дрожитъ, скулитъ отъ холода и царапается въ дверь. Огромнаго тетерева принесъ охотникъ, да еще нѣсколько паръ рябчиковъ и тетерекъ.

Входитъ папаша.

— Здорово, Степанъ.

— Здравствуйте, Василій Василичъ.

— Что, дичинки принесъ?

— Такъ точно, милости вашей принесъ маленько!

— Охъ, здоровый какой!... Гдѣ ты такого подцѣпилъ?

— На Вердальѣ *), батюшка.

— Спасибо, спасибо!... Отнеси къ ключницѣ.

— Порошку-бы, батюшко, пожаловали, да дробцы малость, а то запасъ весь вышелъ, проситъ охотникъ.

Ему отсыпаютъ. Кромѣ того, выносится рюмка водки, и вотъ вся награда.

А взглянули-бы вы на его ружье, просто смѣхъ! Длинное, тяжелое, ложа самодѣльщина, привязана къ стволу проволокой, съ прескверненѣйшимъ кремневымъ замкомъ. Что за удивительный охотникъ былъ Степанъ, въ какую отвратительную погоду доставлялъ онъ намъ дичину! Другой разъ, кажется, можно было объ закладъ биться, что пошлите лучшаго столичнаго охотника, съ дорогимъ ружьемъ и сеттеромъ, и онъ ничего не достанетъ, а Степанъ убьетъ—непремѣнно убьетъ.

*) Урочище въ нашемъ лѣсу, самое дальнее.

Впослѣдствіи, когда я выросъ, то частенько хаживалъ съ нимъ въ лѣсъ.

— Баринъ, а баринъ! Вставай — пора! будитъ меня Степанъ. Просыпаюсь, смотрю въ окошко: солнышко едва-едва показывается изъ-за лѣсу. Спать хочется, глаза смыкаются.

— Погода важная, баринъ, вѣтру нѣтъ. Вставай, пойдемъ, пора!

Дѣлать нечего, встаю, одѣваюсь. Степанъ уходитъ провѣдать собаку.

Наскоро умываюсь и, схвативъ ружье и припасы, тихонько выхожу на дворъ, чтобы не разбудить братьевъ.

Охотникъ встрѣчаетъ меня съ укоромъ.—Долго спишь, баринъ, вотъ что. Смотри, гдѣ солнышко-то... Покажь-ко, много-ли у тя пороху? И вытащивъ зубами пробку изъ своего рожка, подставляетъ мнѣ, чтобы я подсыпалъ ему. Я сыплю.—Будетъ, спасибо—и Степанъ какъ-бы сожалѣетъ, что рожокъ недостаточно великъ. Зарядивъ ружья, трогаемся въ путь.—Сѣрко! Нну-фію-ю! кричитъ онъ ей, и свищетъ сквозь зубы; та вскакиваетъ, зѣваетъ, потягивается и, радостно проскуливъ, бѣжитъ впередъ, помахивая хвостикомъ.

— Что, баринъ, убьемъ-ли мы съ тобой что сегодня? восклицаетъ Степанъ, и при этомъ достаетъ изъ кармана кисетъ съ коротенькой обгорѣлой трубочкой, которую онъ самъ оправилъ красной мѣдью, и плотно набиваетъ корешками; высѣкаетъ огонь, кладетъ въ нее загорѣвшійся кусочикъ трута и усиленно раскуриваетъ. Корешки, шипя, съ трескомъ разгораются. Искоса посматриваетъ на меня, и подправляя огонь большимъ пальцемъ, нисколько не опасаясь обжечься, Степанъ съ удовольствіемъ затягивается и сплевываетъ на сторону. Комары, которые уже начали было обижать насъ, разлетаются.

— На-ко, баринъ, покури,—и быстро обтерѣвъ ладонью засусленный чубукъ, подаетъ мнѣ. Я пробую, но тотчасъ-же закашливаюсь,—такой у него горлодеръ.

Тѣмъ временемъ мы уже прошли поле и приближаемся къ темному высокому лѣсу. Вѣетъ сыростью и прохладою.

Солнышко здѣсь нисколько не пробивается сквозь густыя еловыя вѣтви. Сѣрко бѣжитъ невдалекѣ, стороной, закрутивъ свой пушистый хвостъ кольцомъ въ нѣсколько разъ; по временамъ останавливается, нюхаетъ и снова продолжаетъ путь легкою, неслышною рысью. Вдругъ Сѣрко куда-то скрылся. Степанъ, будто не обращая вниманія, идетъ довольно скоро, покуривая и поплевывая. Я слѣдую сзади, обмахиваясь березовой вѣткой. Спустя нѣкоторое время, слышится отдаленный лай. Мигомъ прячетъ Степанъ трубку съ огнемъ въ карманъ, снимаетъ съ плеча ружье и, пригрозивъ, чтобы я не шумѣлъ, а осторожно слѣдовалъ, шибко шагаетъ на лай. Послѣдній слышится все сильнѣе и горячѣе.

— Степанушко, голубчикъ, дай мнѣ стрѣлить разочикъ, прошу я чуть не плача.

Тотъ не слушаетъ. Лай внезапно прекратился; охотникъ останавливается, нагибается и стоитъ, какъ вкопанный, высматривая впередъ, между вѣтвями. Я тоже невольно присаживаюсь на кочку, ничего не видя и не разбирая. Сѣрко заливается снова и съ бо̀льшей яростью. Мы приближаемся. Отсюда только, наконецъ, я вижу ясно, что Сѣрко, находясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ большой сосны, безъ устали лаетъ на тетерева, сидящаго на вершинѣ, безпрестанно подпрыгиваетъ, скулитъ, отчаянно вертитъ хвостомъ, бросается къ дереву, скребетъ ногтями, какъ-бы желая добраться до птицы и, оглядываясь назадъ, ищетъ глазами хозяина. Иногда онъ перестаетъ на мгновеніе, но затѣмъ снова принимается, еще съ большею настойчивостью, высунувъ свой длинный, красный языкъ. Тетеревъ въ это время, сидя на сучкѣ, ворчитъ что-то про себя; по временамъ наклоняется, вытягиваетъ шею къ собакѣ, какъ-бы разсматриваетъ и, повидимому, сильно ею занятъ. Тѣмъ временемъ Степанъ подкрадывается насколько можно ближе, просовываетъ ружье между вѣтвями, старательно мѣтитъ и спускаетъ курокъ. Далеко по лѣсу раздается выстрѣлъ. Тетеревъ, не успѣвъ взмахнуть крыльями, валится, и, ломая по пути сучья, тяжело падаетъ на землю. Сѣрко тутъ, какъ тутъ, хочетъ помять его, но Степанъ, зная

привычку своей собаки, выскакиваетъ, отгоняетъ прикладомъ и кричитъ: Пошла прочь, стерва!... Вотъ, баринъ! И каша есть, и радостно подымаетъ тетерева за ногу. — У-у, какой здоровый!...

— Ну, теперь, баринъ, и закусить можно. Ты, поди, чаю-то не пилъ? говоритъ Степанъ, и при этихъ словахъ вытаскиваетъ изъ-за пазухи завернутый въ засаленный ситцевый платокъ пирогъ съ творогомъ, и отломивъ кусокъ, подаетъ мнѣ.

— На-кось, отвѣдай! Ты дома-то, поди, все бѣлые ѣшь, наши-то не по скусу будутъ, разсуждаетъ онъ, сидя на пенькѣ и тщательно подбирая падающія крошки.

Сѣрко усѣлся напротивъ и пристально смотритъ то на меня, то на хозяина, и какъ-бы недоумѣваетъ, куда это такъ скоро исчезаетъ пирогъ? Отъ удовольствія онъ распустилъ длинную, тонкую, прозрачную слюну. По временамъ свертываетъ голову на сторону, умильно поглядываетъ, слѣдитъ за каждымъ нашимъ движеніемъ, и, кажется, водъ-вотъ спроситъ: А когда-же мнѣ?—Хвостъ его неустанно ерзаетъ по землѣ, отбрасывая сосновыя и еловыя шишечки и сучечки, встрѣчающіеся на пути. Я бросаю ему кусокъ. Сѣрко быстро подскакиваетъ, жадно ловитъ и, не давъ упасть, проглатываетъ, щелкнувъ при этомъ зубами, и опять садится на прежнее мѣсто.

— Сѣрушко у меня молодецъ! восклицаетъ Степанъ, и гладитъ собаку. Та покорно просовываетъ ему голову подъ мышку и невинно щуритъ глаза, хотя въ тоже время искоса посматриваетъ на пирогъ, нюхаетъ и едва замѣтно шевелитъ влажными хрящиками переносья.

Перекрестившись и завязавъ тетерева за шею и за ноги, охотникъ перекидываетъ добычу за спину. Мы беремъ ружья и трогаемся.

Мнѣ хотя и рѣдко, но все-таки удавалось стрѣлять, и если случалось убивать, то Степанъ просто въ восторгъ приходилъ.

— Ай да баринъ, молодчина! кричалъ онъ, опрометью бросаясь къ убитой птицѣ.—Крыло прохватилъ. Ишь ты, какъ торнулъ!

Самъ онъ стрѣлялъ отлично, но только сидячихъ. Въ летъ не рѣшался, боялся потерять напрасно зарядъ; и даже когда птица вылетала у него подъ самымъ носомъ, то и тогда не стрѣлялъ, а только съ досадою промолвитъ: Поди-жъ ты, какую штуку прозѣвалъ! — Сѣрко не попадайся ему въ эту минуту, непремѣнно пхнетъ ногой или прикладомъ, крикнувъ: Пошла, сволочь подлая! — Еще не старый, маленькій, плотный, немного сутуловатый, ходилъ Степанъ безъ устали. Лѣсъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ и, несмотря на его обширность, никогда не путался; только взглянетъ бывало на вершинки и скажетъ:

— Пойдемъ, баринъ, по этой тропкѣ, а то мы такъ далече въ болото зайдемъ!

Не знаю, кому у насъ было легче отбывать свою повинность, охотнику или рыбаку. Послѣдній, когда ни приходили мы съ папашей на берегъ, все сидитъ бывало около своей рыбачьей избушки и точитъ самоловные крючья. Небольшаго роста, нѣсколько сгорбленный, уже съ просѣдью, въ грязной холщевой рубахѣ и таковыхъ-же портахъ, очень коротенькихъ, повидимому, просто оборванныхъ, чтобы ихъ не засучивать, когда приходилось ступать въ воду. Максимъ, завидѣвъ насъ еще издали, встаетъ, снимаетъ шапку, прижимаетъ ее обѣими руками къ животу и медленно, низко кланяется.

— Ловъ на рыбу, Максимъ! кричитъ ему отецъ. Есть-ли рыба?

— Утромъ парочка осмеричковъ попала, батюшко, да подмѣрочковъ штукъ пятокъ, отвѣчаетъ тотъ, продолжая держать шапку у живота.

— Что ты меня все подмѣрочками-то кормишь? Крупной давай! Ко мнѣ на-дняхъ гости будутъ! Переметы закинулъ?

— Закинуты, батюшко, два закинуты. Ужо на вечеръ съ Ванюшкой выбирать поѣдемъ!—И, запустивъ при этомъ всю пятерню въ грязныя волосы, скребетъ ихъ и лѣниво смотритъ, высоко-ли солнышко.

— Поѣдемъ-ка на садокъ!

Максимъ поспѣшно бѣжитъ въ избушку, выноситъ сакъ, и рысцой спускается съ крутаго берега. Папаша сходитъ тихонько, и медленно садится въ лодку, опираясь на плечо рыбака. Коротенькія штаны тотчасъ-же пригодились Максиму. Отталкиваясь по колѣно въ водѣ, онъ однимъ весломъ правитъ лодку къ садку, схватывается за уголъ и взбирается. Садокъ едва не опрокидывается подъ нимъ. Растопыривъ ноги по краямъ садка, онъ отвязываетъ отъ пояса ключъ и, отперевъ замокъ, вытаскиваетъ тесину. Начинается осмотръ рыбы.

— Ишь-ты, опять одна уснула, а давно-ли смотрѣлъ! говоритъ рыбакъ, подхватываетъ сачкомъ плавающую кверху брюхомъ порядочную стерлядь и бросаетъ ее на дно лодки.— Жара, Василій Василичъ, нынче одолѣла, рыба больно снетъ,— и продолжаетъ водить сачкомъ по дну. Рыбы множество, исключительно стерляди, но крупной мало. Всѣ онѣ плещутся, бьютъ и брызжутъ хвостами, желая вырваться изъ заключенія.

Рыбу осмотрѣли, возвращаемся домой, провожаемые тѣми-же низкими поклонами рыбака.

— Смотри-же, Максимъ, чтобы мнѣ была рыба, да крупная! наказываетъ отецъ.

— Рады стараться, кормилецъ, только-бы Богъ помогъ!

А между тѣмъ Максимъ преотлично сбывалъ, по ночамъ, самую лучшую рыбу приказчикамъ и лоцманамъ проходящихъ судовъ. Иногда плутни его узнавались, и Максиму жестоко попадало. Долго послѣ этого почесывался онъ и придумывалъ, какъ-бы на слѣдующій разъ такъ приноровиться, чтобы и самъ чортъ не узналъ.

ГЛАВА VI.

Дядя Алексѣй Васильичъ.

о воскреснымъ днямъ и большимъ праздникамъ мы ѣздили въ Любецъ, къ дядѣ въ гости и заодно къ обѣднѣ. Это бывало для насъ полнымъ торжествомъ. Не столько желали мы видѣть дядю, какъ радовались случаю прокатиться.

— Ну, дѣти, завтра девятая пятница, поѣдемте къ дядѣ въ гости, у него праздникъ! помню говоритъ какъ-то разъ отецъ за обѣдомъ.

— Папушка, и я, и я!

— Всѣ, всѣ поѣдемъ, говоритъ онъ съ разстановкой.

Вечеромъ отецъ выходитъ на крыльцо и кричитъ черезъ дворъ кучера:—Мо-се-й! Мо-се-й!

Ключница, которая въ это время находилась на сушилѣ, слышитъ зовъ и, желая подслужиться, перевѣсилась черезъ перила и пронзительно кричитъ: „Моисей, къ барину! Моисей! баринъ зоветъ!" (она одна звала Мосея—Моисеемъ). Мосей стремительно, безъ шапки, вылетаетъ изъ конюшни, оглядывается и, увидѣвъ барина, бѣжитъ, переваливаясь какъ утка и стараясь удержать руки по швамъ.

— Завтра въ Любецъ поѣдемъ, къ обѣднѣ. Слышишь?

— Слушаю-съ!

— Въ петербургскомъ тарантасѣ, тройкой.

— Слушаю-съ!

— Въ таратайку Машку заложите, дѣти поѣдутъ.

— Слушаю-съ!

Пауза.

— Да ты у меня только напейся, внезапно обрушивается на него отецъ,—до смерти запорю! И онъ при этомъ ожесточенно топаетъ ногами.

— Помилуйте, Василій Василичъ!

Мосей тотчасъ-же дѣлается сумрачнымъ и опускаетъ глаза въ землю.

Маленькая пауза.

— Сбрую какую прикажете?

— Вологодскую. Колокольчика не надо.

— Слушаю-съ! Мнѣ прикажете ѣхать-съ?

— Фу, какой болванъ! Если тебѣ приказываютъ, такъ кому-же?

— Слушаю-съ, я только такъ-съ. Запрягать рано-ли прикажете-съ?

— Такъ, чтобы къ обѣднѣ поспѣть.

— Слушаю-съ!

Постоявъ еще нѣсколько минутъ, отецъ отпускаетъ кучера; тотъ уходитъ тою-же утиною походкою.

Утромъ мы только-что проснулись, скорѣй бѣжимъ на конюшню. Около столбовъ стоятъ привязанныя за кольца пристяжныя въ шоркахъ. Каретникъ отпертъ. Поликарпъ и Мосей попремѣнно показываются, видъ ихъ озабоченъ, у нихъ идутъ отрывочные разговоры:

— Передокъ мазалъ?

— Нѣтъ еще.

— Чего-же ты, пора!

— Колокольчикъ-то надо—нѣтъ-ли?

— Не надо.

Мосей важничаетъ, такъ какъ ѣдетъ онъ.

— Много-ли ѣдетъ-то?

— Всѣ.

— И барыня?

— Кажись, ѣдетъ.

— Давай, запрягай живѣй. Вишь бѣгутъ спрашивать!

По двору дѣйствительно бѣжитъ горничная, шурша новымъ ситцевымъ платьемъ.

Немного не добѣжавъ, она останавливается и визгливо кричитъ:

— Скоро-ли лошади готовы, барыня послали узнать!

— Сейчасъ! Ишь вырядилась, франтиха! ворчатъ кучера.

— Поди тоже ѣдетъ?

— А то какъ-же, безъ нея тамъ и обѣдни не будетъ.

Горничная убѣгаетъ, путаясь и подбирая черезъ-чуръ длинное платье. Она надѣла его въ первый разъ и выпросилась у барыни ѣхать вмѣстѣ, обновить къ обѣднѣ.

Черезъ четверть часа, темнозеленый откидной тарантасъ, тройкой, съ громомъ выѣзжаетъ изъ каретника и, сдѣлавъ по двору кругъ, останавливается у крыльца.

— Тпр-р-р... ш-ш-ш..., успокоиваетъ Мосей лошадей.

— Что, благовѣстили? спрашиваетъ папаша, выходя на крыльцо и надѣвая фильдекосовыя перчатки. На немъ, поверхъ чернаго сюртука, накинуто сѣренькое люстриновое пальто; на головѣ черная пуховая шляпа съ широкими полями; панталоны бѣлыя, коломянковыя.

— Кажись благовѣстили! отвѣчаетъ Мосей и вопросительно смотритъ на Поликарпа. Поликарпъ въ это время ходитъ вокругъ лошадей и поправляетъ сбрую.

— Благовѣстили-съ, утверждаетъ онъ, хотя по лицу его видно, что ему и въ голову не приходило послушать, благовѣстятъ или нѣтъ, несмотря на то, что отецъ задавалъ этотъ вопросъ каждый разъ какъ ѣхалъ къ обѣднѣ.

Усѣлись. Я сѣлъ на козлы. Двое изъ братьевъ—въ таратайку, которую, немного спустя, подалъ Мосеевъ Алешка. Тронулись. Мосей, какъ только выѣхалъ за ворота, такъ и началъ мызгать и махать кнутомъ.

— Ты у меня сиди смирно, не тронь лошадей! Подай сюда кнутъ! и отецъ отбираетъ кнутъ. Кучеръ ѣдетъ немного сконфуженный.

У дальняго отвода, не смотря на то, что я съ Алешей соскочили и отворяемъ, Мосей тоже поспѣшно соскакиваетъ.

— Ты чего тамъ! сиди! вѣдь отворяютъ! кричитъ отецъ.

— Я такъ-съ, немножко-съ, запинаясь отвѣчаетъ Мосей и торопится подтянуть распустившійся черезсѣдельникъ.

— Ахъ, какая скука! Да гдѣ-же у тебя глаза-то были!

Мамаша толкаетъ отца, чтобы онъ не горячился. Но отецъ сегодня не въ духѣ.

— Ахъ, полно, матушка! Вѣдь скука съ ними возьметъ, только водку жрать и умѣютъ оба!

Мосей быстро вскакиваетъ на козлы и начинаетъ снова мызгать и дергать лошадей.

— Хоть ты тресни! И выведенный изъ терпѣнія отецъ приподымается и даетъ кучеру толчокъ въ шею. Шляпа едва не сваливается у того съ головы.

— Перестанешь мызгать?

Мосей окончательно опѣшилъ, и ѣдетъ, не смѣя оглянуться.

Около пяти верстъ ѣдемъ сосновымъ боромъ по песчаной и коренистой дорогѣ. Лѣсъ рѣдѣетъ, просвѣчивается, вдали на колокольнѣ блеститъ крестъ, за нимъ бѣлая церковь, а вотъ и самое село.

По близости церкви видѣнъ зеленый барскій домъ съ мезониномъ, бѣлыми колоннами и такими-же ставнями.

Миновавъ поля, въѣзжаемъ въ село и останавливаемся у барскихъ воротъ. Черезъ дворъ идемъ въ домъ. Штукъ пять собакъ, различной величины, съ лаемъ бѣгутъ къ намъ навстрѣчу. Одна, большая, рыжая, должно быть очень старая, кличка ей была Волкъ, лежитъ у самаго подъѣзда: она приподняла голову и глухо, отрывочно, лаетъ басомъ, не глядя на насъ, до того ей лѣнь поворотить свою старую шею.

Въ лѣвой сторонѣ двора поварская. Рамы вынуты, и внутри виднѣются поваръ и еще нѣсколько человѣкъ; всѣ они старательно заняты своимъ дѣломъ. На плитѣ безпрестанно вспы-

хиваетъ огонь и поднимаются клубы чаду, отъ пролитаго масла. Слышно его шипѣніе и трескотня ножей.

На широкомъ верстакѣ видны большія стерляди, только-что приколотыя. На дворѣ подъ окномъ пріютились котятки. Поджавъ подъ себя длинные хвостики, мурлыкая, ѣдятъ они выброшенныя рыбьи внутренности. По близости бѣгаетъ множество цыплятъ и пѣтушковъ; нѣкоторые изъ нихъ ожесточенно дерутся, вовсе не подозрѣвая того, что вотъ-вотъ поваръ изловитъ котораго-нибудь изъ нихъ, отойдетъ въ сторону и, загнувъ ему головку, подрѣжетъ тоненькое горлышко тонкимъ длиннымъ ножемъ и, подержавъ послѣ этого за ноги еще нѣсколько секундъ, броситъ на землю, предоставивъ ему на просторѣ дергать крыльями, сколько угодно. Куры и цыплята бѣгаютъ и суетятся. Только пѣтухъ, высокій, черный съ золотистыми крыльями, мѣрно шагаетъ и посматриваетъ по сторонамъ, все-ли въ порядкѣ.

Подходимъ къ дому. Домъ деревянный, очень старинный, построенъ еще моимъ прапрадѣдомъ въ началѣ семисотыхъ годовъ. Помню, мнѣ какъ-то разъ случилось попасть въ подвалъ. такъ я удивился толщинѣ бревенъ. Они были болѣе аршина въ діаметрѣ. Широкая желтая лѣстница ведетъ въ просторную свѣтлую прихожую. Слуга Иванъ Изотовъ, съ длинными кудреватыми волосами и съ любезной улыбкой на лицѣ, бросается съ клеенчатаго дивана снимать пальто съ папаши, причемъ объявляетъ, что Алексѣй Васильичъ сейчасъ къ обѣднѣ идутъ. Мамаша проходитъ сейчасъ въ комнату ключницы, Лизаветы Михайловны: дядя былъ холостой.

Пройдя изъ прихожей маленькую буфетную, входимъ въ залу. Первое, что бросается въ глаза, огромныя изразцовыя печи по угламъ, очень старинныя, украшенныя различными башенками, колонками, разрисованныя синею глазурью. Стѣны оклеены французскими обоями желтаго цвѣта, съ темными фигурками. На самомъ видномъ мѣстѣ прибита мраморная доска съ золотою надписью:

„Въ семъ залѣ изволилъ кушать Государь Императоръ Александръ I-й, 14 октября 1824 года“.

Направо и налѣво изъ залы идутъ гостиныя: правая „синенькая“, лѣвая—„зелененькая“, по цвѣту обой.

Подхожу къ окошку и гляжу. Видъ на Шексну былъ такъ красивъ, что всякій разъ, какъ мы ни пріѣдемъ, я невольно засматривался. Нескончаемая вереница судовъ медленно движется вверхъ по рѣкѣ. Вотъ проходитъ тяжелая барка: корма и носъ ея раскрашены зеленой краской, по рединѣ намалеваны бѣлыя лошадки. На вершинѣ мачты красуется разноцвѣтный кругъ съ небольшимъ краснымъ флагомъ. Въ передней части палубы сидятъ рабочіе, безъ шапокъ, и обѣдаютъ. Пятнадцать лошадей, гуськомъ, едва переступая съ ноги на ногу по песчаному берегу, тянутъ судно за длинную бичеву. Нѣсколько коноводовъ, загорѣлыхъ, въ пыли, оборванныхъ, съ потрескавшимися губами, оглушительно свищутъ, щелкаютъ кнутами, машутъ, хрипло кричатъ, бѣгаютъ отъ одной лошади къ другой и безостановочно ихъ погоняютъ. На кормѣ, на высокомъ приступкѣ, стоитъ лоцманъ, въ красной кумачевой рубахѣ и въ высокой поярковой шляпѣ. Опершись спиной на руль, онъ глядитъ на церковь, снимаетъ шапку и крестится; затѣмъ, обратившись къ своему дѣлу, берется за ручку руля, поворачиваетъ и протяжно кричитъ:

— Гоняй-й, гоня-й, Ванюха, гоняй-й-й.

Лошадей гонятъ еще сильнѣе; вонъ передняя, должно быть, сильно провинилась, такъ какъ одинъ изъ коноводовъ кидается и съ остервенѣніемъ разъ двадцать хлещетъ ее по одному и тому-же мѣсту. Та, несчастная, мечется во всѣ стороны, рвется, вытягивается и въ изнеможеніи припадаетъ на переднія колѣна.

За первой баркой тянется другая, повидимому, того-же самаго хозяина: одинаково выкрашена и съ такимъ-же кругомъ на мачтѣ. Лоцманъ хочетъ остановить ее.

— По-сто-о-ой, по-сто-о-ой! монотонно и протяжно кричитъ онъ и машетъ рукой, точно подзывая кого къ себѣ:—маленько по-стой-й-й!

Лошади останавливаются, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ тотчасъ-же ложатся въ сыпучій песокъ. Бичева падаетъ въ

воду, судно продолжаетъ идти еще немного и останавливается. Показывается третья барка. Эту тянутъ бурлаки: она кажется еще больше, еще тяжелѣе; вода немного не доходитъ до ея краевъ.

Человѣкъ съ полсотни рабочихъ, еще хуже оборванныхъ и загорѣлыхъ, нежели коноводы, безъ шапокъ, со всклокоченными волосами, босикомъ, свѣсивъ руки, какъ плети, молча тянутъ барку. Медленно и въ ногу идутъ они, навалившись туловищемъ въ жесткую лямку и по временамъ монотонно покрикиваютъ: по-де-ернемъ, по-де-ернемъ! При этомъ они еще дружнѣе и сильнѣе наваливаются. Издали всѣ бурлаки кажутся однимъ огромнымъ существомъ, которое тихо подается впередъ и мѣрно переваливается съ боку на бокъ.

Судно равняется съ церковью.

— Робя-я-я-та, по-мо-лим-те-ся Бо-о-о-гу! баситъ лоцманъ и молится на церковь. Бурлаки медленно крестятся, не убавляя шагу.

Въ то время, какъ я все это разглядываю, слышу позади себя голосъ:

— А! здравствуй, братъ!

Оглядываюсь, дядя здоровается съ отцомъ. Онъ почти одного росту съ папашей и съ такимъ-же брюшкомъ, также съ бритымъ подбородкомъ, но по военной привычкѣ носилъ длинные, уже сѣдые, усы. Ходилъ онъ постоянно въ форменной фуражкѣ съ краснымъ околышемъ.

Дядя былъ великій хлѣбосолъ и въ то-же время „нраву моему не препятствуй". Слава о его гостепріимствѣ шла на всю губернію. Человѣкъ онъ былъ умный, добрый, и такъ какъ имѣлъ хорошее состояніе и связи въ Петербургѣ, то все уѣздное и губернское начальство относилось къ нему съ величайшимъ почтеніемъ, чтобы не сказать болѣе. На нѣкоторые праздники, какъ напримѣръ, Преображеньевъ день — престолъ въ Любцѣ, Петровъ день, Казанской Божьей Матери, съѣзжалось къ нему гостей полонъ домъ, преимущественно мужчины. Начинался кутежъ, а подъ конецъ и великое пьянство. Въ карты онъ мало игралъ, но любилъ, чтобы у него играли. Выпить

любилъ крѣпко, и могъ очень много выпосить. Бывало все, какъ говорится — пьяно, всѣ улеглись, а онъ одинъ все еще разгуливаетъ, въ полпьяна, и буркаетъ себѣ подъ носъ: „Трамъ, ти-та-тамъ,—тамъ!“ при этомъ лицо у него становилось красное, въ особенности носъ, по которому наливались темносиніе багровыя жилки. Когда гостей не было, и дядѣ становилось скучно, посылалъ онъ своего слугу, Изотова, рядомъ на почтовую станцію, узнать: нѣтъ-ли кого проѣзжающихъ. Если таковые оказывались, то посланный являлся и передавалъ, что, дескать, здѣшній помѣщикъ, полковникъ Алексѣй Василичъ Верещагинъ, проситъ пожаловать къ нимъ откушать тарелку ухи. Приглашеніе обыкновенно принималось весьма охотно. Иногда-же, по какому-либо случаю, проѣзжающіе отказывались. Тогда выходила цѣлая исторія: помѣщикъ сердился и не приказывалъ давать лошадей (онъ самъ содержалъ станцію). Тѣ требовали жалобную книгу, но въ концѣ концовъ дѣло всетаки улаживалось, и кончалось тѣмъ, что шли въ домъ, обѣдали и оставались очень довольны черезъ-чуръ хлѣбосольнымъ хозяиномъ. Случалось, нѣкоторые, познакомившись съ дядей короче, гостили у него по нѣскольку дней, забывъ и курьерскую подорожную и жалобную книгу.

Былъ онъ очень набоженъ и ежегодно осенью, въ сопровожденіи своей ключницы Лизаветы Михайловны, отправлялся пѣшкомъ на богомолье въ монастырь. Запрягались тарантасъ и тележка: въ послѣднюю укладывались боченки съ водкой, наливкой, закуски и разныя разности по части кухни. Въ тележкѣ ѣхалъ Изотовъ.

Дядя шелъ пѣшкомъ; когда-же уставалъ, то садился въ тарантасъ. До монастыря было верстъ около полутораста; дорогой онъ выпивалъ и закусывалъ, но ѣлъ постное.

Надо сказать, что дядя обладалъ желѣзнымъ здоровьемъ и боленъ никогда не бывалъ. Когда кто жаловался ему, то онъ обыкновенно совѣтовалъ: „Э, братецъ, выпей, да закуси, все какъ рукой сниметъ“.

По пріѣздѣ въ монастырь, настоятель, знакомый и другъ Алексѣя Васильича, отводитъ ему келью. Первое время дядя

аккуратно посѣщалъ всѣ службы: заутрени, обѣдни и вечерни; но затѣмъ, мало-по-малу, къ нему начинала навѣдываться братія; возобновлялись старыя знакомства, вспоминалась „старинка“, и дѣло кончалось тѣмъ, что нѣкоторые напивались. До глубокой ночи слышался стукъ въ его двери и возгласы:

— Во имя Отца и Сына! Отворите!

Дядя въ просоньѣ кричалъ:—Изотовъ! сунь ты ему полштофа, отвяжись отъ него!

Изотовъ тихонько вставалъ, отворялъ немного дверь и, не глядя, просовывалъ бутылку, которая немедленно схватывалась со словами:

— Спаси тя Господи!

Прогостивъ недѣлю, иногда и двѣ, дядя уѣзжаетъ домой: прощаться, разумѣется, сходится вся братія, и провожаютъ далеко за монастырскія стѣны.

Но воротимся къ нашему разсказу.

Поздоровавшись съ отцомъ, дядя спрашиваетъ:

— А гдѣ-же Анна Николаевна?

— Къ Лизаветѣ Михайловнѣ пошла, отвѣчаетъ папаша, смотритъ на свои карманные часы и говоритъ:—Не пора-ли, братъ, въ церковь?

— Пожалуй что пора, отвѣчаетъ тотъ. Мы подбѣгаемъ къ дядѣ и здороваемся. Онъ каждаго изъ насъ цѣлуетъ, гладитъ по головѣ и приговариваетъ:

— Здравствуйте, здравствуйте, молодцы!

Онъ былъ очень ласковый и мы всѣ его любили. Часто дарилъ онъ намъ пряники и даже деньги.

Отецъ надѣваетъ свою черную пуховую шляпу; дядя фуражку съ краснымъ околышемъ, и мы отправляемся въ церковь. На дворѣ встрѣчаемъ мамашу съ Лизаветой Михайловной, женщиной еще въ полной силѣ, лѣтъ 35-ти, небольшого роста, и миловидной. Онѣ обѣ идутъ съ распущенными зонтиками и весело разговариваютъ. Увидѣвъ мамашу, дядя снимаетъ фуражку, раскланивается и цѣлуетъ у ней ручку. Мамаша въ свою очередь цѣлуетъ его въ лобъ. Освѣдомляются

другъ у друга о здоровьѣ, и затѣмъ мы идемъ всей гурьбой далѣе.

Церковь отъ дому шаговъ съ полсотни. На колокольнѣ громко названиваютъ.

Увидавъ насъ съ колокольни, ребята-звонари хотятъ отличиться и удваиваютъ усилія. Такія выдѣлываютъ колѣна, что чудо. Маленькіе колокола переливаются стройно, и постепенно переходятъ къ болѣе густымъ, все басистѣе, басистѣе, и затѣмъ густой бо-о-о-омъ покрываетъ всѣ остальные. Подъ эту музыку скоро проходимъ ограду. Церковныя двери настежъ, и пѣніе раздается далеко. Храмъ полонъ молящимися.

На паперти, дядя первый снимаетъ фуражку, крестится и бочкомъ проходитъ между народомъ. Мы слѣдуемъ за нимъ. Народъ съ почтеніемъ сторонится, пятится и съ поклонами даетъ дорогу. Дядя становится совсѣмъ впереди, возлѣ клироса, и кладетъ на край свою фуражку. Пѣвчіе мальчики съ любопытствомъ смотрятъ сначала на него, потомъ на фуражку и затѣмъ сторонятся подальше, чтобы какъ-нибудь не уронить ее. Мы становимся сейчасъ сзади. Отецъ любилъ строить насъ лѣстницей по росту. Слѣва—самаго высокаго, Колю, потомъ Васю, далѣе Сережу, Мишу, Алешу и наконецъ меня. Сестра Маша становится съ мамашей.

Поютъ на двухъ клиросахъ. Около нашего поетъ шесть человѣкъ: старый дьячокъ Семенъ, два его сына и три парня изъ деревни. Семенъ пѣлъ глухимъ, замирающимъ голосомъ и какъ будто-бы все сбирался плакать. Во время пѣнія, онъ правой рукой постоянно щиплетъ свою жиденькую бородку, лѣвой поддерживаетъ правую, прижимая ее къ животу. Эту позу онъ не измѣнялъ въ продолженіи всей службы, и даже когда возвращался изъ алтаря и по пути кланялся дядѣ и отцу. Сыновья его пѣли совершенно не въ тонъ, хотя Семенъ частенько тыкалъ въ затылокъ то того, то другого.

На лѣвомъ клиросѣ пѣлъ молодой дьячокъ Андрей съ длинными русыми волосами. Онъ былъ одинъ, и буквально заливался какъ только могъ.

По временамъ онъ съ гордостью поглядывалъ на правый

клиросъ, и, кажется, только не говорилъ: „Хотя васъ тамъ и шестеро, а я одинъ, да не уступлю“.

— Паки-и, паки-и миромъ Господу помолимся! гнуситъ немного, высокій, еще нестарый священникъ, отецъ Мефодій, выходя изъ царскихъ вратъ.

— Господи поми-и-и-луй, ловко подхватываетъ на другомъ клиросѣ Андрей и снисходительно взглядываетъ на Семена.

Всѣ прихожане высоко уважали дьячка Андрея за его голосъ и манеру пѣнія:

— Молодчина пѣтъ, говорили они, хотя тотъ такъ другой разъ усердствовалъ, что хоть уши затыкай.

Отецъ Мефодій служилъ обѣдню необыкновенно быстро. За неимѣніемъ дьякона, онъ самъ говорилъ эктеньи и, не окончивъ одинъ возгласъ, начиналъ другой.

Вся обѣдня длилась у него самое большее $^3/_4$ часа. Передъ концомъ, высылалъ онъ дьячка съ просвирками, и тотъ разносилъ ихъ на кругломъ оловянномъ блюдѣ: сначала дядѣ, потомъ папашѣ. затѣмъ мамашѣ и Лизаветѣ Михайловнѣ. Ежели былъ кто еще изъ почетныхъ, то и тому то-же.

Отецъ Мефодій еще задолго до конца службы заглядывалъ за занавѣску въ царскихъ вратахъ и, тыкая пальцемъ оттуда, считалъ, сколько и кому слѣдуетъ дать просвирокъ. Самыя большія и свѣжія подавались, конечно, дядѣ и отцу, поменьше — мамашѣ и Лизаветѣ Михайловнѣ; намъ-же подавались накрошенные кусочки. Дядя бралъ просвирку, нюхалъ, потому что любилъ запахъ свѣжаго хлѣба, и клалъ въ фуражку. Отецъ немедленно отламывалъ, ѣлъ, и затѣмъ передавалъ остатки мамашѣ, приговаривая: На-ка, Анюта, кушай; дай и дѣтямъ!

Мамаша начинала одѣлять насъ, и такъ какъ просвирки обыкновенно были вынутыя, поэтому она ломала ихъ съ большой осторожностью, чтобы не уронить ни малѣйшей крошки, а если таковыя падали на платье или на полъ, то мы тщательно ихъ подбирали и ѣли.

Одѣливъ насъ, мамаша подставляла лѣвую ладонь лодоч-

кою къ подбородку и начинала кушать свою долю, причемъ набожно крестилась и шептала молитву.

Обѣдня кончается.

Священникъ выходитъ съ крестомъ въ рукахъ и останавливается около дьячка Семена, который держитъ чашу со святой водой и кропиломъ.

Мы приближаемся къ кресту.

Священникъ первому даетъ крестъ приложиться дядѣ, кропитъ ему легонько темя, на которомъ уже пробивается порядочная лысина, здоровается и поздравляетъ съ праздникомъ. За нимъ прикладываются папаша, потомъ мамаша. Отецъ Мефодій тоже кропитъ ихъ, здоровается, и начинаетъ довольно громко и долго съ ними разговаривать, причемъ намъ и всѣмъ остальнымъ суетъ крестъ прикладываться уже не глядя, куда попало, и кропитъ, даже не обмакнувъ кропило въ чашу съ водой.

Выходимъ изъ церкви. День ясный. На улицѣ толпится не мало народу, всѣ одѣты по праздничному, кое-гдѣ слышны пѣсни; подгулявшихъ еще незамѣтно. При видѣ насъ, мужики и бабы съ поклонами сторонятся, ребятишки со страхомъ отбѣгаютъ прочь.

— Баре, баре идутъ! шепчутъ они, и съ любопытствомъ разсматриваютъ насъ.

— Это—большенькій-то, который-же? шепчетъ одна баба другой и тычетъ пальцемъ.

— Это Миколай. А вонъ другой, рядомъ-то, Васинька, объясняетъ нертовская баба. Акулина Трифонова-то ему кормилка будетъ!

Въ это время, дѣйствительно къ Васѣ подходитъ его кормилка Акулина, высокая, молодая баба, въ синей ватной кацавейкѣ, съ пестрымъ платкомъ на головѣ, довольно симпатичная, кланяется намъ и здоровается: „Здравствуй, Васинька, кормилецъ мой! На-ка тебѣ“—и достаетъ изъ-за пазухи яйцо и съ улыбкой подаетъ ему. Братъ сначала немного конфузится, но затѣмъ благодаритъ и цѣлуетъ ее.

Только что мы пришли въ домъ и усѣлись за чай, какъ

видимъ, черезъ залъ бѣжитъ запыхавшись маленькая старушка Титовна, жившая при домѣ лѣтъ сорокъ: „Попы, попы идутъ!“ какъ сумасшедшая кричитъ она и пробѣгаетъ черезъ залу на встрѣчу имъ.

— Священники пхишхи, картавя докладываетъ Изотовъ.

— О Господи, чтой-то какъ они рано сегодня? замѣчаетъ Лизавета Михайловна, съ недовольнымъ лицомъ, и подымается изъ-за чайнаго стола.

Отецъ Мефодій съ дьячкомъ Семеномъ входятъ въ залъ и, мелькомъ поздоровавшись съ нами, проходятъ въ уголъ, гдѣ приготовленъ маленькій столикъ, накрытый бѣлой салфеткой: на немъ стоятъ три опрокинутыя рюмки, съ приклеенными восковыми свѣчами.

Дьячокъ Андрей остается въ прихожей раздуть кадило. Прихожая наполняется дворовыми и постороннимъ людомъ. Два крестьянина, одѣтые очень чисто, приносятъ на полотенцахъ икону и ставятъ на столъ. Дядя зажигаетъ свѣчи. Отецъ Мефодій надѣваетъ коротенькую ризу и сильнымъ движеніемъ плечъ поправляетъ ее на себѣ, затѣмъ выправивъ волосы, начинаетъ служить молебенъ по обыкновенію нѣсколько въ носъ:

— Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!

— Аминь, замирающимъ голосомъ тянетъ Семенъ.

— Богъ, Господь и явися намъ..., снова тянетъ отецъ Мефодій, и при этомъ смотритъ въ окно на проходящее красивое судно.

— Благословенъ грядый..., оживленно подхватываетъ изъ прихожей Андрей: онъ уже раздулъ кадило и сію минуту хочетъ нести священнику, который начинаетъ бросать на него нетерпѣливые взгляды.

Молебенъ живо кончился: наши чашки не успѣли остыть, какъ мы снова за нихъ усѣлись. Поповъ-же проводятъ въ дѣвичью. Тамъ для нихъ накрытъ столъ, и такъ какъ день постный, то имъ подали пирогъ со стерлядью „снутою“, горячую щуку подъ хрѣномъ и жаренаго леща; къ этому два графина,

одинъ съ водкой, другой съ наливкой смородиновой, „не сла-щеной“.

Отъ всего этого они съ удовольствіемъ вкусили; отъ пирога остался уголъ съ выковыренной рыбой; отъ леща голова и хвостъ обсосанные. Въ графинахъ осталось небольше половины.

— Что, довольны-ли, отецъ Мефодій? спрашиваетъ дядя, входя къ нимъ въ комнату.

— Покорно благодарю! очень доволенъ! отвѣчаетъ тотъ, приподымаясь.—Много довольны! очень благодарны! вторятъ дьячки, тоже приподымаясь и прикладывая руки къ сердцу.

Они вскорѣ уходятъ продолжать обходъ по селу.

Не больше какъ за часъ до обѣда, вдали за рѣкой, на наволокѣ, показалась пыль. Давай скорѣй смотрѣть въ трубу, которая стояла постоянно въ гостинной, большая мѣдная на ножкахъ.

Два большихъ тарантаса, запряженные тройкой собственныхъ лошадей, быстро приближались, при чемъ передняя тройка обдавала густой пылью заднюю. Въ экипажахъ виднѣлись одни мужчины. Перевозчики, еще издали, замѣтили пыль и спѣшатъ подать паромъ. Они шибко тянутъ канатъ и торопливо перебѣгаютъ съ одного конца помостка на другой, растопыривъ мокрые пальцы. Погода совершенно тихая и разговоръ изъ-за рѣки ясно слышенъ.

Оба экипажа, почти одновременно, подъѣхали къ перевозу. Господа лѣниво вылѣзаютъ, потягиваются, расправляютъ отсидѣлые члены, встряхиваютъ запылившіяся фризовыя шинели, и легонько, не торопясь, не теряя достоинства, спускаются къ только что подошедшему парому. Запоръ вынимаютъ, и перевозчики съ поклонами встрѣчаютъ гостей. Передняя тройка въѣзжаетъ и становится въ уголъ. Не успѣла она хорошенько встать, какъ послышался отдаленный, тонкій звонъ почтоваго колокольчика.

— Микифоръ! постой-ко маленько, я сбѣгаю взгляну,

ровно „колокольчико“ звенить, обращается молодой перевозчикъ, въ кумачевой рубахѣ, въ фуражкѣ съ полуоторваннымъ козырькомъ, къ другому, пожилому. Этотъ, безъ шапки, съ растрепанными волосами, въ клѣтчатой крашенинной рубахѣ и холщевыхъ штанахъ, босикомъ, старательно подпихивалъ экипажъ, чтобы дать мѣсто слѣдующему.

— Али звенить? возражаетъ Никифоръ и оставивъ на время работу, настораживаетъ уши. Порывъ вѣтра ясно доноситъ звонъ колокольчика.

Тѣмъ временемъ по наволоку, то теряясь за кустами, то снова показываясь изъ-за нихъ, неслась усталая почтовая тройка. Густые клубы пыли слѣдовали за ней.

— Надо быть, исправникъ гонитъ! кричитъ съ берегу перевозчикъ, стоя на днѣ опрокинутой лодки и защищаясь рукой отъ солнца.

Пріѣхавшіе гости уже разсѣлись на скамейкѣ парома.

Одинъ изъ нихъ, пожилой, высокій господинъ, съ подстриженными усами и круглымъ бритымъ подбородкомъ, довольно полный, въ черномъ сюртукѣ, въ бѣломъ коломянковомъ жилетѣ и штанахъ, сидитъ, поджавши одну ногу.

— Кх-кх-кх! хохочетъ онъ, оскаливая полусгнившіе зубы и снявъ пыльную фуражку, скребетъ повыше лба сѣдую стриженую голову. Это нашъ знакомый Федоръ Ивановичъ Лепешкинъ.

Противъ него стоитъ маленькій, съ черненькими усиками, аккуратненькій господинъ, помѣщикъ Михаилъ Павловичъ Шепелявовъ, тоже въ черномъ сюртукѣ и въ коломянковыхъ жилетѣ и штанахъ; на головѣ морская офицерская фуражка. Онъ съ жаромъ что-то объясняетъ Лепешкину, причемъ брызжетъ немного слюнями прямо тому въ лицо. Послѣдній, по привычкѣ, не обращаетъ на это никакого вниманія и продолжаетъ хохотать и скребсти темя.

Въ сторонѣ, на другой скамьѣ, сидитъ, и поплевывая за бортъ, любуется видомъ на рѣку, старый, отставной генералъ, маленькій, весь сморщившійся. Ему такъ и прозвище было: „маленькій генералъ“, хотя въ лицо его зовутъ: ваше превосхо-

дительство. Онъ былъ изъ сосѣднихъ мелкопомѣстныхъ. Сѣдые волосы его на вискахъ зачесаны далеко впередъ, усы коротко подстрижены, форменная одежда сильно поношена, и видно, что уже давно отслужила свой срокъ.

Вдоль парома, не слышно ступая резиновыми галошами, разгуливаетъ, въ фризовой шинели, бывшій уѣздный лѣсничій Петръ Степановичъ Воробьевъ, высокій красивый мужчина, съ большими бакенбардами. Онъ ходитъ, и, прикусивъ нижнюю губу, какъ-бы думаетъ про себя: „Постойте, мои милые, ужъ я-же васъ сегодня пр-роберу“. Онъ былъ большой любитель „перекинуть въ картишки“ направо и налѣво.

Но вотъ съ громомъ подкатываетъ исправникъ, Вафлинъ, и прямо въѣзжаетъ на паромъ.

— А! Что! Каковъ! Говорилъ догоню! весело кричитъ онъ еще издали; вылѣзаетъ изъ почтоваго тарантаса и безъ церемоніи начинаетъ со всѣми цѣловаться въ губы съ засосомъ, вовсе не обращая никакого вниманія, желаютъ-ли съ нимъ цѣловаться или нѣтъ; причемъ обхватываетъ щеки противника мягкими, пухлыми, грязными руками, съ ногтями, до-нельзя обкусанными и пропитавшимися табачнымъ сокомъ, отчего онѣ у него получили коричневый цвѣтъ.

Вафлинъ былъ человѣкъ очень коротенькій и очень толстый, весьма открытой симпатичной наружности, бороду брилъ и носилъ одни усы, до крайности веселый и безпечный, вѣчно шутилъ и хохоталъ. Самый серьезный человѣкъ, въ его присутствіи, долженъ былъ непремѣнно развеселиться. Неряшливъ былъ онъ ужасно: форменный зеленый сюртукъ всегда въ пятнахъ, прожженъ, безъ пуговицъ, рубашка тоже грязная, засыпанная табачной золой, бѣлые, какъ ленъ, волосы вѣчно всклокочены. Ходилъ онъ животомъ впередъ, слегка переступая своими коротенькими, толстыми ножками. Въ деньгахъ всегда нуждался, но никогда не горевалъ.

Исправникъ оказался всѣмъ пріятель, началъ по обыкновенію шутить, смѣяться и моментально всѣхъ развеселилъ; даже серьезный маленькій генералъ — и тотъ оставилъ свое мѣсто и подошелъ къ другимъ посмѣяться.

Паромъ присталъ. Лошади проѣзжаютъ прямо на конюшню; гости-же входятъ ближайшей калиткой во дворъ, и прежде всего здороваются съ собаками, которыя, не сходя съ мѣста, лаютъ и вертятъ хвостами. Въ прихожей, услужливый Изотовъ съ неизмѣнной улыбочкой встрѣчаетъ гостей, помогаетъ раздѣться, обчищаетъ запылившіеся воротники и сапоги и провожаетъ въ комнаты.

— Долго, долго! раздается басистый хозяйскій голосъ.

— Вотъ кто виноватъ! вотъ! и прибывшіе указываютъ на исправника,—ждали, ждали, да наконецъ одни и поѣхали!

— А все-таки догналъ! настаиваетъ Вафлинъ, и оправдываясь передъ хозяиномъ тѣмъ, что ему необходимо нужно было гдѣ-то, по пути, въ деревнѣ, троихъ отодрать, приготовился было поцѣловать дядю въ губы. Но тотъ, живя на большой дорогѣ, слишкомъ хорошо изучилъ привычки исправника, а потому, схвативъ его за обѣ руки, подсунулъ свою щеку. Мой папаша оказался не такъ предусмотрителенъ, и за-то немедленно почувствовалъ на щекахъ своихъ пухлыя ладони, а на губахъ продолжи-и-тельный, сла-а-д-кій поцѣлуй.

Въ это время на одинъ конецъ длиннаго стола, старикъ поваръ, въ сюртукѣ поверхъ кумачевой рубахи, подпоясанной чистымъ бѣлымъ фартукомъ, ставитъ продолговатый, красной мѣди котелъ, со стерляжьей ухой.

Столъ накрытъ бѣлой скатерью. Вдоль стола разставлено около дюжины бутылокъ съ различными наливками: слащеной, подслащеной, неслащеной; на бутылкахъ наклеены маленькіе ярлычки, писанные чернилами: „брусника“, „малина“, „рябина“ и т. д. На нѣкоторыхъ, вѣроятно для краткости, значилось просто: „смрадина“.

— Ну-съ, пожалуйте-съ, покорно просимъ! зоветъ хозяинъ. Крышку съ котла снимаютъ, и дядя приступаетъ самъ лично къ разливанію ухи. Это онъ совершаетъ торжественно, точно таинство какое, заботливо кладетъ на тарелку каждому по куску стерляди, приноравливаясь такъ, чтобы всѣмъ хватило и никого не обидѣть.

Горячее почти кончили, какъ на дворѣ послышался снова

лай собакъ, звонъ колокольчика и громкое шарканье бубенчиковъ. Въ зало входитъ, пристукивая тростью, сосѣдъ, богатый помѣщикъ, князь Голицынъ. Разбитый параличемъ, онъ плохо владѣетъ лѣвой ногой, и безъ палки ходить не можетъ. Князю лѣтъ подъ 40, брюнетъ, довольно красивый, съ густыми нависшими бровями, съ небольшой подстриженной бородой и горбатымъ носомъ. Большой кутила и охотникъ поиграть въ карты.

— А, ваше сіятельство! слышится со всѣхъ сторонъ.

Князь со всѣми раскланивается, папаша подвигается и новый гость садится на уголъ, между нимъ и хозяиномъ.

Во время обѣда дядя безпрестанно подчуетъ гостей наливкой, при чемъ напередъ знаетъ вкусы каждаго.

— Петръ Степанычъ, что-же вы смородины, вѣдь не слащеная!

— Федоръ Иванычъ, рябинки! отличная, попробуйте-ка!

— Ваше сіятельство! какой прикажете? Съ ледкомъ?

Къ концу обѣда гости становятся все веселѣе и веселѣе. Лепешкинъ уже опять громко хохочетъ и скребетъ темя.

Пирожное окончили; идутъ отрывочные разговоры. Сейчасъ встанутъ.

— Просимъ не прогнѣваться! провозглашаетъ дядя и первый отодвигаетъ стулъ. За нимъ съ шумомъ подпимаются всѣ. Салфетки бросаются куда попало: на столъ, на стулья, нѣкоторыя упали подъ столъ, а одна попала какъ разъ на рюмку съ наливкой, опрокинула ее и окрасилась въ пунцовый цвѣтъ. Всѣ спѣшатъ благодарить хозяина.

Въ зелененькой гостиной раскрыты карточные столы. На каждомъ лежитъ по двѣ колоды картъ, зеленаго и краснаго крапа, и по нѣскольку мѣлковъ, оправленныхъ въ разноцвѣтныя бумажки.

Немного спустя, Петръ Степанычъ Воробьевъ, тѣмъ-же неслышнымъ шагомъ, и какъ-бы присѣдая, съ колодою въ рукахъ, обходитъ гостей и предлагаетъ желающимъ выдернуть карту.

Первому—князю, второму Лепешкину, затѣмъ Шепелявову, четвертый онъ самъ. Это главный столъ.

За вторымъ столомъ усаживаются — маленькій генералъ, одинъ худощавый купецъ лѣсопромышленникъ, съ козлиной бородкой, и папаша, къ которому я и присаживаюсь, чтобы посмотрѣть на игру. Впрочемъ, около папаши во время игры ни мнѣ, ни братьямъ, не удавалось долго просидѣть, такъ-какъ онъ, хотя и не игралъ по большой, но все-таки, при первой же неудачѣ, убѣдительно просилъ уйти, говоря:

— Отойди, братъ, не стой надъ душой! и при этомъ бралъ за плечо и поворачивалъ.

Исправникъ хотя и не играетъ, но все-таки присаживается къ Воробьеву, съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ въ рукахъ. Онъ очень интересуется игрой, сильно сосетъ трубку, пускаетъ кольцами дымъ и до того надоѣдаетъ Петру Степанычу, что тотъ не выдерживаетъ и проситъ его уйти, говоря:

— Ты-бы ужь отошелъ, Вафлинъ, а то надымилъ такъ, что вздохнуть нельзя!

— Да, да, не худо-бы сдѣлалъ! подхватываютъ и другіе.

Нисколько не обидѣвшись, исправникъ переходитъ ко второму столу и подсаживается къ маленькому генералу, будучи увѣренъ, что уже этотъ его не прогонитъ. Въ комнатѣ тишина; изрѣдка слышится: „Что козыри?—А чей ходъ?—Пики не велики!"

Послѣ виста, за первымъ столомъ переходятъ на банкъ. Тутъ ужь Воробьевъ оказывается „въ своей тарелкѣ". Съ видомъ знатока и по обыкновенію поджавъ губы, тасуетъ онъ и подрѣзаетъ карты; ловко мечетъ, хладнокровно записываетъ, отписываетъ, очень мало говоритъ, и терпѣливо дожидается, пока партнеръ выберетъ карту. Князю не везетъ. Онъ горячится и удваиваетъ куши.

— Десять рублей очко! невнятно бормочетъ онъ, полуразбитымъ отъ паралича языкомъ.

— Копѣйки на смарку? предупредительно спрашиваетъ банкометъ.

— Конечно!

Карта дана, Воробьевъ достаетъ со стола изъ пачки, прикрытой мѣлкомъ, сто-рублевую ассигнацію и подаетъ князю. Тотъ ставитъ новую карту.

— „Ва-банкъ", — тѣмъ же невнятнымъ голосомъ объявляетъ князь, и держитъ карту на столѣ, готовясь открыть ее. Къ столу подходятъ остальные гости и интересуются, чѣмъ кончится.

— Сколько въ банкѣ? — вполголоса спрашиваютъ они другъ друга. Одинъ шепчетъ: 300, другой 400 рублей.

Воробьевъ съ эффектомъ повертываетъ колоду и съ выдержкой мечетъ. Карта опять дана. Краска бросается ему въ лицо, съ досады онъ перерываетъ заразъ всю колоду. Ловко дѣлалъ это Воробьевъ, никто изъ гостей, какъ потомъ ни старался, не могъ продѣлать этой штуки, только карты мяли.

Петръ Степанычъ проигрался, у него нѣтъ съ собой больше денегъ. Играть хочется; надо гдѣ-нибудь раздобыть. Подъ руку съ Шепелявовымъ отходитъ онъ въ уголъ и оттуда я слышу неясный полушопотъ:

— Завтра отдашь?

— Ей Богу-же, завтра.

— Честное слово?

— Честное слово.

Шепелявовъ осторожно разстегиваетъ жилетку, рубашку, достаетъ съ груди потайной, замшевый мѣшочекъ, вынимаетъ сколько-то кредитныхъ билетовъ и подаетъ несчастливому игроку. Игра завязывается снова.

Въ это время, вижу, Лизавета Михайловна съ мамашей сбираются прогуляться по деревнѣ и поглядѣть на хороводъ — я пристаю къ нимъ: погода прекрасная, солнышко уже стоитъ на закатѣ.

На площади, близь церкви, съ полсотни дѣвушекъ и парней, взявшись за концы платковъ, съ пѣснями водятъ хороводъ. Кругъ медленно двигается; пара за парою останавливается и дожидается очереди. Я многихъ дѣвицъ знаю по

имени. Вотъ приближается стройная Наталья Мизина: лицо смуглое, румянецъ во всю щеку. Пестрый сарафанъ на ней, хотя старенькій, но шелковый; на плечахъ кисейная безрукавка; на шеѣ бусы въ нѣсколько рядовъ въ видѣ янтарей и жемчуга, каштановые волосы повязаны голубымъ шелковымъ платкомъ съ пунцовыми цвѣточками, въ косѣ двѣ розовыя ленты. Все хорошо и красиво, только грубые шерстяные чулки и угловатые башмаки немало портятъ нарядъ. У Мизиной пріятный голосъ, почему она работаетъ запѣвалой. При видѣ насъ она стѣсняется, но все-таки продолжаетъ тянуть нѣсколько визгливо:

Ой, никто-то меня не пожалѣе-е-е-етъ,

и при этомъ искоса взглядываетъ на барыню.

Охъ, ни-и-и-кому меня не жа-а-а-аль!

охрипылымъ басомъ подтягиваетъ ея кавалеръ, Антонъ Патинъ, который слѣдуетъ за ней. Это высокій широкоплечій дѣтина, съ самымъ добродушнымъ лицомъ. Я его знаю хорошо, онъ очень сильный и всѣхъ ребятъ въ селѣ перетягиваетъ на скалкѣ.

Слова, которыя онъ пѣлъ, какъ-то совсѣмъ не подходили къ его фигурѣ: чтó, думается, его жалѣть, когда онъ самъ кулакомъ вола зашибетъ!

Одѣтъ онъ не плохо: поверхъ кумачевой рубахи, черная жилетка съ бронзовыми пуговицами, въ которыя вставлены синія стеклышки; рубашка подпоясана шерстянымъ поясомъ съ кисточками. Черныя суконныя шаровары на колѣнкахъ потерты; сапоги блестятъ отъ дегтю; костюмъ завершаетъ совершенно новая ватная фуражка съ глянцовитымъ козырькомъ.

Антонъ немножко „подъ шефе“, и отъ времени до времени любезничаетъ со своей дамой; та смѣется и прикрывается узелкомъ, изъ котораго торчатъ крендели и пряники.

Полюбовавшись на хороводъ, идемъ далѣе. Изъ-за угла одной хатки вылетаетъ, по наружности должно быть отстав-

ной солдатъ, въ розовой ситцевой рубахѣ, безъ шапки, шаровары порваны, руки растопырены.

Послѣдній день красы моей-й, укра-а-а-шенъ...!

оретъ онъ, наклонившись туловищемъ впередъ, и стараясь идти прямо передъ собой, что ему не вполнѣ удается. Дѣлая видъ, что не замѣчаетъ насъ,—круто сворачиваетъ въ другую улицу.

. . . . . Божій свѣтъ!

доносится отъ него крикъ. Послѣднія слова онъ не дотягиваетъ и обрывается.

Подгулявшихъ становится все больше и больше. Вонъ сторонкою, подъ руку съ двумя парнями, гуляетъ молодуха: красный платокъ съ головы ея немного съѣхалъ, она этого не замѣчаетъ; одинъ изъ ея кавалеровъ наигрываетъ въ гармонію, бабенка-же звонко поетъ:

Кабы ты да моя милая,
Не такая была!

Ей грубымъ и сиплымъ басомъ вторятъ мужскіе голоса:

Ахъ, не такая мила-бъ была-бъ,
Прочихъ не любила-бъ!

Кавалеры издали намъ снимаютъ шапки и клапяются, молодуха не видитъ и продолжаетъ визжать:

Ахъ, прочихъ, мила, не любила,
Меня не сушила!

Шагахъ въ тридцати—кабакъ; у дверей толпится народъ; изнутри доносятся брань и крики:

— Ну, тронь, ну, тронь! — Чтожъ ты! Ну тронь!

Мы спѣшимъ взять какъ можно въ сторону и затѣмъ поворачиваемъ домой.

На встрѣчу намъ, обнявшись и пошатываясь, плетутся два пèртовскихъ мужика, въ высокихъ поярковыхъ шляпахъ въ видѣ усѣченныхъ конусовъ, оба крѣпко на-веселѣ. Идутъ они не торопясь, дружески разсуждаютъ, при чемъ убѣдительно

помогаютъ рукамп; по временамъ останавливаются и снова трогаютъ далѣе.

Они видимо переживаютъ самыя счастливыя минуты въ своей жизни, забывъ на время всѣ невзгоды подневольности: и помѣщика, и старосту, и даже самую ненавистную барщину.

Но вотъ одинъ изъ нихъ увидѣлъ свою барыню. Сознаніе пересиливаетъ хмѣль. Мужикъ останавливается, обѣими руками стаскиваетъ со всклокоченной головы высокую шляпу, и медленно отвѣшиваетъ низкій-низкій, чуть не земной поклонъ, такъ что волоса его почти касаются земли. Товарищъ его пока еще ничего не замѣчаетъ и идетъ себѣ своей дорогой; но, пройдя нѣсколько шаговъ, останавливается, смутно озирается кругомъ и тоже узнаетъ въ чемъ дѣло: стащивъ съ головы шляпу, онъ нетвердыми шагами направляется къ барынѣ, становится на колѣни, и плаксивымъ дребезжащимъ голосомъ начинаетъ визгливо вскрикивать:

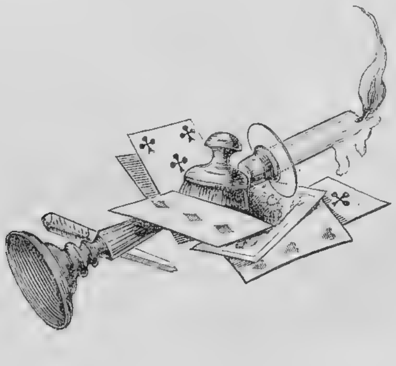
— А-а-а-а! Ма-а-ату-ушка-а! Ба-а-ры-ы-ня-я! Анна Миколаевна-а! Дай ручку поцѣловать, корми-и-и-лица!

Мамаша не знаетъ, что ей дѣлать: и руку боится дать, и мужика обидѣть не хочетъ. Первый крестьянинъ выводитъ ее изъ затрудненія: съ бранью отталкиваетъ онъ пріятеля и кричитъ:

— Что ты, дубина, присталъ къ барынѣ?—И нахлобучивъ ему шляпу чуть не до самыхъ глазъ, уводитъ.

— Ру-у-у-чку, то-о-о-о-лько ру-у-у-у-чку!—слышится еще нѣкоторое время.

Вечеромъ, послѣ чая, Мосей подаетъ тарантасъ, сзади подъѣзжаетъ таратайка, и мы уѣзжаемъ обратно въ Пѣртовку.



ГЛАВА VII.

Нѣмецкій пансіонъ. Петербургская гимназія.

Въ августѣ 18** г., мы пріѣхали опять въ Петербургъ. Меня рѣшено было отдать въ нѣмецкій пансіонъ доктора В... Мы отправились съ отцомъ на экзаменъ. Экзаменовалъ самъ В..., высокій суровый нѣмецъ, съ очками на носу; спросилъ читать, писать, четыре правила ариѳметики, и я былъ принятъ въ „сексту“, т. е. въ самый младшій классъ. Папаша отдалъ за полгода 60 р., и сунувъ мнѣ въ руку 3 к. на булку, ушелъ домой. Тутъ случился со мной маленькій казусъ. Было 12 часовъ, т. е. время завтрака; вижу всѣ ученики идутъ внизъ, въ столовую, и я за ними,—усѣлся за столъ. Какъ теперь помню, подали отличную рисовую молочную кашу, посыпанную сверху корицею и мелкимъ сахаромъ—превкусная. Я себѣ преспокойно уписываю, а три копѣйки держу въ рукѣ. Вдругъ подходитъ какой-то господинъ и съ пресердитою миною начинаетъ мнѣ объяснять, что я приходящій и здѣсь завтракать не имѣю права. Мнѣ стало очень совѣстно. Всѣ на меня смотрятъ, смѣются, перешептываются. Я сконфузился окончательно, разжимаю кулакъ и подаю господину

3 к. Отъ такой неожиданности нѣмецъ растерялся не менѣе моего; и хотя далъ дозавтракать, но не забылъ напомнить, чтобы на слѣдующій разъ я не смѣлъ показываться въ столовую.

Учился я плохо; почти никогда не получалъ порядочныхъ отмѣтокъ.

Всѣ науки здѣсь преподавались на нѣмецкомъ языкѣ и, сколько припоминаю, только у меня одно и осталось отъ этого пансіона, что названіе изъ географіи «Mitelländisches Meer» да еще нѣсколько бранныхъ словъ: Schafskopf, halt's Maul и т. д. Былъ тамъ одинъ учитель, и допекалъ-же онъ меня! Рѣдкій день приходилъ я во-время домой; все часа на два оставлялъ дольше. Это наказаніе казалось хуже всего. Очень совѣстно было возвращаться домой позже другихъ. Идешь по улицѣ и не смѣешь на людей смотрѣть; такъ и кажется, что всѣ на тебя смотрятъ и говорятъ: „Смотрите, лентяй идетъ; за лѣность безъ обѣда оставленъ". Чтобы сколько-нибудь наверстать просроченное время, я, въ такіе дни, возвращался домой чуть не во всѣ лопатки. Но вотъ, какъ доберешься до квартиры, тутъ-то и настанетъ самая тяжелая минута, тутъ-то и бѣда: какъ звонить, папаша услышитъ, спроситъ, что поздно? Но ужъ онъ вѣрно знаетъ! Дѣлать нечего, звоню. Выходитъ кухарка Марья (бывшая наша крѣпостная) и своимъ протяжнымъ вологодскимъ нарѣчьемъ говоритъ:

— Опять бисъ обида,—и отопретъ дверь.

Тихонько, крадучись на цыпочкахъ, пробираюсь я, крѣпко прижимая книги подъ мышкой, чтобы не развивались и посматривая на папашину дверь, шмыгаю въ дѣтскую. Но ужъ папаша слышалъ звонокъ:

— Кто тамъ?! Александръ, ты?—кричитъ онъ.

Я иду къ нему и у насъ начинается разговоръ:

— Что? Опять безъ обѣда! Наказанье мнѣ съ тобой!

— Я, папаша, къ товарищу заходилъ, — оправдываюсь я передъ нимъ и цѣлую руку.

— Когда-же ты мнѣ отмѣтки-то принесешь?

— Еще не выставляли, папа!—А я ихъ уже давно получилъ, да не смѣю показать—ужъ очень плохи.

Черезъ полгода меня перевели въ Петербургскую классическую гимназію. Съ этого времени началъ я изучать латынь. По знакомству отца съ директоромъ гимназіи, попалъ во второй классъ безъ экзамена, съ условіемъ подготовиться во время каникулъ изъ латыни.

Во второмъ классѣ пріискалъ я себѣ подходящихъ товарищей, засѣлъ съ ними на послѣднюю скамейку, въ самый дальній уголъ, чтобы было поспокойнѣе. Пріятели со мной сидѣли съ одной стороны: Николай Барановскій, здоровенный краснощекій парень, преогромнаго росту: съ нимъ мы могли за себя постоять, хоть противъ десятерыхъ—въ обиду не давались; съ другой стороны сидѣлъ тихій блондинъ Федоръ Бедландъ, полу-нѣмецъ, полу-англичанинъ, ужасная вяньга: все нылъ; но это не мѣшало ему приносить изъ дому на завтракъ очень вкусные буттерброды, которые всегда мною поѣдались, какъ онъ ихъ ни пряталъ. Латынь всѣмъ намъ троимъ окончательно не далась. Когда дѣло доходило до нашей скамейки, учитель, толстый Коссовичъ, вызывалъ меня перваго:

— Верещагинъ, можете продолжать?

Я вставалъ, бралъ книгу и переводилъ.

— Нѣтъ, невѣрно, садитесь, единица!—Барановскій!

Тотъ медленно начиналъ приподниматься, вытягивался, вытягивался, казалось и конца не будетъ; наконецъ, вытянувшись во всю длину, безмолвно свѣшивалъ голову на-бокъ. Учитель, не дождавшись, пока тотъ окончательно вытянется, дѣлалъ знакъ рукой, чтобы садился и вызывалъ слѣдующаго:

— Бедландъ!

Этотъ, хотя былъ увѣренъ, что сейчасъ вызовутъ, по заслышавъ свою фамилію, все-таки испуганно привскакивалъ, точно его кто булавкой укололъ, и немедленно-же опускался, такъ какъ Коссовичъ, не глядя, ставилъ ему нуль.

Мы ненавидѣли, сколько возможно, это нелѣпое долбленіе латыни. Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ предметовъ я шелъ порядочно. Такъ напримѣръ, учитель русскаго языка даже очень любилъ меня; священникъ, отецъ Димитрій, тоже благосклонно подавалъ цѣловать свою пухлую жирную руку и гладилъ по головѣ.

Все время ученія моего въ гимназіи тѣсно связано съ ученіемъ моихъ братьевъ въ N.... корпусѣ, который находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей квартиры.

Старшій братъ, Николай, въ это время уже былъ офицеромъ и одновременно слушалъ лекціи въ университетѣ по естественному факультету.

Коля сначала, какъ онъ мнѣ самъ говорилъ, плохо учился, но затѣмъ пошелъ лучше и лучше, и одним изъ первыхъ кончилъ курсъ, получивъ при выпускѣ въ офицеры, въ награду, большую подзорную трубу съ надписью: „за превосходные успѣхи и отличное поведеніе".

Коля всегда очень заботился о моемъ воспитаніи. „Вы его развить должны, папушка, развить", убѣждалъ онъ отца, съ грустью читавшаго въ это время мое свидѣтельство изъ гимназіи.

— На, смотри, братъ, вотъ и развивай тутъ какъ знаешь! Только двойки да единицы, говорилъ отецъ съ разстановкой, указывая пальцемъ на отмѣтки.

— Да онъ, папушка, тогда самъ пойметъ, что надо учиться, твердилъ Николай.

— Да кто же тебя-то развивалъ? спрашивалъ отецъ, откидываясь въ креслѣ и упирая глаза въ брата. — Ну, бери его, развивай, а я ужъ не могу! и разговоръ на этомъ кончался. Я при этихъ разговорахъ, конечно, не присутствовалъ, а подслушивалъ въ дверную щелочку.

Всѣ братья мои, по тогдашнему обычаю, вскорѣ по появленіи ихъ на свѣтъ Божій, записывались моимъ отцомъ въ малолѣтній кадетскій корпусъ. Разсказывалъ мнѣ отецъ, что,

сдавая старшаго брата Николая, онъ долго торговался съ начальникомъ корпуса; тотъ что-то дорого просилъ за опредѣленіе, но папаша сказалъ ему: „Вѣдь я, ваше превосходительство, оброшникъ вашъ; вѣдь у меня ихъ цѣлыхъ шестеро; такъ ужъ вы уступите!" — ну тотъ и уступилъ. Рѣшили, кажется, по 200 руб. съ носу. Изъ малолѣтняго кадетскаго корпуса братья переводились въ N.... корпусъ.

Рѣдкій день не бѣгалъ я къ братьямъ въ N.... корпусъ: то пирога сладкаго снесешь, то коробку конфектъ, а то и просто такъ, провѣдать.

Въ N.... корпусѣ, какъ и въ другихъ казенныхъ заведеніяхъ, кадетовъ отпускали въ отпускъ не иначе, какъ съ провожатыми, и что презабавно было, такъ это то, что меня, 10-тилѣтняго, посылали за братьями, которые были гораздо старше. Чаще всего приходилось ходить за Алешей. Меня уже знали и сторожа и кадеты, и пропускали прямо въ роты. Придешь и дожидаешься; кадетиковъ бѣгаетъ много, и какъ будто всѣ другъ на друга похожи: всѣ въ коротенькихъ курточкахъ, головы какъ шарики, стрижены подъ гребенку. Вотъ кто-то замѣтилъ меня и кричитъ:

— Верещагинъ, Верещагинъ! за тобой братъ пришелъ!

Черезъ нѣсколько мгновеній является Алеша, лицо кислое.

— Ну что, можешь идти? спрашиваю его.

— Не знаю, врядъ-ли отпустятъ, отвѣчаетъ онъ; пятерка *) изъ математики; пойдемъ проситься къ Мазепѣ!—Такъ прозвали они своего ротнаго командира капитана, Ивана Петровича. Идемъ. Въ концѣ залы, за небольшимъ столомъ, сидитъ капитанъ, маленькій лысый офицеръ въ очкахъ и старательно ковыряетъ пальцемъ въ носу. Противъ него одинъ изъ старшихъ кадетовъ, весь изогнувшись, усердно пишетъ отпускные билеты. Вокругъ толпятся „желающіе идти въ отпускъ". Они по очереди являются къ командиру, при этомъ Иванъ Петровичъ пищитъ: „Э! Что! Кто такой!" осматриваетъ и непремѣнно находитъ какую-нибудь неисправность въ одеждѣ. Если-же все въ порядкѣ, то просто запуститъ руку за

*) Въ корпусѣ тогда была 12-ти-бальная система отмѣтокъ.

воротникъ являющагося и вытащитъ галстукъ. Это что! Поди поправься! Тотъ быстро поворачивался, и не сходя съ мѣста заправлялъ галстукъ, отряхивался, и снова являлся, и тогда уже его отпускали.

Подходитъ очередь Алеши.—Это кто? Верещагинъ? тебѣ нельзя! гнуситъ Мазепа:—у тебя пятерка по математикѣ.

— Отпустите! отпустите его, Иванъ Петровичъ, онъ поправится, послѣдній разъ... пристаютъ товарищи кадеты. За нимъ братъ пришелъ—прибавляютъ они, и въ тоже время мигаютъ мнѣ, чтобы я попался на глаза командиру. Я становлюсь подлѣ брата. Командиръ смотритъ на меня и наконецъ соглашается:—Ну, ступай, одѣвайся! говоритъ онъ. Алексѣй убѣгаетъ и живо возвращается, въ чистенькой отпускной курточкѣ, въ шинели, въ новой фуражкѣ, и рапортуетъ: „Господинъ капитанъ, кадетъ Верещагинъ желаетъ идти въ отпускъ!" Иванъ Петровичъ осматриваетъ его и выдергиваетъ галстукъ. Братъ точно также, какъ и предъидущій кадетъ, поворачивается налѣво кругомъ, быстро засовываетъ галстукъ, и снова является. Мазепа тѣмъ временемъ уже успѣлъ запустить мизинецъ въ носъ и всецѣло погрузиться въ свое любимое занятіе.

— Э! что! восклицаетъ онъ какъ-бы проснувшись: — ну ступай! да смотри, другой разъ за пятерку просидишь здѣсь воскресенье.

Но уже мы оба летимъ, не слыша ногъ.

Еще интересная личность была тамъ въ корпусѣ, баталіонный командиръ, баронъ Константинъ Константиновичъ. Какъ теперь вижу его, стоитъ онъ въ корпусной церкви позади шеренги учениковъ; высокій, толстый, съ преогромнымъ животомъ, и заложивъ руки за спину, плавно подымается на носки и затѣмъ тихо опускается, причемъ сапоги издаютъ легонькій скрипъ и все туловище его равномѣрно качается. И такъ качался онъ бывало въ продолженіе всей обѣдни или всенощнаго служенія. Когда мнѣ случалось въ корридорахъ встрѣчаться съ нимъ, то я всегда старался какъ можно скорѣй пройти мимо него; мнѣ все казалось, что вотъ онъ сейчасъ возьметъ меня, да какъ червяка раздавитъ, хотя, по словамъ

братьевъ, онъ былъ предобрый. Слѣдующее маленькое происшествіе, которое разсказалъ мнѣ братъ Сергѣй, еще болѣе подтверждаетъ его доброту.

Однажды, послѣ долгихъ увѣщаній со стороны родителей, Сергѣй далъ слово хорошо учиться, и къ первому-же классу отлично приготовилъ урокъ французскаго языка. Учитель вызываетъ его, братъ отлично отвѣчаетъ, но къ удивленію своему видитъ, что французъ ставитъ ему въ журналѣ поль: это такъ брата взбѣсило, что онъ подошелъ и плюнулъ въ учителя. Плевокъ попалъ на сюртукъ. Французъ пришелъ натурально въ ярость и оплеванный побѣжалъ жаловаться директору. Сначала хотѣли было исключить Сергѣя изъ корпуса, но затѣмъ отмѣнили это рѣшеніе, и постановили высѣчь его въ первую-же субботу. Исполненіе экзекуціи поручено было, по обыкновенію, баталіонному командиру. Но братъ не былъ высѣченъ. Какъ это случилось, сейчасъ объясню. У Сережи были товарищи, которые отлично знали слабости барона. Такъ напримѣръ: имъ очень хорошо было извѣстно, что баронъ былъ неравнодушенъ къ одной актрисѣ. Кромѣ того, была у него странность: онъ не могъ выдерживать, когда его трогали или обнимали за животъ; тогда онъ рѣшительно ослабѣвалъ, приходилъ въ хорошее расположеніе духа и соглашался на все. Вотъ эти-то уловки и были пущены въ ходъ.

Въ назначенный день и часъ, все готово—и сторожа со скамейкой и виновный. Баронъ входитъ въ дежурную, въ сопровожденіи цѣлой толпы кадетовъ, и садится на приготовленное кресло. Въ ту-же минуту къ нему подбѣгаютъ два его любимца, обнимаютъ слегка ладонями его животъ и начинаютъ разсказывать о томъ, какъ они вчера были въ театрѣ и видѣли такую-то актрису (его предметъ).

— Какъ она, Константинъ Константиновичъ, пѣла! Какъ она играла! Прелесть!

— А вы гдѣ сидѣли? Близко видѣли? спрашиваетъ тотъ баситымъ голосомъ, нѣсколько въ носъ. Барона затронуло за живое. Тѣ ему разсказываютъ всѣ подробности, и въ тоже время безпрестанно трогаютъ за бока; другіе-же товари-

щи становятся тѣснымъ кругомъ и оттѣсняютъ брата Сергѣя съ глазъ долой. Нужно только, чтобы онъ на время забылъ о Верещагинѣ. Баронъ приходитъ въ восторгъ отъ разсказовъ и хватаній за животъ, и весело разговариваетъ. Такъ проходитъ довольно много времени; барабанъ бьетъ къ чаю, тутъ только онъ вспоминаетъ: „А гдѣ-же Верещагинъ? Надо его отодрать, чтобы онъ не плевался". — Тогда подымается общій крикъ:—„Константинъ Константиновичъ, простите его, вѣдь онъ не виноватъ; мы всѣ слышали, какъ онъ хорошо отвѣчалъ, а учитель поставилъ ему ноль. Простите, простите! Ближайшіе-же, разумѣется, стараются насколько возможно чаще хватать его за животъ. Баронъ не выдерживаетъ и сдается.—Ну такъ и быть! Смотри, мычитъ онъ:—я тебя прощаю. Но ежели директоръ спроситъ, наказанъ-ли ты, такъ скажешь, что баталіонный командиръ еще отъ себя 25 прибавилъ. Слышишь?—Слушаю-съ, отвѣчаетъ братъ, не вѣря самъ себѣ, что избавился отъ наказанія. Баронъ уходитъ, всѣ бросаются къ брату и кричатъ: Ну, вотъ видишь-ли, какъ мы тебя отстояли?.. Ну смотри-же, теперь съ тебя контовка (такъ назывался кадетскій кутежъ: покупались пряники, конфекты, но преимущественно кандитерскіе пирожки).

По зимамъ, намъ въ Петербургъ изъ деревни привозились обозы съ провизіей. Цѣлые замороженные стяги быковъ, туши свинины, окорока, масса куръ, гусей, дичины, и, что всего для насъ дороже, ручѐньки замороженныхъ сливокъ съ пѣнками, которыя приготовляла намъ наша милая няня. Съ какимъ удовольствіемъ, я помню, мы откупоривали эти ручѐньки и лакомились кусочками ледяныхъ сливокъ, распускали въ чаю и ѣли съ хлѣбомъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней мы почти не обѣдали, до того наѣдались деревенскими гостинцами. Рты и руки наши становились черными отъ сушеной черники и различныхъ вареній. При этомъ помню разъ мы долго ѣли совершенно сладкую телятину. Произошло это вслѣдствіе того, что во внутренность теленка были спря-

таны нѣсколько бутылокъ слащеной наливки, которыя дорогой и разбились. Прятать-же приходилось наливку вслѣдствіе бывшей въ то время откупной системы, по которой не дозволялось провозить безпошлинно никакихъ спиртныхъ напитковъ изъ одного округа въ другой.

На Рождество ежегодно пріѣзжалъ къ намъ въ Петербургъ дядя Алексѣй Васильевичъ, погостить недѣльки на двѣ. Съ нимъ пріѣзжало еще нѣсколько знакомыхъ помѣщиковъ черепанъ. Это было для насъ веселое время. Одинъ изъ спутниковъ дяди, Лепешкинъ, тотчасъ по пріѣздѣ велъ насъ въ кандитерскую Тихонова, что у Николаевскаго моста; самъ садился читать газету, а намъ дозволялось ѣсть пирожковъ и пить шеколаду сколько душѣ угодно; кандитеры едва считать успѣвали, такъ мы быстро работали. Мнѣ и Алешѣ обходилось это благополучно. Мишѣ, у котораго желудокъ былъ вѣроятно слабѣе, приходилось вечеромъ ставить горчишники къ затылку и подъ ложечку, а къ кровати подставляли большой мѣдный тазъ, на всякій случай.

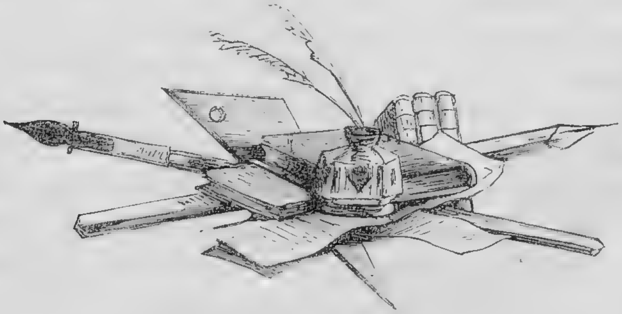
Лепешкинъ былъ престранный человѣкъ: богатый помѣщикъ, одинокій, большой домосѣдъ и хозяинъ, нелюбившій бросать даромъ копѣйку. Онъ цѣлый годъ копилъ деньги для того только, чтобы ихъ спустить въ Петербургѣ въ двѣ недѣли. Тоже самое почти было и съ дядей Алексѣемъ Васильевичемъ и другими черепанами. Цѣлые праздники они только и дѣла дѣлали, что перекочевывали изъ одного трактира въ другой. Ихъ можно было издалека узнать: ходили они постоянно всѣ вмѣстѣ, толпой, больше посреди улицы, въ разнообразныхъ дорожныхъ шубахъ на распашку, у кого медвѣжья, у кого енотовая, а у другаго простая волчья, въ порыжѣлыхъ котиковыхъ шапкахъ и въ сѣрыхъ катанкахъ, въ которые небрежно засунуты брюки. На улицѣ они очень громко разговаривали, размахивали руками, и если одинъ зачѣмъ-либо останавливался, то и остальные слѣдовали его примѣру. Папаша бывало ихъ издалека въ окошко увидитъ и кричитъ намъ: „Дѣти, дѣти, смотрите, во-о-нъ, во-н-нъ гдѣ наши-то, черепане, идутъ“. Ошибиться было трудно.

Квартировали они, по привычкѣ, въ Большой Садовой улицѣ, рядомъ съ Публичной Библіотекой, въ старой грязной Балабинской гостинницѣ. Я у нихъ часто бывалъ. Боже, что это была за гостинница! Дымъ, смрадъ, лѣстница грязная, узенькая, номера маленькіе; рядомъ органъ гудитъ на весь домъ, а имъ ничего, только выпиваютъ, да закусываютъ. Если-же имъ кто предлагалъ перемѣнить гостинницу, то они отвѣчали: „Мы, батюшка мой, эту гостинницу ни на какую не промѣняемъ: насъ здѣсь уже тридцать лѣтъ знаютъ“.

Разъ какъ-то пріѣхалъ къ намъ дядя Алексѣй Васильевичъ, наканунѣ новаго года, сильно навеселѣ и уже довольно поздно—уложили его спать въ залѣ. На другой день, утромъ, онъ только что проснулся, всклокоченный, протираетъ глаза и зѣваетъ, какъ дверь отворяется и къ нему входитъ наша знакомая, бѣдная француженка, съ ридикюлемъ на рукѣ, и, принимая дядю за папашу—дѣлаетъ книксенъ и поздравляетъ его: «Je vous félicite, Monsieur, avec la grand fête».

Дядя сначала таращитъ на нее глаза, а потомъ какъ закричитъ: „Пошла вонъ, шмольница!“ такъ та едва ноги успѣла убрать, дотого испугалась. Много по этому случаю папаша хохоталъ.

Прокутивъ всѣ деньги и призанявъ на дорогу у добрыхъ знакомыхъ, дядя и остальные черепане, всѣ разомъ, за одинъ скрипъ, пускались во-свояси. По пріѣздѣ въ деревню, дядя въ тотъ-же день отправлялся въ баню. Очень жарко парился, какъ-бы желая сразу смыть всю петербургскую грязь, и снова принимался за деревенскую жизнь.



ГЛАВА VIII.

N** губернская гимназія.

Въ 18** году, вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, мои родители переѣхали въ деревню, а меня перевели изъ петербургской гимназіи въ городъ B***.

Здѣсь первое время я было сталъ очень порядочно учиться. У меня до сихъ поръ хранится отцовское письмо, въ которомъ онъ пишетъ: „Спасибо тебѣ, мой милый Саша, что радуешь насъ, стариковъ, своими успѣхами“. Я такъ не привыкъ читать благодарности за свое ученіе, что долго сомнѣвался, мнѣ-ли это писано. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я сталъ плоше учиться и начальство не такъ ласково стало со мной раскланиваться.

Директоромъ былъ у насъ нѣкій Николай Иванычъ, господинъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, очень полный; ни усы ни борода не росли у него; имѣлъ большой отвислый подбородокъ и тоненькій гнусливый голосъ. За все за это получилъ онъ прозвище *баба*. Безпрестанно говорилъ: „*Да, да*, братецъ, да!“ и переходилъ съ мѣстоименія *вы* на *ты*, смотря по расположенію духа. Если сердился, то говорилъ: „Ты, братецъ, ничего не знаешь“. А если-же былъ доволенъ, то: „Бла-

годарю васъ, г. N, очень хорошо“. Снаружи онъ казался предобрый, а какъ раскусишь его, то оказывался далеко не такимъ.

Какъ историко-филологъ, Николай Иванычъ любилъ и уважалъ латинскій языкъ, къ которому пристрастился съ малолѣтства, происходя изъ роду кутейниковъ. Онъ часто за отсутствіемъ учителя читалъ намъ лекціи по этому предмету.

Николай Иванычъ былъ очень горячъ и вспыльчивъ, и положительно не имѣлъ терпѣнія растолковать ученику, въ чемъ было дѣло и гдѣ надобно искать ошибку. Разъ онъ дотого вышелъ изъ себя, что покраснѣлъ какъ ракъ, стукнулъ кулакомъ по каѳедрѣ и закричалъ ученику: „Братецъ, да вѣдь ты дуракъ!“ Но черезъ нѣсколько минутъ одумался и просилъ извиненія.

Припоминаю одну комическую съ нимъ сцену. Пріѣхалъ къ намъ изъ Питера ревизоръ, князь Л***. Входитъ онъ въ классъ въ сопровожденіи директора. Разсѣлись; былъ классъ математики. Князь, развалясь въ креслѣ и положивъ ногу на ногу, шалилъ карандашемъ. Карандашъ упалъ и покатился; Николай Иванычъ бросился подымать, но съ налету, вмѣсто того, чтобы поднять, оттолкнулъ его, карандашъ покатился далѣе. Князь тоже за нимъ, и долго-бы они прыгали другъ за другомъ, къ общему нашему удовольствію, еслибы одинъ изъ учениковъ не поднялъ карандашъ.

Николай Иванычъ ужасно смѣшно чихалъ, и не такъ какъ всѣ чихаютъ, два-три раза,—нѣтъ, онъ чихалъ разъ пятнадцать подъ-рядъ, при этомъ толстое лицо его наливалось кровью, маленькіе глаза еще болѣе съуживались, самъ онъ въ это время прятался за каѳедру и преуморительно оттуда высматривалъ, не смѣется-ли кто-нибудь надъ нимъ. А мы уже это знали, и, закрывшись книгами, старались не смотрѣть на него, иначе не было возможности не расхохотаться.

Инспекторомъ былъ маленькій, совершенно лысый старичекъ, Сергѣй Львовичъ, по прозванію „тыква“. Только на вискахъ было у него немножечко волосъ, которые онъ безпрестанно приглаживалъ впередъ. Поговоркой у него было:

„ужъ тутъ себѣ“, или „фу, Боже мой“. Что ни скажетъ, а „ужъ тутъ себѣ“ непремѣнно прибавитъ. Въ гимназіи онъ служилъ лѣтъ тридцать, и не знаю, не служитъ-ли и до сихъ поръ.

Сергѣй Львовичъ зналъ, что его зовутъ тыквой, такъ какъ разъ, когда онъ объяснялъ во время урока физики о плоскостяхъ и покатостяхъ, одинъ изъ учениковъ спросилъ его: „А что, Сергѣй Львовичъ, если взять тыкву и пустить ее по наклонности, покатится она?“—„Ужъ тутъ себѣ! фу, дуракъ какой, конечно, покатится!“ — отвѣтилъ онъ, и затѣмъ, сообразивъ въ чемъ дѣло, сердито прибавилъ: „Однако, ужъ тутъ себѣ, пошелъ-ка вонъ изъ класса“. Онъ былъ грубъ съ учениками и безпрестанно называлъ ихъ ослами, дураками, болванами; на него за это никто не обижался. Въ душѣ онъ былъ добрый старикъ и ругался просто по своей 30-ти-лѣтней привычкѣ.

Въ городѣ В... я жилъ „на хлѣбахъ“ въ одномъ скромномъ семействѣ. Отецъ платилъ за меня 16 руб. въ мѣсяцъ; тутъ ужъ все: и столъ, и квартира, чай, сахаръ, прислуга, отопленіе, освѣщеніе. Жилъ я какъ хотѣлъ: за поведеніемъ и ученіемъ моимъ никто не присматривалъ; я изрѣдка посылалъ домой свидѣтельство объ ученіи, предварительно подскобливъ, гдѣ было очень худо. Думалось идти въ гимназію — шелъ, а нѣтъ, такъ оставался дома или отправлялся въ знакомый трактиръ „Лондонъ“, играть на бильярдѣ. Маркеръ Яковъ былъ коротко знакомъ мнѣ; какъ только, бывало, увидитъ меня, прелюбезно раскланяется и спроситъ: „Пирамидку прикажете?“

Объ ученіи своемъ я не особенно заботился, хотя инспекторъ просто не зналъ, что со мной дѣлать.

— Ужъ тутъ себѣ, ты посмотри, ну, посмотри: 244 урока за полгода пропущено! кричалъ онъ мнѣ, раздавая свидѣтельство объ успѣхахъ.—Ну, на что это похоже! Ужъ тутъ себѣ, на третій годъ нельзя будетъ остаться! Ужъ тутъ себѣ, выгонятъ! Вотъ посмотри, что выгонятъ“.

Но я не внималъ его словамъ. „Врешь, думаю, врешь, переведешь“.

Деньги водились у меня постоянно: отецъ не пошлетъ — займу, кредитъ имѣлъ, хоть небольшой, но постоянный. Чаще же всего я проводилъ время у Корягина.

Личность эта довольна интересная, такъ что я немного остановлюсь на ней.

Верстахъ въ 30 отъ города В., у моего отца было имѣніе, которое онъ сдавалъ въ аренду сосѣднему землевладѣльцу, Ардаліону Ардаліоновичу Корягину. Его отецъ былъ крѣпостной тамошняго богатаго помѣщика Кремнева, у котораго служилъ управляющимъ. Сынъ его, Ардаліонъ, получивъ въ дѣтствѣ самое ограниченное воспитаніе, по смерти отца занялъ его должность. При своей смѣтливости, Ардаліонъ Ардаліоновичъ быстро увеличилъ доходы съ имѣнія, улучшилъ конскій заводъ, и вскорѣ такъ полюбился помѣщику, что тотъ сталъ оказывать ему полное довѣріе. Корягинъ и хозяина не обидѣлъ, да и себя не забылъ. Понемножку скупалъ у сосѣдей землю, и вскорѣ пріобрѣлъ себѣ довольно значительное состояніе. Разсчитавшись съ Кремневымъ, онъ занялся исключительно своимъ хозяйствомъ и въ короткое время такъ поставилъ его, что оно стало считаться образцовымъ хозяйствомъ. Хлѣбъ у него родился баснословно; сосѣди вѣрить не хотѣли, когда слышали о его урожаяхъ.

Въ то время, какъ я познакомился съ Корягинымъ, ему было лѣтъ 40. Средняго роста, полный, широкоплечій, съ замѣчательно развитой грудью, короткой шеей, съ большой мясистой головой и съ маленькими, быстрыми глазами. Широкая, окладистая черная борода съ просѣдью придавала ему почтенный видъ. Стоило только взглянуть на всю его фигуру, чтобы убѣдиться, что этотъ человѣкъ дешево себя не продастъ.

Былъ онъ большой любитель медвѣжьей охоты; тратилъ на облавы много денегъ и ѣздилъ для этого за сотни верстъ. На охоту отправлялся съ рогатиной, въ сопровожденіи кучера Африкана, маленькаго коренастаго человѣка съ рыжей бородой, которому поручалось нести, на всякій случай, здоровую двустволку.

Это ружье точно также было внушительно, какъ и его хо-

зяинъ. Калибра оно было очень крупнаго и чрезмѣрно тяжелое. Въ ложу было влито около 10 фун. свинцу, чтобы было поприкладистѣе. „Вотъ-съ, изволите-ли видѣть", говоритъ мнѣ хозяинъ, вскидывая, какъ перышко, двустволку, которую я едва и къ щекѣ подносилъ:—„ужъ она у меня не дрогнетъ въ рукѣ".

— А зачѣмъ-же вы ее берете, если у васъ рогатина есть? спрашиваю я.

— Какъ зачѣмъ? А коли рогатина-то сломается, такъ вѣдь я безъ ружья пропалъ. Вѣдь этакъ разъ со мной въ Даргунѣто случилось: медвѣдь какъ выскочитъ, да бросится ко мнѣ, какъ ударитъ лапой, такъ какъ соломинку древко-то и переломилъ. Хорошо что Африкашка не обробѣлъ — тую-же минуту ружье подалъ, а то заломалъ-бы насъ обоихъ безпремѣнно!

— Ну, разскажите, пожалуйста, какъ вы охотитесь? распрашиваю я съ интересомъ.

— Да какъ, очень просто. Подберешься съ провожатымъ къ берлогѣ, ну и начинаешь выживать его изъ ямы, на то собаки есть, онѣ его раздразнятъ; ну вотъ и разсердятъ. Какъ вылѣзетъ, ужъ не зѣвай. Хорошо, если онъ встанетъ на заднія лапы да на васъ полѣзетъ, ну тогда лучше не надо; а если сразу выскочитъ, да опустя голову промежъ переднихъ лапъ, какъ ураганъ налетитъ, такъ ужъ тутъ съ рогатиной дѣлать нечего, бросай скорѣй, да хватай ружье. Все дѣло въ томъ, чтобы не обробѣть; рука чтобы не дрожала. А попасть старайтесь подъ переднюю лопатку, тутъ сейчасъ сердце, сразу уложите. Я ужь ихъ штукъ двадцать ухлопалъ,—добавилъ онъ.

Ручные медвѣди тоже водились у Корягина, и мѣсто имъ было отведено около хлѣбныхъ амбаровъ, гдѣ они и ходили по цѣпи, точно сторожа какіе. Разъ пріѣзжаю къ нему въ деревню, онъ и предлагаетъ мнѣ: не угодно-ли медвѣжатъ молодыхъ посмотрѣть, недавно привели ихъ. Отправляемся, подходимъ къ амбарамъ, смотрю: два большихъ годовалыхъ Мишки сидятъ на галлереѣ рядомъ и преуморительно погля-

дываютъ, высунувъ красные языки; по временамъ ложатся на спины, кувыркаются. Глаза у нихъ предобрые, такъ и манятъ подойти и погладить. Я останавливаюсь на почтительной дистанціи и смотрю. Ардаліонъ-же Ардаліонычъ прямо подходитъ и начинаетъ съ ними играть, шалить, валяетъ ихъ, борется, чешетъ имъ брюхо, и видимо находится съ ними въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ. Одного изъ нихъ онъ зоветъ „Тришкой" а другого „Машкой". „Ахъ ты, Тришка, шельма ты эдакой, говоритъ онъ, барахтаясь и стараясь повалить, — смотри пожалуйста! лапой хочетъ ударить! Я тебѣ дамъ",—и валитъ того сразу на землю. Наигравшись съ однимъ, онъ подходитъ къ другому; послѣ него я тоже, пріободрившись, подхожу къ Тришкѣ. Какъ тотъ фыркнетъ да бросится ко мнѣ, такъ я со страху попятился, споткнулся, и кувыркомъ покатился отъ него. Медвѣдь-же, вставъ на заднія лапы, изъ всей силы натянулъ цѣпь, замахалъ по воздуху лапами и со злостью заревѣлъ. Корягинъ, увидавъ это, немедленно бросается къ нему, хватаетъ за ошейникъ, съ удивительной силой поднимаетъ совсѣмъ отъ полу, трясетъ такъ, что бѣдняга Тришка, взревѣвъ благимъ матомъ, уползаетъ въ шалашку и, улегшись тамъ, ворча принимается сосать лапу.

Еще былъ Корягинъ большой любитель до лошадей. Съ утра до вечера толкались у него на конюшняхъ цыгане и барышники. Съ ними онъ былъ какъ въ своей семьѣ: торговался, спорилъ, хлопалъ по рукамъ, отчаянно молился, бранился, выходилъ изъ себя, но въ концѣ концовъ все-таки дѣло улаживалось, и всѣ вмѣстѣ шли въ домъ, гдѣ за рюмочками водки произносились пожеланія и многолѣтія „повкамъ".

Да, кому-бы не понравилось въ деревнѣ у Корягина. Хочешь кататься—ступай на конюшню и приказывай закладывать любаго рысака, ихъ тамъ стояло штукъ двадцать, хоть одиночкой, хоть парой, а то и тройкой, запрету не было. Хочешь играть на билліардѣ—ступай наверхъ, тамъ въ большой комнатѣ стоялъ очень порядочный билліардъ. Не помню часа, чтобы кто-нибудь не стучалъ на немъ. Гостей пріѣзжало

къ нему пропасть. Для нихъ и комнаты были всегда готовы наверху, рядомъ съ билліардной. По утрамъ, гости, еще не умытые, брались за кіи и начиналась трескотня, и такъ продолжалось до обѣда. Въ углу на столикѣ цѣлый день стоялъ подносъ съ графинами различныхъ водокъ; закуска ставилась хорошая, но отъ нея вскорѣ оставались одни объѣдки, нѣсколько зернышекъ икры, да буроватыя корочки сыру, до нельзя обрѣзанныя; впрочемъ, въ крайнемъ случаѣ и онѣ уничтожались.

Помню, бывало, придетъ къ намъ хозяинъ наверхъ рано утромъ, уляжется на кровать къ кому-нибудь изъ избранныхъ, который при этомъ съ удовольствіемъ отодвинется и очиститъ мѣсто, и начнетъ разсказывать, гдѣ онъ уже успѣлъ побывать и что сдѣлать; затѣмъ предложитъ, не хочетъ-ли кто-нибудь съ нимъ съиграть партійку, ну и пошла писать. На деньги играли рѣдко, больше на пролазку, для смѣха, т. е. кто проиграетъ—долженъ былъ пролѣзть нѣсколько разъ подъ билліардомъ; пыли тамъ никогда не было—вся обтиралась спинами. Смѣшнѣе всего было смотрѣть, когда приходилось лѣзть Корягину. Онъ никогда не хотѣлъ сознаться, что проигралъ; спорилъ, сердился и доказывалъ противное, и лѣзъ только тогда, какъ подымался общій крикъ. Какъ сейчасъ вижу, вылѣзаетъ онъ при общемъ смѣхѣ и шумѣ, и тотчасъ-же кричитъ: „Ну, теперь давайте другую“ и начинается новая партія.

Ардаліонъ Ардаліонычъ былъ замѣчательный костоправъ. Научился онъ этому отъ старика отца своего, который тоже отлично лечилъ вывихи и переломы. Больныхъ привозили къ нему изъ дальнихъ мѣстъ. Я самъ былъ очевидцемъ, какія онъ дѣлалъ чудеса съ больными, а также видѣлъ вылеченныхъ, которые приходили благодарить его. Надо было только взглянуть въ то время на ихъ лица, чтобы убѣдиться въ ихъ искренности.

Лечилъ онъ и лѣкарство давалъ безвозмездно. Интересно было смотрѣть, какъ этотъ, повидимому, суровый, тяжелый человѣкъ легко и умѣло обходился съ больными: посадитъ къ себѣ на колѣни больнаго ребенка, тотъ хныкаетъ отъ страха

и боли, а Корягинъ уговариваетъ его, ласкаетъ, даетъ играть какую-нибудь бездѣлушку, а самъ тѣмъ временемъ незамѣтно ощупываетъ больное мѣсто. „У него, матушка, вывихъ", говоритъ онъ матери ребенка, которая стоитъ подлѣ съ заплаканными глазами:—„надо вправить!"

— Батюшка, Ардаліонъ Ардаліонычъ, помогите, отецъ родной, заставьте вѣчно Бога молить!

— Да ладно, ужъ нечего кланяться; увидимъ, что можно сдѣлать, а ты вотъ покамѣстъ возьми эту мазь, да на-вечеръ натри ему больное мѣстечко, а завтра посмотримъ, что Богъ дастъ!

У Ардаліона Ардаліонычa былъ братъ Никифоръ, глухонѣмой отъ рожденія, воспитывался онъ въ петербургскомъ заведеніи для глухо-нѣмыхъ. Спачала онъ оказывалъ отличные успѣхи въ рисованіи, такъ что даже получилъ золотую медаль на экзаменѣ, но, пріѣхавъ разъ въ деревню къ брату, не захотѣлъ возвращаться въ Петербургъ, а предпочелъ занимать его гостей. Глухъ онъ былъ совершенно, говорить-же хоть съ трудомъ, но могъ немного, причемъ разговоръ его походилъ на протяжное мычанье. Если кто-либо приходилъ и спрашивалъ хозяина, Никифоръ тутъ какъ тутъ: являлся съ серьезной, дѣловой миной и объяснялъ: „Братъ-то, уѣхалъ-то, сейчасъ будетъ-то, садитесь погодите", и затѣмъ предлагалъ выпить: „Неугодно-ли выпить-то рюмочку мутиловки-то!" Подъ симъ благовиднымъ предлогомъ и самъ разумѣется выпивалъ. Такимъ манеромъ встрѣтивъ и проводивъ нѣсколькихъ человѣкъ, Никифоръ набирался порядочно, становился все серьезнѣе, причемъ сильно потѣлъ. Ходить начиналъ онъ въ это время на цыпочкахъ, точно крадучись, и старался придерживаться стѣнки. Пальцы на рукахъ наливались и растопыривались тѣмъ шире, чѣмъ Никифоръ становился пьянѣе, такъ что подъ конецъ походили на раздутыя перчатки. До ужина Никифоръ никогда не досиживалъ, а задолго гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ уляжется и уснетъ.

Утромъ встанетъ онъ раньше всѣхъ, выбрѣется чисто, пригладится, прихорошится, и какъ ни въ чемъ не бывало, съ са-

модовольнѣйшимъ видомъ разгуливаетъ по двору и по конюшнямъ. Если-бы кто въ это время взглянулъ на него, то никакъ-бы не повѣрилъ, что этотъ человѣкъ вечеромъ непремѣнно будетъ настолько пьянъ, что хоть возьми да выжми.

Силенъ онъ былъ почти такъ-же какъ и братъ его, и бороться любилъ до страсти: когда угодно, съ кѣмъ угодно и сколько угодно,—безъ устали; если-же не съ кѣмъ, то отправлялся къ медвѣдямъ и съ ними боролся. Достаточно было сдѣлать видъ, что желаете съ нимъ помѣряться силой, какъ уже Никифоръ мычалъ отъ удовольствія, набрасывался и съ остервенѣніемъ старался повалить васъ, точь въ точь какъ медвѣдь, и ужъ тогда берегись, пощады не будетъ: Никифоръ ломилъ съ плеча, и по природной глухотѣ своей не слышалъ ни замѣчаній, ни криковъ, ни мольбы. Правду сказать, поэтому съ нимъ не особенно-то было пріятно бороться. Одному противнику онъ преспокойно, самъ того не подозрѣвая, вывихнулъ руку, и когда ему потомъ объяснили, что̀ онъ сдѣлалъ, такъ онъ только промычалъ: „Жалко-то, право, жалко-то! Что-же онъ мнѣ не сказалъ-то“, а какъ скажешь ему, если хоть изъ пушки пали надъ самымъ ухомъ, такъ и то онъ ничего не услышитъ!

Мы съ нимъ были большіе пріятели. Когда онъ бывалъ въ городѣ В***, то всегда ко мнѣ забѣгалъ. Всегда являлся разфранченный, напомаженный, подбородокъ чисто выбритый, кончики усовъ тонко закручены; дружески здоровался и мыча передавалъ поклонъ отъ своихъ: „Ардаліонъ-то тебѣ кланяется, жена-то его тоже; спрашиваютъ, что ты долго-то къ нимъ не ѣдешь-то“, кричалъ онъ мнѣ на самое ухо, воображая вѣроятно, что и я тоже глухой. И вѣдь все вралъ, никто не спрашивалъ; а просто хотѣлъ мнѣ этимъ угодить, зная, что хорошенькая Корягина мнѣ нравилась, и что мнѣ и самому хотѣлось поскорѣй туда уѣхать.

Походивъ немного по комнатѣ, онъ начиналъ безпокойно потирать руки, и наконецъ спрашивалъ:

— Гдѣ же у тебѣ, Сашенька, смородиновка-то бывала? Давай-ка ее; что-то у тебя холодно-то!

— Смородиновки нѣтъ больше; а вотъ, если хочешь, простая.

Никифоръ дѣлалъ гримасу. — Не люблю я простой-то; ну да давай, все равно, рюмочку выпью. И ужъ какъ подсядетъ къ графинчику, такъ и не отстанетъ, пока весь не осушитъ. Разъ онъ дотого нализался, что уходя оставилъ на дверной ручкѣ кусокъ полы отъ шубы, воображая, что я его схватилъ и не пускаю.

Брата Ардаліона онъ побаивался, и иногда выводилъ его изъ терпѣнія своимъ пьянствомъ. Разговоръ у нихъ шолъ на пальцахъ: „Убирался-бы въ церковь рисовать иконы; вѣдь тебѣ данъ заказъ, ну и работай. Маша, кричитъ Ардаліонъ женѣ: — не давать больше водки Никифору. Попилъ, будетъ! Пора и честь знать!“

Послѣ такихъ рѣчей, Никифоръ нѣкоторое время ходилъ мрачный, и при встрѣчѣ съ братомъ, пробирался на цыпочкахъ, искоса поглядывая, а иногда пропадалъ недѣли на двѣ пьянствовать къ кому-нибудь изъ сосѣдей.

Проучившись въ В*** гимназіи семь лѣтъ и прошедши за все это время только четыре класса, добрался я наконецъ съ великимъ трудомъ до седьмаго. На этотъ годъ, для надзора за моимъ ученьемъ, мамаша сама переѣхала на житье въ городъ В***. Очень она хотѣла, чтобы я окончилъ курсъ съ аттестатомъ, безъ котораго, какъ извѣстно, поступить въ университетъ нельзя.

Хорошо помню я этотъ годъ, въ особенности выпускные экзамены. Откуда у меня тогда прилежаніе взялось. Цѣлыя ночи просиживалъ надъ книгами, цѣлыя страницы изъ латыни вызубрилъ наизусть; а о граматикѣ Кюнера и говорить нечего, казалось безошибочно могъ сказать, на какой страницѣ какое правило было. И все это ни къ чему не повело—роковая двойка все погубила.

А сколько разъ передъ этимъ, ходилъ я съ моей доброй мамашей въ соборъ Спаса Всемилостиваго молиться Богу;

сколько молебновъ отслужили, сколько свѣчей прижгли, сколько земныхъ поклоновъ сдѣлали—все мало! Мамаша молила усердно Господа, чтобы Онъ наставилъ на путь истинный и вразумилъ-бы ея сына, раба Александра, помогъ-бы ему сдать хорошенько экзамены, въ особенности латинскій.

Какъ сейчасъ вижу ее, безцѣнную: стоитъ она на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя, на ней черное кашемировое платье, сверху накинута сѣрая тальма съ капюшономъ на головѣ, черная шелковая шляпа съ чернымъ страусовымъ перомъ. Опершись лѣвой рукой на зонтикъ и занесши правую для крестнаго знаменія, она склонила сѣдую головушку нѣсколько на бокъ и тихо покачивая ею, съ чувствомъ шепчетъ: „Милосердія двери отверзи намъ, благословенная Богородица“, и дѣлаетъ земной поклонъ, причемъ шепотъ ея, вначалѣ довольно внятный, становится все тише и тише, къ концу поклона совсѣмъ замираетъ. Я стою, нисколько не трогаясь ея моленьемъ, и раздумываю: зачѣмъ она молится понапрасну? Вѣдь ужъ сколько ни молись, а директоръ все равно единицу поставитъ, аттестата мнѣ какъ своихъ ушей не видать! Затѣмъ внезапно мелькаетъ мысль: а что если Богъ смилуется, да тройку пошлетъ, вотъ то хорошо будетъ! И я становлюсь на колѣни и кланяюсь въ землю.

Выпускные экзамены сопровождались у насъ особенною торжественностью. Пропуская всѣ прочіе экзамены, которые у меня сошли благополучно, опишу одинъ латинскій, какъ болѣе памятный.

Наканунѣ экзамена, въ уголъ большой актовой залы внесены желтые классные столы и черныя доски. По серединѣ поставленъ длинный экзаменаторскій столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, и вокругъ него около десятка креселъ.

Въ день экзамена мы всѣ уже заблаговременно сидимъ по мѣстамъ. Начальства еще никого нѣтъ. Идутъ оживленные разговоры. Кто-то спрашиваетъ: Послушай, это не надо?

— Что ты, Богъ съ тобой, съ чего ты взялъ? Я это училъ. Да вотъ спроси Крылова.

Крыловъ—первый ученикъ, мѣтящій на золотую медаль, читаетъ, уткнувши носъ въ книгу и зажавъ уши ладонями.

— Крыловъ, милый, послушай, это надо или нѣтъ? слегка толкая, спрашиваетъ товарищъ.

— Не трогай, отстань, некогда! отвѣчаетъ тотъ, не мѣняя позы, и продолжаетъ читать.

— Экъ, лѣнь отвѣтить! Хорошъ товарищъ! ворчитъ спрашивающій, и идетъ искать, кто-бы ему могъ сообщить: пропущено это или нѣтъ. Но спрашивать уже некогда: обѣ половинки дверей быстро растворяются, и въ зало влетаетъ длинный, тощій гимназическій сторожъ Алексѣй, который имѣлъ особенную способность спотыкаться. Крикнувъ издали, хоть и негромко, но многозначительно: „идутъ", онъ устремляется къ доскамъ, наскоро обмахиваетъ заячьей лапкой насѣвшую пыль, обдергиваетъ на столѣ сукно, поправляетъ кресла, и, споткнувшись объ одно изъ нихъ, быстро исчезаетъ.

Первымъ входитъ „баба-директоръ", и съ сладчайшей улыбкой превѣжливо раскланивается. За нимъ инспекторъ, но только не Сергѣй Львовичъ „ужъ тутъ себѣ",—онъ получилъ другое назначеніе, а высокій Лещинскій, по прозванію „голикъ". Этотъ идетъ съ достоинствомъ, выпрямившись, точно аршинъ проглотилъ. Важно несетъ онъ подъ мышкой портфель съ бумагами, и, взглянувъ на насъ изъ подлобья, едва замѣтно киваетъ головой. Далѣе вереницей тянутся учителя и ассистенты.

— Эхъ ихъ сколько привалило, думаю я,—и все это чтобы насъ мучить.

Разсѣлись.

— Ну такъ какже, господа? Да! да! восклицаетъ директоръ:—съ кого же мы начнемъ?—При этомъ беретъ списокъ, и будучи дальнозоркимъ, просматриваетъ его, отнеся нѣсколько отъ себя. Въ залѣ гробовое молчаніе.

— Г. Крыловъ, громко гнуситъ онъ.—У всѣхъ насъ отлегаетъ отъ сердца.

Крыловъ выходитъ развалистой походкой, и подойдя къ

столу, отвѣшиваетъ низкій поклонъ. „Баба“ говоритъ ему какую-то любезность, учителя благосклонно улыбаются.

— Потрудитесь намъ, г. Крыловъ, перевести вотъ это мѣсто, и привставъ съ креселъ, Николай Иванычъ указываетъ пальцемъ.

Крыловъ читаетъ и переводитъ. Директоръ въ это время что-то тихо разговариваетъ съ учителемъ латинистомъ, и поговоривъ немного, восклицаетъ: Да! да! да! Очень хорошо-съ! Благодарю васъ, г. Крыловъ.—Крыловъ вторично раскланивается и уходитъ.

— Вотъ вѣдь, думаю я, есть-же на свѣтѣ счастливцы, спросили его двѣ строчки и будетъ. А тутъ сиди да мучься, дожидайся! Ужъ лучше поскорѣй-бы вызвали, одинъ конецъ.

Такимъ образомъ спрашиваютъ сначала лучшихъ учениковъ, переходя постепенно къ болѣе слабымъ.

Въ 12-ть часовъ отдыхъ, учителя ушли курить; насъ, не спрошенныхъ, осталось человѣкъ десять, блѣдныхъ и измученныхъ ожиданіями. А вѣдь было отчего и поблѣднѣть: большинство изъ учениковъ были народъ недостаточный и вопросъ исхода экзаменовъ былъ вопросомъ жизни. У меня было много товарищей, которые, получая девять рублей въ мѣсяцъ стипендіи, содержали на эти деньги себя, родителей и человѣкъ пять-шесть малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ. И что за бѣднота была у нихъ! Помню, прихожу я къ одному,—двѣ крошечныхъ комнатки въ подвальномъ этажѣ полуразрушеннаго деревяннаго домика. Изъ-подъ половицъ, какъ ступишь, вода просачивается. Головой едва не достаю до потолка. Повсюду сырость. Маленькіе братишки и сестренки, блѣдные, исхудалые, полуоборванные, плачутъ отъ холода и голода. Мать больная стонетъ на печи. И при этой грустной обстановкѣ учиться—да еще на стипендію! Можно себѣ представить положеніе такого ученика, когда онъ получитъ неудовлетворительную отмѣтку. Прежде всего онъ лишается стипендіи. На второй годъ въ седьмомъ классѣ оставаться не дозволяется, въ высшее учебное заведеніе безъ аттестата поступить нельзя, ремесла никакого не знаетъ, что ему дѣлать? Положеніе

хуже послѣдняго рабочаго, такъ какъ гимназистъ ни къ какой физической работѣ не пріученъ. Всѣ эти мрачныя мысли вѣроятно уже многимъ изъ нихъ неоднократно приходили въ голову. Нервно, дрожащими руками, перебираютъ они всѣ свои книги, роются въ нихъ, перелистываютъ и тревожно прислушиваются — не идутъ-ли? Экзаменаторы входятъ и разсаживаются по старымъ мѣстамъ.

— Г. Верещагинъ! гнусливо раздается въ залѣ.

— Охъ! зарѣжетъ! мелькаетъ у меня въ головѣ. Вышелъ, поклонился и жду.

— Да! вотъ, г. Верещагинъ, посмотримъ-ка мы ваши познанія, говоритъ директоръ вкрадчивымъ тономъ, при чемъ взглядываетъ на учителя латиниста. А этотъ серьезно, какъ-бы испуганно, смотритъ на меня черезъ очки и кажется только не говоритъ: что, Верещагинъ, пропалъ ты, дружище! Сердце мое усиленно бьется, меня одолѣваетъ какая-то тошнота.

— Вотъ-съ, г. Верещагинъ, переведите намъ это, и сдѣлайте синтаксическій разборъ, и Николай Иванычъ мѣтитъ ногтемъ, откудова и докудова, и затѣмъ самодовольно откидывается грузнымъ туловищемъ въ креслѣ.

Я начинаю переводить, и съ первыхъ-же словъ путаюсь.

— Да! да! гнуситъ „баба", не поправляя меня;—да! да! плохо-съ,—очень плохо-съ.

Меня бросаетъ въ потъ. Достаю платокъ и обтираю лицо и лобъ. Немного погодя, Николай Иванычъ тихимъ, предательскимъ голосомъ спрашиваетъ учителя:

— Что, я думаю, довольно съ него?

Меня обдаетъ какъ варомъ: Неужели, думаю, ужъ довольно? Это значитъ, я дѣйствительно пропалъ!—Николай Иванычъ! обращаюсь я къ нему, спросите меня еще что-нибудь, вѣдь я знаю; я только этого мѣста не могу, я немного сбился!...

— Да, да! сбился! Знаю я, братецъ, какъ ты сбился! и перелистывая журналъ, указываетъ на число пропущенныхъ уроковъ.

— Вотъ смотри! Вотъ тутъ такъ можно сбиться! Это что?

За первую треть—280 уроковъ, за вторую 170—это, батенька мой, 450 уроковъ въ двѣ трети. Чего же послѣ этого ожидать отъ васъ? гнуситъ онъ, горячась все болѣе и болѣе.

— Пожалуйста, Николай Иванычъ, спросите еще что-нибудь, упрашиваю его:—я, право, знаю!...

— Да знать-то ты, можетъ быть, и знаешь; да про себя таишь, намъ-то не сказываешь, остритъ онъ, глядя со смѣхомъ на окружающихъ.

— Что же, можно еще что-нибудь спросить, баситъ ассистентъ Куницынъ, который былъ учителемъ исторіи и любилъ меня за то, что я хорошо занимался по его предмету.

— Да, да, что-же, можно пожалуй, гнуситъ опять директоръ, заерзавъ при этомъ своимъ толстымъ сѣдалищемъ и видимо недовольный предложеніемъ Куницына.

— Ну, вотъ, объясни-ка намъ объ оборотѣ gerundium въ gerundio—вопросъ самый простой. И взглянувъ при этомъ мелькомъ на прочихъ учителей, онъ подперся локтями о столъ и внимательно приготовился слушать. Но за время десятилѣтняго изученія мною латинскаго языка, не могъ постичь я этой ерунды. Напрасно директоръ настороживъ свои уши, ничего онѣ не могли отъ меня услышать.

Я молчалъ и потѣлъ.

— Ну что, батенька? Нѣтъ, ужъ видно довольно съ васъ! и онъ рѣшительно кивнулъ мнѣ головой.

Я вышелъ изъ залы, какъ изъ бани, давъ себѣ слово при первой встрѣчѣ проткнуть чѣмъ попало его толстый животъ.

Вѣроятно лицо мое при возвращеніи домой было не очень спокойно, такъ какъ мамаша, вмѣсто того, чтобы разсердиться за мою неудачу, стала успокоивать, притворно принявъ самый равнодушный видъ: она просто боялась, чтобы я съ отчаянія не сдѣлалъ-бы что-нибудь съ собой.

— Полно, Саша! Стоитъ-ли такъ горевать! Неужели-же ты думаешь, что твоя карьера этимъ испорчена? Что ты, Богъ съ тобой. Ну, въ университетъ нельзя, такъ мы въ другое заведеніе попробуемъ.

— Ахъ, мамаша, полноте пожалуйста! Точно вы не знаете,

что съ этимъ паршивымъ свидѣтельствомъ никуда носу нельзя будетъ показать, говорилъ я ей, ходя по комнатѣ, какъ шальной, изъ угла въ уголъ.

Долго мы съ ней въ тотъ день еще разсуждали и придумывали, какъ быть и куда сунуться.

Больше всего меня убивало то, что́ папаша скажетъ. Я его очень любилъ, и мнѣ тяжело было объявить ему о моемъ положеніи. Его завѣтная мысль видѣть меня въ университетѣ не могла осуществиться.

— Что-же, Саша, попробуемъ-ка мы съ тобой толкнуться въ военныя училища. Ты-же лошадокъ любишь,—можешь въ кавалеріи служить. Вѣдь тамъ латыни-то не спросятъ.

Эта мысль запала мнѣ въ голову и впослѣдствіи осуществилась.

ГЛАВА IX.

N*** училище. Производство въ офицеры.

Въ началѣ августа 18** года я пріѣхалъ съ матерью въ Петербургъ опредѣляться въ одно изъ военно-учебныхъ заведеній. Такъ какъ объ университетѣ нечего было и думать, поэтому мой отецъ рѣшилъ, чтобы я поступилъ въ пѣхотное училище. Въ пѣхотѣ, говорилъ онъ,—и служить дешевле, да и лошадку чистить ненадо.—Тотчасъ-же по пріѣздѣ, мы купили книгу вступительныхъ экзаменовъ, съ подробнымъ описаніемъ—куда какія требуются познанія; гдѣ даромъ, гдѣ за деньги.

— Ну-ка! давай, Саша, посмотримъ, куда лучше! говоритъ мамаша, перелистывая книгу. Я хожу по номеру гостинницы, заложивъ руки въ карманъ, и слушаю:

— Строительное училище! Ну, это не по намъ; архитекторомъ ты не хочешь быть. Ну дальше: мы сначала штатскія посмотримъ; можетъ, какъ-нибудь и туда можно!—Она все еще не теряла надежды видѣть меня на гражданской службѣ.

— Технологическій институтъ! —Ну, тутъ математика—

тоже не по намъ. И мамаша мотаетъ головой; она положительно привыкла думать, что и ей вмѣстѣ со мной приходится сдавать экзаменъ.

— Да вы военныя смотрите, что ужъ тутъ о гражданскихъ толковать! капризно прерываю я.

— Ну, хорошо, батюшка, давай военныя! спѣшитъ она успокоивающимъ тономъ.

— Пажескій Его Императорскаго Величества Корпусъ!— Тоже не по намъ! — тутъ все генеральскія дѣти.

— Первое Военное Училище! Вотъ Саша — это хорошее училище! Тутъ и Коля Ниловицкій учится, товарищъ тебѣ будетъ.

Я подхожу и заглядываю въ книгу.

— Безплатно вѣдь, Саша! Папаша, помнишь, какъ наказывалъ: Постарайтесь безплатно поступить — на казенный.

— Да вѣдь желающихъ-то туда должно быть много; надо знать сколько вакансій?.. Гдѣ начальство-то теперь! Гдѣ его искать?

— Теперь они, Саша, всѣ въ Красномъ Селѣ должны быть; туда надо ѣхать.

— Ну такъ что-же, поѣдемте.—Сборы недолгіе—посмотрѣли въ газетахъ поѣзда, и того-же дня отправились; увидали директора и разъузнали, что нужно. Оказалось 90 ваканцій, а желающихъ поступить 400; значитъ, держи ухо востро; экзамены начнутся 10-го августа.

На другой день отправились мы къ инспектору, который жилъ въ зданіи училища. Тотъ принялъ насъ очень радушно, и какъ нельзя лучше отнесся къ моему положенію. Въ первый-же день оставилъ меня обѣдать и мы долго разговаривали.

— Ну, а какъ вы по математикѣ, сильны? спрашиваетъ онъ.

— Ну, неособенно; только я ужъ очень радъ, что здѣсь латыни не спрашиваютъ—опротивѣла она мнѣ.

— А зубрили ее здорово—исключенія помните?

— Еще-бы—и начинаю:

Много есть имёнъ на is
Masculini generis:
Panis, pinis, crinis, finis,
Ignis, lapis, pulvis, cinis.

Инспекторъ начинаетъ хохотать. Я, ободренный успѣхомъ, продолжаю:

Amnis, axis и canalis
Sanguis, unguis, glis, annallis,
Fascis, axis, funis, vectis.

Инспекторъ захлебывается отъ смѣха; по щекамъ текутъ слезы.

— Будетъ, будетъ! и машетъ рукой.—Ну, батюшка, уморили! говоритъ онъ, сморкаясь и вытирая платкомъ слезы;—по-латыни вы сильны, нечего сказать. А вотъ сдѣлайте-ка мнѣ задачку—и задаетъ изъ алгебры. — Стараюсь — стараюсь, не могу рѣшить.

— Вотъ что, батюшка мой! Ходите-ка вы сюда каждый день. У меня еще одинъ молодой человѣкъ занимается, родственникъ мой. Будете вмѣстѣ приготовляться, времени еще цѣлая недѣля, можетъ быть и подготовитесь. Откровенно говоря, я не надѣюсь, чтобы вы изъ математики выдержали. Впрочемъ, добавилъ онъ,—загадывать не надо.

Я поблагодарилъ за приглашеніе и сталъ ходить каждый день заниматься, и тутъ-же увидѣлъ, что познанія мои изъ математики были дѣйствительно гораздо слабѣе, чѣмъ-бы имъ слѣдовало быть.

Инспекторъ помогалъ сколько могъ, и каждый разъ просилъ повторить ему исключенія, и каждый разъ хохоталъ до слезъ.

Настали экзамены. На первомъ-же, изъ алгебры, я срѣзался. Прихожу къ инспектору.

— Что, батюшка, срѣзались?

— Срѣзался.

— Ну, такъ вотъ что я вамъ посовѣтую: поступайте въ N*** училище; туда вы навѣрное выдержите, еще однимъ изъ первыхъ. Туда все графы да князья поступаютъ; такія го-

ловы, что бѣда! Вы тамъ однимъ изъ сильныхъ будете! Право, поступайте, только не забудьте на рысакѣ къ подъѣзду подкатить, тамъ это любятъ. Оно конечно, плата 400 руб. въ годъ: за то, батенька, въ гвардію выйдете!

Я передалъ разговоръ мамашѣ, она сейчасъ въ книжку,— справляться: N*** училище. Плата въ годъ 415 рублей.

— Что-же, Саша, больше дѣлать нечего, надо попытаться. Конечно, папашѣ не понравится, да какъ-же быть иначе!— Рѣшили ѣхать.

На утро, пѣшечкомъ отправились къ гостинному двору. Зашли въ часовню. Мамаша, по обыкновенію, поставила нѣсколько свѣчей и усердно помолилась. Извощика взяли хоть и не рысака, но хорошаго, въ откидныхъ пролеткахъ, сбруя чистая, даже кучеръ съ красивой бородой, такъ что мы очень прилично подъѣхали къ подъѣзду.

— Начальника училища нѣтъ дома-съ! Пожалуйте-съ къ командиру эскадрона, полковнику барону Розенбергу! докладываетъ швейцаръ, высокій, усатый, отставной уланъ, и вѣжливо провожаетъ до дверей командира.

Къ барону надо подняться въ 3-й этажъ. Мамаша устала и не можетъ идти.

— Охъ, Саша, какъ я уморилась! говоритъ она, схватившись за перила и стараясь собраться съ силами.—Ей Богу умру когда-нибудь на лѣстницѣ... Сколько я съ тобой мученій переношу! Будешь-ли ты все это помнить? И она тяжело кашляетъ; я стою повыше ея, на площадкѣ и конфужусь, какъ-бы насъ кто-нибудь не засталъ въ такомъ положеніи.

— Да ну, мамаша, подымайтесь, ужь недалеко.

— Ахъ, Саша, Саша! Какъ это ты не вѣришь! Вѣдь и рада-бы, да силъ моихъ нѣтъ!—Я спускаюсь и помогаю ей подняться. Кое-какъ добираемся до дверей.

— Погоди, шепчетъ, не звони,—дай съ духомъ собраться! подноситъ ко рту платокъ, и откашливается.—Ну, теперь, Господи благослови! Она силится принять бодрый видъ.

Звоню. Высовывается лакей.

— Полковникъ дома?

— Дома-съ. Какъ прикажете доложить-съ?

— Верещагина, объясняетъ мамаша.

— Г-жа Верещагина, слушаю-съ. Не угодно-ли пройти въ пріемную.

Входимъ въ просторный кабинетъ. На полу разостланы ковры, у окна большой письменный столъ, на которомъ разставлены различные пресъ-папье въ образѣ лошадей, лошадиныхъ головъ, сѣделъ, подковъ, стремянъ. По стѣнамъ, на мольбертахъ, виднѣются гипсовыя и бронзовыя конскія статуетки; также развѣшены рисунки лошадей, отличившихся на скачкахъ. Повсюду уздечки, сѣдла, бичи, множество пистолетовъ, шашекъ, сабель, кинжаловъ.

Черезъ нѣсколько минутъ входитъ полковникъ, низенькій, толстенькій господинъ, въ сюртукѣ съ гвардейскими пуговицами и краснымъ воротникомъ, рыжій, красный какъ огонь, стриженый подъ гребенку, съ бритымъ подбородкомъ, усы щетинистые, взглядъ пронизывающій, лицо хитрое. Вся наружность суровая, говоритъ сиплымъ басомъ.

Баронъ очень любезно расклапивается, подвигаетъ мамашѣ кресло и проситъ садиться. Мамаша рекомендуется и представляетъ меня. Я почтительно становлюсь около ея кресла.

Полковникъ, прежде всего, освѣдомляется о нашемъ состояніи, сколько я могу получать ежегодно изъ дому.

— У него, полковникъ, состояніе хорошее, тысячи три въ годъ свободно можетъ получать; (при этомъ мамаша какъ разъ тысячу прибавляетъ).

— Конный заводъ у васъ есть, сударыня?

— Завода нѣтъ, но сынъ мой чрезвычайно любитъ лошадей!

Я въ это время думаю: зачѣмъ мамаша объясняетъ, что я люблю лошадей. Вѣдь любить лошадей и имѣть конный заводъ—двѣ вещи разныя.

Розенбергъ просматриваетъ мое гимназическое свидѣтельство, находитъ его *очень хорошимъ*, и велитъ приходить черезъ три дня.

— Вамъ будемъ провѣрочный экзаменъ изъ исторіи, и

тогда *будете* приняты, говоритъ онъ, обращаясь къ мнѣ. Деньги за полгода внесете казначею.

Мы раскланялись и со спокойнымъ сердцемъ отправляемся домой.

— Ужъ ты, Саша, займись-же эти дни!.. Подучись хорошенько! упрашиваетъ мамаша дорогой.

— Исторіи-то я не боюсь; изъ чего другого, а ужъ изъ этого выдержу.

Черезъ три дня отправляюсь одинъ въ училище; спрашиваютъ какіе-то пустяки изъ средней исторіи и затѣмъ объявляютъ, что принятъ.

— Отправляйтесь въ швальню, пригоните обмундировку и явитесь ко мнѣ! приказываетъ полковникъ.—Дежурный! проведите Верещагина къ маіору Савину и скажите, чтобы сейчасъ-же „пригнали“.

— Слушаю-съ, г-нъ полковникъ! отвѣчаетъ дежурный—стройный юнкеръ, въ коротенькой курточкѣ съ краснымъ воротникомъ, двумя нашивками на погонахъ, въ синихъ рейтузахъ и сапогахъ со шпорами; черезъ плечо шашка на бѣлой портупеѣ. Онъ ведетъ меня черезъ дворъ въ отдѣльное зданіе, гдѣ помѣщаются мастерскія.

— Вамъ и сапоги надо, обращается ко мнѣ юнкеръ, мелькомъ взглядывая на мои ноги. Вы выберите, можно хорошіе пригнать, только не обращайте вниманія на эконома, если онъ кричать вздумаетъ. Онъ у насъ такой жидъ, готовъ задавиться за каждую пару.

Приходимъ въ швальню. Человѣкъ пятнадцать рабочихъ, различныхъ возрастовъ, оборванныхъ, нечесанныхъ, бритыхъ и небритыхъ, съ очками на носу и безъ очковъ, сидятъ на нарахъ, поджавши ноги и шьютъ юнкерскую одежду.

Въ послѣдней комнатѣ, сверху до низу заваленной мундирами, рейтузами, шинелями, фуражками, сапогами, портупеями и всевозможными мундирными принадлежностями, сидитъ пожилой маіоръ—экономъ: довольно высокій, худощавый, съ черными бакенбардами съ просѣдью, и нагнувшись надъ столомъ, съ перомъ во рту, провѣряетъ счеты. Старательно прово-

дитъ онъ среднимъ пальцемъ по линіи цифръ; дошедши до конца, беретъ изо рта перо, подводитъ итогъ, суетъ перо снова въ ротъ, и дальше считаетъ.

— Г-нъ маіоръ! Полковникъ просилъ пригнать вотъ имъ теперь-же обмундировку, говоритъ юнкеръ, приложивъ правую руку къ козырьку, а лѣвой указывая на меня.

— Кому это? сурово и какъ-бы испуганно спрашиваетъ маіоръ, — прерываетъ писаніе и оглядываетъ насъ обоихъ черезъ очки.

— Какъ ваша фамилія? рѣзко спрашиваетъ онъ.

— Верещагинъ, г-нъ маіоръ.

— Вы на казенный счетъ?

— На свой, г-нъ маіоръ.

— А, на свой, такъ вы закажите собственное платье, здѣсь сошьютъ! предлагаетъ Савинъ. При этомъ морщины, появившіяся-было на его лицѣ, начинаютъ сглаживаться, глаза разгораются какъ у хищной птицы, даже кончикъ носа какъ будто загибается и готовится выклюнуть мою послѣднюю копѣйку.

Я стою въ нерѣшительности. Провожатый дѣлаетъ мнѣ головой отрицательный знакъ,—значитъ надо отказаться.

— Покамѣсть, г-нъ маіоръ, позвольте казенное, а тамъ посмотрю!

— Что смотрѣть! обрываетъ онъ, — заказывайте теперь! Гвардейскій юнкеръ хочетъ обойтись однимъ казеннымъ мундиромъ, срамъ!

У меня хоть и начинаютъ отъ страха пробѣгать мурашки по тѣлу, но не сдаюсь, маіору дѣлать нечего — соглашается. Пригнали платье. Все пришлось какъ слѣдуетъ. Подхожу къ маіору.

— Повернитесь! кричитъ онъ.

Поворачиваюсь направо кругомъ.

— Эхъ вы, гвардія, кто-же такъ поворачивается! И онъ беретъ меня за плечи и грубо поворачиваетъ налѣво кругомъ.

— Ну, хорошо, ступайте, явитесь полковнику!

— Позвольте мнѣ ужъ и сапоги! прошу я.

— Что-о-о-о! Да вы куда поступаете? грозно восклицаетъ экономъ, выпучивъ на меня глаза самымъ нахальнымъ образомъ. Изъ одного этого взгляда можно было сразу понять, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Дежурный тѣмъ временемъ продолжаетъ ободрять меня знаками.

— Мои лопнули! убѣждаю я,—и указываю на трещину въ сапогѣ.

— А коли сапоговъ нѣтъ, такъ нечего и въ гвардію лѣзть! И убѣдившись, что отъ меня не отдѣлаться, экономъ съ грустью и понизивъ голосъ разрѣшаетъ примѣрить сапоги.

Отправляемся обратно къ командиру эскадрона.

— Савинъ у насъ постоянно такъ обращается съ новичками, разсказываетъ мнѣ дорогою дежурный:—запугаетъ ихъ, тѣ и откажутся, да еще ему-же собственные и закажутъ, а тому только этого и нужно. Онъ вѣдь хамъ, изъ кантонистовъ выслужился, много лѣтъ здѣсь экономомъ; про него и пѣсня сложена, и юнкеръ запѣваетъ:

Прощай, нашъ Савинъ экономъ,
Грабитель пироговъ и булокъ.
На нихъ построилъ себѣ домъ,
Фасадомъ прямо въ переулокъ.

— Хороша пѣсня?

— Чего-же лучше!..

Мы поднимаемся къ командиру эскадрона. Доложили; выходитъ.

— Ну-съ, покажитесь... Это что! на что это похоже? сердито восклицаетъ онъ, и указываетъ дежурному на мой воротникъ:—не могли лучше пригнать?—Тотъ стоитъ не шелохнувшись.

— Кругомъ!

Я повертываюсь, какъ училъ Савинъ.

— Ну, сзади ничего. Явитесь дежурному офицеру, получите отпускной билетъ, и 30-го августа, вечеромъ, извольте явиться. Да у меня молодцомъ быть!

— Слушаю-съ, г-нъ полковникъ, постараюсь.

— Деньги сдали казначею?

— Такъ точно-съ, господинъ полковникъ, вотъ и квитанція.

— Хорошо-съ, можете идти-съ, кланяйтесь матушкѣ!

— Слушаю-съ, господинъ полковникъ.

Выхожу въ сопровожденіи все того-же юнкера. Простившись съ нимъ, иду къ дежурному офицеру.

Въ первомъ этажѣ, направо отъ прихожей, прибита надъ дверью дощечка съ надписью: „Дежурная комната". Вхожу. На клеенчатомъ диванѣ сидитъ молодой красивый уланскій офицеръ, и, опершись локтемъ о столъ, читаетъ французскій романъ. Передъ нимъ на столѣ киверъ, списокъ юнкеровъ, чернильница съ перомъ. Въ углу, на маленькомъ столикѣ, подъ зеркаломъ, графинъ съ водой.

Являюсь:—Господинъ поручикъ, юнкеръ Верещагинъ желаетъ идти въ отпускъ!

Поручикъ встаетъ, ласково переспрашиваетъ фамилію и отмѣчаетъ въ спискѣ.

— 30-го вечеромъ, къ 9-ти часамъ должны быть здѣсь!

— Слушаю-съ, господинъ поручикъ,—и беру подъ козырекъ.

— Честь вотъ какъ отдаютъ, говоритъ онъ и поправляетъ меня.—Знаете, кому фронтъ слѣдуетъ?

— Какъ-же-съ, г. поручикъ: всей Царской фамиліи и всѣмъ генераламъ.

— А командиру эскадрона, онъ полковникъ?

— Тоже слѣдуетъ.

— Ну, то-то-же. Ступайте.

Радостный прилетаю я къ мамашѣ. Очень она обрадовалась: Ахъ, Саша, милый, какъ я рада! Ну, слава Богу, наконецъ-то ты устроился!—И она меня обнимаетъ, цѣлуетъ и не утерпѣла, чтобы не расплакаться.

— Какая форма-то красивая, Саша! говоритъ она, улыбаясь сквозь слезы. Грудь-то отчего-же это такая красная?

— Это, мама, лацкана называются.

— А панталоны-то, чисто генеральскія!

— Ха-ха-ха!.. Панталоны... Это чакчиры, а не панталоны!

поправляю я—тогда какъ самъ только за часъ передъ тѣмъ тоже называлъ ихъ панталонами.

— Ну, Сашенька, дружочекъ мой, съѣздимъ-ка мы съ тобой завтра въ домикъ Петра, помолиться Спасителю; пусть-ка поможетъ Онъ тебѣ дослужиться до офицера, да порадовать насъ стариковъ.—И она снова плачетъ, и горячія слезы ея каплютъ мнѣ на новые лацкана.

— Надолго-ли, милый, отпустили тебя?

— 30-го вечеромъ долженъ явиться.

— Какъ это? Въ имянины идти! Развѣ ты забылъ: 30-е день твоего ангела! — Но затѣмъ тотчасъ-же успокаиваетъ, боясь сбить меня съ толку:—Ну, да ужъ если велѣно, такъ дѣлать нечего, надо идти.

Остается десять дней до школы; мамаша не можетъ довольно наглядѣться на меня. За это время мы провѣдали всѣхъ нашихъ родныхъ, знакомыхъ, и всѣмъ имъ мама показывала меня и разсказывала, какъ она довольна моимъ новымъ опредѣленіемъ.

30-е августа подошло скоро. Въ половинѣ девятаго, вечеромъ, я снова вхожу въ дежурную комнату и являюсь, только ужъ не улану, а конно-гренадеру. Около него стоятъ нѣсколько юнкеровъ и пріятельски разговариваютъ. При появленіи моемъ, разговоры прекращаются. Всѣ взоры обращаются на меня. Меня осматриваютъ съ головы до ногъ, точно какого звѣря.

— Господинъ поручикъ, юнкеръ Верещагинъ изъ отпуска прибылъ, говорю я несовсѣмъ смѣло. Офицеръ отмѣчаетъ и въ то-же время говоритъ какъ-бы про себя: Раненько-съ, батенька мой, раненько-съ!

— Къ 10-ти часамъ слѣдуетъ быть, что-же вы такъ рано забрались? обращается ко мнѣ одинъ изъ юнкеровъ укоризненнымъ тономъ, въ которомъ слышалось глубокое сожалѣніе о томъ, что я потерялъ $1^1/_2$ часа.

— Хорошо-съ, говоритъ офицеръ, и киваетъ головой.—Вы знаете, въ которомъ взводѣ ваша койка?

— Кажется, во второмъ, господинъ поручикъ.

— Кажется!.. Нечего тутъ казаться,—знать надо!—и онъ строго глядитъ на меня.

— Я провожу его! вызывается одинъ изъ стоявшихъ.— Мы идемъ. „Вандалъ!“ слышится мнѣ вслѣдъ, но я и не подозрѣваю, что это названіе относится ко мнѣ.

Двѣ широкія лѣстницы ведутъ съ нижней площадки во второй этажъ, прямо въ залъ, или, какъ у насъ называлось, на среднюю площадку. Въ это время въ залѣ человѣкъ 50 юнкеровъ весело разгуливаютъ. Одинъ, очень толстый, съ монгольскимъ выраженіемъ лица, пухлыми руками, бойко играетъ на роялѣ и поетъ:

Au l'amour o li lon la
Au la li . . . .

причемъ поводитъ плечами, дѣлаетъ сладострастныя движенія, закатываетъ глаза въ потолокъ, щуритъ ихъ и замираетъ... Вокругъ него стоитъ порядочная толпа, которая подтягиваетъ и млѣетъ отъ воображенія. Толстякъ внезапно съ трескомъ переходитъ на мотивъ:

Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ,
Вѣтерокъ, вѣтерокъ...
. . . .
Дѣвушки подружки,
Ахъ вы, подружки,

подхватываютъ всѣ находящіеся въ залѣ. Тотчасъ-же образуется нѣсколько паръ, и вальсируютъ; двое выскакиваютъ и яростно отплясываютъ канканъ, выдѣлывая самыя невѣроятныя фигуры. Полюбовавшись на танцующихъ, иду искать свою постель.

Направо отъ залы начинаются классы или аудиторіи; налѣво идутъ двѣ большія спальни или камеры. Ихъ раздѣляетъ широкій корридоръ. Въ правой камерѣ помѣщается 1-й взводъ, въ лѣвой 2-й; 3-й-же и 4-й помѣщались въ третьемъ этажѣ; тамъ-же помѣщались лазаретъ и гиппологическій кабинетъ.

Вдоль камеръ, въ двѣ линіи, изголовьемъ вмѣстѣ, стоятъ желѣзныя кровати, подъ рѣденькими байковыми одѣялами;

надъ каждой надпись, кому принадлежитъ. Въ промежуткахъ поставлены шкапчики. Камеры освѣщены газомъ довольно тускло.

— Вотъ ваша кровать! говоритъ мнѣ мой проводникъ.

Мы раскланиваемся. Я остаюсь одинъ. Вдругъ слышу позади себя баситый возгласъ:

— Какъ ваша фамилія, „вандалъ“?

Оглядываюсь: черезъ койку отъ меня лежитъ изряднаго роста юнкеръ, съ угрями на лицѣ, и пристально смотритъ въ мою сторону.

— Что вамъ угодно? спрашиваю, какъ можно вѣжливѣе.

— Вы вандалъ! повторяетъ тотъ и подходитъ ко мнѣ.

— Почему-же я вандалъ?

— Развѣ вы не знаете, баситъ онъ съ разстановкой,—что всѣ новички—вандалы, скиѳы, сарматы?—И въ то-же время безцеремонно ложится на мою постель. Я молчу и укладываю въ шкапчикъ свои вещи.

Новый собесѣдникъ задираетъ голову и медленно читаетъ надпись надъ кроватью.

— Ве-ре-ща-гинъ. Вы изъ военной гимназіи?

— Нѣтъ, изъ гражданской.

— Изъ какой?

— Изъ В***

— Что тамъ—холодно?

— Не очень.

— Кто ваши родители?

— Помѣщики.

— Богатые?

— Такъ себѣ, есть чѣмъ жить.

— Вандалъ, вандалъ!—Молчаніе.

— Пошлите за пирожками, проситъ онъ.

— За какими пирожками?

— Сугубый вандалъ! Конечно, за сладкими,—пошлете?

— Хорошо, сколько штукъ? и я берусь за кошелекъ.

— Десятка довольно, и не дождавшись моего отвѣта, кричитъ чуть не на все училище: Де-жу-рный лакей-й!—Черезъ минуту является высокій усатый морщинистый лакей, въ чер-

номъ сюртукѣ съ суконными пуговицами и краснымъ воротникомъ.

— Зарѣчный, сбѣгай за пирожками, принеси десятокъ, только постарайся миндальныхъ,—слышишь! и указываетъ рукой на меня. Я подаю рублевую бумажку; лакей убѣгаетъ.

Новый знакомый, въ ожиданіи пирожковъ, становится любезнѣе и начинаетъ давать дружескіе совѣты:

— Вы запишитесь въ мою партію!

— Какую партію? спрашиваю я.

— А для сдачи репетицій. Вы фортификаціи не проходили?

— Нѣтъ.

— Ну такъ вотъ, если со мной будете, такъ къ Глаголину не попадете. Это, батюшка мой, такая скотина, что страхъ. Я изъ-за него въ „маіоры“ попалъ.

— Какъ это въ маіоры?

— А такъ: у насъ кто на второй годъ въ младшемъ курсѣ останется, тотъ маіоромъ зовется. Вотъ видите-ли, вы ничего не знаете, какъ-же вы не вандалъ!

Я принимаю съ покорностью свой новый титулъ.

Лакей возвращается, сильно запыхавшись, и скороговоркой рапортуетъ:

— Съ миндалемъ только три, ваше благородіе, больше нѣтъ; остальные съ яблоками, и кладетъ на шкапчикъ передъ нами пакетъ и сдачу. Получивъ двугривенный, удаляется.

— Кушайте! предлагаю я.

Въ это время входятъ въ камеру, обнявшись, еще два юнкера; завидѣвъ пирожки, они подходятъ и садятся рядомъ съ моимъ сосѣдомъ. Опять идутъ тѣ-же вопросы: Вандалъ, какъ фамилія?—Я называюсь и подчую ихъ.

— Не угодно-ли!—Тѣ берутъ по пирожку.

— Вы верхомъ много ѣздили раньше? спрашиваетъ меня мой первый знакомый.

— Дома часто ѣздилъ. Здѣсь, я полагаю, совсѣмъ другая ѣзда, по правиламъ.

— Да, у насъ командиръ строгій. Самъ часто гоняетъ смѣны. Онъ отлично ѣздитъ!

Раздается труба.—На перекличку! на перекличку!—слышится съ разныхъ сторонъ. Идемъ внизъ въ сборное зало, помѣщающееся подлѣ дежурной комнаты. Оно такъ длинно, что весь эскадронъ умѣщается. Юнкера выстраиваются. Вахмистръ, маленькаго роста юнкеръ, съ тремя нашивками на погонахъ, очень красивый, бойко командуетъ: Смирно!. Начинается перекличка. Я стою и боюсь: вдругъ меня нѣтъ, забыли! Но вслѣдъ затѣмъ слышу: Верещагинъ! — Здѣсь — кричу и успокоиваюсь

Перекличка кончилась. Слѣдуетъ команда: На-лѣ-во, правое плечо впередъ—маршъ!—Шпоры дружно бренчатъ; переступая сначала почти на мѣстѣ, потомъ все шире, и шире, эскадронъ съ шумомъ вытягивается изъ залы, и дошедши до лѣстницы, ведущей на верхъ, разсыпается по камерамъ. Лампы потушены, въ камерахъ темно.

Я подхожу къ своей кровати, раздѣваюсь и ложусь. Кровать оказывается жесткой, тѣсной, одѣяло короткое; Савинъ и тутъ не даетъ себя забывать.

Черезъ полчаса все успокоивается. Дежурный офицеръ, съ дежурнымъ юнкеромъ и дневальнымъ, обходятъ камеры и осматриваютъ: всѣ-ли спятъ по своимъ мѣстамъ и чьи койки пусты.

— Это чья кровать? спрашиваетъ офицеръ, останавливаясь около моей. Я прикидываюсь спящимъ. Дневальный наклоняется и, въ темнотѣ, съ трудомъ читаетъ: Ве-ре-щагинъ—новичекъ-съ!“

— Разбудите! Что это за безпорядокъ, бросать такъ платье и сапоги! —Меня расталкиваютъ; я извиняюсь и складываю какъ слѣдуетъ.

— Кепи извольте надъ головой повѣсить, порядку не знаете! обращается ко мнѣ офицеръ и затѣмъ уходитъ. Замѣчанія его еще долго слышатся въ спальной.

Кажется, совсѣмъ затихло.

— Вандалы, не шалить! внезапно раздается на оба взвода. Это старшаго курса юнкера возвращаются изъ поздняго отпуска: полными хозяевами идутъ они по камерамъ, нисколько

не заботясь о томъ, что товарищи давно спятъ; громко и весело разговариваютъ о томъ, гдѣ были и что дѣлали.

— Тише, что это такое, спать нельзя! кричитъ кто-то сонливымъ голосомъ; тѣ стихаютъ, при чемъ какъ-бы стараются угадать — чей это былъ голосъ, ужъ не вандальскій-ли: послѣдняго они конечно не послушались-бы, а выругали-бы непремѣнно. Наконецъ, все стихло.

— Вставать, вставать! слышу въ просоньѣ; открываю глаза—утро. Тѣ-же дежурный офицеръ съ дневальнымъ, сонливые, обходятъ камеры и будятъ. Къ юнкерамъ старшаго курса, или какъ ихъ называли, корнетамъ, они почти совсѣмъ не подходятъ, а только къ новичкамъ:

— Если вы сейчасъ не встанете, то сегодня-же будете дневалить! строго говоритъ дежурный одному высокому блондину, который потягивается и лѣниво зѣваетъ.

— Да вѣдь еще только половина седьмаго! отвѣчаетъ тотъ и указываетъ на золотые часы, что лежатъ подлѣ него на шкапчикѣ. съ толстой золотой-же цѣпочкой и цѣлой кучей брелоковъ.

— Разговаривать, вандалъ! запишите его! приказываетъ нашивочный дневальному и проходитъ дальше, продолжая кричать: Вставать, вставать!

— Экъ испугалъ! ворчитъ новичекъ;—ну дневалить, такъ дневалить; боюсь-я что-ли? Но минутъ черезъ пять онъ уже готовъ, и перебросивъ черезъ плечо полотенце, съ коробками въ рукахъ, въ которыхъ лежатъ мыло, порошки, зубныя щетки, духи, одеколонъ и разныя разности по части косметики, идетъ въ умывалку.

Въ половинѣ восьмаго отправляемся внизъ въ столовую къ чаю; для каждаго юнкера поставлена кружка чаю и булка. Чай плохой, несладкій, булки порядочныя. Затѣмъ весь эскадронъ выстраивается въ сборномъ залѣ; входитъ начальникъ училища, баронъ Глаубе, высокій, почтенный генералъ, худощавый, съ большими сѣдоватыми бакенбардами. Слегка заикаясь, держитъ онъ рѣчь о томъ, что отъ насъ требуется, и какъ долженъ вести себя „гвардейскій юнкеръ“. Во время

рѣчи, генералъ одной рукой крутитъ бакенбарды, другой, для большей внятности, дѣлаетъ жесты.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, важно стоитъ полковникъ Розенбергъ. Выставивъ одну ногу впередъ и выпятивъ по-фельдфебельски грудь, онъ играетъ за спиной козырькомъ фуражки; по временамъ многозначительно взглядываетъ на кого-нибудь изъ насъ и, кажется, только не говоритъ: Слушай, милый, это къ тебѣ относится, помни, заруби на носу! Послѣ генерала онъ также говоритъ рѣчь, хоть и краткую, но сильную. Во время рѣчи, полковникъ держитъ правую руку за бортомъ сертука, лѣвой-же продолжаетъ играть фуражкой.

— Надѣюсь, господа, прибавляетъ онъ въ концѣ, — что мнѣ не придется ссориться съ вами и прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ. Я всегда былъ и буду первый другъ и защитникъ юнкеровъ. До сихъ поръ „гвардейскій юнкеръ" съ честью носилъ свой мундиръ; всегда поддерживалъ и, надѣюсь, и впредь поддержитъ славу нашего училища. При послѣднихъ словахъ онъ заискивающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на юнкеровъ и казался разстрогаппымъ.

— Постараемся, г. полковникъ, постараемся! кричатъ всѣ.

Началось наше распредѣленіе: въ какой взводъ—по росту; въ какую партію—по ученью и въ какую смѣну—по верховой ѣздѣ. По росту я попалъ въ 1-й взводъ, по верховой-же ѣздѣ былъ записанъ въ самую младшую—вандальскую.

Шпоры новичкамъ давались не сразу, а смотря по успѣхамъ въ ѣздѣ: другой мѣсяца три безъ нихъ трясся, и надѣвалъ ихъ только передъ отпускомъ.

Начальство составляло у насъ двѣ противоположности: начальникъ училища весь былъ погруженъ въ научныя занятія учениковъ; онъ наизустъ зналъ, какой юнкеръ слабъ и по какому предмету, когда и изъ чего онъ получилъ худую отмѣтку и когда долженъ ее поправить. До фронтовыхъ занятій онъ не касался; будь юнкеръ хоть распрекрасный наѣздникъ, но если на недѣлѣ получилъ плохой балъ, генералъ его въ отпускъ не отпуститъ.

Командиръ эскадрона, который имѣлъ въ училищѣ если не

большее, то ужъ никакъ не меньшее значеніе, въ свою очередь все вниманіе обращалъ на верховую ѣзду; науки для него не существовали. Кто хорошо ѣздилъ, смѣло могъ идти къ нему проситься въ отпускъ. Тѣхъ, кто много зубрилъ, но плохо ѣздилъ, Розенбергъ терпѣть не могъ.

Вслѣдствіе такой противоположности въ начальствѣ, съ юнкерами выходили часто такого рода сцены.

Въ субботу, вечеромъ, отправляется юнкеръ къ полковнику проситься въ отпускъ. На репетиціи онъ получилъ ни больше, ни меньше—какъ нуль, но ѣздитъ въ ординарческой смѣнѣ, и завтра-же, въ воскресенье, долженъ подъѣзжать на ординарцы. Полковникъ выходитъ къ нему:

— Что скажете-съ? спрашиваетъ онъ своего любимца.

— Полковникъ... отпустите въ отпускъ... у меня тетенька пріѣхала сегодня... а завтра уѣзжаетъ! ноетъ тотъ.

— У начальника училища просились? пытаетъ его командиръ, остерегаясь въ то-же время, чтобы и самому съ нимъ не попасться.

— Никакъ нѣтъ-съ, полковникъ.

— Репетицію сдали? плутоватымъ и вмѣстѣ тихимъ голосомъ, точно боясь, чтобы не услыхалъ Глаубе, продолжаетъ пытать Розенбергъ.

Юнкеръ заминается: — Сдалъ — да... да... плохо, отвѣчаетъ онъ.

Полковникъ ужъ и не любопытствуетъ узнать, сколько тотъ получилъ, заранѣе будучи увѣренъ, что немного болѣе нуля.

— Ну, ступайте до 10-ти часовъ.

— Позвольте до 12-ти, полковникъ, пожалуйста!

— Что-о-о-о-съ! Но вслѣдъ за симъ улыбается, умиляется духомъ и... и... отпускаетъ.

Вечеромъ, еще не совсѣмъ стемнѣло, какъ этотъ юнкеръ катитъ на лихачѣ по Невскому. На встрѣчу Глаубе — замѣтилъ. На завтра зовутъ къ отвѣту, на квартиру. Крутя бакенбарды, сумрачный выходитъ генералъ.

— В-в-ы, р-р-р-епетицію въ субботу сда-а-ли? заикаясь спрашиваетъ онъ.

— Такъ точно-съ, ваше превосходительство.

Между тѣмъ самъ чуетъ, что не минуетъ ареста.

— Ск-к-о-олько п-о-лучили?—рука генерала все яростнѣе крутитъ бороду.

— Очень плохо, ваше превосходительство.

— Ск-о-о-лько?

— Нуль, ваше превосходительство.

— К-к-ка-кже вы осмѣлились п-проситься в-въ-отпускъ у п-п-полковника Розенберга?—Сту-у-упайте п-подъ арестъ, сту-у-пайте! Позвать дежурнаго офицера, кричитъ генералъ швейцару. Офицеръ является.

— П-п-потрудитесь, г-нъ офицеръ, арестовать сего господина на трое сутокъ. На классныя занятія будете выпускать. Сдѣлавъ знакъ головой, генералъ уходитъ въ комнаты.

Теперь, въ свою очередь, плохой ѣздокъ является къ начальнику училища проситься въ отпускъ. По учебнымъ занятіямъ онъ идетъ однимъ изъ лучшихъ.

— Что-же вы проситесь! У васъ хорошія отмѣтки; можете идти. Ступайте, сту-у-пайте съ Богомъ.

Юнкеръ мнется на мѣстѣ и не уходитъ.

— Что-же вы не идете? спрашиваетъ генералъ и его рука уже готова протянуться къ бакенбардамъ, чтобы начать крутить ихъ.

— Ваше превосходительство, полковникъ меня вчера за ѣзду безъ отпуска оставилъ, жалуется тотъ, чуть не плача.

Генералъ въ раздумьѣ.—Хорошо-съ, я переговорю съ барономъ Розенбергомъ, можете идти-съ! Ступайте, сту-у-пайте! и самъ выпроваживаетъ юнкера до дверей.

Юнкеръ уходитъ въ отпускъ, и въ театрѣ натыкается на полковника. Тотъ косится; у бѣдняги сердечко екаетъ. Попался, думаетъ, чортъ возьми—вздуетъ, вздуетъ, непремѣнно вздуетъ.

На другой день въ его смѣнѣ ѣзда; входитъ въ манежъ, садится на лошадь и становится на свое мѣсто. Въ смѣнѣ человѣкъ тридцать. Ждутъ офицера, его нѣтъ—нездоровъ, смѣ-

ну гонять будетъ самъ Розенбергъ. У бѣднаго юнкера душа въ пятки уходитъ.

— Смирно, смирно, слышится шопотъ:—полковникъ! полковникъ!

Въ сѣромъ пальто, одна рука за бортомъ, другая въ карманѣ, мѣрно входитъ командиръ на середину манежа.

— Здравствуйте, господа! здоровается онъ по обыкновенію сиплымъ голосомъ, смотря на всѣхъ вообще и ни на кого въ особенности, и беретъ бичъ отъ прислуживающаго солдата.

— Здравія желаемъ, г-нъ полковникъ, раздается дружный отвѣтъ, хотя тотъ, который попался, конечно желалъ-бы, чтобы баронъ провалился куда-нибудь въ эту минуту.

— Справа по одному, на двѣ лошади дистанціи, ша-а-гомъ ма-а-аршъ! монотонно тянетъ командиръ и, пятясь, даетъ мѣсто 1-му №-ру.

Одинъ за другимъ, тихимъ шагомъ, проѣзжаютъ юнкера, оборачивая голову въ сторону начальства, какъ-бы спрашивая: Каковъ я?

— Сто-й-й-й!—Смѣна останавливается.

Противъ полковника какъ разъ несчастный юнкеръ. Съ бичемъ подъ мышкой подходитъ къ нему баронъ.

— Какъ надо руки держать? сардонически спрашиваетъ онъ, шипя отъ злости. — Какъ васъ учили? — Правую руку выше! разражается онъ и вытягиваетъ бичемъ лошадь... еще разъ, еще, еще. Та взвивается на дыбы и кидается, какъ бѣшеная, въ сторону...

— Шапка! хрипло оретъ баронъ; — срамъ хуже послѣдняго вандала ѣздитъ, а еще въ старшемъ курсѣ! Запишите его! кричитъ онъ вахмистру: — на три дневальства! Первое воскресенье безъ отпуска, и второе, и третье! добавляетъ полковникъ, свирѣпѣя все больше и больше. Юнкеръ, между тѣмъ, носится по манежу, согнувшись, потерявъ стремяна и усиливаясь удержаться.

— Закопайте рѣдьку *), закопайте, закопайте! кричитъ

*) Закопать рѣдьку—значило свалиться съ лошади, выраженіе, постыдное для кавалерійскаго юнкера.

полковникъ, бѣгая за юнкеромъ и щелкая бичемъ надъ самымъ ухомъ.

Кое-какъ тотъ осиливаетъ, лошадь успокаивается и юнкеръ становится на мѣсто.

— Ры-ы-ы-сью-у-у! командуетъ Розенбергъ. Лошади фыркаютъ и охотно пускаются рысью.

— Разъ-два, разъ-два, разъ-два, повторяетъ въ тактъ командиръ; — не оттягивать дистанцію-у! и подмахивая бичемъ тѣхъ, кто пріотсталъ, протяжно кричитъ:

— Воль-ты-ы-ы, ма-а-аршъ! Лошади дружно поворачиваютъ, дѣлаютъ кругъ и снова продолжаютъ идти тѣмъ-же алюромъ.

Серьезно, сосредоточенно, какъ одинъ, мелькаютъ юнкера мимо начальника, равномѣрно отскакивая отъ сѣдла и хлопая сѣдалищемъ; лошади фыркаютъ сильнѣе и сильнѣе.

— Ша-а-а-гомъ! — Лошади разомъ переходятъ въ шагъ, причемъ стараются освободить поводъ и вытягиваютъ шеи.

— Слѣзай!—Проводить лошадей!—кричитъ полковникъ и съ достоинствомъ уходитъ изъ манежа.

Я сначала-было попалъ къ очень хорошему офицеру; тотъ меня полюбилъ, ставилъ при верховой ѣздѣ первымъ №-мъ, но потомъ меня перевели въ другую смѣну; этого офицера полковникъ не долюбливалъ, и мнѣ стало хуже. Первымъ №-мъ перестали ставить. Но я все-таки не унывалъ, занимался хорошо и старательно подготовлялъ лекціи.

День у насъ такъ распредѣлялся: въ $7^3/_4$—чай, въ 8—въ классы и до 12 часовъ перемѣнялись четыре урока; отъ—12 до $12^1/_2$ завтракъ, послѣ котораго до 3 часовъ продолжались фронтовыя занятія; въ три часа обѣдъ. Послѣ обѣда приготовлялись лекціи.

По средамъ и субботамъ, вечеромъ, сбирались преподаватели, и отъ 6-ти до 9-ти спрашивали юнкеровъ пройденное за недѣлю и ставили отмѣтки — это называлось репетиціей. По этимъ отмѣткамъ юнкера производились въ нашивочные,

и выводился средній балъ за годъ, который имѣлъ важное значеніе при экзаменахъ.

На первой-же репетиціи изъ исторіи я увидѣлъ, какія познанія имѣли юнкера по этому предмету. Помню, преподаватель Долиновичъ проситъ юнкера разсказать ему объ отечественной войнѣ: спрашиваемый, парень высокій, представительной наружности, съ большими бакенбардами и усами, пресерьезно увѣряетъ, что отечественная война началась при Екатеринѣ Великой и окончилась при Павлѣ Петровичѣ.

Ему говорятъ: Довольно, садитесь; видитъ — ставятъ дурную отмѣтку.

— Иванъ Иванычъ! Позвольте мнѣ поправиться. Въ слѣдующій разъ я подготовлюсь, проситъ онъ.

— Хорошо-съ, можете-съ, отвѣчаетъ преподаватель.

Юнкеръ уходитъ, совершенно счастливый, къ себѣ въ камеру, и напѣваетъ дорогой:

Господамъ корнетамъ
Не о чемъ тужить,
Имъ ужъ очень мало
Съ вандалами жить.

Другаго спрашиваетъ о Потемкинѣ, тотъ отвѣчаетъ о Василіи Темномъ.

Въ первый разъ я просто губы искусалъ себѣ, чтобы не расхохотаться, глядя на то, съ какимъ серьезнымъ видомъ они несли эту околесину. Въ особенности отличались „маіоры“; ихъ у насъ набралось человѣкъ шесть. Изъ нихъ князя Уткина я, кажется, никогда не забуду: высокій, черный, худощавый, со щетинистыми усами и низкимъ лбомъ; ходилъ онъ на низкихъ каблукахъ и ступалъ очень мягко, чуть слышно. Аудиторіи у насъ были большія и князь садился всегда на заднюю скамейку, гдѣ или преспокойно дремалъ, или игралъ съ товарищами въ карты, даже и понятія не имѣя о томъ, что объясняетъ преподаватель; врядъ-ли онъ даже зналъ, какая шла лекція. Какъ теперь помню, Долиновичъ, замѣтивъ, что князь Уткинъ дремлетъ, возвышаетъ голосъ и продол-

жаетъ: Наполеонъ I-й, послѣ Аустерлицкой битвы, двинулся, какъ-то извѣстно князю Уткину... — Тотъ вскакиваетъ, испуганно озирается, и за тѣмъ съ недовольнымъ лицомъ опускается на мѣсто и снова засыпаетъ.

Какъ „маіоры", такъ и многіе другіе юнкера рѣдко брались за книгу. Къ чему? Исключенія изъ училища за плохое ученіе случалось очень рѣдко; много, много, что оставятъ въ младшемъ курсѣ на второй годъ, т. е. попадешь въ „маіоры", а изъ „маіоровъ" уже непремѣнно переведутъ въ старшій курсъ, хоть и книги не бери. Въ старшемъ курсѣ, чуть порядочно займешься, кончишь по 1-му разряду, т. е. съ правами на гвардію; если и совсѣмъ не заниматься, все-таки выйдешь корнетомъ въ армію, да еще пожалуй и со старшинствомъ. Вотъ на этомъ-то основаніи, старшій курсъ считалъ себя корнетами, и каждый изъ нихъ, по переходѣ изъ младшаго курса, немедленно заводилъ себѣ корнетскую фуражку того полка, въ который онъ намѣревался выйти. Въ этихъ фуражкахъ они покамѣсть осмѣливались ходить только въ баню, которая помѣщалась на одномъ дворѣ съ училищемъ и куда насъ водили разъ въ недѣлю. Мылись мало, и ходили больше такъ, чтобы прогуляться.

— Пойдете въ баню, ваше благородіе? спрашиваетъ меня лакей, въ первую-же субботу. Надо, думаю, идти, а то еще пожалуй взыщутъ. Беру бѣлье и отправляюсь. Предбанникъ тѣсный; раздѣвается насъ человѣкъ двадцать, большей частью— все въ корнетскихъ фуражкахъ. Одинъ изъ младшаго курса тоже-было явился въ такой-же, но съ него ее немедленно-же стащили и обругали: Молокососъ, вандалъ, смѣлъ корнетскую фуражку надѣть! Скажите, дерзость какая!

„Маіоры" пользовались корнетскими правами, а потому смѣло разгуливали въ фуражкахъ. Я раздѣлся и иду въ баню. Въ банѣ довольно холодно; паръ застлалъ ее всю до потолка, два газовые рожка едва видны. Юнкеровъ довольно много, почти никто не моется; по серединѣ бани двое борются; нѣсколько человѣкъ стоятъ—смотрятъ и дѣлаютъ замѣчанія.

— Нѣтъ, съ Ивановымъ Христѣ не бороться, Ивановъ сильнѣе!

— Ты зачѣмъ за подсилки хватаешься! усталымъ голосомъ кричитъ Христя и приподымаетъ потную голову.—Бери какъ я, видишь, гдѣ руки? и запыхавшись снова прижимается подбородкомъ къ плечу противника. Слышится усиленное кряхтеніе и неясные возгласы:—Что, а? Нѣтъ постой — погоди!...

Въ углу стоитъ другая кучка юнкеровъ и разсуждаетъ о томъ, какъ вчера на разводѣ одного офицера занесла лошадь.

— Что-же Государь сказалъ?

— Да онъ, кажется, не замѣтилъ!

— Да, толкуй, не замѣтилъ! Нѣтъ, ужъ онъ замѣтилъ, да только ничего не сказалъ, съ значительнымъ видомъ возражаетъ другой.

— А лошадь хорошая была?

— Отличная лошадь! Онъ ее купилъ у графа Ностича; точь въ точь какъ нашъ „Фазанъ", только чуть пониже будетъ.

— Какое ниже! Выше, а не ниже! Видѣлъ я, знаю!

Начинается споръ; не дождавшись конца спора, я прохожу въ теплое отдѣленіе, откуда доносится наша училищная пѣсня, выражающая прощаніе корнетовъ съ училищемъ, и которая называлась „Звѣріадою".

На полкѣ лежатъ нѣсколько юнкеровъ старшаго курса и во все горло поютъ.

Прощайте всѣ учителя-а-а,
Предметы общей нашей скуки,
Ужъ не заставите меня
Приняться снова за науки!

*
* *

Прощайте иксы, плюсы, зеты,
Научныхъ формулъ легіонъ,
Банкеты, траверсы, барбеты,
Ѣзда въ манежѣ безъ стремёнъ.

— А, вандалъ! кричитъ одинъ, увидавъ меня; — дай-ка мнѣ холодной воды! и подаетъ пустую шайку. Я безропотно беру ее, подставляю подъ кранъ и возвращаю.

— Спасибо, вандалъ! Корнетъ мочитъ голову, освѣжается, ложится на животъ, и подложивъ подъ голову ладони, продолжаетъ вторить товарищамъ:

Прощай, нашъ Глаубе генералъ,
Ты вѣчно былъ для насъ тряпицей,
И лишь однимъ намъ досаждалъ,—
Не отмѣнялъ ты репетицій.

* * *

Прощай, свирѣпый нашъ баронъ,
Пѣхоты врагъ непримиримый,
Ты лихо учишь эскадронъ,
Въ манежѣ ты неумолимый.

Я стою въ сторонѣ и слушаю, какъ гудятъ эти здоровые голоса.

— Ты что, вандалъ, ротъ-то разинулъ! кричитъ мнѣ другой юнкеръ: — поди-ка лучше, потри мнѣ спину! На̀ мочалку!

— Чортъ возьми, думаю; въ банщики что-ли я попалъ? Но отказаться было-бы неудобно. Беру мочалку и начинаю тереть; корнетъ кряхтитъ отъ удовольствія и поворачивается съ боку на бокъ.

— Молодецъ, вандалъ, спасибо — еще вотъ здѣсь, немножко, — повыше; вотъ тутъ — тутъ. Ну, ладно, молодецъ, благодарю, не ожидалъ!

Пока я тру, товарищи его продолжаютъ пѣть:

Прощай, нашъ Савинъ экономъ,
Грабитель пироговъ и булокъ,
На нихъ построилъ себѣ домъ,
Фасадомъ прямо въ переулокъ.

* * *

Прощай, нашъ Шнитцель, жидюга,
Съ своей волтижировкой глупой;

Ужъ не заставишь ты меня
Творить сизо *) съ ужасной мукой.

* *
*

Пора намъ кончить «Звѣріаду».
Прощайте, звѣри всѣ толпой,
Безмысленныхъ барановъ стадо,
Забудетъ васъ корнетъ лихой.

Пѣсню кончили; слѣзаютъ съ полка и начинаютъ окачиваться; окачиваніе продолжается почти столь-же долго, какъ и пѣніе. Затѣмъ идутъ въ холодную; тутъ къ нимъ присоединяется еще нѣсколько человѣкъ. Всѣ становятся въ кругъ и поютъ:

Когда настанетъ страшный судъ,
Парадъ увидимъ превосходный:
Корнеты на небо взойдутъ,
А вандалы пойдутъ повзводно.

Потомъ вдругъ перемѣняютъ мотивъ и весело начинаютъ:

Господамъ корнетамъ.
Не объ чемъ тужить,
Имъ ужъ очень мало
Съ вандалами жить.

* *
*

Мы ихъ не печалимъ,
Мы ихъ и не бьемъ,
Мы за дѣло хвалимъ,
За бездѣлье бьемъ.

Оканчиваютъ пѣсню, и всѣ разомъ идутъ одѣваться.

Время послѣ завтрака. Юнкера въ разбродъ идутъ въ манежъ; сегодня ранжировка къ осеннему параду.

Въ просторномъ манежѣ выстраивается эскадронъ въ пѣшемъ строѣ въ двѣ шеренги. Полковникъ Розенбергъ, серди-

*) Такъ называется фигура въ волтижировкѣ.

тый, со спискомъ въ рукахъ, ходитъ отъ одного фланга къ другому и ранжируетъ взводы. Въ сторонѣ стоятъ смѣнные офицеры и тихо разговариваютъ, боясь помѣшать командиру.

— Ротмистръ Полбинъ! раздается голосъ командира.

Тощій гусарскій ротмистръ, въ потертой, бирюзоваго цвѣта, венгеркѣ, съ сопливымъ выраженіемъ лица, какъ ужаленный подскакиваетъ и въ припрыжку направляется на голосъ, приложивъ одну руку къ козырьку, другой придерживая саблю.

— Что, Богдановъ подтянулся? спрашиваетъ баронъ, бросая изъ подлобья взглядъ на сомнительнаго ѣздока.

— Немного лучше сталъ, поправляется, г-нъ полковникъ! отвѣчаетъ Полбинъ, вытягиваясь и слѣдуя за начальникомъ.

— Ну, становитесь! сурово приказываетъ онъ юнкеру,— да у меня смотрите,—уши имѣть,—не спать! Юнкеръ съ радостью становится въ шеренгу. Никакъ не ожидалъ онъ попасть на парадъ, такъ какъ незадолго передъ этимъ ушибъ ногу и порядочно времени пролежалъ въ лазаретѣ, а потому и въ ѣздѣ пріотсталъ.

А какой срамъ остаться забракованнымъ: всѣ готовятся, всѣ веселы, проѣдутся по городу, увидятъ Государя, а тутъ сиди вмѣстѣ съ больными, да съ лакеями.

Полковникъ продолжаетъ ранжировку и назначаетъ лошадей:

— Шарыгину—„Весталка!" Верещагину — „Барбарисъ!"

Я въ ужасѣ. „Барбарисъ" козлитъ.

— Безбородко—„Уланка"!

Нѣсколько товарищей прыскаютъ отъ смѣха. „Уланка"— лошадь, самая что ни на есть дрянь изъ всего эскадрона: съ мѣста не идетъ и только хвостомъ вертитъ. Безбородко, дѣтина здоровенный, ушамъ своимъ не вѣритъ, и долго стоитъ, озадаченный такимъ сюрпризомъ.

— Дадоновъ, — на „Грачикѣ", продолжаетъ выкрикивать Розенбергъ, слѣдуя вдоль фронта и ткнувъ пальцемъ вызванную фамилію.

— Г-нъ полковникъ, позвольте мнѣ на...—бормочетъ, что-то Дадоновъ, съ кислой миной.

— Что-с-с-съ?—сердито спрашиваетъ полковникъ, подпрыгиваетъ къ Дадонову, наклоняется и упорно смотритъ ему въ глаза:—Если не нравится, такъ можете совсѣмъ не ѣхать!

Дадоновъ прикусываетъ языкъ.

Ранжировка кончилась.

— Ротмистръ Шнитцель!—зоветъ полковникъ офицера въ уланской формѣ: — Извольте мнѣ эту безпардонную команду подтянуть!—и указываетъ на оставшихся человѣкъ 20 юнкеровъ.—Что за срамъ, совсѣмъ ѣздить не умѣютъ!

Розенбергъ уходитъ; за нимъ гурьбой слѣдуютъ юнкера.

На другой день, въ часъ пополудни, на плацу передъ училищемъ готовится эскадронное ученье. Эскадронъ въ конномъ строѣ, стоитъ выровнявшись; передняя шеренга съ пиками, задняя при шашкахъ. Командира еще нѣтъ. Взводные офицеры, оборотившись лицомъ ко взводамъ, разговариваютъ съ нашивочными. На плацу грязь; лошади уже успѣли забрызгаться. Кой-гдѣ собрался народъ и глазѣетъ.

— Смирно, смирно!—вдругъ слышится шопотъ.—Полковникъ!

Изъ воротъ училища выѣзжаетъ полковникъ, на неизмѣнномъ караковомъ „Гвардейцѣ“.

— Сми-ирно-о!—суетливо кричитъ старшій изъ офицеровъ. Галопцемъ подъѣзжаетъ командиръ и еще издали здоровается:

— Здравствуйте, господа!

— Здравія желаемъ, г-нъ полковникъ!—отвѣчаетъ эскадронъ, при чемъ фраза эта звучитъ точь въ точь, какъ если-бы юнкера кричали: разъ—два-а-а...

Онъ объѣзжаетъ юнкеровъ шагомъ, останавливается почти около каждаго; внимательно осматриваетъ, и каждому находитъ что-нибудь замѣтить: то „корпусъ прямо“, то „носки къ лошади“, то „голову выше“, а чаще всего: „ногу въ каблукъ“. Всѣхъ объѣхалъ, всѣхъ разнесъ. Тѣмъ-же галопцемъ отъѣзжаетъ въ сторону, круто поворачиваетъ и отрывисто командуетъ:

— Эскадронъ, шашки-и-и вонъ!—Затѣмъ, обнажая свою шашку, протяжно добавляетъ: — Пи-ики въ руку-у-у! Пики зашевелились, стали выравниваться; шашки заблестѣли и не вдругъ установились въ разрѣзѣ плеча.

— Эскадронъ, равненіе направо! — командуетъ Розенбергъ, такъ что *о* почти не слышно, а какъ-то мягко, плавно переходитъ въ *а* и совсѣмъ не рѣжетъ ухо.

— Не осаживать, вы, тамъ!—кричитъ онъ на одного, который выскочилъ-было немного впередъ, но испугался и черезчуръ осадилъ назадъ. Свирѣпый подскакиваетъ баронъ къ юнкеру, разомъ осаживаетъ бѣднаго „Гвардейца", такъ что тотъ нѣсколько шаговъ, какъ на салазкахъ скользитъ на заднихъ ногахъ и обдаетъ грязью.

— Вы мнѣ весь фронтъ портите! — разражается командиръ; щеки его налились кровью, слюни брызжутъ, брови нахмурены.

— Впередъ подайтесь! Еще, еще; глазъ, что-ли у васъ нѣтъ!—и затѣмъ скачетъ обратно на свое мѣсто.

— Пойдете по церемоніальному маршу!—осиплымъ голосомъ кричитъ командиръ;—главное—спокойствіе; задняя шеренга не наѣзжать, равняться, не разрываться, взглядываться! да уш-ш-и имѣть,—слушать команду!

— По церемоніальному маршу! — неистово оретъ онъ и трясетъ надъ головой шашкой;—равненіе направо рысью-у-у!— При этомъ онъ самъ какъ-бы выростаетъ, приподнимается на стременахъ, широко распускаетъ ноги. „Ма-а-аршъ!" Полковникъ яростно дѣлаетъ знакъ шашкой, съ ожесточеніемъ ее опускаетъ, причемъ одновременно опускается и его голова, точно тутъ и конецъ его земному существованію. Но это только одно мгновеніе, онъ снова „беретъ подъ высь" и дожидается прохода эскадрона. Какъ черная волна приближается эскадронъ, все ближе, все ровнѣе, и какъ по стрункѣ проходитъ мимо грознаго начальника.

Онъ счастливъ: „Хорошо!" кричитъ и, обгоняетъ въ карьеръ эскадронъ, чтобы повторить: „Тоже самое, еще разъ". Про-

пустивъ разъ пять по церемоніальному маршу, полковникъ кончаетъ ученіе.

День парада. Съ утра во всѣхъ камерахъ училища идетъ усиленная чистка и одѣванье. Потные лакеи снуютъ какъ шальные: одинъ бѣжитъ съ новымъ мундиромъ, другой съ перчатками, третій съ новымъ бѣлымъ султанчикомъ, дорогой прилаживая его къ кепи грязными дрожащими руками, четвертый—весь красный отъ усталости, съ отчаяніемъ на лицѣ, натягиваетъ сапогъ „своему господину", который, развалясь на кровати и задравъ ногу, капризно кричитъ:

— Еще! ну, еще, еще немного!

— Ой, ваше благородіе, дайте маненечко вздохнуть!—говоритъ усталый лакей, уныло достаетъ изъ кармана засаленный ситцевый клѣтчатый платокъ и утираетъ имъ вспотѣлый лобъ. — И кто вамъ, ваше благородіе, такіе тѣсные сапоги шилъ?—спрашиваетъ онъ, принимаясь съ новыми силами за прежнюю работу.

— Не разговаривай, надѣвай живо! — кричитъ будущій корнетъ и упирается на половину надѣтымъ сапогомъ въ животъ слуги.

Стиснувъ зубы и выпучивъ глаза, съ остервенѣніемъ схватывается лакей за ушки сапога, силится и ѣдетъ по залѣ вмѣстѣ съ кроватью и корнетомъ. Наконецъ, осилилъ, сапогъ заскочилъ.

— Ну, слава Богу!—ворчитъ слуга.

— Живо, голубчикъ, давай одѣваться!—умоляетъ юнкеръ, вскакиваетъ и любуется сапогомъ.

— Строиться!—раздается команда.

— Ахъ, Боже мой, „строиться"!

Но и онъ готовъ. Всѣ выстраиваются на нижней площадкѣ. Командиръ выходитъ съ озабоченнымъ видомъ, здоровается, и еще подверждаетъ:

— Помните, господа: не разрываться, задняя шеренга не наѣзжать, а главное—слушать команду.

Выходимъ на дворъ. Солдаты держатъ подъ уздцы осѣдланныхъ лошадей, начинается пригонка стремянъ.

— Ну-ка, еще на дырочку, подтяни! — проситъ юнкеръ солдата.

Тотъ подтягиваетъ.

— Еще на одну.

— Нельзя больше, ваше благородіе, дыры нѣтъ!

— Ну, такъ завяжи узломъ.

Тотъ завязываетъ узломъ.

Раздается давно ожидаемое: „Сади-и-ись!“

Всѣ быстро разсаживаются; пики ровной длинной линіею закраснѣли въ передней шеренгѣ; бѣлые султанчики тихо колышатся по вѣтру, и какъ бѣлой бахрамой окаймляютъ юнкерскія головы. Лица у всѣхъ веселыя, нетерпѣливыя: всѣмъ хочется поскорѣе тронуться. Полковнику подводятъ „Гвардейца“: два солдата старательно его подсаживаютъ. Сѣлъ. Еще разъ опытнымъ взоромъ оглядываетъ онъ свое воинство и командуетъ:

— Эскадронъ, направо! Справа по-три, ма-аршъ, — лѣвое плечо впередъ!

Копыта стучатъ по обмерзшей мостовой; проступаютъ непромерзлую грязь и выкидываютъ грязноватую, снѣжную ископыть.

Мы вытягиваемся въ длинную колонну. Народъ скопился у воротъ училища и съ любопытствомъ смотритъ.

Важно подбоченясь, ѣдемъ мы довольные и посматриваемъ по сторонамъ. Проѣзжаемъ церковь Троицы, Измайловскій мостъ, ѣдемъ по Вознесенскому проспекту, свертываемъ по Садовой; вотъ и Невскій проспектъ минуемъ, а вонъ и „Царицынъ Лугъ“. Кавалеріи тамъ уже немало. Насъ ставятъ во взводной колоннѣ, направо отъ кавалергардовъ. Гордость наша сразу поубавилась: у кавалергардовъ и лошади лучше, и форма красивѣе, да и сами молодцоватѣе. Однако, полковникъ нашъ нисколько не теряетъ достоинства: то и дѣло раскланивается съ начальниками кавалерійскихъ частей и преважно подаетъ, заразъ, обѣ руки, направо и налѣво. Важный людъ, генералы, графы, князья, спѣшатъ съ нимъ повидаться.—

Нельзя!—Розенбергъ человѣкъ нужный. У того сынъ, у того братъ въ школѣ, надо поклониться командиру.

Прошло добрыхъ два часа, прежде чѣмъ послышалось отдаленное „ура“. Все ближе и ближе, все громче, все яснѣе гремитъ оно. Сердца наши бьются сильнѣе, поводья сжимаются крѣпче,—Государь на лѣвомъ флангѣ кавалергардовъ. Загудѣли литавры. Государь здоровается съ солдатами.

— Ура, ура, ура! отвѣчаетъ полкъ.

Его Величество приближается медленнымъ шагомъ. Громадная свита, какъ туча,—окружаетъ его со всѣхъ сторонъ.

— Сми-и-ирно! — господа офицеры! побагровѣвъ отъ волненія, командуетъ Розенбергъ.

— Здравствуйте, юнкера! немного картавя здоровается Императоръ и привѣтливо киваетъ головой; на немъ преображенскій мундиръ; на шеѣ голубенькій орденъ pour le mérite, въ петлицѣ Георгій. Вѣтеръ сильно относитъ перья на его каскѣ.

Тѣмъ-же шагомъ объѣзжаетъ онъ насъ; пристально смотритъ на каждаго своими большими глазами, какъ-бы желая найти знакомое лицо.

— Ура, ура, ура! кричимъ мы. Проѣхалъ. Черезъ полчаса начинается парадъ.

Длинными стройными рядами проходитъ пѣхота, рота за ротой, баталіонъ за баталіономъ, отбивая ногу. Полки начали убывать. Сплоченная, густая масса штыковъ зарѣдѣла... пѣхота прошла. За ней, съ громомъ, трогается артиллерія; ее пропускаютъ то шагомъ, то рысью. Вотъ одна баттарея летитъ въ карьеръ: гремятъ колеса, звенятъ орудія; прислуга, трясясь всѣми суставами и съ трудомъ удерживаясь на передкахъ, все-таки, усиливается взглянуть на Императора.

За артиллеріей двигается кавалерія: первымъ проносится съ гикомъ конвой, за нимъ рысью пускаютъ насъ. Такъ-же, какъ и на ученіи, мы сначала плохо равняемся, но передъ самымъ Государемъ, на мгновеніе выравнивается, какъ по линейкѣ, и отлично проходимъ.

— Хорошо, господа, хорошо! благодаритъ Царь. — Ура,

ура, ура! отвѣчаемъ — и отъ радости сбиваемся чуть не въ кучу.

Кончился парадъ. Возвращаемся обратно въ училище. Желающіе могутъ идти въ отпускъ. Одни идутъ, другіе остаются и продолжаютъ еще нѣкоторое время разгуливать по училищу въ парадной формѣ, будто жалѣя съ ней разстаться.

Сбычившись, угрюмый, засунувъ руки въ карманы, гуляетъ князь Уткинъ по корридору, звеня развертѣвшимися репейками шпоръ.

„Га-спада офицеры", вдругъ оретъ онъ на все училище, внезапно вдохновившись воинственнымъ духомъ. На встрѣчу ему мѣрно подходитъ одинъ изъ его пріятелей, становится во фронтъ и серьезно рапортуетъ заученную фразу: „Къ Вашему Императорскому Величеству, отъ N*** училища, на ординарцы присланъ". — Хорошо! благодаритъ князь и, обнявшись, отправляются оба въ курилку.

— —

Дни идутъ за днями. Прошли праздники, стала приближаться весна; начали поговаривать о съемкахъ, экзаменахъ, о лагеряхъ.

— Весело, братъ, на съемкахъ! говоритъ мнѣ одинъ изъ маіоровъ.

— Что-же особеннаго? спрашиваю я.

— Какъ что! Иди куда знаешь, дѣлай что хочешь, никто тебѣ не помѣшаетъ.

— А планы-то какъ-же? Кто-же ихъ будетъ работать?

— Планы! Эхъ ты,—голова, а топографы на что? Дашь 5 руб., такъ онъ такой вычертитъ, что тебѣ и во снѣ не приснится.

— А офицеры—ничего?

— Офицеры—что! Они преспокойно цѣлый день въ ресторанѣ на билліардѣ играютъ. Неужели ты думаешь, что они будутъ съ нами по болотамъ шляться?..

Сбираемся на съемки: насъ раздѣлили на партіи по 6-ти человѣкъ. Въ назначенный день отправились на петергофскій

вокзалъ, гдѣ были приготовлены вагоны. Юнкера сѣли въ 3-й классъ, офицеры—во второй. Передъ отходомъ поѣзда пріѣхалъ начальникъ училища. Осмотрѣлъ, какъ мы сидимъ; все-ли въ порядкѣ: нѣтъ-ли чего запрещеннаго, и, не найдя ничего, уходитъ.

Какъ только генералъ ушелъ и поѣздъ тронулся, картина въ вагонахъ тотчасъ-же измѣнилась: изъ-подъ лавокъ повылѣзли спрятавшіеся разнощики съ винами, фруктами, пряниками, различными закусками, и цѣлыми дюжинами шампанскаго, преимущественно донскаго. Началось хлопанье пробокъ и ревъ пѣсенъ. Разнощики, съ самыми плутовскими физіономіями, усердно предлагаютъ то того, то другого „напитка".

— Денегъ, братъ, у меня съ собой нѣтъ, Васька! кричитъ одинъ изъ корнетовъ знакомому кулаку.

— Помилуйте, ваше сіятельство! Да неужели-же мы вамъ не повѣримъ?—Да хоть весь лотокъ! предлагаетъ Васька, почтительно приподнявъ съ своей головы поярковую шляпу со стальной пряжкой. Это широкоплечій ярославецъ, съ рыжей, козлиной бородкой, въ сѣрой тиковой поддевкѣ, подпоясанной бѣлымъ фартукомъ. Онъ поминутно то вытаскиваетъ изъ-за пазухи, то снова прячетъ свой замаслившійся сафьяный бумажникъ, въ которомъ первоначальная горсточка серебра быстро превращается въ пачку ассигнацій; къ нимъ-же незамѣтно пріобщаются и записки, написанныя карандашемъ на клочкахъ бумажки тѣми „сіятельствами", у которыхъ не было при себѣ денегъ.

Росписки были на небольшую сумму: рублей на 5, на 10, на 50; больше 100 рублей росписокъ не было.

Разнощики были люди добрые и вполнѣ вѣрили этимъ запискамъ. Торговали они хорошо: къ концу пути непроданными остались только жестянки съ леденцами.

Въ Новомъ-Петергофѣ мы выходимъ. Старшій курсъ идетъ въ сторону, младшій—въ другую.

Полковникъ Норкинъ, преподаватель ситуаціи, задаетъ намъ задачи:

— Вотъ, Верещагинъ! объясняетъ онъ:—вотъ ваша „база",—

и указываетъ на домикъ:—дайте мнѣ вашъ планшетъ, вотъ гдѣ домикъ,—и онъ дѣлаетъ точку карандашемъ — Отсюда вы пойдете по направленію во-о-о-нъ тѣхъ возвышенностей; опредѣлите шагами разстояніе; нанесите эти горы, ручьи, овраги, вообще всѣ пересѣченія, которыя попадутся по пути. Поняли?

— Слушаю-съ, г-нъ полковникъ!—Отхожу и дѣлаю видъ, что принимаюсь за работу.

— Танѣевъ, дайте вашъ планшетъ! обращается преподаватель къ высокому, тонкому юнкеру, который только что передъ этимъ разсказалъ мнѣ, что онъ подговорилъ себѣ одного топографскаго писаря, обѣщавшаго ему „всего за три рубля вычертить отличный планчикъ“.

Танѣевъ подаетъ планшетъ, весьма, повидимому, внимательно выслушиваетъ полковника, и самымъ покорнымъ тономъ безпрестанно повторяетъ: „Слушаю-съ, г. полковникъ! Понимаю-съ!“ Но на самомъ-то дѣлѣ онъ ничего не слушаетъ и даже совсѣмъ не о томъ и думаетъ; мыслями онъ гдѣ-то далеко летаетъ—гдѣ именно? Сейчасъ увидимъ.

Задачи всѣмъ розданы. Полковникъ уходитъ въ городъ; мы немедленно собираемся и разсуждаемъ: какъ намъ дѣйствовать и что предпринять.

— Знаете, господа, куда пойдемъ? возглашаетъ Танѣевъ—вонъ въ ту деревушку, что подлѣ мельницы. Тамъ, я еще съ прошлаго года помню, есть прехорошенькая чухоночка; пойдемте къ ней молоко покупать.

Цѣлый день толкаемся мы по деревнямъ, поемъ пѣсни, повѣсничаемъ, по вечерамъ собираемся на вокзалъ и къ ночи—въ училище.

Три дня подъ-рядъ возятъ насъ такимъ образомъ. Я и еще двое изъ партіи кое-что начертили; у остальныхъ-же ничего не сдѣлано, только базы чернѣли; а Танѣевъ такъ даже и планшетъ потерялъ.

Какъ-бы то ни было, но къ назначенному сроку каждый юнкеръ подалъ отлично вычерченный планъ заданной мѣст-

ности, со всевозможными подробностями. Всѣ получили хорошія отмѣтки. И юнкера довольны и начальство.

Съ середины мая начались экзамены и тянулись до конца мѣсяца. Несовсѣмъ-то блистательно я ихъ сдалъ; изъ фортификаціи даже чуть-чуть не срѣзался. Вытянулъ я только благодаря смѣнному офицеру Протопопову.

Въ N*** училищѣ, какъ и въ другихъ военныхъ заведеніяхъ, у каждаго офицера были свои любимчики, фавориты, за которыхъ они заступались, мирволили при отпускахъ и вывозили на экзаменахъ. Мой заступникъ былъ ротмистръ Протопоповъ, уланъ, худощавый, маленькаго роста, безъ бороды, съ длиннѣйшими усами, которые, какъ говорится, хоть за уши закладывай. Онъ былъ очень вспыльчивъ, но въ то-же время имѣлъ прямой, откровенный характеръ.

Знакомство мое съ нимъ завелось слѣдующимъ образомъ. Протопоповъ былъ завзятый любитель сельскаго хозяйства. Разъ, послѣ ученія, на которомъ онъ-же крѣпко меня разнесъ, подходитъ и говоритъ мнѣ: „Да-съ, батенька мой, нельзя такъ тихо командовать „маршъ"; громко надо,—чтобы послѣдній солдатъ слышалъ. Ма-а-аршъ!" и кричитъ во все горло надъ самымъ моимъ ухомъ, да такъ, что у меня едва перепонка не лопнула. Протопоповъ имѣлъ чрезвычайно громкій голосъ. Затѣмъ спрашиваетъ: А что, Николай Васильичъ Верещагинъ—сыроваръ, не родственникъ вамъ будетъ?

— Братъ родной, г-нъ ротмистръ, отвѣчаю я.

— Давно-бы такъ, — съ восторгомъ восклицаетъ онъ, и схвативъ меня подъ руку, потащилъ къ себѣ пить чай. Съ тѣхъ поръ, до самаго выхода въ офицеры, мы оставались друзьями,

Зная, что я былъ слабъ по фортификаціи, онъ обѣщалъ придти на экзаменъ.

Экзаменъ наступилъ, я вызванъ. Преподаватель задастъ мнѣ начертить чертежъ. Я не умѣю. Протопопова нѣтъ. Что дѣлать? Но вотъ дверь отворяется и входитъ Протопоповъ. Переговоривъ нѣсколько минутъ съ преподавателемъ, тотъ

меня отпускаетъ, отрывисто прошепелявивъ: Сядитесь, шесть балевъ!

Усердно поклонился я ему, и счастливый, что получилъ шестерку, или, какъ у насъ называлось, *баллъ душевнаго спокойствія,* убѣгаю изъ класса, искренно желая всѣхъ благъ ротмистру Протопопову.

Послѣ экзаменовъ, на другой-же день, мы всѣ отправились въ лагери,—въ Красное Село. Наши бараки были расположены какъ разъ противъ Дудергофской горы, рядомъ съ конвоемъ Его Величества.

Жизнь пошла самая скучная: каждый день ученье, не смотря ни на какую погоду. Вставать приходилось еще раньше, нежели въ училищѣ. Въ особенности первое время мнѣ не нравилось вставать утромъ съ постели въ сырой палаткѣ, послѣ дождя.

Экономъ Савинъ здѣсь еще болѣе отличался: чай давалъ такой, что какъ ни хотѣлось, нельзя было пить, — точно какой-нибудь балаганный сбитень.

Въ началѣ августа начались маневры. Я въ нихъ не участвовалъ: мнѣ удалось отпроситься въ отпускъ въ деревню къ родителямъ. 30-же августа я снова былъ въ училищѣ, но уже не вандаломъ, а корнетомъ. Опять пошли тѣ-же классныя занятія, тѣ-же строевыя ученья, тѣ-же смотры и парады, тотъ-же экономъ Савинъ и, конечно, тотъ-же скверный чай.

Преподаватели и офицеры обращаются съ нами теперь не такъ, какъ прежде, а болѣе по-пріятельски; невольно чувствовалось приближеніе офицерскихъ погонъ. Каждый изъ насъ сталъ пріискивать себѣ товарищей по выпуску, чаще и чаще виднѣются въ рукахъ юнкеровъ памятныя офицерскія книжки съ перечисленіемъ полковъ. По вечерамъ собираемся въ кучки и разсуждаемъ: — куда лучше выйдти, въ какой полкъ, какая форма красивѣе, гдѣ купить лошадь, у кого заказать обмундировку.

Много было и такихъ юнкеровъ, которые по различнымъ обстоятельствамъ заранѣе надумали, куда выйти. Многіе-же

долго не могли рѣшиться: то имъ стоянка не нравилась, то лацкана скверные, то полковой командиръ собака.

Въ углу 4-го взвода, на лѣвомъ флангѣ, развалился на постели черноволосый кудрявый юнкеръ; лицо смуглое, носъ горбомъ, должно быть кавказецъ, и подпершись локтемъ о подушку, внимательно слушаетъ пріятеля, который сидитъ рядомъ и монотонно перечисляетъ по книжкѣ названія полковъ.

— Постой, постой! Гдѣ стоитъ ахтырскій гусарскій? спрашиваетъ первый.

— Въ NN.

— Кто командиръ?

— NN.

— Не знаю! Богъ съ нимъ...

— Ну, дальше!

— Елисаветградскій! Голубая венгерка, стоянка въ N, командиръ N! продолжаетъ перечислять тотъ, тѣмъ-же монотоннымъ голосомъ.

— Славный полкъ, жаль голубая венгерка, скоро пачкается,—и кавказецъ беретъ отъ товарища книжку, какъ-бы желая убѣдиться, дѣйствительно-ли венгерка голубая.

— Послушай, милка! кричитъ одинъ на правомъ флангѣ, проходящему товарищу: — Ты у кого заказалъ сѣдло, у Левенгрена?

— Нѣтъ, у Коха.

— Напрасно, Левенгренъ теперь лучше дѣлаетъ!

— Это почему ты думаешь?

— Да ужъ я знаю.—Проходящій юнкеръ останавливается. У нихъ долго продолжается разговоръ по вопросу, кто лучше работаетъ—Кохъ или Левенгренъ.

По вечерамъ и вообще—въ свободное время, шли постоянные толки о выпускѣ. Сводились счеты, разсчеты: что будетъ стоить обмундировка, сколько лошадь, сколько на лицо денегъ, и сколько еще пришлютъ родители.

У большей части деньги были; но зналъ я и такихъ, которые недоумѣвали, какъ имъ вывернуться и уплатить за все. Нѣкоторые еще до праздниковъ заказали сѣдла и разныя раз-

ности, а послѣ праздниковъ юнкеровъ постоянно можно было встрѣчать у военныхъ портныхъ и въ офицерскихъ магазинахъ.

Воскресенье. По Большой Морской—шлепъ-шлепъ, тащатся по слякоти извощичьи сани. Худенькая, гнѣденькая лошаденка едва-едва бѣжитъ, не смотря на здоровые удары и по спинѣ, и по ногамъ, которыми ее награждаетъ флегматичный возница,—тщедушный, подслѣповатый старикашка съ жиденькой бородкой. Старательно подстегивая лошадку, извощикъ и не подозрѣваетъ, что онъ уже нѣсколько разъ задѣлъ кнутомъ бѣлый султанъ сѣдока-юнкера, который, спрятавъ одну руку подъ дырявую полость, другой обнялъ свою мамашу старушку.

Барыня-старушка наклонилась немного впередъ и захватилась среднимъ пальцемъ, какъ крюкомъ, за кушакъ извощика. Голая рука ея покраснѣла отъ холода, но она этого не замѣчаетъ. Сыну становится стыдно и за плохаго извощика, и за голую, покраснѣвшую руку матери, и за плохую шубку, накинутую на ней.

— Хоть-бы вы, мамаша, перчатки надѣвали, а то право совѣстно ѣздить съ вами. Не бойтесь, не упадете, вѣдь я держу! язвительно говоритъ онъ, избѣгая ея взгляда.

— Стыдно-бы тебѣ, кажется, говорить такія вещи. Кто на меня, старуху, смотритъ! возражаетъ та, и движеніемъ плечъ поправляетъ съѣхавшую шубку. Юнкеръ приподымаетъ свой башлыкъ и старается надѣть такъ, чтобы его никто не могъ узнать. Они ѣдутъ въ гостиный дворъ покупать офицерскія вещи.

— Эй, эй! берегись! раздается надъ ихъ ушами внушительный басъ кучера. Пуская густыми струями паръ изъ разгорѣвшихся ноздрей, извощика обгоняетъ размашистый сѣрый рысакъ, запряженный въ легкія санки. Сѣдокъ, тоже юнкеръ съ бѣлымъ султаномъ, оборачивается, узнаетъ прижавшагося товарища, посылаетъ ему рукой нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ, и, снисходительно улыбнувшись, продолжаетъ путь. Это будущій лейбъ-гусаръ. Онъ останавливается у подъѣзда ши-

карнаго портнаго. Послѣдуемъ за нимъ. Хозяинъ радостно встрѣчаетъ юнкера, здоровается и спѣшитъ примѣрить на скоро сметанную венгерку.

— Пожалуйста, чтобы хорошо сидѣла! картавитъ юнкеръ, охорашиваясь передъ зеркаломъ.

— Останетесь довольны, ваше сіятельство!... Бобры какіе прикажете къ шинели поставить? И хозяинъ выкидываетъ изъ ящика различные сорта: то совершенно черные, пушистые, съ рѣдкой сѣдиной; то не столь пушистые, съ коричневатымъ оттѣнкомъ, но сѣдины побольше; то совершенно сѣдые. Воротниковъ множество, выбирай любой.

Юнкеръ не знаетъ,—которые лучше.

— Вы, ваше сіятельство, отберите, которые понравятся и надпишите вашу фамилію, суетясь говоритъ хозяинъ и подаетъ перо.

Тотъ смотритъ на цѣны, отбираетъ самые дорогіе, пишетъ фамилію, и затѣмъ уходитъ, провожаемый хозяиномъ до самаго экипажа. Бородатый кучеръ наклоняетъ немного голову и небрежно выслушавъ „домой", шевелитъ возжами. Рысакъ вздрагиваетъ и несется по широкой улицѣ, обдавая сторонящихся прохожихъ грязнымъ, липкимъ, петербургскимъ снѣгомъ.

Я долго не могъ рѣшиться, куда выйти,—въ гвардію или въ армію? По ученію—имѣлъ право на гвардію, но боялся, содержаніе будетъ слишкомъ дорого стоить; тянуться-же за богачами, какъ тянулись многіе, не хотѣлъ. Зачѣмъ, думаю, буду я это дѣлать, когда съ моими средствами въ арміи можно служить, ни въ чемъ себѣ не отказывая. Два мои товарища, съ которыми я хотѣлъ вмѣстѣ выйти, были того-же мнѣнія, ну и рѣшили выйти въ армію. Теперь задача — въ какой полкъ? Долго перелистывали мы книжку и просматривали полки; ротмистръ Протопоповъ и тутъ помогъ мнѣ.

— Да выходите въ Днѣпровскіе уланы; чего лучше! кричитъ онъ, встрѣтившись разъ со мной. Полкъ прекрасный, товарищество отличное; стоянка то-же. Чего вамъ еще нужно!

Я передалъ это товарищамъ—тѣ опять въ книжку—смотрѣть, какіе у Днѣпровскихъ уланъ лацкана, какой дивизіи, кто командиръ. Все подошло какъ нельзя лучше: стоянка въ г. Старосельскѣ, лацкана красные, командиръ полка отличный. Рѣшено, выходимъ.

Наступили выпускные экзамены, которые я сдалъ лучше, чѣмъ при переходѣ въ старшій курсъ. Разскажу, для примѣра, какъ все тотъ-же Танѣевъ экзаменовался изъ фортификаціи.

Въ большомъ классѣ стоятъ три доски, на которыхъ экзаменующіеся старательно чертятъ заданные чертежи. Экзаменуютъ два преподавателя и инспекторъ; остальное начальство поразошлось—кто покурить, кто-куда.

На лѣвой доскѣ, около окна, Танѣевъ рисуетъ большую пушку съ лафетомъ; до мельчайшей подробности вычерчиваетъ онъ каждый винтикъ, каждую гайку; позади ставитъ солдата съ банникомъ, который должно быть уже выстрѣлилъ, такъ какъ непосредственно за симъ живописецъ разводитъ на доскѣ прегустой дымъ; стукатокъ такой подымаетъ, что страхъ. Окончилъ. Преподаватели подходятъ—смотрятъ: пушка нарисована отлично.

— Вамъ что задано начертить? спрашиваютъ его.

— Барбетъ въ исходящемъ углѣ.

— Да гдѣ-же онъ?

— Мѣста не было, г. подполковникъ, совершенно серьезно отвѣчаетъ Танѣевъ.—Впрочемъ, если угодно, я начерчу!... И не начертилъ.

Пушка, однако, произвела свое дѣйствіе. Она такъ была ловко начерчена, что Танѣева спросили какіе-то еще пустяки, и затѣмъ съ миромъ отпустили, поставивъ 6 балловъ.

Послѣ лагерей, въ началѣ августа, начались маневры. Каждый изъ насъ только считалъ дни и съ нетерпѣніемъ дожидался производства.

Къ каждому отдѣльному отряду назначался на маневры

офицеръ генеральнаго штаба, или, какъ тогда ихъ называли у насъ, „моментъ“, чего они терпѣть не могли. Прозвали ихъ такъ за то, что во время парадовъ на Царицыномъ лугу, распорядители, офицеры генеральнаго штаба, передъ самымъ церемоніаломъ, имѣли обыкновеніе проѣзжать мимо частей и напоминать имъ:—„не пропустить моментъ“.

Какъ теперь вижу на майскомъ парадѣ, за минуту передъ тѣмъ, какъ намъ проходить рысью мимо Государя, скачетъ блѣдный, съ растрепанными чувствами, офицеръ генеральнаго штаба, и кричитъ намъ: Господа, ради Бога не пропустите моментъ, моментъ, моментъ!... и скрывается между частями.

Дѣло въ томъ, что каждая парадирующая часть должна была возможно лучше выровняться въ тотъ моментъ, когда равнялась съ Его Величествомъ.

Съ нашимъ „моментомъ“ на маневрахъ случился такой казусъ: послѣ одного перехода, Розенбергъ останавливаетъ эскадронъ, слѣзаетъ, и зоветъ дежурнаго трубача взять лошадь. Трубача нѣтъ; полковникъ сердится. Спустя нѣкоторое время, тотъ является.

— Гдѣ ты былъ? спрашиваетъ командиръ.

— Я, ваше высокоблагородіе, г. момента лошадь держалъ, оправдывается трубачъ, указывая на стоящаго поблизости офицера генеральнаго штаба, который ясно слышитъ весь этотъ разговоръ. Поднялся страшный хохотъ. Оказалось, трубачъ вполнѣ былъ увѣренъ, что „моментъ“ есть фамилія этого офицера, такъ какъ во время маневровъ его очень часто такъ называли.

10-го августа, около четырехъ часовъ вечера, мы отдыхаемъ и разсуждаемъ все объ одномъ и томъ-же, т. е. о производствѣ. Смотримъ — кричитъ кто-то и машетъ фуражкой; ближе, ближе, нашъ юнкеръ,—кричитъ „ура, ура!“ Что такое?

— Ура, ура! Государь поздравилъ—мы офицеры!

Вслѣдъ за нимъ показывается коляска. Начальникъ военныхъ училищъ, генералъ Исаковъ, стоя, машетъ шапкой; подъѣзжаетъ и объявляетъ намъ: Государь Императоръ поручилъ мнѣ поздравить старшій курсъ офицерами.

— Ура, ура, ура, ура, ура!..

Подымается невѣроятная суматоха. Никто ничего не хочетъ слушать; начальство не признается, каждый садится на лошадь и скачетъ въ „Красное“, надѣвать офицерскую форму, крича дорогою до хрипоты „ура!“.

Когда я прискакалъ въ лагерь, то уже многихъ товарищей не узналъ,—смотрю, все разгуливаютъ господа офицеры—гусары, кирасиры, уланы, драгуны, казаки.

Въ тотъ-же день отправляемся мы въ Петербургъ—спрыснуть новые мундиры.

Съ чѣмъ можетъ сравниться то счастливое чувство только что выпущеннаго офицера, когда онъ, въ новомъ мундирѣ, распустивъ саблю и звеня шпорами, разгуливаетъ по широкимъ улицамъ Петербурга, чувствуя себя совершенно самостоятельнымъ? Помоему, эти минуты самыя счастливыя въ жизни.

Черезъ нѣсколько дней былъ у Бореля обѣдъ, на который собрался весь нашъ выпускъ, человѣкъ девяносто.

Много было говорено тостовъ, выпито шампанскаго, побито посуды. Долго толпился народъ подъ окнами ресторана и слушалъ наши „ура!“.

Празднество закончилось поѣздкой въ Демидронъ.

Возвратившись на другой день въ лагерь, я нахожу письмо отъ мамаши. Оно было написано слабымъ болѣзненнымъ почеркомъ. Мать извѣщала, что пріѣхала въ Петербургъ лечиться и остановилась въ Знаменской гостинницѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ я осторожно подхожу къ мамашиному номеру, и стучусь. Дверь отворяетъ наша маленькая горничная Терентьевна, полуодѣтая и растрепанная.

— Ахъ, Александръ Василичъ, здравствуйте! восклицаетъ она, жеманясь и прикрывая грудь кофточкой. Я здороваюсь съ ней и прохожу въ комнату.

— Батюшки, вѣдь онъ офицеръ! кричитъ мамаша, и, всплеснувъ руками привскакиваетъ съ постели и замираетъ на моей груди. Слезы душатъ ее, она ничего не можетъ сказать, и безсильно опускается на постель.

— Сашенька! вѣдь я опять больна! шепчетъ она.

Смотрю на нее,—опять тѣ-же впалые, мутные глаза, та-же блѣдность, то-же унылые, не предвѣщающее ничего добраго. Сажусь подлѣ и начинаю ее успокоивать.

— А вѣдь я и не знала, мой ненаглядный, что васъ произвели, говоритъ она, при чемъ гладитъ меня по головѣ своей худощавой рукой и сквозь слезы смотритъ добрыми, любящими глазами.—Не встать ужь мнѣ теперь, Сашенька, больше! Чувствую, что не встать!

Я продолжаю ее успокоивать; обнимаю, цѣлую въ глаза, въ щеки, въ губы и, усиленно моргаю рѣсницами, чтобы не расплакаться.

— Давно-ли васъ произвели?

— 10-го августа, мама.

— Ну долго-ли же ты со мной-то пробудешь?

— Долго-то нельзя, мамаша. 20-го сентября я долженъ въ полку быть, а до того времени надо-же и папу провѣдать.

— Что папа! Папа, слава Богу, здоровъ. Побудь ты со мной-то, жалобно умоляетъ она, держа ладони моихъ рукъ и какъ-бы боясь ихъ выпустить.—Ну да и то сказать, надо и папушку провѣдать. А какъ онъ, милый, обрадуется, какъ офицеромъ-то тебя увидитъ. Господи, Господи! Не увижу ужь я его!—И мамаша снова заливается слезами.

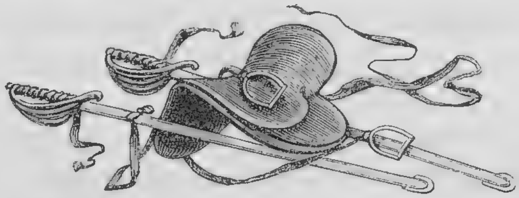
Не веселый ушелъ я отъ нея. Дня черезъ три послѣ тяжелаго разставанья съ матерью, я ѣду въ деревню къ отцу. Дорогой все болѣе и болѣе прихожу въ хорошее расположеніе духа. Воспоминаніе о больной матери понемногу сглаживается. Новое положеніе „офицера“ нѣжитъ мое воображеніе.

Спустя не болѣе какъ полторы сутки, уже я подъѣзжалъ на пароходѣ къ родному селу Любцу. Боже, какъ у меня даже и теперь сердце стучитъ при одномъ воспоминаніи объ этихъ дорогихъ, счастливыхъ минутахъ, единственныхъ въ жизни. Развѣ-же ихъ можно когда забыть! Вотъ пароходъ пристаетъ къ парому. Я въ припрыжку взбираюсь по песчаному берегу

и вхожу во дворъ. Никого не видно. Еще рано, часовъ семь-восемь утра. Захожу въ поварскую. Поваръ Михайло, уже старикъ; увидавъ меня, усиленно радуется, подбѣгаетъ къ ручкѣ (крѣпостныя привычки вполнѣ сохранились въ немъ) и докладываетъ, что „папенька въ Дубровское поле пошли". Не заходя въ домъ, бѣгу искать папашу. По дорогѣ наскоро здороваюсь со встрѣчными бабами и мужиками. Всѣ они радостно кланяются мнѣ, удивленные моей новой формой. Передъ выходомъ съ парохода, я надѣлъ чистенькій бѣлый китель, который теперь ярко блеститъ на солнцѣ золочеными пуговицами.

Быстро прохожу село, овины, спускаюсь къ мостику, вхожу въ поповское поле, вонъ и Дубровское. Папаши не видно. Отворяю отводъ, подымаюсь немного на пригорокъ, во-о-онъ гдѣ папаша! — во-о-онъ онъ гдѣ, въ бѣломъ коломянковомъ пальто, стоитъ, опершись на палочку. Но только какую онъ сѣдую бороду отростилъ, его и не узнаешь! Господи, какъ мнѣ хочется поскорѣй обнять отца, даже вся кровь приливаетъ къ сердцу. А уже отецъ замѣтилъ меня, и видимо изо всѣхъ силъ спѣшитъ на встрѣчу, старательно опираясь на палочку. Чего-бы, кажется, я не отдалъ теперь, чтобы только опять увидать это радостное, счастливое, доброе лицо; эти поднятыя распростертыя руки, готовыя принять меня въ свои теплыя объятья!

Я прогостилъ у отца недѣли двѣ, затѣмъ отправился на службу въ полкъ.



ГЛАВА X.

Въ полку.

Въ Кіевѣ, на вокзалѣ, я встрѣтился съ моими товарищами по училищу, и уже отсюда, вмѣстѣ, на одной тройкѣ почтовыхъ, отправились въ городъ Старосельскъ. Пріѣхали рано утромъ и остановились на постояломъ дворѣ. Напившись чаю, пошли взглянуть на городъ. Оказалось, что онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ малороссійскихъ уѣздныхъ городовъ: въ самомъ центрѣ площадь съ церковью и торговыми рядами; по сторонамъ нѣсколько каменныхъ двухъ и даже трехъ-этажныхъ домовъ. Отсюда, на подобіе солнечныхъ лучей, тянутся по всѣмъ направленіямъ безконечныя, узкія улицы, съ маленькими домиками въ три окошечка, крытые или соломой, или черепицей. На дворъ чужому человѣку войти опасно: непремѣнно бросится пара злѣйшихъ собакъ, а потому, если къ дому приближался кто изъ постороннихъ, то безостановочно помахивалъ за спиной палкой, точно хвостикомъ, продолжая это дѣло и въ то время, когда выходилъ хозяинъ.

Улицы, по большей части, немощеныя и чрезвычайно пыльныя. Въ дождливое-же время, какъ впослѣдствіи я убѣдился, онѣ настолько грязны, что передъ тѣмъ, какъ перейти ихъ,

приходилось подумать, и даже очень серьезно, гдѣ удобнѣе начать переправу.

Около полудня мы надѣли мундиры, и на двухъ извощикахъ отправились являться командиру полка и дѣлать визиты новымъ товарищамъ.

Полковникъ занималъ большой домъ на площади. Пока человѣкъ докладывалъ, мы стоимъ въ прихожей, охорашиваемся передъ зеркаломъ, поправляемъ другъ другу эполеты, лацкана, поддергиваемся, подчищаемся и уговариваемся, кому первому входить.

Изъ боковой двери выходитъ маленькій сѣдоватый полковникъ съ черными усами; любезно приглашаетъ насъ въ залъ, проситъ садиться, переспрашиваетъ фамиліи и разсказываетъ о порядкахъ, заведенныхъ имъ въ полку. При прощаніи напоминаетъ намъ, „что онъ два раза прощаетъ, а на третій взыскиваетъ“.

Мы выходимъ, не особенно довольные командиромъ.

Ѣдемъ къ полковому адъютанту. Въ прихожей не достучались; проходимъ, чрезъ дворъ, въ кухню. Деньщикъ, въ грязной рубахѣ, засунутой въ форменные штаны, чистилъ надѣтый на руку сапогъ.

— Адъютантъ дома?

— Никакъ нѣтъ, до маіора Крузо пишли,—отвѣчаетъ тотъ хохлацкимъ выговоромъ.

— А гдѣ маіоръ живетъ? покажи-ка! и направляемся къ выходу. Деньщикъ идетъ за нами и, не снимая съ руки сапога, показываетъ ваксельной щеткой, куда надо ѣхать.

— Тамъ, ваше благородіе, всіу господа, маіоръ сеходня имянинники,—добавилъ онъ.

Мы дали ему карточки, отпустили извощиковъ и пѣшкомъ отправились по указанному направленію.

Приближаемся къ красивому домику съ небольшимъ садомъ. Въ растворенныя окна слышны громкіе разговоры; мелькаютъ эполеты; кто-то теноромъ поетъ:

Ще тритьи пивни нэ спивали,
Нькто нигдэ не гомонивъ...

Въ тѣни, у воротъ, лежитъ въ дрожкахъ соскучившійся извощикъ, и, закинувъ голову, сладко дремлетъ. Изъ окошка высунулись-было чьи-то бакенбарды, но, замѣтивъ насъ, немедленно скрылись. Въ комнатахъ стихло. Мы входимъ въ прихожую. Въ ней разбросана верхняя одежда; въ углу стоятъ сабли и священническій посохъ. Дверь въ комнаты пріотворена. Снимаемъ шинели, говоримъ деньщику свои фамиліи, тотъ безъ разговоровъ отворяетъ дверь.

Просторная комната крѣпко накурена; посрединѣ стоятъ два ломберныхъ стола, за которыми сидятъ человѣкъ десять офицеровъ, одни играютъ, другіе наблюдаютъ. Въ углу еще столъ съ водками и закуской; около него нѣсколько офицеровъ выпиваютъ. И хозяинъ и гости видимо дожидались нашего появленія, и потому, какъ только мы вошли, дружно встали и поздоровались. Начались рукопожатія и щелканія шпоръ.

Хозяинъ, маіоръ Крузо, въ очкахъ, со щетинистыми усами и съ осиплымъ голосомъ, очень скоро знакомитъ насъ со всѣми присутствующими, между прочимъ и съ полковымъ священникомъ, который сидѣлъ въ числѣ игроковъ.

— Вотъ,—обращается къ намъ Крузо, — позвольте представить нашего полковаго священника; человѣкъ прекрасный: и пьетъ, и закусываетъ, и въ карты играетъ!

Попъ остается очень доволенъ рекомендаціей, смѣется и выправляетъ волосы изъ-за воротника рясы.

— Вотъ и отлично! Вы здѣсь сразу познакомитесь чуть не со всѣми офицерами. Да кого у насъ здѣсь нѣтъ?—обращается хозяинъ къ окружающимъ, и вопросительно посматриваетъ на нихъ. Тѣ взглядываютъ другъ на друга.

— Рудановскаго!—слышатся голоса.

— Ну, этотъ со своей Хфеней сидитъ,—замѣчаетъ маіоръ.

— Авдѣенки.

— Объ этомъ и говорить не стоитъ,—и хозяинъ машетъ рукой; онъ, замѣтно, сердитъ на Авдѣенку.

— Ну-съ, господа, съ пріѣздомъ, по рюмочкѣ!—и маіоръ наливаетъ нѣсколько рюмокъ водки. Подходимъ къ столу. Хо-

зяинъ первый опрокидываетъ въ ротъ за-разъ свою рюмку. Всѣ слѣдуютъ его примѣру.

— Что-же вы, Верещагинъ, не пьете!—кричитъ онъ;— ну, хереску не хотите-ли!

Беретъ бутылку, въ которой болталось еще чуточку на донышкѣ и наливаетъ; набирается съ полъ-рюмки, причемъ туда попадаютъ и крошки отъ пробки.

— Эхъ остатки сладки!—кряхтя, восклицаетъ хозяинъ.

— Да вы, маіоръ, напрасно безпокоитесь, — отнѣкиваюсь я. Но отъ хозяина трудно отговориться, и, чтобы успокоить его, я выпиваю.

Отъ маіора обходимъ другихъ офицеровъ и вездѣ оставляемъ карточки. Подходимъ къ квартирѣ ротмистра Петра Петровича Рудановскаго; этотъ живетъ въ собственномъ домѣ. Въ полку служилъ онъ много лѣтъ и уже давно завѣдуетъ нестроевой ротой.

Дверь отворяетъ намъ босоногая дѣвчонка и сообщаетъ, что баринъ спитъ. Затѣмъ, не давъ намъ ни слова выговорить, кричитъ: А вотъ я барынѣ скажу! и пропадаетъ.

Мы входимъ въ гостинную. Вездѣ большой порядокъ и чистота: полы, стѣны, потолки, оконные и дверные приборы, все блеститъ, какъ новенькое. Въ комнатахъ пріятный запахъ отъ множества стоящихъ на окнахъ цвѣтовъ. Мебель подъ бѣлыми коленкоровыми чехлами. На столахъ по нѣскольку пепельницъ, въ углахъ плевальницы; видно, что хозяева наблюдаютъ чистоту.

Черезъ короткое время, изъ хозяйскихъ комнатъ, не торопясь, выходитъ полный, высокій, уже пожилой мущина съ заспанными глазами; круглый, отвислый подбородокъ плохо выбритъ; сѣдые усы подстрижены. Тщательно затворивъ за собою дверь, онъ мягко подходитъ къ намъ и здоровается. Погоны на его засаленномъ сюртукѣ настолько потерлись и изогнулись, что трудно разобрать, какой они показывали чинъ.

Хозяинъ усаживаетъ насъ, и вслѣдъ за симъ начинаетъ разспрашивать: изъ какого мы училища, какой губерніи, давно-ли изъ Петербурга, что новаго, гдѣ остановились и гдѣ

думаемъ нанять квартиру. Петръ Петровичъ былъ коренной хохолъ; говорилъ на *о*, и вмѣсто квартира говорилъ—хватера, фаэтонъ—называлъ хваэтонъ; вмѣсто Феня—Хфеня

— А вотъ и жена моя!—восклицаетъ онъ.—Хфеня, вотъ къ намъ молодые ахвицера изъ Петербурга пожаловали!

— Очень пріятно-съ, — здоровается супруга, полная барыня, съ бѣлой повязкой на головѣ. Она садится не вдалекѣ отъ мужа; къ ней подсаживается одинъ изъ моихъ товарищей, и немедленно начинаетъ освѣдомляться, гдѣ-бы поудобнѣе нанять квартиру.

— Вы, вѣроятно, желаете всѣ вмѣстѣ квартировать?—спрашиваетъ хозяйка, причемъ оглядываетъ насъ и, положивъ руки на колѣни ладонь въ ладонь, сочувственно покачиваетъ головой.

— Такъ вамъ у Мандрыкиныхъ-бы посмотрѣть—квартира хорошая и недорогая. Петенька, Петръ Петровичъ! — обращается она къ мужу:—не знаешь, у Мандрикиныхъ не занята еще квартира?

— Да вотъ и есть! либо у Мандрикиныхъ, а то еще у Гнилосировыхъ посмотрите, хватерки деликатныя,—совѣтуетъ Петръ Петровичъ.

Мы поблагодарили, и, посидѣвъ еще немножко, отправились во свояси, провожаемые хозяевами до самыхъ воротъ.

Петръ Петровичъ былъ изъ бурбоновъ.

Какъ онъ самъ мнѣ впослѣдствіи разсказывалъ, его эскадронный командиръ былъ большой игрокъ въ карты, и когда, бывало, возвращался съ игры, то въ эскадронѣ немедленно узнавали: въ выигрышѣ онъ, или въ проигрышѣ, такъ какъ въ первомъ случаѣ, командиръ, обходя конюшни, привѣтливо здоровался съ людьми, хвалилъ ихъ и дарилъ на водку; въ противномъ-же случаѣ, всѣхъ бранилъ, билъ, колотилъ направо и налѣво, встрѣчнаго и поперечнаго. При этомъ больше всего попадало Петру Петровичу, какъ эскадронному вахмистру.

Изъ вахмистровъ Петра Петровича произвели-таки, наконецъ, въ офицеры. До ротмистровъ онъ долго, долго служилъ. Познакомившись съ нимъ поближе, я убѣдился, что онъ не

имѣлъ никакого сожалѣнія къ солдатамъ и считалъ ихъ за какихъ-то скотовъ, съ которыхъ можно требовать службы сколько угодно, а давать отдыхъ, кормить, одѣвать—слѣдуетъ очень мало. Видно было, что Рудановскій, самъ лично пройдя всю тяжелую Николаевскую школу, теперь, будучи офицеромъ, какъ-бы вымѣщалъ на солдатахъ все то, что онъ самъ перенесъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ въ полкъ, одинъ изъ моихъ товарищей разсказалъ мнѣ такую сцену. Былъ онъ дежурнымъ по полку, и какъ разъ въ тотъ день, завѣдывающему нестроевой ротой, Рудановскому, поручено было наказать розгами штрафованаго солдата. Товарищъ мой, какъ дежурный, присутствуетъ при этомъ. Двое солдатъ держатъ на скамейкѣ виновнаго, двое — наказываютъ. Рудановскому, который въ это время спокойно смотрѣлъ на экзекуцію, заложивъ руки назадъ, кажется, что одинъ изъ солдатъ бьетъ слишкомъ легко; не говоря ни слова, онъ дѣлаетъ шагъ, другой, и за тѣмъ, со всего розмаха ударяетъ того кулакомъ по лицу, прибавивъ:—Знаешь-ли ты, такой-сякой, что тридцать лѣтъ тому назадъ, мнѣ, за эту-же самую штуку, 300 вкатили! Послѣ этого солдатъ началъ сѣчь сильнѣе.

Ходилъ Петръ Петровичъ въ пальто, которое на столько выгорѣло и полиняло отъ времени, что казалось желтаго цвѣта; талія, клапаны и карманы у этого пальто были по крайней мѣрѣ на четверть ниже, чѣмъ слѣдуетъ; погоны-же тѣ самые, которые онъ купилъ при производствѣ въ офицеры, и съ полученіемъ чина къ нимъ прибавлялъ только звѣздочки; получивъ-же ротмистра, онъ всѣ ихъ споролъ. Портупея у него была такой ширины, какой не было ни у кого въ полку—подарокъ бывшаго его эскадроннаго командира.

Въ дурную погоду, Рудановскій подымалъ свой высочайшій воротникъ и опирался на огромную суковатую палку, въ огражденіе отъ собакъ.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ полкъ, насъ распредѣлили по эскдронамъ, причемъ я попалъ въ 1-й эскадронъ. Квартиру мы наняли на бульварѣ, т. е. на самомъ

лучшемъ мѣстѣ города, очень миленькую, за двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ.

На другой день новые товарищи отдавали намъ визиты. Однимъ изъ первыхъ явился Петръ Петровичъ, въ эполетахъ, и даже очень хорошихъ, и сюртукъ очень чистенькій и все остальное очень приличное. Самъ онъ дотого былъ гладко выбритъ, что его мягкія щеки и подьородокъ лоснились какъ намасленные. Волосы жирно приглажены и на вискахъ зачесаны впередъ.

Какъ только онъ взошелъ и поздоровался, я немедленно-же попросилъ его снять саблю, которая покоилась у него на знаменитой широкой портупеѣ. Затѣмъ предложилъ ему выпить рюмочку.

Петръ Петровичъ, казалось, былъ не прочь выпить. Но пилъ онъ не такъ, какъ всѣ, а особенно: рюмку бралъ двумя пальцами, причемъ остальные далеко оттопыривалъ, и, поднесши къ носу, нюхалъ водку, причемъ продолжалъ начатый разговоръ. Въ такомъ положеніи оставался онъ довольно долго; становилъ рюмку на столъ, опять бралъ, и такъ повторялъ нѣсколько разъ, точно искушалъ самого себя. И только когда я указывалъ ему на рюмку, онъ, не прерывая разговора, легонько отводилъ свободной рукой мою руку, складывалъ губы кольцомъ и, понюхавъ водку еще разъ, закидывалъ голову, и тихо-о-о-о-нько, въ сла-а-асть выпивалъ.

Выпить могъ очень много, но никогда не бывало у него „ни въ одномъ глазу"—здоровъ былъ крѣпко.

Въ полку у насъ оказалось много польскихъ фамилій: такъ за Рудановскимъ явились ротмистръ Дубовскій, поручикъ Витковскій, маіоръ Плещевскій, корнетъ Стычевскій, докторъ Шкляревскій. Этотъ послѣдній былъ прекрасный, веселый и очень острый человѣкъ. Какъ онъ комическія роли игралъ на любительскихъ спектакляхъ—просто удивительно!

Пришелъ и Авдѣенко, котораго ротмистръ Крузо такъ не долюбливалъ. Выпивъ рюмочку, онъ взялъ Рудановскаго подъ руку, и, закусывая корочкой хлѣба съ сыромъ, отвелъ того въ сторону, и какъ оба были по хозяйственной части, то между

ними непосредственно начался разговоръ, изъ котораго изрѣдко доносились до меня слова: аммуничныя, приварочныя, свѣчныя и т. д.

Подъ конецъ явились дивизіонеры, оба подполковники.

Первый, Иванъ Иванычъ Дьячковъ, низенькій старичокъ, совершенно лысый, съ длинными остроконечными бакенбардами. Только на вискахъ у него оставались маленькія доказательства, что и его голова когда-то тоже была украшена волосами.

Ходилъ онъ согнувшись, опираясь на тоненькую палочку; пальто надѣвалъ на одинъ рукавъ.

Съ перваго взгляда Дьячковъ располагалъ къ себѣ: казался очень добрымъ, простымъ старичкомъ, претерпѣвшимъ за правду и не желавшимъ вмѣшиваться ни въ какія полковыя дрязги. Но когда поближе познакомишься съ нимъ, оказывалось, что этотъ старичокъ большой любитель до всякаго рода сплетень. Ни одного офицера онъ не оставитъ въ покоѣ. Онъ знаетъ все: тотъ съ тѣмъ-то поссорился, тотъ на того пожаловался, тотъ занялъ денегъ, тотъ хочетъ проситься въ отпускъ, и т. д.

Глаза у Ивана Иваныча были маленькіе, очень быстрые, глядѣли изъ подлобья. Все лицо его напоминало мнѣ суслика, который высунется изъ норки, быстро поглядитъ, понюхаетъ и такъ-же быстро спрячется. Голосъ имѣлъ онъ очень басистый, что совершенно не шло къ его маленькому росту.

Въ первый-же день, Дьячковъ посвятилъ меня во всѣ тайны полковой жизни: кто холостъ, кто женатъ, кто не женатъ, но живетъ какъ женатый; у кого сколько дѣтей, хороши-ли дѣти, какова его собственная жена, и много-ли у нея дѣтей. Въ концѣ разговора онъ прибавилъ, что если-бы не различныя интриги, то ему давно-бы ужъ слѣдовало быть полковымъ командиромъ.

— Прощайте, батюшка мой, заходите-же къ намъ почаще. Марья Александровна всегда очень рада будетъ видѣть васъ! Вѣдь мы все-е-е дома сидимъ, никуда не ходимъ, басилъ онъ прощаясь и пожимая мою руку.

Другой дивизіонеръ, теска мой, Александръ Васильевичъ Егорьевъ, высокій, пожилой, симпатичный—тоже съ большими бакенбардами и съ претоненькимъ голоскомъ.

Егорьевъ всѣхъ называлъ „милка“, за что и прозвище въ полку имѣлъ „Милка“, въ глаза-же офицеры называли его „Санечька“, такъ что въ первый день мнѣ очень страннымъ показалось, какъ корнеты обращались съ дивизіонеромъ, точно съ равнымъ себѣ, къ чему тотъ повидимому привыкъ, и вѣроятно считалъ, что такъ и быть должно.

Я пробылъ въ Староссельскѣ съ мѣсяцъ, послѣ чего отправился верстъ за 30, въ слободу Котляревку, гдѣ былъ расположенъ 4-й эскадронъ. Командовалъ имъ пожилой маіоръ Арнольдъ Александровичъ Бильбокэ, — блондинъ, средняго роста, съ большими бакенбардами, грудистый, звѣреобразнаго вида.

По выговору можно было судить, что онъ остзейскаго происхожденія.

— Ну, вотъ какъ устроитесь съ квартиркой, такъ приходите на ученье посмотрѣть, какъ я смѣны гоняю, говорилъ онъ, точно отчеканивая каждое слово.

— А когда будетъ ѣзда, маіоръ?

— Да и завтра будетъ, въ восьмомъ часу утра.

На другой день встаю пораньше и отправляюсь.

Котляревка — слобода обширная. На столбѣ, что стоитъ у моста по срединѣ селенія, прибита доска съ надписью: мужскаго пола 4,545 душъ, женскаго 5,780. Какъ и въ Старосельскѣ, въ центрѣ слободы—торговые ряды, церковь и нѣсколько красивыхъ двухъэтажныхъ построекъ; улицы длинныя, узкія и грязныя.

Еще далеко не доходя до манежа, я услыхалъ повелительные крики: Стой, наклони морду! — и затѣмъ четко раздавались удары — бацъ — бацъ... Подхожу ближе, вижу довольно просторную площадку, огороженную невысокимъ заборомъ и усыпанную, вмѣсто песку, какъ-бы то слѣдовало, соломой.

Смѣна солдатъ, въ короткихъ полушубкахъ, дѣлаетъ на галопѣ вольты. Лошади путаются въ соломѣ и спотыкаются. Бильбокэ, въ пальто въ рукава, съ бичемъ въ рукѣ, бѣгаетъ отъ одного солдата къ другому; ругаетъ и бьетъ ихъ кулакомъ по лицу, приноравливаясь такъ, чтобы попасть перстнемъ, который онъ носилъ на указательномъ пальцѣ.

— Что, опять распустилъ повода, скотина! кричитъ онъ одному солдату. Тотъ какъ ни силится, не можетъ поддержать лошадь: солома густо обвила ей заднія ноги, и лошадь медленно, точно подрѣзанная, валится на бокъ. Маіоръ беретъ бичъ и ударяетъ имъ лошадь, причемъ ловко задѣваетъ и всадника.

— Вахмистръ, посадить Харитоненко на заборъ; пускай посидитъ!..—Гляжу, на заборѣ уже сидѣли верхомъ нѣсколько солдатъ и съ сумрачными лицами „оттягивали ноги въ каблукъ".

Одного солдата садятъ на неосѣдланную лошадь безъ узды; связываютъ подъ брюхомъ ноги и гоняютъ по манежу. Бѣдняга балансируетъ, по временамъ хватается за гриву и со страхомъ носится по манежу, боясь свернуть себѣ шею.

— Вотъ, батюшка мой, какъ этихъ скотовъ учить надо, объясняетъ мнѣ мой новый начальникъ съ самодовольной улыбкой.

Послѣ ѣзды слѣдуетъ пѣшее ученье. Тутъ раздаются своего рода возгласы командира;

— Дай-ко мнѣ, Рябо-Кобылка, палку, обращается Бильбокэ къ унтеръ-офицеру, который, какъ тѣнь, неотступно ходилъ за маіоромъ съ большимъ дручкомъ (палкой) въ рукѣ.

— Какъ пойду я васъ лупить съ праваго фланга, такъ будете у меня знать, какъ ходить въ ногу! кричитъ командиръ шеренгѣ, колотитъ тѣхъ, кто поближе и снова пропускаетъ ихъ мимо себя, причемъ хлопаетъ тактъ въ ладоши, отбиваетъ ногами и отрывисто приговариваетъ: Лѣвой, лѣвой, лѣвой!

Началъ я ходить на фронтовыя ученья. Училъ солдатъ грамотѣ, гимнастикѣ. Черезъ мѣсяцъ, до того я соскучился, что перевелся въ Старосельскъ, чтобы быть поближе къ штабу. И здѣсь наскучило. Меня тянуло домой, въ деревню, хозяйничать. По вечерамъ, я расхаживалъ по комнатѣ и разсуждалъ самъ съ собою о деревнѣ и о хозяйствѣ: какой у меня будетъ порядокъ; сколько прикуплю коровъ, лошадей; какіе будутъ экипажи; скуплю у братьевъ смежные лѣсные участки, и т. д. и т. д. Помню, разъ вечеромъ, я что-то ужь очень долго такъ разсуждалъ. Уже два часа ночи, — я все хожу, уже мнѣ принадлежатъ не только братнины участки, но и сосѣдній лѣсъ князя Голицына; уже я завелъ конскій заводъ, однихъ матокъ 40 штукъ, а жеребятъ, жеребятъ сколько! Одного караковаго красавца я самъ объѣзжаю въ бѣговыхъ санкахъ, въ городѣ Череповцѣ по большой улицѣ: останавливаюсь около лавки купца Мѣева. Филиппъ Василичъ выходитъ, здоровается со мной, затѣмъ треплетъ коня по шеѣ и говоритъ мнѣ:

— Добрый будетъ конь, добрый, добрый; а какъ цѣна, Александръ Василичъ?—Громкій храпъ спавшаго въ прихожей деньщика приводитъ меня къ дѣйствительности; я иду и бужу:

— Разуваевъ, ты, скотина, что дрыхнешь: вставай! и крѣпко толкаю его въ бокъ.

— Чего-съ? Я-съ не сплю-съ! восклицаетъ тотъ, вскакиваетъ, отираетъ кулакомъ слюни и чешетъ себѣ спину.

— Пошелъ, снимай сапоги!—Разуваевъ идетъ за мной: у насъ начинается разговоръ:

— Рыжаго убралъ?

— Убралъ, ваше благородіе.

— Сѣно есть?

— Есть, ваше благородіе.

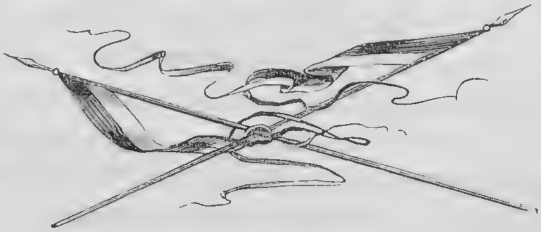
— Приказъ приносили?

— Такъ точно.

— Подай сюда!—Разуваевъ приноситъ приказную тетрадь; читаю: я назначаюсь на завтра дежурнымъ по полку.

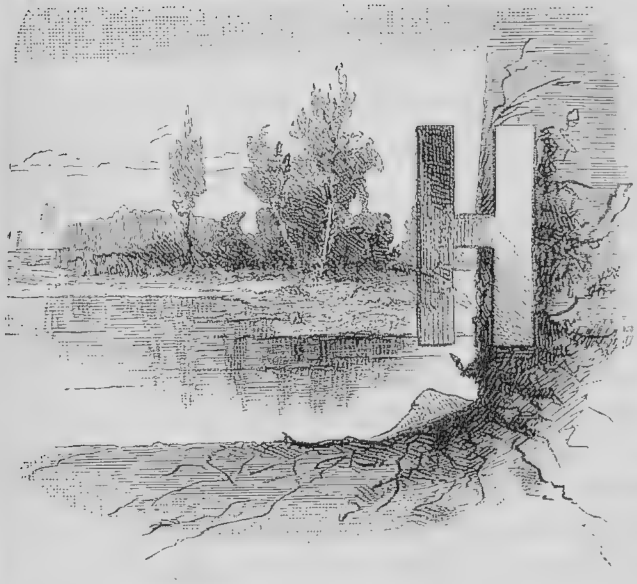
— Что-же ты, морда, не скажешь, что я дежурнымъ на завтра! ругаю бѣднаго деньщика, самъ не зная за что. Разуваевъ что-то ворчитъ и уноситъ сапоги и платье къ себѣ въ комнату.

Черезъ мѣсяцъ я подаю прошеніе объ увольненіи меня отъ службы, и, взявъ отпускъ впредь до отставки, уѣзжаю въ деревню, прослуживъ въ полку восемь мѣсяцевъ.



ГЛАВА XI.

Въ деревнѣ.



Ну такъ что-же, если пора, такъ съ Богомъ, начинай. Какъ-же, подесятинно, что-ли?

— На помочь можно позвать, и городищенскіе пойдутъ охотно, да и пѣхтѣевскіе не откажутся; оно разомъ сколько-бы ухватили! А то теперь не вдругъ рабочихъ найдешь.

Такой разговоръ шелъ у меня со старостой Андреемъ, на томъ-же самомъ балкончикѣ, гдѣ годъ тому назадъ, съ тѣмъ-же Андреемъ, разговаривалъ мой отецъ. Теперь приказы старостѣ отдаю я. Отецъ сидитъ въ залѣ и читаетъ газету. Онъ мало вмѣшивается въ хозяйство. Изъ угожденія-же къ нему, я часто совѣтуюсь съ нимъ.

— Папулюшка, мы думаемъ начинать косить съ воскресенья, какъ вы полагаете?—кричу я.

— Что-же, съ Богомъ! слышится его голосъ, и черезъ ми-

нуту отецъ самъ выходитъ къ намъ, въ неизмѣнномъ бѣломъ коломянковомъ сюртучкѣ.

— Если помочь будешь дѣлать, не забудь городищенскихъ позови! Село большое! совѣтуетъ мнѣ отецъ.

— Мы такъ и хотимъ, да еще пѣхтѣевскихъ, ну конечно и любецкихъ: порядочно наберется — какъ Андрей думаешь? спрашиваю я.

— Человѣкъ около полутораста, должно, придетъ!

Наступаетъ воскресенье. На людской, у кухарки, чуть свѣтъ, топится печь и идетъ жаркая стряпня: садятся хлѣбы, пироги, чугуны съ похлебками, кашей. Нѣсколько стряпухъ помощницъ, раскраснѣвшіяся и потныя, суетятся, натыкаются другъ на друга, бранятся, спорятъ, но продолжаютъ свое дѣло

Погода обѣщаетъ быть прекрасной. Работники торопятся на бѣломъ дворѣ устраивать столы для народа: вколачиваютъ козлы, на нихъ кладутъ жерди, затѣмъ тесины, и столы готовы, и прочно и скоро.

Уже заблаговѣстили къ обѣднѣ, когда за рѣкой изъ Городища потянулись къ Любцу толпы народа въ праздничныхъ одеждахъ. Свѣтлыя косы сверкаютъ на солнышкѣ. Народъ сбирается со всѣхъ сторонъ, и изъ Городища, и съ Пѣхтѣева, и изъ Пертовки, такъ что вмѣсто 150 человѣкъ набирается слишкомъ 200. Большуха кухарка только охаетъ:

— Охъ, Господи, какъ ихъ привалило, чѣмъ я ихъ накормлю, эстолько припрело!

Но такъ какъ утромъ не всѣ разомъ обѣдаютъ, а по мѣрѣ того какъ подходятъ, поэтому каждый успѣваетъ выпить по стаканчику и закусить, послѣ чего и отправляются на работу.

„Помошляне“ располагаются на покосѣ партіями, отдѣльно одна отъ другой. Работа идетъ хорошо, и къ полудню изрядная доля „наволока“ оказывается скошенной.

Къ этому времени изъ Любца подъѣзжаетъ возъ съ пирогами и водкой. Люди располагаются паужинать; каждаго помошлянина одѣляютъ по пирогу съ пшонной кашей и по стакану водки, послѣ чего принимаются снова за работу. Еще порядочно до заката солнца, косари начинаютъ поглядывать.

высоко-ли солнышко; почаще останавливаются точить косы. Слышны возгласы: Пора-бы и кончать, домой-то не близко, не скоро доберешься!

Работу кончили. Косцы гурьбой потянулись въ Любецъ ужинать. Два парома едва-едва умѣстили всѣхъ. Переѣхали рѣку, собрались на барскій дворъ и разсѣлись за столы. Въ ожиданіи водки поднимаются разговоры. Стряпухи суетливо бѣгаютъ и разставляютъ лукошки съ ложками, солью и ломтями хлѣба, которые быстро разбираются неприхотливыми гостями; при этомъ не обходится безъ шутокъ и замѣчаній.

— Чего такую ложку подала, эй ты, большуха! Много-ли евдакой подчерпнешь! кричитъ здоровый рослый парень съ маленькой рыжей бородкой, поднявъ ложку высоко надъ головой.

— Будетъ съ тебя, налопаешься и этой! ворчитъ стряпуха мимоходомъ.

— Налопаешься — самую-то ишь какъ распèрло па барскомъ-то хлѣбѣ, што вдоль, што поперегъ, ироническн замѣчаетъ недовольный; но кухаркѣ не до него.

Народъ обносятъ водкой; я тоже хожу съ бутылкой и подчую.

— Эка, баринъ, водка-то у тя знатная, не то што у насъ въ шинкѣ,—расхваливаетъ мужичокъ, утираясь рукавомъ.

— Звѣстно не кабацкая, подтверждаетъ сосѣдъ. Въ томительномъ ожиданіи своей очереди, онъ уже неоднократно макаетъ въ соль хлѣбную корку для закуски.

Понесли щи, за ними слѣдуетъ опять водка. Нѣкоторые не пьютъ, и передаютъ свой стаканъ родственникамъ и пріятелямъ. Одинъ высокій черноватый старикъ съ угрюмымъ лицомъ и съ сѣдыми нависшими бровями, пьетъ въ особенности много, и съ какимъ-то ожесточеніемъ. Онъ сидитъ между двумя молодцами внуками; тѣ сами не пьютъ и передаютъ дѣду свою долю.

За щами слѣдуетъ пшонная каша, жирно намасленная, и опять водка. Еще до каши начались пѣсни, одновременно въ различныхъ мѣстахъ. Гости становятся все веселѣе, пѣсни

раздаются громче. Вотъ за первымъ столомъ, на самомъ углу, раскраспѣвшійся молодецъ съ посоловѣлыми глазами обнялъ за шею молодую сосѣдку, и оба старательно поютъ, причемъ кавалеръ, для большаго эффекта, наклоняетъ по временамъ голову внизъ и крутитъ ею. Ему изъ всѣхъ силъ подъигрываетъ другой парень на гармоникѣ; онъ съ чувствомъ раскачиваетъ инструментъ изъ стороны въ сторону, то подноситъ его къ самому уху и какъ-бы вслушивается въ дѣйствіе механики:

Ахъ внизъ по Волгѣ да по-о-рѣ-ѣ-кѣ,
Да у Макарья, да въ ярморкѣ,

поютъ пѣвцы опьянѣлыми голосами пѣсню, знакомую по всему поволжью; за ними тоже самое выдѣлываетъ гармоника. Сидящіе подлѣ внимательно слушаютъ; нѣкоторые подпѣваютъ, другіе только головами покачиваютъ.

За тѣмъ-же столомъ раздается любимая мѣстная пѣсня. Ее поютъ разомъ человѣкъ двадцать. Мужчины орутъ немилосердно, бабы визжатъ изо-всей силы:

Я по-сѣ-юль, молода младенька,
Цвѣтико-овъ мале-е-енько,
Я на всѣ-э, на всѣ цвѣты взира-ала,
Сердце за-а а-амира-а-а ало!

Всѣ голоса до того осипли, что трудно разобрать слова.

Водкой обносятъ въ послѣдній разъ.

Угрюмый старикъ, несмотря на то, что пьетъ за троихъ, все недоволенъ:

— Баринъ, водки! Чего жалѣешь! Коли на помочь звалъ, такъ давай до-сыта! Во-о-о-дки-и!! оретъ онъ, злобно оглядываясь кругомъ, какъ-бы ища себѣ поддержки. Затѣмъ упирается лбомъ въ столъ.

— Андрей, дай ему еще стаканъ, что онъ кричитъ, обращаюсь я къ старостѣ.

— Александръ Василичъ, вѣдь онъ обопьется, онъ и то уже безъ счету выпилъ, говоритъ староста съ недовольнымъ лицомъ.

Старику подносятъ еще одинъ стаканъ; онъ набираетъ водки немного въ ротъ, но проглотить не въ силахъ, льетъ ее на грудь и валится подъ столъ, бормоча какія-то безсвязныя рѣчи.

Тѣмъ временемъ начинаются пляски. Одна бабенка вскакиваетъ на столъ и ну отплясывать: ложки, чашки хрустятъ у ней подъ ногами и летятъ въ стороны. Кухарки въ ярости набрасываются на нее и безъ дальнихъ оговорокъ стаскиваютъ прочь со стола. Ни мало не сконфузившись, та продолжаетъ и на землѣ свой танецъ.

— Ухъ-вы! ухъ-вы! покрикиваетъ она подбочепясь и выдѣлывая ногами. Не вытерпѣлъ одинъ мужичокъ, уже немолодой, невысокаго роста съ русой бородкой: скинулъ армякъ и давай отплясывать въ присядку; но по слабости ногъ присядка у него выходила очень плоха, и онъ часто совершенно садился на землю, вслѣдствіе чего вскорѣ ее и окончилъ.

Всѣ угостились достаточно, нѣсколько человѣкъ ползаютъ подъ столами и ищутъ своихъ шапокъ; другіе лежатъ и едва шевелятъ пальцами, третьи-же и пальцами не шевелять, а только слюни пускаютъ.

Я иду къ себѣ въ комнату спать. Не спится — душно. Выхожу на балконъ. Что за ночь!

Вершинки темнаго лѣса на горизонтѣ точно загорѣлись отъ показавшейся золотистой зари. Рѣка спокойна, какъ зеркало. Прибрежные ивовые кустарники отражаются въ ней вершинами внизъ. Едва замѣтная роса ложится по всему наволоку и покрываетъ его точно легкимъ бѣлымъ облакомъ. Рѣзкое крякапье коростелей и металлическій свистъ кузнечиковъ одни нарушаютъ тишину. Съ верху рѣки Шексны показывается „лѣсная гонка" *); у-у какая длинная, вотъ уже сколько ея прошло, а конца все не видно. Но вотъ и вся она вытягивается; ночью въ особенности она кажется еще длиннѣе.

---

*) Нѣсколько плотовъ лѣсу, связанныхъ одинъ съ другимъ.

Кру-ы, круы!.. скрипитъ на переднемъ концѣ руль, которымъ баба направляетъ гонку по теченію.

Кру-ы, кру-ы!.. вторитъ ему таковой-же скрипъ въ кормѣ. Посреди плота виднѣется шалашикъ, рядомъ пылаетъ костеръ, два плотовщика сидятъ у костра и разсуждаютъ; нѣкоторыя слова отчетливо мнѣ слышны. И огонекъ, и плотовщики, и самый плотъ ясно отражаются въ рѣкѣ. Кажется, вотъ—вотъ, оторвутся они отъ плота и полетятъ головами ко дну.

Гонка медленно минуетъ село, скрипъ руля становится все тише и тише. Кажется, все кругомъ уснуло, успокоилось!

Са-а-шинька-а-а, другъ не оцѣненны-ы-й;
Когда-а-а забуду я тебя-я-я...

едва, едва доносится изъ-за рѣки женскій голосъ — и замираетъ. Я иду спать.

На утро угрюмаго старика нашли на дворѣ подъ столомъ уже холоднаго. Племянники его пріѣхали за нимъ, свезли домой и похоронили.

Хорошо въ деревнѣ, въ особенности лѣтомъ: встанешь рано, солнышко только-что подымается изъ-за лѣсу. Кругомъ слышится мычаніе скотины, крики пастуховъ, щелканіе длинныхъ бичей. Земля еще не обсохла, трава, какъ серебромъ, покрыта блестящими каплями росы.

Тукъ-тукъ-тукъ... гдѣ-то часто стучитъ молотокъ, отбивая косу. Мужикъ, безъ шапки, въ бѣлой рубахѣ, пріютился подъ навѣсомъ сарая. Вколотивъ желѣзную бабку въ обрубокъ бревна и приложивъ къ ней косу, онъ часто и ровно колотитъ по ней молоткомъ; перестаетъ на секунду, осматриваетъ лезвее, пробуетъ его о ноготь, затѣмъ, послюнивъ молотокъ, снова отбиваетъ.

Но это запоздалый косецъ. Уже бабы идутъ въ поле, накинувъ на плечи серпы. Въ рукахъ у нихъ корзинки, ручѐньки, узелки. Безъостановочно тараторятъ онѣ о своихъ домашнихъ дѣлахъ. По голосу можно предположить, что ихъ

идетъ человѣкъ 20, тогда какъ ихъ и всего-то шестеро: двѣ старыхъ, да четыре молодыхъ. Сарафаны на старухахъ крашенинные, грубые, темно-синяго цвѣта; ноги въ лаптяхъ и обвиты онучами, головы повязаны плохенькими полинялыми платками. Молодыя бабы одѣты гораздо лучше: на нихъ надѣты сапоги, сарафаны и платки пестрые; сами онѣ румяныя, здоровыя; бойкіе голоса ихъ рѣзко отдѣляются отъ крикливыхъ старушечьихъ.

И не говори, и не говори-и-и-и, родимая! Видѣла я, каковъ твой-отъ пришелъ вечоръ,—разъпьяне-о-о-хонькій... тянетъ одна молодуха, теряясь за угломъ дома. Сзади нихъ, тоже съ узелкомъ въ рукахъ, прыгаетъ босой мальчуганъ; на головѣ его надѣто подобіе какой-то шапки; длиннополый зипунъ волочится по землѣ. Мальчуганъ, подпрыгивая на ходу, сосетъ хлѣбную корку.

Жатва въ полномъ разгарѣ. Въ крестьянскихъ поляхъ, то тутъ, то тамъ, виднѣются женскія фигуры, подымающія высоко надъ головами пучки подрѣзаннаго хлѣба. Надо-бы и мнѣ начинать жать, да рабочихъ нѣтъ.

— Ну что, нашолъ-ли? кричу я съ крыльца старостѣ; тотъ приближается ко мнѣ невеселый, понуря голову.

— Бобылокъ съ десятокъ нашолъ, больше не имаются, говорятъ—свое жать надо. Любецкіе въ воскресенье на помочь обѣщались, сумрачно отвѣчаетъ староста.

Воскресенье наступаетъ; на дворъ сбирается съ полсотни бабъ и дѣвушекъ. Ихъ, какъ и мужиковъ во время сѣнокоса, тоже угощаютъ обѣдомъ и обносятъ по стаканчику водки. Большая часть изъ нихъ пьетъ, хотя и послѣ усиленныхъ уговариваній; только подросточки отказываются и передаютъ свою порцію старшимъ.

— О-о-о-хъ, мнѣ старухѣ и пить-то-бы грѣхъ, говоритъ высокая пожилая баба въ синей ватной куцавейкѣ, съ крупными чертами лица. По ея сизому носу можно предположить, что она эту фразу частенько повторяетъ. Дрожащей рукой беретъ она стаканчикъ, широко крестится, и продолжительно, съ видимымъ наслажденіемъ, выпиваетъ до капельки.

— Вотъ какъ старыя-то еще! приговариваетъ она и опрокидываетъ пустой стаканчикъ себѣ на голову.

Другая долго отнѣкивается и увѣряетъ старосту, что „и въ ротъ не беретъ“.

— И не проси-и-и, милый, и ни поче-е-емъ не надо, поко-о-орно благодарю,—и отпихиваетъ рюмку.

— Чего-же ты боишься, выпей одну-то, вѣдь на помочь пришла, какъ-же не пить? Отвѣдай барской водки, ну хоть половинку отпей, убѣждаетъ староста.

— Ра-азвѣ половинку, соглашается та и подталкиваемая старостой, чуть-чуть оставляетъ на донышкѣ.

— Ну да и водка, какъ это люди пьютъ! смѣясь восклицаетъ баба и, утираясь рукавомъ, поправляетъ на головѣ платокъ и бѣжитъ на работу въ догонку за другими.

Я отправляюсь вслѣдъ за бабами въ поле. Ряды женскихъ спинъ, нагнувшихся надъ рожью, въ праздничныхъ нарядахъ, такъ и пестрѣютъ. Разговоры далеко раздаются. Двѣ бабы уже успѣли разспориться дотого, что даже не замѣчаютъ моего приближенія; вотъ-вотъ, кажется, вцѣпятся онѣ другъ въ друга. Не обращая на нихъ вниманія, я прохожу мимо и ищу глазами кого мнѣ нужно.

Вотъ она гдѣ! Хорошенькая Катя жнетъ рядомъ съ подругой своей Аннушкой. Эта хоть тоже недурненькая, но не такая красивая.

Катѣ лѣтъ 18, росту средняго, стройная, румяная, коса черная, густая, зубы бѣлые какъ жемчугъ, брови черныя дугой, ну просто красотка! Я подхожу къ нимъ.

Обѣ дѣвушки замѣтили меня, припали къ землѣ и начали усиленно жать. Солома такъ и хруститъ подъ ихъ серпами. Дѣвушки искоса взглядываютъ на меня, что-то шушукаютъ и смѣются. Имъ явно желательно, чтобы я поближе подошелъ.

— Здравствуйте, красавицы, Богъ на помочь, говорю имъ.

— Ми-лости просимъ, отвѣчаютъ онѣ съ разстановкой, хихикаютъ и продолжаютъ свою работу.

— Эхъ, хороша дѣвка Катя! думается мнѣ, и я впиваюсь

въ нее глазами.—Эки руки-то, плечи-то какія бѣлыя, а грудь-то какая высокая!

Въ это время, Катя оборачивается въ мою сторону и дѣлаетъ вязку. Солома быстро крутится въ ея рукахъ; сама-же дѣвица лукаво смотритъ на меня, смѣется и, очевидно сознавая свою красоту, кажется только не спрашиваетъ: — Что, какова я, хороша-ли?

— Хоть-бы вы, дѣвушки, спѣли что-нибудь, говорю имъ.

Дѣвицы переглядываются, и молча жнутъ.

— Ну, что-жъ присмирѣли?

— Не смѣютъ-съ, баринъ, объясняетъ мнѣ староста, слѣдуя за мной.—Вотъ пройдете впередъ, такъ онѣ начнутъ.

Я иду дальше; слышу, дѣйствительно доносится:

По-о-о До-о-ону гуляа-а-етъ
Ка-за-а-акъ моло-о-одой.
Дѣ-ви-ица плачетъ
Надъ бы-ыстрой надъ рѣ-ѣкой.

Оглядываюсь, Катя дѣлаетъ новую вязку, смотритъ мнѣ въ догонку и, поплевавъ на рукоятку серпа, снова принимается жать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НА ВОЙНѢ.

Воспоминанія и очерки изъ Русско-Турецкой войны 1877—78 года.

Николай

1878 г.

ГЛАВА I.

Сборы на войну. Въ дорогѣ. На Дунаѣ.

Зиму 1876 года я жилъ съ родителями въ Петербургѣ, ничего не дѣлалъ, скучалъ. Насталъ 1877 годъ, начались толки о войнѣ съ Турціей.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ получаю изъ Парижа, отъ брата Василія, живописца, телеграмму такого содержанія: — Если хочешь участвовать въ войнѣ, опредѣляйся въ кавказскую дивизію генерала Скобелева (отца), онъ согласенъ тебя принять.

До той поры я никогда даже и не слыхалъ фамиліи „Скобелевъ“; но, будучи увѣренъ въ томъ, что братъ не сталъ-бы меня рекомендовать плохому начальнику, я съ радостью ухватился за это предложеніе.

Съ телеграммой въ рукахъ отправляюсь въ управленіе иррегулярныхъ войскъ. Тамъ счастливо удалось мнѣ попасть на любезнаго начальника отдѣленія, полковника Бирка, который мнѣ объяснилъ, какъ и что нужно было сдѣлать, чтобы поскорѣй опредѣлиться.

Казачья дивизія Скобелева первоначально должна была состоять изъ полковъ: донскаго, кубанскаго, терскаго и терскогорскаго. Какой лучше выбрать, я не зналъ. Биркъ мнѣ

посовѣтовалъ въ терское войско: — я самъ терецъ, и вамъ туда совѣтую,—говорилъ онъ. На томъ и порѣшили.

Я написалъ прошеніе, приложилъ документы и отправился къ начальнику управленія, генералу Богуславскому. Этотъ генералъ оказался тоже очень предупредительный, и въ тотъже день велѣлъ запросить начальника штаба дѣйствующей арміи, генерала Непокойчицкаго (главная квартира въ то время была въ румынскомъ городѣ Плоештахъ), нѣтъ-ли препятствія для моего зачисленія. Препятствія не оказалось. Черезъ десять дней, закусывая въ одномъ изъ ресторановъ, читаю въ „Инвалидѣ" приказъ о томъ, что отставной поручикъ Александръ Верещагинъ зачисляется во владикавказскій казачій полкъ терскаго войска, сотникомъ.

— Вотъ такъ скоро,—подумалъ я. Отъ радости, не кончивъ завтрака, бросился въ конвойныя казармы заказывать обмундировку, а также поискать, не найдется-ли хорошей продажной лошади, такъ какъ я слышалъ отъ многихъ лицъ, да и читалъ въ газетахъ, что въ арміи нуждаются въ лошадяхъ и что хорошей лошади тамъ купить невозможно, а необходимо слѣдуетъ запастись ею въ Россіи.

Черезъ два дня являюсь въ новой формѣ къ генералу Богуславскому, искренно благодарю его, а также полковника Бирка, за сочувствіе ко мнѣ, и затѣмъ начинаю сбираться въ дальній путь. Сборы были недолгіе, но разставанье съ родителями оказалось гораздо тяжелѣе, чѣмъ оно представлялось мнѣ.

Отецъ провожалъ меня нѣсколько станцій по Николаевской желѣзной дорогѣ.

Никогда не забуду я того прощальнаго взгляда, который онъ бросилъ на меня, когда поѣздъ тронулся далѣе. Дрожащей слабой рукой крестилъ онъ меня по пути, посылая свои благословенія.—Прощай, братъ, прощай, Христосъ съ тобой, Христосъ съ тобой,—долго слышалось еще въ моихъ ушахъ. Поѣздъ уже далеко ушелъ, уже и станціи не видно, а передъ глазами моими все еще явственно представлялось его доброе, грустное, старческое лицо, съ дрожащей нижней челюстью.

Въ ту минуту я какъ-то не сознавалъ того страшно тяжелаго чувства, которое причинялъ отцу своимъ отъѣздомъ, хотя желаніе мое участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ было совершенно естественно.

Въ то время я и не могъ очень грустить: новый синій бешметъ, черная черкеска съ серебряными газырями, кинжалъ, шашка, надѣтые на мнѣ и такъ сильно обращающіе на себя вниманіе публики, кромѣ того, рисовавшіяся въ воображеніи моемъ военныя отличія — все это сильно развлекало меня и уменьшало горечь разлуки. Прижался я въ уголъ вагона и собралъ всѣ силы, чтобы не расплакаться. Слезъ я стыдился въ эту минуту больше всего: Какъ!—казакъ, съ виду такой воинственный, въ такой страшной шапкѣ, и вдругъ расплачется? Что подумаютъ обо мнѣ сосѣди? Всѣ они такъ удивленно на меня смотрятъ и съ любопытствомъ разглядываетъ мою форму! Невольно отвернулся я къ окошку и задумался. Но вотъ первый свистокъ, подъѣзжаемъ къ станціи, выхожу,— и грусть начинаетъ понемногу разсѣяваться. Жандармъ на платформѣ вытягивается передо мной, барыни и барышни съ интересомъ смотрятъ на меня. Все это легонько щекотитъ мое самолюбіе, на сердцѣ становится легче.

Быстро я ѣду на югъ. Москва, Орелъ, Курскъ, Кіевъ незамѣтно остаются позади. Отецъ, мать, братья, единственная сестра, всѣ они рѣже и рѣже вспоминаются мною. Новыя мысли, новыя мечты занимаютъ меня.

Повсюду на пути сильное оживленіе. Только и видишь, что войска и войска; безконечное количество платформъ съ орудіями, снарядами и провіантомъ. Сотни солдатскихъ головъ торчатъ изъ оконъ вагоновъ и распѣваютъ пѣсни, и всѣ они стремятся туда-же, куда и я.

Война, война! какое странное слово! Какъ-то неловко, непривычно звучитъ оно; что-то нехорошее чувствуется въ немъ.

Во время пути разговоры, конечно, слышатся только о войнѣ; скоро-ли наступленіе, когда начнется переправа, правда-ли, что она предполагается около Никополя и т. п.

Въ то время наши войска уже тянулись по Румыніи. Государь и главная квартира были въ Плоештахъ. Изъ Кишинева я ѣхалъ уже съ военнымъ поѣздомъ. Этотъ городъ поразилъ меня громаднымъ количествомъ песку и пыли на улицахъ. Буквально приходилось ступать по щиколку въ песокъ. Но на это тогда никто и вниманія не обращалъ—до песку-ли было!

Румынія, съ перваго взгляда, мало разнится отъ нашей Бессарабіи: тѣ-же безлѣсныя мѣстности, тѣ-же вереницы повозокъ, запряженныхъ волами, почти та-же одежда на жителяхъ, только громадныя соломенныя шляпы бросаются въ глаза. На станціяхъ пошли надписи: Тикилешти, Фитилешти, Торговешти, и безконечные шти, шти, шти, шти—и наконецъ добрался я и до Плоешти. Городокъ чистенькій, домики всѣ очень хорошенькіе, особнячки съ садиками, но пыли и песку не занимать стать.

Здѣсь я подчистился, подтянулся и отправился къ начальнику штаба арміи, генералу Непокойчицкому. На улицахъ встрѣчалось много нашихъ военныхъ. Вонъ, звеня шпорами, по пыльной мостовой мѣрно шагаетъ, точно отчеканиваетъ, высокій, поджарый флигель-адъютантъ, полковникъ, въ бѣломъ кителѣ „изъ рогожки“, при аксельбантахъ. Придерживая саблю, глубокомысленно покручиваетъ полковникъ свои длинные усы и, кажется, доволенъ самъ собой. Сѣменя ногами, съ какимъ-то особеннымъ вывертомъ, обгоняетъ его штабный писарь, придерживая руку къ козырьку. Вся фигура его какъ-будто говоритъ, что, дескать, „мы, и здѣсь такіе-же, какъ и въ Петербургѣ; насъ куда ни пошли, намъ все равно“. Въ лѣвой рукѣ у писаря шнуровая книга, которую онъ, изъ почтенія къ начальству, крѣпко прижимаетъ къ бедру.

Изъ-за угла дома показывается невысокаго роста тучный, уже пожилой генералъ, виски зачесаны въ передъ, щеки и подбородокъ гладко выбриты. Идетъ онъ тихо, ступаетъ тяжело, точно боится потревожить содержимое въ своемъ далеко выдающемся животѣ.

Генералъ что-то старательно объясняетъ своему спутнику.

молодому пѣхотному офицеру, должно быть, адъютанту. Тотъ въ это время изъ кожи лѣзетъ, старается разъяснить начальнику въ чемъ дѣло: чуточку забѣгаетъ впередъ, на мгновеніе останавливается, приподымается на носкахъ, и, не сгибая колѣнъ, почтительно наклоняется и говоритъ: — Мы такъ и сообщили, ваше превосходительство, у насъ такъ и донесено.

Мнѣ, какъ маленькому человѣку, даже и не удалось повидать начальника штаба арміи, а явился я какому-то полковнику, фамилію котораго теперь не помню. Отъ него узнаю, что мнѣ слѣдуетъ отправиться въ городъ Журжево, гдѣ найду и Скобелева и полкъ свой. Владикавказскій полкъ, вмѣстѣ съ кубанскимъ, занимали сторожевые посты отъ Журжева вверхъ по Дунаю.

На другой день утромъ отправился далѣе. Надо прибавить, что въ Плоештахъ-же я отыскалъ свою лошадь. Я ее купилъ въ конвоѣ Его Величества. Лошадь была гнѣдой масти, очень крѣпкая и сильная. Теперь она слѣдовала за мной въ томъ-же поѣздѣ.

Еще въ началѣ пути я частенько подумывалъ о томъ, каковъ-то народъ казаки, какъ-то я сойдусь съ ними, не покажусь-ли смѣшнымъ въ ихъ формѣ, все-ли на мнѣ надѣто какъ слѣдуетъ. Теперь-же, къ концу пути, эти мысли стали безпокоить меня еще болѣе.

Главное, заботила меня ѣзда верхомъ по-казацки, и казацкая джигитовка, о которой я имѣлъ весьма смутныя понятія. Я полагалъ, что каждый казачій офицеръ долженъ знать ее въ совершенствѣ. Кромѣ того, меня безпокоило то, что я не курю. Начитавшись „Тараса Бульбы“ и казацкихъ пѣсенъ, въ одной изъ которыхъ, между прочимъ говорится: „а тютюнъ да люлька казаку въ дорози знадобится“, я рѣшилъ, что всѣ казаки курятъ, и что тютюнъ и люлька— необходимыя принадлежности каждаго казака. На этомъ основаніи, я запасся въ Питерѣ коротенькой трубочкой и кисетомъ съ табакомъ, и хотя до того времени никогда и въ ротъ не бралъ трубки, но теперь, сидя въ вагонѣ, набивалъ ее и

высунувшись изъ окна, курилъ, сплевывалъ, и вообще старался разыгрывать закоренѣлаго казака-куряку.

Обо всѣхъ этихъ мелочахъ и пустякахъ я хорошо озаботился, а между тѣмъ, о вещахъ, дѣйствительно необходимыхъ для казака, по неопытности, не подумалъ. Такъ напр., не запасся буркой. А что казакъ въ походѣ безъ бурки—пропалъ да и только! Одно то обстоятельство, что я ѣхалъ въ походъ безъ бурки, доказывало, что я не казакъ и что даже понятія не имѣю о казакахъ.

Подъѣзжаю къ Бухаресту. Городъ первое впечатлѣніе производитъ очень хорошее. Онъ весь точно утонулъ въ садахъ. Главная улица, Могошой, длинная, широкая, мостовыя прекрасныя, которымъ не только что Москва, но и Петербургъ могъ-бы позавидовать. А извощики какіе здѣсь, просто прелесть. За $1^1/_2$ леу ($1^1/_2$ фр.) катятъ черезъ весь городъ на парѣ въ коляскѣ, да такой, что въ Петербургѣ надо 10 руб. отдать, чтобы прокатиться. Кучера здѣсь большею частью русскіе скопцы. Завидѣвъ русскаго офицера, они наперерывъ кричатъ, точь-въ-точь какъ и въ Россіи:—ваше сіятельство, вотъ со мной пожалуйте, прокачу! Ну, и дѣйствительно прокатитъ! Когда-то у насъ въ Питерѣ будутъ такіе извощики,—думалъ развалясь въ румынской коляскѣ.

Одинъ рѣзкій недостатокъ бросается въ глаза въ Бухарестѣ, это отсутствіе воды. Рѣченка здѣсь маленькая, вонючая, хуже петербургской Мойки.

Изъ Бухареста я выѣхалъ вечеромъ, а на другой день, рано утромъ, показались турецкіе берега. Подаюсь еще немного, и передо мной засинѣлъ огромный широкій Дунай. Журжево стоитъ на самомъ берегу. Поѣздъ не доходилъ съ версту до города, такъ какъ турки изъ Рущука изрѣдка бомбардировали его.

Въ Журжевѣ я долженъ былъ найти начальника дивизіи, генералъ-лейтенанта Дмитрія Ивановича Скобелева-„отца“. Начальникомъ штаба у него временно былъ назначенъ его сынъ, Михаилъ Дмитріевичъ.

За нѣсколько дней до отъѣзда изъ Петербурга я получилъ

отъ брата Василія письмо, гдѣ онъ извѣщалъ меня о своемъ отъѣздѣ на Дунай къ Скобелеву. „Значитъ, думаю, въ Журжевѣ я и брата увижу“. Не безъ волненія выхожу изъ вагона, засѣдлываю свою лошадь, сажусь на нее и ѣду искать штабъ казачьей дивизіи. Найти его было не трудно. Капитанъ генеральнаго штаба Сахаровъ, очень симпатичный господинъ, сообщилъ мнѣ всѣ подробности, разсказалъ гдѣ стоитъ владикавказскій полкъ и расхвалилъ командира полка, Левисъ-офъ-Менара. Старика Скобелева въ Журжевѣ не было, онъ куда-то уѣзжалъ на посты. Капитанъ Сахаровъ былъ хорошо знакомъ съ моимъ братомъ Василіемъ и сообщилъ мнѣ, что братъ находится у кубанцевъ, въ Маломъ-Дижосѣ, квартира-же его здѣсь въ городѣ, очень близко. „У него, должно быть, повозочка здѣсь своя есть, и лошадка, вы ею воспользуйтесь“—совѣтовалъ Сахаровъ. Простившись съ нимъ, я направился къ квартирѣ брата.

Городъ представлялъ въ это время мрачный видъ. Бывшая за нѣсколько дней передъ тѣмъ бомбардировка испортила многія зданія. Улицы были пусты. Нигдѣ ни души, только па окраинахъ города виднѣлись живыя существа. Во многихъ стѣнахъ домовъ снаряды образовали сквозныя дыры, отъ которыхъ трещины шли, какъ солнечные лучи, по всѣмъ направленіямъ. Жалко было смотрѣть на хорошенькіе домики, попорченные бомбами.

Но вотъ и квартира брата. Вхожу,—нѣсколько пустыхъ комнатъ безъ мебели. Въ углу прихожей донской казакъ возится около чемодановъ. Поздоровавшись съ нимъ и назвавъ себя, я велѣлъ ему запречь повозку и отвезти меня къ брату въ Малый-Дижосъ, а передъ тѣмъ приказалъ проводить себя до квартиры молодого Скобелева; онъ жилъ по близости.

Подхожу къ подъѣзду, звоню,—дверь отпираетъ казакъ-кубанецъ.

— Генералъ дома?

— Точно такъ!

— Доложи: сотникъ Верещагинъ желаетъ явиться его превосходительству.

Казакъ идетъ. Черезъ нѣсколько минутъ выходитъ на подъѣздъ высокій, стройный худощавый блондинъ, генералъ свиты Его Величества, въ кителѣ, съ Георгіемъ на шеѣ, любезно беретъ меня за руку и, картавя, говоритъ, причемъ буквы *р* и *л* у него выходили похожими на *г*:

— Вы братъ Василья Васильевича, очень радъ съ вами познакомиться. Но пока я никакого назначенія не имѣю, а потому и взять васъ къ себѣ не могу. Вамъ придется отправиться въ полкъ, онъ стоитъ въ Парапанѣ, отсюда верстъ 20 будетъ. А какъ только я получу назначеніе, то даю слово взять васъ къ себѣ. Пока до свиданія, кланяйтесь брату.— Михаилъ Дмитріевичъ пожалъ мнѣ руку и мы разстались.

Во время разговора со мной, Скобелевъ то потиралъ руки и разсматривалъ свои блестящіе длинные ногти на худощавыхъ пальцахъ, то выдергивалъ гозыри на моей черкескѣ и затѣмъ опять вставлялъ ихъ на прежнее мѣсто. Онъ показался мнѣ какимъ-то скучнымъ, точно разочарованнымъ; въ словахъ его „какъ только я получу назначеніе“ слышалась неувѣренность.

Отъ Скобелева бѣгу взглянуть на Дунай. Ухъ, какая ширина, версты четыре навѣрно будетъ. Что за чудная рѣка! День былъ пасмурный; Дунай казался громадной темно-сѣрой полосой. Противуположный возвышенный берегъ—непріятельскій,—сливаясь съ горизонтомъ, невольно приковывалъ мое вниманіе и заставлялъ задуматься: Что-то тамъ, за этими холмами дѣлается? Гдѣ-нибудь да копошатся-же тамъ турки! Когда-то мы тамъ будемъ; да еще и будемъ-ли? Не вдругъ такую ширину перескочишь!—мелькало въ моей головѣ.

Вотъ влѣво бѣлѣетъ Рущукъ — остроконечные минареты рѣзко характеризуютъ мусульманскій городъ. За нимъ, на холмѣ, возвышается ихъ главный редутъ — Леванъ-Табія: по немъ изрѣдка стрѣляли наши береговыя орудія, расположенныя невдалекѣ отъ Журжева.

Въ маѣ мѣсяцѣ Дунай еще въ разливѣ. Многочисленные островки покрыты водой; только зеленый камышъ торчитъ мѣстами. Внимательно всматриваюсь я въ тотъ, пока недо-

сягаемый для насъ, турецкій берегъ. Какъ хотѣлось-бы мнѣ разсмотрѣть его хорошенько, узнать, какъ тамъ живутъ люди, что за постройки, не замѣтны-ли самые турки? Но Дунай слишкомъ широкъ, и хотя бинокль мой и очень сильный, но на такомъ разстояніи трудно что-либо разобрать.

Черезъ часъ уже я сидѣлъ въ легонькой румынской повозочкѣ, казакъ Иванъ подстегивалъ сытую, круглую буланку, а сзади бѣжала моя лошадь, привязанная за поводъ. Дорога шла вверхъ по Дунаю, гдѣ были расположены казачьи посты. Сначала идутъ кубанцы, а далѣе должны слѣдовать терцы. Брата я надѣялся найти въ первой-же деревушкѣ, Малый-Дижосъ, гдѣ стояла кубанская сотня. Какъ разъ передъ самой деревней, по берегу тянулись наши морскія батареи огромнаго калибра, дѣйствовавшія по Рущуку. Батареи такъ удачно прикрывались кустарникомъ, что непріятелю онѣ были почти невидимы, почему и потерь съ нашей стороны на батареяхъ, какъ я впослѣдствіи слышалъ отъ моряковъ, почти не было.

— Иванъ, твой баринъ въ этой деревнѣ? — обращаюсь я къ казаку и указываю на деревушку, виднѣющуюся невдалекѣ.

— Въ эфтой, грубо отвѣчаетъ тотъ. Кучеръ мой оказывается очень неразговорчивымъ. Казакъ этотъ былъ престранный человѣкъ: онъ вѣчно былъ чѣмъ-то недоволенъ. Помню, какъ онъ, бывало, приставалъ къ брату моему Сергѣю, у котораго находился одно время:

— Ваше благородіе, зерна нѣтъ,—гнуситъ онъ, дѣлая при этотъ самую жалкую мину.

— Такъ сходи въ сотню!—кричитъ ему Сергѣй.

— Да я ходилъ, да не даютъ; говорятъ, что „ещэ" не получали. — Сергѣй кидаетъ ему рубль на овесъ. Иванъ удаляется, но не надолго,—вскорѣ онъ снова является, и снова начинаетъ ныть:

— Ваше благородіе, сѣна нѣтъ.

— Что-же ты сразу-то не спрашиваешь! — кричитъ на него тотъ.

— Да „ещэ" было трошки, а по сичасъ все вышло, —и

выклянчивъ „еще рупь“, уходитъ къ себѣ, вѣроятно, раздумывая дорогой, какимъ-бы путемъ выжать отъ барина „еще рупь“.

Въѣзжаю въ Малый-Дижосъ. Деревушка очень похожа на наши малороссійскія, только крыши не соломенныя, а черепичныя. На улицахъ, кое-гдѣ, виднѣются фигуры кубанскихъ казаковъ: кто съ дѣловой миной, въ черкескѣ, при шашкѣ, торопливо идетъ, должно быть „до сотеннаго“, или „до полка командера“; другіе, въ красныхъ бешметахъ на распашку, разгуливаютъ, разсуждая промежъ себя.

Иванъ провозитъ меня прямо къ той избушкѣ, гдѣ останавливался братъ Василій. Онъ былъ дома. Наклонившись надъ рабочимъ ящикомъ, онъ старательно счищалъ ножомъ старыя краски съ палитры.

Брата я не видалъ года три. Онъ значительно постарѣлъ, лысина его сдѣлалась очень замѣтною, борода отросла еще длиннѣе, глаза какъ-будто нѣсколько съузились и ушли въ свои орбиты. Видъ его былъ бодрый и веселый.

— А, здравствуй!—кричитъ онъ, завидя меня. Мы обнимаемся.—Ну-ка, покажись! Ай, какая смѣшная папаха! Засмѣютъ казаки.—Братъ и не подозрѣвалъ, что этими словами, какъ варомъ, обдавалъ меня. За папаху я меньше всего опасался. Папаха у меня была высокая, мохнатая, очень прочная,—но такая, какую наши солдаты носили на Кавказѣ лѣтъ 30 назадъ. Я сильно сконфузился отъ его замѣчанія.

— Почему это ты находишь?—спрашиваю его.

— Ужъ я тебѣ говорю. Перемѣни, послушайся меня,—смѣясь говоритъ онъ и осматриваетъ меня съ головы до ногъ.

— Кайтовъ,—зоветъ братъ.

Является молодой, красивый казакъ, по лицу должно быть горецъ.

— Вотъ братъ мой, Александръ Васильевичъ, рекомендую.

— Здирявствуйте,—мямлитъ тотъ, съ особеннымъ акцентомъ, отличающимъ кавказскаго жителя.

Я нерѣшительно подаю ему руку, такъ какъ не знаю еще обычаевъ, можетъ-ли офицеръ здороваться за руку съ простымъ

казакомъ. Но Кайтовъ оказался милиціонеромъ изъ осетинъ. Милиція-же пользовалась, какъ на Кавказѣ, такъ и здѣсь, особыми правами и привилегіями.

— Смотрите, Кайтовъ, какая у брата смѣшная папаха; не правда-ли, не годится?

— Да-а, ита пёпахъ старомёдный, теперь такой не носятъ. Вотъ вамъ какой пёпахъ надо, и курпэ совсѣмъ ни такой *).—И онъ снимаетъ съ головы свою папаху. Его папаха была гораздо ниже, мѣхъ коротенькій, блестящій. Я попросилъ Кайтова достать мнѣ такую-же, и далъ на покупку золотой. Затѣмъ идемъ смотрѣть мою лошадь.

Тутъ горецъ мой совсѣмъ растаялъ отъ удовольствія.

— Харошая лошадь, ей-Богу, харошая!—восклицаетъ онъ, гладя ее и по шеѣ, и по спинѣ.—Левису этотъ конь понравится. И, чтобы еще болѣе убѣдиться въ хорошихъ качествахъ лошади, онъ сильно тянетъ ее за хвостъ.

Я былъ очень доволенъ похвалой моей лошади. Это убѣждало меня, что я не ошибся; а вѣдь конь въ походѣ важное дѣло, въ особенности у казаковъ, когда имъ приходится быть постоянно впереди.

— Пожалуйста, смотри за собой хорошенько, казаки народъ тонкій, сразу замѣтятъ, если что неладно, — говорилъ мнѣ Василій.—Не панибратствуй, не сходись сразу на „ты“, держись самостоятельно, а главное, не обижай своихъ казаковъ. Обѣдать мы пойдемъ,—продолжаетъ братъ,—къ Якову Петровичу Цвѣткову, командиру здѣшней сотни. Это милѣйшій человѣкъ, пожалуйста, будь съ нимъ деликатенъ и остороженъ. Онъ хоть съ виду и простъ, но сразу пойметъ, если что неладно скажешь.

Наговорившись досыта о нашихъ домашнихъ, отправляемся къ Цвѣткову обѣдать. Яковъ Петровичъ жилъ въ уютномъ домикѣ на берегу Дуная. Въ прихожей два казака, въ грязныхъ, рваныхъ бешметахъ, занимались по хозяйству: одинъ щипалъ курицу, другой ушивалъ командирскіе шаровары.

*) Курпэ—шкурка молодаго барашка.

Самъ командиръ, завидѣвъ насъ, бросается надѣвать черкеску, и уже успѣлъ-было надѣть одинъ рукавъ, какъ братъ остановилъ его:

— Полноте, Яковъ Петровичъ, что за церемоніи,— выговариваетъ ему Василій.—Позвольте представить вамъ брата моего, Александра.

Мы дружески здороваемся. Цвѣтковъ съ виду очень неказистъ: невысокаго роста, тщедушный, съ подстриженными усами и небритымъ подбородкомъ. Впослѣдствіи онъ отпустилъ бороду, что гораздо больше шло къ его тощему лицу. Глаза у Якова Петровича были странные, точно оловянные, и высказывали какое-то вѣчное недоумѣніе. Выговоръ имѣлъ онъ малороссійскій. Одѣвался до того просто, что его можно было скорѣе принять за простого казака, чѣмъ за командира сотни. Бешметъ на немъ сшитъ изъ темненькаго ситцу и напоминалъ женскія кацавейки съ тальей, какія носятъ у насъ деревенскія бабы по праздникамъ. Шаровары широкіе, черные, но не суконные, а матерчатые. Обутъ онъ былъ не въ сапоги, а въ кожанные чулки, или, какъ потомъ узналъ я, въ „чевяки“.

— Сѣдайте, милости просимъ, Василій Васильевичъ,— суетится хозяинъ, обдергивая и поправляя, что попадалось подъ руку.

— Шчаблыкинъ, боршъ готоу?—кричитъ онъ своему казаку въ прихожую.

— „Ещэ“ трошки,—слышится оттуда неторопливый голосъ.

— Вотъ сюда, Василій Васильевичъ, вотъ здѣсь сѣдайте, здѣсь помягче,—продолжаетъ суетиться хозяинъ и усаживаетъ насъ, разстилая на лавкѣ бурку.

— Вы владикавказкаго полка?—обращается ко мнѣ Яковъ Петровичъ и, не дождавшись отвѣта, продолжаетъ:— Ваши здѣсь недалече стоятъ, посты занимаютъ, верстъ 12, не больше. Командира полка знаете, полковника Левиса? Хорошій человѣкъ, всѣ хвалятъ.—Затѣмъ, рѣшивъ, вѣроятно, что онъ исполнилъ долгъ приличія, поговорилъ съ новымъ человѣкомъ, обращается къ брату съ вопросами, которые его интересо-

вали болѣе всего. Объ этихъ вопросахъ мнѣ еще дорогой братъ сообщилъ, такъ какъ Яковъ Петровичъ задавалъ ихъ ему тѣ-же самые каждый разъ, какъ только братъ бывалъ у него.

— Василій Васильевичъ, а что не слыхали-ли, почемъ ноньче золото?—вопрошаетъ хозяинъ такимъ голосомъ, какъ будто прежде онъ никогда объ этомъ и не думалъ его спрашивать. Братъ даетъ отвѣтъ, конечно тотъ же самый, что и вчера, и третьяго дня, разумѣется, и виду не показывая, что это ему до крайности надоѣло.

— Ну, о наградахъ не слыхали-ли чего? Говорятъ, казаковъ представить хотятъ *за понэсэнные труды?*—И при этихъ словахъ Цвѣтковъ устремляетъ на брата удивленный взоръ, такъ какъ, вѣроятно, и самъ не въ состояніи былъ-бы дать себѣ отчетъ, въ чемъ состояли эти „понэсэнные труды“.

— Не знаю, можетъ быть, и представятъ, — соглашается Василій Васильевичъ, не желая разочаровывать довѣрчиваго хозяина.

Между тѣмъ, въ разговорѣ узнаю, что командиръ кубанскаго полка, подполковникъ Кухаренко, тоже живетъ въ Маломъ-Дижосѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Цвѣткова.

Я рѣшаюсь немедленно-же воспользоватся удобнымъ случаемъ представиться ему и, давъ слово Якову Петровичу вернуться къ обѣду, отправляюсь.

У подъѣзда квартиры Кухаренки стоятъ два молодцоватыхъ казака въ черкескахъ, при оружіи; одинъ изъ нихъ идетъ докладывать обо мнѣ. Слышу заикающійся голосъ: „П-п-роси“.

Вхожу. Маленькая комната вся устлана богатыми коврами, попонами, войлоками. Стѣны тоже увѣшаны роскошнымъ оружіемъ, уздечками и сѣдлами. Самъ хозяинъ, лѣтъ 40, низенькаго роста, съ русой бородкой, въ папахѣ (Кухаренко имѣлъ привычку и дома ходить въ папахѣ), въ щегольскомъ красномъ бешметѣ; на богатомъ кожаномъ поясѣ висѣлъ искусной работы кинжалъ „съ вызолоткой“. По всему замѣтно, что Кухаренко, какъ истый казакъ, охотникъ до оружія.

— Здра-авствуйте, Верещагинъ, ми-илости просимъ въ

пашу хату, —говоритъ онъ, встрѣчая меня, заикаясь и радушно протягиваетъ руку. Кухаренко очень симпатичной наружности и невольно вселяетъ о себѣ мнѣніе: вотъ это такъ казакъ и тѣломъ и душой; этотъ отъ турка не побѣжитъ, постоитъ за себя. И мнѣ какъ-то совѣстно становится и за свое сравнительно бѣдное оружіе, и за свою фигуру.

— А п-п-пок-кажите вашу шашку,—обращается онъ ко мнѣ. Вотъ, думаю, какой вопросъ долженъ задавать казакъ казаку при первой встрѣчѣ, и я робко обнажаю шашку и подаю ему.

— Д-добрая шашка, ей-же-ей, добрая.—Полковникъ пробуетъ ее о ноготь, потомъ рубитъ ею въ воздухѣ.

— Ну, а к-кинжалъ пок-кажите. И к-к-инжалъ добрый.

Кухаренко былъ предупрежденъ братомъ Василіемь о моемъ пріѣздѣ, а такъ какъ Василія всѣ казаки, начиная отъ Скобелева, очень уважали, поэтому Кухаренко былъ со мною изысканно любезенъ.

— Б-б-братъ вашъ, Василій Васильевичъ, гдѣ? Вѣрно у Цвѣткова. Они съ нимъ п-пріятели, в-водой не разольешь,— восклицаетъ онъ.

Поговоривъ съ нимъ немного, я поспѣшилъ назадъ.

— Шчаблыкинъ, давай живо!—кричитъ Цвѣтковъ, увидавъ меня.

Обѣдъ состоялъ изъ борща и курицы съ рисомъ. И то, и другое оказалось превкусно изготовлено. Курицу мы ѣли руками, такъ какъ вилка была только одна, и та едва держалась въ черенкѣ. Яковъ Петровичъ предварительно разрѣзалъ курицу своимъ маленькимъ ножичкомъ, находившимся при кинжалѣ, и затѣмъ каждый бралъ свой кусокъ и обгладывалъ, причемъ руки вытирались объ одно общее полотенце, весьма сомнительной чистоты. Передъ обѣдомъ у хозяина, при видѣ полотенца, какъ будто мелькнуло желаніе перемѣнить на чистое, но затѣмъ, вѣроятно, онъ подумалъ: А нехай, сойдетъ и это! Потому оно такъ и осталось.

Хотя глаза Якова Петровича и казались равнодушными,

безучастными, но самъ онъ всѣми силами старался намъ угодить.

Мы запили обѣдъ плохимъ румынскимъ виномъ, послѣ чего Цвѣтковъ пожелалъ насъ угостить пѣсенниками. Тутъ я въ первый разъ услыхалъ казацкія пѣсни.

— Шчаблыкинъ, а ну-ка „замуши“ пѣсенникоу!—командуетъ хозяинъ, и черезъ четверть часа передъ нашими окнами сбирается человѣкъ 15 казаковъ. Одинъ изъ нихъ является съ большимъ инструментомъ въ родѣ барабана—„таламбасомъ“.

Пѣсенники откашливаются и становятся въ тѣсный кружокъ.

Въ это время, смотрю, Яковъ Петровичъ поспѣшно схватываетъ со стѣны свою походную скрипку, подноситъ ее къ уху, торопливо настраиваетъ и, затѣмъ, устремляется въ середину круга. Въ торжественныхъ случаяхъ командиръ сотни самъ любилъ дирижировать и аккомпанировать пѣсенникамъ. Запѣвало начинаетъ, остальные подхватываютъ, и тутъ я замѣчаю, что почтенный хозяинъ усердно пилитъ все тѣ же самыя струны, безъ всякой перемѣны, и только для виду прижимаетъ лады. Кончается одна пѣсня, начинается другая, а музыка все та-же самая. А если-бы кто взглянулъ въ минуты на лицо Цвѣткова, какое оно было серьезное и торжественное! Ясно, что онъ самъ считалъ себя великимъ мастеромъ, и былъ увѣренъ, что игрой своей доставлялъ слушателямъ невыразимое удовольствіе.

По лицамъ казаковъ можно было также предположить, что и они о своемъ начальникѣ того-же самаго мнѣнія, хотя, можетъ быть, это проистекало больше изъ уваженія къ нему, какъ къ командиру сотни.

Когда протяжныя пѣсни кончились и начались веселыя, то невозможно было безъ смѣху смотрѣть на Якова Петровича, какъ онъ яростно пилилъ смычкомъ по струнамъ, съ какимъ ожесточеніемъ прерывалъ на минуту игру, вытиралъ широкимъ рукавомъ черкески вспотѣвшее лицо и, прижавъ подбородкомъ скрипку, снова принимался пилить, бросая по

временамъ на насъ изподлобья пытливые взгляды, чтобы узнать, какое впечатлѣніе производилъ онъ своей „музыкой“.

— Ай да Яковъ Петровичъ, молодецъ! — кричитъ братъ, хлопая въ ладоши; я тоже хвалю и хлопаю. Цвѣтковъ ловко взмахиваетъ скрипкой надъ головой и кончаетъ. „Мэнэ-жъ никто не учпу, самъ дошоу“, наивно говоритъ онъ и вытирая вспотѣвшій лобъ полой черкески, присаживается къ намъ на бурку.

ГЛАВА II.

Парапанъ. Скрыдловъ и турецкій мониторъ. Первый убитый.

Около трехъ часовъ вечера, въ той-же повозкѣ, но уже въ новой папахѣ, которую мнѣ купилъ Кайтовъ, отправляюсь далѣе, и часа черезъ полтора подъѣзжаю къ большому селенію, расположенному тоже по берегу Дуная. Это былъ Парапанъ.

Нѣкоторые домики здѣсь очень порядочные, выкрашенные, большею частью, бѣлой краской. Штабъ полка и квартира полкового командира помѣщались на берегу Дуная въ красивомъ барскомъ домѣ, съ большимъ тѣнистымъ садомъ. На верхнемъ балконѣ этого дома было устроено что-то въ родѣ обсерваторіи—стояла большая подзорная труба, около которой толпилось нѣсколько казаковъ и матросовъ. Впослѣдствіи я часто любовался съ этого балкона чуднымъ видомъ на Дунай, а также подолгу смотрѣлъ въ трубу и старался разглядѣть, не замѣчу-ли гдѣ-нибудь за рѣкой непріятеля. Труба здѣсь была поставлена нашими моряками, чтобы слѣдить за движеніемъ непріятельскихъ броненосцевъ.

Повозка останавливается у воротъ дома, гдѣ помѣщался полковой штабъ, и я пѣшкомъ иду черезъ дворъ. У подъѣзда

виднѣется полковое знамя и денежный ящикъ; при нихъ часовой съ обнаженной шашкой. Часовой этотъ невольно обращаетъ на себя мое вниманіе. Почти старикъ, но еще очень бодрый, плечистый, съ подстриженой сѣдой бородой и густыми нависшими бровями. На поясѣ у него висѣлъ длинный черный кинжалъ съ костяной ручкой. Выправка этого часового совершенно не похожа на ту, что я видѣлъ у кубанскихъ казаковъ.

При моемъ приближеніи часовой нисколько не мѣняетъ своей позы: какъ стоялъ, подбоченясь, такъ и остался. Только когда я посмотрѣлъ на него, то онъ, вмѣсто того, чтобы отдать честь шашкой, какъ того требовалъ уставъ, переноситъ ее на лѣвую руку, бросаетъ на меня исподлобья сердитый взглядъ, подноситъ правую руку къ папахѣ и протяжно говоритъ: „здирявствуй“. Вотъ такъ службистъ, думаю, этотъ уставъ здорово знаетъ.

Подымаюсь во второй этажъ, казакъ въ синемъ бешметѣ провожаетъ меня къ командиру полка.

Въ большой свѣтлой комнатѣ, выходящей окнами на Дунай, прохаживался изъ угла въ уголъ, заложивъ за спину бѣлыя пухлыя руки, средняго роста полный сутуловатый господинъ, лѣтъ подъ 50. Волосы стрижены подъ гребенку, усы длинные, сѣдые, борода небольшая, круглая; одѣтъ въ черный ластиковый бешметъ, сапоги походные, лакированные. Это былъ полковникъ Оскаръ Александровичъ Левисъ-оф-Менаръ, шведъ по рожденію, по характеру-же и привычкамъ совершенно русскій.

Когда я входилъ, полковникъ разговаривалъ съ своимъ адъютантомъ, молодымъ человѣкомъ, въ черкескѣ и при аксельбантахъ.

— Какъ вы скоро пріѣхали! У насъ даже и приказу объ васъ не получено,—говоритъ Левисъ послѣ того, какъ я ему представился.

— Да, я торопился, полковникъ; дней черезъ пять всего послѣ приказа выѣхалъ, и вотъ все время въ дорогѣ.

— Ну-съ, Андрей Павловичъ, гдѣ-же мы ихъ помѣ-

стимъ?—обращается полковникъ къ адъютанту. Тотъ стоитъ съ какимъ-то довольствомъ на лицѣ. Ляпинъ, такова была его фамилія, имѣлъ самое открытое, русское, простодушное лицо всегда довольное, смѣющееся. Во все послѣдующее время я не видалъ Ляпина грустнымъ.

— Сотникъ можетъ внизу помѣститься; тамъ всего одинъ Василій Миронычъ, больше никого,—отвѣчаетъ тотъ.

— Ну, такъ хорошо, проводите! Вы, я думаю, устали съ дороги.—Полковникъ направляется вмѣстѣ съ нами указывать новое помѣщеніе.

— Въ какую-же мы его сотню назначимъ?—продолжаетъ спрашивать полковникъ.

— Полагаю, въ 3-ю, къ Павлу Ивановичу,—отвѣчаетъ Ляпинъ и самодовольно посматриваетъ на меня.

— Хор-шо!—отрѣзываетъ Левисъ. Онъ говоритъ очень коротко, такъ коротко, что изъ слова „хорошо“ слышно только послѣднее „о“, первыя-же два точно проглатываетъ.

— Кто это такой?—говорю я адъютанту, проходя мимо часового у знамени. Тотъ, между тѣмъ, точно также дѣлаетъ честь, какъ мнѣ, переноситъ шашку въ лѣвую руку, правую-же подноситъ къ папахѣ.

— Это всадникъ, осетинъ. Они вѣдь азіяты, съ нихъ особенныхъ формальностей нельзя требовать. Они всѣ охотники, своей волей пошли въ походъ,—объясняетъ Ляпинъ, и въ то-же время бросается къ осетину показывать, какъ надо отдавать честь шашкой.

— Сколько разъ вамъ показывать. Вотъ какъ держите. Ну, понимаете?—сурово восклицаетъ онъ.

— Ха-ра-се, х-ара-се, па-ни-ма-емъ, па-ни-ма-емъ,—тянетъ тотъ азіятскимъ выговоромъ, слегка кланяясь и стараясь запомнить, какъ надо держать шашку.

Меня помѣщаютъ въ комнаткѣ подлѣ канцеляріи, вмѣстѣ съ казначеемъ, маленькимъ человѣкомъ, который при нашемъ приходѣ, занимался пересчитываніемъ денегъ. Цѣлыя груды ассигнацій, мѣшечки съ золотомъ и мѣшки съ серебромъ не-

ресчитывалъ онъ, откладывалъ сосчитанные въ сторону, причемъ съ трескомъ замѣчалъ косточкой на счетахъ.

Увидавъ полковника, казначей немного привсталъ, флегматично поздоровался, сначала съ командиромъ полка, потомъ со мной, съ такимъ видомъ, точно онъ вѣкъ меня зналъ, и затѣмъ немедленно-же усѣлся за свое дѣло. Онъ заранѣе былъ увѣренъ, что командиръ полка и не подумаетъ замѣтить ему, какъ онъ можетъ сидѣть въ его присутствіи, зная, что дѣло, которымъ онъ занимался, слишкомъ сильно интересовало каждаго изъ присутствующихъ. Каждый, вѣроятно, думалъ: Пускай поскорѣй кончитъ, такъ авось и меня разочтетъ.

— Двадцать-пять, двадцать-шесть, двадцать-семь, двадцать-восемь—бормоталъ казначей, пересчитывая пачку кредитокъ.

Комната, куда меня привели, помѣщалась рядомъ съ канцеляріей, гдѣ постоянно толкались офицеры; поэтому она тотчасъ-же наполнилась моими новыми товарищами. Ляпинъ знакомитъ меня съ ними.

Я едва успѣваю со всѣми здороваться и отвѣчать на привѣтствія. У многихъ лица были именно такія, какія я себѣ представлялъ у настоящихъ покорителей Кавказа.

Это были не тѣ молодые гвардейскіе офицерики, какихъ я привыкъ видѣть въ Петербургѣ. Тутъ, по большей части, были старики, сѣдые, заслуженные, у многихъ висѣли на груди мѣдные кресты за покореніе Кавказа. Все это сильно меня интересовало, а многое даже и удивляло. Въ особенности интересенъ показался мнѣ одинъ высокій сѣдой старикъ, который, по моему соображенію, очень походилъ наружностью на „дядю Ерошку“ въ „Казакахъ“ Льва Толстого. Широкое туловище его слегка прикрывалъ бѣлый ситцевый бешметъ на распашку; на ногахъ чевяки, и въ широчайшихъ черныхъ ластиковыхъ шароварахъ, на выпускъ, очень засаленныхъ. Это былъ эсаулъ (капитанъ), завѣдывавшій полковымъ обозомъ. Казалось, стоило только взглянуть на грубое морщинистое лицо этаго стараго эсаула съ коротко остриженной сѣдой головой и щетинистыми усами, чтобы представить себѣ

всю его прошедшую жизнь и службу. Лицо его говорило, что есаулъ и въ походахъ побывалъ, и дома пожилъ достаточно. Онъ знаетъ, что нужно казаку въ походѣ, знаетъ толкъ въ коняхъ, но и вола въ плугъ купить не ошибется, и женѣ платокъ тоже съумѣетъ выбрать по ея вкусу.

На меня глядѣлъ онъ не безъ ироніи, т. е. такимъ взглядомъ, который, казалось, говорилъ: Знаемъ, знаемъ мы вашего брата. Ой, сколько ихъ перебывало у насъ, на нашемъ вѣку; и прилетало и улетало. Послужили съ ними! Вотъ—мы, такъ коренные, не вамъ чета!

Покуда командиръ полка находился въ комнатѣ, старый есаулъ точно прятался въ толпѣ, вѣроятно, стыдился своего неглиже. Но какъ только полковникъ удалился, онъ вышелъ и началъ балагурить и смѣшить насъ своими разсказами. Голосъ есаулъ имѣлъ, въ противоположность своей огромной фигурѣ, очень тоненькій.

— Вася, Вася, — шутя кричитъ онъ казначею, стоя посреди комнаты, подбоченясь, съ коротенькой трубочкой въ зубахъ.—Миронычъ, когда мнѣ порціонные отдашь?—Пожалуй, совсѣмъ забудешь?—затѣмъ подходитъ и шутя беретъ у того свертокъ съ золотомъ.

— Ну... отстаньте... что за шутки! — кричитъ казначей, испуганно отнимая свертокъ.—Получите, когда дойдетъ ваша очередь.—Какъ-же забыть, когда вы и въ книгѣ не росписались.—И Миронычъ погружается въ свои счеты.

— А вы знаете,—весело обращается старикъ ко мнѣ, доставая при этомъ съ полу прутикъ и выковыривая тутъ-же передъ нами золу изъ трубки:—какъ у насъ, бывало, въ старину чеченцы москалей били? (Москалями зовутся на Кавказѣ солдаты изъ Россіи).

— Пожалуйста, разскажите,—упрашиваю я, чуть не подпрыгивая отъ радости, что услышу разсказъ настоящаго боеваго кавказца.

— Ихъ, помню, къ намъ какъ-то пропасть пригнали,— начинаетъ есаулъ, относясь съ очевиднымъ презрѣніемъ къ москалямъ.—Ну, народъ все сырой, тяжелый, въ теплыхъ по-

лушубкахъ, гдѣ-жъ имъ съ нами по горамъ за Чечней гоняться? А вѣдь этотъ народъ, азіяты, хитрый. Вотъ иной, какъ кошка, ночью подкрадется, темно, ни зги не видно, а знаетъ, шельма, что постъ долженъ быть тутъ близко и кричитъ: „саддатъ, саддатъ—гдѣ ти?“ А тотъ съ дуру-то и махнетъ: „я!“— а чеченецъ на голосъ-то и бацъ, солдатъ и кувыркъ.—И старый есаулъ, представивъ при этомъ, какъ солдатъ „кувыркъ“, заливается, смѣется, закинувъ свою сѣдую голову. Смѣхъ этотъ, признаться сказать, производитъ на меня непріятное впечатлѣніе. Чего, думаю, находитъ онъ тутъ смѣшнаго?—Въ это время входитъ къ намъ еще одинъ офицеръ, мой будущій сотенный командиръ, тоже есаулъ.

— А, Павелъ Иванычъ! кричитъ Ляпинъ, — вотъ вамъ новый офицеръ, сотникъ Верещагинъ.

Мы знакомимся. Павелъ Ивановичъ, на мой взглядъ, тоже представляетъ типъ казака кавказца, какихъ я видалъ на картинкахъ: голова стриженая, усы черные, длинные, подбородокъ бритый. Оглядѣвшись и видя, что сѣсть негдѣ, всѣ мѣста заняты, онъ подбираетъ черкеску, какъ бабы подбираютъ сарафанъ, и садится посреди комнаты на корточки.

— Вотъ тебѣ на̀, думаю, что-же это такое, животъ, что-ли, у него заболѣлъ? Ничуть не бывало. Павелъ Иванычъ достаетъ изъ своего серебрянаго портсигара папиросу, и сидя на цыпочкахъ, закуриваетъ и вступаетъ въ разговоры. Стой,—разсуждаю я,—это, значитъ, у кавказцевъ особая манера сидѣть! И я припоминаю, что точно такія-же фигуры видѣлъ при въѣздѣ въ Парапанъ. Издали онѣ походили на громадныхъ орловъ. Надо, думаю, непремѣнно попробовать посидѣть такимъ способомъ. Но такъ какъ немедленно-же сойти со стула и присѣсть показалось-бы смѣшнымъ, то я отложилъ эту пробу до болѣе удобнаго случая.

Въ первый-же день я познакомился не только со всѣми офицерами нашего полка, но и съ офицерами осетинскаго дивизіона. Собственно говоря, осетинскій дивизіонъ долженъ былъ еще въ Россіи соединиться съ дивизіономъ ингушей (кавказское племя) и, подъ начальствомъ полковника Панкра-

това, составлять отдѣльный терско-горскій полкъ. Но ингуши что-то дорогой позамѣшкались и попали уже прямо въ рущукскій отрядъ Наслѣдника Цесаревича, гдѣ и провели всю кампанію; осетинъ-же прикомандировали къ нашему полку.

Въ первую ночь я долго не могъ уснуть: столько насмотрѣлся новыхъ лицъ, одеждъ, манеръ, наслушался разсказовъ. На другой день, рано утромъ, прибѣгаетъ провѣдать меня Ляпинъ, веселый, довольный, какъ и всегда, и мы съ нимъ отправляемся въ 3-ю сотню къ моему новому сотенному командиру. Сотня была расположена въ красивой рощицѣ вблизи Дуная. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея бѣлѣла палатка сотеннаго командира, около которой виднѣлся воткнутый сотенный зеленый значекъ, въ родѣ знамени.

Павелъ Ивановичъ только еще одѣвался, и изъ всѣхъ силъ старался натянуть чевяки. Это дѣло не столь легкое, какъ казалось мнѣ съ перваго взгляда. Обувь эта состоитъ изъ двухъ частей: собственно чевякъ или носковъ, обыкновенно изъ козлиной кожи, и такихъ-же ногавицъ или голенищъ. Хорошо сшитые чевяки должны плотно обхватывать ступню, какъ лайковыя перчатки дамскую ручку; поэтому они шьются очень тѣсные, и надѣть ихъ можно только размочивши предварительно въ водѣ.

У Павла Иваныча чевяки были черезчуръ малы, поэтому онъ пыхтѣлъ, ругался, мялъ пальцы и едва, едва надѣлъ. Нога казалась очень красивою и маленькою. Мнѣ захотѣлось имѣть чевяки.

— Скажите, есаулъ, почему вы носите чевяки? Развѣ въ нихъ удобнѣе ходить, чѣмъ въ сапогахъ?—спрашиваю я.

— Ногѣ легче, ну и ходить пріятнѣе,—объясняетъ тотъ, видимо обрадовавшись случаю сбыть ихъ.

— А могу я у кого-нибудь здѣсь достать такіе?

— Да, пожалуй, берите эти, мнѣ пришлютъ съ дому другую пару.

— А сколько они стоятъ?

— Да я съ васъ всего 10 монетъ возьму (монетой называется на Кавказѣ рубль). И назначивъ тройную цѣну, онъ

дѣлаетъ самое невинное лицо. Я подаю два золотыхъ и получаю чевяки, не позаботясь даже примѣрить ихъ.

Ляпинъ въ это время сидитъ, вытаращивъ глаза. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы его другъ успѣлъ такъ быстро всучить своему новому товарищу совершенно негодную для него вещь.

Чевяки я потомъ никогда не носилъ. Ходить въ нихъ оказалось очень больно, и чуть-гдѣ попадался подъ ногу камышекъ, такъ хоть кричи. Простые казаки, въ особенности осетины, ходили въ нихъ по привычкѣ, изъ экономіи, чтобы сберечь сапоги.

Спрятавъ деньги въ длинный вязанный кошель и засунувъ его въ шаровары, сотенный командиръ становится разговорчивѣе. Лицо его изъ суроваго и непривѣтливаго дѣлается веселѣе.

— Вамъ надо казака назначить, смотрѣть за лошадью, ну и борщъ сварить когда,—говоритъ онъ. — Гришка, ну-ка позови вахмистра,—кричитъ онъ молодому казаку, возившемуся за палаткой. Вскорѣ является вахмистръ, Семенъ Кикоть.

— Господинъ есаулъ, по 3-й сотнѣ все обстоитъ благополучно,—бормочетъ тотъ, останавливаясь у входа и заглядывая къ намъ въ палатку. По его огромному росту взойти въ нее самому было-бы не особенно удобно.

— Надо вотъ имъ казака назначить. Кого-бы тамъ?—говоритъ Павелъ Иванычъ, кивая на меня головой. Вахмистръ съ любопытствомъ оглядываетъ новаго офицера, и затѣмъ, послѣ нѣкоторой паузы, снисходительно отвѣчаетъ.

— Да кого-же, Ламакина можно, парень смирный, расторопный.—Слѣдуетъ большое молчаніе, послѣ чего командиръ сотни, съ притворно смиреннымъ видомъ, отпускаетъ вахмистра, говоря:

— Ладно, ступай себѣ пока, отдыхай.

Мы отправляемся въ сотню смотрѣть мою лошадь. Дорогой намъ встрѣчается молодой осетинъ, офицеръ Гайтовъ, джигитъ, красивый, ловкій. Онъ мнѣ сразу понравился и всю кампанію оставался моимъ лучшимъ товарищемъ. Увидѣвъ

коня. Гайтовъ проситъ позволенія поджигитовать немного. Я, разумѣется, соглашаюсь. Гайтовъ садится на лошадь, дергаетъ ее за поводья, разъ, другой, одновременно взмахиваетъ плетью, но не бьетъ ею, а только потряхиваетъ, грозитъ, и затѣмъ рѣзко, со свистомъ опускаетъ книзу. Лошадь начинаетъ вся дрожать, выкатываетъ глаза, горячится, топчется на мѣстѣ и не знаетъ, какъ-бы ей вырваться изъ этого положенія. Уже она совсѣмъ точно въ комокъ собралась, согнула спину и поджала заднія ноги къ переднимъ, какъ кошка, готовая прыгнуть на свою добычу. Тогда всадникъ нагибается, дѣлаетъ ртомъ ш-ш-шу! и несется. Мѣсто не позволяло разскакаться; всадникъ вскорѣ осаживаетъ ее и такъ сильно, что лошадь едва не садится на заднія ноги. Бѣдняжка моя, какъ тебѣ дорого обходится такая джигитовка, думаю я, глядя на все это.

Гайтовъ продѣлываетъ разныя штуки приходитъ въ восторгъ отъ лошади, и говоритъ мнѣ, что это первая лошадь въ полку. Послѣ такой похвалы моя дружба съ нимъ еще болѣе укрѣпилась.

Въ тотъ-же день я побывалъ въ осетинскомъ дивизіонѣ. Онъ стоялъ по другую сторону селенія. Какой все видный народъ осетины, молодецъ къ молодцу, точно на подборъ! Весь дивизіонъ состоялъ изъ охотниковъ. Лошади ихъ и оружіе были гораздо богаче, чѣмъ у казаковъ. У нѣкоторыхъ всадниковъ полное снаряженіе съ лошадью стоило 700—800 руб., и даже 1,000 руб., тогда какъ у казаковъ оно стоило 150—200 руб., не больше. Что мнѣ въ особенности бросилось въ глаза у осетинъ, это—ихъ осанка и походка. Каждый осетинъ имѣлъ походку точно князь какой: выступалъ важно, степенно, съ чувствомъ собственнаго достоинства, причемъ лѣвую руку держалъ на поясѣ, а правую на рукояткѣ кинжала. Ходятъ и ѣздятъ всѣ они только въ чевякахъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, въ чевякахъ и ногѣ легче, и ѣздить удобнѣе, нога въ стремени не такъ скользитъ.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ Парапанъ нашъ начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Дмитрій Ивановичъ Скобелевъ. Я ему немедленно представился.

Старикъ Скобелевъ былъ высокаго роста, съ крупными чертами лица; съ длинной рыжей бородой. Ходилъ онъ въ синей гвардейской черкескѣ, обшитой серебряными галунами. Говорилъ медленно, въ носъ, и въ разговорѣ постоянно мычалъ; спрашивалъ-ли онъ или отвѣчалъ, все равно, за каждой его фразой слѣдовало гнусавое ммм-м. На большомъ пальцѣ правой руки носилъ перстень съ огромнымъ бриллiантомъ, и когда здоровался съ кѣмъ, то подавалъ только два пальца.

Какъ то вскорѣ пріѣзжаетъ въ Парапанъ мой братъ Василій, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ лейтенантомъ Скрыдловымъ, будто такъ прокатиться, и сообщаетъ мнѣ подъ секретомъ, что на завтрашній день, рано утромъ, моряками рѣшено ставить на Дунаѣ, почти противъ Парапана, минныя загражденія, и что въ случаѣ, еслибы какой изъ турецкихъ броненосцевъ вздумалъ препятствовать этому, то Скрыдловъ бросится на него въ атаку на миноноскѣ „Шутка“, чтобы взорвать броненосецъ. Братъ Василій будетъ участвовать въ этой атакѣ. Онъ просилъ объ этомъ никому не говорить, опасаясь, чтобы Скрыдлову начальство не запретило брать его съ собой. Скрыдловъ предложилъ мнѣ съѣздить вмѣстѣ съ нимъ посмотрѣть „Шутку“, и мы отправились.

Въ маленькой бухточкѣ, въ виду Дуная, стояла крошечная паровая лодочка, выкрашенная подъ цвѣтъ воды. Экипажъ прикрывался отъ пуль желѣзной крышей, которую при насъ нѣсколько матросовъ обкладывали мѣшками съ угольями и пескомъ.

— Смотрите-же, не проспите, мы завтра рано противъ васъ будемъ,—говорилъ мнѣ Скрыдловъ на прощанье.

Хотя я и никому ни слова не говорилъ объ этомъ, но къ вечеру у насъ въ полку всѣ знали, что на утро предполагалась постановка минныхъ загражденій.

На другой день просыпаюсь, уже свѣтло. Быстро соска-

киваю съ постели, всполаскиваю лицо, одѣваюсь, хватаю бинокль и бѣгомъ на берегъ.

Солнце, не прямо противъ Парапана, а влѣво къ Рущуку, только-что выкатилось изъ-за высокаго турецкаго берега и огненнымъ пятномъ отражалось въ рѣкѣ. На багровомъ небѣ, освѣщенномъ солнечными лучами, рѣзко очерчиваются синеватыя вершины горъ. Дунай спокойный, величественный. Мѣстами свѣжіе водяные пары, точно облачки, медленно отдѣляются отъ рѣки, будто не желая съ ней разставаться. Капли росы, на прибрежныхъ кустахъ и камышахъ, отсвѣчиваютъ на солнышкѣ радужными цвѣтами. Даже вонъ тамъ, на островку, чуть не посреди Дуная, и тамъ роса на камышахъ блеститъ, какъ брилліанты. Противуположный берегъ и прилегающая къ нему часть рѣки, еще не освѣщенные солнцемъ, кажутся сплошной темной полосой. Все тихо, спокойно, нигдѣ не замѣтно никакого движенія.

Но вотъ, съ нашей береговой батареи, въ полусотнѣ сажень отъ меня, раздается пушечный выстрѣлъ, и черезъ нѣсколько секундъ снопъ брызговъ, далеко, версты за три впереди, подъ непріятельскимъ берегомъ, указываютъ мѣсто, гдѣ упалъ снарядъ. Точно прикованный стою я, и не могу разсмотрѣть по комъ это стрѣляютъ.

— Вонъ, ваше благородіе, вонъ, гдѣ ихъ броненосецъ, во-о-онъ, подъ самымъ берегомъ,—говоритъ мнѣ стоящій позади казакъ и тычетъ пальцемъ въ пространство. — Ишь, и онъ стрѣляетъ!

Изъ-подъ непріятельскаго берега, въ эту минуту, показывается бѣлый клубочекъ дыму; еще нѣсколько мгновеній, и, далеко не долетѣвъ до насъ, падаетъ въ воду снарядъ. Всматриваюсь пристальнѣе, вижу, дѣйствительно, какое-то паровое судно, броненосное-ли, не разберешь, медленно двигалось вдоль берега, вверхъ по Дунаю, и стрѣляло съ борта.

— Мало, братъ, каши ѣлъ! Шалишь, не добросишь! — сыплются кругомъ остроты собравшейся публики, состоящей по преимуществу изъ казаковъ и матросовъ. Представительная фигура старика Скобелева, въ синей черкескѣ и высокой

папахѣ съ краснымъ верхомъ, виднѣется впереди толпы. Между тѣмъ, съ того берега турки подкатываютъ орудіе и открываютъ огонь по нашей батареѣ. Вотъ опять вспыхиваетъ огонекъ, за нимъ дымокъ — слышенъ даже полетъ снаряда, точно легкое шуршаніе, воркотня птички. Сердце мое немного замираетъ, но это не страхъ, такъ какъ я еще не видалъ худыхъ послѣдствій отъ снаряда, а сильнѣйшее любопытство узнать, куда упадетъ снарядъ. Снарядъ, немного не долетѣвъ до насъ, шлепается въ воду. Опять идутъ въ публикѣ смѣхъ и шутки, но уже не такіе смѣлые—этотъ выстрѣлъ, очевидно, удачнѣе. За этимъ выстрѣломъ слѣдуетъ третій, граната разрывается на дворѣ полковаго штаба и едва не задѣваетъ старика Скобелева, который медленно возвращался въ штабъ.

Послѣ этого выстрѣла остроты прекращаются. Зѣвающая публика начинаетъ подъ разными предлогами расходиться. Рядомъ со мной казакъ чешетъ въ головѣ и говоритъ: Пойти попоить лошадь, и уходитъ. У другого является надобность сходить „до вахмистра". Нѣкоторые-же, болѣе откровенные, просто уходятъ, рѣшивъ вслухъ, что если тутъ оставаться, такъ не жди добра: такъ дерганетъ, что и костей не соберешь.

Наша батарея тоже не дремлетъ. Съ нея даютъ нѣсколько выстрѣловъ, настолько удачныхъ, что турки вскорѣ увозятъ свое орудіе.

Тѣмъ временемъ, пароходъ все продолжаетъ едва замѣтно двигаться подъ самымъ берегомъ, и по временамъ стрѣляетъ изъ орудій, но по какой цѣли, невозможно разобрать. На томъ берегу, въ одномъ мѣстѣ, на откосѣ, залегла, должно быть, пѣхота, такъ какъ тамъ появляется сплошная линія ружейныхъ дымковъ и слышится ихъ глухой, перекатистый отдаленный трескъ, но опять-таки я не могу разобрать, въ кого направленъ этотъ огонь. Я понимаю, что это, должно быть, по нашимъ морякамъ, но ужасная досада беретъ, что ихъ не видно, хотя это и немудрено, такъ какъ шлюпки были очень малы.

Часа три продолжается это зрѣлище, затѣмъ все утихаетъ. Броненосецъ скрывается.

Возвращаясь къ себѣ, я рѣшаю дорогой, что или Скрыд-

ловъ отложилъ атаку, или, если онъ и пытался атаковать, то неудачно, въ противномъ случаѣ взрывъ былъ-бы слышенъ.

Около полудня я съ нѣсколькими товарищами гуляемъ по берегу, и видимъ—приближается гребная лодочка. Всѣ, кто былъ въ это время на берегу, спѣшатъ узнать, въ чемъ дѣло. Лодка ближе, ближе, уже можно разобрать стоящаго посрединѣ нашего морского офицера. Въ веслахъ сидятъ казаки уральцы въ своихъ высокихъ мохнатыхъ шапкахъ. Ихъ товарищи, конвоировавшіе Скобелева-старика изъ Малаго-Джюса въ Парапанъ, съ нетерпѣніемъ тѣснятся па берегу и ожидаютъ лодку.

— Все-ли благополучно?—кричатъ съ берегу.

Горшковъ убитъ,—слышенъ глухой отвѣтъ.

Толпа мгновенно стихаетъ. Это *первый убитый*, котораго она сейчасъ увидитъ. Настаетъ полная тишина. Слышенъ только шумъ веселъ да плескъ воды. Лодка пристаетъ. Вотъ публика хлынула, чтобъ заглянуть. Я стою сзади на бугорочкѣ, мнѣ хорошо видно. Медленно приподнимаютъ това рищи трупъ сослуживца.

— Экой молодчина-то былъ, — слышатся замѣчаніе въ толпѣ. Какъ только показалась свѣсившаяся голова убитаго, обвязанная бѣлымъ окровавленнымъ платкомъ, меня точно что кольнуло, мгновенно я почувствовалъ ужасную, оборотную сторону войны. Я видѣлъ могучаго здороваго человѣка, сраженнаго пулей, его блѣдное лицо съ черной окладистой бородой, свѣсившіяся сильныя руки; видѣлъ стоявшихъ вокругъ такихъ-же здоровыхъ, сильныхъ товарищей, вглядывался въ ихъ сумрачныя, загорѣлыя лица; слышалъ вздохи, замѣчанія собравшейся толпы; однимъ словомъ, видѣлъ тѣ подробности войны, которыя такъ трудно передать перомъ. Головы присутствующихъ невольно обнажаются. На всѣхъ лицахъ можно прочесть тяжелое, щемящее чувство. Уральцы кладутъ товарища на плечи и несутъ въ маленькую желтенькую церковь, стоявшую по близости, на самомъ берегу.

Удивительное дѣло! Участвовалъ я потомъ въ нѣсколькихъ большихъ сраженіяхъ, видѣлъ сотни убитыхъ, а этотъ *первый убитый*, котораго я видѣлъ посреди окружавшей его мир-

ной обстановки, безъ пушечныхъ выстрѣловъ и ружейныхъ залповъ, произвелъ на меня подавляющее впечатлѣніе. Сразу отлетѣли всѣ тѣ радужныя мечты и прелести, которыя я воображалъ увидѣть на войнѣ, и передъ глазами моими долго мерещилась повязанная бѣлымъ платкомъ голова Горшкова, съ блѣднымъ помертвѣлымъ лицомъ.

Въ тоть-же день, подъ вечеръ, ко мнѣ торопливо входитъ Левисъ и, по своему обыкновенію, отрывисто говоритъ:—Ступайте наверхъ, тамъ брата вашего привезли, онъ раненъ. Но не бойтесь, неопасно. Тамъ и Скрыдловъ, тоже раненъ,— добавляетъ онъ, какъ-бы въ мое утѣшеніе.

Не помня себя, бросаюсь я къ нимъ и нахожу: въ небольшой комнатѣ поставлены двѣ кровати, одна пустая, такъ какъ братъ соскочилъ съ нея и, въ одной окровавленной рубашкѣ, стоитъ передъ Скрыдловымъ и съ жаромъ что-то ему объясняетъ. Скрыдловъ лежитъ, вытянувшись, безъ движенія и спокойнымъ голосомъ упрашиваетъ брата улечься и не горячиться.

Скрыдловъ былъ раненъ пулей въ обѣ ноги довольно опасно.

— Представь себѣ,—обращается ко мнѣ братъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ, — когда мы стали приближаться къ пароходу, насъ начали осыпать пулями. Не смотря на то, мы еще приблизились, остается только столкнуться; шестъ съ миной готовъ, Скрыдловъ кричитъ: „валяй!“, слышу: „есть“,—не тутъ-то было: проводники отъ баттареи перебило пулями. Въ это время ранили меня, Скрыдлова и еще нѣсколько матросовъ.

— Куда-же тебя ранили?—спрашиваю я.

— Да вотъ сюда, въ правую ляжку. Сначала я-было и не замѣтилъ, чувствую только что-то тепло, трогаю — дыра, палецъ лѣзетъ, пробую два—и два входятъ. Смотрю, на пальцѣ кровь. Но какъ взорвать-то намъ не удалось, тутъ ужъ мы на утекъ. Тутъ ужъ и на пароходѣ ободрились, давай катать въ насъ изъ чего попало, изъ пушекъ, ружей, пистолетовъ. Шлюпку пробило снарядомъ. Воду отливали шапками, горстями.

— Какъ-же вы спаслись?

— Удивительно, удивительно,—продолжалъ онъ.—Ну, посуди, видятъ: на нихъ несется на всѣхъ парахъ этакая крошка. Сначала турки понять не могли, въ чемъ дѣло; но потомъ, какъ разобрали, что это миноноска, ужасъ объялъ ихъ: капитанъ и экипажъ на бортъ вскочили, чтобы броситься въ воду. И вдругъ такое несчастіе!—Такъ разсказывалъ братъ съ лихорадочнымъ оживленіемъ, и горевалъ непритворно. Хотя онъ съ виду былъ веселъ, но лицо его, черезъ-чуръ раскраснѣвшееся, доказывало, что въ немъ творится что-то неладное. Рана его была обвязана.

— Сквозная рана у тебя?—спрашиваю я.

— Какъ-же не сквозная, братецъ мой! Въ меня какой-то подлецъ чуть не въ упоръ изъ пистолета выпалилъ. Нѣтъ, Николай Иларіоновичъ, ты посуди, представь себѣ... — снова обращается братъ къ Скрыдлову.

— Да ты, Василій Васильичъ, успокойся, лягъ, вѣдь ужъ теперь не воротишь,—упрашиваетъ его Скрыдловъ, но затѣмъ самъ вдругъ подскакиваетъ на постелѣ и восклицаетъ: А что, если мнѣ да вдругъ Владиміра отвалятъ! а! Вотъ штука-то будетъ!

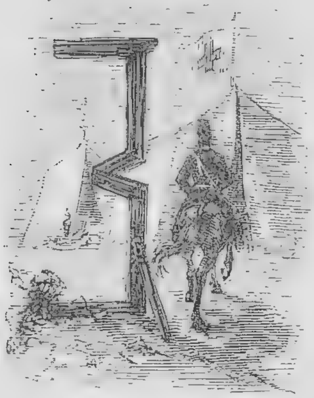
— Не можетъ быть, кричитъ Василій, Георгія, навѣрно Георгія! Ты свое дѣло сдѣлалъ! Чѣмъ ты виноватъ, что у тебя проводники перебило.

Въ это время входитъ докторъ; совѣтуетъ имъ обоимъ успокоиться и лечь спать, а меня проситъ уйти.

Черезъ нѣсколько дней ихъ обоихъ увозятъ въ Бухарестъ.

ГЛАВА III.

Въ Зимницѣ. Скобелевъ на Дунаѣ.



За нѣсколько дней моего пребыванія въ Парапанѣ, я совершенно освоился съ казацкой жизнью: ловко подтягивалъ кинжалъ, надѣвалъ тесьму, носилъ папаху, даже научился сидѣть на корточкахъ. Такъ что ежели-бы теперь пріѣхалъ къ намъ въ полкъ какой новый офицеръ изъ Петербурга, то ужъ онъ никакъ-бы не могъ сказать про меня: А, это тотъ Верещагинъ, котораго я часто видалъ въ Петербургѣ на Невскомъ!... Я уже измѣнился: подстригся, какъ настоящій казакъ, очень коротко, бороду обровнялъ по-осетински въ кружокъ. Только пить не могъ научиться; а пили у насъ здорово!

Старикъ Скобелевъ недолго нами командовалъ. Дивизію нашу расформировали и образована была одна кавказская казачья бригада. Бывшаго нашего бригаднаго полковника Вульферта, котораго, кстати сказать, я ни разу не видѣлъ, замѣнилъ полковникъ Тутолминъ. Новаго бригаднаго мы увидѣли на пути изъ Парапана въ Зимницу.

Въ Парапанѣ я пробылъ всего нѣсколько дней. Вскорѣ пришло приказаніе выступать къ Зимницѣ. Выступили мы еще подъ начальствомъ Дмитрія Ивановича Скобелева, а дорогой,

не помню, въ какомъ именно мѣстѣ, прибылъ полковникъ Тутолминъ, еще не старый человѣкъ, маленькій, худенькій, черноватый, очень живой. Бригаду онъ тутъ-же принялъ, причемъ говорилъ рѣчь, которую началъ съ того, что поднялъ руку кверху и воскликнулъ: здравствуйте, дру-у-уги!

Еще ночью, не доходя Зимницы, намъ стало извѣстно, что наши войска, въ числѣ одной бригады пѣхоты, дивизіи Драгомирова, перешли Дунай. Потери опредѣляли различно: кто говорилъ 500 человѣкъ, а кто 1000. Вообще слышно было, что переправа произведена чрезвычайно удачно.

Подъѣзжаемъ къ Зимницѣ. Полковникъ Тутолминъ, Левисъ и большая часть офицеровъ, въ томъ числѣ и я, опередивъ бригаду, скачемъ черезъ городъ — взглянуть на мѣсто переправы.

Зимница—городъ маленькій, чрезвычайно пыльный. Когда мы скакали черезъ него, отъ лошадиныхъ ногъ поднялась такая пыль, что невозможно было въ двухъ шагахъ ничего разобрать. Я просто боялся наткнуться на какое-либо препятствіе или свалиться въ канаву. Выѣхавъ на окраину города, мы увидѣли слѣдующее: вдали, за Дунаемъ, на вершинѣ лѣсистой возвышенности, бѣлѣетъ городъ Систово. На самомъ гребнѣ виднѣется что-то въ родѣ крѣпости. Самые берега Дуная чрезвычайно высоки, обрывисты и совершенно недоступны. Только въ одномъ мѣстечкѣ, немного влѣво, едва замѣтно точно ущелье или спускъ. Вотъ къ нему-то во время переправы и пристали наши понтоны.

Дунай отъ Зимницы не сразу начинается. Сначала стелется, съ версту, низменная равнина, мѣстами еще покрытая водой, и затѣмъ, миновавъ ее, идетъ настоящій берегъ, отлогій, чрезвычайно илистый, вязкій, покрытый высокимъ ивовымъ кустарникомъ.

Въ то время, какъ мы стояли и смотрѣли, желая увидать хоть что-нибудь, что-бы могло намъ указать на минувшій бой, повсюду было тихо. Кое-гдѣ валялись обрывки одеждъ, об-

ломки колесъ. На противоположномъ берегу тоже ничего не было замѣтно, такъ какъ храбрецы наши въ это время стояли въ тѣнистомъ лѣску по дорогѣ въ Систово.

Назадъ мы возвращались въ разбродъ, по одиночкѣ. Въ концѣ города на площади, вижу, стоитъ нѣсколько большихъ бѣлыхъ шатровъ, наверху которыхъ развѣваются флаги съ красными крестами. Вѣрно, думаю, раненые здѣсь лежатъ. Привязываю лошадь къ колышку и захожу въ ближайшій шатеръ.

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, — на столѣ лежалъ въ одной рубашкѣ солдатъ, безъ движенія, подъ хлороформомъ. Правая нога его, около самаго бедра, страшно раздулась и посинѣла. Какъ мнѣ объяснилъ фельдшеръ, кость внутри была раздроблена пулей: такая рана почти смертельна.

— Можно мнѣ посмотрѣть?—смиренно спрашиваю я доктора, который видимо только-что освидѣтельствовалъ рану и теперь, свѣсивъ кисти рукъ, какъ собачка свѣшиваетъ лапки, когда служитъ, съ недоумѣніемъ размышлялъ, какъ ему лучше поступить. Докторъ былъ безъ сюртука, въ клеенчатомъ фартукѣ.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣтилъ тотъ, мелькомъ взглядывая на меня.—Но если вы никогда не присутствовали при операціяхъ, такъ я-бы вамъ не совѣтывалъ. Интереснаго мало,—добавилъ онъ, роясь въ инструментахъ.

Я послушался его и поскорѣй выбѣжалъ вонъ, такъ какъ чувствовалъ, что не выдержу этого зрѣлища.

Наша бригада расположилась лагеремъ съ версту отъ города Зимницы. Налѣво кубанцы, направо владикавказцы, еще правѣе горная батарея полковника Костина, прикомандирона къ нашей бригадѣ. Мы здѣсь жили весело; ѣздили въ городъ закусить, узнать новости, провѣдать знакомыхъ офицеровъ.

Главная квартира находилась тогда въ самомъ городѣ и помѣщалась въ обширномъ саду на берегу Дуная. Я разъ

былъ тамъ у профессора Боткина, который жилъ въ палаткѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ домика, занимаемаго Государемъ.

По вечерамъ ежедневно у кого-нибудь изъ нашихъ офицеровъ происходила попойка. Начиналась она обыкновенно шашлыкомъ, чинно, мирно, пѣсенники пѣли стройно; оканчивалась-же очень грустно: многихъ изъ гостей казаки разводили подъ-руки по палаткамъ. Въ особенности помнится мнѣ одна такая попойка у есаула Кизилова *). Это былъ молодчина не только съ виду, но, какъ потомъ оказалось, и на дѣлѣ. Родомъ Кизиловъ былъ гребенскій казакъ, средняго росту, очень широкій въ плечахъ, голова большая, шея короткая, лицо загорѣлое, борода рыжая, глаза маленькіе, узенькіе, говорилъ осипло. Пилъ за десятерыхъ, но пьянъ не бывалъ, а только подвыпивши. Пѣсенники въ его сотнѣ были отличные. Кизиловъ и самъ любилъ и умѣлъ пѣть.

Какъ-то вечеромъ, послѣ „зори", забѣгаетъ ко мнѣ Ляпинъ и говоритъ:

— Ты идешь къ Кизилову? У него сегодня шашлыкъ. Онъ всѣхъ звалъ и тебѣ тоже просилъ передать. Оскаръ Александровичъ уже прошелъ къ нему.

— Хорошо, пойдемъ, вотъ дай только сумы завяжу,—отвѣчаю я, завязывая переметныя сумы, которыя только-что передъ тѣмъ купилъ **).

Отправляемся. Гулъ таламбаса еще издали слышенъ—но словъ пѣсенъ пока не разобрать. Подходимъ ближе. Передъ палаткой сотеннаго командира, на разостланныхъ буркахъ, видимъ, возлегаютъ офицеры. Вонъ Кизиловъ встаетъ, подымаетъ стаканъ, и провозглашаетъ чье-то здоровье. Слышны крики: ура-а-а, ура-а-а!! Пѣсенники дружно подхватываютъ: многая лѣта, многа-я лѣта, многая, многая лѣ-ѣ-та-а-а.

— А, Верещагинъ, пожалуйте! Стаканчикъ неугодно-ли?—кричитъ хозяинъ, увидавъ меня, усаживаетъ и наливаетъ ста-

---

*) Въ настоящей главѣ нѣкоторыя фамиліи и имена вымышленныя.

**) Въ переметныя сумы укладывается все самое необходимое для похода Простые казаки возятъ ихъ съ собой, офицеры-же—на вьючныхъ лошадяхъ.

канъ краснаго вина. Почти всѣ наши офицеры здѣсь, и мой Павелъ Ивановичъ тоже тутъ и нѣсколько осетинъ-офицеровъ. Передъ каждымъ стоитъ по стакану краснаго вина. Посрединѣ гостей горятъ свѣчи въ стеклянныхъ колпачкахъ. Пьянство идетъ веліе. Тосты слѣдуютъ за тостами. Вблизи разложенъ огонекъ, дрова уже прогорѣли. Надъ раскаленными угольями, два казака, присѣвши на корточки, съ раскраснѣвшимися лицами, поспѣшно жарятъ кусочки баранины, нанизанные на длинныя тонкія палочки. Куски еще сырые; просвѣчивая на огонь, они кажутся совершенно красными. Сокъ сочится, падаетъ на огонь и аппетитно шипитъ.

— Бондаренко, подкинь-ка сучечкоу,—кричитъ одинъ изъ казаковъ-малороссовъ испуганнымъ голосомъ—жару нема.

Онъ уже пять палокъ шашлыка подалъ господамъ, и съ тѣмъ-же терпѣніемъ жаритъ шестую, и еще будетъ жарить безконечное количество.

Въ сторонѣ, собравшись въ кружокъ, поютъ пѣсенники: Лицъ почти не видно; только папахи, если смотрѣть снизу, лежа на землѣ, чернѣютъ гдѣ-то далеко, какъ-бы на горизонтѣ.

— А ну-ко, Казбулатъ удалой!—командуетъ хозяинъ.

— Стой, стой, дай имъ сначала по стакану, — кричитъ чей-то осипшій голосъ. Пѣсенниковъ обносятъ виномъ, тѣ что-то переглядываются, откашливаются. Замѣтно, что новую пѣсню они хотятъ спѣть лучше другихъ, вѣрно, она любимая ихъ командира:

Казбулатъ удалой, бѣдна сакля твоя,
Золотою казно-ой я осыплю тебя,—

стройно начинаютъ пѣсенники всѣ разомъ. Пѣсня эта дѣйствительно оказывается самая любимая Кизилова, поэтому онъ беретъ стаканъ и съ восторгомъ, откинувъ голову, подтягиваетъ: „золотою казно-ой я осыплю тебя". При этомъ, въ избыткѣ чувствъ, закрываетъ свои маленькіе глаза и приподымаетъ плечи.

Бѣдну саклю твою изукрашу кругомъ.

грохочутъ басы.

Стѣны всѣ обобью-у я персидскимъ ковромъ.

Эти слова уже поютъ легче, тутъ тенорки раздаются яснѣе. Мы всѣ съ удовольствіемъ слушаемъ эту пѣсню, но недолго, такъ какъ одному осетину-офицеру въ третій разъ приходитъ желаніе предложить здоровье Левиса.

— Гяспядя, выпьемъ зя здяревье няшэвя безцэнняго, дрягоцэнняго Аскара Александровича Левися,—тянетъ тотъ своимъ осетинскимъ акцентомъ. Всѣ, разумѣется, подхватываютъ: ура-ура-ура! Пѣсня прекращается и ее замѣняетъ троекратное „многая лѣта". Здоровыя, жирныя щеки Левиса страшно раскраснѣлись и лоснятся, точно московскіе растегаи. Левисъ уже не встаетъ, не благодаритъ за честь, а только самымъ добродушнымъ манеромъ чокается, даже не разбирая съ кѣмъ.

— Командирскую-у-у!!—хрипло оретъ есаулъ Стрѣленскій, желая угодить пріятелю его любимой пѣсней.

У пѣсенниковъ происходитъ опять минутная пауза, и затѣмъ запѣвало начинаетъ легонькимъ теноркомъ, съ какимъ-то отчаяніемъ въ голосѣ:

Пріѣхалъ уря-адничекъ,
Пріѣхалъ онъ въ гости...

Тутъ подхватываютъ остальные голоса:

Пріѣхалъ моло-оденькій,
Пріѣхалъ да въ гости...

Пѣсня эта веселая и поется довольно скоро.

Онъ только пріѣ-ѣ-халъ,
Опять уѣзжаетъ...
Его любезная
Все, плачетъ рыдаетъ...

Бумъ-бумъ,—бумъ-бумъ-бумъ,—гудитъ таламбасъ.

— Гяспядя, зя здяровье няшего хрябряго, любимяго пяльковника Петря Өедоровичя Сярокина!—кричитъ, съ тѣмъ-же

осетинскимъ акцентомъ, осетинъ-маіоръ Лисеневъ, маленькій, толстенькій господинъ, съ длинной русой бородой и быстрыми глазами.

— Ишь, осетія хитрая, азіятъ, — шепчетъ мнѣ Павелъ Иванычъ, положивъ голову на мои колѣни:—авось, думаетъ, Сорокину передадутъ, что вотъ-де онъ первый подалъ тостъ за его здоровье.

Павелъ Иванычъ что-то сердитъ на осетинъ, хотя это нисколько не мѣшаетъ ему допить стаканъ за здоровье новоприбывшаго.

Дѣйствительно, разсуждаю я, — осетины должны быть порядочные льстецы. Откуда, напримѣръ, взялъ Лисеневъ, что Сорокинъ храбрый, любимый и тому подобныя качества? Левисъ — дѣло другое: тотъ служилъ много лѣтъ на Кавказѣ, всѣмъ извѣстенъ. Сорокинъ-же сейчасъ изъ Петербурга пріѣхалъ, и объ немъ Лисеневъ никогда даже не слыхалъ и его даже въ глаза не видалъ.

Въ это время быстро подходитъ Сорокинъ.

— Извините, господа, что я такъ опоздалъ,—обращается онъ ко всѣмъ намъ, и по преимуществу къ хозяину.

На немъ темно-сѣренькая черкеска съ загнутыми рукавами, какъ онъ это видалъ у настоящихъ казаковъ. Красный бешметъ безъ галуновъ, папаха на затылкѣ, однимъ словомъ, казакъ да и только. Сорокинъ дѣйствительно опоздалъ, такъ какъ на его привѣтствіе не всѣ могли сразу встать: нѣкоторые немного привстали, другіе-же только пробовали встать, да такъ и остались.

— Вотъ, вотъ сюда давай,—кричитъ Кизиловъ казаку, съ палкой горячаго шашлыка въ рукахъ. Казакъ кинжаломъ снимаетъ на желѣзную тарелку, передъ Сорокинымъ, куски баранины, остальное подаетъ намъ. Всѣ берутъ прямо руками и ѣдятъ. Шашлыкъ превкусный.

— Ми, пяльковникъ, только-что пиль за васе здяровье,— обращается къ Сорокину Лисеневъ заискивающимъ голосомъ, причемъ, обсосавъ косточку, вытираетъ жирныя руки о свою

длинную бороду, и затѣмъ слегка, какъ будто мимоходомъ, смазываетъ ими и по головѣ.

Сорокинъ, какъ ни старался походить и наружностью и манерами на настоящаго горца, но такой штуки продѣлать не въ силахъ, а потому, не находя салфетки, достаетъ носовой платокъ и обтираетъ объ него руки.

Съ прибытіемъ Сорокина, веселье компаніи сначала какъ будто стихло, но, спустя немного, принимаетъ свой прежній характеръ: опять начинаются пѣсни и тосты безъ конца.

Уже третій часъ ночи. Глаза мои слипаются, голова что-то начинаетъ крѣпко побаливать, и немудрено: хотя я и воздерживался пить, но вѣдь въ продолженіе 7 — 8 часовъ подрядъ, если и по крошечнымъ глоткамъ пить, такъ и то можно напиться. Смотрю вокругъ себя, первоначальная картина значительно измѣнилась: уже начинаетъ свѣтать, лошади на коновязяхъ дремлютъ; нѣкоторыя лежатъ, оттянувъ недоуздки, другія стоятъ, свѣсивъ головы. Гостей нѣтъ и половины. Нѣтъ Левиса, нѣтъ Сорокина. Осетины тоже разошлись. Остались я, да еще нѣсколько офицеровъ. Пѣсенниковъ тоже мало; одинъ невдалекѣ спитъ на сырой травѣ, подложивъ подъ голову руки. Оставшіеся поютъ дикими, осиплыми голосами.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хозяйской палатки, кто-то отчаянно стонетъ, точно въ морской болѣзни. Иду взглянуть. Смотрю, согнувшись стоитъ, должно быть, офицеръ. Одинъ изъ казаковъ съ почтеніемъ поддерживаетъ его голову. Лѣвой рукой больной крѣпко давитъ себя подъ ложечкой, правой-же судорожно дергаетъ: видно, что онъ крѣпко страдаетъ. Подхожу ближе, всматриваюсь въ лицо: оказывается мой почтеннѣйшій сотенный командиръ.

— Павелъ Иванычъ, что это съ вами? дайте-ка я подержу вашу голову,—предлагаю я.

Казакъ съ радостью уступаетъ мнѣ это дѣло и уходитъ. Лобъ больнаго потный, горячій, лицо блѣдное.

— Чортъ! Кизиловъ! какого дьявольскаго чихирю поставилъ, не могъ получше достать,—отрывисто говоритъ онъ и при этихъ словахъ его схватываетъ новый позывъ болѣзни...

— Ну, что, теперь легче-ли?

— Тьфу, тьфу,—сплевываетъ мой почтенный командиръ, утирается рукавомъ, и, не простившись съ хозяиномъ, пошатываясь, отправляется въ свою сотню, браня дорогою всѣхъ и вся на чемъ свѣтъ стоитъ. Я беру его подъ руку и иду вмѣстѣ съ нимъ.

Разъ, подъ вечеръ, сижу въ своей палаткѣ, вижу нѣсколько нашихъ всадниковъ осетинъ, одинъ за другимъ, скачутъ мимо меня къ городу. Спрашиваю, что такое, куда это они стремятся? Оказывается, пріѣзжалъ молодой Скобелевъ къ Тутолмину съ предложеніемъ, не согласится-ли тотъ попробовать переправить бригаду вплавь черезъ Дунай, ссылаясь на то, что у насъ за рѣкой совершенно нѣтъ кавалеріи, а между тѣмъ она тамъ необходима; переправить-же не на чемъ, мостъ еще не готовъ. А такъ какъ Тутолминъ и Левисъ наотрѣзъ отказались, считая совершенно справедливо, что такая попытка могла-бы окончиться гибелью бригады, такъ какъ Дунай въ это время былъ около 4-хъ верстъ ширины, то Михаилъ Дмитріевичъ просилъ ихъ вызвать охотниковъ плыть съ нимъ верхами черезъ Дунай. Вотъ этихъ-то охотниковъ я и видѣлъ.

— Сѣдлай живо!—кричу казаку, и черезъ двѣ-три минуты, маршъ-маршъ, скачу къ берегу. Тамъ застаю уже чуть не всѣхъ нашихъ офицеровъ.

Старикъ Скобелевъ стоитъ впереди, между Левисомъ и Тутолминымъ, и со страхомъ смотритъ, какъ его сынъ, въ одной рубашкѣ, но съ Георгіемъ на шеѣ, садится на высокую караковую лошадь и спускается въ рѣку. Лошадь сначала немного упирается, храпитъ, водитъ ушами, но затѣмъ смѣло пускается плыть. Первоначально Скобелевъ, должно быть держался на лошади, такъ какъ плечи его виднѣлись довольно высоко, но затѣмъ онъ внезапно погрузился по самую шею. Впослѣдствіи я узналъ, что для облегченія лошади онъ спустился съ нея, схватился за хвостъ, и такимъ образомъ плылъ, помогая при этомъ руками и ногами. Отца его беретъ страхъ, и онъ начинаетъ гнусливо кричать:

— Миша, вороти-и-пся, Миша, у-то-онешь, Ми-и-ша, Ми-и-ша!

Намъ всѣмъ становится жалко смотрѣть на старика.

Но Миша плылъ, не оборачиваясь, все дальше и дальше. Нѣсколько осетинъ бросаются вслѣдъ за генераломъ. Одинъ, было, отплылъ довольно порядочно, но потомъ сталъ тонуть вмѣстѣ съ лошадью; ему поскорѣй подали лодку.

Подскакавъ къ берегу, первое мое движеніе было броситься раздѣваться. Не прошло и двухъ минутъ, какъ уже я сидѣлъ на лошади и гналъ ее въ воду. Та спускается, отплываетъ нѣсколько шаговъ и затѣмъ повертываетъ назадъ, не смотря на всѣ удары, которыми я ее осыпаю. Рядомъ, и командиръ 2-й сотни Астаховъ посылаетъ свою лошадь въ воду, и у него тоже не идетъ. А Скобелева, между тѣмъ, уже едва видно, только голова чуть чернѣетъ. Для успокоенія своей совѣсти, мы садимся съ Астаховымъ въ лодку, беремъ поводья лошадей, и такимъ способомъ направляемся къ островку, который былъ невдалекѣ. Только когда я добрался до него и взглянулъ на то огромное водное пространство, которое еще оставалось до турецкаго берега, мнѣ стало понятно, насколько моя лошадь благоразумно поступила, не послушавшись меня. Что я утонулъ-бы, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, такъ какъ пловцомъ я не былъ, а хорошо-ли плавала моя лошадь, мнѣ было неизвѣстно. Какимъ образомъ вначалѣ я такъ рѣшительно бросился плыть за генераломъ, я не могъ себѣ потомъ объяснить. Помню одно, что какъ только увидалъ я фигуру Скобелева, спускающагося съ берега въ Дунай, то рѣшилъ—лучше потонуть, но не бросить его.

Въ то время, какъ мы съ Астаховымъ возвратились на берегъ и одѣвались, подъѣхалъ къ намъ адъютантъ главнокомандующаго, полковникъ Струковъ, высокій, худощавый, съ длинными усами. Похвалилъ насъ и сказалъ, что нашъ поступокъ сегодня-же будетъ извѣстенъ Его Высочеству.

Между тѣмъ старикъ Скобелевъ все еще стоялъ на томъже мѣстѣ и пристально слѣдилъ за черною точкою, едва виднѣвшеюся на поверхности рѣки.

Потомъ оказалось, что Михаилъ Дмитріевичъ, хоть и съ великимъ трудомъ, но все-таки добрался до противуположнаго берега. А потому, если такой отличный пловецъ, какъ Скобелевъ, на прекраснѣйшей лошади, едва не утонулъ, то что-же-бы сталось съ бригадою, еслибы Тутолминъ согласился на его предложеніе и пустилъ бригаду вплавь черезъ Дунай?.. Много-ли-бы человѣкъ доплыло?

Вскорѣ я опять встрѣтился съ Михаиломъ Дмитріевичемъ Скобелевымъ. Какъ-то узнаю, что ему поручено произвести рекогносцировку въ окрестностяхъ Систова. Немедленно-же отправляюсь въ главную квартиру, гдѣ жилъ тогда Скобелевъ, и застаю его разгуливающимъ въ саду, подъ руку съ молодымъ гвардейскимъ полковникомъ. Скобелевъ что-то съ жаромъ объяснялъ своему собесѣднику, причемъ безпрестанно останавливался и хваталъ того за пуговицу.

— Что, батенька, скажете? — спрашиваетъ онъ, увидавъ меня.

Я объясняю, что-де вотъ слышалъ стороной объ рекогносцировкѣ и что если возможно, нельзя-ли будетъ и мнѣ участвовать.

— Хорошо, — говоритъ онъ, — будьте завтра вечеромъ въ Систовѣ, въ квартирѣ генерала Драгомирова, я тамъ буду, — и онъ уже хотѣлъ проститься со мною, какъ я еще обращаюсь къ нему, и говорю:

— Нельзя-ли, ваше превосходительство, вамъ попросить за меня моего командира полка, а то онъ, пожалуй, не отпуститъ. — Слова эти видимо не понравились генералу. Онъ сдѣлалъ недовольное лицо и сказалъ:

— Ну, батенька, дѣлайте какъ знаете, а просить я не стану и предупреждаю, *если вы будете вездѣ своего начальства спрашиваться, то никогда и никуда не попадете,* — жметъ мнѣ слегка пальцы, и быстро скрывается между палатками.

Противъ ожиданія, Левисъ и не подумалъ меня задержи-

вать, а только сказалъ:—я смотрю на это такъ,—и поднесъ при этомъ къ глазамъ своимъ растопыренную пятерню.

На другой день подъ вечеръ, не сказавъ никому изъ товарищей ни слова, сажусь на лошадь и отправляюсь къ Дунаю, къ тому мѣсту, гдѣ была произведена переправа. Здѣсь маленькій паромъ перевозилъ пассажировъ съ одного берега на другой. Вмѣстѣ со мной въѣзжаетъ на паромъ одинъ артиллерійскій генералъ. Я съ нимъ тотчасъ-же знакомлюсь, разговариваемъ и на турецкій берегъ въѣзжаемъ уже какъ старые знакомые.

Съ какою жадностію разсматриваю я мѣсто первой нашей схватки, вотъ ужь, можно сказать, схватки на жизнь или смерть, такъ какъ нашимъ войскамъ отступленія не было — въ тылу находился Дунай. Мѣсто это представляло площадку, опушенную деревьями, кустарниками; кругомъ во множествѣ валялись тряпки, фуражки, кэпи, изорванныя рубахи, штаны, служившіе, вѣроятно, для первоначальной перевязки ранъ. Вся мѣстность кругомъ сильно была утоптана и рѣзко отличалась отъ окружающей. Растительности здѣсь почти не существовало. На меня, какъ новичка, подобное зрѣлище сильно подѣйствовало. Въ воображеніи моемъ началъ рисоваться въ различныхъ формахъ этотъ отчаянный бой. Слѣзаю съ лошади, наклоняюсь и старательно ищу, не увижу-ли гдѣ хотя слѣдовъ крови.

Въ это время мой спутникъ кричитъ мнѣ:

— Э, сотникъ, чего тамъ еще? Насмотритесь, Богъ дастъ! Пора, поѣдемте. — Его мало интересовала подобная картина. Трогаемся, сзади насъ ѣдетъ солдатъ артиллеристъ, сопровождавшій генерала.

— Наконецъ-то я на турецкомъ берегу! разсуждаю дорогой, въ восторженномъ настроеніи. Какое-то отрадное чувство разливается по всему моему тѣлу. Дорога, удаляясь немного отъ берега, подымается постепенно въ гору и идетъ между деревьями. Меня все занимаетъ; я съ любопытствомъ разсматриваю, что за деревья кругомъ; такихъ, кажется, мнѣ еще не случалось встрѣчать ни въ Россіи, ни въ Румыніи.

— Что это за дерево?—спрашиваю спутника.

— Это вотъ грецкій орѣхъ, а то груша, отвѣчаетъ онъ.

— Вотъ изволь видѣть,—думаю,—здѣсь и лѣсъ-то все фруктовый.

Отъѣхали мы версты двѣ, видимъ наша пѣхота расположилась по обѣ стороны дороги. Съ невольнымъ уваженіемъ гляжу я на этихъ храбрецовъ, которымъ выпала трудная доля проложить путь черезъ Дунай. Длинными рядами стоятъ козла ружей. Солдаты заняты каждый своимъ дѣломъ: кто идетъ съ котелкомъ за водой, кто, навивъ на шомполъ тряпочку, чиститъ стволъ ружья; нѣкоторые, собравшись въ кучку, толкуютъ о чемъ-то. Ни пѣсенъ, ни веселья не слышно; замѣтно какое-то одиночество. Потомъ слышалъ я отъ здѣшнихъ-же офицеровъ, что положеніе нашихъ солдатъ, въ первое время на этомъ берегу, было очень незавидное: силы маленькія, скорой помощи ждать не откуда, а между тѣмъ вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ не имѣлось; нападенія можно было ожидать ежечасно. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, нервы солдатъ напряглись до крайности: случались примѣры, что солдатъ ночью вскакивалъ, хваталъ ружье и съ крикомъ „ура“ бросался впередъ, чѣмъ, конечно, производилъ переполохъ въ цѣлой части.

Ѣдемъ дальше; уже темно. Солнышко закатилось. Вдали чернѣютъ постройки;—подъѣзжаемъ къ городу. Улицы узенькія, дома какой-то совершенно особой конструкціи, маленькіе, воздушные, держатся на тоненькихъ подпоркахъ; почти въ каждомъ балконъ съ навѣсомъ. По сторонамъ дороги тянутся длинные каменные заборы. Нигдѣ не видно ни души. Городъ точно вымеръ, стекла въ домахъ выбиты; повсюду царствуетъ полная тишина. Только звонъ подковъ нашихъ лошадей о каменную мостовую тоскливо раздается по безлюднымъ улицамъ. Эти растворенныя двери, выбитыя окна ночью кажутся какими-то черными пятнами, смотрятъ непривѣтливо. Такъ и представляется, что вотъ кто-нибудь бросится съ ножомъ или выпалитъ изъ ружья. Мы неладно заѣхали и упираемся въ стѣнку. Приходится поворачивать назадъ.

— Ну... что это... куда мы попали?—не совсѣмъ-то спокойнымъ голосомъ обращается ко мнѣ генералъ.—Ну-ка, сотникъ, у васъ глаза-то казацкіе, ищите дорогу,—кричитъ онъ. Я ѣду назадъ и вскорѣ нахожу.

Минутъ черезъ десять, видимъ огни. Оказалось, что все время ѣхали турецкой частью города, которую болгары, какъ только турки отступили, немедленно-же разграбили и разрушили. Теперь идетъ болгарская часть. Здѣсь дома почти той-же архитектуры, только разрушенія не видно. Огни мелькаютъ все чаще. Вонъ, на дворѣ одного дома, рота нашихъ солдатъ построилась во фронтъ и поетъ: „Отче нашъ", но какъ она уныло поетъ, точно боится, что ее кто услышитъ. Встрѣтившійся солдатикъ указалъ намъ квартиру генерала Драгомирова. Въѣзжамъ во дворъ. Артиллерійскій генералъ идетъ наверхъ, я остаюсь внизу и узнаю отъ одного пѣхотнаго офицера, капитана Маслова, что генералъ Скобелевъ у Драгомирова, и что ему теперь не слѣдуетъ мѣшать.

— Вы на счетъ рекогносцировки вѣрно пріѣхали? А еще неизвѣстно, когда будетъ,—разсказываетъ Масловъ.—Я самъ тоже участвую въ ней.

Немного погодя, я иду по сосѣдству въ маленькій домикъ, искать квартиру, переночевать. На лѣстницѣ меня встрѣчаетъ болгаринъ, хозяинъ дома, въ черномъ костюмѣ, сшитомъ на турецкій манеръ; на головѣ—феска.

— Добре дошле, добре дошле, капитане, — любезно говоритъ онъ, прикладывая лѣвую руку къ себѣ подъ ложечку, правой-же стараясь уловить мою руку, чтобы приложить ее ко лбу. За нимъ выходитъ на крыльцо его жена, еще молодая женщина, одѣтая вся въ черное, похожая на монахиню, съ грустнымъ лицомъ. Они оба привѣтливо просятъ взойти къ нимъ.

Домъ раздѣленъ сѣнями на двѣ половины. Первую, большую комнату, направо, отдаютъ въ мое распоряженіе. Въ ней, въ переднемъ углу, на полу, разостланъ коверъ; въ изголовьяхъ положены бѣлыя продолговатыя подушки; вдоль стѣнъ сложены, въ видѣ дивановъ, различнаго рода перины, одѣяла,

покрывала, ковры. Хозяйка уходитъ къ себѣ, я-же начинаю располагаться въ новомъ помѣщеніи; снимаю оружіе и ложусь на коверъ.

— Что, турокъ не ма?—спрашиваю хозяина.

— Не ма, не ма, сички (всѣ) у Балканъ бѣга, эге-е-е!—кричитъ болгаринъ и для пущаго доказательства потряхиваетъ рукой по направленію Балканъ. При огнѣ я разсмотрѣлъ его. Это былъ видный мужчина, брюнетъ, безъ бороды, съ длинными черными усами; черная шелковая кисть красиво спадала съ его красной фески.

— Ну, садись сюда, поговоримъ,—предлагаю ему и указываю рукой подлѣ себя. Тотъ, видимо обрадованный такой любезностью, кланяется, жметъ слегка мою руку и садится, но не такъ, какъ турки, сложивъ ноги калачемъ, а, вѣроятно, изъ особаго ко мнѣ почтенія, на манеръ того, какъ садятся дѣти, когда они устаютъ стоять на колѣняхъ. Затѣмъ хозяинъ быстро достаетъ изъ-за кушака мѣдный портъ-сигаръ съ табакомъ, ловко крутитъ папироску и подаетъ мнѣ. Мы куримъ и разговариваемъ, разумѣется, о военныхъ дѣйствіяхъ. Черезъ нѣкоторое время хозяйка приноситъ поужинать: курицу, приготовленную особеннымъ болгарскимъ способомъ, съ лукомъ и краснымъ перцомъ. Я отлично поужиналъ и легъ пать.

На другой день отправляюсь съ товарищами къ Скобелеву. Тотъ говоритъ намъ, чтобы мы всѣ дожидались, что онъ самъ не знаетъ, когда будетъ рекогносцировка: можетъ, сегодня вечеромъ—можетъ, завтра.

Отъ нечего-дѣлать отправляюсь осматривать городъ. Дома по большей части съ садиками и обнесены то глиняными, то каменными стѣнками. Снаружи они не такъ красивы и не такъ чисты, какъ ежели на нихъ смотрѣть со двора. Улицы всѣ очень узенькія, кривыя, грязныя и прескверно вымощенныя. Сверху города, внизъ къ Дунаю ведетъ извилистый спускъ. Вдоль набережной видѣнъ цѣлый рядъ товарныхъ складовъ, магазиновъ и лавокъ; въ особенности-же много духановъ, или, по нашему, кабаковъ.

Прогуливаясь по набережной, я совершенно случайно по-

знакомился здѣсь съ однимъ полковымъ священникомъ. Смотрю, около одного изъ духановъ сидитъ на скамеечкѣ здоровый попъ, борода съ просѣдью, лицо заспанное, одутловатое; выговоръ имѣлъ похожій на малороссійскій. (Онъ былъ родомъ изъ Бессарабіи). Попъ показываетъ одному моему знакомому офицеру, только-что купленнаго имъ хорошенькаго, сѣренькаго болгарскаго коня (въ походѣ и священники ѣздили верхомъ). Офицеръ знакомитъ меня съ попомъ, затѣмъ садится на лошадь и проѣзжаетъ мимо священника шагомъ, рысью, скачетъ въ карьеръ: лошадь оказывается прекрасною, попъ въ восторгѣ и ведетъ насъ въ духанъ запивать литки.

Недолго онъ владѣлъ своимъ конемъ. Вскорѣ я узналъ отъ самого попа, что ему зачѣмъ-то опять пришлось ѣхать въ Систово на новомъ конѣ, и на обратномъ пути, не доѣзжая Дуная, кто-то изъ русскихъ-же стащилъ его съ коня, сѣлъ и уѣхалъ, крикнувъ ему на прощанье: „тебѣ-ли, батька, на такомъ конѣ ѣздить!“ Какъ ни печаленъ былъ этотъ фактъ самъ по себѣ, но невозможно было потомъ безъ смѣху смотрѣть на эту огромную, грустную, всегда нѣсколько подъ хмѣлькомъ, фигуру священника, когда онъ самымъ смиреннымъ голосомъ повторялъ мнѣ, при каждой встрѣчѣ, про этотъ случай.

— Пущай, пущай владаетъ, Богъ съ нимъ! Богъ дау, Богъ и взяу! Я вѣдь никуда не писау и прошеній не подавау,—говорилъ онъ осиплымъ голосомъ, сокрушенно покачивая своей косматой головой. А самъ, между тѣмъ, какъ мнѣ разсказывали, уже повсюду изъѣздилъ, подавалъ рапорты, прошенія, дѣлалъ заявленія; ничто не помогло, конь какъ въ воду канулъ—пропали батькины 25 полуимперіаловъ.

Впослѣдствіи, присмотрѣвшись поближе къ этому священнику, я нашелъ, что это преоригинальная личность. Во всю кампанію я ни разу не видалъ его ни въ дѣлѣ, ни на перевязочномъ пунктѣ. Его можно было найти только въ обозѣ, лежащимъ въ фургонѣ, и непремѣнно подъ хмѣлькомъ. Какъ-то разъ, во время плевненскихъ сраженій, мой братъ Василій спросилъ его: Что-же вы, батюшка, на позицію не съѣздите?—такъ онъ самымъ спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Нэ стоитъ,—нэ нахраждаютъ!

Жилъ и столовался онъ во время похода вмѣстѣ съ завѣдывающимъ обозомъ, который никогда иначе не звалъ его обѣдать, какъ: Эй, попъ, тащи водку, ступай жрать!

Но возвращаюсь къ рекогносцировкѣ. Первый день прошелъ безъ дѣла и второй проходитъ; на третій узнаемъ, что рекогносцировка не состоится. Офицеры разъѣзжаются. Скобелевъ тоже ѣдетъ обратно въ Зимницу. Я ѣду съ нимъ. Дорогой онъ опять мнѣ подтверждаетъ, что какъ только получитъ назначеніе, такъ немедленно возьметъ меня къ себѣ въ ординарцы. Я очень довольный разстаюсь съ нимъ.

ГЛАВА IV.

За Дунаемъ. Въ Тырновѣ.

Мостъ готовъ. Въ тотъ-же день много разныхъ родовъ войскъ переправилось черезъ Дунай, между прочимъ, и ** пѣхотная дивизія генерала ***, которому мы временно подчинялись. Соединиться съ нимъ мы должны были въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дуная, около мѣстечка Дели-Сулы.

На другой день, рано утромъ, трогается наша бригада. Впереди тянется 30-й донской полкъ Орлова. Не доходя берега, насъ обгоняетъ на парѣ вороныхъ лошадей Государь Императоръ въ коляскѣ, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, и поздравляетъ съ переходомъ черезъ Дунай. Ему раздается въ отвѣтъ самое искреннее, восторженное „ура“.

Казалось, долго-ли-бы перейти по мосту, а между тѣмъ мы только къ вечеру перебрались на тотъ берегъ — столько времени заняли обозы, сотенные, полковые, казначейскіе и лазаретные фургоны и т. п. Мостъ дѣлился, почти по серединѣ, небольшимъ островкомъ на двѣ половины. Онъ былъ построенъ частью на желѣзныхъ, частью на деревянныхъ лодкахъ или понтонахъ. Понтоны держались на якоряхъ; черезъ нихъ перекинуты были переводы, сверху-же положена тесовая стлань.

По сторонамъ моста стояли солдаты, слѣдившіе за тѣмъ, чтобы войска и обозы проходили какъ можно спокойнѣе, лошади-же никакъ не рысью.

Уже совершенно стемнѣло, когда бригада, отойдя верстъ десять, остановилась въ ущельѣ около мѣстечка Дели-Сулы. Я былъ въ тотъ день дежурнымъ по полку и разставлялъ ночные посты, какъ меня потребовали къ бригадному командиру. Иду. Полковникъ Тутолминъ въ это время сидѣлъ рядомъ съ Левисомъ, на буркѣ, около горящаго костра, и пилъ чай. Увидавъ меня, онъ приказываетъ мнѣ: — Верещагинъ, возьмите трехъ осетинъ и отправляйтесь по дорогѣ въ Царевичъ; розъищите командира ** дивизіи, генерала *, спросите его отъ моего имени, куда бригаду направить, такъ какъ мы находимся въ его распоряженіи? Поняли? Такъ и скажите, что командиръ кавказской казачьей бригады, полковникъ Тутолминъ, приказалъ спросить ваше превосходительство, — куда ему направится съ бригадой?

Сажусь на лошадь и, въ сопровожденіи трехъ осетинъ, ѣду.

Было около полуночи. Мнѣ приходится обгонять различныя колонны войскъ, орудія, обозы, транспорты, фургоны. Не отдыхая ѣдемъ почти всю ночь и, съ восходомъ солнышка, видимъ большой пѣхотный лагерь. Это и была ** дивизія. Тутъ видны и кавалерія, и артиллерія, впереди-же, на правомъ флангѣ, замѣтны точно кавказскія казачьи фигуры. Это оказывается пластунскій батальонъ есаула Баштанника.

Слѣзаю съ лошади и пѣшкомъ отправляюсь розыскивать палатку начальника дивизіи.

— Во-о-онъ, ваше благородіе, гдѣ генеральская стоитъ,— говоритъ одинъ солдатикъ и указываетъ рукой направленіе. Подхожу, спрашиваю денщика, чистившаго въ это время генеральскую одежду:

— Можно видѣть генерала?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, генералъ еще спитъ,— отвѣчаетъ тотъ, пріостанавливая на время свою работу.

— Надо разбудить, дѣло спѣшное,—объясняю я.—Доложи, что казацкій офицеръ отъ полковника Тутолмина пріѣхалъ.

Денщикъ, на цыпочкахъ, осторожно подходитъ къ палаткѣ и, приподнявъ полу дверки, скрывается. Сквозь полотно мнѣ слышенъ разговоръ генерала съ денщикомъ; затѣмъ раздается генеральскій кашель и, наконецъ, появляется и самъ генералъ *, высокій, худощавый, съ бакенбардами, въ пальто въ рукава. Лицо заспанное.

— Что скажете-съ?—обращается онъ ко мнѣ.

Я передаю слово въ слово приказъ Тутолмина. На это генералъ отвѣчаетъ:

— Ну ужъ, батюшка мой, передайте полковнику Тутолмину, пусть онъ куда знаетъ, туда и идетъ; я никакого распоряженія о вашей бригадѣ не имѣю. Я самъ какъ въ лѣсу. И начальникъ дивизіи въ недоумѣніи разводитъ руками, кланяется и уходитъ въ свою палатку.

Проходя мимо пластуновъ, я захотѣлъ зайти познакомиться съ ихъ начальникомъ, такъ какъ давно слышалъ о немъ, какъ о молодцѣ. Есаулъ Баштанникъ уже проснулся. Сидя на кровати, свѣся ноги, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, онъ пилъ чай. Знакомство наше завязалось немедленно и самое дружеское. Но такъ какъ оно продолжалось всего нѣсколько минутъ, то фигура Баштанника изгладилась изъ моей памяти. Насколько припоминаю, это былъ небольшого роста широкоплечій человѣкъ, съ широкой грудью, съ большой круглой головой на короткой шеѣ. Бороду, какъ мнѣ помнится, имѣлъ русую, подстриженную въ кружокъ. Лицо доброе, открытое, вселяющее довѣріе.

— Вы вотъ какъ ступайте назадъ: видите вонъ тотъ лѣсокъ? Такъ верстъ шесть выгадаете на перерѣзъ бригадѣ, — говорилъ Баштанникъ, прощаясь со мной. Больше я не видалъ его. Онъ вскорѣ гдѣ-то около Балканъ былъ окруженъ со своими людьми, изрубленъ турками и изъ головъ ихъ была сложена пирамида, причемъ голова Баштанника была найдена лежащей сверху.

Мои спутники, осетины, были очень довольны новой дорогой, такъ какъ намъ приходилось ѣхать мимо брошенной деревни Сары-Яръ, гдѣ они надѣялись достать барана и изжа-

рить шашлыкъ. Какъ разсчитывали такъ и случилось. Барана осетины поймали очень хорошаго, и я не успѣлъ еще хорошенько растянуться на буркѣ, какъ баранъ уже былъ заколотъ, шкура снята и жирная лопатка вертѣлась надъ огонькомъ.

Осетины оказались очень услужливымъ народомъ. Услужливость эта доходила до того, что когда я попросилъ ихъ сварить нѣсколько яицъ, которыя они тоже гдѣ-то достали, то одинъ изъ нихъ, сваривъ яйцо, очистилъ скорлупку, разрѣзалъ его кинжаломъ на своей широкой ладони пополамъ, посыпалъ солью, и поднесъ такъ близко къ моему рту, что мнѣ оставалось только жевать.

Слѣдуя далѣе, натыкаемся на болгарина и просимъ его указать кратчайшую дорогу къ Дели-Сулы. Помахивая палкой, идетъ болгаринъ передъ нами такъ скоро, что лошади едва не рысятъ.

— Что, баши-бузукъ има?—смѣясь кричатъ ему осетины. Болгарину не до смѣха: онъ снимаетъ съ головы свою черную истасканную чалму, обтираетъ вспотѣлый бритый лобъ, накрывается и тѣмъ-же скорымъ шагомъ продолжаетъ путь.

— Те,—чекаетъ онъ по-турецки,—баши-бузукъ няма, черкесъ има,—внушительно говоритъ болгаринъ и показываетъ рукой по направленію, куда мы ѣдемъ. Вскорѣ замѣчаемъ впереди конныя фигуры, очень похожія на нашихъ казаковъ. Проводникъ рѣшаетъ, что это черкесы; мы останавливаемся и смотримъ. Фигуры тоже останавливаются и начинаютъ маячить *). Одинъ изъ осетинъ скачетъ впередъ, чтобы убѣдиться, что тамъ за люди; оказывается, это наши казаки.

Поѣздка наша могла считаться счастливою, такъ какъ мы едва не наткнулись на многочисленную шайку черкесовъ, которая только-что передъ нами имѣла дѣло съ нашей бригадой. У насъ было нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Шайку отбросили съ большимъ урономъ. Не отдыхай я въ Сары-Ярахъ, то какъ разъ наткнулся-бы на нее.

*) Маячить, по казацкому выраженію, значитъ кружиться и тѣмъ подавать условный знакъ.

Я передалъ Тутолмину отвѣтъ генерала. Кавказская казачья бригада продолжала свой путь къ деревнѣ Булгарени куда мы прибыли 23-го іюня вечеромъ и остановились лагеремъ вблизи моста черезъ рѣчку Осьму. Мѣстность представляетъ здѣсь обширную равнину, окруженную возвышенностями. Сторона, обращенная къ непріятелю, граничится продолговатымъ холмомъ, по которому выставлялись наши сторожевые посты. Вправо извивается узенькая Осьма, съ круглыми иловатыми берегами. Хотя эта рѣчка и не особенно глубокая, но, въ случаѣ нападенія непріятеля, могла представить серьезныя препятствія.

Дня черезъ два или три, пріѣзжаетъ къ намъ цѣлая партія конныхъ болгаръ изъ г. Плевны, находившагося отъ Булгарени верстахъ въ 30. Они просятъ насъ немедленнно-же занять ихъ городъ, говоря, что турецкихъ войскъ тамъ нѣтъ. Болгаре эти казались очень зажиточными: въ хорошихъ одеждахъ и на хорошихъ лошадяхъ. Депутація переночевала у насъ и на другой день отправилась во-свояси. Командиръ бригады, полковникъ Тутолминъ, сообщилъ объ этомъ командиру 9-го корпуса, генералу Криднеру, а 27-го іюня, пока мы дожидались отвѣта, турки уже заняли Плевну. Это мы узнали отъ прибѣжавшихъ оттуда жителей.

Мы послали къ Плевнѣ двѣ сотни, подъ начальствомъ подполковника Бибикова, съ двумя орудіями. Но что-же онъ могъ сдѣлать? Пострѣлялъ понапрасну и черезъ день воротился обратно въ Булгарени. Въ этой рекогносцировкѣ я не участвовалъ, такъ какъ ходили первыя двѣ сотни.

На другой день, т. е. 28-го іюня, подъ вечеръ, меня зовутъ къ Левису. Надѣваю шашку и отправляюсь. Командиръ полка прогуливался около своей палатки, по обыкновенію безъ папахи, заложивъ руки за спину. Сквозь разстегнутый бѣленькій ситцевый бешметъ виднѣлись красныя кисти шелковаго очкура, на которомъ держались широкія, пепельнаго цвѣта ластиковыя шаровары.

— Хотите въ разъѣздъ ѣхать?—спрашиваетъ онъ меня.— Мы отправляемъ полусотню при офицерѣ, отыскать бригаду герцога Лейхтенбергскаго. Такъ вотъ я предложилъ Тутолмину васъ послать. Хотите ѣхать?—и Левисъ смотритъ на меня ласковымъ предупредительнымъ взглядомъ.

— Очень радъ, полковникъ, если только позволите.

— Ну, такъ ступайте къ бригадному командиру, скажите, что я прислалъ васъ,—и Левисъ наклоняется и исчезаетъ въ своей палаткѣ.

Бригадный командиръ сидѣлъ около своей палатки на буркѣ, съ нѣсколькими кубанскими офицерами, и всѣ вмѣстѣ разсматривали разложенную передъ ними карту.

— Тырново уже Гурко занялъ, — слышу я издали голосъ Тутолмина,—вотъ онъ, видите, господа? — Офицеры наклоняются и пристально смотрятъ на карту.

— А, Верещагинъ, здравствуйте. Пожалуйте, васъ прислалъ полковникъ Левисъ?—говоритъ онъ, обращаясь ко мнѣ, и здороваясь за руку.—Прежде всего садитесь, вотъ сюда, поближе. Не хотите-ли чаю?

Я благодарю и отказываюсь.

— Ну, такъ вотъ въ чемъ дѣло,—начинаетъ Тутолминъ стараясь выражаться какъ можно лаконичнѣе что ему весьма рѣдко удавалось. — Прежде всего скажите мнѣ откровенно, желаете-ли вы ѣхать, чувствуете-ли себя въ силахъ исполнить это порученіе? Оно довольно таки серьезное.

Я, конечно, объясняю ему, что желаю и употреблю всѣ силы, чтобы какъ можно лучше исполнить порученіе.

— Ну-съ, хорошо-съ. Дѣло вотъ въ чемъ: мы должны войти въ связь съ герцогомъ Николаемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ, который съ своей бригадой долженъ находиться вотъ около этихъ мѣстъ,—и Тутолминъ показываетъ на картѣ пространство между Булгареии и Тырновомъ, около ста верстъ.

— Вы должны отыскать его, во что-бы то ни стало; ищите три дня, четыре, даже недѣлю, но привезите отвѣтъ, гдѣ онъ находится и куда намѣренъ идти. Насъ-же вы найдете здѣсь

или вообще въ пространствѣ между Булгарени и Никополемъ. Итакъ, отправляйтесь и завтра пораньше съ полусотней выступайте.

По моемъ возвращеніи въ сотню, товарищи осыпали меня вопросами,—куда я ѣду, надолго-ли, почему назначили меня, а не другаго кого. Нѣкоторые изъ нихъ радовались моей командировкѣ, другіе какъ-бы завидовали. Мой сотенный командиръ былъ недоволенъ; какъ мнѣ казалось, онъ самъ былъ-бы не прочь поѣхать.

Проснулся я рано, и живо приготовился. Полусотня уже стояла выровнявшись, тыломъ къ только-что показавшемуся солнцу. Отъ всадниковъ падали, по сырой еще землѣ, рѣзкія длинныя тѣни. Погода прекрасная. Командиръ сотни выходитъ вмѣстѣ со мной изъ палатки въ одномъ бешметѣ, здоровается съ казаками и сухо объявляетъ имъ, что они ѣдутъ въ дальній разъѣздъ, предупреждетъ быть осторожными, не расходиться въ селеніяхъ, беречь лошадей, и назначаетъ за-вахмистра урядника Ларина, пожилого казака, широкоплечаго, съ большой рыжей бородой.

— Ну, съ Богомъ, ѣзжайте! — говоритъ Павелъ Иванычъ. Я сажусь на лошадь, и трогаемся.

Чѣмъ дальше отъѣзжаемъ, тѣмъ легче становится на моей душѣ. Вотъ и послѣдній постъ миновали, вотъ уже и лагеря не видно. Никогда еще я такъ хорошо себя не чувствовалъ. Я сознаю себя теперь начальникомъ; никто мною не командуетъ; хочу—ѣду, хочу — останавливаюсь, посылаю разъѣзды по сторонамъ. Все это мнѣ чрезвычайно нравится.

Вотъ небольшой ручеекъ. Останавливаюсь на четверть часа, только напоить лошадей, затѣмъ ѣдемъ дальше. Солнце начинаетъ сильно грѣть. Вдали, на возвышенномъ берегу Осьмы, виднѣется красивое село Лѣтница. Передъ нимъ, на рѣчкѣ, нѣсколько водяныхъ мельницъ. Въ срединѣ селенія замѣтно большое зданіе,—какъ-бы помѣщичій домъ: въ немъ вѣроятно жилъ кто-либо изъ турецкаго начальства. Мѣстоположеніе Лѣтницы очень красивое: кругомъ большія лѣсныя рощи, прекрасныя открытыя пастбища, сады, поля. Но селеніе это

только снаружи весело, внутри-же его жителей не видно, однѣ собаки тоскливо бѣгаютъ и даже лаютъ на насъ. Мы останавливаемся у того самаго дома, который виднѣлся издалека, и слѣзаемъ съ лошадей. Ларину немедленно приказываю поискать корму для лошадей, а такъ-же не найдется-ли и для людей какой заблудшей овечки. Селеніе оказывается не совсѣмъ пустое: вскорѣ является чорбаджи, или по нашему староста, въ сопровожденіи нѣсколькихъ болгаръ. За ними слѣдуютъ казаки.

— Вотъ еще братушекъ нашли, ваше благородіе,—кричитъ издали приказный *) Панчохъ, высокій, стройный, проворный казакъ. По его глазамъ видно было, что онъ хоть со дна моря достанетъ все, что ему ни прикажешь.

— Добре дошле, добре дошле, — кричатъ болгаре и униженно кланяются намъ, снявъ черныя чалмы и прижимая ихъ къ груди. Головы ихъ гладко выбриты, за исключеніемъ самыхъ маковокъ, на которыхъ оставлены длинные чубы. Одѣты они въ коротенькія сѣрыя куртки, обшитыя черной тесьмой; шаровары тоже сѣрыя, очень широкія, какъ у турокъ; обувь похожа на лапти, только кожанныя.

— Ну что?—обращаюсь я съ вопросомъ къ чорбаджи,— хлѣбъ има, сѣно, ячмень има?

— Има, има, сичко има, чекай малко да донесемъ (погоди немного, принесемъ), — отвѣчаютъ тѣ, и чорбаджи съ болгарами бѣгомъ направляются къ своимъ хатамъ. Минутъ черезъ десять у насъ появляется изобиліе плодовъ земныхъ; сѣно, ячмень, нѣсколько барановъ, куры, гуси, молоко, вино, хлѣбъ. Вдобавокъ, самъ чорбаджи приноситъ мнѣ, въ видѣ десерта, лукошко совершенно недозрѣлыхъ сливъ.

Казаки живо распорядились со всѣмъ этимъ добромъ. Скоро закипѣли котелки съ бараниной, курами, гусями. На палочкахъ завертѣлись, надъ раскаленными угольями, шашлыки. Казаки наслаждаются: въ лагерѣ они этого, конечно, не имѣли-бы.

---

*) Въ пѣхотѣ—ефрейторъ.

Болгаре сидятъ тутъ-же по близости, поджавъ ноги, и съ любопытствомъ смотрятъ на нашу стряпню. Лица ихъ мнѣ показались не столько грустными, какъ апатичными; видно, что они уже свыклись съ тою мыслью, что не сегодня, такъ завтра, турки нагрянутъ и пооттымутъ у нихъ все, что есть добраго.

— Эй, чорбаджи, не слыхали-ли вы, проходила-ли тутъ гдѣ по близости наша конница, много, много?—объясняю я.

— Гетти, гетти, Тырноу гетти, э-э (прошли—прошли въ Тырново),—и болгаре чуть не всѣ разомъ кричатъ и машутъ руками по направленію къ Тырнову.

— Ну вотъ и отлично, думаю я,—значитъ мы ладно ѣдемъ.

Часа черезъ два направляемся по пути, указанному болгарами. Время уже за полдень. Отъ полусотни высланы разъѣзды по два человѣка впередъ и въ стороны. Дорога идетъ ровная. Мѣстность кругомъ покрыта кустарникомъ, преимущественно дубовымъ. Вонъ черезъ дорогу, едва замѣтно, ползетъ черепаха, величиной съ блюдечко. Черепахъ я никогда близко не видалъ, а потому приказываю одному изъ казаковъ подать мнѣ ее. Казакъ подаетъ. Ш-ш-ш—шипитъ та, и втягиваетъ подъ крышу свою маленькую чешуйчатую головку и такія-же лапки. Я отдаю черепаху казаку спрятать, для забавы. Кустарники кончаются, идетъ обширное кукурузное поле. На немъ, хотя изрѣдка, но повсюду видны одинокія вѣтвистыя деревья—особенность, которой у насъ въ Россіи я не встрѣчалъ.

— А ну-ка, братцы, спойте-ка пѣсенку,—обращаюсь къ казакамъ, замѣтивъ, что тѣ начинаютъ что-то дремать; самъ-же достаю трубочку, набиваю ее, закуриваю и раздумываю: Ну, чѣмъ-же я теперь не казакъ? Въ непріятельской сторонѣ,—командую полусотней,—того и смотри на непріятеля наткнешься; дѣло будетъ, казакамъ кресты дадутъ и мнѣ, пожалуй, что-нибудь навѣсятъ... Въ это время слышу, который-то изъ пѣсенниковъ затягиваетъ совсѣмъ бабьимъ голоскомъ;

И грушица, грушица моя-а-а,
Грушица зелена садова-а-а...

Оглядываюсь, смотрю: поетъ, зажмуривъ глаза, маленькій рыжій казаченко, болѣе похожій на мальчишку, чѣмъ на боевого казака. Ему вторитъ другой на зурнѣ *).

Подъ звуки этой пѣсни я прихожу въ самое пріятное настроеніе: каждая жилка, каждая косточка точно млѣютъ отъ удовольствія.

Некому грушицу сади-и-и-ть,
Некому зелену залома-а-а-ть,—

подтягиваю я легонько и помахиваю въ тактъ плетью. А хорошо все-таки,—разсуждаю самъ съ собой,—что поѣхалъ въ походъ! то-ли дѣло здѣсь? Что-бы я теперь сидѣлъ въ Питерѣ, да читалъ газеты!!

Хотя и съ пѣснями, но мы подвигаемся очень быстро. Не помню, отъ какой именно деревни, начали намъ попадаться, по сторонамъ дороги палыя лошади, очевидно брошенныя бригадой Лейхтенбергскаго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такихъ труповъ лежало по нѣскольку штукъ вмѣстѣ.

Часовъ около пяти пополудни опять дѣлаемъ привалъ и черезъ часокъ трогаемся дальше. Ѣдемъ до глубокой ночи. Я все надѣялся догнать герцога. Ночевать мы пріѣхали въ большое селеніе, въ которомъ были лавки и церковь, то и другое, конечно, заколоченное. Поужинавъ, выставили посты и легли спать. Помню, я не сразу уснулъ, а долго соображалъ, сколько верстъ сдѣлали мы въ этотъ день? Въ пути пробыли, за вычетомъ остановокъ, 15 часовъ. Ѣхали по меньшей мѣрѣ 7 верстъ въ часъ, такъ какъ наши лошади шли не шагомъ, а проѣздомъ. Итого, выходитъ сдѣлали 105 верстъ. А между тѣмъ, что меня удивляло, такъ это то, что я не чувствовалъ особенной усталости. Я приписывалъ это спокойному ходу лошади и кавказскому сѣдлу съ мягкой подушкой. Припомнилось мнѣ въ это время, какъ въ бытность мою въ уланскомъ полку прип-

*) Зурна—маленькая дудочка, въ родѣ свирѣли.

лось мнѣ проѣхать, не слѣзая, 40 верстъ, то я такъ усталъ, что на другой день едва могъ ходить. Казаки тоже не жаловались на усталость, отсталыхъ не было, ни одна лошадь не хромала; значитъ, пока все обстоитъ благополучно!

Утромъ встали мы съ восходомъ солнца, напились чаю и опять дальше въ путь-дорогу. Такъ, часа черезъ два, не доѣзжая деревни Самоводы, видимъ далеко влѣво столбы пыли. Что̀ такое, разобрать не можемъ. Подъѣзжаемъ ближе, оказывается, идутъ по шоссе наши войска, колонна за колонной, батарея за батареей. Это двигались наши главныя силы, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ. Дорога, по которой мы ѣхали, выходила на шоссе въ селеніи Самоводы. Мы останавливаемся въ селеніи на перекресткѣ и какъ разъ натыкаемся на старика Скобелева, который тихонько ѣхалъ на буланой лошадкѣ.

— Здорово, казаки!—гнуситъ онъ къ полусотнѣ, и затѣмъ такъ-же гнусливо спрашиваетъ меня:—Куда вы ѣдете?—Я объясняю.

— Ну, хорошо, стойте здѣсь, сейчасъ поѣдетъ Его Высочество. Онъ, вѣроятно, пожелаетъ васъ видѣть. — И Дмитрій Ивановичъ, по обыкновенію, протягиваетъ мнѣ на прощанье два пальца.

Вотъ приближается коляска, запряженная парой вороныхъ рысаковъ. Кровныя лошади видимо устали отъ непривычной жары и жесткой пыльной дороги. Великій князь Николай Николаевичъ сильно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ три года тому назадъ на маневрахъ въ Красномъ Селѣ. Онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ, глаза впали; вѣроятно послѣдняя болѣзнь въ Кишиневѣ такъ измѣнила его! Онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ начальникомъ штаба, генераломъ Непокойчицкимъ. Экипажъ подвигается все ближе, сердце мое бьется все сильнѣе и сильнѣе. Уже я вижу, что Его Высочество насъ замѣтилъ.— Смирно!—командую казакамъ и замираю.

— Здорово, владикавказцы!—весело кричитъ главнокомандующій и въ то-же время дѣлаетъ мнѣ знакъ рукой, чтобы я подъѣхалъ. Я подскакиваю и шагомъ слѣдую съ правой стороны за экипажемъ.

Великій князь спрашиваетъ, какъ моя фамилія, куда я ѣду, сколько у меня казаковъ; внимательно выслушиваетъ мой разсказъ о Плевнѣ и узнавъ, что я ѣхалъ искать герцога Лейхтенбергскаго, сказалъ, что герцогъ ушелъ за Балканы вмѣстѣ съ генераломъ Гурко. Главнокомандующій приказалъ мнѣ оставаться пока въ его распоряженіи, прикомандироваться на довольствіе къ лейбъ-казакамъ, которые шли сзади въ конвоѣ, и ждать въ Тырновѣ его дальнѣйшаго распоряженія.

За коляской главнокомандующаго слѣдовала масса генераловъ, офицеровъ всевозможныхъ чиновъ и родовъ оружія, преимущественно генеральнаго штаба. Не мало тутъ было и чиновниковъ казначейскихъ, интендантскихъ, почтоваго вѣдомства, телеграфнаго, дипломатическаго корпуса... Всѣ они заняли порядочную дистанцію, такъ-что я не сразу добрался до лейбъ-казаковъ. Тотчасъ-же меня окружили свитскіе офицеры, желавшіе какъ познакомиться, такъ и узнать, о чемъ Его Высочество такъ долго со мной разговаривалъ. Тутъ я познакомился съ секретаремъ Его Высочества, полковникомъ Дмитріемъ Антоновичемъ Скалономъ, очень симпатичнымъ человѣкомъ, а также и съ полковникомъ Газенкампфомъ, которому передалъ весь свой разговоръ съ Великимъ Княземъ.

Тѣмъ временемъ мы уже миновали Самоводы. Жители встрѣчаютъ и провожаютъ насъ съ криками: Да живе царь Александре! Да живе князь Никола! бьютъ въ чугунныя доски, бросаютъ шапки вверхъ, повсюду замѣтна радость непритворная.

Чѣмъ ближе къ Тырнову, тѣмъ мѣстность становится живописнѣе. Вдали виднѣются то горы, покрытыя густой темной зеленью, то обрывистыя голыя скалы. Вонъ влѣво за низменной долиной рѣки Янтры прижался къ вершинѣ высокой скалы какой-то домикъ; издали онъ походитъ на продолговатое бѣлое гнѣздо. Это знаменитый монастырь Тырновской Божьей Матери.

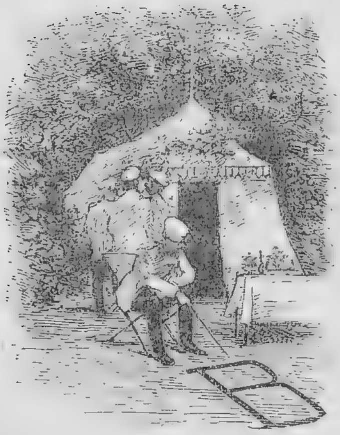
Наконецъ, показывается и самый Тырновъ. Что за удивительно-странное мѣстоположеніе этого города! Точно громадный скалистый котелъ, по краямъ котораго прилѣпились раз-

пообразнѣйшей формы бѣлые домики, съ красными черепичными крышами. Внизу, посреди города, гдѣ-то глубоко, блеститъ узенькая быстрая Янтра.

Народъ, повидимому, собрался здѣсь со всей Болгаріи. Куда ни взглянешь, повсюду болгаре, въ самыхъ праздничныхъ нарядахъ, кричатъ, звонятъ во что попало и всѣми способами стараются выказать свою непритворную радость прибытію Великаго Князя съ войсками. Полуденное жаркое солнце ярко освѣщаетъ всю эту безконечную вереницу нашихъ солдатъ, утомленныхъ, покрытыхъ пылью, и рядомъ веселыя радостныя лица болгаръ, мужчинъ, женщинъ, отъ старыхъ до малыхъ включительно.

ГЛАВА V.

Защита Сельви.



(В)еликій Князь и главная квартира расположились въ городскомъ саду. Я съ полусотней остановился въ нѣсколькихъ шагахъ на площади, рядомъ съ лейбъ-казаками. Распорядившись, чтобы люди мои и лошади были сыты, самъ бѣгу взглянуть на городъ. Повсюду идетъ такая суматоха, какой до того врядъ ли когда я и видѣлъ. По сторонамъ главной улицы жители стоятъ густой стѣной и глазѣютъ на проходящія войска, обозы, фуражныя повозки, при чемъ дѣлаютъ свои замѣчанія. Останавливаюсь около одной кучки и стараюсь прислушаться къ сужденіямъ. Чья-то лихая офицерская тройка гнѣдой масти, съ бубенчиками, запряженная въ легонькій тарантасикъ, въ особенности поражаетъ ихъ вниманіе. Болгаре одобрительно покачиваютъ головами, удивленно восклицаютъ и улыбаются отъ удовольствія. Скрипъ колесъ. топотъ лошадей, крики погонщиковъ, щелканіе бичей, — все это сливается въ одинъ неясный гулъ.

Прохожу дальше—лавки, рестораны полны гостями. Вонъ напротивъ, черезъ дорогу, въ духанѣ какая идетъ бойкая тор-

говля! Болгаринъ-хозяинъ, въ черной курточкѣ, безъ шапки, едва успѣваетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Къ прилавку и не протискаешься, а между тѣмъ подходитъ новая кучка солдатъ.

— Эй, братушка, давай винко!—кричитъ одинъ изъ нихъ, и, проталкиваясь черезъ толпу, помахиваетъ надъ головой двугривеннымъ. За ними входятъ нѣсколько человѣкъ, должно быть, агентовъ по продовольствію арміи, въ фуражкахъ съ краснымъ околышемъ. Привѣшенные къ ихъ поясамъ револьверы и черезъ плечо шашки придаютъ имъ нѣкоторый воинственный видъ. Они съ увѣренностью проходятъ въ дальній уголъ и садятся за отдѣльный столъ. Хозяинъ, не смотря на крикъ солдата съ двугривеннымъ, бросается за агентами.

При самомъ входѣ въ духанъ, въ сторонѣ у забора, пріютился еще одинъ братушка, въ барашковой шапкѣ на затылкѣ. Поджавъ ноги калачемъ, онъ флегматично жаритъ, на маленькой жаровнѣ, что-то въ родѣ сосисекъ. Масло на сковородѣ заманчиво трещитъ и раздражаетъ обоняніе проходящихъ голодныхъ солдатъ. Одинъ изъ нихъ, усталый, загорѣлый, съ ранцемъ за плечами, останавливается около этой приманки, сначала нерѣшительно смотритъ, затѣмъ беретъ одну штуку.

— Килько паричка (денегъ)?—спрашиваетъ онъ хозяина. Солдатъ уже успѣлъ научиться немного по-болгарски.

— Два галаганъ,—отвѣчаетъ болгаринъ тономъ, въ которомъ слышалось полное равнодушіе, будь передъ нимъ жидъ, нѣмецъ, татаринъ, русскій, все равно, „два галаганъ“, и только.

— Единъ будетъ,—убѣдительно возражаетъ солдатъ и въ то-же время намѣревается ѣсть. Братушка хватаетъ его за руку, но уже поздно: солдатикъ разомъ запихалъ всю сосиску въ ротъ, послѣ чего лѣзетъ въ карманъ за галаганомъ.

Въ это время меня обгоняетъ веселая компанія конюховъ и служителей главной квартиры.

— Да ты не брешешь-ли?—кричитъ съ виду очень солидный, тучный конюхъ, съ николаевскими бакенбардами и въ

кавалергардской фуражкѣ (ему, казалось-бы, и не слѣдъ водить компанію съ такой молодежью).

— Чего тамъ брешешь, если-же самъ видѣлъ, какъ изъ окошка махала, — возражаетъ молоденькій лакеишка, въ фуражкѣ съ бархатнымъ околышемъ, лицо бритое. Онъ юрко шагаетъ впереди, суетится и размахиваетъ руками.

— Вали, вали живѣй! Ей-Богу, молодчина Серега!... И здѣсь ужъ успѣлъ пронюхать,—одобрительно восклицаетъ товарищъ его, такой-же молоденькій лакеишка, съ такимъ-же бритымъ лицомъ. Подпрыгивая на ходу съ ноги на ногу, отъ предстоящаго удовольствія, онъ похлопывалъ Серегу по спинѣ. Всѣ они круто сворачиваютъ въ узенькій грязный переулокъ.

Du u bist der kle-e-ine Postillion,
Die ganze Welt bereist ich schon...

доносится откуда-то знакомый избитый мотивъ, преслѣдовавшій войска отъ самаго Кишинева до Зимницы. И здѣсь онъ, наконецъ, слышится!

— Тари-тари! — пищитъ скрипка, а за ней опять доносятся тоненькіе голоски прелестныхъ нѣмокъ. Имъ осипшимъ басомъ подпѣваютъ подвыпившіе мужскіе голоса.

— Когда это онѣ успѣли попасть сюда? — разсуждаю я, проходя мимо переулка.

Сдѣлавъ порядочный кругъ, часовъ около пяти пополудни выхожу обратно къ полусотнѣ. Урядникъ Ларинъ докладываетъ, что за мной приходили изъ главной квартиры отъ Его Высочества. Спѣшу туда.

Въ тѣнистомъ саду, между деревьями, бѣлѣли палатки главной квартиры. Посерединѣ замѣтна просторная палатка главнокомандующаго. Великій Князь сидѣлъ въ креслѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ обѣденнаго стола, накрытаго бѣлой скатертью. Наклонившись немного туловищемъ, онъ чертилъ что-то камышевой тростью по землѣ. Нѣсколько блестящихъ офицеровъ стояли позади и тихонько разговаривали между собой.

— Ну, здравствуй, здравствуй,—любезно кричитъ главнокомандующій, завидя меня, и протягиваетъ руку.

Я подбѣгаю, цѣлую Великаго Князя въ плечо, послѣ чего отхожу назадъ и приготовляюсь слушать.

— Ну что, получаешь извѣстія отъ брата Василія? весело спрашиваетъ Великій Князь.—Ты знаешь, ему операцію сдѣлали?

— Никакъ нѣтъ, не слыхалъ, Ваше Императорское Высочество.

— Какъ-же, какъ-же! Теперь ему лучше. Вѣдь у тебя, кажется, есть еще братъ художникъ, какъ его... и главнокомандующій прикладываетъ палецъ ко лбу, стараясь припомнить имя.

— Сергѣй, Ваше Высочество, подсказываетъ красивый, рыжеватый полковникъ, который уже тутъ какъ-тутъ, появился за кресломъ.—По тону голоса, по манерамъ разговаривать съ Великимъ Княземъ, я замѣтилъ, что этотъ полковникъ здѣсь самый необходимый человѣкъ. Онъ то изысканно вѣжливо наклонялся къ своему могущественному начальнику, предупредительно выслушивалъ, кратко отвѣчалъ, то быстро, но съ достоинствомъ выпрямлялся, и подаривъ кого-либо изъ окружающихъ улыбкой или фразой, принималъ покорно выжидательное положеніе, зная хорошо, что онъ сейчасъ опять понадобится.

Великій Князь спрашиваетъ, здоровы-ли мои казаки, нѣтъ-ли больныхъ, въ какомъ состояніи лошади и затѣмъ отпускаетъ, предупредивъ, что мнѣ скоро придется отправиться на Сельвинское шоссе.

На другой день вечеромъ, уже стемнѣло, меня опять требуютъ къ Великому Князю. Я иду. Главнокомандующій разговариваетъ со мной черезъ окошко своей палатки. Передъ нимъ лежала на столѣ карта военныхъ дѣйствій. Великій Князь объясняетъ, что изъ города Сельви только-что прибыла депутація съ просьбой какъ можно скорѣй защитить ихъ городъ отъ баши-бузуковъ и черкесовъ, которые въ большихъ массахъ нападали на жителей.

— Я посылаю тебя съ твоей командой, говоритъ Его Вы-

сочество. — Утромъ, чуть свѣтъ, отправляйся. По дорогѣ съ поста захватишь взводъ донцовъ, и вмѣстѣ съ ними прогонишь эту сволочь. Держись въ Сельви, пока я не пришлю помощи; да смотри, будь молодцомъ и доноси прямо мнѣ. — Ну, съ Богомъ, прощай, зайди къ Левицкому *), получишь предписаніе.

Такъ говорилъ мнѣ Великій Князь, при чемъ въ его голосѣ слышалась скорѣй просьба, чѣмъ приказаніе.

Получивъ приказаніе отъ главнокомандующаго, я возвращаюсь къ себѣ, отдаю поскорѣй необходимыя приказанія, велю разбудить себя до солнышка и ложусь спать. Мой казакъ Ламакинъ прикрываетъ меня буркой. Но мысль, что черезъ нѣсколько часовъ придется столкнуться съ непріятелемъ, не даетъ мнѣ крѣпко заснуть.

И, кто знаетъ, — мелькаетъ у меня въ головѣ, — можетъ быть первая-же пуля и—успокоюсь навсегда! А можетъ случиться, спасу городъ, получу Георгія... И пока такъ дремлю, утро незамѣтно приближается. Сквозь сонъ слышу, Ларинъ говоритъ Ламакину:—Буди сотника, сейчасъ свѣтать станетъ.

— Ваше благородіе, вставайте,—осторожно будитъ тотъ, и приподнимаетъ бурку.—*Вже* сѣдлають.

Луна свѣтила полнымъ блескомъ, когда мы тронулись въ путь. Набожно крестятся казаки, приподнявъ папахи; крѣпче подтягиваютъ ремни на кинжалахъ, поправляютъ ружья въ чехлахъ. Разговоровъ почти не слышно, мы ѣдемъ серьезные, даже, можно сказать, сумрачные. При нашемъ выѣздѣ изъ Тырнова, къ намъ присоединилось человѣкъ 20 болгаръ, вчерашняя сельвинская депутація. Одинъ смуглый, красивый, молодой болгаринъ, Дмитрій Кара Ивановъ, очень мнѣ понравился.

На ломаномъ французскомъ языкѣ тотчасъ-же подробно сообщаетъ онъ, какъ великъ ихъ городъ, кто на нихъ нападаетъ, въ какомъ количествѣ, съ какой стороны и т. п.

*) Помощнику начальника штаба арміи.

Пока разговариваемъ, луна незамѣтно пропадаетъ. Влѣво отъ шоссе становится возможнымъ разсмотрѣть вершины Балканъ. До того времени онѣ казались неясной, темной полосой. Солнца еще не видно, но отблески его уже начинаютъ золотить синеватые гребни горъ. Кой-гдѣ вершинки, отрѣзанныя облаками, кажутся точно повисшими въ небѣ.

Такъ какъ войска наши сюда еще не ходили, поэтому и дорога здѣсь не испорчена, ровная, гладкая, какъ говорится, „хоть на боку катись".

Вотъ мостъ черезъ рѣку Янтру. Здѣсь перекрестокъ, влѣво идетъ дорога въ Габрово. Здѣсь почти половина нашего пути. Ѣдемъ дальше. Утро прелестное. Прохладно, пыли нѣтъ; кругомъ все будто покрыто тончайшей, прозрачной синеватой пеленой. Вотъ, наконецъ, и солнышко показывается изъ-за Балканъ. Хотя вершины теперь и ясно обрисовываются, зато самыя горы и ихъ подножье погружаются въ глубокую тѣнь.

Мы ѣдемъ очень скорымъ шагомъ, мѣстами даже рысью. Часа черезъ три, видимъ на встрѣчу скачутъ двое болгаръ. Стремена у ихъ сѣделъ подтянуты такъ высоко, что колѣна приходятся около самой шеи лошади. Братушки безостановочно погоняютъ плетками лошадокъ и молотятъ пятками ихъ вспотѣлые бока. Головы болгаръ обмотаны чѣмъ-то въ родѣ бѣлаго полотенца, такимъ манеромъ, что верхушка красной фески, вмѣстѣ съ черной кисточкой, рѣзко выдѣляются. Не смотря на взволнованную наружность, братушки кажутся мнѣ очень комичными. Локтями они сильно размахиваютъ, желая, помочь быстротѣ лошади.

Еще издали слышны ихъ крики.

— Напредъ, напредъ (впередъ, впередъ)! Баши-бузукъ, черкесъ дошелъ! Молямъ-ти (умоляемъ)!—Они подскакиваютъ ко мнѣ и цѣлуютъ руки.

Лошадь моя идетъ такой сильной рысью, что большая часть казаковъ слѣдуетъ вскачь. Съ одного небольшого холмика Сельви становится виденъ. Онъ расположенъ на открытой равнинѣ; за нимъ, верстахъ въ 6—7-ми, идутъ лѣсистыя

возвышенности. За городомъ, въ разныхъ направленіяхъ, то тутъ, то тамъ вспыхиваютъ ружейные дымки.

Передъ самымъ городомъ, черезъ рѣчку Рушицу, идетъ мостъ. Мужчины, женщины, дѣти, съ крикомъ и воемъ, встрѣчаютъ насъ, и съ ужасомъ машутъ въ сторону непріятеля.

Въ городѣ къ намъ пристаетъ съ сотню конныхъ болгаръ съ ружьями въ рукахъ, такъ что, выскакавъ на равнину, мы представляли довольно внушительную силу. Глазамъ нашимъ открывается слѣдующее. Съ полсотни донскихъ казаковъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ я долженъ былъ взять на пути въ одномъ селеніи, разсыпавшись цѣпью, отстрѣливаются, не слѣзая съ лошадей. Я немедленно-же приказываю своимъ тоже разсыпаться цѣпью влѣво и поддержать донцовъ ружейнымъ огнемъ. Сразу я не могъ разобрать, въ кого они стрѣляютъ. Подскакиваю къ ихъ командиру, маленькому черноватому есаулу Антонову, который въ это время горячо распоряжался, кричалъ и суетился.

— Самъ Богъ васъ послалъ къ намъ на помощь! — трагически восклицаетъ онъ, увидавъ меня. Мы тотчасъ-же знакомимся, и сряду-же совѣщаемся, какъ лучше дѣйствовать. Рѣшаемъ на томъ, чтобы одновременно общими силами броситься въ атаку и прогнать непріятеля къ лѣсу, насколько возможно дальше. Тѣмъ временемъ казаки все продолжаютъ стрѣлять. Я пристально смотрю въ бинокль, по комъ они стрѣляютъ?

— Да развѣ-же вы не видите? Во-онъ перебѣгаютъ изъ-за груды,—говоритъ мнѣ Антоновъ и указываетъ на снопы, лежащіе съ версту отъ насъ.

Я, дѣйствительно, начинаю разбирать человѣческія фигуры. Они то присѣдаютъ, то быстро перебѣгаютъ отъ одной груды сноповъ къ другой. Это были баши-бузуки. Прячась за копны хлѣба, они стрѣляли въ нашу сторону. Здѣсь я въ первый разъ познакомился со свистомъ пуль. Слышу, надъ головой точно пчела жужжитъ, и если-бы одинъ изъ казаковъ не объяснилъ мнѣ, что это была пуля, я, можетъ быть, еще долго принималъ-бы ихъ за пчелъ. — Такъ вотъ какъ пули сви-

стятъ!—думаю я, и чувствую какую-то гордость, какое-то необъяснимое самодовольствіе, что вотъ я подъ пулями, а не трушу: — еще впередъ поѣду и не испугаюсь! И я дѣйствительно кричу своимъ казакамъ: — Ну, братцы, впередъ, впередъ подавайтесь! Чего тамъ смотрѣть на эту сволочь! Напирай смѣлѣй, стрѣляй хорошенько, цѣлься вѣрнѣй!

Въ это время подъѣзжаетъ ко мнѣ мой старшій урядникъ Ларинъ и докладываетъ:

— Ваше благородіе, братушекъ надо впередъ гнать, а то что-же они такъ безъ пути черезъ наши головы стрѣляютъ! Того и смотри, еще кого-нибудь изъ нашихъ-же застрѣлятъ!

Оглядываюсь назадъ и не могу удержаться отъ смѣху.

Толпа конныхъ болгаръ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, собралась и съ воинственнымъ жаромъ о чемъ-то разсуждаетъ. Затѣмъ выѣзжаетъ изъ толпы одинъ пожилой болгаринъ въ черной курткѣ и, не слѣзая съ лошади, упираетъ свою тяжелую, допотопную пищаль, ложею въ животъ, который у него толсто обмотанъ кушакомъ, и сбирается стрѣлять. Анастасъ (такъ звали болгарина) устанавливаетъ стволъ ружья, подъ угломъ почти 45°; сотоварищи его всѣ одобрительно смотрятъ на эти приготовленія. Ружье направлено, стрѣлокъ чуть-чуть отворачивается, слегка жмуритъ глаза и спускаетъ кремень. Одновременно съ потокомъ искръ, раздается оглушительный трескъ, и непосредственно за симъ падаетъ съ лошади и самъ Анастасъ. Товарищи бросаются къ нему на помощь и съ почтеніемъ поддерживаютъ. Надо-же случиться такому горю, что въ то время, какъ Анастасъ спускалъ кремень, непріятельская пула ранитъ его въ колѣно. Наши усердные помощники торжественно, съ грустью на лицѣ, несутъ раненаго домой. Мы хотя остаемся и одни, зато уже не боимся получить отъ нихъ пули въ спину.

Неумѣнье болгаръ обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ объяснялось тѣмъ, что турки строго воспрещали имъ не только носить, но даже прикасаться къ оружію. Всякій турокъ могъ безнаказанно убить болгарина съ оружіемъ въ рукахъ.

Вскорѣ дѣйствія болгарской дружины на Шипкѣ доказали, что болгары вовсе не заслуживали тѣхъ насмѣшекъ, какими мы ихъ надѣляли первое время, а напротивъ, убѣдили насъ, что они съумѣютъ постоять за себя, если то понадобится.

Между тѣмъ казаки, тоже не слѣзая съ лошадей, безостановочно стрѣляли и, конечно, мимо, такъ какъ непріятель изрѣдка, кое-гдѣ показывался на мгновеніе и затѣмъ скрывался. Мы шагъ за шагомъ приближаемся къ возвышенностямъ. Ѣдемъ то сжатымъ хлѣбомъ, то лугами, то кустарниками; спускаемся въ овраги, опять выѣзжаемъ. Непріятель все отступалъ дальше и дальше къ лѣсу. Наконецъ, несемся въ карьеръ. Донцы и мои владикавказцы, перемѣшавшись, съ гикомъ обгоняютъ меня съ Антоновымъ, несутся въ разсыпную и скрываются въ лѣсу. Долго трубачу пришлось трубить, чтобы созвать людей. Одинъ за другимъ, шагомъ возвращаются они, пыльные, потные, на усталыхъ лошадяхъ.

— Ну, что, станичники, покрошили-ли?—гнусливо, и не безъ хвастовства передъ моими, спрашиваетъ Антоновъ своихъ, хотя видимо самъ заранѣе увѣренъ, что врядъ-ли удалось кого покрошить, такъ какъ не станутъ-же баши-бузуки дожидаться, пока казаки подъѣдутъ и заколютъ ихъ пиками.

— Вонъ, ваше скородіе, за балкой, мы штукъ съ двадцать наклали!—тоже гнусливо увѣряетъ высокій здоровый донецъ, усы густые, лицо бритое. Какъ-бы въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ молодецки встряхиваетъ длинными русыми волосами.

— Молодцы, молодцы! Спасибо!—говоритъ Антоновъ.

Мои тоже по-немногу сбираются. Я вынимаю записную книжку, чтобы записать отличившихся, и подзываю Ларина.

— Ваше благородіе, вонъ около того дерева мы съ Гасюкомъ двоихъ зарубили,—вкрадчивымъ голосомъ докладываетъ мнѣ приказный Панчохъ, причемъ указываетъ рукой на рыжаго, усатаго казака въ синей черкескѣ. Гасюкъ въ ту-же минуту дѣлаетъ такое лицо, по которому можно-бы было убѣдиться, что онъ дѣйствительно зарубилъ одного.

Я вопросительно смотрю на Ларина, тотъ подтверждаетъ. Записываю ихъ.

— Ну, а еще кто?—спрашиваю.

— Бабенко, ты, кажись, тоже одного?—кричитъ Ларинъ высокому тощему казаку въ сѣрой рваной черкескѣ.

— Я, Иванъ Семенычъ, съ ружья застрѣлилъ,—отвѣчаетъ, тотъ, моментально оборачиваясь лицомъ ко мнѣ, и точно застываетъ въ такомъ положеніи.

До этой минуты Бабенко что-то съ жаромъ разсказывалъ своимъ товарищамъ. Онъ, какъ и Панчохъ съ Гасюкомъ, чуялъ, что этой минутой надо дорожить, а потому и лицо его тоже принимаетъ самый открытый, безупречный видъ.

Время было уже далеко за полдень, когда обѣ полусотни, выстроившись въ двѣ колонны, справа по-три, возвращались съ пѣснями обратно къ Сельви. Я и Антоновъ ѣдемъ, конечно, впереди, радостные, самодовольные. Какъ-же было и не радоваться?—непріятель отбитъ, поле сраженія за нами, городъ временно спасенъ!

Донцы, закинувъ пики „по плечу", поютъ пѣсни; ихъ-запѣвало азартно машетъ тактъ рукой и, приподнявшись на стременахъ, по временамъ оглядывается на своихъ пѣвцовъ.

Донцы народъ крупнѣе нашихъ кавказцевъ. Пѣсни ихъ мнѣ кажутся гораздо грубѣе, отрывистѣе. Словъ пѣсенъ не слышно, такъ какъ поютъ довольно далеко. Вонъ и мой рыжій Левченко, откашлявшись, сипло запѣваетъ;

Посидите, мои гости,
Я вамъ пѣсенку спою.

Тутъ подхватываютъ голоса:

И я вамъ пѣсенку спою
Про службицу про свою...

* *
*

Мы и тамъ, мы и сямъ,
Мы таскались по горамъ,
Мы три года прослужили,
Не о чемъ мы не тужили.

Я снова начинаю радоваться и благодарить Бога, что Онъ мнѣ помогъ попасть на войну. Хорошо, хорошо! Весело, отлично! думаю я, и дружески поглаживая взмыленную шею лошади.

Изъ города, на встрѣчу намъ, версты за двѣ, высыпали жители отъ мала до велика. Восторгъ ихъ неописанный. Съ криками: Да живѐ царь Александре! Да живѐ князь Никола! цѣлуютъ они не только руки Антопова и мои, но даже стремена казаковъ. Мужчины протягиваютъ кувшины съ виномъ; женщины и дѣвушки надѣваютъ на казаковъ и на шеи лошадямъ вѣнки, суютъ цвѣты въ руки. Я, отъ избытка удовольствія, прихожу въ какое-то разслабленіе, даже лошадью не правлю, такъ какъ мои руки схвачены и ихъ осыпаютъ поцѣлуями. Повсюду восторгъ и ликованіе.

Мои казаки между тѣмъ ѣдутъ, не смѣя безъ дозволенія остановиться, чтобы промочить пересохшія горла даровымъ винцомъ. Искоса посматриваютъ они на кувшины и не безъ гордости продолжаютъ пѣть. Они хорошо понимаютъ, что ихъ пѣсня приводитъ жителей въ восторженное настроеніе.

Разскажи-ка ты, жена,
Каково жить безъ меня,

продолжаетъ запѣвать Левченко, и, взмахнувъ надъ головой сложенной плетью, рѣшительно взглядываетъ на товарищей Тѣ дружно подхватываютъ:

Разсказала-бъ я подробно,
Ты побьешь меня больно.
Фіу, фіу, фіу!

Совершенно побагровѣвъ отъ усилія, надсаживается свистунъ потрескавшимися губами. Глаза у него точно хотятъ выскочить, онъ весь въ эту минуту какъ-бы ушелъ въ свое свистанье.

ГЛАВА VI.

Въ Сельви.

Масса различныхъ кушаньевъ, бараны, цѣликомъ зажаренные на огромныхъ противняхъ, гуси, куры подъ разными соусами, разставлены на землѣ въ два ряда; кромѣ того, сосуды съ виномъ, водкой (ракія), молокомъ, груды ячменя и цѣлые стоги сѣна ожидали нашего прибытія.

Наши маленькія силы совершенно потонули въ толпѣ жителей, которые теперь столпились около палатокъ и съ удивленіемъ смотрятъ на насъ. Признаться сказать, это было довольно стѣснительно; казакамъ не лишнее было-бы отдохнуть послѣ десятичасового сидѣнья на лошади. Не довольствуясь тѣмъ, что они смотрятъ издали, они подходятъ даже къ самымъ палаткамъ, приподнимаютъ ихъ и заглядываютъ туда, точно на какую диковинку. Удивленіямъ и восклицаніямъ нѣтъ конца: казакъ, черкесъ! только и слышалось кругомъ.

Прежде всего бросились мы съ Антоновымъ писать донесеніе по начальству. Я-же, кромѣ Тутолмина, долженъ былъ еще донести и Великому Князю. Количество непріятеля мы опредѣлили, по обоюдному согласію, въ 1,500 человѣкъ баши-

бузуковъ и черкесъ. Непріятеля изрублено 20 человѣкъ, съ нашей стороны потеря—1 казакъ и 2 лошади.

Когда стемнѣло, я отправился разставлять ночные посты. Тутъ болгаре опять насмѣшили насъ. Они съ особеннымъ усердіемъ предлагали свои услуги для сторожевой службы, и такъ какъ я согласился взять ихъ, то вслѣдствіе этого на нѣкоторыхъ постахъ оказалось болѣе ста человѣкъ. Не малаго труда стоило втолковать имъ, чтобы они ночью сидѣли смирно, не разговаривали, не курили, а главное, не раскладывали-бы огней. Послѣднее обстоятельство имъ больше всего не нравилось, и когда въ полночь я опять пошелъ провѣрять посты, то болгаре большею частью уже разошлись по домамъ, „да ужинъ право", какъ мнѣ объяснили нѣкоторые изъ оставшихся.

Во все время перестрѣлки, Дмитрій Кара-Ивановъ находился при мнѣ, какъ переводчикъ, и ни на шагъ не отставалъ отъ меня. Въ тотъ-же вечеръ онъ привелъ ко мнѣ своихъ стариковъ родителей и познакомилъ меня съ ними.

Солнце скрылось, пора спать. На этотъ разъ мой Ламакинъ постарался для меня, столько натаскалъ въ палатку свѣжаго душистаго сѣна, что я какъ легъ, такъ сразу и заснулъ, подъ говоръ жителей, безъ умолку тараторившихъ гдѣ-то по близости съ казаками.

Просыпаюсь. Утро. Протираю глаза, смотрю: дверка палатки осторожно открывается и ко мнѣ заглядываетъ улыбающееся лицо болгарина, съ бритымъ подбородкомъ и съ черными усами. Чалму изъ покорности онъ оставилъ за палаткой. Еще вчера этотъ человѣкъ распоряжался нашимъ угощеніемъ и теперь, примѣтя, что я проснулся, радушно спрашиваетъ: Кафе—млеко треба, капитане?

Въ одной рукѣ онъ держитъ на подносикѣ маленькую бѣленькую чашечку, въ другой—закоптѣлый кофейникъ. Не дожидаясь отвѣта, онъ довольно смѣло проползаетъ ко мнѣ въ низенькую палатку на колѣнкахъ, и наливаетъ. Кофе походитъ на какую-то бурду, гущу, въ которой пропасть сахару. За

этимъ болгариномъ начали влѣзать и разсаживаться другія лица, все мои вчерашніе знакомые, всѣ радостные, довольные.

Въ одномъ бешметѣ вышелъ я наконецъ изъ палатки умываться. Передо мной вдали темнѣли Балканы. Высокой стѣной подымались они къ небу и, казалось, хотѣли заслонить остальному міру солнышко. А оно, между тѣмъ, уже выкатилось изъ-за зубчатыхъ вершинъ и кокетливо плыло по багровому небу, точно хвастаясь передъ всѣми своей красотой: посмотрите-дескать, добрые люди, какой я красавецъ, свѣтленькій, хорошенькій, изъ чистаго золота сдѣланъ. Окружающія его пурпуровыя облака какъ будто съ удивленіемъ разступались и давали дорогу, принимая на время его золотистый оттѣнокъ. Вершины горъ тоже смотрѣли какъ-то привѣтливѣе другъ на друга. Вонъ и моя знакомая вершинка, на которую я столько разъ передъ тѣмъ смотрѣлъ и разсчитывалъ, сколько верстъ могло быть до нея, и она тоже казалась веселѣе, и точно здоровалась со мною. Такъ хорошо, такъ пріятно дышалось мнѣ въ эту минуту. Я живо умылся холодной водой, которую Ламакинъ тонкой струей поливалъ мнѣ на руки изъ высокаго мѣднаго кунгана. Кунганъ этотъ онъ, очевидно, гдѣ-то только-что раздобылъ и замѣтно гордился этимъ пріобрѣтеніемъ, зная, что оно не могло быть мнѣ непріятно.

— Гдѣ ты досталъ такой?—спрашиваю его, вытирая раскраснѣвшіяся отъ холода руки болгарскимъ полотенцемъ съ золотымъ шитьемъ.

— Булхаринъ принесъ, ваше благородіе,—грубо отвѣчаетъ тотъ.

— Сколько-же ты заплатилъ ему?

— Что-жъ ему еще платить? Вѣдь не его, турецкая!—И недовольный тѣмъ, что я не похвалилъ его обновку, сердито выплескиваетъ остатки воды на землю, такъ неосторожно, что брызги долетаютъ мнѣ на сапоги, послѣ чего уходитъ къ себѣ въ палатку.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатки, съ непокрытой головой, стоитъ предсѣдатель здѣшняго „градскаго совѣта“, видный мужчина, Иванчу Ангеловъ. Шея его изъ почтенія нѣ-

сколько согнута. Одѣтъ онъ по-европейски, въ черномъ сюртукѣ. Голосъ имѣетъ мягкій, вкрадчивый, манеры деликатныя. Иванчу шопотомъ разговариваетъ съ высокимъ священникомъ, одѣтымъ въ черную широкую рясу; на головѣ у попа черный высокій клобукъ съ уширеннымъ верхомъ. Руки у нихъ обоихъ смиренно сложены на груди. Оба они терпѣливо посматриваютъ на мою палатку и ожидаютъ, когда я покажусь. По близости стоитъ еще нѣсколько человѣкъ; между ними особенно выдается фигура маленькаго вертляваго болгарина, съ короткими щетинистыми усами съ просѣдью. Одѣтъ онъ въ сѣренькій пиджакъ. Звали его Василій Ангеловъ. Его чрезвычайно звонкій голосъ ни на минуту не умолкалъ. Василій Ангеловъ все кричалъ, суетился и спрашивалъ казаковъ: не треба-ли што? и если получалъ въ отвѣтъ: ничего не надо,— то самъ находилъ что-либо нужнымъ. Вотъ уже онъ повелительно кого-то зоветъ, оборотившись къ окружавшей толпѣ: Димитро, Димитро, эйла тука (поди сюда), рѣзко кричитъ онъ, и вытянувъ правую руку, быстро дѣлаетъ знаки кистью руки, чтобы тотъ приблизился. Здоровый высокій Димитро, не торопясь, подходитъ. Одѣтъ онъ въ бѣлую суконную куртку, шаровары такія-же, очень широкія, внизу застегнутыя на подобіе камашъ, какъ у ливрейныхъ лакеевъ. За широкимъ кушакомъ заткнуто, для собственнаго ободренія, нѣсколько ятагановъ, пистолетовъ и ножей. Красная феска на головѣ обмотана полотенцемъ.

Выслушавъ приказаніе начальства, Димитро съ апатичнымъ видомъ снимаетъ свой головной уборъ, достаетъ со дна фески грязный платокъ, обтираетъ потную стриженую голову и затѣмъ быстро отправляется въ городъ исполнять приказаніе.

Я напился кофе и иду взглянуть на городъ. Предсѣдатель, члены „градскаго совѣта“ и еще немалое число людей съ почтеніемъ слѣдуютъ за мной и объясняютъ мнѣ все, что попадалось на пути достопримѣчательнаго.

Дорогой узнаю, что большая часть турецкихъ семействъ въ Сельви, изъ опасенія, чтобы они не присоединились къ

баши-бузукамъ, посажены болгарами подъ арестъ и скованные сидятъ въ подвалахъ „конака“ (такъ называется у нихъ полицейское управленіе). Отправляюсь взглянуть на плѣнниковъ. Оказывается, дѣйствительно, множество турокъ, всевозможныхъ возрастовъ и въ разнообразнѣйшихъ костюмахъ, сидѣли въ подвалахъ, скованные по рукамъ и ногамъ длинными цѣпями. Въ эти цѣпи, незадолго передъ тѣмъ, турки заковывали болгаръ.

Надо было видѣть, съ какимъ злорадствомъ смотрѣли болгаре на плѣнныхъ турокъ. Съ какимъ довольнымъ видомъ они переговаривались между собой и прищелкивали языкомъ. Я взглянулъ на нихъ и иду дальше. Когда я проходилъ узенькимъ переулочкомъ, мимо одного хорошенькаго садика, мои спутники съ значительнымъ видомъ указали мнѣ на домикъ, виднѣвшійся посреди сада, и сообщили, что тутъ живетъ мулла, ихъ главный врагъ и притѣснитель. По ихъ словамъ, всѣ несчастія, постигшія городъ, произошли черезъ этого человѣка. Во время нападеній баши-бузуковъ, мулла, будто-бы, выкидывалъ съ мечети зеленое знамя Магомета, посылалъ нарочныхъ за черкесами и тому подобныя дѣла дѣлалъ. Арестовать-же его никто не рѣшался. Я разсудилъ пока оставить муллу въ покоѣ.

Вездѣ народъ встрѣчалъ меня съ искренней радостью, почти каждый старался добраться до меня и поцѣловать мою руку.

Когда мы шли главной улицей, съ галерейки одного высокаго красиваго дома спустился къ намъ на встрѣчу старикъ болгаринъ. Видъ его мнѣ показался страненъ. Росту онъ былъ довольно высокаго, полный, сутуловатый, лицо давно небритое, такъ что щеки и подбородокъ покрылись короткой, бѣлой, щетинистой бородой. Походка слабая, вялая. Весь видъ болгарина выказывалъ безутѣшное отчаяніе. Въ особенности меня поразили его глаза. Ихъ было почти не видно, до того они прикрывались опухшими вѣками. Старикъ пригласилъ насъ зайти къ нему въ домъ. Здѣсь, за чашкой кофе, хозяинъ разсказалъ мнѣ, что онъ имѣлъ единственнаго сына,

котораго турки, по наущенію того-же самаго муллы, взяли и, неизвѣстно за что, замучили до смерти.

— Еди отъ тогива, азъ плача, плача и не мога да си исплакамъ моитѣ очи (вотъ съ тѣхъ поръ я плачу, плачу и не могу выплакать своихъ очей),—говорилъ онъ, обтирая рукавомъ опухшія вѣки. Во время разговора старикъ всплескивалъ руками и взглядывалъ къ небу. Члены градскаго совѣта сидѣли рядомъ со мною на коврикѣ. Имъ видимо уже наскучили давно извѣстные безконечные вопли и слезы товарища. Съ серьезными лицами они покуривали изъ камышевыхъ мундштучковъ крученыя папироски, попивали кофе изъ маленькихъ чашечекъ и соболѣзненно покачивали головами.

— Ако бы могалъ то съ моитѣ рэци бихъ разскэсалъ този мулла (если-бы могъ, то собственноручно разорвалъ-бы этого муллу),—восклицалъ старикъ, прощаясь со мною.

Мы жили-бы здѣсь весело, если-бы одинъ случай не опечалилъ насъ. Въ сотнѣ Антонова былъ молоденькій офицеръ, не помню хорошо, сотникъ или хорунжій, по фамиліи Гурбановъ, очень добрый, симпатичный. Гурбанова послалъ Антоновъ въ разъѣздъ, кажется съ 10-ю казаками. Въ первомъже селеніи, повидимому совершенно пустомъ, Гурбановъ остановился отдохнуть. Не знаю, выставилъ онъ посты или нѣтъ, только не успѣли казаки хорошенько расположиться, какъ на нихъ напали черкесы. Гурбанова и нѣсколькихъ человѣкъ убили, другіе-же разбѣжались. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ мнѣ потомъ, что онъ спрятался по близости въ кукурузу и слышалъ крики своего командира о помощи, но не выскочилъ, такъ какъ боялся, что его убьютъ.

— Эхъ, ваше благородіе, и кинжальчикъ-то пропалъ, а ножны-то серебряныя были,—съ сокрушеннымъ сердцемъ прибавилъ деньщикъ Гурбанова, разсказывая мнѣ это происшествіе. (Гурбановъ хоть и донецъ былъ, а носилъ въ походѣ кинжалъ на поясѣ). Это происшествіе произвело на нашъ маленькій отрядъ сильное впечатлѣніе и заставило быть осторожнѣе на будущее время.

5-го іюня, рано утромъ, слышу сквозь сонъ какой-то осо-

бенно сильный шумъ, топотъ лошадей, чужіе голоса, разговоры. Кто-то спрашиваетъ: „Такъ вотъ по этой долинѣ и происходили стычки?“ Въ отвѣтъ слышалось: Такъ точно, ваше высокоблагородіе. — „Ну, а вашъ командиръ, сотникъ Верещагинъ, спитъ еще? Поди, усталъ отъ вчерашняго дѣла?“ Мнѣ эти вопросы пришлись очень по вкусу. По нимъ можно было судить, что объ нашемъ дѣлѣ разговаривавшіе имѣли преувеличенное понятіе. Кто-бы это такіе были?—спрашиваю я самъ себя. Заглядываю въ дырочку въ палаткѣ, вижу: — прибыли изъ Тырнова два эскадрона лейбъ-казаковъ и расположились рядомъ съ нашими.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей палатки стоитъ групп офицеровъ, съ которыми я познакомился еще въ главной квартирѣ. Между ними замѣтны щеголеватыя фигуры флигель-адъютанта полковника Жеребкова, командира лейбъ-казаковъ, полковника Орлова—адъютанта главнокомандующаго, и нѣсколько офицеровъ лейбъ-казаковъ. Только что показавшееся солнышко ярко освѣщало ихъ блестящіе мундиры.

Вѣсть о нашей защитѣ города Сельви, очевидно, произвела хорошее впечатлѣніе въ главной квартирѣ и высоко подняла меня съ Антоновымъ во мнѣніи этихъ офицеровъ. Они съ значительнымъ видомъ показывали теперь другъ другу на долину, разстилавшуюся передъ ихъ глазами, разсуждали, спорили между собою и съ нетерпѣніемъ ждали, когда я или Антоновъ покажемся изъ своихъ палатокъ. Наши казаки тоже не ударили въ грязь лицомъ, и разсказывали Богъ знаетъ какія чудеса своей храбрости вновь прибывшимъ товарищамъ. Со стороны донцовъ чаще всего доносилось ихъ любимое выраженіе: „видимо-невидимо“.

Надѣваю черкеску, шашку и направляюсь къ Жеребкову. Какъ онъ, такъ и всѣ остальные офицеры начали поздравлять меня и осыпать вопросами, распрашивали всѣ подробности нашего дѣла. Я-же со своей стороны узналъ, что полковникъ Жеребковъ прибылъ сюда къ намъ на помогу съ двумя эскадронами и двумя орудіями. Кромѣ того, онъ имѣлъ въ виду, если это будетъ возможно, продвинуться дальше и занять го-

родъ Ловчу, находившійся отсюда верстахъ въ 30. Ловча соединялась съ Сельви тѣмъ самымъ шоссе, по которому мы столько разъ гонялись, отбивая баши-бузуковъ.

Еще дня за два до прихода лейбъ-казаковъ, къ намъ подоспѣла на помощь сотня 30-го донскаго полка, подъ начальствомъ есаула Аѳанасьева. Въ первой-же стычкѣ съ черкасами онъ былъ раненъ шашкой въ лобъ. Поэтому, когда мы тронулись къ Ловчѣ, Аѳанасьевъ съ сотнею остался караулить Сельви.

Сельви.

ГЛАВА VII.

Занятіе Ловчи.

Мы выступили къ Ловчѣ съ пѣснями рано утромъ. Верстахъ въ двѣнадцати за деревней Акинджеляръ встрѣтили мы первыхъ баши-бузуковъ, и погнались за ними. Помню, скачу я вправо отъ шоссе, по лѣсистой мѣстности, покрытой густой травой. Казаки всѣ куда-то разскакались, со мной нѣтъ никого. Въ такія минуты всегда чувствуешь себя какъ-то скверно, неловко; хоть-бы одинъ человѣкъ былъ позади меня, и то уже гораздо было-бы лучше, смѣлѣе. Продолжаю нестись, смотрю, впереди за деревьями мелкнуло нѣсколько согнутыхъ фигуръ донцовъ. Привставши на стременахъ, съ пиками въ рукахъ, неслись они.

— Вонъ, вонъ гдѣ, ваше благородіе, баши-бузукъ,—кричитъ мнѣ съ остервенѣніемъ одинъ изъ нихъ. Глаза его выпучены, длинные волосы развѣваются по вѣтру. Я скачу за ними и внезапно натыкаюсь на турка, сидящаго подъ деревомъ. Донцы не примѣтили его и пронеслись дальше. Это былъ еще молодой человѣкъ, очень смуглый, съ черными усами, глаза тоже черные, какъ угли. Онъ былъ совершенно измученъ отъ усталости, опершись лѣвой рукой о землю, въ правой держалъ пистолетъ, который направилъ на меня.

Глаза его въ эту минуту выражали рѣшимость и въ то-же время страданіе.

Увидавъ турка, въ первое мгновеніе я какъ-будто оцѣпенѣлъ отъ неожиданности и до того забылся, что какъ сумасшедшій началъ кричать: Здѣсь, здѣсь, вотъ онъ гдѣ! Въ тоже время замахиваюсь на него плетью, вмѣсто шашки. Затѣмъ, когда уже опомнился, выхватилъ шашку и нанесъ ударъ по плечу. А такъ какъ рубить человѣка мнѣ пришлось въ первый разъ въ жизни, къ тому-же вѣтви дерева не давали размахнуться, то и ударъ мой вышелъ слабый, неумѣлый, и едва-едва прорубилъ на непріятелѣ толстую, синюю куртку. Турокъ продолжалъ тяжело дышать и цѣлить изъ пистолета, который, вѣроятно, уже былъ разряженъ.

Странное чувство испытывалъ я, когда наносилъ ударъ. Совѣсть шептала мнѣ: брось, оставь, не руби, возьми лучше въ плѣнъ, срамъ рубить лежачаго. Но другое чувство, болѣе черствое, старалось заглушить первое. Пока я рубилъ турка, слышу позади себя крики: ваше благородіе, пожалуйте впередъ, мы съ нимъ уже тутъ раздѣлаемся! Смотрю, подскакиваютъ тѣ донцы, которые за минуту передъ тѣмъ мелкнули мимо меня. Я предоставилъ имъ распорядиться съ туркомъ, а самъ поскакалъ дальше.

Мы подвигались медленно, осторожно, опасаясь наткнуться на засаду. Часовъ около четырехъ вечера въѣхали на гору, откуда была видна Ловча. Артиллерія начала стрѣлять черезъ городъ, по какимъ-то удалявшимся повозкамъ, принявъ ихъ за войсковые фургоны. Въ одну изъ нихъ снарядъ попалъ, и, какъ впослѣдствіи оказалось, подшибъ ѣхавшую въ ней женщину съ дѣтьми.

Ловча была занята безъ боя. Войскъ въ ней не оказалось. Жителей турокъ тоже не было, они заранѣе оставили городъ. Нѣсколько сотъ болгарскихъ семействъ, со священникомъ или какъ у болгаръ называется—„попи" во главѣ, вышли къ намъ навстрѣчу.

Городъ Ловча расположенъ на самомъ берегу рѣки Осьмы, у подножія горъ. Мы взошли въ городъ и расположились ла-

геремъ на противуположномъ концѣ. Здѣсь священникъ отслужилъ благодарственный молебенъ, послѣ чего жители начали угощать насъ чѣмъ только могли. Пированіе продолжалось далеко за полночь. На другой день, утромъ, мы простились съ гостепріимными хозяевами и оставили, для охраны Ловчи, Антонова съ сотней.

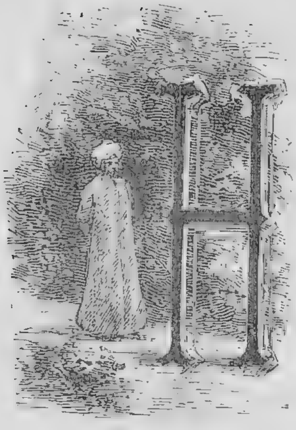
Недолго Антоновъ охранялъ городъ. Хотя мы и неоднократно доносили въ главную квартиру, что необходимо занять Ловчу серьезными силами, но силы не приходили. И вотъ, въ одно прекрасное утро, какъ разсказывалъ мнѣ офицеръ сотни Антонова, подлѣ ихъ палатокъ шлепается граната и разрывается; за ней вторая. Третьей казаки предпочли не дожидаться, скорѣй на лошадей и маршъ-маршъ назадъ. Да и что-же оставалось дѣлать сотнѣ? Не могла-же она бороться съ нѣсколькими батальонами пѣхоты и съ артиллеріей.

Ловчу непріятель занялъ. Жителей болгаръ заставилъ рыть укрѣпленія; тѣхъ-же, которые изъявили наибольшую радость при нашемъ вступленіи, лишили жизни; въ томъ числѣ поплатился и попъ, за то, что служилъ намъ молебенъ.

7-го іюля вечеромъ мы были обратно въ Сельви.

VIII.

Казнь муллы.



На другой день, утромъ, представители города, члены „градскаго совѣта“, въ томъ числѣ и Иванчу Ангеловъ, собрались къ Жеребкову, съ жалобой на муллу и еще на нѣкоторыхъ изъ вліятельнѣйшихъ жителей турокъ. Всѣ они разсказывали такіе ужасы, обвиняли турокъ въ такихъ жестокостяхъ, что Жеребковъ рѣшилъ немедленно-же судить этихъ людей военнымъ судомъ. На мою долю выпало сходить привести муллу.

Отправляюсь въ сопровожденіи нѣсколькихъ болгаръ и казаковъ. Муллу мы нашли разгуливающимъ въ своемъ саду. Это былъ средняго роста, широкоплечій, пожилой мужчина, съ жиденькой черной бородой. Глаза имѣлъ тоже черные, взглядъ чрезвычайно живой. Лицо у него было шафраннаго цвѣта, щеки мягкія, отвисшія. Руки бѣлыя, нѣжныя, очевидно не привыкшія ни къ какой грубой работѣ. На немъ было надѣто нѣчто въ родѣ мантіи кофейнаго цвѣта, на головѣ бѣлая чалма, обтянутая зеленой кисеей.

Мулла издали завидѣлъ насъ и тихонько скрылся въ свои покои. Онъ смѣтилъ, что къ нему идутъ гости непрошенные. Мы за нимъ въ домъ, поднимаемся по ступенямъ малень-

кой лѣстницы. Я одинъ вхожу въ первую комнату, очень чистенькую, полъ покрытъ красивыми цыновками, и здѣсь встрѣчаю хозяина, съ четками въ рукахъ. Ни во взглядѣ его, ни въ движеніяхъ, незамѣтно было и тѣни страха; лицо ему не измѣняло. Мулла проситъ меня сѣсть на низенькій диванчикъ, покрытый коврикомъ; я-же, въ свою очередь, прошу его слѣдовать за мной. Тотъ безъ разговоровъ слѣдуетъ. Мы выходимъ. Въ эту минуту дверь на заднюю половину дома отворяется, и оттуда съ крикомъ и воплемъ высыпаетъ пять или шесть женщинъ. Лица ихъ до половины закрыты бѣлыми чадрами. Онѣ съ плачемъ и воемъ бросаются къ муллѣ и начинаютъ съ нимъ прощаться и обнимать колѣни. Мулла и тутъ не измѣняетъ себѣ; тихо, величественно прощается съ своими женами и уговариваетъ ихъ успокоиться.

При выходѣ изъ дому, одинъ изъ моихъ спутниковъ болгаръ указалъ мнѣ на трость съ мѣдной рукояткой, стоявшую въ комнатѣ муллы. Рукоятка палки имѣла одинъ конецъ въ видѣ клюва, другой—въ формѣ молотка. По словамъ болгарина, эта палка была извѣстна всему городу, такъ какъ мулла никогда съ ней не разставался и колотилъ ею болгаръ, праваго и виноватаго. Я беру палку, чтобы показать ее Жеребкову. Огромная толпа народу пристаетъ къ намъ по дорогѣ къ лагерю. Всѣ они кричатъ, радуются и указываютъ кто на палку, кто на муллу.

Жеребковъ съ нѣсколькими офицерами, членами временнаго военнаго суда, уже ожидали насъ въ просторной палаткѣ, сидя на разостланныхъ буркахъ. Предъ ними, при входѣ, сидѣлъ поджавши ноги, пожилой смуглый турокъ, очень почтенный на видъ, въ богатомъ пестромъ халатѣ. Его манеры и степенность доказывали, что онъ принадлежалъ къ высшему кругу. Это былъ тоже обвиняемый.

Муллу просятъ сѣсть поближе къ офицерамъ, какъ почетнѣйшаго.

Переводчикъ Ульяновъ начинаетъ муллѣ объяснять, въ чемъ онъ обвиняется, задаетъ ему вопросы. Мулла на все отвѣчаетъ тихимъ, глухимъ гортаннымъ голосомъ: эокъ, эфенди

(нѣтъ, князь). При этомъ поднимаетъ глаза къ небу и говоритъ: Алла верды! (Божья воля). Въ то-же время лѣвой рукой перебираетъ четки, правую-же, для пущаго доказательства, прижимаетъ къ сердцу. Но судьба его уже была рѣшена.

Поговоривъ немного съ офицерами, Жеребковъ приказываетъ казаку, который стоялъ за спиной муллы, увести того. Казакъ слегка трогаетъ подсудимаго за плечо и грубо говоритъ ему: эй, мулла, геть (пойдемъ)!

Мулла безпомощно озирается и никого не видитъ, кто-бы могъ защитить его. Искра надежды, мелькавшая еще въ глазахъ, начинаетъ покидать его. Шафранное лицо судорожно искажается. Не смотря на все это, онъ не теряетъ достоинства, гордо приподнимается, идетъ за казакомъ, и дорогой шепчетъ молитву. Слова: Алла, Алла, можно ясно разобрать по движенію его губъ. Муллу отводятъ шаговъ за тридцать отъ лагеря, ставятъ къ телеграфному столбу, даже не привязываютъ, а только покрываютъ голову бѣлымъ полотенцемъ. Губы осужденнаго все еще продолжаютъ шептать молитву. Офицеръ командуетъ взводу: „пли". Залпъ раздается— мулла мгновенно вздрагиваетъ всѣми суставами, и затѣмъ его тѣло, свихнувшись на бокъ, медленно спускается вдоль столба на землю, безсильно подогнувъ колѣни.

Въ эту самую минуту, изъ толпы жителей, безмолвно смотрѣвшихъ на казнь, бросается ко мнѣ пожилой болгаринъ, снимаетъ чалму и жалобно начинаетъ о чемъ-то умолять, цѣлуетъ мои руки, полы черкески и тащитъ къ трупу.

Первоначально я было подумалъ, ужъ не родственникъ-ли онъ будетъ убитому. Но когда болгаринъ закричалъ: Има хубови сахатъ; моля-ти, да гозема,—я понялъ, что этотъ человѣкъ просилъ позволенія снять съ муллы часы-луковицу, которые у того торчали изъ-за кушака, на длинной серебряной цѣпочкѣ. Невыразимо гадокъ показался мнѣ этотъ болгаринъ.

Я замахнулся на него плетью, а тому хоть-бы что, прикрылъ ладонями свою бритую голову и продолжалъ приставать ко мнѣ до тѣхъ поръ, пока трупъ муллы не зарыли.

Послѣ муллы тотчасъ-же принялись за старика турка. Его положеніе было самое ужасное. Ему пришлось слышать и видѣть, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него разстрѣливали самаго уважаемаго имъ человѣка. Въ противоположность муллѣ, старикъ совершенно потерялъ всякое самообладаніе. Казнь-ли муллы на него такъ подѣйствовала, или вообще его нервы были слабѣе, только когда казакъ сталъ его звать, то онъ уже не могъ самъ подняться, пришлось вести подъ руки. Боже мой, какъ онъ просилъ, какъ умолялъ о прощеніи,—все напрасно. Залпъ вторично раздался, и черезъ нѣсколько минутъ подлѣ могилы муллы образовалась другая могила. Болгаре постояли, потолковали, почесали затылки и разошлись.

ГЛАВА IX.

Поѣздка съ казаками въ Острецъ.

Какъ-то послѣ обѣда сижу въ своей палаткѣ и разбираюсь въ грудѣ турецкаго и болгарскаго тряпья, которое наканунѣ принесъ мой Ларинъ. Гдѣ ужъ Ларинъ досталъ эти вещи, Богъ его знаетъ. Между дрянью тутъ были и очень хорошія вещи, въ особенности женскія шелковыя рубахи, тонкія, какъ паутина, съ золотымъ шитьемъ. Затѣмъ была пропасть полотенецъ, съ вышивками всевозможныхъ узоровъ.—Вотъ, думаю, какъ обрадуется мой пріятель Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, если я привезу ему этихъ вышивокъ, какъ начнетъ восклицать: „Чудесно, прекрасно, великолѣпно!“ Съ кѣмъ-бы только посовѣтоваться, которыя изъ нихъ пооригинальнѣе, поинтереснѣе? Антонова спрашивать не стоитъ; тому вышивки не интересны, ему лишь-бы полотно хорошо было. Пока такъ сижу и раздумываю, подходитъ мой приказный Панчохъ и останавливается около меня.

— Что скажешь? — спрашиваю я.

— Ваше благородіе, вотъ гдѣ, говорятъ, кони-то есть, этта не такъ далече, верстъ 30 всего, — объявляетъ тотъ и показываетъ рукой къ тѣмъ горамъ, откуда появлялись баши-

бузуки. По лицу Панчоха сразу было замѣтно, что онъ пронюхалъ что-то хорошее.

— Кто тебѣ сказалъ?—спрашиваю я.

— Димитрій (Кара Ивановъ) сказывалъ. Тамъ, говоритъ, турокъ много; оружіе у нихъ отобрать надо,—непокорные!

При этихъ словахъ лицо Панчоха дѣлается довольнымъ. Онъ ничего такъ не любилъ, какъ ѣздить по турецкимъ селеніямъ и отбирать оружіе. Признаться сказать, я тоже очень любилъ этимъ заниматься, и почти изъ тѣхъ-же самыхъ видовъ. Казаки надѣялись „при семъ удобномъ случаѣ“ поживиться чѣмъ-нибудь цѣннымъ: деньгами, украшеніями, а я жаждалъ коня себѣ добыть, настоящаго арабскаго, и хотя у меня уже стояло по конюшнямъ въ Сельви около десятка лошадей различной масти и качествъ, но при этой новой вѣсти сердце мое затрепетало, и я началъ распрашивать Панчоха, гдѣ находятся лошади, у кого, далеко-ли селеніе и т. п.

— Селеніе, ваше благородіе, большое. Только туды уже съ утра надо, пораньше, а то засвѣтло не поспѣть воротиться,—отвѣчаетъ онъ. Я передаю этотъ разговоръ Жеребкову, какъ своему временному начальнику, причемъ добавляю, что мнѣ лично приказано обезоруживать турецкія селенія. Кромѣ того, прибавляю, что передъ моимъ отправленіемъ изъ Тырнова мнѣ поручено прислать туда, если попадутся, хорошихъ кобылу и жеребца. Поэтому,—говорю Жеребкову,—мое мнѣніе—такой случай упускать не надо, а тамъ какъ знаете!

Жеребковъ вполнѣ соглашается, и моя поѣздка назначается на завтра. Въ конвоѣ ѣдетъ 10 человѣкъ моихъ и 10 лейбъ-казаковъ.

На другой день, только-что солнышко стало показываться изъ-за горъ, мы уже сидѣли на лошадяхъ и трогались въ путь на юго-западъ отъ Сельви. Сначала ѣдемъ долиной, затѣмъ въѣзжаемъ въ лѣсистыя возвышенности. Дорога становится все живописнѣе. Что за роскошныя мѣста здѣсь! Какое богатство травъ, зелени, фруктовъ! Какіе лѣса, какія пастбища! Право, еслибы не видѣлъ собственными глазами,

такъ не повѣрилъ-бы. Вотъ идетъ широкое ущелье; по зеленому дну его, точно громадные лебеди, разгуливаютъ бѣлые волы въ тучной травѣ. Животныя, очевидно, уже совершенно сыты. Завидя насъ, они лѣниво поворачиваютъ красивыя морды въ нашу сторону, тревожно настораживаютъ уши, нюхаютъ воздухъ черными влажными переносьями, и удивленно смотрятъ.

— Что за прелестная скотина, такой еще мнѣ нигдѣ въ Россіи не приходилось видѣть!—разсуждаю я. — А гулять-то ей какъ хорошо: ни комара, ни мухи; тѣни—сколько угодно подъ каждымъ деревомъ; вода съ горъ течетъ ручьями въ изобиліи.

Часа три ѣдемъ не слѣзая; становится жарко. Около блестящаго ручейка дѣлаемъ отдыхъ на полчаса, и затѣмъ ѣдемъ дальше. Проводники болгаре начинаютъ поговаривать: тука недалеко, братику, има три садъ (тутъ не далеко, братецъ, всего три часа), т. е. 18 верстъ, да ѣхали мы три часа; выходитъ до Остреца, считая 6 верстъ въ часъ, такъ какъ дорога была гористая, всего 36 верстъ.—Хорошо, что мы такъ рано выѣхали! — подумалъ я. Проѣхавъ еще около полутора часа, встрѣчаемъ нѣсколько верховыхъ болгаръ, жителей Острeца, на маленькихъ плохенькихъ лошаденкахъ. Они присоединяются къ намъ и ѣдутъ рядомъ со мной. Отъ нихъ узнаемъ, что Острецъ очень большое селеніе; въ немъ живетъ нѣсколько сотъ турецкихъ семействъ и есть богатые турки.

— Има кони, има оружіе, има парички, има сичко, сичко има (они имѣютъ лошадей, оружіе, деньги, имѣютъ все, все имѣютъ), нашептываютъ мнѣ спутники, значительно кивая головами и дѣлая знаки по направленію своего селенія. Хотя, конечно, мнѣ очень хотѣлось достать знаменитыхъ коней, но въ то-же время меня начинаетъ брать сомнѣніе. А какъ да турки встрѣтятъ огнемъ или устроятъ засаду? Вѣдь насъ и всего-то 20 человѣкъ. Примѣръ съ сотникомъ Гурбановымъ давно-ли былъ!.. При этой мысли, я исподтишка оглядываюсь на свое воинство и не совсѣмъ-то спокойнымъ голосомъ спрашиваю болгаръ:

— Ну, какъ-же вы думаете, отдадутъ вамъ турки свое оружіе?

— Не вѣмы, капитане, не вѣмы! (не знаемъ),—отвѣчаютъ тѣ, робко снимаютъ чалмы, прикладываютъ къ груди и кланяются мнѣ, насколько позволяютъ сѣдло и шея лошади. Они замѣтно боятся прогнѣвить меня своимъ отвѣтомъ. Въ это время передовые всадники-болгаре радостно кричатъ:

— Эгэ-э-э, Острецъ!—Они заскакали немного впередъ и, въѣхавъ на небольшой бугорокъ, весело указываютъ теперь на селеніе.

Мѣстность здѣсь идетъ довольно песчаная. Селеніе лежитъ въ небольшой котловинѣ и защищается отъ вѣтровъ возвышенностями со всѣхъ сторонъ. Еще издали мы увидали пеструю толпу жителей, вышедшую къ намъ на встрѣчу. Освѣщенная яркимъ солнцемъ, толпа раздѣлилась на двѣ половины; по правую сторону дороги сразу можно отличить турокъ, по ихъ характернымъ бѣлымъ разноцвѣтнымъ чалмамъ, а также по длиннымъ халатамъ, преимущественно коричневаго и желтаго цвѣта. Халаты, должно быть, надѣваютъ не всѣ турки, такъ какъ вонъ позади толпы замѣтны фигуры безъ халатовъ, въ коротенькихъ цвѣтныхъ курткахъ. Влѣво отъ дороги расположились болгаре. Ихъ толпа гораздо мельче и скромнѣе; пестрыхъ цвѣтовъ въ одеждѣ здѣсь не видно. Во главѣ ихъ стоитъ попъ, въ черной рясѣ и высокой черной шляпѣ. Болгаре, изъ почтенія, стоятъ съ непокрытыми головами, туркамъ-же законъ не дозволяетъ снимать чалмы. И тѣ, и другіе безмолвно ожидали насъ. Между турками, прежде всѣхъ замѣтенъ мулла, по его осанкѣ и степенному виду; за нимъ виднѣлись старики, какъ почтеннѣйшіе жители.

Подъѣзжаемъ сначала къ болгарамъ. Слѣзай! командую я, и начинаемъ здороваться, сначала, конечно, съ попомъ. Болгаре здороваются на турецкій манеръ, берутъ наши руки и прижимаютъ къ сердцу, потомъ ко лбу. Отъ болгаръ переходимъ къ туркамъ. Лицо здѣшняго муллы, какъ и сельвинскаго, очень мнѣ понравилось, такое-же умное, серьезное.

Глаза черные, впалые, выразительные. Голосъ его нѣсколько гортанный, но ясный, спокойный, внушающій довѣріе. Мулла былъ невысокаго роста, худощавый; манеры имѣлъ тихія.

Всѣ турки замѣтно относились къ нему съ большимъ уваженіемъ.

— Вотъ,—думается мнѣ,—какъ здѣсь турки смотрятъ на своихъ поповъ, не такъ какъ у насъ въ Россіи, гдѣ прихожане, иной разъ, чуть не въ рукопашную готовы пуститься со своими пастырями!

Турокъ въ Острецѣ несравненно болѣе, чѣмъ болгаръ, а потому хоть насъ и мирно встрѣчаютъ, разсуждаю я, но всетаки намъ не мѣшаетъ быть осторожными, въ особенности, когда находишься въ 30 верстахъ отъ своихъ. Печальный случай съ Гурбановымъ не выходилъ изъ моей головы.

По совѣту тѣхъ-же Ларина и Панчоха, я приказываю отдѣлиться отъ толпы муллѣ и шестерымъ почетнѣйшимъ старикамъ, и ставлю къ нимъ пять казаковъ, съ ружьями наготовѣ. Турки спокойно отходятъ въ сторону и безмолвно ждутъ, что съ ними будетъ дальше. Казаки ихъ окружаютъ и вынимаютъ изъ чехловъ ружья. Эти турки должны были составлять залогъ на случай какого либо нападенія на насъ.

Въ селеніе я не ѣду, а подзываю переводчика Димитрія и прошу его перевести муллѣ слѣдующее: всѣ жители Остреца должны немедленно снести сюда, ко мнѣ, какое у нихъ есть оружіе; если-же я потомъ найду хоть одну сломанную шашку или пистолетъ, то хозяинъ будетъ разстрѣлянъ, а домъ сожженъ.

Мулла спокойно выслушиваетъ и затѣмъ громкимъ, отчетливымъ голосомъ передаетъ слово въ слово собравшейся толпѣ. Быстро разбѣгаются жители, какъ старики, такъ и малые ребята, по своимъ домамъ. Начинается стаскиваніе оружія. Пять арбъ. запряженныхъ, каждая, парою большихъ черныхъ буйволовъ, до верху нагружаются всевозможнымъ оружіемъ. Какихъ только ружей здѣсь нѣтъ! И длинныхъ-длинныхъ съ дамаскированными стволами, украшенныхъ золотою насѣчкою, и дотого коротенькихъ, что только однѣ ложи, толстыя-

претолстыя, виднѣются, раздѣланныя блестящимъ цвѣтнымъ перламутромъ. Масса ятагановъ, шашекъ. Есть и съ серебряными рукоятками, и изъ слоновой кости, съ бирюзой, кораллами, яхонтами и разными другими украшеніями. Кромѣ того, множество пистолетовъ и худыхъ, и хорошихъ.

Болгаре тѣснятся вокругъ оружія и пожираютъ его глазами. Имъ, очевидно, очень хотѣлось-бы подѣлить все это добро.

Черезъ часъ, не больше, мулла объявляетъ, что приказаніе исполнено.

Въ отвѣтъ на это я велю Димитрію напомнить, что самъ лично отправлюсь провѣрить его слова.

Мулла посылаетъ нѣсколько оборванныхъ турокъ кричать по селенію, чтобы жители сносили все оружіе безъ остатка. Крикуны бѣгутъ и начинаютъ кричать. Ихъ крики походятъ на какое-то завываніе, и въ окружающей тишинѣ, да еще въ чужой, незнакомой мѣстности, гдѣ за каждой горкой могутъ скрываться враги, дѣйствуютъ на насъ очень непріятно.

Солнышко на закатѣ, ѣхать давно пора, а наше дѣло, между тѣмъ, еще не кончено. Крикуны, стоя на плоскихъ крышахъ, въ разныхъ концахъ селенія, орутъ немилосердно, задравъ головы. Я уже начинаю раскаяваться, что велѣлъ кричать!—Далеко, да и не по нашему, не разберешь, можетъ къ оружію призываютъ или засаду готовятъ!

Наконецъ, мулла подходитъ ко мнѣ и потверждаетъ, что оружіе снесено все. Тогда я приступаю къ главной цѣли моей поѣздки и прошу Димитрія перевести ему слѣдующее:

— Мнѣ нужны хорошія лошади; а такъ какъ я знаю, что у кого-то изъ здѣшнихъ жителей таковыя есть, поэтому пусть тотъ немедленно-же приведетъ ихъ сюда. Мулла сразу догадывается, о комъ идетъ рѣчь, обращается къ высокому широкоплечему, уже пожилому турку, съ круглой бородой, одѣтому въ желтый халатъ съ пунцовыми полосками, и что-то говоритъ ему. Турокъ прикладываетъ руку къ сердцу и направляется въ селеніе. Панчохъ съ Гасюкомъ ужъ тутъ какъ тутъ, готовы, точно шакалы на падаль, вскакиваютъ на лошадей и верхами слѣдуютъ за старикомъ. За ними бѣгутъ

ребятишки, подпрыгивая и обгоняя другъ друга. Одѣты они въ пестрыя куртки и широкія шаровары; на головахъ маленькія фески.

Минутъ черезъ десять, видимъ, показывается изъ селенія процессія. Впереди всѣхъ молодой парень турокъ, румяный, съ черными усиками, очень красивый, въ курткѣ изъ зеленоватаго ситца съ цвѣточками, въ синихъ шароварахъ и въ широкихъ башмакахъ на босу ногу, ведетъ на короткомъ поводу темно-сѣрую кобылу. Лошадь небольшого росту, очень дикая, какъ змѣя, извивается въ разныя стороны; она испуганно водитъ ушами, фыркаетъ и безпрестанно пробуетъ вырваться изъ рукъ оробѣлаго турченка. Старикъ хозяинъ, угрюмый, слѣдуетъ за лошадью и останавливается передъ нами. Лошадь красавица; мордочка сухая, жилки такъ всѣ и видны; глаза на выкатѣ, ножки стройныя, сухія, грудь широкая, спина прямая, задъ тоже широкій, круглый. Все въ ней доказывало породистость, силу и быстроту. Я приказываю немедленно осѣдлать ее моимъ сѣдломъ. За этой лошадью приводятъ еще двухъ, одну кобылу рыжую, тоже очень красивую, но уже старую, и караковаго жеребца, молоденькаго, лѣтъ трехъ. Эти обѣ лошади хоть и хороши, но гдѣ-же имъ равняться съ сѣрой! Тѣмъ не менѣе, я приказываю казакамъ взять и ихъ.

— Ну, теперь, думаю, можно и домой ѣхать, и направляюсь къ своему новому коню. Въ это самое время, сквозь толпу пробивается нѣсколько женщинъ, одѣтыхъ въ черные капюшоны, лица завязаны бѣлыми чадрами. Онѣ бросаются къ сѣрой кобылѣ, покрываютъ поцѣлуями ея морду, шею, грудь, спину, копыта и до тѣхъ поръ продолжаютъ ласкать ее, пока я не кричу людямъ: садись!

Солнце на половину закатилось, когда мы тронулись въ обратный путь. Отъѣхавъ съ полверсты, оглядываюсь назадъ, вижу, толпа все еще стоитъ и, точно прикованная, смотритъ, какъ мы удаляемся. Впереди всѣхъ выдѣляются женщины въ своихъ черныхъ длинныхъ одеждахъ, съ бѣлыми покрывалами на лицахъ.

— Что-то весь этотъ народъ думаетъ объ насъ?—разсуждаю я. Разбойники—молъ, да и только; пришли, ограбили и ушли.

Въ это время слышу позади себя восклицанія казаковъ:

— Эхъ, да и кобыла хороша!—толкуютъ они въ полголоса, глядя на мою новую лошадь. И дѣйствительно, было на что посмотрѣть. Лошадь, казалось, сѣдока совсѣмъ на себѣ не чувствовала, до того легко ступала по землѣ. Сидѣть на ней приходилось крѣпко, дремать некогда, того и гляди вылетишь изъ сѣдла. Послѣ моей прежней лошади, на этой было не такъ спокойно ѣхать, или, проще сказать, я трусилъ немного, въ особенности когда замѣтилъ, что она рѣшительно не умѣетъ переходить маленькіе мостики и канавы, а старается перескочить ихъ.

Вонъ впереди мостикъ. Подъѣзжаю ближе, лошадь все уменьшаетъ и уменьшаетъ шагъ, не смотря на то, что я слегка подталкиваю ее ногой. Затѣмъ она начинаетъ дрожать, прижимаетъ уши, сбираетъ спину.

— Сидите, ваше благородіе,—слышу крикъ Димитрія Кара-Иванова. Вслѣдъ за этимъ крикомъ, лошадь дѣлаетъ прыжокъ, да такой, что я едва-едва не лечу черезъ голову. „Го-го-го“, подсмѣиваются сзади казаки. Не смотря на это, я все-таки ласково треплю лошадь по шеѣ, и съ любовью расправляю ея тонкую, жиденькую сѣдую гривку.

Сейчасъ позади меня ѣдутъ мулла и шестеро турокъ заложниковъ. Я рѣшилъ ихъ отпустить только тогда, когда проѣдемъ горы. Назадъ ѣхать кажется намъ гораздо дальше и скучнѣе. Всего того, чѣмъ мы такъ интересовались и любовались днемъ, теперь не видно. Ѣдемъ съ предосторожностями: впереди, саженей съ сотню, ѣдутъ четыре казака, да по сторонамъ столько-же. Разговоровъ не слышно, лица у всѣхъ не такія веселыя и беззаботныя, какъ днемъ. Въ ночной тишинѣ только и раздается, что топотъ лошадей, да скрипъ арбъ. Этотъ однообразный шумъ изрѣдка нарушаютъ крики погонщиковъ турокъ.

О-о-о!—понукаютъ они огромныхъ буйволовъ, которые въ темнотѣ кажутся еще больше. Вытянувъ морщинистыя морды съ маленькими глазками, животныя лѣниво переступаютъ съ ноги на ногу.

— О-о-о, и-и!—что-то ужъ особенно сердито кричитъ пе-

редовой погонщикъ, и съ азартомъ тычетъ палкой въ бокъ праваго буйвола за то, что тотъ неакуратно затащилъ арбу на косогоръ. Буйволъ въ свою очередь сердится, нагибаетъ голову книзу, упрямо крутитъ, точно прижатыми къ шеѣ рогами, и разомъ наваливается широкой грудью въ гладкое ярмо. Лѣвый буйволъ, чтобы избѣжать непріятныхъ тычковъ, дружно помогаетъ вытащить арбу на настоящую дорогу. Послѣ того, они оба переходятъ въ свой прежній шагъ и лѣниво идутъ, самодовольно помахивая длинными мускулистыми хвостами.

Какъ только горы миновали, мы отпустили заложниковъ.

Въ лагерь пріѣхали мы уже за полночь. Прежде, чѣмъ лечь спать, я долго возился съ лошадьми, самъ проводилъ арбы съ оружіемъ въ городской конакъ, приставилъ къ нимъ часовыхъ изъ болгаръ, и только тогда пришелъ къ себѣ въ палатку и счастливый заснулъ.

На утро, иду въ городской конакъ провѣдать оружіе, и что-же нахожу? Часовой болгаринъ стоитъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ я поставилъ его наканунѣ, комично уперевъ ложе кремневаго ружья въ свой животъ и прехладнокровно на меня смотритъ. Оружія, что я вчера привезъ, и слѣда нѣтъ.

— Это что такое? Гдѣ-же все оружіе? — съ удивленіемъ спрашивалъ я.

— Нѐма, капитане, нѐма; моля ти (умоляю), — жалобно кричитъ тотъ и защищаетъ лицо ладонью, боясь, чтобы я не ударилъ. Затѣмъ объясняетъ, что городскіе жители, какъ только узнали объ оружіи, толпой набросились и моментально все расхватали, онъ-же не посмѣлъ имъ препятствовать. Такъ я и не попользовался оружіемъ.

ГЛАВА X.

У Булгаренскаго моста.

Около полудня пріѣхали въ Сельви изъ Тырнова три офицера изъ главной квартиры: поручикъ Непокойчицкій, ротмистръ Максимовичъ и поручикъ Джонсонъ. Они присланы были съ тѣмъ, чтобы я ихъ проводилъ со своей полусотней въ кавказскую бригаду къ Тутолмину.

Въ тотъ-же день, вечеромъ, пріѣхалъ изъ бригады мой сотенный командиръ съ 1-й полусотней. Мы очень дружно обнялись съ нимъ и поцѣловались, хотя изъ разговоровъ замѣтно было, что Павелъ Ивановичъ завидовалъ моей удачной командировкѣ.

— Ну, что-жь, коня мнѣ достали? — говорилъ онъ въ тотъ-же вечеръ, сидя у меня въ палаткѣ и попивая чай съ блюдечка.

— Досталъ-было двухъ, да одну отправилъ въ Тырновъ, а другую Жеребкову подарилъ,—объясняю ему, хотя въ дѣйствительности у меня было еще три лошади, очень порядочныхъ, но мнѣ сильно не хотѣлось съ ними разставаться.

— Эхъ, хорошъ офицеръ, жалѣетъ лошади своему сотенному командиру, — ворчитъ на это Павелъ Ивановичъ, и съ тѣхъ поръ онъ началъ коситься на меня. Отъ него-же я

узналъ, что наша бригада находилась недалеко отъ Булгаренскаго моста.

Рано утромъ отправляюсь съ полусотней, ближайшей дорогой черезъ возвышенности, провожать посланныхъ изъ главной квартиры. Эту дорогу мнѣ указали болгары, и ею значительно сокращался путь. Одновременно со мной выступилъ обратно въ Тырново и Жеребковъ съ лейбъ-казаками. Караулить Сельви остался Павелъ Ивановичъ съ 1-й полусотней, и пробылъ тамъ нѣсколько дней, пока не былъ замѣщенъ другой сотней.

Часовъ въ одиннадцать утра дѣлаемъ привалъ въ брошенномъ турецкомъ селеніи Юру-Клеръ. Селеніе это очень большое. Только-что мы слѣзли съ лошадей, чтобы отдохнуть, вижу, поручикъ Непокойчицкій ѣдетъ съ казакомъ осматривать селеніе. Мнѣ тогда-же мелькнуло въ головѣ: чего ему тамъ нужно ѣздить?.. Еще нарвется на какого-нибудь башибузука, ранятъ,—отвѣчай тогда за него! И дѣйствительно, не прошло 10 минутъ, слышимъ выстрѣлъ, поднимается тревога. Что такое? У Непокойчицкаго казака ранили. Оказывается, поручикъ вздумалъ войти въ одну хату, и хорошо еще, что не самъ первый пошелъ, а послалъ казака; тотъ осторожно входитъ съ винтовкой въ рукахъ, какъ вдругъ на него бросается турокъ и ранитъ шашкой въ руку. Казакъ не потерялся и успѣлъ застрѣлить турка.

Въ бригаду мы пріѣхали рано утромъ. Товарищи встрѣтили меня чрезвычайно радостно, тѣмъ болѣе, что въ полку уже были получены отъ великаго князя шесть георгіевскихъ крестовъ на мою полусотню, за защиту Сельви. Здѣсь я узналъ, что 8-го іюля наши войска потерпѣли неудачу подъ Плевной.

Провожая адъютантовъ обратно въ главную квартиру, мнѣ пришлось вторично попасть въ Тырново. Городъ уже значительно измѣнился. Вся площадь, прилегавшая къ саду, гдѣ жилъ великій князь, покрылась штабными палатками. По улицамъ виднѣлось множество ресторановъ и кафе-шантановъ, повсюду раздавались пѣсни и военная музыка.

Въ тотъ-же день, подъ вечеръ, сижу въ палаткѣ одного знакомаго офицера генеральнаго штаба, которому только-что передъ этимъ продалъ караковаго жеребенка, доставшагося мнѣ въ Острецѣ, и разговариваю съ нимъ про плевненскую неудачу 8-го іюля.

— Ну, теперь-то ужь мы возьмемъ ее, туда идутъ цѣлыхъ двѣ дивизіи,—съ увѣренностью говоритъ мнѣ капитанъ.

— Отчего-же такъ мало? — спрашиваю я, — вѣдь по слухамъ въ Плевнѣ засѣло около 40 тысячъ непріятеля.

— Да откуда-же больше взять? Главнокомандующій и то теперь съ одними лейбъ-казаками остался.—Я никакъ не подозрѣвалъ, что у насъ такъ мало было войскъ, и разговоръ этотъ врѣзался въ моей памяти.

Если не ошибаюсь, 14 іюля, съ восходомъ солнца, я выѣхалъ обратно къ Булгаренскому мосту. За это послѣднее время я такъ привыкъ къ большимъ переѣздамъ, что теперь, ѣхать обратно слишкомъ за сто верстъ казалось мнѣ совершенно обыкновенной поѣздкой. Только тутъ я узналъ, что за прекрасная была моя лошадь: крѣпкая, бодрая, никогда не спотыкалась и съ очень большимъ шагомъ—качество, неоцѣненное въ боевой походной лошади. Отъ встрѣчныхъ болгаръ узнаю, что Тутолминъ съ бригадой передвинулся по направленію къ Плевнѣ.

За Булгаренскимъ мостомъ открывается обширная равнина. Вдали показались столбы пыли,—это шли тѣ самыя дивизіи, о которыхъ мнѣ говорилъ капитанъ генеральнаго штаба. Начинаю обгонять ихъ. На душѣ становится какъ-то отраднѣе при видѣ этого лѣса штыковъ, сверкающихъ на солнцѣ.

— Эге, сколько здѣсь нашихъ,—весело толкуютъ казаки позади меня. Вправо отъ шоссе, на лужкѣ, отдыхаетъ бригада пѣхоты. Палатки не раскинуты, люди прилегли только такъ, временно, и вѣроятно, скоро пойдутъ дальше. Лѣвѣе отъ шоссе, и тамъ бѣлѣютъ на солнышкѣ рубахи солдатъ.

Обгоняемъ обозы; медленно тащатся повозка за повозкой, покрытыя густой пылью. На одной изъ нихъ горой навьючены офицерскія вещи: сакъ-вояжи, чемоданы, кожаные, па-

русинные, сундуки, складныя кровати, котелки, чугуны, самовары; на самомъ верху сидятъ, связанные за ноги, пѣтухъ и нѣсколько куръ. За повозкой слѣдуютъ деньщики, кто въ сюртукахъ на распашку, кто безъ сюртуковъ, въ ситцевыхъ рубахахъ, заправленныхъ въ черные штаны. Одинъ изъ нихъ, схватившись правой рукой за край повозки, въ другой держитъ пучекъ какихъ-то вѣтокъ и отмахивается ими отъ мухъ. Жара начинаетъ одолѣвать, солнце входитъ въ свои права, вѣтру совсѣмъ нѣтъ; пыль, поднятая тысячами ногъ, точно не хочетъ оставлять войска и тяжелой тучей настойчиво слѣдуетъ за ними.

За офицерской повозкой обгоняю чью-то богатую карету, запряженную четверкой добрыхъ гнѣдыхъ лошадей. Красивый кучеръ, въ клеенчатой шляпѣ и въ синей безрукавкѣ, поверхъ кумачевой рубахи, лѣниво правитъ лошадьми.

— Чья карета?—спрашиваю кучера.

— Генерала Пузанова,—отвѣчаетъ онъ.

Еще долго обгоняемъ обозы, артиллерію, пѣхоту. Кавалеріи что-то здѣсь незамѣтно: кажется, всѣхъ объѣхали.

Съ версту впереди, виднѣются одиночные солдаты, разставленные другъ отъ друга рѣдкою цѣпью. Мѣстность настолько здѣсь открыта, что простымъ глазомъ можно видѣть еще верстъ на пять дальше цѣпи. Влѣво отъ шоссе, замѣтна группа всадниковъ. По ихъ блестящимъ мундирамъ объясняю себѣ, что это вѣрно стоитъ начальникъ дивизіи со штабомъ. Отдаю честь и ѣду мимо. Только-что поровнялся съ ними, слышу голосъ:

— Господинъ офицеръ, господинъ офицеръ! пожалуйте сюда. Вижу мнѣ машетъ рукой генералъ при аксельбантахъ, съ очень смуглымъ лицомъ, борода бритая, усы черные, густые. Отъ штаба отдѣляется молоденькій офицерикъ, подскакиваетъ ко мнѣ и предупредительно говоритъ: — Васъ генералъ проситъ!

— Какой генералъ?—спрашиваю его въ полголоса.

— Генералъ, командиръ***.

Я останавливаю полусотню и скачу на зовъ.

— Куда вы ѣдете?—еще издали спрашиваетъ меня генералъ, голосомъ, въ которомъ слышалась укоризна.

Я объясняю, что ищу кавказскую бригаду, которая должна быть впереди.

— Какая тамъ бригада! Развѣ вы не видите, что вонъ тамъ уже мои передовые посты стоятъ? — крикливо говоритъ онъ, указывая рукой на передовую цѣпь. Затѣмъ, какъ-бы обидчиво добавляетъ:—Ну-да ступайте, ступайте какъ знаете!— И генералъ съ недовольнымъ видомъ отпускаетъ меня.

Ѣдемъ еще верстъ 7—8 по шоссе, сворачиваемъ влѣво и узкой тропинкой доѣзжаемъ до небольшого селенія, расположеннаго вдоль ручья между высокими холмами, гдѣ и останавливаемся на отдыхъ.

— Гдѣ-же бригада?—думаю я, растянувшись на буркѣ.— Скоро-ли мы ее найдемъ? Казаки уморились, лошади тоже, жара смертная. Достали барана, сварили его, закусили, отлично отдохнули и со свѣжими силами собираемся въ дальнѣйшій путь. Но только что мы спустились съ холмика, гдѣ во время отдыха стоялъ сторожевой казакъ, видимъ въ верстѣ передъ нами раскинулась наша бригада съ своими разноцвѣтными сотенными значками. Длинныя коновязи правильно разбиты. Людей не видно. Въ такую жару, каждый, конечно, старался быть въ тѣни. Лошади тоже, истомленныя жарой, стоятъ, понуривъ головы.

— Эге, то наша бригада!—удивленно восклицаемъ мы.— И дѣйствительно, было чему удивляться. Никто изъ насъ не могъ себѣ объяснить, какъ можно было такъ долго отдыхать и закусывать въ верстѣ отъ своихъ и никого не замѣтить. Произошло это оттого, что бригада защищалась маленькимъ холмикомъ; нашему часовому ея и не было видно.

Здѣсь мы простояли одни сутки; затѣмъ слышимъ, приказано выступать къ Плевнѣ.

Незадолго передъ этимъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ былъ назначенъ, къ предстоящему штурму Плевны, начальникомъ отряда. Въ составъ отряда входили: кавказская казачья бригада, баталіонъ курскаго полка и одна батарея.

ГЛАВА XI.

Бой подъ Плевной 18-го іюля.

Разсвѣтаетъ. Солнце еще не показывалось, въ воздухѣ свѣжо и сыро. По обѣ стороны дороги выстроился нашъ маленькій отрядъ: пѣхота, артиллерія и казаки. Лица у всѣхъ сонливыя. Одинъ Скобелевъ, веселый, въ пальто въ рукава, сквозь разстегнутые красные борта виднѣется бѣлый китель и Георгій на шеѣ, подскакиваетъ къ сотнямъ и привѣтствуетъ ихъ, по обыкновенію, картавя:

— Здорово, братцы! Поздравляю васъ съ боемъ! Помните, что сигнала отступленія не будетъ!—и уже трогаетъ шпорой своего сѣраго коня, чтобы скакать къ слѣдующимъ частямъ, какъ оборачиваетъ голову и прибавляетъ:— Да прошу васъ, братцы, въ плѣнъ непріятеля не брать.— Затѣмъ несется впередъ.

— Ради стараться, ваше превосходительство-о-о, — доносится ему вслѣдъ.

Солнце взошло. Владикавказскій полкъ идетъ правѣе шоссе, то по кукурузѣ, то кустарниками, то по совершенно зрѣлому, золотистому ячменю. Жалость смотрѣть, какъ лошади топчутъ этотъ великолѣпный хлѣбъ. Третья сотня идетъ въ резервѣ, прикрывая артиллерію, поэтому мнѣ и незамѣтно было, когда

нашъ авангардъ вступилъ въ перестрѣлку съ непріятелемъ. Послышались рѣдкіе, отдаленные ружейные выстрѣлы. Сотня останавливается около густого дерева, Павелъ Ивановичъ командуетъ: слѣзай. Вижу, здѣсь намъ придется долгонько простоять, пожалуй, ничего и не увидишь изъ сраженія. Подъѣзжаю къ сотенному командиру и прошу позволенія съѣздить къ бригадному.

— Чего вамъ тамъ нужно? Еще не наѣздились, оставайтесь гдѣ слѣдуетъ,—грубо отвѣчаетъ тотъ, все еще продолжая сердиться на меня.

— Мнѣ бригадный командиръ приказалъ находиться при немъ во время дѣла,—говорю ему, самъ не зная, съ чего мнѣ пришла эта мысль.

Павелъ Ивановичъ мычитъ что-то въ отвѣтъ и располагается подъ деревомъ на буркѣ. Казаки тихонько водятъ лошадей въ поводу, другіе закуриваютъ, третьи разсаживаются на травку, достаютъ изъ переметныхъ сумъ закусить и жуютъ себѣ, толкуя другъ съ другомъ вполголоса о предстоящемъ дѣлѣ.

Я ѣду одинъ, безъ казака, искать Тутолмина, и нахожу его на холмикѣ. Иванъ Өедоровичъ сидитъ на свѣтло-гнѣдой лошади золотистой масти. Позади два кубанскихъ казака (Тутолминъ любилъ больше кубанцевъ, чѣмъ владикавказцевъ) съ почтеніемъ ожидали приказанія начальства.

— Что скажете, Верещагинъ? — любезно спрашиваетъ командиръ бригады и протягиваетъ руку.

— Позвольте, полковникъ, мнѣ быть при васъ на время дѣла, а то наша сотня остается въ резервѣ и я ничего не увижу,—жалобно объясняю ему.

— Сдѣлайте одолженіе, очень радъ,—говоритъ онъ.

Я остаюсь. Тутолминъ пристально смотритъ впередъ, но видѣть далеко нельзя, такъ какъ мѣстность передъ нами возвышается и закрываетъ непріятельскую позицію.

— Ну-съ, Верещагинъ, какъ-же-бы вы распорядились въ данномъ случаѣ?— шутливо спрашиваетъ Иванъ Өедоровичъ, указывая рукой передъ собой: — ну-съ, какъ-же-съ? — Но не

успѣлъ я еще хорошенько вникнуть въ его вопросъ, какъ видимъ оба, скачетъ казакъ кубанецъ, на круглой гнѣденькой лошадкѣ, совершенно потной; останавливается въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бригаднаго командира, подноситъ руку вмѣстѣ съ плетью къ папахѣ и докладываетъ на своемъ малороссійскомъ языкѣ: — Ваше высокородіе, генералъ требуютъ еще сотню владикавказцевъ. — Тутолминъ обращается ко мнѣ и приказываетъ ѣхать къ Левису и передать это. Только-что я тронулся, слышу вслѣдъ:

— Вашъ братъ пріѣхалъ, онъ тамъ впереди съ генераломъ.

— Который братъ, Василій?—съ удивленіемъ спрашиваю я, такъ какъ только-что передъ тѣмъ получилъ извѣстіе, что братъ Василій лежитъ въ бухарестскомъ госпиталѣ, и очень плохо поправляется.

— Нѣтъ, другой, Сергѣй!—Я уже больше году не видалъ Сергѣя, а потому очень обрадовался и веселый скачу впередъ.

Командиръ полка въ это время находился съ нѣсколькими офицерами съ полверсты впереди, около самаго шоссе. Обхвативъ пальцами костяные газыри сѣренькой походной черкески, онъ прохаживался съ командиромъ 2-й сотни подъ тѣнью деревьевъ. Другіе офицеры, въ томъ числѣ Астаховъ, Тимоѳеевъ, Абессаловъ, Шанаевъ, сидѣли невдалекѣ и разговаривали. По близости, сквозь кусты и вѣтви деревьевъ, виднѣлись казаки и лошади. Я подскакиваю къ Левису и передаю приказаніе. Тотъ оборачивается къ офицерамъ и отрывисто спрашиваетъ:

— Гдѣ Ляпинъ? — Слышатся возгласы: — Гдѣ хорунжій Ляпинъ? — Гдѣ Ляпинъ? — Кто-то шутливо баситъ: — Позвать сюда адъютанта Ляпина. — Пока идетъ суетня, я тихонько ѣду впередъ, скрываюсь изъ виду и маршъ-маршемъ скачу искать брата.

Поднявшись и спустившись нѣсколько разъ съ холмика на холмикъ, вижу невдалекѣ, на самомъ шоссе, на пригоркѣ, группу всадниковъ съ развѣвающимся краснымъ значкомъ по

серединѣ. Скобелевъ, въ бѣломъ кителѣ, на бѣлой лошади, ярко выдѣлялся отъ всѣхъ прочихъ. Лѣвѣе его виднѣлся знакомый мнѣ полковникъ блондинъ, маленькаго роста, худенькій, тщедушный, съ рыжей мефистофельской бородкой и такими-же усами. Позади стоялъ конвой, человѣкъ 15 владикавказцевъ и кубанцевъ.

Чѣмъ ближе подъѣзжаю, тѣмъ чаще слышу свистъ пуль. Послѣ стычекъ подъ Сельви мнѣ представилось, что уже я Богъ знаетъ какой обстрѣленный; а какъ теперь пришлось попасть подъ настоящій огонь, такъ и увидѣлъ, что здѣсь не баши-бузуки стрѣляютъ! Сердце стало крѣпче сжиматься и замирать. Но самый сильный огонь оказывается на вершинѣ пригорка, подлѣ Скобелева. Непріятель, очевидно, замѣтилъ кучку людей и сосредоточилъ сюда выстрѣлы.

Братъ Сергѣй находился еще лѣвѣе блондина полковника. Какъ штатскій человѣкъ и волонтеръ, онъ былъ одѣтъ въ черную суконную куртку, на головѣ казачья папаха. Сидѣлъ онъ на маленькой турецкой лошадкѣ сѣрой масти. Я осторожно подъѣзжаю къ нему и здороваюсь. Скобелевъ увидѣлъ меня и кричитъ: — Здравствуйте, Верещагинъ! Вотъ и братъ вашъ пріѣхалъ къ намъ. — Затѣмъ, какъ-бы не-хотя, протягиваетъ мнѣ лѣвую руку, чтобы я пожалъ ее, и углубляется въ разсматриваніе позиціи.

Что за чудная картина представляется моимъ глазамъ! Широкая, зеленая долина съ разсыпанными по ней, кое-гдѣ, старыми одиночными деревьями, освѣщена яркимъ солнцемъ. Противоположная сторона ея постепенно возвышается и образуетъ холмистую мѣстность. По этой долинѣ вправо, далеко-далеко, верстъ на пятнадцать пожалуй, протянулась полукругомъ наша линія пушечныхъ огней, попеременно вспыхивающихъ, то ближе, то дальше. За ними слѣдуютъ густые клубы синяго и бѣлаго дыму. Поднимаясь все выше и выше, клубы останавливаются и сливаются въ одну общую непроглядную сѣрую полосу. Бронзовыя орудія сверкаютъ на солнцѣ, какъ свѣтящіеся жучки на сырой землѣ послѣ заката солнца. Все это составляетъ нашу боевую линію. Правый флангъ ея сильно

задался впередъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи позади орудій можно разобрать неясныя темныя массы артиллерійскихъ лошадей. Длинныя очертанія четвериковъ и шестериковъ вмѣстѣ съ зарядными ящиками и передками, то останавливаются и стоятъ, то передвигаются съ мѣста на мѣсто. Паралельно нашей боевой линіи, дальше, верстахъ въ двухъ, протянулась турецкая линія. Она немного короче и съ частыми промежутками. У турокъ нѣтъ такой сплошной линіи артиллерійскаго огня. Ихъ орудійные дымки, первое мгновеніе, летятъ въ нашу сторону, и уже затѣмъ поднимаются къ небу. А небо въ этотъ день, точно нарочно, великолѣпнаго голубаго цвѣта.

Гдѣ я стою, съ пригорка, хорошо видно, что нашъ скобелевскій отрядъ составлялъ лѣвый флангъ главныхъ силъ, которыхъ самыя ближайшія части настолько удалены отъ насъ, что ихъ едва можно разобрать простымъ глазомъ, и то только судя по ружейному дыму.

Вонъ впереди орудій, саженяхъ въ двухстахъ, вспыхиваетъ длинная тонкая бѣловатая полоска. Вонъ еще правѣе, другая, — это ружейные залпы, — значитъ, тамъ залегла пѣхота. Вонъ кучки нашихъ солдатъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, неясно показываются изъ зелени и тотчасъ-же опять скрываются. О тѣхъ-же войскахъ, что должны быть тамъ, далеко, въ концѣ праваго фланга, и говорить нечего, что ихъ не видно. Еслибы не орудійный дымъ, такъ я, кажется, ничего не разобралъ-бы во всемъ этомъ зрѣлищѣ, настолько и наши, и непріятельскія силы, потонули въ глубокой зелени садовъ, полей и виноградниковъ. Хотя, по дыму глядя, канонада должна-бы быть и очень сильная, но гулъ отъ нея не особенно рѣзокъ, ужъ слишкомъ позиціи растянуты! Всматриваясь пристальнѣе, можно различить, что наша линія огня дѣлится большимъ промежуткомъ на двѣ половины—дальній корпусъ Криднера отдѣляется отъ ближайшаго къ намъ Шаховского. Оба эти корпуса точно готовились обхватить и задушить маленькую Плевну. Ее я сначала искалъ глазами тамъ, вправо, гдѣ кончались наши силы, а она, между тѣмъ, какъ разъ

противъ меня, верстахъ въ четырехъ. Скученная масса бѣленькихъ домиковъ, съ красными черепичными крышами и съ торчащими кое-гдѣ остроконечными минаретами и мечетями, обрисовывала городъ. Освѣщенный солнцемъ, онъ рѣзко выдѣлялся изъ общей зелени. Но хотя солнце и ярко свѣтитъ, Плевна мнѣ не вся видна, въ особенности нѣкоторыя ея части, прикрытыя лѣсистыми холмиками, не смотря на то, что я приподымаюсь на стременахъ и старательно вглядываюсь. Мѣстами съ этихъ холмовъ вспыхиваютъ огни и за ними слѣдуютъ клубы синеватаго дыму.

— Во-о-о-нъ, за Плевной, видишь бѣлая-то полоска идетъ, это Софійское шоссе, — вполголоса говоритъ мнѣ Сергѣй и плетью указываетъ направленіе.—А вонъ, что тамъ блеститъ, лѣвѣе—это рѣка Видъ.

Вся разстилающаяся передъ нами мѣстность все сильнѣе и сильнѣе затягивалась облаками дыма. Взглядъ на нее былъ настолько интересенъ и величественъ, что такъ и смотрѣлъ-бы все, не сводя глазъ, если-бы только не проклятыя пули, летавшія кругомъ насъ какъ шмели. Гранаты тоже частенько рвутся по близости. Чувствую, что робость забирается въ мою душу. Исподтишка смотрю на Скобелева, что онъ, каковъ, есть-ли у него что на лицѣ? Хоть-бы что! Генералъ вытянулъ шею, уперся глазами въ бинокль, и точно замеръ въ такомъ положеніи. Изрѣдка дергаетъ онъ за поводъ лошадь, за то, что та, переступая съ ноги на ногу, мѣшаетъ ему спокойно смотрѣть.

— О-о-ой, братцы!—раздается сзади стонъ. Оглядываюсь, въ толпѣ конвойныхъ казаковъ идетъ суматоха. Нѣсколько человѣкъ соскочили съ лошадей и возятся около раненаго. Генералъ на мгновеніе оборачивается, сердито смотритъ и хрипло кричитъ: Разъѣхаться шире! Затѣмъ снова упирается глазами въ бинокль.

— Да что онъ, каменный, что-ли, или заговоренъ, что не боится нисколько?—думается мнѣ, и я начинаю ругать себя за то, что самъ напросился на эту опасность. Въ то-же время мнѣ представляется, какъ мой Павелъ Ивановичъ спокойно

лежитъ теперь подъ деревомъ на буркѣ и сладко дремлетъ. Скверно, скверно! Значитъ, я большой трусъ, если не могу равнодушно переносить свиста пуль, продолжаю разсуждать съ самимъ собою, и одновременно съ этимъ смотрю на брата. На лицѣ того, точно такъ-же, какъ и на скобелевскомъ, и тѣни не видно робости; даже сумрачности, которую я замѣтилъ у генерала, и той нѣтъ. Что-то на моемъ лицѣ теперь написано, желалъ-бы я знать. Взглядываю на знакомаго блондина полковника. Тотъ, какъ-бы почувствовавъ мой взглядъ, смотритъ на меня и дружески киваетъ головой.

— Эге, мой милый, ты, должно быть, какъ и я, нехорошо себя здѣсь чувствуешь! — мелькаетъ у меня въ головѣ. Лицо его поблѣднѣло, рыжая бородка точно обострилась, глаза посоловѣли и притупились.

— Сергѣй Васильевичъ!—раздается въ эту минуту мужественный, пріятный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вселяющій какую-то бодрость голосъ Скобелева. Сережа быстро подстегиваетъ свою лошаденку и подскакиваетъ. Генералъ что-то говоритъ ему, тотъ поворачиваетъ лошадь и несется подъ гору.

— Ваше превосходительство, позвольте и мнѣ ѣхать за братомъ,—обращаюсь я къ генералу.

— Развѣ я васъ держу? ступайте себѣ! — улыбаясь, говоритъ онъ.

Я пускаюсь и живо догоняю Сергѣя.

— Куда тебя послалъ генералъ? — спрашиваю его.—Мы ѣдемъ рысью вдоль подножья холма; на вершинѣ между деревьями разставлена наша передовая цѣпь.

— Велѣно кубанцевъ провѣдать, они здѣсь влѣво стоятъ,— отвѣчаетъ братъ и подгоняетъ свою турецкую лошаденку. Пули и здѣсь преслѣдуютъ насъ, хотя, казалось, имъ-бы и не слѣдовало здѣсь падать, такъ какъ, по моему разсчету, здѣсь, за холмомъ, мертвое пространство, а между тѣмъ онѣ безпрестанно, то со свистомъ пролетаютъ мимо, то близехонько, впиваясь въ землю, шипятъ, точно расплавленный свинецъ, опущенный въ воду.

— Что, каково, здѣсь не свой братъ? — смѣясь, спраши-

ваетъ Сережа, и на его смѣломъ лицѣ, опушенномъ косматой черной бородкой, появляется ласковая улыбка.

Чего онъ смѣется? До смѣху-ли тутъ? Да и чего онъ здѣсь суетится, ѣздитъ? Я—дѣло другое: я на службѣ, а онъ что? штатскій, съ боку припека. Убьютъ, никто и спасибо не скажетъ! — И мнѣ становится досадно на брата, и не за то, что онъ подвергалъ себя опасности, а за то, что Сергѣй былъ, очевидно, смѣлѣе, храбрѣе меня и точно трунилъ надъ моимъ малодушіемъ. Ужъ не замѣтилъ-ли онъ чего на моемъ лицѣ? и я подбадриваюсь, насколько могу, обгоняю и скачу впереди его.

— Куда ты? Не туда! За мной ступай!—кричитъ онъ, и мы подымаемся направо, по отлогому холму, въ тѣнистую рощу. Невдалекѣ, между деревьями, мелькаютъ фигуры спѣшенныхъ казаковъ, держащихъ въ поводу лошадей.

— Погоди здѣсь немного,—кричитъ Сергѣй, и скрывается въ тѣни рощи, откуда доносится раскатистая ружейная трескотня.

Слѣзаю съ лошади, беру ее за поводъ, и сажусь на травку позади дерева, такимъ манеромъ, чтобы шальная пуля не могла задѣть меня. Какъ-же это, думается мнѣ, я такой трусъ, а еще считалъ себя достойнымъ Георгія за Сельвинское дѣло! Вѣдь ужъ Георгіевскій крестъ даютъ, конечно, тѣмъ офицерамъ, которымъ пули ни почемъ, какъ, напримѣръ, Скобелеву, брату Василію. Сережѣ я такъ-же-бы далъ Георгія — онъ отчаянный! Въ это время Сергѣй возвращается и мы тихонько ѣдемъ назадъ, разсуждая о своихъ домашнихъ.

Время подвигается къ полудню. Солнце сердито жжетъ палящими лучами. Подъѣзжаемъ къ шоссе, видимъ Скобелевъ съ конвоемъ спускается съ бугорка и ѣдетъ вдоль правой стороны цѣпи. Здѣсь намъ часто попадаются раненые солдаты курскаго баталіона. Въ бѣлыхъ рубахахъ, подпоясанныхъ ремешками, уныло тащились они къ перевязочному пункту.

Мы догоняемъ генерала. Лѣвѣе насъ идетъ широкая полоса густыхъ деревьевъ. Сквозь ихъ вершинки просвѣчиваетъ синее небо, а пониже—непріятельскія позиціи, утонувшія въ зелени. Въ этихъ просвѣтахъ безпрестанно раздаются ружейные выстрѣлы. Гулъ отъ нихъ какъ-то особенно далеко раздается въ лѣсу; дымъ-же, напротивъ, задерживается между вѣтвями, наполняя воздухъ ѣдкимъ пороховымъ запахомъ.

Мы совсѣмъ близко подъѣхали къ нашей цѣпи. Вонъ, между виноградными кустами, виднѣются солдатскія головы, прикрытыя кепками. Вонъ крайній солдатикъ приподнимается немного и, согнувшись, насколько возможно, съ ружьемъ въ рукѣ, придерживая другой полотняную сумочку съ сухарями, перебѣгаетъ дальше, припадаетъ къ землѣ и прицѣливается въ кого-то. Здѣсь пули свищутъ рѣзче. Замѣтно, что онѣ летятъ съ болѣе близкаго разстоянія. Вонъ еще двое солдатъ тоже перебѣгаютъ скорчившись, вдоль линіи, то скрываются, то опять показываются и, наконецъ, совсѣмъ пропадаютъ. Дальше за курцами слѣдуетъ цѣпь спѣшенныхъ владикавказцевъ. Въ длиннополыхъ черкескахъ, подогнутыхъ подъ ремни кинжаловъ, въ черныхъ папахахъ, загорѣлыя фигуры ихъ, среди ружейнаго огня и дыма, напоминаютъ мнѣ тѣхъ героевъ кавказцевъ, которыхъ я видалъ на старинныхъ картинахъ, изображавшихъ кавказскіе бои. Въ то-же время мнѣ показалось, что казаки гораздо ловчѣе солдатъ умѣютъ пользоваться мѣстностью: быстро прячутся они за деревья, кусты, осторожно присѣдаютъ, выглядываютъ, стрѣляютъ и снова прячутся. Раненыхъ казаковъ, сравнительно съ солдатами, мы еще мало встрѣтили. Отсюда Скобелевъ ѣдетъ дальше вдоль линіи артиллеріи, до которой оставалось уже не далеко. Меня-же, не помню зачѣмъ, посылаютъ въ тылъ.

Часовъ около четырехъ по-полудни я стою около шоссе съ товарищами и мы разговариваемъ о томъ, что ежели намъ не удалось обѣдать въ Плевнѣ, то ужинать мы непремѣнно будемъ тамъ. Съ того мѣста, гдѣ мы стоимъ, городъ Плевна хорошо виденъ.

— Смотрите, господа, смотрите, ви-и-дите, какая линія

повозокъ тянется изъ города по Софійскому шоссе. Это что, а-а? Значитъ, они выбираются,—радостно восклицаетъ красивый сотникъ Шанаевъ, и, снявъ съ своей сѣдоватой, мясистой головы маленькую папаху (Шанаевъ, какъ природный горецъ, носилъ маленькую папаху), указываетъ ею направленіе. Мы всѣ пристально всматриваемся и видимъ, что за городомъ дѣйствительно тянется длинный рядъ повозокъ. Всѣ онѣ, удаляясь по одному и тому-же направленію на нѣсколько верстъ растянулись по шоссе. Въ это время мимо насъ скачетъ назадъ, въ тылъ, братъ мой Сергѣй.

— Куда ты?!—кричу ему. Онъ останавливается и машетъ мнѣ рукой. Смотрю, рука обвязана чѣмъ-то бѣлымъ. — Эхъ вѣрно, раненъ!—Подбѣгаю къ нему.

— Перевяжи-ка, братецъ мой,—отрывисто проситъ онъ и протягиваетъ руку. Развязываю повязку, пониже локтя оказывается глубокій шрамъ отъ пули, рана обмотана грубымъ болгарскихъ полотенцемъ, съ концами, вышитыми золотомъ. и такъ обвязана, что шитье какъ разъ приходилось на рану. Какъ я ни уговаривалъ его, онъ такъ и не поѣхалъ на перевязочный пунктъ, а немедленно-же возвратился къ генералу.

Между тѣмъ, что дальше, то труднѣе становилось защищать позиціи. Уже всѣ наши сотни, спѣшиваясь одна за другой, перебывали въ цѣпи. Такъ какъ пѣхоты у насъ было всего одинъ баталіонъ, то Скобелевъ назначалъ въ цѣпь казаковъ, приказывая имъ спѣшиваться и ружейнымъ огнемъ задерживать напоръ непріятеля. Сотни теряли при этомъ не мало людей и по мѣрѣ возможности смѣнялись свѣжими. Курскій баталіонъ, находясь въ цѣпи безсмѣнно, къ концу дня убылъ на половину.

Солнце закатилось, канонада стихла, только тамъ, далеко, на правомъ флангѣ, должно быть у Криднера, еще раздаются рѣдкіе пушечные выстрѣлы, но и они стихаютъ. Ночь медленно, исподоволь, обхватываетъ природу и точно сковываетъ ее. Вонъ впереди я едва-едва различаю темные силуэты остро-

конечныхъ минаретовъ и мечетей Плевны. Вершинки ихъ, слегка обрисовываясь на багровомъ небѣ, тамъ, гдѣ закатилось солнышко, зловѣще напоминаетъ о кровопролитномъ днѣ.

Все кругомъ глубже и глубже погружается въ темноту, точно въ пропасть какую.

— Не видалъ-ли 4-й сотни? — неожиданно спрашиваетъ меня Ляпинъ, выѣхавшій изъ-за угла рощицы.

— Тутъ влѣво, кажется, стоитъ,—отвѣчаю я.

— Нѣтъ, тамъ кубанцы.—Ляпинъ, озабоченный, беретъ вправо и теряется въ темнотѣ. Въ ночной тиши слышатся безпрестанно сдержанные голоса: гдѣ полковникъ?... 2-й сотни не видалъ-ли?... Эй, кто тамъ, казакъ, стой, генералъ гдѣ? и т. д.

Слѣзаю съ лошади, пѣшкомъ спускаюсь подъ гору и иду къ деревьямъ, гдѣ стояло нѣсколько офицерскихъ лошадей; отсырѣвшая трава чисто обтираетъ мои пыльные сапоги. Натыкаюсь на командира полка. Тотъ, какъ-бы обрадовавшись мнѣ, отрывисто приказываетъ:

— Верещагинъ, ступайте, отзовите осетинъ, что они до сихъ поръ въ цѣпи дѣлаютъ?—Я снова сажусь на лошадь и ѣду.—Всѣ давно ужъ отошли, они одни остались! — кричитъ мнѣ Левисъ въ догонку.

По тону его голоса замѣтно, что дѣла наши не особенно-то хороши!

— Вотъ тебѣ и отъужинали въ Плевнѣ!—разсуждаю я, путаясь между деревьями и кустами. Встрѣчаю Шапаева „Ты куда?“—кричитъ тотъ.—Къ осетинамъ.—„И я туда-же, ѣдемъ вмѣстѣ!“ Въ темнотѣ осторожно пробираемся, гдѣ рысью, гдѣ шажкомъ, по временамъ нагибая вѣтви деревьевъ, чтобы не потерять папахъ. Спускаемся съ холмика въ лощину, ѣдемъ то густой, мѣстами уже измятой травой, то виноградниками, наконецъ, добираемся до осетинъ. Тихо, безъ шуму, стоятъ они рѣдкой цѣпью, не слѣзая съ лошадей, вдоль лѣсистаго холма. Холмъ этотъ выше другихъ, а поэтому его продолговатый гребень, вмѣстѣ съ людьми и деревьями, еще чуточку освѣщался послѣдними отблесками закатившагося солн-

ца. Позади осетинъ виднѣлась, тоже на конѣ, внушительная фигура ихъ командира, старика Есенова. Лѣтъ 70-ти, если не больше, высокій, худощавый, сѣдой, съ длинной, какъ ленъ, бѣлой бородой, этотъ старикъ всегда внушалъ мнѣ особенное къ нему уваженіе. Что за бодрость, что за сила, что за выносливость была въ немъ, и въ такіе годы! Вотъ и теперь, напримѣръ, когда мы подъѣхали къ нему, какимъ молодцомъ сидитъ онъ, а вѣдь навѣрное цѣлый день не слѣзалъ съ коня. Есеновъ былъ немножечко тугъ на ухо, а потому не замѣтилъ нашего приближенія.

— А-а-а, назадъ ѣхать! харасё, харасё!—удивленно говоритъ онъ, нѣсколько картавя, и вполголоса отдаетъ приказанія подчиненнымъ на своемъ горскомъ нарѣчіи.

— Поѣдемъ-ка, посмотримъ, не осталось-ли здѣсь кого изъ раненыхъ! — кричитъ мнѣ Шанаевъ, забираясь еще немного впередъ и поворачивая направо, вдоль линіи. Съ полчаса ѣдемъ такимъ путемъ между деревьями; выѣзжаемъ изъ рощи къ спуску холма. Внизу въ темнотѣ, на непріятельской позиціи, неясно обрисовывались густыя формы деревьевъ. Я невольно задерживаю поводъ лошади передъ этимъ мрачнымъ видомъ. Обратно въѣзжаемъ въ рощу и ѣдемъ; останавливаемся, тревожно прислушиваемся и, наконецъ, выѣзжаемъ къ шоссе. Вдругъ, посреди общей тишины доносится сильный, картавый голосъ Скобелева:

— Подать сюда одно орудіе!

Вслѣдъ за этимъ слышно, кто-то звонко несется вскачь по шоссе. Черезъ нѣкоторое время раздается шумъ колесъ, звонъ самаго орудія и затѣмъ опять голосъ генерала:

— Ступайте впередъ, дайте нѣсколько выстрѣловъ, пускай турки знаютъ, что мы послѣдніе стрѣляемъ!

Орудіе везутъ на позицію и даютъ нѣсколько выстрѣловъ. Одиноко, тоскливо, безнадежно раскатываются эти выстрѣлы, никто на нихъ не отвѣчаетъ и этимъ заканчивается день 18-го іюля.

Полночь. На темносинемъ небѣ ярко вспыхиваютъ золотыя звѣздочки. Кругомъ тихо. Свѣжій, здоровый ночной воздухъ всѣхъ успокоилъ и убаюкалъ. Только раненымъ не спится; отъ нихъ, свезенныхъ въ одно мѣсто, доносятся долгіе, продолжительные стоны, надрывающіе душу.

Казачьи сотни расположились не вдалекѣ отъ раненыхъ. Моя 3-я сотня стоитъ тутъ-же; но такъ какъ я все еще не лажу съ ея командиромъ, то и не иду туда спать, а ложусь подъ деревомъ, около кого-то изъ товарищей. Мой Ламакинъ съ лошадьми улегся тутъ-же, по близости. Ночь прелестная, дышется легко; только хрустѣніе необмолоченнаго ячменя на зубахъ лошадей, да шелестъ сноповъ однообразно раздаются въ тишинѣ. Долго я не могъ заснуть, но, наконецъ, дремота одолѣла! Въ просоньѣ слышу, подымается шумъ, стукъ колесъ, звонъ орудій, скрипъ повозокъ. Вскакиваю, смотрю, отрядъ отступаетъ. Сотня за сотней вытягиваются и пропадаютъ въ темнотѣ.

Бѣгу къ своей лошади, ея нѣтъ.

— Ламакинъ, Ламакинъ! — кричу казака. — Нигдѣ не видно. Бѣгу, гдѣ стояла 3-я сотня, и сотни нѣтъ, уже выступила.

— Ну, что за дуракъ этотъ Ламакинъ! Какъ ему наказывалъ оставаться на мѣстѣ, пока его не позову! толкую я дорогой, направляясь пѣшкомъ за сотнями. Сзади еще много тянется разныхъ повозокъ.

— Вы что, сотникъ, пѣшкомъ? — смѣясь, кричитъ мнѣ есаулъ Скаритовскій, обгоняя со своей сотней. Я разсказываю въ чемъ дѣло; вижу, казаки подсмѣиваются. Скаритовскій съ трудомъ соглашается дать мнѣ заводную лошадь *), чтобы догнать Ламакина. Минутъ черезъ пять догоняю того,

— Что-жъ ты, такой сякой, уѣхалъ одинъ? — кричу ему съ сердцемъ.

— Я, ваше благородіе, искалъ, да васъ не было подъ

---

*) Заводная или запасная или-же просто свободная, хозяинъ которой убитъ или раненъ.

тымъ деревомъ, — оправдывается казакъ, — ну я и поѣхалъ, думалъ, что вы пѣшкомъ пошли.

— Думалъ, думалъ! все ты думаешь!—ворчу я, пересаживаясь на свою лошадь и въ ту-же минуту вспоминаю, что я вставалъ ночью, и на обратномъ пути, вѣроятно, ошибся деревомъ и легъ не подъ тѣмъ. Ламакинъ-же не догадался посмотрѣть кругомъ.

Ѣдемъ скучные, безъ разговоровъ, спать хочется. Но вотъ солнышко показывается, пригрѣваетъ, и незамѣтно прогоняетъ общую дремоту. Башлыки, окутывавшіе шеи казаковъ, понемногу скидываются и вмѣстѣ съ бурками, на ходу, привязываются позади сѣдла, тонкими, прочными ремешками. Солнце всѣхъ веселитъ. Кругомъ поднимаются разговоры, конечно, о вчерашнемъ дѣлѣ. Почти все начальство и офицеры ѣдутъ впереди, около Скобелева; и я тутъ. Мѣстность идетъ открытая, ровная; кое-гдѣ, посреди зелени, виднѣются одинокія деревья. Вонъ впереди, нѣсколько влѣвѣ отъ насъ, замѣтно маленькое селеніе, кругомъ его чернѣютъ терновые заборы; далѣе, вдоль извивающагося блестящаго ручейка, замѣтно, точно огоньки тлѣютъ; немного правѣе, лежатъ какія-то груды.

— Что тамъ такое? — слышатся вопросы между офицерами: — ранцы; нѣтъ, шинѣли. — Подъѣзжаемъ ближе, смотримъ, дѣйствительно, кучею свалены ранцы, шинели, котелки, палатки, кэпи, и чего-чего тутъ не было изъ солдатскихъ вещей. Огоньки, которые мы видѣли издалека, служили, очевидно, для варки пищи только-что прошедшимъ войскамъ, такъ какъ кругомъ валялось множество выпотрошенныхъ воловьихъ внутренностей. Отъ потухающихъ огоньковъ тянулись, по легонькому вѣтерку, тонкія синеватыя струйки дыма. Что-то нехорошее закрадывается въ мою душу, при видѣ этого разбросаннаго солдатскаго имущества. Конечно, еще ночью мы слышали, что отъ Шаховского получено приказаніе отступать, что наши войска разстроены; но насколько они въ дѣйствительности были разстроены, этого какъ мнѣ, такъ, думаю, и никому изъ моихъ товарищей и въ голову не приходило.

Тѣмъ болѣе намъ трудно было предположить что-либо ужасное, такъ какъ нашъ отрядъ, скобелевскій, не только выполнилъ свою задачу и не подался назадъ, но даже еще впередъ продвинулся.

Ѣдемъ дальше все той-же равниной. Версты черезъ три, видимъ, вдали что-то разбросано бѣлое. Подъѣзжаемъ, оказывается, съ полсотни носилокъ съ нашими умирающими, прикрытыхъ бѣлыми простынями, въ безпорядкѣ оставлены среди поля. Нѣкоторые изъ раненыхъ уже умерли, другіе умирали, пуская, сквозь стиснутые зубы, бѣлую слюну. Мухи во множествѣ облѣпили несчастныхъ и радовались на жарѣ такому празднеству. Теперь только страшная дѣйствительность открывается передъ нашими глазами. Сомнѣнья нѣтъ, войска наши разбиты и бѣгутъ, побросавъ все, и даже раненыхъ. Такого ужаса мы никакъ не ожидали и долго ходимъ около носилокъ, удивляемся и горюемъ. Наконецъ, опомнившись, принимаемся за дѣло: умершихъ закапываемъ, живыхъ наваливаемъ на телѣги и веземъ съ собой.

Отъѣзжаемъ еще немного и останавливаемся отдохнуть около маленькой деревушки. Не вдалекѣ опять видимъ точно аммуничный складъ какой, шинелей, фуражекъ, котелковъ, въ особенности много ранцевъ. Все это лежитъ не въ грудѣ, а разбросано на небольшой площадкѣ. По близости прохаживается часовой съ ружьемъ. Я съ нѣсколькими товарищами подходимъ и спрашиваемъ солдата:

— Ты какого полка?

— Вологодскаго, ваше благородіе.

— Что-же ты тутъ дѣлаешь?

— При вещахъ нахожусь.

— Гдѣ-же ваши?

— Впередъ пошли, — и солдатъ показываетъ рукой къ Дунаю.

— А тебя зачѣмъ-же здѣсь оставили?

— Не могу знать!

— Долго-ли-же ты будешь здѣсь дожидаться?

— Не могимъ знать, ваше благородіе.

Въ это время нѣсколько нашихъ казаковъ подходятъ и точно въ своемъ имуществѣ, начинаютъ рыться между вещами: достаютъ одинъ сапогъ, осматриваютъ его, кидаютъ, поднимаютъ другой, распихиваютъ вещи ножнами шашекъ. Часовой смѣло набрасывается на казаковъ,—начинается споръ. Слышны крики:

— Вамъ чего надо? ваше, что-ли?

— А тебѣ жалко! — и т. д. Мы приказываемъ казакамъ убираться во-свояси.

Не отошли мы всего и двѣнадцати верстъ, какъ передъ нами открывается новое, еще болѣе грустное, зрѣлище. Съ небольшаго пригорка видимъ: по равнинѣ, на сколько хватаетъ глазъ, идутъ наши солдаты, гдѣ въ разбродъ, по одиночкѣ, гдѣ кучками, человѣкъ 5—6, а гдѣ человѣкъ 40—50. Офицеровъ при нихъ незамѣтно.

Вотъ она, наша армія, наши побѣдоносныя войска! Неужели, думается мнѣ, затѣмъ они прошли столько тысячъ верстъ, чтобы теперь бѣжать такимъ постыднымъ образомъ? Солдаты идутъ совершенно распущенно, дисциплины и слѣда нѣтъ. Догоняемъ одну партію, человѣкъ въ 50. Тутъ видны кэпки и съ красными околышами, и съ бѣлыми, и съ синими; есть тутъ и артиллеристы, и спѣшенные кавалеристы, однимъ словомъ, всѣ роды войскъ. Кто идетъ въ шинели въ накидку, кто надѣлъ въ рукава, третій навѣсилъ скатанную на ружье и несетъ ее точно богомолецъ свою котомку.

— Боже мой, Боже мой, что тутъ творится! — невольно вырывается у каждаго изъ насъ: — неужели это наши войска?

— Здорово, братцы!—кричитъ имъ Скобелевъ, останавливая коня около толпы.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительсто,—нестройно раздается отъ этой разношерстной команды.

— Какой вы части?

— Вологодскаго, Архенгелогородскаго, Шуйскаго! — слышится со всѣхъ сторонъ.

— Говори одинъ кто-нибудь,—сердито кричитъ генералъ.— Ну, говори хоть ты,—обращается онъ къ молодцоватому смуглому солдату въ кэпи съ синимъ околышемъ, шинель въ накидку. Ты Шуйскаго полка?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Гдѣ-же всѣ ваши?—спрашиваетъ генералъ, строго смотря въ лицо солдату.

— Да почитай, что всѣ тутъ,—отвѣчаетъ онъ, нѣсколько гнусливымъ, однообразнымъ тономъ и удивленно озирается на товарищей.

— Какъ всѣ! Да гдѣ-же командиръ полка, гдѣ баталіонные, гдѣ ротные командиры?—горячится Скобелевъ, и его лицо становится все мрачнѣе и мрачнѣе.

Въ отвѣтъ на это содатъ внезапно разражается потокомъ словъ:—Полковой командеръ убитъ, баталіонные убиты, ротные командеры тоже убиты, остальные почитай что всѣ тутъ! И при этомъ солдатъ опять начинаетъ озираться кругомъ на товарищей какимъ-то жалостнымъ взглядомъ, точно хотѣлъ сказать: что-же, братцы, поддержите, не выдавайте, ужъ коли пропадать, такъ вмѣстѣ. Солдатъ, видимо, сознавалъ, что стряслось что-то недоброе, и въ общемъ бѣгствѣ считалъ и себя тоже виновнымъ.

— Что ты мнѣ вздоръ городишь!—кричитъ Скобелевъ. Но солдатъ уже разошелся, не робѣетъ и вторично разражается тѣмъ-же самымъ однообразнымъ тономъ.

— Мы, ваше превосходительство, какъ пошли въ атаку, какъ пошли... первы завалы взяли... вторы завалы взяли... третьи завалы взяли... тутъ, смотримъ, наша артиллерія снялась и назадъ... тутъ мы посидѣли, посидѣли и тоже назадъ... Тутъ насъ и пошли крошить, и пошли... И полковаго командера убили, и ротнаго убили, и субалтерновъ перебили... —

Все это солдатъ говорилъ скороговоркой, не переводя духа, точь-въ-точь какъ школьникъ, который, запнувшись на какомъ-либо словѣ и припомнивъ его, снова пускается еще съ большей силой.

— Куда-же вы теперь идете? — спрашиваетъ Скобелевъ, глядя на толпу.

— Домой!

— Къ Дунаю!

— Въ Рассею!—слышатся различные отвѣты. При этомъ нѣкоторые, для поясненія, съ какимъ-то отчаяньемъ машутъ рукой по направленію къ Дунаю.

Мы останавливаемся еще около нѣсколькихъ кучекъ и спрашиваемъ. Отвѣтъ получался почти одинъ и тотъ-же; различіе состояло только въ томъ, что вмѣсто Шуйскаго полка слышался Ярославскій, вмѣсто Вологодскаго—Рыльскій, вмѣсто Архангелогородскаго — Пензенскій, вмѣсто слова „завалы“—говорили „траншеи“. На артиллерію-же всѣ жаловались поголовно, что она въ самую критическую минуту снялась и не поддержала аттакующихъ огнемъ.

Двигаясь далѣе, слышимъ съ лѣвой стороны отъ плевненскихъ высотъ доносятся пушечные выстрѣлы. Скобелевъ беретъ нѣсколькихъ казаковъ и галопомъ направляется на выстрѣлы. На другой день я слышалъ разсказъ его объ этой поѣздкѣ. Изъ всѣхъ частей Михаилъ Дмитріевичъ нашелъ на своемъ мѣстѣ только генерала Горшкова съ бригадой. Горшковъ сидѣлъ на барабанѣ. Передъ нимъ было выстроено нѣсколько баталіоновъ, которыхъ онъ сбирался сѣчь. По близости возвышалась цѣлая груда розогъ. Скобелеву онъ представился такъ:

— Рекомендуюсь, генералъ Potier (т. е. Горшковъ).

— Ха, ха, ха, Potier,—хохоталъ Скобелевъ, повторяя Левису нѣсколько разъ это слово.—Затѣмъ, разсказалъ Скобелевъ,—Горшковъ обращается къ своимъ солдатамъ и кричитъ

имъ: Вы что, подлецы, бѣжать... а... бѣжать? Я вамъ задамъ, такіе, сякіе. У меня три дома въ Петербургѣ, сто тысячъ денегъ, да я и то не боюсь, а у васъ, кромѣ вшей, ничего нѣтъ, а вы трусите! Драть васъ за это, всѣхъ драть, ложись, подлецы! Солдаты ложатся. Горшковъ стихаетъ, и затѣмъ кричитъ имъ: Ну, вставать; Богъ васъ проститъ!

Впослѣдствіи Скобелевъ, каждый разъ, при разговорѣ о дѣлѣ 18-го іюля подъ Плевной, съ любовью отзывался о Горшковѣ и называлъ его молодцомъ.

ГЛАВА XII.

Дмитрій Ивановичъ Скобелевъ.

Д. И. Скобелевъ

Вскорѣ мнѣ опять пришлось ѣхать въ Тырново, въ главную квартиру. Какъ-то утромъ, только-что я одѣлся, вышелъ изъ палатки полюбоваться солнышкомъ, вижу, невдалекѣ отъ меня, Скобелевъ умывается около своей палатки. Молодой деньщикъ, Круковскій, въ черномъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, поливаетъ ему воду на руки изъ мѣднаго рукомойника. Генералъ въ негликe: пунцовая, шелковая рубаха заправлена въ синіе рейтузы съ красными лампасами; рукава засучены выше локтей, сапоги лакированные со шпорами. Разставивъ ноги и закинувъ голову назадъ, онъ старательно и съ шумомъ полощетъ горло.

— Верещагинъ!—кричитъ онъ, замѣтивъ меня.

Я подхожу. Генералъ продолжаетъ умываться: намыливаетъ руки, лицо, набираетъ въ ротъ воды, пропускаетъ ее фонтаномъ черезъ ноздри своего огромнаго носа, фыркаетъ и брызжется какъ утка. Круковскій подаетъ сложенное полотенце. Такъ какъ торопиться ненадо, отрядъ никуда не выступаетъ, то генералъ производитъ все это чрезвычайно медленно; широко растегиваетъ косой воротъ рубахи, обтираетъ мокрую длинную шею, густые рыжіе бакенбарды, захваты-

ваетъ полотенцемъ и коротко стриженные волосы на головѣ, которые у него становятся уже очень рѣдки, и только тогда обращается ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы, кажется, были въ Тырновѣ? Знаете дорогу?—причемъ дѣлаетъ шагъ къ палаткѣ и достаетъ со стола маленькое ручное зеркальце.

— Такъ точно, ваше превосходительство, былъ.

— Такъ съѣздите, пожалуйста, опять, привезите мнѣ хорошаго вина боченокъ, да повидайте отца моего, онъ тамъ при Великомъ Князѣ. Привезите отъ него побольше денегъ, да попросите: нѣтъ-ли у него бѣлой лошади; скажите, что у меня 18-го іюля двухъ убили. Слышите?

Затѣмъ Михаилъ Дмитріевичъ страшно широко раскрываетъ ротъ и подробно осматриваетъ въ зеркало свое горло. Окончивъ осмотръ, повязываетъ черный форменный галстухъ, навѣшиваетъ Георгія, надѣваетъ чистенькій суровый китель и принимается яростно расчесывать рыжіе бакенбарды заразъ двумя щетками, направо и налѣво, причемъ вытягиваетъ шею и дѣлаетъ отчаянныя гримасы.

— Такъ отправляйтесь, когда хотите, хоть теперь-же, явитесь полковнику Тутолмину,—говоритъ онъ, и простившись со мною за руку, уходитъ къ себѣ въ палатку. Сквозь открытыя дверки я вижу еще нѣкоторое время, какъ онъ тамъ душится изъ флакончика: льетъ духи за воротникъ кителя, на грудь, на платокъ. Скобелевъ чревычайно любилъ душиться. У него постоянно возились съ собой цѣлыя баттареи различныхъ банокъ, флакончиковъ съ духами и одеколонами.

Часа полтора спустя, я уже ѣхалъ въ Тырново въ сопровожденіи шести казаковъ.

На этотъ разъ городъ показался мнѣ очень скучнымъ. Разгромъ нашихъ войскъ 18-го іюля, очевидно, произвелъ на всѣхъ здѣсь подавляющее впечатлѣніе. Великаго Князя не было, онъ уѣзжалъ въ мѣстечко Бѣлу, къ Государю Императору. Жители имѣли какой-то растерянный видъ, войскъ мало, ни музыки, ни пѣсенъ не слышно. Повсюду царствовало уныніе. Старикъ Скобелевъ какъ-будто немного обрадовался, уви-

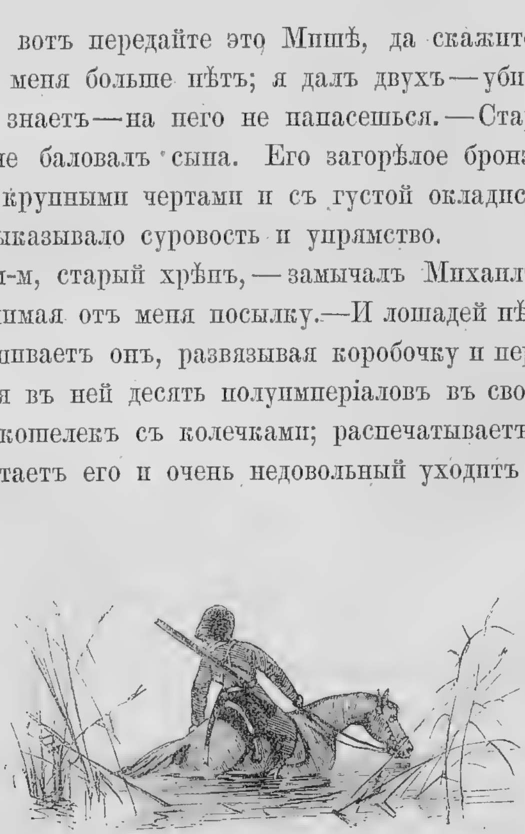
дѣвъ меня, и мы долго разговаривали съ нимъ о его сынѣ и о дѣлѣ 18-го іюля.

— Ну, зайдите ко мнѣ передъ отъѣздомъ, я напишу письмецо Мишѣ и пошлю ему кое-что,—гнусилъ онъ, подавая на прощанье только два пальца.

Вечеромъ захожу. Дмитрій Ивановичъ передаетъ мнѣ письмо и маленькую коробочку изъ-подъ пилюль, перевязанную тоненькимъ шнурочкомъ. Въ коробочкѣ болталось нѣсколько золотыхъ.

— Ну, вотъ передайте это Мишѣ, да скажите ему, что лошадей у меня больше нѣтъ; я далъ двухъ — убили, ну, теперь какъ знаетъ — на него не напасешься. — Старикъ былъ скупъ и не баловалъ сына. Его загорѣлое бронзовое лицо, съ очень крупными чертами и съ густой окладистой рыжей бородой, выказывало суровость и упрямство.

— М-м-м, старый хрѣнъ, — замычалъ Михаилъ Дмитріевичъ, принимая отъ меня посылку.—И лошадей нѣтъ?—ворчливо спрашиваетъ онъ, развязывая коробочку и перекладывая оказавшіеся въ ней десять полуимперіаловъ въ свой длинный, шелковый кошелекъ съ колечками; распечатываетъ отцовское письмо, читаетъ его и очень недовольный уходитъ къ себѣ въ палатку.



ГЛАВА XIII.

Лагерь у селенія Дойранъ.

О. А. Левисъ.

Въ Парадимѣ мы стояли одинъ день. 23-го іюля бригада передвинулась къ мѣстечку Дойранъ, верстахъ въ шести отъ города Ловчи.

Отличное здѣсь было мѣсто; сколько ни стояли, нигдѣ мнѣ такъ не нравилось. Лагерь разбили недалеко отъ берега Осьмы; водопой тутъ и есть. Вдоль рѣки, по направленію къ Ловчѣ, по обѣ стороны шли какъ-бы хутора съ великолѣпными фруктовыми садами. Нѣкоторые изъ нихъ были огорожены плетнями и каменными заборами, другіе стояли такъ, въ видѣ рощъ. Августъ приближался, фрукты поспѣвали. Ѣдешь бывало, купаться, или такъ прокатиться, смотришь, ужь гдѣ-нибудь навѣрно, въ саду, казакъ верхомъ, привставши на стременахъ, срываетъ къ себѣ въ торбу темныя посинѣлыя сливы или крупные зеленые грецкіе орѣхи. Множество было также грушъ, винограду. Еще росли здѣсь фрукты, въ родѣ сливы, только совершенно круглые, желтоватаго цвѣта, очень сладкіе, но не особенно вкусные. У казаковъ они назывались „лыча“. Мы всѣ ѣли ее съ большимъ удовольствіемъ.

Влѣво отъ лагеря, если смотрѣть къ Ловчѣ, шли горы, мѣстами покрытыя лѣсомъ, мѣстами голыя, скалистыя.

Наша сторожевая линія находилась въ двухъ верстахъ отъ лагеря и шла вдоль продолговатаго гребня холмовъ, покрытаго тоже фруктовыми деревьями; по скату его росъ виноградъ. Съ этихъ холмовъ мѣстность спускается и образуетъ долину, покрытую зеленью, виноградниками и фруктовыми деревьями. Влѣво, вдоль долины, у подножія горъ, извивается рѣка Осьма. Она мѣстами то блеститъ на солнышкѣ, то пропадаетъ за извилистыми берегами. Верстахъ въ четырехъ отъ аванпостовъ, за долиной, бѣлѣетъ знакомая мнѣ Ловча.

— Вонъ тамъ,—разсуждаю я, стоя на гребнѣ холмика,— Сельвинское шоссе должно спускаться съ горы къ мосту; за нимъ сейчасъ-же идетъ, черезъ весь городъ, длинная улица и упирается вонъ въ то кладбище, по сю сторону города. Какъ это наши упустили Ловчу? Теперь ее не вдругъ опять возьмешь; вонъ тамъ, не доходя города, какія насыпи виднѣются!

Изъ Ловчи, паралельно нашей сторожевой линіи, бѣлой лентой тянется шоссе къ Плевнѣ и теряется за холмами. Вдали, параллельно шоссе, тянутся высокія синеватыя горы,

Хорошо бывало здѣсь, въ Дойранѣ, въ особенности подъ вечеръ, когда жара спадала. Помнится мнѣ одинъ изъ такихъ вечеровъ. Солнце готовилось садиться, офицеры и казаки повылѣзли изъ палатокъ подышать свѣжимъ воздухомъ; повсюду слышится шумъ, смѣхъ, разговоры. Я направляюсь къ себѣ на коновязь; тамъ идетъ уборка лошадей. Нѣкоторыхъ уже привели съ водопоя, и имъ навязываютъ торбы съ ячменемъ, другихъ еще только ведутъ. Невдалекѣ молодой черноватый казакъ, верхомъ на гнѣдой сытой лошадкѣ, въ одной рубахѣ и шароварахъ, тащитъ за поводъ еще двухъ коней. Лошади только-что выкупаны, шерсть на нихъ прилипла и блеститъ, хвосты намокли и обострились, вода такъ и капаетъ съ нихъ. Казакъ подъѣзжаетъ къ коновязи, опускаетъ повода, быстро соскакиваетъ, надѣваетъ на шею своей лошади заранѣе приговленную торбу, и пока та водитъ ушами и жубритъ ячмень, онъ чиститъ ее: обтираетъ сѣномъ шею, спину, подъ брюхомъ, ноги, третъ руками и холитъ ее, насколько хватаетъ умѣнья. Кругомъ слышится ржаніе лоша-

дей и хрустѣнье ячменя; иногда шумъ этотъ нарушается возгласами казаковъ: „Стой, лѣшій!“ „И, вражья сила!“ и т. п.

Возвращаясь съ коновязи, вижу, Левисъ выходитъ изъ своей палатки и начинаетъ прогуливаться на холодкѣ, въ черномъ ластиковомъ бешметѣ; сѣдая, стриженая голова, ничѣмъ не покрыта. Онъ заложилъ свои бѣлыя пухлыя руки за спину и прохаживается взадъ и впередъ по утоптанной тропинкѣ, мимо часового у знамени. Тотъ уперъ глаза въ „полка командера“ и провожаетъ и встрѣчаетъ его движеніемъ головы. По временамъ, полковникъ, равняясь съ своей палаткой, точно ныряетъ въ нее, но черезъ минуту снова появляется на свѣтъ божій, обтирая пухлой рукой длинные сѣдые усы.

Я знаю, зачѣмъ Оскаръ Александровичъ заглядываетъ туда. Онъ отпиваетъ глоточками красное вино, что стоитъ у него на столикѣ возлѣ кровати: вино это — то самое, которое я привезъ Скобелеву изъ Тырнова. Генералъ отдалъ полковнику весь боченокъ. Левисъ охотникъ до хорошаго вина!

— Верещагинъ,—кричитъ командиръ, увидѣвъ меня.

Я подхожу.

— Хотите вина?—подчуетъ онъ.

Я благодарю, беру стаканъ и пробую—вино очень порядочное.

— А вы знаете,—говоритъ Оскаръ Александровичъ:—я васъ къ Георгіевскому кресту представилъ за Сельвинское дѣло. Довольны вы?

— Покорно благодарю, полковникъ, какже не быть довольнымъ! Только пройдетъ-ли?

— Отчего не пройдетъ? Тутолминъ подписалъ, Паренцовъ самъ везетъ сегодня къ Зотову всѣ представленія за 18-е іюля, и ваше въ томъ числѣ.

Въ это время, скорымъ шагомъ подходитъ Тутолминъ; папаха немного на затылкѣ, лѣвая рука на кинжалѣ, правой онъ размахиваетъ на казацкій маперъ и тоже говоритъ мнѣ:

— Ну-съ, вы представлены къ Георгію. Полковникъ Па-

ренцовъ везетъ представленія къ генералу Зотову, и лично будетъ ходатайствовать о вашемъ.—И Иванъ Ѳедоровичъ смотритъ на меня такимъ образомъ, какъ-бы хотѣлъ сказать: ужь, кажется, можно быть довольнымъ.

Я иду къ палаткѣ Паренцова. Тамъ толпятся почти всѣ офицеры; всѣ провожаютъ начальника штаба, который везетъ ихъ представленія о наградахъ. Каждый, конечно, напоминаетъ о своемъ и проситъ не забыть.

Начальникъ штаба, въ клеенчатомъ пальто при погонахъ, съ кожанною сумкою черезъ плечо, суетится и съ дѣловымъ видомъ собирается ѣхать въ корпусный штабъ. Со всѣми прощается, между прочимъ, и со мною, обѣщаетъ, что моё представленіе навѣрно пройдетъ, что ужь онъ постарается!

Такъ дня черезъ три или четыре, иду мимо палатки брата Сергѣя, смотрю, тотъ машетъ мнѣ рукой. Захожу къ нему.

— Не думаешь-ли ты, братецъ, Георгія получить?—говоритъ онъ съ серьезнымъ лицемъ, въ которомъ проглядывала досада.

— Право, не знаю. Левисъ обѣщалъ, Тутолминъ тоже, Паренцовъ самъ повезъ представленія,—отвѣчаю ему.

— Ну, такъ оставь, братецъ, думать. Я только-что отъ Зотова, и совершенно случайно слышалъ, какъ докладывались ему всѣ ваши представленія. О твоемъ было сказано, что оно ничего не стоитъ, Зотовъ и выкинулъ его. Ужь будь увѣренъ, я врать не стану.—И братъ, сердитый, пожалъ мнѣ руку. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ я ничего больше не слыхалъ о моемъ Георгіѣ; такъ онъ и заглохъ.

Въ тотъ-же день подъ вечеръ кто-то верхомъ подъѣхалъ къ нашей палаткѣ и кричитъ:

— Господа, ѣдемте купаться!

Выхожу, смотрю, Индрисъ Дударычъ (такъ звали Шанаева) сидитъ верхомъ на своей вороной турецкой лошадкѣ, которую онъ уже успѣлъ раскормить какъ поросенка. Сзади казакъ, тоже верхомъ, держитъ подъ мышкой маленькій коврикъ, полотенце и остальныя принадлежности для купанья. Павелъ Ивановичъ тоже выходитъ, но ѣхать отказывается.

— Нѣтъ, я не купаюсь, боюсь, лихорадка замучитъ, говоритъ тотъ, кутаясь въ свой полосатый тиковый бешметъ. Подходятъ еще нѣсколько товарищей, мы соглашаемся и ѣдемъ.

Въ одномъ мѣстѣ, въ полуверстѣ отъ лагеря, берегъ Осьмы очень отлогій и сплошь покрытъ мелкими камешками; дно песчаное, твердое, купаться очень пріятно. На мнѣ былъ надѣтъ золотой крестикъ, на длинной золотой цѣпочкѣ—подарокъ моей мамаши передъ отъѣздомъ на войну. Чтобы не потерять, я снялъ и положилъ его подъ кустъ, да и забылъ. На утро хвать—нѣтъ креста. Бѣгу къ берегу, но уже поздно, ночью былъ дождикъ и Осьма такъ разлилась, что далеко затопила и берегъ, и кустикъ, гдѣ я раздѣвался.

Мы выкупались и ѣдемъ назадъ. Изъ лагеря доносится гулъ таламбаса и голоса пѣсенниковъ. Мотивъ пѣсни разобрать трудно, подъѣзжаемъ ближе, слышу, „Калинушку“ поютъ. Ударенія на слоги ясно достигаютъ ушей.

Посажуль-я ка́линушку
На́ крутъ бережочекъ:
Рости, рости, калинушка,
Рости, не шатайся.
Рости, рости, калинушка,
Рости, не шатайся,
Живи, моя сударушка,
Живи, не печалься.

У-у-у, вторитъ таламбасъ.

— Это у Пржеленскаго должно быть! Что у него за праздникъ?—толкуютъ товарищи дорогой.—Какой тамъ праздникъ, у него и все праздникъ!

Придетъ тоска кручинушка,
Пойди разгуляйся,
Пойди, пойди, разгуляйся,
Съ милымъ повидайся!

Съ какимъ-то особеннымъ азартомъ выкрикиваютъ пѣсенники слова „съ милымъ повидайся“. — Далеко за полночь

длится кутежъ и раздаются въ ночной тиши голоса охриплыхъ пѣсенниковъ. Ужъ поздно прихожу въ палатку. Сожителя моего, Павла Ивановича, еще нѣтъ; онъ тамъ допиваетъ остатки. Ложусь спать, не спится— пѣсенники мѣшаютъ. Вотъ опять начинаютъ, чуть не въ десятый разъ, любимую:

Полно намъ, снѣжки, на талой землѣ лежа-а-ать,
Полно намъ, казаченьки, горе горева-а-ть...

Закрываюсь сглуха буркой, сую голову подъ сложенный бешметъ, замѣняющій мнѣ подушку, нѣтъ, — таламбасъ продолжаетъ гудѣть, точно надъ самымъ ухомъ. Но сонъ сильнѣе всякаго таламбаса.

Какъ-то разъ въ лагерѣ, между коновязями, собралась толпа казаковъ; смотритъ на кого-то, смѣется и разсуждаетъ. Подхожу ближе,—вижу, стоятъ, подъ присмотромъ нѣсколькихъ казаковъ, два башибузука, со связанными за спину руками. Одинъ изъ нихъ высокій, худощавый старикъ, съ черной бородой, въ бѣлой чалмѣ, въ пестрой курткѣ и въ синихъ шароварахъ, босикомъ. Другой, молодой парень съ непокрытой, бритой головой, въ одной бѣлой холщевой рубахѣ и такихъ-же шароварахъ. Парень имѣлъ разбойничій видъ: небольшаго росту, очень широкій въ плечахъ, лицо безъ бороды, глаза узенькіе, злые; на лѣвой щекѣ, во всю длину, выдѣлялся широкій заросшій рубецъ. Старикъ добродушно что-то отвѣчалъ казакамъ, размахивалъ руками; молодой-же упорно молчалъ и какъ волкъ поглядывалъ по сторонамъ изъ-подлобья.

— Смотри, ребята, хорошенько, этотъ живо уйдетъ! слышалъ я, уходя, восклицаніе изъ толпы.

Въ ту-же ночь, когда весь лагерь спалъ, подымается тревога, раздаются крики: лови, держи, вотъ сюда побѣгли, садись на лошадь-то, скачи! Затѣмъ слышно какъ кто-то пускается вскачь, за нимъ еще и еще.

— Подлецы, упустили!—ворчитъ мой Павелъ Ивановичъ, подымаясь съ постели.

Я понялъ, что часовые упустили плѣнныхъ. Выбѣгаю изъ палатки, наскоро надѣваю шашку. Ламакинъ догадался уже осѣдлать мою лошадь. Сажусь въ сѣдло и бросаюсь за казаками. Тѣ, разсыпавшись широкой цѣпью, скакали въ сторону Ловчи. Начало разсвѣтать. Не прошло всего десяти минутъ, какъ уже мы были за три версты отъ лагеря. Не найдя бѣглецовъ, мы остановились и начали тихо отступать, тщательно осматривая каждый кустикъ и каждую канавку. Башибузуки должны были остаться назади; не могли-же они, въ такое короткое время, такъ далеко убѣжать.

Солнце еще не показывалось. Туманъ, бывшій ночью, началъ разсѣяваться. Темныя кучки деревьевъ отдѣлялись одна отъ другой зелеными луговинками, покрытыми серебристой росой. Вонъ и нашъ лагерь показался на холмикѣ, а башибузуковъ все нѣтъ, какъ нѣтъ. Казаки шныряютъ во всѣ стороны, смотрятъ, перекликаются,—нѣтъ, пропали да и только.

— Стой, здѣсь, ей Богу, здѣсь, братцы, сюда! раздается чей-то радостный голосъ. Казаки рысью направляются къ высокому, тѣнистому орѣху. Одинъ изъ нихъ уже соскочилъ съ лошади и цѣлилъ въ вершину. Я подскакиваю и вижу между вѣтвями дерева, почти на самой вершинѣ, притаилась человѣческая фигура. Тогда начинается настоящая охота, только не на звѣря, а на человѣка. Вотъ раздается первый выстрѣлъ, — не смертельный: башибузукъ сильно вздрагиваетъ, перехватывается рукой за вѣтку ниже и какъ-бы замираетъ. Мнѣ хочется разглядѣть его лицо, но не могу. Раздается другой выстрѣлъ. Турокъ подпрыгиваетъ всѣмъ туловищемъ, сползаетъ внизъ, но опять уцѣпляется ногами и руками и продолжаетъ висѣть паралельно землѣ. Раздаются два выстрѣла разомъ. Турокъ безсильно опускаетъ руки, падаетъ головой внизъ и грузно простирается на сырой травѣ, потерявъ на пути бѣлую чалму. Это былъ старикъ. Въ то-же время, по близости, на другомъ деревѣ, подстрѣлили другаго башибузука, молодого парня. Онъ такъ хорошо спрятался, что не попадись старикъ, его никакъ-бы тутъ и не подумали искать.

Рѣка Осьма съ дождей сильно разлилась, переправа трудная, а между тѣмъ узнаемъ, что съ противоположнаго берега подошла девяти-фунтовая батарея полковника Гудимы, и ей необходимо переправиться на нашу сторону. Послали казаковъ на помощь; это было 2-го августа. Сажусь на лошадь и ѣду взглянуть на батарею.

Еще издали вижу, съ того берега спускается зарядный ящикъ, запряженный четверкой рыжихъ лошадей. Одинъ такой ящикъ уже сбило бурнымъ потокомъ, и онъ лежитъ вонъ тамъ, немного влѣво, посрединѣ русла; мутная вода такъ и хлещетъ, такъ и обмываетъ торчащія изъ воды зеленыя колеса обтянутыя сверкавшими на солнцѣ шинами.

— Го-го-го-у-у-у, гогочетъ толпа раздѣтыхъ артиллеристовъ. подгоняя лошадей; на зарядномъ ящикѣ возсѣдаетъ усатый возница въ одной рубахѣ, закрученной до самыхъ подмышекъ. Онъ съ азартомъ машетъ кнутомъ и оретъ громче всѣхъ. Человѣкъ тридцать нашихъ казаковъ, совершенно голыхъ, верхами, тутъ-же барахтаются; нѣкоторые изъ нихъ заѣхали по самыя сѣдла въ воду, и, прикрѣпивъ одинъ конецъ веревки, или, какъ они называютъ, мочки, къ дышлу, а другой къ сѣдлу, погоняютъ своихъ лошадей и такимъ образомъ помогаютъ артиллеристамъ вытаскивать зарядные ящики. То-же самое продѣлываютъ съ орудіями. Отличныя лошади были у полковника Гудимы, подобныхъ я во всю кампанію ни въ одной баттареѣ не видалъ, одна лучше другой!

Артиллерія не вдругъ переправилась; я успѣлъ съѣздить въ лагерь пообѣдать. Возвращаясь назадъ, вижу, ѣдетъ на встрѣчу, на вороненькой лошадкѣ, офицеръ генеральнаго штаба, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, небольшаго росту, худощавый, черноватенькій, безъ бороды, но съ усами.

— Здравствуйте, Верещагинъ,—говоритъ онъ, когда, поровнявшись съ нимъ, я отдаю ему честь. — Вы очень походите на вашего брата Василія Васильевича, съ нимъ я еще съ Туркестана знакомъ.—Это былъ капитанъ Куропаткинъ. Онъ ѣхалъ къ Скобелеву, въ качествѣ начальника штаба отряда, на мѣсто Паренцова. Куропаткинъ сразу располагалъ къ

себѣ: нѣсколько суровый на видъ, голосъ имѣлъ пріятный, лицо блѣдное, глаза маленькіе, впалые, но очень живые. Говорилъ немного, но ясно, толково. Алексѣй Николаевичъ всѣмъ у насъ поправился. Всѣ были довольны новымъ начальникомъ штаба.

10-го августа я находился съ сотней на постахъ. Павелъ Ивановичъ оставался въ лагерѣ. Вечерѣетъ. Я сижу на бугорочкѣ, подъ высокимъ деревомъ и любуюсь видомъ на Ловчу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, между виноградными кустами, стоитъ на посту верховой казакъ, и тоже смотритъ въ непріятельскую сторону.

— Что, ничего не видно?—спрашиваю казака.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, ничего не замѣтно,— отвѣчаетъ тотъ, мелькомъ взглядываетъ на меня, и затѣмъ опять продолжаетъ пристально смотрѣть.

Плевненское шоссе, при яркомъ послѣ-обѣденномъ солнцѣ, еще рѣзче выдѣлялось изъ общей зелени. Медленно тянутся турецкія каруцы, запряженныя бѣлыми волами; даже видно, какъ животныя лѣниво помахиваютъ хвостами.

Сколько повозокъ!—и все это въ Плевну, все съ провіантомъ, все запасы турки дѣлаютъ. И что-же это мы тутъ стоимъ и дозволяемъ непріятелю свободно снабжать Плевну! Отчего-бы намъ не напасть на транспортъ и не отбить его?

Въ это время кто-то подскакалъ сзади. Оглядываюсь, казакъ изъ лагеря слѣзаетъ съ лошади въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, и ведя ее за собою въ поводу, подаетъ мнѣ записочку. Почеркъ Шапаева. Онъ пишетъ, что бригадный командиръ проситъ меня немедленно-же явиться къ нему. Я зову вахмистра, наказываю ему быть осторожнѣе, сажусь на лошадь и маршъ-маршемъ скачу въ лагерь. Полковникъ Тутолминъ находился въ палаткѣ у Скобелева.

— Вы назначаетесь отряднымъ адъютантомъ,—говоритъ мнѣ Скобелевъ и вопросительно смотритъ на меня. Я никакъ не ожидалъ такой новости, и не имѣя понятія о канцеляр-

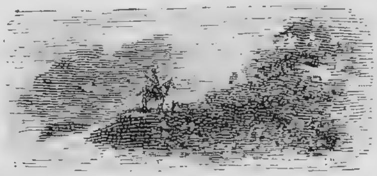
ской службѣ и порядкахъ, чувствую себя неспособнымъ къ этой должности.

— Ваше превосходительство, я боюсь, что не въ силахъ буду выполнить этого назначенія. Я совершенно незнакомъ съ канцелярскимъ дѣломъ,—отвѣчаю генералу.

— Почему это? Тутъ нѣтъ никакой трудности. Впрочемъ, какъ знаете. Дайте сегодня-же отвѣтъ Куропаткину.

Я иду къ тому, и объясняю, въ чемъ дѣло. Алексѣй Николаевичъ успокаиваетъ меня и говоритъ:

— Ничего, оставайтесь, если чего не знаете, такъ я помогу.—Я соглашаюсь. На другой день, товарищи читаютъ въ приказѣ по отряду, что въ составъ отряда генерала Скобелева входятъ, кромѣ казачьей бригады, казанскій пѣхотный полкъ, первый баталіонъ шуйскаго полка и 9-ти-фунтовая батарея. Начальникомъ штаба назначается капитанъ Куропаткинъ, отряднымъ адъютантомъ—сотникъ Верещагинъ.



ГЛАВА XIV.

На Сельви-Ловчинскомъ шоссе.

11-го августа, рано утромъ, нашъ отрядъ снялся, чтобы перейти на сельви-ловчинское шоссе. Переправившись черезъ Осьму, мы идемъ узенькимъ гористымъ ущельемъ. Что за жара была въ этотъ день! На серединѣ пути отрядъ остановился; всѣ измучились и люди, и лошади. Дорога каменистая, неровная и очень тяжелая. Повозки остановились, лошади выбились изъ силъ; люди разбрелись и, уткнувшись гдѣ пришлось подъ тѣнью деревьевъ, лежатъ какъ убитые. Я тоже уморился и лежу въ тѣни кустарника. Подлѣ меня растянулся хорошенькій, молоденькій сотникъ кубанскаго полка Воейковъ, прикомандированный изъ лейбъ-уланъ. Потное лицо его покраснѣло, какъ его шелковая красная рубаха; черные усики и только-что пробивающіеся бакенбарды намокли отъ пота; самъ онъ тяжело дышетъ. Я смотрю на него и опасаюсь, не случился-ли съ нимъ солнечный ударъ.

Черезъ дорогу, на скатѣ пригорка, въ тѣни, сидитъ начальство и закусываетъ. Между ними и Скобелевъ въ бѣломъ кителѣ, при аксельбантахъ и съ Георгіемъ на шеѣ. Рядомъ съ нимъ сидитъ, въ истасканномъ парусинномъ пиджакѣ, корреспондентъ Максимовъ. Онъ что-то разсказываетъ генералу и, должно быть, очень смѣшное, такъ какъ Скобелевъ, закинувъ голову назадъ, заразительно смѣется.

Понемногу начинаютъ показываться фигуры солдатъ, офицеровъ; лошадей начинаютъ снова гнать, бить по чемъ попало. Повозки подаются на сажень, останавливаются, снова двигаются, опять останавливаются и такъ далѣе.

Поздно ночью отрядъ добрался до назначеннаго мѣста и остановился на самомъ шоссе, на половинѣ дороги между Сельви и Ловчей. Пѣхота стала на полъ-версты впереди отъ казачьей бригады, влѣво отъ шоссе, въ густой тѣнистой рощѣ.

Балканы виднѣлись отсюда прекрасно. Случалось, подолгу я любовался на нихъ, въ особенности по вечерамъ, въ дни аттакъ Сулеймана на Шипку, когда канонада стала ясно доноситься. Возьму, бывало, бинокль, выйду на опушку рощи, лицомъ къ темнѣвшимъ Балканамъ, сяду, гдѣ поудобнѣе, и прислушиваюсь, не загудитъ-ли въ горахъ. Вонъ, гдѣ-то далеко, далеко, и именно со стороны Шипки—слышатся точно громовые удары,—у-у-у!—потрясаютъ пушечные раскаты воздухъ. Смотрю въ бинокль на зубчатыя вершинки, освѣщенныя закатывающимся солнцемъ, не увижу-ли хоть дыму гдѣ? Нѣтъ, далеко до Шипки. Болгары, говорятъ, 60 верстъ будетъ. Вотъ второй раскатъ—этотъ еще дольше гудитъ. Сердце сжимается, въ головѣ мелькаетъ мысль: что-то наши? удержатся-ли они? мало ихъ тамъ, а непріятеля чуть-ли не двадцать тысячъ! Что-же это къ нашимъ помощь нейдетъ? Гдѣ-же войска? — Вотъ что терзало меня въ эти минуты.

— Дайте-ка, Верещагинъ, всю переписку, всѣ наши бумаги! — кричитъ мнѣ, какъ-то, Михаилъ Дмитріевичъ изъ своей палатки. Беру портфель и несу.

— Нѣтъ, батюшка, вы не годитесь вести дѣла. Вы мнѣ такъ всѣ бумаги порастеряете, — ворчитъ Скобелевъ, опрастывая портфель. — Не подшиты, не пронумерованы! Развѣ такъ можно?—Я стою какъ ошпаренный, не подозрѣвая, что бумаги слѣдовало подшивать и помѣчать числа. Генералъ никогда мнѣ объ этомъ не говорилъ. Получитъ, бывало, конвертъ во время пути, прочтетъ его, обернется ко мнѣ и крикнетъ: „Спрячьте!“ „Возьмите!“—Ну, возьмешь и положишь къ другимъ бумагамъ; стараешься, только, чтобы не потерялись.

— Нѣтъ, я возьму другого офицера, онъ будетъ лучше вести дѣла! Попросите сюда полковника Тебякина.

Я, сконфуженный, иду въ казанскій полкъ, который стоялъ тутъ-же въ нѣсколькихъ шагахъ; ихъ палатки бѣлѣлись между деревьями. Офицеры почти всѣ уже мнѣ знакомы; почти у всѣхъ я побывалъ въ гостяхъ, посидѣлъ и попилъ чаю, всѣ меня знали и относились съ должнымъ почтеніемъ, какъ къ отрядному адъютанту.—И тутъ вдругъ такой скандалъ! Все это дорогой моментально пролетѣло у меня въ головѣ. Впрочемъ, думаю, о чемъ-же особенно и горевать, вѣдь я предупреждалъ генерала, что не знаю канцелярскихъ порядковъ; и Куропаткину говорилъ совершенно откровенно, что не терплю писанія, не знаю ни формы бумагъ, ни порядковъ! И я начинаю понемножку успокаиваться и утѣшаться, въ особенности, когда припомнилъ маленькую непріятность съ Тутолминымъ, происшедшую изъ-за того только, что я написалъ ему отъ имени генерала: „предписываю“, вмѣсто „предлагаю“...

— Чортъ съ ними, съ этими бумагами! Ну, велятъ уйти въ полкъ, такъ и уйду. Писать на этакой жарѣ—чистое наказанье!—И я, совершенно потный отъ жары и размышленій, вхожу на прогалинку рощи, гдѣ стояла просторная палатка командира полка. Дежурный солдатъ докладываетъ обо мнѣ, командиръ полка самъ выскакиваетъ. Это былъ уже пожилыхъ лѣтъ господинъ, средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, съ толстой шеей, рыжеватый, бороду и щеки брилъ, носилъ одни усы.

— Пожалуйте, господинъ поручикъ, пожалуйте!—чрезвычайно ласково упрашиваетъ онъ меня взойти въ палатку, и застегиваетъ на себѣ китель. Въ палаткѣ у полковника находился въ это время худощавый маіоръ, лѣтъ подъ 50, завѣдывающій хозяйствомъ полка. При видѣ меня, лицо маіора принимаетъ до приторности ласковое выраженіе, и онъ обѣими руками трясетъ мою руку.

— Васъ генералъ проситъ,—передаю я Тебякину.

— Не знаете, зачѣмъ?—какъ-бы испуганно спрашиваетъ онъ, мгновенно мѣняя ласковое лицо на озабоченное. Полковникъ торопится одѣваться и кричитъ денщика, я-же прощаюсь, ухожу къ себѣ въ палатку, ложусь на постель и раздумываю о томъ, что генералъ вѣрно сейчасъ будетъ просить Тебякина дать ему офицера, который-бы могъ замѣнить меня.

Вскорѣ показывается изъ рощи фигура полкового командира, въ мундирѣ, бѣлыхъ штанахъ и при саблѣ. Онъ осторожно, на цыпочкахъ, подходитъ къ генеральской палаткѣ, останавливается около дежурнаго казака и шопотомъ что-то спрашиваетъ того. Казакъ шопотомъ-же отвѣчаетъ и указываетъ рукой на палатку генерала. Командиръ полка снимаетъ кэпи съ широкимъ золотымъ штабъ-офицерскимъ галуномъ, достаетъ изъ задняго кармана темный фуляровый платокъ, обтираетъ имъ лобъ, небольшую лысину, затылокъ, шею, берется за воротникъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ застегивается, оттягиваетъ его съ такимъ видомъ, точно мундиръ душилъ его, и затѣмъ, какъ-бы машинально проведя рукой по борту мундира, чтобы убѣдится, всѣ-ли пуговицы застегнуты, откашливается и уже ступая на всю ступню, рѣшительно направляется къ дверямъ палатки. Слышится голосъ генерала:

— Кто тамъ?— А, полковникъ! Милости просимъ!—Минутъ черезъ десять полковникъ ужѣ обратно выходитъ изъ палатки, и приподнявъ саблю за эфесъ, съ озабоченнымъ видомъ, той-же осторожной поступью, теряется въ рощѣ.

— Кого-то онъ пошлетъ генералу?—думаю я, продолжая лежать на буркѣ. Не больше какъ черезъ полчаса показы-

вается стройный молодой офицеръ.—А, это Лисовскій! Ну, этотъ хорошій, я его знаю, нѣсколько разъ встрѣчался съ нимъ и всегда любовался, какой онъ ловкій, красивый, манеры такія деликатныя.

Лисовскій подходитъ къ дежурному казаку и тоже шопотомъ спрашиваетъ его что-то. Казакъ показываетъ рукой на мою палатку, офицеръ направляется ко мнѣ. Лисовскій одѣтъ съ иголочки, мундиръ на немъ новешенекъ, брюки тоже бѣлые, какъ у полкового командира, но гдѣ-же командирскимъ равняться съ этими? Эти бѣлые какъ снѣгъ. Гдѣ только онъ досталъ такіе? Вѣрно, какъ ему ихъ вымыли и выгладили еще въ Россіи, такъ и сложилъ и завернулъ ихъ въ бумагу (но не въ газетную, газетная отпечатается), да и въ чемоданчикъ. Перчатки на его рукахъ тоже бѣлоснѣжныя. Мы поздоровались, какъ старые знакомые, и вмѣстѣ направились къ генералу. Тебякинъ, вѣроятно, сказалъ Скобелеву, кого онъ пришлетъ, такъ какъ тотъ, услышавъ наши шаги, кричитъ изъ палатки.—Пожалуйте сюда, Лисовскій.—Мы входимъ.

— Пожалуйста, примите вотъ всѣ эти бумаги отъ сотника Верещагина. Вы будете ихъ вести, да поаккуртнѣе, пронумеруйте ихъ, подшейте. Понимаете?

— Слушаю-съ, ваше превосходительство,—отвѣчаетъ тотъ, беретъ отъ меня бумаги, любезно раскланивается и уходитъ къ себѣ.

Около часу по-полудни деньщикъ генерала, Круковскій, по обыкновенію, зоветъ меня обѣдать. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатки генерала накрытъ столъ бѣлой скатереткой. Обѣдаютъ: генералъ, Куропаткинъ и я. Въ сторонѣ, между деревьями, видна согнутая фигура казака повара, который разливаетъ изъ котелка щи на тарелки. Скобелевъ, повязавъ на себя салфетку подъ подбородкомъ, какъ маленькія дѣти, ѣстъ щи; затѣмъ прерываетъ ѣду и говоритъ, обращаясь ко мнѣ: И не стыдно, ха, ха, ха! дѣла отняли! Я-бы на вашемъ мѣстѣ обидѣлся, ха-ха-ха! Алексѣй Николаичъ, ты знаешь, онъ мнѣ всѣ бумаги перепуталъ, ужъ у меня другой теперь будетъ отрядной адъютантъ,—добродушно разсказываетъ Михаилъ

Дмитріевичъ, смѣется и третъ рукой свой огромный носъ. Въ голубыхъ глазахъ его незамѣтно никакой досады или сердца на меня, онъ хохоталъ отъ души, добрымъ откровеннымъ смѣхомъ.

— Ничего, ваше превосходительство, Верещагинъ у насъ останется по строевой части, онъ намъ полезенъ будетъ,— серьезнымъ тономъ ободряетъ меня Куропаткинъ.

Кажется въ тотъ-же день я хожу съ генераломъ по рощѣ; канонада съ Балканъ особенно рѣзко раздавалась въ эти минуты. Михаилъ Дмитріевичъ, засунувъ руки въ карманы, задумчивый, мурлычетъ себѣ подъ носъ какую-то пѣсенку, страшно фальшивымъ голосомъ. Затѣмъ внезапно останавливается, берется за полу моей черкески и говоритъ съ какимъ-то отчаяніемъ въ голосѣ:

— Знаете что, съѣздите вы на Шипку къ Драгомирову, скажите Михаилу Ивановичу, — тамъ у него кровь льется, а мы здѣсь ничего не дѣлаемъ, гуляемъ, — скажите, что я готовъ ему помочь своими войсками!—Затѣмъ прибавляетъ:—Да привезите мнѣ изъ Габрова, отъ капитана Маслова, вина хорошаго,—слышите, отправляйтесь!

Сажусь на лошадь и ѣду, въ сопровожденіи казака.—До Сельви пятнадцать верстъ, отъ Сельви до Габрова считается 30, да тамъ до Шипки 15, всего около 60 верстъ, разсчитываю я дорогой. Солнышко закатилось. За Сельви я обгоняю пѣхотную бригаду Мольскаго. Ѣду дальше. Вижу, два солдата артиллериста ѣдутъ навстрѣчу скорой рысью. Должно, что-нибудь особенное случилось!

— Здорово, братцы!—кричу имъ,—что, какъ у васъ тамъ?

— Генералъ Драгомировъ раненъ, ваше благородіе!—отвѣчаетъ одинъ изъ нихъ, пріостанавливая лошадь.

— Когда? Опасно?

— Такъ точно, ваше благородіе; сегодня, въ ногу.—Солдаты замѣтно торопятся; я не задерживаю ихъ и ѣду дальше. Артиллеристы трогаются той-же крупной рысью, и быстро пропадаютъ въ темнотѣ. Звонъ подковъ раздается еще нѣкоторое время въ ночной тиши.

Въ Габрово пріѣхалъ я поздно ночью и отправляюсь къ начальнику города, капитану Маслову, тому самому, съ которымъ я познакомился въ первую несостоявшую рекогносцировку Скобелева въ Систовѣ. Масловъ сообщаетъ мнѣ, что Драгомировъ раненъ въ ногу, не особенно опасно, и что его завтра-же привезутъ сюда въ Габрово.

Рано утромъ я узнаю, что привезли Драгомирова и поспѣшно отправляюсь къ Габровскому монастырю, который былъ отведенъ для раненыхъ. Это низенькое зданіе съ большимъ дворомъ. Подхожу какъ разъ въ ту минуту, когда Драгомирова вытаскиваютъ изъ санитарнаго фургона и на рукахъ несутъ во внутреннее помѣщеніе монастыря. Я тоже подбѣгаю и помогаю нести. Генералъ слабымъ движеніемъ головы благодаритъ всѣхъ насъ за участіе.

— Вы отъ Михаила Дмитріевича? — говоритъ онъ мнѣ, узнавъ отъ Маслова, что я ѣхалъ къ нему на Шипку.—Такъ вотъ, скажите ему, да,—тянетъ онъ слабымъ унылымъ голосомъ: — скажите, что вотъ видѣли меня вотъ въ какомъ положеніи. Кланяйтесь Михаилу Дмитріевичу, — и генералъ киваетъ головой и закрываетъ глаза. Я уже не рѣшаюсь его больше безпокоить распросами о дѣлахъ и вскорѣ ѣду обратно.

Во время стоянки на сельви-ловчинскомъ шоссе генералъ часто приказывалъ мнѣ посылать лазутчиковъ болгаръ въ Ловчу, развѣдывать о непріятелѣ. Какъ-то разъ узнаемъ, что турки сбираются напасть на насъ. Въ тотъ-же день подъ вечеръ Скобелевъ ходитъ по рощѣ въ нервномъ настроеніи и потираетъ руки; я прохожу мимо него.

— Верещагинъ,—подзываетъ онъ меня, легонько берется за рукавъ моей черкески и заставляетъ ходить рядомъ съ собой.—Завтра у насъ будетъ бой!—говоритъ онъ. При этомъ лицо его принимаетъ торжествующее выраженіе.—Я вамъ себя поручаю; въ случаѣ, если я буду раненъ, не смѣйте увозить меня съ поля сраженія до конца боя. Слышите?

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!—отвѣчаю ему. Но слухъ оказался не вѣренъ; на другой день боя не было.

ГЛАВА XV.

Передъ ловчинскимъ боемъ.

Уже дней десять стоимъ мы на шоссе безъ всякаго дѣла; лазутчики приносятъ извѣстія, одно другому противорѣчащія: то непріятель сбирается отступать, то нападать; то его 4 тысячи, то 8 тысячъ. Скобелева все это немало раздражало.

Какъ-то послѣ обѣда, велитъ онъ приготовить полусотню казаковъ, садится на лошадь и шагомъ ѣдетъ къ Ловчѣ. Куропаткина съ нами нѣтъ; я и Лисовскій составляемъ свиту. Мѣстность, черезъ которую приходится ѣхать, чрезвычайно пересѣченная, извилистая: все рвы, овраги, холмы, покрытые лѣсомъ. До города верстъ 12; время 3 часа пополудни. Отъѣхавъ верстъ пять, генералъ обращается ко мнѣ и говоритъ:

— Сотникъ Верещагинъ, возьмите 5 человѣкъ казаковъ, поѣзжайте впередъ; доѣзжайте до непріятельской цѣпи, завяжите перестрѣлку и постарайтесь привести мнѣ „языка", если можно пѣхотнаго солдата. Изъ конвоя разставьте по дорогѣ нѣсколькихъ человѣкъ; въ случаѣ чего, они дадутъ мнѣ знать, тогда я къ вамъ явлюсь на выручку. Слышите?

— Слушаю-съ, ваше превосходительство.—Отбираю пять

казаковъ и отправляюсь. Дальше и дальше, все ближе и ближе къ непріятелю.

Ѣхать приходится очень осторожно: ущелья мѣстами такъ тѣсны, что достаточно засѣсть двоимъ, чтобы никого изъ насъ не выпустить.

Такъ какъ я уже разъ былъ въ Ловчѣ, то зналъ, что вонъ за тѣмъ холмикомъ городъ будетъ какъ на ладони. Постовъ еще не видно. Изъ конвоя троихъ уже разставилъ; остальные двое — одинъ ѣдетъ шаговъ пятьдесятъ впереди, другой сзади.

Непріятель долженъ быть уже очень близко, уже я чувствую, какъ у меня отъ страха папаха приподнимается и морозъ пробѣгаетъ по кожѣ. Чортъ возьми,—думаю: — задалъ-же генералъ задачу: поймай ему среди бѣлаго дня пѣхотнаго солдата! Да вѣдь онъ хоть и турокъ, а живой въ руки не дастся! Попробовалъ-бы самъ поймать.

Въ это время передовой казакъ внезапно соскакиваетъ съ лошади и стрѣляетъ вдоль по небольшой долинѣ, растилающейся передъ нами въ лѣвой рукѣ.

— Въ кого, чего увидалъ?—кричимъ мы.

— Эвоной-ли, ваше благородіе, турка! турка бѣжитъ! — осторожно кричитъ казакъ, и стрѣляетъ еще, и еще разъ.

Черезъ долину перебѣгаетъ въ бѣлой чалмѣ высокій турокъ съ черной бородой. Удаляясь отъ насъ, онъ размахиваетъ руками и что-то кричитъ, какъ будто кого зоветъ.

— Ваше благородіе, гляньте-ко на горы,—вполголоса говоритъ мнѣ казакъ, слѣдовавшій позади.

Смотрю, на вершинахъ горъ въ это время показываются человѣческія фигуры; завидя насъ, онѣ быстро скрываются.

— Куда-жъ мы, ваше благородіе, теперь ѣдемъ? — спрашиваютъ казаки, когда я, не смотря на все это, подаюсь еще впередъ:—вѣдь вотъ онъ тутъ сейчасъ за балкой.

— А вы развѣ не слышали, что генералъ приказывалъ?

— Слышать-то, слышали, ваше благородіе, да насъ тутъ безпремѣнно застукаютъ, коли дальше поѣдемъ.

Ѣхать дальше становилось дѣйствительно безразсудно.

Останавливаюсь и разсуждаю самъ съ собой: Огонь открытъ, ружейные выстрѣлы услышаны, мы замѣчены, непріятель въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ, до своего-же лагеря болѣе 10-ти верстъ. Ѣхать дальше—значитъ попасться, какъ кура во щи! Поворачиваю назадъ, хотя въ душѣ сознаю, что задача не выполнена. Но какъ-же возможно ее выполнить? Не броситься-же среди бѣлаго дня съ двумя казаками на пѣхотный постъ отбивать солдата.

Солнце готовилось закатиться за синеватыя горы, когда мы подъѣхали къ генералу.

— Ну что, привели „языка"?—былъ первый его вопросъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, хоть огонь и открыли, но солдата не удалось поймать, почти до самаго города доѣхали, — оправдываюсь я.

— Такъ и зналъ, что вамъ ничего серьезнаго поручить нельзя, — сердито возражаетъ генералъ и, сердитый, возвращается въ лагерь.

Немного спустя, Скобелевъ устраиваетъ поѣздку въ томъ-же родѣ. Вечеромъ приглашаетъ Куропаткина, Тутолмина, полковника Тебякина, баталіонныхъ командировъ, командировъ батарей и еще нѣсколькихъ офицеровъ; беретъ хоръ трубачей, и въ сопровожденіи 10 — 15 казаковъ мы ѣдемъ опять къ Ловчѣ. Дорогой генералъ, хоть и въ полголоса, но все-таки весело разговариваетъ то съ тѣмъ, то съ другимъ офицеромъ. Шутя и смѣясь, мы проѣзжаемъ даже то мѣсто, съ котораго я воротился. Спутники начинаютъ безпокойно переглядываться, перешептываться. Подаемся еще немного и въѣзжаемъ на пригорокъ. Ловча, какъ-бы загорѣвшись отъ лучей заходящаго солнца, близехонько краснѣетъ передъ нами. Минареты и мечети, въ полутемнотѣ, кажутся еще выше и стройнѣе. Мы смотримъ и любуемся. Но вотъ, солнышко закатилось—настаетъ темнота.

— Трубачи, играй зорю! — картаво командуетъ генералъ и набожно снимаетъ фуражку. И вотъ, въ виду непріятеля, раздаются знакомые звуки: та, та, та, ти, та, ти, та... и т. д.

Боже мой, какая въ городѣ поднимается тревога, раздаются сигналы, рожки, бьютъ барабаны.

Мы всѣ снимаемъ фуражки, и пока играютъ зорю, стоимъ и переглядываемся: чѣмъ-дескать все это кончится? Скобелевъ слѣзаетъ, отходитъ въ сторону, поправляется, постоявъ минутку и перекрестившись, снова садится на лошадь и говоритъ:

— Ну-съ, господа, поѣдемте, пора!

Не торопясь, садимся и ѣдемъ назадъ, тихо, безъ шуму. Только подковы звенятъ о жосткое шоссе. Фигура генерала, на бѣлой лошади, въ бѣломъ кителѣ, рѣзко отличается въ темнотѣ отъ другихъ фигуръ. Нервно, нетерпѣливо торопитъ онъ своего иноходца, то дергаетъ за мундштучные поводья, то подталкиваетъ шпорами. Становится прохладно: ѣдкій, сырой запахъ кукурузы и винограда, смѣшанный съ пылью, распространяется въ воздухѣ. Свѣтлые жучки, какъ искры, летаютъ вокругъ; кажется, вотъ-вотъ поймаешь ихъ рукой. Луна медленно подымается изъ-за горъ и плавно катится. Но вотъ и лагерь.

Такъ черезъ недѣлю, подходитъ къ намъ князь Имеретинскій съ главными силами. Теперь у насъ скопляется слишкомъ 20 тысячъ штыковъ и болѣе 90 орудій. Главное начальство принимаетъ Имеретинскій. Скобелевъ назначается начальникомъ передового отряда. Капитанъ Куропаткинъ остается у него за начальника штаба. Лагерь немедленно подается впередъ и становится въ четырехъ верстахъ отъ Ловчи, у фонтана. На другой день съ нашей стороны происходитъ усиленная рекогносцировка, оканчивающаяся благополучно. Всѣ нужныя позиціи и командующія высоты занимаются нами. При этомъ потеря около 100 человѣкъ.

Помню, въ тотъ-же день послѣ обѣда ѣду я за генераломъ по виноградникамъ; насъ только двое; конвой куда-то разъѣхался; жара сильная.

— Вехещагинъ, гаубчикъ, сохвите мнѣ вонъ ту кисточку,— проситъ меня генералъ.

— Которую, ваше превосходительство?—спрашиваю я, соскакивая съ лошади. — Эту?

— Да нѣтъ; вонъ, что сзади васъ, — и онъ нетерпѣливо показываетъ на сочную бѣлую кисть, розоватаго оттѣнка.

Нагибаюсь, чтобы сорвать, какъ внезапно нѣсколько пуль съ трескомъ ударяются въ землю около самыхъ нашихъ ногъ, даже песочкомъ обдаетъ. Генералъ круто осаживаетъ лошадь, и галопцомъ—назадъ. Я, разумѣется, поскорѣй за нимъ, сорвавши, все-таки, кисточку. Немудрено, что въ насъ чуть не въ упоръ стрѣляли: оказалось, что мы забрались далеко за свою цѣпь. За все время моего пребыванія со Скобелевымъ, этотъ случай единственный въ моей памяти, чтобы генералъ такъ круто поворотилъ отъ пуль.

Въ тотъ-же вечеръ Куропаткинъ беретъ меня съ собою и еще поручика казанскаго полка Козелло, выбирать позиціи для артиллеріи. Въѣзжая на гору, лошадь моя начинаетъ сильно хромать. Что случилось?—Оказывается, одна подкова на половину оторвалась и лошадь не можетъ ступать какъ слѣдуетъ; оторвать нечѣмъ, инструментовъ нѣтъ.

— Казакъ, дай свою лошадь сотнику, — приказываетъ Алексѣй Николаевичъ ѣхавшему за нами казаку.

Я сажусь, свою велю отвести въ лагерь. Только-что мы взобрались въ гору и ѣдемъ вдоль широкаго оврага, какъ пуля крѣпко ранитъ въ колѣно мою лошадь. Высокій скачекъ дѣлаетъ несчастная, такъ что я едва могъ усидѣть на ней, и затѣмъ жалобно, безсильно машетъ по воздуху больной ногой. По ту сторону оврага, изъ-за кустовъ, показывается бѣлый дымокъ отъ залпа засѣвшихъ турокъ. Соскакиваю съ коня и веду его подъ уздцы. Куропаткинъ дѣлаетъ тоже самое, и мы идемъ дальше осматривать позиціи.

Позиціи выбраны. Куропаткинъ дорогой все мнѣ твердитъ:

— Замѣчайте-же, Верещагинъ: вотъ здѣсь столько-то орудій, здѣсь столько-то. Смотрите, вамъ придется сегодня ночью разставлять ихъ, и чтобы къ утру готово было. Завтра некогда будетъ, днемъ всѣхъ лошадей перебьютъ.

Осмотрѣли, замѣтили, спускаемся къ лагерю. Только-что

прихожу къ себѣ въ палатку, какъ за мной является казакъ отъ генерала. Иду. Генералъ вмѣстѣ съ Куропаткинымъ сидятъ подъ широкимъ деревомъ и пьютъ чай. Казакъ, котораго лошадь ранена подо мной, жалуется на меня и требуетъ себѣ новаго коня.

— Верещагинъ, извольте этому казаку отдать свою лошадь. Чѣмъ онъ виноватъ, что его коня ранили подъ вами? Казакъ молодецъ и желаетъ постоянно быть въ дѣлѣ. Слышите?—приказываетъ Скобелевъ.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство! Я ему уже обѣщалъ турецкаго коня и 50 руб. денегъ.

— Да мнѣ, ваше благородіе, что-же деньги? На турецкомъ конѣ много-ли наѣздишь,—грубо возражаетъ казакъ.— Я съ ихъ превосходительствомъ завсегда въ конвоѣ нахожусь, какъ-же мнѣ безъ настоящей лошади?—хитритъ онъ.

Я вижу, что казакъ пользуется благопріятной минутой, чтобы завладѣть моимъ „Кабардинцемъ". Положеніе становится печальнымъ, какъ совершенно неожиданно Куропаткинъ выручаетъ меня.

— Вѣдь за убитую лошадь, ваше превосходительство, казакамъ выдаются свидѣтельства, и они потомъ получаютъ отъ казны 41 рубль,—объясняетъ Алексѣй Николаевичъ.

— А если такъ, чего-же ты пришелъ ко мнѣ? Ступай, получишь свидѣтельство!—кричитъ генералъ, и казакъ, недовольный развязкой, отправляется во-свояси. Хотя его и слѣдовало за эту штуку поприжать, но я все-таки далъ ему турецкаго коня, пятидесяти-же рублей такъ и не далъ.

Вечеръ. Уже стемнѣло. Иду къ Куропаткину прочитать приказъ и диспозицію на завтрашній день. Получивъ приказаніе взять два баталіона либавскаго полка и при помощи ихъ втаскивать на позиціи орудія, отправляюсь къ дѣлу.

Какъ громадная змѣя извиваются орудія длинной темной полосой вдоль шоссе. Въ ночной тишинѣ изрѣдка слышится:

— Гдѣ командиръ?

— Чьи орудія?

— Стой, постромка соскочила!

— Черти, куда воротите!

— Что тамъ на дорогѣ стали, эй, вы!

Работа начинается. Баталіонный командиръ и нѣсколько офицеровъ остаются внизу, подъ горой, роты-же разбиваются на группы около орудій. Нѣкоторыя позиціи оказываются такъ круты, что лошадей приходится отпрягать и орудія втаскивать на рукахъ. Особенно трудно втащить на гору, которую солдаты впослѣдствіи назвали „Счастливая", потому что съ первыхъ-же выстрѣловъ огонь съ нея былъ очень удаченъ.

Немного не добравшись до вершины горы, у передняго орудія столпилось что-то много народу. Слышны крики: — Стой, стой, держи, робята!—Подложи подъ колеса!—Стой, такъ ладно!—Не скатится!—Солдаты выбились изъ силъ, устали, хотятъ отдохнуть.

— Чего тутъ орете, словно на ярмаркѣ!—увѣщеваетъ ихъ серьезный фельдфебель, бренча тоненькой помятой саблей, подтянутой подъ самую грудь: — Здохните маленько!

Начинается откашливанье, отплевыванье; нѣкоторые отбѣгаютъ въ кусты. Спускаюсь нѣсколько шаговъ подъ гору, къ сторонѣ непріятеля. Мѣсяцъ показывается изъ-за облака и неясно освѣщаетъ человѣческія фигуры, виднѣющіяся у подножія горы. Подхожу ближе: это наше прикрытіе.

— Гдѣ ротный?—спрашиваю вполголоса.

— Здѣсь, что прикажете?—И худощавый высокій офицеръ, въ пальто въ накидку, вскакиваетъ изъ-подъ дерева, подъ которымъ лежалъ, и, придерживая саблю, чтобы не бренчала, направляется ко мнѣ. Я рекомендуюсь.—Очень пріятно-съ,— слышится въ отвѣтъ, и офицеръ, вглядываясь въ мои погоны, беретъ подъ козырекъ.

— Что, капитанъ, ничего не замѣтно?—спрашиваю я.

— Пока ничего-съ, все спокойно! — И онъ пристально смотритъ въ непріятельскую сторону.

— Вотъ, ваше благородіе, сейчасъ ровно огоньки мель-

кали,—внушительно, шопотомъ замѣчаетъ усатый фельдфебель, который стоитъ возлѣ и рукой указываетъ направленіе.

— Это ничего, это такъ! Жучки!—тѣмъ-же тономъ успокоиваетъ ротный.

Солдаты цѣпью расположились рядомъ у подножія горы, около самыхъ виноградниковъ. У нихъ идетъ сдержанный разговоръ:

— Кажись, Сергѣеву не выжить будетъ,—увѣряетъ одинъ, лежа на брюхѣ, и подперпись локтями, обрываетъ сочныя ягоды съ виноградной кисти. Подлѣ него лежатъ на подостланныхъ шинеляхъ, животами кверху, нѣсколько товарищей и созерцаютъ луну.

— Что-жь такъ?—спрашиваетъ другой, и, поправляя подъ головою шинель, тоже поворачивается на брюхо. По голосу, которымъ онъ спрашиваетъ, можно судить, что на него это извѣстіе вліяетъ больше, чѣмъ на других.

— Чего-же, коли наскрозь прошла, подъ самой селезенкой.

Молчаніе.

— Что-то завтра Господь Богъ дастъ, — шепчетъ кто-то въ другомъ углу.

Постоявъ нѣсколько минутъ, прощаюсь съ ротнымъ и бѣгомъ направляюсь къ своему дѣлу, откуда уже снова доносится:—Тащи, тащи, ребята!—Подбѣгаю, хватаюсь за колесо лафета и тоже кричу: — Ну, братцы, еще, еще маленько! Немного осталось! Вправо, вправо заворачивай, хоботъ вправо!

— Вы, господинъ сотникъ, намъ только втащить помогите, а ужъ мы тамъ сами поставимъ ихъ, какъ намъ нужно будетъ, — небрежно обращается ко мнѣ старый артиллерійскій капитанъ, которому, замѣтно, не нравится, что какой-то казачій офицеръ распоряжается его орудіями и указываетъ, куда поворачивать хоботъ.

— Ѳедоровъ, надо подкопать немного хоботъ! — кричитъ онъ солдату артиллеристу.

Нѣсколько артиллеристовъ поспѣшно бросаются къ орудію, подкапываютъ, поворачиваютъ и ставятъ его какъ слѣдуетъ.

Хотя всѣхъ орудій въ день боя дѣйствовало около 90, но въ томъ мѣстѣ, гдѣ мнѣ было указано, я расположилъ, насколько помню, около 20-ти.

Становится все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Вершины горъ и непріятельскія позиціи обрисовываются яснѣе.

ГЛАВА XVI.

Ловчинскій бой.

вадцать второе августа, пять часовъ утра. Солнце выкатилось и ярко освѣтило окрестности, когда я подъѣхалъ съ докладомъ къ палаткѣ Куропаткина.

Куропаткинъ не спитъ, наклонившись надъ маленькимъ складнымъ столикомъ, старательно что-то пишетъ.

— Господинъ капитанъ, орудія разставлены,—докладываю я, входя въ палатку.

— Я это впередъ зналъ. Что вамъ будетъ поручено, будетъ исполнено,—отвѣчаетъ онъ, любезно благодаритъ и жметъ мнѣ руку. — Ну, ступайте, отдохните. Въ случаѣ, если генералъ васъ спроситъ, объясню ему, что вы мною отпущены. Ступайте, усните.

Отправляюсь рядомъ къ себѣ въ палатку, совершенно довольный, въ надеждѣ хорошенько заснуть.

Но какой тутъ сонъ, когда возлѣ гремятъ зарядные ящики, звенятъ орудія, колеса, раздаются команды, шумъ, крики! Сквозь приподнятую дверку палатки видны сосредоточенныя лица проходящей пѣхоты, которая двигается не съ той отчетливостью, какъ на ученьѣ, но какъ-то тревожно, озабоченно, точно каждаго беретъ сомнѣнье, останется-ли онъ живъ. Такое выраженіе лица въ мирное время у солдата никогда не встрѣтишь: его можно видѣть только или передъ самымъ „дѣломъ“,

или въ дѣлѣ. Нельзя назвать его испуганнымъ, нѣтъ: въ немъ выражается, скорѣе затаенная злоба, досада и на себя, и на всѣхъ окружающихъ. Это выраженіе дѣлается въ особенности замѣтнымъ когда раздается первый крикъ: „носилки!" Немедленно-же всѣ разговоры, смѣхъ, шутки прекращаются; лица дѣлаются угрюмыми, у каждаго, очевидно, мелькаетъ мысль: „охъ, сейчасъ и меня хватитъ".

Б-у-у-у-мъ! раскатывается первый пушечный выстрѣлъ—нашъ;—тха-а-а-а-а—разрывается снарядъ гдѣ-то далеко, далеко, едва слышно.

Затѣмъ второй, третій,—пошла писать по всей линіи!

Бой начинается. Генералъ не утерпитъ! Вѣрно сейчасъ поѣдетъ, думается мнѣ.

Такъ и есть.—Хошадь мнѣ!—раздается знакомый картавый голосъ. Приподымаю чуточку полотно палатки, выглядываю: генералъ сидитъ въ палаткѣ у князя Имеретинскаго и о чемъ-то разсуждаетъ съ нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ оба выходятъ, садятся на лошадей и трогаются. Скобелевъ все па той-же сѣрой лошади, толко не въ кителѣ, какъ вчера, а въ мундирѣ и при орденахъ: должно, бой будетъ настоящій! Товарищи мои, казаки Гайтовъ и Хлрановъ, которыхъ генералъ только-что передъ этимъ взялъ къ себѣ въ ординарцы, садятся на коней, перекинувшись нѣсколькими словами на своемъ гортанномъ осетинскомъ нарѣчіи, джигитуютъ, горячатъ лошадей и съ гикомъ несутся въ обгонку.

Поручикъ Карандѣевъ, въ мундирѣ конно-гренадерскаго полка, прибывшій изъ главной квартиры къ Скобелеву, на время сраженія, тоже не безъ достоинства галопируетъ па своемъ „ворономъ", заставляя его колесомъ сгибать шею. Казаки, конвой, адъютанты, ординарцы, всѣ спѣшатъ за начальствомъ. Казакъ-кубанецъ со скобелевскимъ значкомъ, изстрѣленнымъ въ лохмотья, не можетъ справиться съ лошадью: крутится на одномъ мѣстѣ, бьетъ ее плетью, толкаетъ

подъ брюхо ногами и, наконецъ, карьеромъ несется догонять.

— Неужели я буду лежать? Что за срамъ! Ну что, ежели генералъ меня спроситъ, что онъ подумаетъ? Поѣду.—Эй, Ламакинъ, давай лошадь!

— Ваше благородіе, чай будете кушать? — слышится голосъ, и вслѣдъ за этимъ вопросомъ показывается въ дверцахъ синяя верхушка папахи, а за ней и самое лицо Ламакина, потное, въ угряхъ.

— А готовъ?

— Такъ точно; чайникъ сейчасъ скипитъ.

— Ну, давай живо!

Наскоро напившись чаю съ ржаными сухарями, выхожу къ лошади. Ну, что, миляга, здоровъ?—ласково обращаюсь я къ лошади; глажу ее, поправляю гриву, чолку, осматриваю копыты, подковы и, обошедши кругомъ, сажусь.

— Ну, смотри-же, прибери тутъ все, какъ слѣдуетъ; да въ случаѣ чего, не отставай отъ генеральскаго обоза, —твержу я казаку въ сотый разъ то же самое.

— А къ обѣду что прикажете?—спрашиваетъ тотъ, будучи самъ заранѣе увѣренъ, что, кромѣ борща, варить нечего, да и не изъ чего.

— Что-же, свари борща, да каши гречневой нельзя-ли?

— Гречневой взять негдѣ; бѣлой малость есть еще.

— Ну такъ сходи къ завѣдывающему хозяйствомъ, въ казанскій полкъ, знаешь, къ тому маіору, что вчера былъ у меня. Онъ обѣщалъ всего, что понадобится. Слышишь?

— Слушаю-съ. — И казакъ уходитъ, не дожидаясь моего отъѣзда.

Не торопясь, ѣду искать генерала. Первый жаръ усердія начинаетъ проходить. Думается: поспѣю, все увижу, только-бы не убили! А какъ ранятъ, да еще въ колѣнку? И я машинально прикрываю колѣнку полой черкески—все не такъ пробьетъ.

Помахивая головой, легко несетъ меня моя лошадь. Тонкія черныя уши ея, съ загнутыми одинъ къ другому кончиками, въ безпрерывномъ движеніи; подковы звенятъ. День ясный; воздухъ чистый, прекрасный; дуетъ легонькій вѣтерокъ. Кабы не сраженіе, какъ легко было-бы на душѣ; а тутъ это „дѣло"! давитъ, щемитъ сердце и не даетъ покою.

По всей линіи нашихъ батарей попеременно взлетаютъ клубы дыму. Не успѣлъ разсѣяться одинъ, какъ его догоняетъ и дополняетъ другой, точно кричитъ ему: Постой, постой, дай я тебя догоню.

Непріятельскихъ позицій за горами еще не видно; гдѣ-то вправо, внизу, за холмомъ, слышна жаркая ружейная трескотня; но гдѣ именно — не разберешь.

Подаюсь еще; позиціи обрисовываются яснѣе. Вонъ влѣво отъ шоссе спускается подъ гору эскадронъ конвоя Его Величества. Командиръ, толстый, жирный ротмистръ Кулебякинъ, басомъ командуетъ: Справа-а по три-и! Какъ-то вѣетъ Царицынымъ лугомъ, парадомъ, при видѣ этихъ отборныхъ молодцовъ-гвардейцевъ въ синихъ черкескахъ, расшитыхъ галунами. Лошади всѣ сытыя, красивыя; сѣдла, уздечки блестятъ. Но достаточно взглянуть на лица людей, и сейчасъ убѣждаешься, что они находятся не на парадѣ: нѣтъ той беззаботности, равнодушія; чувствуешь, что совершается что-то необыкновенное,—гдѣ ихъ прежняя непринужденность, веселые разговоры, гдѣ ихъ пѣсни?...

— А, сотникъ, здравствуйте!—кричитъ Кулебякинъ, завидѣвъ меня, и заворачиваетъ; я тоже ѣду къ нему на встрѣчу, останавливаемся и болтаемъ.

— Куда вы, къ генералу? Онъ недавно съ княземъ проѣхалъ на позиціи,—и самъ очень хорошо знаетъ, что не новость разсказываетъ мнѣ, а говоритъ только для того, что ужъ если разъ съѣхались и остановились, то надо-же что нибудь сказать.

— Ну, что, батюшка, что новаго? Гдѣ бригада наша?

— Тамъ, на правомъ флангѣ, — говорю и указываю ему направленіе.

— Да, да, тамъ, знаю,—отвѣчаетъ онъ. Перекинувшись еще нѣсколькими словами, задумчивые разъѣзжаемся, пожелавъ другъ другу счастливаго пути.

— Шагомъ ма-а-аршъ! — гудитъ по вѣтру его густая команда.

Обгоняю орудія, зарядные ящики. Вотъ, свернувъ нѣсколько съ дороги, стоитъ лазаретный фургонъ; лошади, наклонивъ морды, роются въ пыльномъ сѣнѣ; солдатъ фургонщикъ, развалясь на спинѣ, отъ времени до времени подпихиваетъ кнутовищемъ разбросанные клочки сѣна. По другую сторону фургона, въ тѣни, лежатъ санитары, закрывшись шинелями. Они тревожно выглядываютъ изъ-подъ фургона на гулъ орудій: не ѣдутъ-ли за ними?

Нѣсколько дальше, на лужку, влѣво отъ шоссе, не скидывая скатанныхъ шинелей, расположился баталіонъ шуйскаго полка.

Офицеры собрались въ кучку, выпиваютъ и закусываютъ.

— Сотникъ, сотникъ, къ намъ, сюда заворачивайте! — зовутъ они чуть не въ одинъ голосъ. При этомъ кто машетъ сардинкой надъ головой, кто колбасой, кто фляжкой. Отказаться невозможно, подъѣзжаю.

— Возьми лошадь,—кричатъ разомъ нѣсколько голосовъ ближайшему солдату, тономъ, въ которомъ слышатся одновременно и укоръ, и сожалѣніе: какъ самому не догадаться взять лошадь у такого человѣка!

Баталіонный, высокій господинъ съ свѣтлыми усами, привставъ нѣсколько съ барабана, не безъ достоинства предлагаетъ мнѣ закусить, приглашая рукой занять мѣсто подлѣ него на раскинутой шинели:

— Прошу-съ, ну угодно-ли-съ, чѣмъ Богъ послалъ.

Всѣ наперерывъ угощаютъ меня, и въ то-же время осаждаютъ вопросами: какъ дѣла, гдѣ такой-то полкъ, гдѣ другой, сколько у насъ всѣхъ орудій, куда поѣхалъ генералъ? На ихъ лицахъ видно удовольствіе, что они могли залучить для распросовъ человѣка, столь близко стоящаго къ начальству. Все, что я знаю, съ удовольствіемъ разсказываю, но не подаю вида, что многое мнѣ и самому неизвѣстно.

— Что-же, маіоръ, вы-то здѣсь дѣлаете? — обращаюсь я къ командиру баталіона.

— Да вотъ-съ, ждемъ дальнѣйшаго приказанія-съ, еще не получалъ!—Маіору, замѣтно, не нравится тотъ тонъ, съ которымъ я обратился къ нему, и онъ, чтобы прекратить мои дальнѣйшіе распросы, зоветъ деньщика убрать остатки завтрака.

Какъ-будто вотъ тутъ и есть, доноситъ вѣтеръ громъ орудій; меня опять начинаетъ подмывать скорѣй тронуться къ дѣлу. Какъ-то неловко, совѣстно чувствуешь себя тутъ: возможно-ли спокойно сидѣть, разговаривать, когда въ нѣсколькихъ шагахъ уже навѣрно льется кровь? Надо ѣхать!

— Ну-съ, господа, до свиданья, благодарю за угощеніе!

— Посидите, успѣете еще-съ,—серьезно совѣтуетъ маіоръ.

— Погодите немного, хоть минуточку,—просятъ „субалтерны“ съ дѣтски-радушнымъ видомъ.

— Еще красненькаго стаканчикъ, на дорожку!—предлагаютъ ротные: эти солиднѣе и не такъ просятъ остаться.

Вправо отъ шоссе тянется гористый откосъ; онъ постепенно становится ниже и ниже, и образуетъ площадку съ нѣсколькими большими вѣтвистыми деревьями.

Въ тѣни, подъ ними, пріютился „перевязочный пунктъ“. На лугу, между бѣлыми шатрами, уже виднѣются окровавленныя носилки. Въ открытыя дверцы палатокъ можно разобрать серьезныя лица докторовъ. Вонъ изъ одной показывается, съ тазомъ въ рукахъ, солдатъ-служитель, не торопясь выплескиваетъ окровавленную воду, машетъ тазомъ, чтобы сплеснуть все до капли, и высморкнувшись въ руку, равнодушно возвращается къ своему дѣлу.

Сердце щемитъ; въ памяти воскресаетъ знакомая картина 18-го іюля подъ Плевной. Тороплюсь проѣхать, не вглядываясь въ нее. За перевязочнымъ пунктомъ гористый откосъ снова продолжается.

Не отъѣхалъ я и ста саженъ—на-встрѣчу изъ-за угла по-

казываются носилки. Два солдата торопливо несутъ раненаго, стараясь идти въ ногу; еще одинъ, сзади, слѣдуетъ въ припрыжку за ними, и урывками, чтобы не задержать, поправляетъ на раненомъ шинель, которая все съѣзжаетъ. Лица больного не видно, оно закрыто фуражкой; но рука его блѣдная, восковая, безпомощно свѣсилась изъ-подъ шинели, и точно умоляетъ: Стой, стой, не несите напрасно, сложите лучше гдѣ-нибудь въ тѣни подъ деревомъ, дайте умереть спокойно—безъ ножей, безъ фельдшеровъ...

— Что, опасно?—спрашиваю я.

— Трудно, ваше благородіе,—сухо отвѣчаютъ тѣ, очевидно съ сознаніемъ того тяжелаго братскаго дѣла, которое они исполняютъ и которое равняетъ ихъ въ эту минуту съ начальствомъ. Не останавливаясь и не убавляя шагу, они скрываются за извилиной шоссе.

Фію-ю-ю-у-у-у... свиститъ шальная пуля. Свистъ знакомый, тонкій, предательскій.

Фію-ю-ю-у-у-у... свиститъ вторая, но уже нѣсколько позади. Проѣхалъ, милая, опоздала! злорадно разсуждаю я. Пули эти, очевидно, шальныя, на излетѣ, пущены съ большого разстоянія, такъ какъ до непріятеля еще далеко.

По дорогѣ валяются разбитыя колеса, опрокинутыя повозки. Вонъ въ сторонѣ лежитъ раненая лошадь и по временамъ пробуетъ встать: приподымаетъ голову, оглядывается, гложетъ отъ боли землю и съ долгимъ протяжнымъ стономъ снова растягивается.

Валяются шинели, ранцы, котелки. Тутъ-же офицерскій клеенчатый кушакъ съ револьверомъ—не даромъ онъ брошенъ, вѣрно не до него было!

Какъ только откосъ миновался, пульки начинаютъ свистать все чаще и чаще.

Влѣво отъ дороги, за оврагомъ, сидятъ нѣсколько артиллеристовъ и держатъ въ поводу лошадей.

С-с-с-с-щокъ! — точно что оторвалось, гдѣ-то близко ударяется пуля. По щелчку можно утвердительно сказать, что „эта“ не даромъ летѣла: лошади бросаются въ стороны, одна-

же, бѣдняжка, подскакиваетъ на трехъ ногахъ, свѣсивъ безсильно раненую. Густая капля крови, на передней ногѣ, какъ разъ на вѣнчикѣ, ясно указываетъ „куда попала“.

Выростаетъ, какъ изъ земли, сѣдой усатый фейерверкеръ—раньше его не видно было—и яростно набрасывается на подчиненныхъ.

— Говорено было уйти отсюда; нѣтъ, не слушали! Маршъ, убирайтесь, чтобы духу вашего здѣсь не было. Съ глазъ долой!—и онъ сердито машетъ рукой.

— Кто-же ее знаетъ, гдѣ она тя найдетъ, вѣдь не угадаешь, — ворчатъ тѣ, уходя. Раненая лошадь не хочетъ отстать: безъ узды и хомута, неловко, торопливо, прыгаетъ за товарищами.

Выѣзжаю на пригорокъ,—вонъ и позиціи, вонъ и войска наши!

Скобелевъ и Имеретинскій съ конвоемъ ѣдутъ мнѣ на встрѣчу. Гайтовъ съ Харановымъ тоже тутъ ѣдутъ, очень довольные; издали дѣлаютъ мнѣ знаки и улыбаются.

— Здравствуйте, Верещагинъ! Проводите насъ, батенька, къ горѣ, гдѣ вы почью разставляли орудія, — обращается ко мнѣ генералъ и подаетъ руку. Я, очень довольный, выскакиваю впередъ, сворачиваю вправо отъ шоссе и направляюсь по знакомой дорожкѣ. Днемъ мѣстность точно другая стала: по близости виднѣется кукурузное поле, какой-то домикъ, шалашикъ. Подымаюсь въ гору; всѣ слѣдуютъ за мной.

Немного не доѣхавъ до вершины, Скобелевъ галопомъ обгоняетъ всѣхъ и разомъ останавливается на самой макушкѣ, возлѣ орудія. Всѣ слѣзаютъ. Вправо и влѣво идетъ канонада.

— Второе!—бойко командуетъ раскраснѣвшійся молоденькій офицерикъ въ очкахъ, съ биноклемъ въ рукѣ, и отбѣгаетъ въ сторону слѣдить за полетомъ снаряда. За нимъ также отбѣгаетъ наводчикъ и нѣсколько человѣкъ изъ прислуги. Оглушительный звукъ, ревъ, точно пробуютъ крѣпость нашихъ ушей. Дотрогиваюсь до уха, не оглохъ-ли? Нѣтъ, только щекотитъ немного. Гулъ мало по-малу проходитъ. Офицеръ и

прислуга все еще, какъ прикованные, стоятъ и слѣдятъ, „гдѣ разорвется“, постепенно наклоняясь и выглядывая изъ-подъ дыма, все болѣе и болѣе застилающаго непріятельскую позицію. Снарядъ далеко не долетѣлъ до цѣли и разорвался.

Скобелевъ стоитъ впереди, рядомъ съ Имеретинскимъ, и, опершись на саблю, разыскиваетъ въ бинокль непріятельскія батареи.

Гористая мѣстность отсюда постепенно спускается. Верстахъ въ двухъ, синеватой лентой, вьется рѣчка Осьма. За ней тотчасъ-же бѣлѣетъ Ловча. Вправо отъ города, не больше какъ съ версту, видны на равнинѣ два сильныхъ непріятельскихъ редута.

— Во-о-о-нъ ихняя, да двѣ разомъ,—переговариваютъ солдаты артиллеристы. Какъ молнія, вспыхиваетъ въ ближайшемъ редутѣ огонекъ, другой; за нимъ слѣдомъ вылетаютъ два бѣлые клуба дыму, и, точно недоумѣвая, куда дѣлись снаряды, медленно, задумчиво, поднимаются кверху. Не успѣли еще они разсѣяться, какъ снаряды падаютъ гдѣ-то въ сторонѣ отъ насъ и глухо разрываются.

Артиллерійскій огонь усиливается. У непріятеля что-то мало оказывается орудій; имъ съ нами, очевидно, не справиться.

— Господинъ офицеръ, какую вы дистанцію опредѣлили?— обращается Скобелевъ съ вопросомъ къ офицеру въ очкахъ.

— Теперь 1200 саженъ возьмемъ, ваше превосходительство,—конфузясь и вытягиваясь, отвѣчаетъ тотъ.

— Картечной гранатой?

— Обыкновенной, ваше превосходительство!

— Нельзя-ли картечной! — Генералъ любилъ картечную гранату.

— Картечная граната! — кричитъ офицеръ, и опрометью бросается къ орудію, счастливый уже тѣмъ, что можетъ исполнить желаніе генерала.

А ужъ тамъ, верхомъ на хоботѣ, наводчикъ изъ всѣхъ силъ старается, чтобы и ему не опростоволоситься передъ начальствомъ. Потный, упершись глазами въ цѣликъ, подпрыги-

ваетъ онъ однимъ задомъ: то чуточку вправо, то влѣво, легонько машетъ кистью руки, куда подать хоботъ, и наконецъ рѣшительно спрыгиваетъ въ сторону.

Офицеръ на мгновеніе подбѣгаетъ, провѣряетъ и тоже отскакиваетъ.

— Третье—пли!—Бу-у-у-у... со звономъ откатываясь, грохочетъ орудіе. Всѣ отбѣгаютъ изъ-за дыму слѣдить, гдѣ разорвется.

— Вотъ эта ловко!—важно, въ са-амую середку угодила — эхъ какъ рванула!—весело перекрикиваются артиллеристы и радостные снова бѣгутъ къ орудію.

Скобелевъ садится на лошадь, той-же дорогой выѣзжаетъ обратно на шоссе и ѣдетъ на передовыя позиціи. Имеретинскій остается еще нѣкоторое время.

На встрѣчу намъ все болѣе и болѣе попадается раненыхъ. Вонъ, стороной, пѣхотный солдатикъ, съ двумя ружьями на плечѣ, ведетъ подъ руку товарища. Всхлипывая какъ дитя, еле-еле тащится тотъ: О-ой, о-ой! стонетъ онъ, и, поддерживая здоровой рукой больную, которая у него толсто обмотана различнымъ тряпьемъ, качаетъ ее, какъ мать укачиваетъ младенца.

— Здорово, молодцы! Что, тебя въ руку ранили?—спрашиваетъ генералъ, слегка задерживая лошадь.

— Та-акъ то-очно, ваше превосходительство,—дрожащимъ голосомъ уныло отвѣчаетъ раненый, и смачиваетъ языкомъ запекшіяся губы.

— Вотъ въ евтомъ мѣстѣ раздробила, ваше превосходительство, — скороговоркой добавляетъ вожатый, и указываетъ на своей рукѣ повыше кисти; но генералъ уже его не слушаетъ: вдали показался баталіонъ, съ нимъ онъ еще не здоровался.

Баталіонъ, переходя черезъ дорогу, сильно растянулся и идетъ вяло, нестройно.

— Здорово, братцы! Спасибо вамъ за службу! — кричитъ генералъ, подъѣзжая галопомъ. Солдаты, замѣтивъ „началь-

ство“, въ припрыжку обгоняютъ, толкаютъ другъ друга и спѣшатъ стянуться.

— Ради стараться, ваше превосходительство-о-о! — доносится отъ нихъ.

— Какіе вы молодцы, любо съ вами служить, — продолжаетъ Скобелевъ, и затѣмъ, пропустивъ ихъ, въ полголоса говоритъ Куропаткину: И какая сволочь!.. Какъ они растянулись! Вовсе не похожи на туркестанцевъ.

Сворачиваемъ влѣво и ѣдемъ вдоль баттарей. Огонь направленъ на „Рыжую гору“, виднѣвшуюся верстахъ въ двухъ. Названіе гора получила отъ того красноватаго песку, какимъ покрыта ея вершина.

Позади батарей, въ виноградникахъ, тихо, безъ разговоровъ, лежатъ пѣхотныя прикрытія; они точно боятся лишнимъ словомъ привлечь на себя огонь. Снаряды то тутъ, то тамъ поминутно съ трескомъ падаютъ и еще съ большимъ трескомъ разрываются и обдаютъ прижавшихся солдатъ землей и осколками.

Останавливаемся на холмѣ передъ открытой лощиной, за которой въ полуверстѣ виднѣется наша послѣдняя полу-баттарея. Ей, какъ ближайшей къ непріятелю, достается больше другихъ, хотя и она, въ свою очередь, не дремлетъ.

— Верещагинъ! Видите вы вонъ тотъ бѣлый домикъ около орудій? — говоритъ мнѣ генералъ, слѣзая съ лошади и разглядывая въ бинокль.—Велите его поскорѣй сломать.

Слѣзаю скорѣй съ лошади и отправляюсь.

Чѣмъ ближе къ орудіямъ, тѣмъ чаще падаютъ гранаты. Вотъ одна летитъ, ближе, ближе, ш-ш-ш—шипитъ; сердце мое готово совершенно остановиться: такъ и тянетъ присѣсть, прижаться, чтобы не быть убитымъ. Но въ то-же время мелькаетъ мысль: а если генералъ увидитъ, что онъ скажетъ? — испугался, струсилъ! Товарищи навѣрно тоже смотрятъ, какъ я иду, кланяюсь или нѣтъ. Другая разрывается въ нѣсколькихъ шагахъ. Невольно останавливаюсь, жмурю глаза и приготовляюсь къ смерти: ф-р-р—шуршитъ мимо ушей осколокъ,

точно молодой дупель, близехонько сорвавшійся со своего насиженнаго мѣстечка.

— Бѣгомъ, бѣгомъ! — шепчетъ мнѣ кто-то на ухо. — Эй, увидятъ, не смѣй бѣжать!—шепчетъ одновременно въ другое. Въ ногахъ чувствуется слабость; начинаю спотыкаться о самыя ничтожныя препятствія.

Перемогая себя всѣми силами, чтобы идти прямо, не кланяясь, тѣмъ-же шагомъ дохожу таки до пѣхотнаго прикрытія.

За нимъ на бугрѣ, сквозь клубы дыму, видны закоптѣлыя лица артиллеристовъ. Доносится ихъ команда: Зарядъ!—Пли! —Къ орудію и т. п.

Прохожу между пѣхотой. Прижавшись другъ къ другу, съ холщевыми сумками черезъ плечо, съ ружьями въ рукахъ тревожно сидятъ солдатики и какъ-бы раздумываютъ:—кого-то изъ нихъ теперь хватитъ, если въ ихъ роту попадетъ?

— Гдѣ ротный?—спрашиваю я негромко, чтобы не нарушить общее молчаніе.

— Здѣсь! — И ротный, рыжій штабсъ-капитанъ, высокій, загорѣлый, усатый, неохотно приподнимается и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу. Выслушавъ меня, вполголоса кричитъ:—Фельдфебеля!—за нимъ осторожно передается отъ солдата къ солдату: Фельдфебеля, фельдфебеля. Бойкій фельдфебель молодцовато вскакиваетъ и, слегка наклонившись, какъ-бы боясь за что зацѣпить головой, устремляется къ командиру, придерживая по пути саблю.

— Назначь вотъ имъ, живо, человѣкъ десять съ топорами, сломать вонъ ту шалашку! — сумрачно приказываетъ штабсъ-капитанъ и „козырнувъ“ мнѣ, незамѣтно удаляется къ своему мѣсту, на которомъ онъ съ самаго утра просидѣлъ благополучно, и потому, какъ мнѣ казалось, убѣжденъ, что тамъ гораздо безопаснѣе, чѣмъ здѣсь. Такъ какъ его мѣсто ничѣмъ не защищалось и находилось при тѣхъ-же самыхъ условіяхъ, какъ и прочія мѣста, поэтому его увѣренность было въ сущности ни что иное, какъ суевѣріе. Это можно сравнить съ игрокомъ, который, выигравъ нѣсколько разъ на одной и той-же картѣ, придерживается ея до конца игры.

— Ну, ты, Тимоѳеевъ, Бобровъ, Анисимовъ!—перебираетъ фельдфебель ближайшихъ солдатъ, и слегка, торопливо, дотрогивается до ихъ плечъ.—Маршъ, живо, съ топорами, ломать вонъ ту шалашку! Ихъ благородіе съ вами пойдетъ.

Фельдфебель торопится; ему, повидимому, тоже хочется поскорѣй уйти къ своему мѣсту. Онъ, какъ и его командиръ, должно быть, тоже считаетъ себя тамъ безопаснѣе. Солдаты вскакиваютъ и дружно бѣгутъ, помахивая топорами.

Домикъ оказывается деревянный, на столбахъ. Снаружи обмазанъ известкой. Онъ ярко блеститъ на солнцѣ и служитъ отличной цѣлью для непріятельскихъ орудій; если въ него не попадаютъ, то снаряды ложатся рядомъ на баттарею.

Топоры звонко стучатъ о бревна, шалашка наклоняется. Въ ту минуту, какъ она готова рухнуть, снарядъ падаетъ въ нее и разрывается. Густой, высокій столбъ дыму, съ пескомъ и землей, подымается передъ нами; въ то-же время раздается пронзительный крикъ:

— Носилки! Алексѣева убило!..

Домикъ срубленъ. Солдаты, прыгая черезъ борозды и кусты, торопятся добраться до роты. Я возвращаюсь. За мной, чуть не бѣгомъ, несутъ Алексѣева. Обратно идти еще хуже: снаряды преслѣдуютъ и рвутся поминутно. Только видъ генерала, стоящаго со свитой все на томъ-же холмѣ, удерживаетъ меня отъ бѣглаго шагу. Гранаты рѣже, рѣже,—выходимъ изъ огня.

— Ваше превосходителъство, домикъ срубленъ,—докладываю я, и сбираюсь съ духомъ желая казаться какъ можно спокойнѣе.—Только одного солдатика ранило,—и указываю на носилки.

— Что вы мнѣ съ пустяками пристаете? — обрушивается онъ внезапно. Велите нести раненаго дальше отъ войскъ, чтобы не производить дурного впечатлѣнія.

Затѣмъ, когда уже я сажусь на лошадь, капризно кричитъ въ догонку:

— Какъ самому не догадаться этого сдѣлать!

Вотъ тебѣ и благодарность получилъ, нечего сказать,— разсуждаю дорогой.—И что я за дуракъ, изъ чего бьюсь? Ста-

раюсь, стараюсь, чуть не убили, а онъ еще ругается. Въ полку было-бы много спокойнѣе: никто не бранилъ-бы, а награды навѣрное получилъ-бы тѣ-же самыя. И я рѣшаю немедленно же послѣ сраженія подать рапортъ объ отчисленіи въ полкъ, и уже заранѣе представляю себѣ удивленное лицо генерала, когда онъ спрашиваетъ Куропаткина: — Почему Верещагинъ просится въ полкъ? Вздоръ, пускай остается.—Но одновременно представляется и другой оборотъ: — какъ онъ, читая рапортъ, кричитъ Куропаткину: — Верещагинъ просится въ полкъ, ну и чортъ съ нимъ, пускай убирается, надоѣлъ.

— Вправо возьми, дальше отъ дороги! — кричу, догоняя носилки. — Генералъ велѣлъ такъ нести, чтобы войскамъ не видно было.

— Гдѣ-жъ его нести? — ворчатъ солдаты, недовольные.— По ихъ лицу можно предположить, что они думаютъ въ эту минуту: И умереть-то не дадутъ спокойно!

Раненаго несутъ окольной дорогой, — неудобной, черезъ овраги, канавы; верхомъ едва можно слѣдовать. Останавливаемся вздохнуть.

— Что, живъ-ли? спрашиваю я, наклоняюсь надъ раненымъ и смотрю: мертвенная блѣдность лица рѣзко оттѣняется черными волосами; сквозь посинѣлыя сжатыя губы пробивается пѣнистая слюна, около которой мухи уже жадно тѣснятся; вѣки глазъ закрыты неплотно и тусклые зрачки виднѣются; грудь рѣдко, конвульсивно приподымается.

— Кажись, сейчасъ умретъ,—говорю солдатамъ.

— Еще дышетъ, — отвѣчаютъ тѣ, вглядываясь въ лицо умирающаго.

— Ваше благородіе, намъ-бы теперь на дорогу выйти?

— Ладно, идите,—говорю я, соглашаясь, и тихонько слѣдую за ними, ведя лошадь въ поводу.

Выходимъ на дорогу. Черезъ нѣсколько минутъ насъ догоняетъ Скобелевъ со свитой.

— Верещагинъ! извините, батенька, что я немного погорячился. Вы молодецъ, спасибо вамъ! — кричитъ онъ и дружески жметъ мою руку.

Хотя я и не вполнѣ вѣрю въ искренность его словъ, но все-таки злоба моя понемногу исчезаетъ, забывается, и я, въ восхищеніи отъ генерала, продолжаю идти за раненымъ. Иду не по приказанію, а вслѣдствіе того, что считаю себя невольнымъ виновникомъ раненія, и хочу по возможности скорѣй облегчить страданія больного.

Приходимъ на перевязочный пунктъ; носилки ставимъ около шатра.

— Взгляните, ради Бога, — прошу я доктора, который, наклонившись надъ другими носилками, осматривалъ раненаго въ голову.

— Дайте-ка тепленькой водицы, — кричитъ тотъ, мочитъ губку и выжимаетъ воду на запекшую рану. Волосы прилипли и не даютъ разсмотрѣть.—Ножницы!—кричитъ онъ.

Худощавый, изможденный фельдшеръ съ веснушками на лицѣ, съ толстыми губами и приплюснутымъ носомъ, флегматично подаетъ ножницы.

— Взгляните, минуточку, на моего, — продолжаю я приставать.

— Нельзя-же-съ и этого-то бросить,—возражаетъ онъ, обрѣзая слипшiеся волосы.—Гдѣ вашъ больной?

— Вотъ, здѣсь лежитъ.

— Захаровъ! обстригите рану, обмойте; я сейчасъ. Ну-съ, пойдемте скорѣй. Гдѣ? Этотъ?—И онъ беретъ руку моего Алексѣева.

— Что-же вы, батенька, съ мертвыми-то возитесь!

— Какъ, развѣ умеръ?

— Пощупайте сами, — и онъ предлагаетъ дотронуться до пульса; я не рѣшаюсь; сквозь отвороченный мундиръ, на боку, оказывается глубокая рана. Какой-то бѣлый кусочекъ торчитъ изъ середины. Морозъ пробѣгаетъ у меня по кожѣ.

— Ну, что, убѣдились? довольно? — и, кивнувъ головой, докторъ поспѣшно уходитъ.

Солдаты стоятъ еще нѣкоторое время въ нерѣшительности; затѣмъ, переговоривъ между собой, снимаютъ шапки,

крестятся, чешутъ затылки, накрываются и, пожелавъ мнѣ „счастливо оставаться“, отправляются во-свояси.

Я ѣду назадъ въ тылъ. Проѣзжаю то мѣсто, гдѣ стоялъ, нашъ штабъ: уже ничего нѣтъ, все уложено. Мой Ламакинъ. скинувъ черкеску, въ одномъ бешметѣ возится около лошадей; палатка снята и лежитъ на повозкѣ вмѣстѣ съ другими.

— Что, али сниматься велѣно?

— Такъ точно, ваше благородіе, отъ генерала пришло приказаніе быть готовымъ, на случай, коли велятъ впередъ подаваться.

— Пересѣдлай-ка вороненькаго,—приказываю я, слѣзая съ лошади:—ты, значитъ, и обѣда не варилъ?

— Когда-жь было варить? Все убирались, ворчитъ тотъ, снимаетъ сѣдло и обтираетъ потную спину лошади клокомъ сѣна.

Повсюду валяются обрывки бумагъ, бутылки изъ подъ сельтерской воды, пробки, папиросныя коробочки, лимонныя корки. Вотъ здѣсь должно быть генеральская палатка стояла, что-то шампанокъ много.

— Круковскій, генеральская палатка здѣсь стояла?—кричу я Скобелевскому деньщику. Круковскій, въ это время вскидываетъ на верхъ повозки мѣшокъ съ чѣмъ-то, и никакъ не можетъ угадать: мѣшокъ-то сваливается назадъ, то перекидывается на другую сторону.

— Такъ то-очно; да ну, дьяволъ, держись!—ругается онъ.

— Что, Ламакинъ,—осѣдлалъ?

— Сей-ча-а-съ.

Я ѣду въ обозъ, промыслить пообѣдать. Около самой дороги—стоитъ обозъ казанскаго полка. Завѣдывающій хозяйствомъ, маіоръ, расположился въ тѣни подъ повозкой, въ сообществѣ какого-то господина, не то статскаго, не то военнаго, въ черномъ сюртукѣ, безъ погонъ, фуражка съ краснымъ околышемъ, на клеенчатомъ поясѣ револьверъ, черезъ плечо шашка.

Передъ ними, на солдатской шинели, виднѣется котелокъ, изъ котораго торчатъ ножки какой-то живности. Хозяинъ под-

чуетъ гостя водкой и наливаетъ ее изъ кожаной фляжки въ оловянную крышку, замѣняющую стаканчикъ.

— Добрый день, поручикъ (маіоръ всегда звалъ меня, вмѣсто сотникъ, поручикъ), присусѣдивайтесь-ка къ намъ; возьми тамъ кто-нибудь лошадь!—кричитъ маіоръ.

— Дайте-ка еще тарелку и ложку, — ей вы, олухи царя небеснаго! — возвышаетъ онъ голосъ, не слыша отъ прислуги отвѣта. Подбѣгаютъ разомъ двое обозныхъ, безъ мундировъ, въ грязныхъ рубахахъ, засунутыхъ въ черные штаны. Одинъ подаетъ желѣзную тарелку и деревянную ложку, другой беретъ мою лошадь за поводъ и начинаетъ водить ее около палатки. Я подсаживаюсь къ котелку.

— Пожалуйста, поручикъ, кушайте, не церемоньтесь, — подчуетъ хозяинъ, и затѣмъ приступаетъ распрашивать. Ну, а наши дѣла какъ, что генералъ?

— Ничего, дѣла хорошо идутъ; ихъ орудія, кажется, скоро замолчатъ, да ихъ что-то немного и замѣтно.

— Слава Богу, пора поправляться; все неудача да неудача. Нѣтъ погоди, у нашего генерала не такъ: это тебѣ не Плевна!—храбрится маіоръ, наминая въ тарелку гречневой каши и обливая супомъ.

Вскорѣ, насытившись, я прощаюсь съ маіоромъ и ѣду обратно.

Время — полдень; жара.

Генералъ расположился въ тѣни подъ деревомъ, вблизи того-же самаго холма, въ кругу офицеровъ казанскаго полка. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ играетъ полковая музыка. Непріятельскіе снаряды нерѣдко падаютъ очень близко и обдаютъ землей играющихъ. Вотъ у одного музыканта отъ страха выпалъ инструментъ; онъ робко озирается на начальство и подымаетъ.

— А который часъ, господа?—кричитъ Скобелевъ.—Всѣ, у кого имѣются часы, невольно хватаются, смотрятъ и стараются доказать генералу, что эти самые вѣрные. Половина перваго.

— Ну-съ, господа, такъ ежели Добровольскій со своей бригадой не подойдетъ еще черезъ полчаса, то я самъ васъ поведу на Рыжую гору въ атаку,—и при этомъ онъ самодовольно потираетъ руки отъ предстоящей для него радости, послѣ чего съ такимъ азартомъ расправляетъ густыя рыжія бакенбарды, точно готовился разорвать ихъ пополамъ.

Полчаса прошло. Добровольскаго нѣтъ.

— Ну-съ, съ Богомъ, господа! Полковникъ Тебякинъ! прикажите строиться; пѣсенники впередъ—командуетъ Скобелевъ,—развернуть знамена!—Баталіонные и ротные командиры спѣшатъ исполнить приказаніе.

Зашевелились солдаты, лежавшіе до того времени не вдалекѣ; приподымаются, наскоро крестятся, прощаются другъ съ другомъ и становятся въ шеренгу. Ротные командиры тоже подтягиваются, становятся у своихъ частей и обнажаютъ сабли.

— Знамена къ 3-му баталіону, — кричитъ Скобелевъ. — Музыка впередъ!

Полкъ безъ шуму и разговоровъ вытягивается.

Окруженный свитой, генералъ нервно смотритъ въ бинокль на Рыжую гору. Онъ уже послалъ нѣсколько ординарцевъ приказать артиллеріи усилить огонь на этотъ пунктъ. Я жду, что и меня сейчасъ пошлетъ. Дѣйствительно, генералъ оглядывается,—кого-бы еще послать съ тѣмъ-же приказаніемъ, и кричитъ мнѣ:

— Поѣзжайте скорѣй вдоль батарей, велите, сколько возможно, усилить огонь по Рыжей горѣ, скажите, что мы ее аттакуемъ.

Очень неохотно ѣду я: надежда быть при Скобелевѣ и видѣть, какъ онъ лично поведетъ полкъ въ атаку, рушилась.

— Ружья во-о-о-льно! — слабо доносится отъ передовыхъ ротъ.

Оглядываюсь: головныя части спускаются подъ гору и теряются въ зелени. Нѣсколько солдатиковъ призамѣшкались, отстали; торопливо поддергиваются они, вскидываютъ ружья вольно и, крестясь, бѣгомъ, догоняютъ своихъ.

— Усильте огонь по Рыжей горѣ,— кричу я офицерамъ, проскакивая мимо батарей. — Генералъ самъ ведетъ казанцевъ въ атаку!

— Слышали, слышали, — кричатъ оттуда, и знаками показываютъ, что это имъ уже извѣстно. На слѣдующихъ баттареяхъ—тоже самое. Полкъ, тѣмъ временемъ, подается дальше. Съ позиціи баттарей хорошо видно, вонъ 1-й баталіонъ пускается бѣгомъ, за нимъ 2-й и 3-й. „Ура"—едва-едва доносится: турецкой пѣхоты нельзя различить. Казанцы бѣгутъ въ гору. Наши снаряды падаютъ какъ разъ около нихъ.

— Бѣда! своихъ перебьемъ!—думаю я дорогой.

— Это наши, наши! — кричу я баттарейному командиру, сколько возможно погоняя лошадь.—Остановите огонь,—тамъ на горѣ наши!

— Я самъ тоже думалъ, что наши,—отвѣчаетъ тотъ:—да что станешь дѣлать! у хлѣба не безъ крохъ.

Въ это время новый снарядъ ложится какъ разъ въ середину нашего баталіона и разрывается; убило-ли кого — не видно. Вслѣдъ за мной скачетъ Куропаткинъ:

— Остановите гонь! наши на Рыжей горѣ!—кричитъ онъ запыхавшись. — Верещагинъ! скачите, передайте на слѣдующихъ баттареяхъ!

Но огонь уже прекратился. Атака окончена—гора занята. Потери, повидимому, небольшія.

Выѣзжаю на шоссе; навстрѣчу попадаются раненые. Недалеко, въ сторонѣ, подъ деревомъ, лежитъ на носилкахъ, должно быть, офицеръ; около него суетятся нѣсколько человѣкъ.

— Здравствуйте, сотникъ!—здоровается со мной знакомый ротный командиръ слабымъ голосомъ, и слегка киваетъ головой.

— Что съ вами? куда вы ранены?.. легко?—спрашиваю я.

— Да вотъ, куда-то тутъ!..— онъ съ трудомъ указываетъ около плеча, и сумрачно отворачивается.

— Ну, нечего стоять; нести надо. Трогайтесь съ Богомъ!— торопитъ офицеръ, товарищъ больного.

Проѣхавъ съ версту и не доѣзжая того мѣста, гдѣ шоссе спускается къ Ловчѣ, въѣзжаю на гору. Сторона, обращенная къ намъ, вся изрыта ложементами, траншеями и ровиками. Отъ самой подошвы валяются непріятельскіе трупы. Въ особенности ихъ много на вершинѣ, гдѣ стояли орудія.

— Ишь, смотри, какъ этому рожу-то разворотило! Всю скулу оторвало, — разсуждаютъ солдатики, оглядывая трупы. Бородатый черный турокъ, уткнувшись лицомъ въ песокъ, лежитъ, раскинувъ руки. Одинъ изъ разсуждающихъ носкомъ сапога поворачиваетъ ему голову; всѣ смотрятъ, дѣлаютъ замѣчанія, съ отвращеніемъ отплевываются и проходятъ дальше.

Отсюда городъ отлично видѣнъ. За нимъ и редуты! Четвертый часъ. Ружейный огонь усиливается. Начинается общее наступленіе.

По сю сторону Осьмы, вдоль берега, солдаты столпились и ищутъ броду. Вонъ, дальше, тоже наши. Еще дальше тоже, наши: у-у, да сколько нашихъ здѣсь скопляется!

— Ваше благородіе, генералъ спрчаютъ, что съ ними никого нѣтъ, вси разъихались, — докладываетъ мнѣ казакъ, малороссъ, рысью въѣзжая на гору.

— А гдѣ генералъ?

— Они туды, къ городу, поихали.

Ѣду. Шоссе у самаго подножья горы идетъ широкой полосой и спускается къ городу. Справа открывается видъ на непріятельскіе редуты. По нимъ уже ожесточенно дѣйствуютъ восемь орудій. То то, то другое орудіе поминутно съ громомъ откатывается; дымъ застлалъ кругомъ.

— Не видали-ли генерала? — спрашиваю солдата артиллериста.

— Они, ваше благородіе, только-что подъ гору съ казаками проѣхали, — должно въ городъ.

— А городъ занятъ?

— Пѣхота туды уже порядочно, какъ прошла.

Скачу въ догонку.

Внизу, подъ самой горой, шоссе упирается въ мостъ. По бокамъ моста стоятъ полуразрушенныя лавочки, городъ со-

вершенно пустой: дома разграблены, стекла выбиты, двери настежъ. Повсюду валяется различная посуда: мѣдная, деревянная, глиняная; подушки, одѣяла, одежда, сундуки, книги и цѣлыя горы табаку.

Проѣхавъ главную улицу, въѣзжаю на кладбище; за нимъ городъ еще немного продолжается. Посрединѣ кладбища, вижу, разговариваютъ Скобелевъ и Куропаткинъ. Алексѣй Николаевичъ куда-то галопцемъ уѣзжаетъ, шашка его неловко болтается съ одного бока на другой и по временамъ задѣваетъ крупъ лошади; за нимъ, приподнявшись на стременахъ, согнувшись, въ бѣломъ кителѣ, старается поспѣть рысью казакъ-донецъ, безъ пики. Генералъ подъѣзжаетъ ко мнѣ и раздражительно кричитъ:

— Отправляйтесь немедленно къ князю Имеретинскому и приведите мнѣ, во что-бы-то ни стало, помощи, да не меньше двухъ баталіоновъ. Ну, маршъ, живо!

— Ваше превосходительство, куда привести, гдѣ я васъ найду?

— Сюда на это кладбище.

— Слушаю-съ!—И я скачу во всѣ лопатки. Въ это время ружейный огонь достигъ страшной силы и слился въ одинъ общій непрерывный гулъ. Подобнаго гула, ни прежде, ни послѣ, я не слыхалъ: это было что-то невѣроятное, и произошло именно отъ того, что въ эти самыя минуты 8,000 непріятеля столкнулись у самыхъ редутовъ съ 20,000 нашихъ солдатъ, стремившихся на приступъ. Пушечные выстрѣлы прекратились, гремѣлъ одинъ только ружейный огонь, да крики „алла" и „ура". Все это скопилось и ревѣло на какой-нибудь одной квадратной верстѣ.

Имеретинскаго со всѣмъ штабомъ нахожу на Рыжей горѣ. Онъ съ вершины наблюдалъ за ходомъ атаки.

— Ваша свѣтлость, генералъ Скобелевъ требуетъ подкрѣпленія,—докладываю я.

— Полковникъ Паренцовъ, что у насъ есть еще въ резервѣ?—обращается князь къ начальнику штаба.

— Еще Э......ій полкъ есть, ваша свѣтлость.

— Ну, такъ дайте баталіонъ.

— Ваша свѣтлость, генералъ велѣлъ мнѣ приводить не менѣе двухъ баталіоновъ,—настойчиво передаю я приказаніе.

— Ну, такъ какъ-же?... Ну, берите два,—и князь вопросительно смотритъ на Паренцова.

— Полковникъ Г**, прикажите строиться двумъ баталіонамъ. Сотникъ Верещагинъ проведетъ васъ,—обращается начальникъ штаба къ командиру полка, низенькому усатому полковнику съ очень добрымъ выраженіемъ лица.

— 1-й и 2-й баталіоны, въ ружье!—кричитъ командиръ, и направляется къ лошади. Черезъ нѣсколько минутъ, откланявшись Имеретинскому, трогаемся подъ гору.

Съ редутовъ насъ замѣтили, и хотя разстояніе не меньше трехъ верстъ, пули стали свистать очень часто.

Командиръ полка и офицеры ѣдутъ серьезные, рядомъ со мною. Изрѣдка спрашиваютъ они: куда я ихъ поведу, гдѣ генералъ? Проходимъ мостъ, втягиваемся въ улицу, уже подходимъ къ назначенному мѣсту. Но вотъ тутъ и случилось то, чего никто не ожидалъ. Пока проходили улицей, все шло благополучно, непріятель насъ не видитъ; шальныя пули изрѣдка свистятъ. Кладбище виднѣется. Но гдѣ-же Скобелевъ? Его нѣтъ. Только что мы показались съ головной частью на площади, какъ непріятель открываетъ по насъ такой губительный огонь, что тотчасъ-же останавливаетъ движеніе. Кто на площади, тотъ или убитъ, или раненъ. Пули точно дробь отбиваютъ по глинянымъ заборамъ и стѣнамъ домовъ. Передніе ряды солдатъ поворачиваютъ и натыкаются на заднie, тѣ лѣзутъ впередъ. Происходитъ полная суматоха. Полковникъ и баталіонные соскакиваютъ съ лошадей и спѣшатъ укрыться за первый уголъ; я—за ними. Убитые лежатъ какъ разъ посреди дороги и загораживаютъ движеніе. Раненые ползаютъ на колѣняхъ и ищутъ спасенія.

Въ эту минуту, съ противуположной стороны кладбища, изъ улицы, показывается Скобелевъ, не торопясь, совершенно спокойный, шажкомъ. Онъ еще не видитъ нашего безпорядка.

Я моментально вскакиваю на лошадь и скачу къ нему,—куда и робость дѣвалась!

— Ваше превосходительство, привелъ баталіоны,—докладываю я.

— Зачѣмъ вы ихъ сюда привели?—кричитъ онъ, и вдругъ замѣчаетъ, что у насъ дѣлается. Приходитъ чуть не въ бѣшенство.

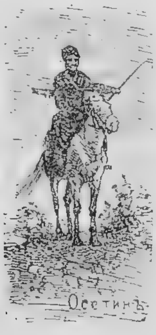
— Это что такое? порядокъ! порядокъ! изрублю, подлецы!—кричитъ онъ, обнажая саблю и подскакивая къ солдатамъ.—Гдѣ офицеры, гдѣ командиры баталіоновъ? Кругомъ, ведите ихъ обратной дорогой!

Не прошло двухъ минутъ, какъ все приходитъ въ первоначальный видъ: баталіоны стройно, въ ногу, идутъ той-же улицей, и сдѣлавъ обходъ, выходятъ за городъ на открытую равнину. Въ верстѣ отъ насъ возвышаются непріятельскіе редуты.

Не успѣли мы отойти и ста саженъ, какъ скачетъ поручикъ Карандѣевъ и докладываетъ генералу:

— Ваше превосходительство, турки бѣгутъ, казаки бросились за ними преслѣдовать!

Бой кончился въ 6 часовъ вечера.



ГЛАВА XVII.

Послѣ ловчинскаго боя.

Баталъоны возвращаются въ городъ. Генералъ ѣдетъ къ редутамъ. Чѣмъ ближе къ нимъ, тѣмъ чаще попадаются трупы. Странное дѣло! Турки не тѣ-ли-же люди, а между тѣмъ, эти смуглыя фигуры въ синихъ курткахъ, красныхъ фескахъ, со стиснутыми оскаленными зубами, со сжатыми кулаками, производятъ какое-то отталкивающее впечатлѣніе; тогда какъ, смотря на нашихъ убитыхъ, невольно хочется плакать: какими-то маленькими, жалкими кажутся они въ сравненіи съ турками.

Въѣзжаемъ въ первый редутъ: насъ обдаетъ воздухъ, пропитанный разлагающимися тѣлами. Скорѣй достаю платокъ и зажимаю носъ, чтобы не стошнило. Скобелевъ замѣчаетъ это.

— Что за вздоръ, что за привередничество! Вовсе нѣтъ такого дурного запаху!—кричитъ онъ, взбираясь верхомъ на брустверъ.

Глазамъ представляется слѣдующая картина. Внутренность редута буквально наполнена трупами; нѣкоторые настолько изуродованы, что невозможно разобрать лица. Валя-

ются изломанные лафеты, ружья, сабли, пистолеты, изорванныя палатки, фески, фашинникъ, жестянки изъ-подъ патроновъ. Повсюду осколки гранатъ и неразорвавшiеся снаряды. Тутъ-же брыкается съ десятокъ барановъ, связанныхъ между собою за ноги. Оврагъ за брутсверомъ тоже полонъ труповъ.

Кругомъ редута толпы солдатъ съ крикомъ и шумомъ разгуливаютъ, поютъ пѣсни. Многiе уже успѣли подвыпить. Вонъ двое спорятъ изъ за какой-то тряпки.

— Ты, что-ли, первый увидалъ?

— А нешто ты?

— Хоть и не я, да тебѣ не отдамъ!

— Нѣтъ, отдашь!

— Нѣтъ, не отдамъ!

Начинается дерганье оспариваемой вещи изъ стороны въ сторону. Дѣло кончается потасовкой.

— Ура-а-а, ура, ура-а!—доносится изъ-за угла редута.

Рота, собравшись, качаетъ своего командира: высоко подлетаетъ старый капитанъ, выдѣлывая неособенно-то грацiозно въ воздухѣ руками и ногами. Восторженно, съ неподдѣльною радостью грохочутъ солдаты: ура! „Ура" это непохоже на то, что кричатъ на полковыхъ праздникахъ, или въ казармахъ: здѣсь оно ясно выходитъ отъ души и выражаетъ одновременно благодарность и за побѣду, и за счастливое избавленiе отъ опасности.

Къ западу, верстъ на шесть, вплоть до горъ, тянется равнина, покрытая кукурузными полями, виноградниками, мѣстами пересѣкаемая ложбинками, канавами. Вотъ по этой равнинѣ и бросилась наша кавказская бригада преслѣдовать бѣжавшаго непрiятеля.

Осмотрѣвъ одинъ редутъ, Скобелевъ спускается и, по обыкновенiю, галопомъ ѣдетъ къ другому. Моя турецкая лошаденка измучилась и не можетъ поспѣвать, да и на трупы-то мнѣ опротивѣло смотрѣть. Поворачиваю и шагомъ ѣду по слѣдамъ казаковъ. Вдали ни души живой не видно. Кое-гдѣ

виднѣются непріятельскія тѣла, какъ забытые снопы въ полѣ. А ружей сколько, и какія все славныя, ложи орѣховыя, а патроновъ какая масса! Жаль, нѣтъ „братушекъ", какое-бы имъ тутъ раздолье было!

Но что это такое внизу въ лощинѣ? Точно нашъ полковой больничный фургонъ стоитъ.—Такъ и есть, и фельдшеръ Бабичъ здѣсь, и глухой старикъ докторъ Иванъ Яковлевичъ. Вокругъ кого это они возятся? Кто-то сидитъ на землѣ въ папахѣ, безъ черкески, спустивъ рукавъ рубахи. Подъѣзжаю—Астаховъ.

— Что съ вами?—кричу и соскакиваю съ лошади.

Отвернувшись и побагровѣвъ отъ боли, съ удивительнымъ терпѣніемъ выноситъ онъ, пока ему дѣлаютъ операцію.

— Попроси ты ихъ, милый, чтобы они поскорѣе тамъ возились,— умоляетъ онъ меня, зажимая лѣвой рукой ротъ, чтобы не вскрикнуть отъ боли. На правой оказывается у него три пальца отстрѣлены пулей: вмѣсто нихъ болтаются одни окровавленныя висюльки. Иванъ Яковлевичъ, не слыша, по своей глухотѣ, стоновъ раненаго, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ оперируетъ его, и, какъ мнѣ казалось, самымъ допотопнымъ образомъ.

— Хоть-бы вы, Иванъ Яковлевичъ, хлороформу ему дали,—совѣтую я. Не слышитъ.—Астаховъ дѣлаетъ знакъ рукой, что не надо.

— Да, да, какъ же, нельзя иначе, — ворчитъ что-то почтенный эскулапъ, какъ-бы желая показать, что онъ все слышитъ, что ему говорятъ.

Раненому дѣлаютъ повязку и укладываютъ въ фургонъ.

Замѣчательный здоровякъ былъ этотъ Астаховъ. Какъ мнѣ потомъ разсказывали, онъ на другой-же день, рано утромъ, садится но своего сѣраго „Джемала" и ѣдетъ въ Горный-Студень, гдѣ тогда былъ временной госпиталь. Проѣхавъ, не слѣзая, около 50-ти верстъ, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ соскакиваетъ съ лошади и направляется искать доктора; встрѣчается съ сестрой милосердія; та идетъ съ нимъ, и не подозрѣвая, что ея спутнику сейчасъ отнимутъ руку.

Приходятъ къ доктору, развязываютъ повязку: оказывается, гангрена охватила всю кисть. Ее ампутируютъ. Черезъ нѣсколько дней, видятъ, мало отняли; ампутируютъ еще разъ по самый локоть—и ничего, перенесъ, только на этотъ разъ на него напалъ такой столбнякъ, что пришлось, для поддержанія силъ впускать бульонъ черезъ поздри, такъ какъ ротъ невозможно было разжать.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда я возвращался назадъ въ Ловчу. Войска расположились по всему городу. Крики и пѣсни, не смотря на позднее время, еще не прекращались. Подгулявшія толпы солдатъ спускаются въ подвалы домовъ, выкатываютъ громадныя бочки съ виномъ, пьютъ сколько хватаетъ силъ, и, не будучи въ состояніи одолѣть, разламываютъ дно и выпускаютъ остатки на землю.

На кладбищѣ, почти около самаго того мѣста, гдѣ произошло замѣшательство съ баталіонами Э—скаго полка, расположился бивуакомъ В—ій полкъ. Командиръ полка любезно предлагаетъ мнѣ переночевать у него.—Я остаюсь. На утро просыпаюсь, и, со стаканомъ чаю въ рукахъ, выхожу изъ палатки подышать свѣжимъ воздухомъ. Погода такая-же прекрасная, какъ и всѣ эти дни, солнце весело кругомъ свѣтитъ.

Послѣ побѣды испытываешь какое-то невыразимо-отрадное, самодовольное чувство; сознаешь, что-дескать и я, хоть и маленькій, но все-таки участникъ въ этой побѣдѣ. Припоминаешь, что еще вчера, въ это время, никому изъ насъ немыслимо было попасть сюда, а сегодня разгуливаешь себѣ, точно такъ и быть слѣдуетъ. Но какъ-бы турки опять не нагрянули? Вѣдь еще вчера поговаривали, что къ нимъ вышло изъ Плевны подкрѣпленіе. И я невольно взглядываю на шоссе къ Плевнѣ, а также и на-лѣво на горы, по которымъ они могли-бы придти. Что-то непріятное, неловкое, прокрадывается въ сердце: это не страхъ, чтобы непріятель отнялъ у насъ Ловчу—для этого мы были слишкомъ сильны, а невольное опасеніе, что опять завяжется дѣло, а съ нимъ опять возмож-

ность быть или раненымъ, или убитымъ. Но это — минутное чувство, оно немедленно-же проходитъ.

Пѣхота, расположившаяся на площади, весело разговариваетъ и чиститъ аммуницію. Нѣкоторые-же разбираются въ найденномъ турецкомъ имуществѣ. Толпы братушекъ, потные, красные, запыхавшись, шныряютъ изъ дома въ домъ, грабятъ, спорятъ между собой и навьючиваютъ награбленнымъ добромъ своихъ ословъ и маленькихъ лошадепокъ, отъ хвоста по самыя уши.

Въ это время, не вдалекѣ отъ меня, сбирается кучка солдатъ. Подхожу, смотрю: посреди нихъ лежитъ на землѣ старый, сѣдой турокъ, изсохшій какъ мумія. Подпершись локтемъ, онъ довѣрчиво поглядываетъ на добродушныхъ солдатъ, достаетъ пальцемъ медъ изъ лежащей подлѣ него сопетки (корзинки), лижетъ его и, повидимому, совершенно счастливъ; по крайней мѣрѣ, на лицѣ его выражалась какая-то наивная, дѣтская радость.

Солдаты смотрятъ и разсуждаютъ.

— Поди тоже воевать собрался, — улыбаясь, замѣчаетъ одинъ, опершись сзади на плечо товарища.

— Гдѣ ужь ему воевать, поди такъ просто изъ *жителевъ*, — возражаетъ другой.

Посмотрѣвъ на турка и внутренно похваливъ солдатъ, какъ они угощали своего недруга, хотя и не своимъ медомъ, иду обратно. Не успѣлъ я добраться до палатки, слышу позади себя пронзительный, раздирающій душу крикъ, похожій на крикъ ребенка. Оглядываюсь, смотрю: того-же самаго турка, тѣ-же самые солдатики бѣгомъ перетаскиваютъ за ноги черезъ дорогу къ забору.

Бѣдняжка старикашка, всѣми своими слабыми силами, цапается за землю и бороздитъ пальцами по пыльной дорогѣ. Пока я догонялъ ихъ, съ туркомъ уже покончили: бритый старческій черепъ его, покрытый рѣдкими сѣдыми волосками, представлялъ безобразную массу, глаза выскочили изъ своихъ мѣстъ.

— За что это вы его убили?—кричу я солдатамъ.

— Ваше благородіе, это баши-бузукъ! Мы у него и патроны въ кушакѣ нашли.—И въ доказательство подаютъ мнѣ нѣсколько штукъ патроновъ.

Объяснять въ эту минуту солдатамъ ихъ безуміе было-бы съ моей стороны поздній, да и напрасный трудъ.

Возвращаясь назадъ, я рѣшилъ немедленно-же отправиться провѣдать своихъ товарищей владикавказцевъ: всѣ-ли они тамъ здоровы, нѣтъ-ли кого раненыхъ. Въ то-же время мелькала мысль, пожалуй кого и убили.

Но точно нарочно, пока я собирался, произошла сцена, задержавшая меня на добрыхъ полчаса. Надо сказать, что еще съ самаго утра я замѣтилъ, въ лѣвой сторонѣ кладбища, тамъ, гдѣ не было солдатъ, массу конныхъ и пѣшихъ болгаръ, навьюченныхъ награбленнымъ добромъ. Выйти съ этой площадки въ городъ они могли только черезъ солдатскій лагерь; а такъ какъ болгаре боялись, чтобы солдаты дорогой не начали осматривать ихъ имущество, то, чтобы отвлечь ихъ вниманіе, они рѣшились на слѣдующую хитрость.

Раздается страшный крикъ въ нѣсколько сотъ голосовъ:— Турци, турци, турци!—Все приходитъ въ смятеніе. Однимъ изъ первыхъ выскакиваетъ изъ своей палатки, безъ сюртука, мой любезный хозяинъ, полковой командиръ, и оретъ испуганнымъ голосамъ:—въ ружье-о-о-о!. .—За нимъ раздаются пронзительныя команды баталіонныхъ, ротныхъ командировъ и фельдфебелей. Происходитъ полный кавардакъ. Ружья въ козлахъ падаютъ и расхватываются какъ попало; офицеры, солдаты бѣгаютъ, толкаются какъ угорѣлые. Вонъ бѣжитъ черезъ площадку, должно быть, ротный командиръ къ своей ротѣ, въ пунцовой канаусовой рубахѣ, дорогой натягивая мундиръ, причемъ долго не можетъ попасть одной рукой въ рукавъ; въ другой онъ держитъ саблю и револьверъ. За нимъ въ догонку бѣжитъ деньщикъ, машетъ кэпи и кричитъ:—Ваше благородіе, пожалуйте, пожалуйте, кэпку надѣньте!

Пока происходитъ вся эта возня, братушки подъ шумокъ, густой толпой, безпрепятственно бѣгутъ мимо насъ, потряхивая за спиной мѣшками и продолжая орать по пути:—Турци, тур-

ци! — Ихъ маленькіе ослики, навьюченные чрезъ мѣру, упираются, останавливаются и не хотятъ идти. Одинъ-же, не смотря на удары палкой, которыми его осыпалъ всадникъ, усѣлся на задніе ноги, совершенно какъ собака, и загородилъ путь остальнымъ.

Ничего не можетъ быть смѣшнѣе подобной фигуры: прижатый скарбомъ и не будучи въ состояніи высвободиться, всадникъ изъ всѣхъ силъ подгоняетъ измученное животное босыми красными ногами. Отъ болгарина видно въ эту минуту только его испуганное бритое лицо съ черными усами и потный лобъ, прикрытый грязной черной чалмой. Напрасно бьетъ хозяинъ ослика, тотъ не можетъ подняться, лишь жалобно водитъ длинными, беззащитными ушами. Только когда пробѣжали болгаре и никакихъ турокъ не оказалось, поняли наши, въ чемъ дѣло, и отъ души ругнули болгаръ.

Наконецъ я выбрался за городъ и ѣду къ своимъ. Сейчасъ-же за редутомъ, около шоссе, расположилась лагеремъ кавказская бригада. Палатки скучены, коновязи еще не разбиты, по нѣскольку лошадей привязано у одного прикола. Нѣтъ никакой правильности, порядка. Привычный взглядъ могъ-бы сразу замѣтить, что всѣмъ этимъ людямъ и лошадямъ, еще очень недавно, была жаркая работа. Люди заняты уборкой лошадей. Вонъ одинъ казакъ, мой знакомый Артеменко, высокій, черный, въ плохенькомъ коричневомъ бешметѣ на распашку, надѣваетъ торбу съ ячменемъ на голову своей вороной лошади. Та прижала уши, легонько ржетъ, просовывая морду въ мѣшокъ и жадно хватаетъ жито, точно хочетъ разомъ все проглотить.

— Ишь, голодная!—уговариваетъ ее хозяинъ, поправляетъ гриву, и ласковой рукой проводитъ по спинѣ. Замѣтивъ меня, казакъ вытягивается и торопится застегнуть бешметъ.

— Здорово, Артеменко. Что, поработали вчера?—спрашиваю я.

— Такъ точно, ваше благородіе, досталось всѣмъ досыта,— отвѣчаетъ онъ, осклабляясь.

Въѣзжаю въ середину лагеря. Нѣкоторые изъ товарищей замѣтили меня и направляются на встрѣчу. Съ разныхъ сторонъ доносятся крики:—А, Сашенька, здравствуй! Александръ Васильевичъ, милый, какъ поживаешь? ты откудова?..

Услыхавъ шумъ, показывается изъ сосѣдней палатки старикъ есаулъ Голиховскій, въ сѣренькомъ тиковомъ бешметѣ и съ коротенькой трубочкой во рту. Степенно подходитъ ко мнѣ, поздравляетъ съ пріѣздомъ и освѣдомляется о здоровьѣ. По его голосу, спокойному лицу, можно заранѣе угадать, что Голиховскій не участвовалъ во вчерашней атакѣ.

Увидалъ меня и мой милѣйшій Андрей Павловичъ Ляпинъ. Съ радостной улыбкой бѣжитъ онъ, въ черномъ бешметѣ, придерживая кинжалъ, и кричитъ издали: — Что, живъ, милый, здоровъ?—Ляпинъ уже было приготовилъ губы для поцѣлуя, но замѣтивъ, что я не намѣренъ цѣловаться, а только хочу за руку здороваться, приходитъ въ едва замѣтное смущеніе, и нѣкоторое время такъ и остается съ приготовленными губами. Мнѣ даже и теперь досадно, зачѣмъ я не обнялъ и не разцѣловалъ его тогда; желаніе его было самое искреннее, безъ всякой задней мысли.—Но я боялся, что остальные товарищи назовутъ меня за это „бабой“.

Всѣ, веселые, радостные, хватаютъ меня подъ руки и тащатъ въ палатку къ Павлу Ивановичу. Десятки вопросовъ разомъ сыплются на мою голову. Павла Иваныча застаемъ за самымъ любимымъ его дѣломъ. Стоя на колѣняхъ передъ сундукомъ, онъ перекладывалъ тамъ свои вещи, или, иначе сказать, убиралъ подальше свои капиталы. Вчерашнее „дѣло“ было настолько удачно, что даже и онъ встрѣтилъ меня довольно весело. При этомъ улыбка такъ не шла къ его угрюмому лицу, что походила скорѣй на какую-то гримасу.

— Ну что, какъ вы тамъ у Скобелева? А мы тутъ ловко распорядились, — самодовольно говоритъ онъ мнѣ. — Вонъ, смотрите, какъ мнѣ штыкомъ прокололи, — хвастаетъ онъ, указывая на свою черкеску.

— У него и лошадь ранили штыкомъ,—серьезно добавляетъ Ляпинъ.

— Ну, думаю я,—не таковскій, кажется, Павелъ Ивановичъ, чтобы на штыкъ наткнуться, не вдругъ-то этому можно повѣрить!

— А Астахову руку отстрѣлили,—кричитъ кто-то.

— Не руку, только три пальца, — поправляетъ другой, такимъ голосомъ, будто-бы хотѣлъ объяснить намъ: ну, такъ что-же изъ этого, вѣдь еще семь осталось!

— Такъ вольно-же ему было за штыкъ хвататься,—злобно возражаетъ Павелъ Ивановичъ, и лицо его при этихъ словахъ опять принимаетъ прежнее угрюмое, отталкивающее выраженіе.

— Турокъ въ упоръ стрѣляетъ, а онъ за штыкъ!—продолжаетъ ворчать Павелъ Иванычъ.

Въ это время подходитъ къ намъ вахмистръ Семенъ Кикоть, и вслѣдствіе своего большого роста, по обыкновенію, не входитъ въ палатку, а только заглядываетъ въ нее, ища глазами командира.

— Ты что, Семенъ?—слышится командирскій голосъ.

— Да вотъ на счетъ сѣна, ваше высокоблагородіе, какъ прикажете?—начинаетъ тотъ.

— Ты знаешь, Саша, вашъ Кикоть двѣнадцат*и* штукъ зарубилъ,—вполголоса разсказываетъ мнѣ красивый сотникъ Шанаевъ, сидя на кровати за моей спиной.—Какъ кого махнетъ шашкой, такъ и голова прочь. Правда, Кикоть?—обращается онъ къ вахмистру.

— Гдѣ же, ваше благородіе, сразу отрубить! — говоритъ тотъ, ухмыляясь своимъ жирнымъ бородатымъ лицомъ. — У турки шея толстая; а нашей шашкой много-ли нарубишь! Что вотъ ей сдѣлаешь, вся измялась, изогнулась,—и Кикоть, какъ-бы въ доказательство своихъ словъ, вытаскиваетъ изъ поженъ обломокъ шашки, совершенно измятый. Раздается всеобщій хохотъ; каждый хватаетъ его, разсматриваетъ, смѣется и передаетъ другому.

— Нашъ Левченко, ваше благородіе, семнадцат*и* зару-

билъ,—объявляетъ Семенъ, какъ-бы гордясь тѣмъ, что у него въ сотнѣ есть богатыри еще почище его.

— Ну, какъ-же, скажи пожалуйста, легко можно голову отрубить?—спрашиваю я.

— Да какъ легко, ваше благородіе; ну, вѣдь, на лошади, скачешь, а турокъ пѣшій, бѣжать не можетъ; ну, его догонишь, по шеѣ и вдаришь.

— Ну, и готовъ?

— Гдѣ—готовъ! онъ схватится за стремя, ногу цѣлуетъ: аманъ, аманъ — кричитъ; ну, его тутъ и рубишь, разъ пятнадцать вдаришь, а онъ все кричитъ: аманъ, аманъ. Ну, извѣстно, все тише, да слабѣе, пока голова не отвалится. — И разсказчикъ при этомъ представляетъ по своему, какъ передъ смертью голова турка отваливается на-бокъ.

— Вотъ, ваше благородіе, наша горная антиллерія ловко дѣйствовала; полковникъ Костинъ молодчина: какъ гдѣ наскачетъ на толпу, сейчасъ орудія съ передковъ заворотитъ, какъ шарахнетъ картечью, такъ и улица, такъ и улица!

Вахмистръ замѣтно приходитъ въ азартъ, ужь его не нужно больше распрашивать, разсказъ самъ собой выходилъ.

— И вѣдь чудное дѣло, ваше благородіе, не швытко, кажись, и бѣжали эти турки, заріяились, что-ли они гораздо, такъ едва-едва шевелились, ровно нехотя, а ружье на плечѣ несетъ, не бросаетъ: кхи, кхи! — смѣется Кикоть и, смѣясь, представляетъ, какъ усталый турокъ убѣгалъ отъ него.

Смотря въ это время на богатырскій ростъ и плечи разсказчика, мнѣ какъ-то не вѣрилось, чтобы ему необходимо было 15 разъ ударить. Казалось отъ каждаго взмаха его шашки голова должна была непремѣнно отлетѣть прочь отъ туловища. Съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ Семена, онъ сталъ какъ будто еще выше ростомъ и шире въ плечахъ; потолстѣлъ и поправился: рыжая борода отросла длиннѣе, лицо загорѣло, распухло, руки тоже, казалось, увеличились и сдѣлались сильнѣе.

— Такъ ладно, ступай себѣ, отдыхай,—слышится обыкно-

венная фраза командира сотни, въ концѣ бесѣды съ вахмистромъ.

Тотъ молодцовато уходитъ, осторожно ступая по землѣ, точно боясь провалиться подъ своею тяжестью.

Поговоривъ съ товарищами, я узнаю, что казаками перебито въ погонѣ за турками около 2,500 человѣкъ; съ нашей же стороны потеря самая незначительная: нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, въ числѣ послѣднихъ и есаулъ Астаховъ.

— —

Такъ, около полудня, съ тѣхъ самыхъ возвышенностей, откуда мы ждали турокъ, раздались пушечные выстрѣлы. Непріятель оказался не силенъ: табора два пѣхоты и пять или шесть орудій. Турки видимо стрѣляли уже такъ только, для очищенія совѣсти, зная хорошо, что Ловчи имъ не воротить.

Часа въ три пополудни, Скобелевъ сидитъ съ Куропаткинымъ на маленькомъ пригоркѣ, невдалекѣ отъ редутовъ, и о чемъ-то разговариваютъ. Я лежу въ нѣсколькихъ шагахъ позади ихъ и смотрю, какъ турки стрѣляютъ изъ орудій.

Погода превосходная. Гребни горъ, покрытые лѣсомъ, ясно очерчиваются на темно-синемъ небѣ. Бѣлые дымки быстро вылетаютъ изъ жерлъ орудій и четко указываютъ мѣсто, гдѣ остановился непріятель. Отъ меня онъ находится верстахъ въ трехъ. Я уже такъ приглядѣлся къ стрѣльбѣ, что хорошо различаю полетъ снарядовъ. Вонъ раздается на горѣ выстрѣлъ,— дымъ застилаетъ смежный лѣсокъ; вонъ гдѣ летитъ снарядъ, какъ черный мячикъ, и, достигши зенита, точно останавливается. Жж... жж... жж... переливается его шуршаніе. Я спокойно наблюдаю, куда онъ упадетъ, такъ какъ вполнѣ увѣренъ, что стрѣляютъ не въ насъ; три человѣка не могутъ же служить цѣлью для орудій на разстояніи нѣсколькихъ верстъ.—А! вонъ по комъ!

Два нашихъ баталіона, въ густыхъ колоннахъ, одинъ за другимъ, медленно отступали къ городу.

Спарядъ падаетъ позади ихъ и разрывается. Земля снопомъ вылетаетъ къ верху. Нѣсколько иротставшихъ солдатиковъ стремительно бросаются къ своимъ, точно ища въ толпѣ защиты. Еще нѣсколько человѣкъ робко озираются и что-то переговариваются между собою; имъ, какъ мнѣ казалось, хотѣлось-бы прибавить шагу, чтобы выйти поскорѣе изъ-подъ выстрѣловъ. Турки отлично пользуются такой хорошей цѣлью и учащаютъ огонь. Одинъ за другимъ, еще два снаряда падаютъ въ промежуткѣ между баталіонами, и опять-таки благополучно, никого не задѣваютъ. Въ это время слышу позади себя голосъ генерала:

— Это что тамъ такое? Лошадь мнѣ!

Смотрю въ сторону къ Плевнѣ. У подножія горъ, наши солдаты, въ страшномъ безпорядкѣ, бѣгутъ назадъ. Скобелевъ садится на лошадь и маршъ-маршемъ несется туда. Впослѣдствіи я узналъ, что безпорядокъ этотъ произошелъ отъ того, что наши солдаты слишкомъ неосторожно приблизились къ возвышенностямъ, занятымъ непріятелемъ; турецкая пѣхота, скрытая въ виноградникахъ, близко подпустила ихъ, и такимъ встрѣтила мѣткимъ огнемъ, что тѣ моментально поворотили назадъ. Скобелевъ съ трудомъ остановилъ войска и, какъ мнѣ разсказывали очевидцы, сдѣлалъ имъ тутъ-же, подъ огнемъ, легонькое ученьице ружейнымъ пріемамъ.

24-го августа, рано утромъ, наши войска готовились выступить изъ Ловчи къ Плевнѣ; въ гарнизонѣ оставлялась бригады пѣхоты.

Я переночевалъ въ городѣ и ѣду искать генерала. Дорогой соображаю, куда-бы заѣхать напиться чайку: къ своимъ-ли владикавказцамъ, или къ кому изъ казанцевъ? И тутъ, и тамъ, я увѣренъ, мнѣ будутъ рады. Минуя городъ, выѣзжаю на равнину, что ведетъ къ редутамъ. Шаговъ сто впереди, у самаго шоссе, вижу—священникъ, въ траурной ризѣ, отпѣваетъ убитыхъ. Вчера не успѣли всѣхъ ихъ собрать и похоронить. По близости замѣтна свѣжая могила.

Боже мой, что за могила! Такой громадной я еще никогда не видалъ. Аршинъ десять длины, аршина четыре ширины. По бокамъ могилы груды красноватаго свѣжаго песку, съ мелкими камешками, рѣзко отличаются отъ остальной пыльной, сухой почвы. Подъѣзжаю ближе и останавливаюсь: солдаты и священникъ настолько заняты своимъ дѣломъ, что едва замѣтили меня. Священникъ заунывно поетъ. Я съ замираніемъ сердца заглядываю въ глубокую могилу и вижу, что дно ея уже сплошь покрыто убитыми. Одѣтые въ черные мундиры, они плотно положены одинъ къ другому, такъ что, кажется, и руки между ними не просунешь. И какая странность! Всѣ трупы положены не кверху лицомъ, а книзу; должно быть, ихъ пригоняли здѣсь, какъ товаръ какой-нибудь, чтобы больше убралось. Второй рядъ вѣрно пойдетъ лицомъ вверхъ, третій опять лицомъ книзу и т. д.

Оставаться тутъ дольше и расспросить подробно, сколько кладутъ въ одну могилу, и во сколько рядовъ, я не могъ, такъ какъ запахъ былъ невыносимъ.

Ѣду дальше; смотрю, въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди тоже лежатъ наши убитые, одинъ за другимъ, вдоль дороги. Ихъ сносятъ изъ окрестностей, съ мѣста боя, гдѣ кого найдутъ по одиночкѣ, и складываютъ на одно мѣсто. Господи, какъ жалко смотрѣть на эти безмолвныя жертвы! Такъ, кажется, и расплакался-бы, какъ дитя, и отвелъ-бы слезами душу!..

За что-же они погибли, чѣмъ-же они виноватѣе другихъ? Почему я не лежу рядомъ съ ними, или вонъ не тѣ двое, которые, растегнувъ свои выгорѣвшіе отъ солнца мундиры, съ такимъ апатичнымъ видомъ ссыпаютъ желѣзными лопатками песокъ на спины мертвыхъ товарищей?.,

Убитые лежатъ, кто скорчившись, кто съ вытянутыми ногами. Мундиры на нѣкоторыхъ порваны и перепачканы грязью, сапоги тоже грязные, въ особенности носки и каблуки. Лица холодныя, желтыя, какъ восковыя. Головы у всѣхъ непокрытыя, волосы, по большей части, черные, стриженые.

Сколько разъ мнѣ случалось, теперь на войнѣ, видѣть

массы убитыхъ, и каждый разъ я старался проѣзжать мимо, какъ можно скорѣй. Если-же хоть на минуту останавливался и взглядывалъ на одного, то уже послѣ этого меня точно какая невѣдомая сила тянула смотрѣть на прочихъ. Тогда я подолгу стоялъ и всматривался въ ихъ лица, искалъ выраженія боли и страданій.

Съ тяжелымъ сердцемъ ѣду дальше. Но не странно-ли сотворенъ человѣкъ? Проѣхалъ я нѣсколько шаговъ, трупы миновались, кругомъ стало все такъ хорошо, воздухъ подулъ чистый, свѣжій, и на моей душѣ стало легче и спокойнѣе.

Т. Астаховъ

ГЛАВА XVIII.

Отъ Ловчи къ Плевнѣ.

Невдалекѣ отъ Ловчи, па равнинѣ, строятся наши войска. Нѣкоторыя части уже совсѣмъ готовы къ выступленію. Направо отъ шоссе, у подножія горъ, на луговинкѣ, стоитъ казанскій полкъ. Тѣни отъ горъ падаютъ далеко впередъ и не даютъ высохнуть росѣ, которая блеститъ кругомъ на зелени. Офицеры, собравшись кружками около своихъ баталіоновъ, разговариваютъ, шутятъ, смѣются. Мимо ихъ проносится съ дѣловымъ видомъ, на лихомъ рыжемъ иноходцѣ, знакомый мнѣ баталіонный адъютантъ Черкасовъ. Какая у него славная лошадь, думается мнѣ, не купить ли ее? — Поручикъ, поручикъ, кричу ему — постойте немного! И въ то-же время подъѣзжаю и здороваюсь съ нимъ.— Продайте коня!

— Что-же, отвѣчаетъ тотъ, останавливая лошадь, — пожалуй. У меня другая есть. Что дадите?

— А ну-ка, проѣзжайте спачала мимо хорошенько.

Тотъ дѣлаетъ рѣзвою иноходью большой кругъ и возвращается назадъ. Сговариваемся за 125 рублей. Лошадь остается за мною. Сто рублей я отдаю немедленно-же, а на 25 рублей пишу росписку, такъ какъ у меня не было при себѣ больше

денегъ. Хотя Черкасовъ и не хотѣлъ ее брать, но я настоялъ, говоря: а если меня убьютъ, такъ деньги-то могутъ пропасть?

— Не убьютъ! Богъ милостивъ,—отвѣчалъ тотъ съ улыбкою, складывая росписку вчетверо и пряча ее вмѣстѣ съ деньгами въ боковой карманъ мундира.

Черкасовъ былъ еще очень молоденькій офицеръ, стройный и чрезвычайно симпатичный.

Черезъ четыре дня послѣ этого отрядъ нашъ уже стоялъ около Плевны; пріѣзжаю зачѣмъ-то въ казанскій полкъ и узнаю, что Черкасовъ наканунѣ убитъ въ дѣлѣ съ турками.

Изъ Ловчи наши войска направляются къ деревнѣ Боготу и тамъ останавливаются. По приходѣ туда, Скобелевъ съ нѣсколькими сотнями казаковъ, не заѣзжая въ Боготъ, направляется прямо по шоссе къ Плевнѣ, чтобы заглянуть на непріятельскіе редуты. Съ нами ѣдутъ Тутолминъ, нѣсколько офицеровъ, болгаринъ-переводчикъ Александръ Ивановъ, конвой, двѣ сотни казаковъ и гвардейскій эскадронъ Кулебякина. Погода перемѣнилась, нахмурилась и готовился дождикъ. Мы быстро подаемся впередъ, и переѣхавъ ручеекъ стали подниматься на гору. На пасмурномъ горизонтѣ показалось угловатое очертаніе Плевненскаго редута. По близости его виднѣется нѣсколько деревьевъ. Съ редута молчатъ, нигдѣ никого незамѣтно. Кругомъ точно все вымерло.—Ужь и въ самомъ дѣлѣ, не ушли-ли турки, не бросили-ли они своихъ укрѣпленій, — толковали мы между собою: такой слухъ ходилъ дѣйствительно въ то время, и я не скрою, что у меня сердце при этой мысли радовалось и легче билось. Значитъ, думалось мнѣ, Плевна можетъ быть взята безъ боя!

Подаемся еще немного, и сомнѣнія наши мгновенно разсѣеваются. Съ гребня редута вспыхиваетъ огонь, бѣлый клубъ дыма взвивается и глухой отдаленный гулъ—гулъ знакомый, давящій—раздается въ нашихъ ушахъ. Вслѣдъ за этимъ гу-

ломъ, въ полусотнѣ сажень передъ нами падаетъ снарядъ и зарывается въ землю. Скобелевъ останавливается и приказываетъ сотнямъ не толпиться по близости и разъѣхаться шире: конвой тоже раздается просторнѣе. Генералъ беретъ отъ урядника бинокль и, не слѣзая съ лошади, разсматриваетъ укрѣпленіе. Съ редута продолжаютъ стрѣлять, причемъ каждый послѣдующій выстрѣлъ становится все вѣрнѣе и вѣрнѣе. Вотъ одна граната шумитъ совсѣмъ близко, ближе, еще ближе. Переводчикъ-болгаринъ, надъ которымъ Скобелевъ передъ этимъ все подтрунивалъ, начинаетъ наклоняться ниже и ниже и, наконецъ, отъ страха совсѣмъ сваливается съ лошади. Снарядъ перелетаетъ, никого не задѣвая. Скобелевъ разражается гомерическимъ хохотомъ, закатываетъ голову назадъ и чуть не до слезъ смѣется. Мы всѣ, несмотря на опасность положенія, невольно тоже смѣемся, до того фигура переводчика въ эту минуту была комична. Можетъ быть, еще долго продержалъ-бы насъ тутъ генералъ, да дождикъ сталъ накрапывать, и мы поворотили обратно.

Въ Боготъ всѣ пріѣхали совершенно промокшіе. Затѣмъ опять наступила прекрасная погода.

Къ домику, гдѣ остановился Скобелевъ, прилегалъ довольно просторный, чистый дворъ. Здѣсь были разбиты двѣ палатки, одна для князя Имеретинскаго, а другая для Скобелева. Штабъ и свита расположилась по близости въ хатахъ.

Въ то время, какъ я и товарищи размѣщались поудобнѣе, около самыхъ генеральскихъ палатокъ разгуливали какіе-то два англійскихъ корреспондента, въ высокихъ бѣлыхъ полотняныхъ каскахъ. Одинъ изъ нихъ длинный, тощій, другой, напротивъ, маленькій и толстенькій. Они о чемъ-то оживленно разговаривали между собою, какъ къ нимъ подошелъ Скобелевъ и, потирая руки, присоединился къ бесѣдѣ; потолковавъ съ четверть часа, маленькій корреспондентъ садится посреди двора на складной стулъ и принимается что-то писать. Когда я, смѣясь, указалъ на него брату Сергѣю, тотъ отвѣтилъ:— ты, братъ, надъ нимъ не очень-то смѣйся, вѣдь это извѣстный

и храбрый англійскій полковникъ; онъ отличился въ Индіи!— Какъ его фамилія, я теперь забылъ.

Кажется, это было въ ночь съ 28-го на 29-е августа. Время около полуночи; кругомъ совершенно темно; грязь и слякоть непролазная. Огонекъ въ Скобелевской палаткѣ, посреди окружающей темноты, ярко свѣтитъ. Генералъ сидитъ около столика съ Куропаткинымъ и о чемъ-то совѣщаются. Я съ Гайтовымъ лежимъ, укрывшись бурками, по близости, въ сырой палаткѣ, и отдыхаемъ. За этотъ день мы какъ-то особенно сильно устали; лошади-же наши едва волочили ноги. Несмотря на поздній часъ, ружейные залпы безпрестанно раскатываются сухимъ однообразнымъ трескомъ, и въ ночной тишинѣ чрезвычайно непріятно дѣйствуютъ на наши усталые нервы. Вотъ, вправо отъ насъ, за лѣскомъ — залпъ, другой, третій, одинъ за другимъ почти безъ промежутковъ. Сердце бьется сильнѣе, такъ его и щемитъ, такъ и ноетъ оно. Невольно думается, сколько-то человѣкъ за эти минуты Богу душу отдадутъ? Мы лежимъ и утѣшаемъ себя надеждой: авось генералъ не пошлетъ насъ никуда и дастъ отдохнуть. Я-же, кромѣ того, даю себѣ слово, что если-бы Скобелевъ вздумалъ меня куда теперь послать, то скажусь больнымъ, хотя, конечно, это генералу не понравится. Что-же дѣлать, если я усталъ какъ собака? Только я это подумалъ, слышу голосъ Скобелева.

— Позвать ко мнѣ сотника Верещагина!—Вотъ тебѣ и на! Поднимаюсь и тихонько иду къ палаткѣ.

— Верещагинъ, извольте отправиться розыскать NN полкъ, передайте командиру полка...

Я перебиваю его и слабымъ голосомъ докладываю:—Ваше превосходительство, у меня страшно желудокъ болитъ,—и при этомъ тру рукой животъ. Генералъ сурово смотритъ и говоритъ:

— Какъ я не люблю, когда на службѣ отговариваются нездоровьемъ! Пошлите ко мнѣ сотника Гайтова.

Посылать Гайтова мнѣ не пришлось, такъ какъ тотъ слышалъ нашъ разговоръ и самъ шелъ на встрѣчу. Я снова ложусь въ палаткѣ, закутываюсь въ бурку и хотя сознаю, что поступилъ нехорошо — подвелъ товарища, но, поглядѣвъ кругомъ на темноту и представивъ себѣ тотъ трудъ, съ которымъ бы мнѣ пришлось розыскивать части по этой слякоти, засыпаю сномъ праведника.

Утромъ подходятъ обозы и лазареты 16-й дивизіи. Куропаткинъ поручаетъ мнѣ расположить ихъ вдоль ручья, вблизи нашей палатки.

Я живо исполнилъ это дѣло, послѣ чего мнѣ захотѣлось посмотрѣть на нашу артиллерійскую позицію. Что меня въ особенности поразило, глядя на орудія, это огромный уголъ возвышенія, приданный имъ. Непріятельская позиція была настолько далека, что наши девяти-фунтовки едва могли добрасывать снаряды и при этихъ углахъ, а о четырехъ-фунтовыхъ орудіяхъ и толковать нечего было, никуда они не годились!

Въ тотъ день, часовъ такъ около 4-хъ вечера, мы сидимъ съ Гайтовымъ подлѣ палатки Имеретинскаго. Скобелева нѣтъ, онъ съ утра уѣхалъ на позиціи и еще не возвращался. Князь ходитъ взадъ и впередъ около высокаго орѣховаго дерева и нервно прислушивается къ ружейной трескотнѣ, которая доносится вѣтромъ то глуше, то яснѣе. Одѣтъ Имеретинскій въ мундиръ генеральнаго штаба, при аксельбантахъ. Изъ его ординардцевъ здѣсь нѣтъ никого, онъ ихъ всѣхъ разослалъ искать Скобелева.

— Пожалуйста, отыщите мнѣ генерала Скобелева, на васъ я надѣюсь, вы его живо найдете, — говоритъ мнѣ князь не безъ лести.

Я сажусь на лошадь и ѣду; за мной для компаніи ѣдетъ и Гайтовъ.

Но гдѣ искать Скобелева? Въ какой онъ сторонѣ? Передъ нашими глазами стелется открытая мѣстность. Далеко впереди окаймляется она продолговатымъ холмомъ. Дымки на

вершинѣ его указываютъ, что тамъ дѣйствуетъ артиллерія. Влѣво, гдѣ холмъ кончается, виднѣется деревушка съ бѣлыми домиками и красными крышами. Не отъѣхали мы и полъ-версты, какъ натыкаемся на великолѣпный виноградникъ. Кисти дотого крупны и сочны, что, какъ возьмешь въ руки, такъ сокъ и сочится. Дѣлать нечего, слѣзаемъ съ лошадей и давай наѣдаться. Пока мы такъ занимаемся, на насъ внезапно наѣзжаютъ два свитскихъ полковника. Они были посланы Государемъ узнать, какъ идутъ дѣла на лѣвомъ флангѣ у князя Имеретинскаго. Намъ, при видѣ этихъ господъ, становится ужасно стыдно. Что, дескать, они подумаютъ? Трусы, забрались въ кусты! Оба полковника просятъ насъ проводить ихъ къ Имеретинскому. Мы соглашаемся и ѣдемъ назадъ.

Почти одновременно съ нами пріѣхалъ къ Имеретинскому и Скобелевъ, въ запачканномъ и рваномъ кителѣ. Всѣ они направились въ палатку къ князю, я-же поѣхалъ къ Куропаткину, проситься съѣздить въ Парадимъ, провѣдать брата Василія.

До Парадима, гдѣ въ то время находился Великій Князь съ главной квартирой, надо было ѣхать верстъ 15. Брата не было дома, когда я пріѣхалъ: онъ уѣзжалъ съ главнокомандующимъ на позицію. Чтобы не терять напрасно время, мнѣ вздумалось съѣздить въ нашъ бригадный обозъ и кстати провѣдать Кухаренку: онъ незадолго передъ этимъ заболѣлъ и удалился въ обозъ.

Сейчасъ-же за Парадимомъ показались казацкія палатки. Онѣ дѣлились полковыми фургонами и повозками на двѣ части: владикавказскую и кубанскую.

Замѣчательно, какъ наши казаки умѣютъ спокойно устраиваться, гдѣ-бы имъ ни пришлось. Вотъ, напримѣръ, хотя-бы здѣсь въ обозѣ. Въ 15 верстахъ отсюда идетъ бой, канонада ясно слышится, гулъ не перестаетъ, раскаты пушечные такъ и гремятъ; сотни людей близехонько умираютъ каждый часъ, а здѣсь какъ-то невольно обо всемъ этомъ забываешь. Здѣсь даже и думать о войнѣ не хочется. Такъ просто, такъ спокойно расположились казаки и каждый занятъ своимъ дѣломъ.

Глядя на ихъ мирную жизнь, скорѣй подумаешь, что находишься гдѣ-нибудь около Ставрополя или Владикавказа, а ужъ никакъ не подъ Плевной.

Ну хоть для примѣра взглянуть на этого высокаго чернобородаго казака малоросса. Изъ-за его полуразстегнутаго, дыряваго краснаго бешмета виднѣется грязная холщевая рубаха; когда-то черныя ластиковыя шаровары совершенно выгорѣли отъ солнца и порыжѣли; на ногахъ чевяки, очень плохенькіе, почти насквозь протоптанные. Съ какимъ спокойнымъ и вмѣстѣ дѣловымъ видомъ трудится онъ надъ своей работой! Прикрѣпивъ широкій сыромятный ремень къ высокимъ козламъ, онъ привязалъ къ нижнему концу его тяжелый камень; закручивая ремень, казакъ мнетъ кожу до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается мягкой. На лицѣ у него въ это время и тѣни заботы о войнѣ незамѣтно. Вотъ камень перестаетъ вертѣться; мастеръ опытной рукой щупаетъ кожу, разсматриваетъ ее, бормочетъ что-то про себя съ недовольнымъ видомъ и снова закручиваетъ. Итакъ работаетъ онъ съ утра и до вечера. А канонада все гудитъ и гудитъ.

Немного позади этого казака, изъ низенькой палатки, доносится здоровый смѣхъ и говоръ. Изъ приподнятой дверки торчатъ босыя ноги. Нѣсколько казаковъ, скинувъ бешметы и лежа на животахъ, играютъ въ носки. Правый, молоденькій казаченка, очень хорошенькій, безъ бороды и усовъ, должно быть выигралъ, такъ какъ онъ съ веселымъ видомъ быстро приподнимается, поджимаетъ подъ себя ноги и, сложивъ вмѣстѣ нѣсколько до-нельзя засаленныхъ картъ, сбирается кого-то колотить по носу. Иду дальше къ палаткѣ Кухаренки. Она отличается отъ всѣхъ прочихъ. Ее выписалъ изъ Парижа братъ мой Василій. Палатка эта очень изящная, просторная, съ окошечкомъ и маленькимъ навѣсомъ. Не доходя до нея, въ сторонѣ, подъ тѣнью обознаго фургона, пріютился полковой портной, низенькаго роста, худощавый, съ блѣднымъ лихорадочнымъ лицомъ и жиденькой бородкой. Онъ пригоняетъ черкеску, вѣроятно для кого-нибудь изъ офицеровъ, а можетъ и для самого „полка командера“. Черкеску онъ надѣлъ на

одного изъ своихъ товарищей казаковъ. Лѣвый рукавъ еще не вшитъ. Портной внимательно проводитъ широкою ладонью по спинѣ и кое-гдѣ слегка черкаетъ мѣломъ, затѣмъ беретъ мѣлъ въ ротъ, и осторожно снявъ работу, наклоняется и улѣзаетъ съ нею въ свою конурку.

Кухаренку я нашелъ, по обыкновенію, франтовски одѣтымъ, въ шикарномъ красномъ бешметѣ, подтянутомъ все тѣмъ-же богатымъ ремнемъ при кинжалѣ; папаха на затылкѣ. Только его видъ нѣсколько усталый, и черезъ-чуръ согнутая спина доказывали, что командиръ полка несовсѣмъ здоровъ. Въ минуту моего прихода, Кухаренко изъ всѣхъ силъ бранилъ двухъ казаковъ, которые, стоя на вытяжку въ заплатанныхъ черкескахъ, безмолвно выслушивали брань начальника.

— Зд-д-равствуйте, В-в-верещагинъ, вотъ изз-в-вольте, п-полюбуйтесь на этихъ р-разбойниковъ!—заикаясь, говорилъ онъ, указывая рукой на провинившихся.—Вѣдь вы п-п-паріи рода человѣческаго! Вахмистръ, посадить ихъ за отдѣльный котелъ, чтобы они не поганили своей ѣдой товарищей! Вѣдь у васъ, значитъ, нѣтъ ни стыда, ни совѣсти, ни чести, если вы рѣшились обокрасть товарищей, братьевъ!

Кухаренко любилъ выражаться высокопарно и употреблять несовсѣмъ понятныя слова, какъ напримѣръ, „парій". Я не вдругъ сообразилъ въ чемъ дѣло, но черезъ нѣсколько минутъ, Кухаренко, покончивъ съ казаками, объяснилъ мнѣ, что тѣ продали какому-то маркитанту двухъ обозныхъ воловъ.

Когда мы вошли въ палатку, Кухаренко показался мнѣ еще слабѣе и хилѣе, голосъ его сдѣлался почти неслышнымъ, спина согнулась еще болѣе, глаза потускнѣли.

— В-в-вотъ, не могу спины разогнуть! геморрой замучилъ! Садитесь, прошу покорно. Ординарецъ!—дрожащимъ голосомъ кричитъ больной,—прикажи-ка чаю подать.

— Ну, что, каково поживаете? Что Скобелевъ, каково воюетъ?—продолжалъ онъ спрашивать тѣмъ-же голосомъ, и прилаживаясь поудобнѣе усѣсться на кровати, покрытой черной блестящей буркой.

Я пробылъ у него около часу. Затѣмъ отправился искать

брата. Онъ жилъ невдалекѣ отъ обоза, въ одной хатѣ съ полковникомъ Струковымъ. Въ минуту моего прихода они оба шли обѣдать въ главную квартиру, и я къ нимъ пристроился.

Въ серединѣ обѣда Его Высочество внезапно обращается къ намъ и говоритъ: Братья Верещагины, передайте вашему безчинному брату (Сергѣй не имѣлъ чина), что Государь Императоръ пожаловалъ ему солдатскаго Георгія.

Мы, конечно, встали и поблагодарили Его Высочество.

Вечеромъ, ложась спать, братъ Василій начинаетъ спорить со Струковымъ о завтрашнемъ штурмѣ. Какъ теперь помню, братъ говорилъ: Да вѣдь грязь-то какая,—по колѣни! Неужели по такой грязи можно идти на штурмъ?

— Такъ и пойдутъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Да съ чѣмъ-же, съ какими силами?

— 55 тысячъ нашихъ и 15 тысячъ румынъ, такъ рѣшилъ Его Высочество. Приказъ отданъ, отмѣны не будетъ,—отвѣчалъ Струковъ.

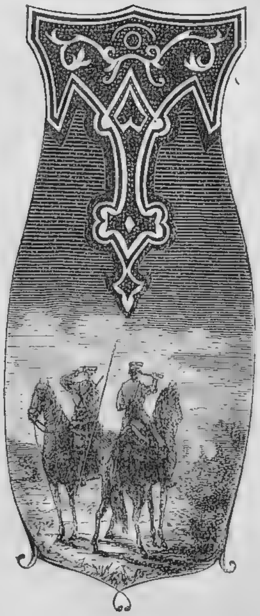
— Знаешь что?—обращаюсь я къ Василью.—Мнѣ что-то очень не хочется быть завтра въ дѣлѣ, у меня есть предчувствіе, что меня убьютъ.

— Вздоръ, не убьютъ, не безпокойся. Много, если ранятъ, такъ это ничего, вылѣчимъ, — отвѣчалъ братъ и на томъ нашъ разговоръ кончился.

И. Ф. Тутолминъ.

ГЛАВА XIX.

Бой подъ Плевной 30го августа.



Тридцатаго августа, въ день моего ангела, я, чуть свѣтъ, простился съ братомъ, и одинъ-одинешенекъ отправился въ свой лагерь.

Погода пасмурная, дождикъ точно черезъ сито сѣетъ; облака настолько заволокли небо, что не подавали никакой надежды на солнышко. Мой бѣленькій кавказскій башлыкъ промокъ насквозь, папаха тоже напиталась водой и тяжело давила голову. Мелкія капли дождя, скатываясь по буркѣ, сливались одна съ другою, и уже крупныя падали на землю. Лошадь громко шлепаетъ по грязи, брызги отъ ногъ ея далеко разлетаются кругомъ.

— Ахъ ты, Боже мой, что за слякоть!—разсуждаю я, задерживая подъ-гору лошадь, которая скользила на заднихъ ногахъ, какъ на лыжахъ. — Ну, какъ наши пойдутъ сегодня на приступъ.

Скобелевъ уже давно былъ на позиціи, когда я, проѣзжая его палатку, останавливаюсь около своей и слѣзаю съ лошади.

— Ламакинъ, лошадь возьми, да чаю живо! — кричу я скидывая тяжелую, мокрую бурку и лѣзу въ палатку.

На душѣ нехорошо, неспокойно. Сознаю, что я здѣсь одинъ, кругомъ никого нѣтъ, всѣ тамъ, откуда доносится гулъ орудій, гдѣ убиваютъ людей!

— Неужели, думается мнѣ, я самый трусливый, самый малодушный? Отчего-же всѣ при своемъ дѣлѣ, а я здѣсь, точно бѣглецъ какой! И въ ту-же минуту у меня мелькаетъ знакомый вопросъ: Ну, что подумаетъ обо мнѣ Скобелевъ? Вслѣдъ за этимъ я раздражительно кричу: что-же чаю?

Въ дверяхъ палатки показывается лицо Ламакина, блѣдное, лихорадочное. Его всѣ эти дни трясла лихорадка. Онъ ставитъ передо мной мѣдный чайникъ съ кипяткомъ, сахаръ въ жестянкѣ изъ-подъ сардинокъ, затѣмъ жалобно говоритъ:

— Ваше благородіе, вы хоша-бы кого изъ насъ взяли *), а то не ровѐнъ часъ, ранятъ, либо што, все-жъ таки свой человѣкъ.

Въ голосѣ его слышалась привязанность, добродушіе. Я поблагодарилъ его, и говорю, что мнѣ пріятнѣе найти, возвратившись съ дѣла, готовую постель, чѣмъ таскать понапрасну за собой казака.

— А вотъ лошадь свою, пожалуй, дай, а то мой кабардинецъ совсѣмъ заморился. Твоя, кажется, давно никуда не ходила.

— Такъ точно, ваше благородіе, моя гораздо поправилась, — говоритъ онъ, и отправляется пересѣдлывать.

Тѣмъ временемъ я напился чаю, и торопливо сажусь на Ламакинскую лошадь. Пора ѣхать, время уже 9 часовъ. Погода нахмурилась еще болѣе; свинцовыя тучи низко, медленно, точно нехотя, тянулись по небу. Палатки генерала, офицерскія и другія сдѣлались темныя, грязныя, точно съежились и нахмурились отъ непогоды. Окрестности съ трудомъ можно было различить. Громъ орудій теперь уже не такъ ясно слы-

*) При мнѣ находился еще другой казакъ, Данило, который готовилъ кушанье.

шенъ, какъ наканунѣ. Выѣзжаю на шоссе. По бокамъ канавъ валяются цѣлыя клубы спутанной телеграфной проволоки, снятой со столбовъ нашими казаками. Мѣстами ее столько разбросано, что лошади ступить негдѣ. Дорогу дождемъ сильно размочило, и конь мой безпрестанно скользитъ. По сторонамъ шоссе черная сырая почва во многихъ мѣстахъ изрыта разорвавшимися снарядами. Нѣсколько далѣе виднѣются одинокія вѣтвистыя деревья, покрытыя густою зеленью. Еще далѣе мѣстность возвышается и образуетъ какъ-бы продолговатый лѣсистый холмъ, которымъ и ограничивается горизонтъ. Изъ-за этого холма, кое-гдѣ медленно подымаются клубы дыму. При настоящей сырой погодѣ и туманѣ, дымъ этотъ смѣшивается съ низкими облаками и не такъ четко выдѣляется, какъ въ предшествующіе дни.

Вотъ я въѣхалъ на небольшой холмикъ. Далеко впереди, верстъ пять, пожалуй, на грязно синемъ небосклонѣ виднѣются кое-гдѣ тоже бѣлые орудійные дымки, но это уже вѣрно не наши, а непріятельскіе: это можно заключить по огню, который вылеталъ при каждомъ выстрѣлѣ, и направленію дымковъ.

Куда ни взглянешь, вездѣ сѣро, мокро, непривѣтливо; такъ и тянетъ куда-нибудь зайти и согрѣться. А между тѣмъ, необходимо ѣхать впередъ, да еще именно туда, откуда доносится грохотъ орудій.

Грохотъ этотъ я начинаю слышать все яснѣе и яснѣе. Нѣкоторые выстрѣлы доносятся уже такъ хорошо, точно вотъ тутъ и есть. Вонъ и лѣвѣе пошла канонада, а сейчасъ ея не было слышно. Войскъ еще не видно. Я начинаю приходить все болѣе и болѣе въ нервное настроеніе. Въ головѣ невольно возникаетъ вопросъ: скоро-ли я въѣду въ линію огня? Вопросъ этотъ оттого меня такъ сильно безпокоитъ, что я убѣдился изъ предшествующихъ сраженій, что находиться вблизи отъ огня, и затѣмъ очутиться подъ самымъ огнемъ—двѣ вещи разныя. Не знаю, какъ для другихъ, но для меня проѣзжать эти послѣдніе шаги, каждый разъ было очень непріятно. Пока пуль нѣтъ, все ничего, все хорошо и спокойно, хотя и не совсѣмъ,

такъ какъ сознаешь, что неминуемо, сейчасъ услышишь ихъ зловѣщій свистъ. Но вотъ пролетѣла одна—только одна пуля—и уже чувствуешь въ себѣ перемѣну. Сердце точно кто начинаетъ глодать; на желудкѣ является легкая тошнота; по всему тѣлу распространяется слабость, апатичность. Смѣшно сказать, подобное этому чувство я испытывалъ во времена оны передъ сдачей латинскаго экзамена. Тогда появлялась та же тошнота, та-же слабость въ тѣлѣ, съ придачей холоднаго пота на лбу. Такое нервное настроеніе, конечно, является вслѣдствіе сознанія, что вотъ уже теперь тебя сейчасъ могутъ ранить, и даже убить. Всѣ мысли, всѣ чувства какъ-то особенно напрягаются и невольно ждутъ того рокового кусочка свинца или чугуна, который прекратитъ жизнь.

За маленькимъ холмикомъ, вправо отъ шоссе, виднѣется нѣсколько деревьевъ. Около нихъ казаки, въ черныхъ буркахъ, покрывшись кто темными, кто бѣлыми башлыками, держатъ въ поводу осѣдланныхъ лошадей. Тутъ-же виднѣется и Скобелевскій красный значокъ, воткнутый въ землю. Значитъ, и Скобелевъ гдѣ-нибудь по близости? Но его пока не видно. Заворачиваю за пригорокъ, и вижу, въ сотнѣ шаговъ отъ себя, Скобелевъ ходитъ съ княземъ Имеретинскимъ взадъ и впередъ по шоссе и, потирая по обыкновенію руки, съ озабоченнымъ видомъ о чемъ-то съ нимъ разговариваетъ. Оба они одѣты въ мундиры генеральнаго штаба. Какъ только я завидѣлъ начальство, у меня мгновенно пропадаетъ всякая мысль объ опасности, хотя пули здѣсь уже свищутъ довольно часто.

Точно школьникъ, который опоздалъ въ классъ и пришелъ позже учителя, я тихонько слѣзаю съ лошади и стараюсь какъ можно незамѣтнѣе отвести ее къ прочимъ лошадямъ. Затѣмъ иду къ товарищамъ офицерамъ. Тѣ—человѣкъ семь-восемь,—усѣлись тыломъ къ пригорку, такимъ образомъ, что пули, перелетая надъ ихъ головами, не могутъ никого изъ нихъ задѣть. Лошади стоятъ въ сторонѣ, по временамъ вздрагиваютъ,

безпокойно водятъ ушами и, съ шумомъ раздувая ноздри, втягиваютъ въ себя воздухъ. Онѣ, бѣдненькія, замѣтно чуютъ свое опасное положеніе.

Вотъ одна пуля какъ разъ около нихъ съ визгомъ пролетаетъ отлого по кукурузѣ. Лошади шарахнулись въ стороны и зафыркали. Скобелевъ замѣчаетъ это и сердито кричитъ:

— Что тамъ за безпорядокъ! Отвести лошадей дальше! и затѣмъ снова погружается въ свой прерванный разговоръ съ Имеретинскимъ. Я здороваюсь съ товарищами и сажусь рядомъ съ ними, конечно съ тѣмъ-же разсчетомъ, чтобы и меня шальная пуля не могла задѣть.

Завернувшись поудобнѣе въ бурку, начинаю слѣдить за тѣмъ, какъ разгуливаетъ начальство: не подмѣчу-ли въ генералахъ хоть признака робости, ну, хоть, въ Имеретинскомъ. Но и князь сегодня съ полнымъ хладнокровіемъ, точно гдѣ въ залѣ, ходитъ въ ногу со Скобелевымъ, не обращая, повидимому, никакого вниманія на пули.

Въ это время запечатлѣлась въ моей памяти фигура одного убитаго нашего солдата. Здоровенный, съ длинными бакенбардами, уткнувшись лицомъ въ грязное шоссе, лежалъ онъ, раскинувъ руки, какъ разъ около того мѣста, гдѣ гуляли генералы. Кэпи свалилось и обнажило его черную стриженую голову. Странно было видѣть, какъ начальство, разгуливая, не догадывалось приказать убрать этого молодца. Ужъ вѣрно имъ было не до мертвыхъ.

Времени прошло порядочно. Канонада усиливается, пули свищутъ все чаще и чаще. А Скобелевъ все шагаетъ взадъ и впередъ съ княземъ Имеретинскимъ и потираетъ руки. Убитый все лежитъ, и точно глубже вдумывается и соображаетъ,—неужели мнѣ вѣкъ лежать здѣсь подъ дождемъ?

Изъ разговоровъ съ товарищами я узнаю, что общая атака назначена въ 3 часа пополудни. Теперь только 12. Въ эту минуту подъѣзжаетъ какой-то офицеръ и докладываетъ Скобелеву:—Ваше превосходительство, 3-я стрѣлковая бригада тронулась впередъ.—Генералъ приходитъ въ сильный гнѣвъ:

— Кто-жь имъ приказалъ? Развѣ имъ неизвѣстно, что

общая атака въ три часа? Ну, пускай умираютъ, если не умѣли дождаться! — съ сердцемъ кричитъ онъ. Затѣмъ снова пускается въ разговоръ съ княземъ.

Такъ, около часа спустя, Скобелевъ велитъ подать себѣ лошадь, мы бросаемся тоже къ своимъ лошадямъ, чтобы слѣдовать за генераломъ. Въ это время ко мнѣ подъѣзжаетъ братъ мой Сергѣй, въ коротенькой черной курткѣ, на маленькой турецкой лошадкѣ, которую я-же ему дня за два передъ тѣмъ подарилъ.

— Сережа, — кричу ему, — Василій Васильевичъ просилъ тебѣ передать, чтобы ты возвратилъ ему его вещи, повозку, краски, а то ему работать нельзя.

— Не время, братецъ мой, теперь объ этомъ разговаривать! — коротко возражаетъ онъ, здоровается со мной, затѣмъ бьетъ лошадь плетью подъ брюхо и карьеромъ скрывается на позицію.

Съ тѣхъ поръ я его больше не видалъ.

Имеретинскій остается на томъ-же мѣстѣ, мы-же всѣ слѣдуемъ за Скобелевымъ. Вскорѣ къ намъ подъѣзжаетъ Куропаткинъ, онъ былъ гдѣ-то на позиціи. Скобелевъ, не убавляя шагу лошади, вступаетъ съ нимъ въ разговоръ.

Памятенъ мнѣ этотъ день; врядъ-ли я его когда забуду. Съ полверсты мы ѣдемъ все впередъ по шоссе. Снаряды безпрерывно рвутся надъ нашими головами. Доѣзжаемъ до того продолговатаго лѣсистаго холма, который мнѣ издалека былъ видѣнъ. У подошвы его, въ виноградникахъ, замѣтны наши войска, гдѣ рота, гдѣ батальонъ, а гдѣ и цѣлый полкъ. Прикрытыя зеленью, они казались малочисленны, тогда какъ ихъ здѣсь были цѣлыя тысячи. Всѣ они безмолвно ждали команды, чтобы двинуться туда, откуда, Богъ вѣсть, суждено-ли имъ вернуться назадъ.

Проѣзжаемъ войска, и не подымаясь на холмикъ, сворачиваемъ влѣво и ѣдемъ вдоль его подошвы. Самый гребень, покрытый темными вѣтвистыми деревьями и густой зеленью, почти совершенно затянуло пороховымъ дымомъ. Только вѣтерокъ гдѣ на мгновеніе разнесетъ его, какъ новые клубы дыму,

еще гуще и непрогляднѣе, снова заволакиваютъ и закрываютъ даль. Здѣсь огонь превращается въ совершенный адъ. Боже, что это были за минуты! Пули свищутъ и стонутъ жалобными голосами. Нѣкоторыя, должно быть, сорвавшись съ нарѣзовъ ружья, мяучатъ—точно кошки.

Поджавъ немного губы, Скобелевъ ѣдетъ на своей сѣрой лошади, пасмурный, и изрѣдка обращается съ вопросами къ Куропаткину. Тотъ, какъ будто желая защитить своего начальника отъ выстрѣловъ, ѣдетъ, вопреки обычая, съ правой стороны; я-же ѣду еще правѣе Куропаткина. Вотъ одна пуля ударяется сейчасъ позади меня. Щелчокъ глухой, *непріятный*.—Вѣрно кого-нибудь хватило!—думаю я. Оглядываюсь— не ошибся: донской казакъ, молодчина съ виду, загорѣлый, съ черными длинными усами, безъ стона и крику медленно валится съ лошади. Слабой, дрожащей рукой онъ уцѣпился за поводъ лошади, другой, ухватившись за пику, силится удержаться въ сѣдлѣ. Но напрасно! Господи, что у него за ужасное лицо было въ эту минуту, оно какъ сейчасъ у меня передъ глазами. Ротъ искривленъ и полураскрытъ, глаза безъ движенія. Смерть явно охватила все его существо. Пуля угодила ему въ правый бокъ.

Въ эти страшныя минуты въ каждомъ изъ насъ до того развивается чувство самосохраненія, эгоизма, себялюбія, каждый такъ боиться сдѣлаться, хотя лишнюю секунду, мишенью для пули, что никто, даже изъ конвоя, изъ товарищей раненаго, не останавливается, чтобы помочь несчастному. Всѣ только значительно переглядываются, торопятъ лошадей и поскорѣй проѣзжаютъ роковое мѣсто.

Послѣ того, какъ убили казака, я машинально задерживаю лошадь и стремлюсь переѣхать лѣвѣе Скобелева, разсчитывая, что при такомъ положеніи, пуля, прежде чѣмъ достичь меня, должна пронзить сначала Куропаткина, потомъ Скобелева, и только тогда меня. И не странно-ли, только-что я переѣхалъ, какъ щелкаетъ другая пуля, и такъ близко ко мнѣ, что я невольно начинаю осматриваться кругомъ себя, ужъ не раненъ-ли „я“? Въ ту-же секунду чувствую въ пра-

вой ногѣ какую-то неловкость. Смотрю, на сапогѣ, около щиколки, кровь. Боли въ это время я не чувствовалъ, но страхъ и воображеніе уже представили мнѣ Богъ знаетъ что: уже и кости у меня раздроблены, и ногу мнѣ отнимутъ, и т. д., и т. д. Вслѣдствіе этого, начинаю кричать. — Стой, стой кто-нибудь, помогите! — и къ ужасу своему вижу, что никто не останавливается, всѣ ѣдутъ дальше. Наконецъ замѣчаю, Куропаткинъ что-то говоритъ Скобелеву. Тотъ оборачивается, мелькомъ взглядываетъ на меня и ѣдетъ дальше. Въ эти минуты я и не замѣтилъ, когда ранили мою лошадь. Спасибо Куропаткину, онъ послалъ мнѣ на помощь урядника, и тотъ уступилъ мнѣ своего коня. Несчастный этотъ урядникъ, — только-что я отъѣхалъ, его убили.

С. В. Верещагинъ.

ГЛАВА XX.

На перевязочномъ пунктѣ.

И. П. Гайтовъ.

Ѣду назадъ, на перевязочный пунктъ. Рана даетъ себя знать, до ноги больно дотронуться. Главное, меня безпокоила неизвѣстность, въ чемъ состояла рана, раздроблены-ли кости или нѣтъ? Ногу приходится держать на вѣсу; опереться ею въ стремя нѣтъ возможности. Въ эти минуты я испыталъ, какъ непріятно уходить назадъ изъ-подъ жестокаго огня. Ежеминутно казалось, что вотъ-вотъ тебя хватятъ въ спину. Уже я, насколько возможно, пригнулся къ лошади.

Съ дороги я сбился и ѣхалъ просто куда глаза глядятъ, лишь-бы, думаю, къ своимъ попасть, а не къ туркамъ. Переѣзжаю канавки, ровики, траншеи, и все это полно трупами, голыми, посинѣлыми *).

Около одной небольшой рощицы обогнала меня партія нашихъ солдатъ, какого полка—не помню. Они точно шальные бѣжали назадъ въ самомъ безпорядочномъ видѣ. Офицеровъ при нихъ я не замѣтилъ, безначаліе—полное.

*) Это были калужцы, которыхъ атака 28-го августа на Зеленыя Горы была отбита турками съ большими потерями для насъ.

Дождикъ не переставалъ моросить, съ деревьевъ течетъ вода. Черная, жирная земля напиталась и лошадь, ступая между виноградными кустами, спотыкается и вязнетъ. Вотъ она остановилась на краю глубокой узенькой траншеи и не хочетъ перескочить. Я испуганно оглядываюсь, гдѣ конецъ траншеи, беру влѣво: вотъ здѣсь, кажется, можно переѣхать, здѣсь помельче. На днѣ траншеи лежитъ нашъ убитый солдатъ, безъ рубахи, въ однихъ штанахъ. Въ эту минуту пуля жужжитъ мимо моихъ ушей, точно нарочно, чтобы усилить мои страданія. Ногу начинаетъ такъ сильно ломить, что я прихожу къ убѣжденію, что кость раздроблена. Лихорадочная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Кое-какъ выбираюсь изъ лѣсу.— Здѣсь встрѣчаю князя Черкасскаго, верхомъ. Въ форменномъ сюртукѣ, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, князь имѣлъ симпатичный и представительный видъ. Старческое полное лицо его чисто выбрито, сѣдые волосы на вискахъ зачесаны впередъ, густые усы подстрижены. Князь искалъ здѣсь раненыхъ, чтобы проводить ихъ до перевязочнаго пункта, видиѣвшагося не вдалекѣ. Съ какимъ искреннимъ чувствомъ распрашивалъ онъ меня дорогой, куда я раненъ, какъ идутъ наши дѣла, что Михаилъ Дмитріевичъ, живъ-ли, не раненъ-ли онъ?

Но вотъ и перевязочный пунктъ на самомъ шоссе. Пули изрѣдка и здѣсь пролетаютъ. Нѣтъ ни палатокъ, ни шатра. Два доктора и нѣсколько сестеръ милосердія подаютъ первоначальную помощь раненымъ; безъ нея имъ-бы и не добраться было до временнаго госпиталя, до котораго оставалось еще верстъ пять. Озабоченный видъ докторовъ, съ засученными рукавами, очень непріятенъ. Мнѣ помогаютъ слѣзть съ лошади и кладутъ на носилки. Докторъ и сестры милосердія осматриваютъ ногу, которая такъ распухла, что сапогъ пришлось распороть. Мнѣ дѣлается дурно. Нога оказалась около щиколки прострѣленною навылетъ; тронута-ли кость—докторъ не могъ сказать, такъ какъ онъ сдѣлалъ одну наружную перевязку, чтобы остановить кровотеченіе. По милости князя Черкасскаго, меня помѣщаютъ въ фургонъ Краснаго Креста и одного везутъ въ дивизіонный госпиталь.

Каждый толчокъ, каждый неловкій поворотъ фургона сильно отдаются въ больной ногѣ. Но какъ ни больно, я все-таки успокаиваюсь: пули здѣсь не свистятъ, гранаты тоже не рвутся, одинъ гулъ, отдаленный, сплошной, грохочетъ гдѣ-то безъ перерыву. Я обгоняю множество раненыхъ. Они медленно тащатся пѣшкомъ, по шоссе и по сторонамъ его. У кого голова перевязана, у кого рука. Вонъ одинъ ковыляетъ, опираясь на ружье, правая нога его обмотана чѣмъ-то и оттопырена впередъ. Солдатъ останавливается, переводитъ духъ, уныло оглядывается, чтобы узнать, далеко-ли онъ отошелъ, и ковыляетъ дальше.

Слѣдовало-бы,—думаю,—взять этого съ собой, посадить въ фургонъ. Но въ то-же время мелькаетъ мысль, придется подвигаться, тревожить ногу, еще повредишь. Дойдетъ и такъ!

Фургонъ спускается въ небольшую долинку и сворачиваетъ съ шоссе влѣво, вдоль ручейка. Здѣсь мѣстность мнѣ хорошо знакома. Вонъ то дерево, гдѣ вчера дожидался князь Имеретинскій, когда посылалъ меня искать Скобелева. Вонъ наши палатки, вонъ и моя. Ламакина не видно. Дальше идутъ дивизіонныя кухни, а вонъ и лазаретные шатры.—Ой, сколько тамъ раненыхъ копошится, ой-ой—восклицаю я, приподнимаюсь немного на локтяхъ и стараюсь хорошенько вглядѣться. Бѣлые шатры намокли отъ дождя, посѣрѣли, и какъ-бы потонули въ массѣ солдатскихъ фигуръ въ грубыхъ сѣрыхъ шинеляхъ, прикрытыхъ уродливыми кэпками. Фургонъ останавливается; дальше дорога загромождена лазаретными повозками, каруцами. Нѣкоторыя изъ нихъ наполнены ранеными, другія пустыя, ихъ вѣрно сейчасъ пошлютъ за новыми жертвами. Лица у многихъ раненыхъ выражали такія мученія, что при взглядѣ на нихъ я невольно стихаю и терпѣливѣе переношу свою собственную боль.

Меня вытаскиваютъ изъ фургона и несутъ на носилкахъ прямо въ офицерское отдѣленіе, гдѣ и кладутъ на продолговатый столъ. Докторъ Мирамъ, молодой человѣкъ, блондинъ, очень симпатичный, осматриваетъ мою ногу. За нимъ подходитъ другой докторъ, высокій, сѣдой; по погонамъ видно, что

этотъ старшій въ чинѣ. Они оба толкуютъ что-то между собой, послѣ чего Мирамъ беретъ отъ фельдшера какой-то бѣлый мѣшочекъ, кладетъ его мнѣ на лицо и говоритъ: Считайте, разъ, два! Я начинаю считать: „разъ, два, три, четыре", и забываюсь. Мѣшочекъ былъ съ хлороформомъ.

Ужъ не знаю долго-ли я спалъ, только открываю глаза, я лежу на носилкахъ, въ углу шатра. Мгновенно припоминаю, что со мной случилось. Что нога, цѣла-ли? Шевельнуть ею боюсь. Гляжу, нога обвязана марлей и забинтована. Значитъ, не отрѣзана! Слава Богу!

Кругомъ идетъ жаркая работа. Постоянно то вносятъ, то выносятъ раненыхъ. Шатеръ полонъ офицерами. Нѣкоторые, должно быть, легко раненые, молча лежатъ и наблюдаютъ, такъ-же какъ и я, что дѣлается вокругъ нихъ. Другіе-же закрыли глаза и сдержанно стонутъ. Позади меня лежитъ очень длинный пѣхотный поручикъ; закрывшись сглуха грязнымъ истасканнымъ пальто, онъ не подаетъ и признаковъ жизни. Я стараюсь не смотрѣть, что творится на столѣ, гдѣ ампутируютъ, на это мѣсто пытки. Оттуда доносятся рѣдкіе, отрывистые, какъ-бы испуганные возгласы: охъ! охъ! Сердце такъ и обрывается, когда слышишь ихъ.

— Ваше благородіе,—вдругъ раздается надъ моей головой знакомый жалобный голосъ. Оглядываюсь: Ламакинъ. Всѣ эти дни его продолжала трясти лихорадка, а потому лицо его теперь пожелтѣло и осунулось. Какъ-то особенно пріятно было мнѣ увидать эту знакомую фигуру въ синемъ полиняломъ бешметѣ, съ прорванными локтями, и подпоясанную ремнемъ при кинжалѣ.

— Здорово, Ламакинъ, — говорю я.—Ламакинъ не отвѣчаетъ, а продолжаетъ какъ-то странно ныть:—Ваше благородіе, ваше благородіе!—Затѣмъ, послѣ нѣкоторой запинки, сообщаетъ:—Вашего братца черкесы зарѣзали.

— Какъ зарѣзали?—кричу я, и подскакиваю съ постели.

— Такъ точно,—продолжаетъ онъ.—Осетины видѣли. Вотъ и кинжальчикъ, и бинокль ихній принесли. И при этомъ Ламакинъ кладетъ вещи ко мнѣ на носилки.

Ѣдкая грусть охватываетъ меня. Слезы начинаютъ душить. Сергѣй представляется мнѣ, какъ его мучатъ, рѣжутъ... онъ молитъ о помощи, а помощи нѣтъ... брошенъ одинъ среди непріятеля!

Съ четверть часа я такъ горюю, послѣ чего велю нести себя къ себѣ въ палатку. Два пѣхотныхъ солдатика берутся за носилки и несутъ. Дождикъ пересталъ. Ламакинъ идетъ рядомъ и изрѣдка поправляетъ у меня подушку подъ головой. Замѣтивъ, что я какъ будто немного успокоился, онъ начинаетъ опять жалобно ныть:

— Ваше благородіе, коня-то моего убили!

— Ну что-же дѣлать,—говорю,—другого купимъ!

— Гдѣ-же вы, ваше благородіе, сѣдло дѣли? Коня я нашелъ, а сѣдла нѣтъ! И бурки нѣтъ!

— На лошади остались, и сѣдло, и бурка, — съ досадой отвѣчаю ему.

Показывается нашъ лагерь. Солдаты приносятъ меня въ средину моей палатки и ставятъ носилки на землю. Я даю имъ рублевую бумажку и они, очень довольные, въ припрыжку возращаются назадъ. Въ палаткѣ лежатъ два офицера; первый — Гайтовъ, второй, подальше, въ самомъ углу, хорунжій кубанскаго полка; по фигурѣ узнаю, что это Б—ъ.

— Ну что, какъ твое здоровье? Говорятъ, въ ногу раненъ. Тяжело? — съ участіемъ спрашиваетъ Гайтовъ и подходитъ ко мнѣ.

— Правда-ли, что брата убили?—въ свою очередь обращаюсь я къ нему съ такимъ раздражительнымъ тономъ, что Гайтовъ скорѣй спѣшитъ меня успокоить, и говоритъ:

— Нѣтъ, не убитъ, раненъ только. Въ это время, смотрю, Б—ъ приподымается немного съ постели, поправляетъ на головѣ папаху, обтираетъ рукой распустившіяся на губахъ слюни, и, заодно, свое красное, даже немного посинѣвшее отъ пьянства лицо, и не взглядывая на меня, кричитъ Гайтову по-хохлацки, визгливымъ недовольнымъ тономъ:—чого тамъ брешешь, хиба-жъ винъ не узнае, колы-жъ его брата черкесы зарizали,—и, закутавшись въ бурку, снова заваливается спать.

Послѣ этихъ словъ нечего было Гайтову увѣрять и успокоивать меня.

— Ради Бога съѣзди, узнай, гдѣ братъ, вытащили-ли хоть тѣло его?—умоляю я.

Гайтовъ выходитъ изъ палатки и садится на лошадь. Точно пистолетный выстрѣлъ раздается хлопанье его плети; мнѣ видно, какъ его усталая лошадь съ трудомъ пускается рысью; грязь чавкаетъ подъ ногами и брызжетъ, нѣсколько комковъ попадаютъ въ мою палатку. Черезъ минуту фигура Гайтова, въ широкой черной буркѣ и черной папахѣ, скрывается изъ глазъ.

Отъ волненія или отъ того, что я неспокойно лежалъ, у меня снова открылось кровотеченіе изъ раны. Велю Ламакину позвать солдатъ и нести себя обратно въ госпиталь.

Уже совсѣмъ стемнѣло. Около лазаретныхъ шатровъ стонъ стоитъ; доктора и сестры милосердія выбились изъ силъ; тысячи раненыхъ остаются еще не перевязанными подъ открытымъ небомъ, прямо на землѣ, посреди грязи и слякоти, а еще новыя тысячи стекаются сюда. Мнѣ приходится ночевать тоже подъ открытымъ небомъ, среди раненыхъ. Шатры всѣ переполнены ампутированными.

Изъ моихъ сосѣдей въ особенности мнѣ запомнилась фигура одного солдата. Онъ лежалъ въ трехъ шагахъ отъ меня, на спинѣ, безъ мундира и крутился какъ жукъ, повернутый на спину. Широкое кровавое пятно на рубахѣ посреди спины указывало, куда несчастный раненъ. Всю ночь его не перевязывали, а утромъ, когда я проснулся, онъ уже былъ мертвъ. И не онъ одинъ, а многіе—многіе изъ моихъ сосѣдей къ утру уже умерли. Солдаты-санитары поочередно брали ихъ за ноги, и подъ плечи и уносили куда-то въ сторону, за палатки.

На утро солнце выкатилось и обѣщало хорошій день. Грустную картину освѣтило оно. Длинная вереница каруцъ, запряженныхъ волами, стояла вдоль дороги передъ лазаретными палатками. Каруцы наполняли ранеными, для отправленія въ

тылъ. Въ то время, какъ меня укладывали на фургонъ, запомнилась мнѣ еще одна фигура раненаго. Черноватый солдатъ лежалъ на землѣ на раскинутой шинели и такъ страшно кричалъ, что далеко заглушалъ всѣ остальные стоны. Кричалъ, не переставая, и все съ той-же силой; на мгновеніе останавливался, приподымался на локтяхъ, дико озирался, и снова принимался кричать. Помню, я обращаюсь къ приходящему доктору и говорю ему:

— Нельзя-ли, господинъ докторъ, помочь этому несчастному? Что ужь онъ такъ оретъ?

— Ничего-съ нельзя сдѣлать,—отвѣчаетъ тотъ, на минутку останавливаясь около меня. Ему вотъ здѣсь сдѣлали ампутацію,—и указываетъ рукой на колѣно:—окончательно еще не перевязали, а положили металлическую повязку, она-то ему и причиняетъ боль, если-же снять ее, больной немедленно истечетъ кровью.—Докторъ, слегка поклонившись, поспѣшно уходитъ.

Я ѣду въ Парадимъ, повидать брата Василія.

ГЛАВА XXI.

Бранкованскій госпиталь. Опять въ отрядѣ Скобелева.

Братъ Василій посовѣтывалъ мнѣ ѣхать лечиться въ Бухарестъ въ Бранкованскій госпиталь, гдѣ онъ самъ только-что оправился отъ своей раны. Я случайно нанялъ крытую полу-коляску и очень спокойно отправился въ путь-дорогу.

За Парадимомъ, верстахъ въ пяти, встрѣчаю Государя Императора, въ коляскѣ четверкой. Государь спѣшилъ къ Плевненскимъ высотамъ, чтобы увидать результатъ вчерашняго боя. За нимъ, въ другой коляскѣ, слѣдовалъ лейбъ-медикъ Боткинъ.

Мнѣ пришлось обгонять безконечныя вереницы каруцъ съ нашими ранеными. Каруцы, запряженныя волами, убійственно медленно тащились по пыльной дорогѣ, далеко наполняя воздухъ скрипомъ немазанныхъ колесъ. Раненые, перекинувъ головы черезъ края телѣгъ, съ удивительнымъ терпѣніемъ пе-

реносили, какъ вслѣдствіе пыли и жары ихъ необмытыя раны покрывались гангреной.

Ночевать я пріѣхалъ въ Зимницу, а на другой день къ вечеру добрался до желѣзно-дорожной станціи Фратешти, этого знаменитаго складочнаго мѣста нашихъ больныхъ и раненыхъ воиновъ, такъ какъ они стекались сюда со всего театра войны. Выѣхавъ изъ Фратештъ, черезъ нѣсколько часовъ я былъ въ Бухарестѣ, въ Бранкованскомъ госпиталѣ, который весь былъ отданъ для больныхъ и раненыхъ русскихъ офицеровъ; ихъ лежало здѣсь около 70-ти человѣкъ.

Потянулась госпитальная жизнь, съ ея докторами, пульверизаторами, карболкой, бинтами, гипсовыми повязками. Мучительнѣе всего былъ дренажъ, который вставляли мнѣ въ рану. Это коротенькая гуттаперчевая трубочка, служившая для стоку гноя. Дренажъ рѣшительно не давалъ мнѣ шевельнуть ногой, въ особенности когда нечаянно одѣяло касалось его. Отъ неподвижнаго лежанія у меня вскорѣ стали образовываться пролежни.

Въ двѣнадцать часовъ намъ приносили завтракъ, въ четыре обѣдъ, въ девять часовъ вечерній чай. Знакомымъ и родственникамъ дозволялось посѣщать больныхъ цѣлый день, съ утра и до вечера.

Кажется, черезъ мѣсяцъ послѣ моего прибытія въ Бухарестъ, посѣтилъ Бранкованскій госпиталь одинъ знаменитый хирургъ. Случилось это такъ: около полудня двери въ нашу палатку отворяются настежъ, и быстрой походкой входитъ сѣденькій худенькій старичокъ, въ старомодномъ длиннополомъ сюртукѣ, на шеѣ повязанъ бѣлый шарфикъ. Это былъ Пироговъ. Непосредственно за нимъ шелъ начальникъ госпиталя, румынскій полковникъ Бибеско. Далѣе слѣдовала цѣлая вереница профессоровъ и ординаторовъ. Самымъ послѣднимъ шелъ смотритель, который изрѣдка и осторожно тыкалъ рукой своему помощнику на то, что ему казалось неисправнымъ. Все госпитальное начальство съ великимъ почтеніемъ слѣдовало за Пироговымъ. Пироговъ останавливался около каждаго раненаго,

и чѣмъ рана была тяжелѣе и опаснѣе, тѣмъ онъ больше стоялъ и внимательнѣе выслушивалъ ординатора, объяснявшаго ему, по-французски, ходъ болѣзни. Каждое слово, каждое замѣчаніе, каждый кивокъ головы нашего хирурга принимались докторами въ соображеніе и не оставались незамѣченными. Пироговъ, очевидно, былъ и въ Румыніи великимъ патріархомъ хирургіи. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда онъ подойдетъ къ моей кровати.

— Ну, у васъ что?—слышу его голосъ. Я морщусь, стараюсь казаться насколько возможно болѣе тяжело раненымъ, и открываю съ ноги одѣяло. Профессоръ Патцель, лѣчившій меня, быстро развязываетъ повязку, объясняетъ Пирогову что-то по-латыни и показываетъ рану.

— Счастливъ,—говоритъ тотъ, мелькомъ взглядывая мнѣ въ лицо, дѣлаетъ знакъ рукой, чтобы снова надѣли повязку, и проходитъ дальше. Вся масса докторовъ спѣшитъ за знаменитостью, осмотрѣнные-же сами обвязываютъ свои раны. Я тоже принимаюсь бинтовать ногу длиннымъ фланелевымъ бинтомъ, очень недовольный на Пирогова за то, что онъ такъ мало обратилъ вниманія на мою рану, хотя въ сущности-то мнѣ слѣдовало только радоваться, такъ какъ это доказывало, что опасность миновала.

Кромѣ Пирогова, посѣтили насъ сербская княгиня Наталія, молодая женщина, очень симпатичная, и генералъ-адъютантъ князь Барятинскій. Этотъ послѣдній спрашивалъ каждаго раненаго, не имѣетъ-ли тотъ передать какой-либо просьбы къ Его Величеству.

Рядомъ съ палатой для раненыхъ, гдѣ я лежалъ, помѣщалась палата больныхъ. Тамъ, между прочими офицерами, лежалъ нашъ старый владикавказскій есаулъ, завѣдующій обозомъ. Онъ страдалъ ревматизмомъ въ ногахъ.

Помню, лежу я какъ-то на своей постели, вдругъ онъ входитъ къ намъ въ палатку, слабой, медленной походкой, въ длинномъ темносинемъ больничномъ халатѣ, въ туфляхъ, съ номеромъ „Инвалида“ въ рукѣ и весело кричитъ мнѣ:

— Ну, посылай за шампанскимъ! — Что, думаю, такое? Есаулъ подсаживается возлѣ меня на табуретку, не торопясь одѣваетъ очки, и, будучи дальнозоркимъ, относитъ отъ себя газету, отыскиваетъ пальцемъ замѣченное мѣсто и торжественно читаетъ:—Владикавказскаго казачьяго полка Терскаго войска сотнику Верещагину, за дѣло съ турками отъ 1-го по 12-е іюля, золотую шашку съ надписью „за храбрость".

— Ура!—кричу я отъ радости и подпрыгиваю на постели, совершенно позабывъ о больной ногѣ, затѣмъ беру отъ старика газету и разъ десять перечитываю приказъ о себѣ, какъ-бы желая убѣдиться, что тутъ нѣтъ ошибки.—Золотую шашку! золотую шашку! — повторяю я, не вѣря своимъ глазамъ. Никогда ни одинъ изъ моихъ товарищей сослуживцевъ не былъ мнѣ такъ милъ и дорогъ, какъ этотъ старый есаулъ въ эту минуту. И стриженая сѣдая голова его, и худощавыя руки, и все его старческое туловище были для меня милы и я готовъ былъ обнять и расцѣловать его.

— Золотая шашка, вѣдь это, братъ, штука! — съ значительнымъ видомъ и растягивая слова, повторяетъ есаулъ. — Ну, нечего жаться, посылай-ка за бутылочкой, — добавляетъ онъ, кивая головой.

Нечего дѣлать, посылаю.

— Гдѣ-бы, думаю, достать Георгіевскій темлякъ? Въ магазинахъ здѣсь, пожалуй, не найдется! Отправляю служителя искать, и къ великому удовольствію тотъ приноситъ мнѣ темлякъ. Я немедленно-же нацѣпляю его на шашку, вѣшаю надъ головой и не могу достаточно налюбоваться. Одновременно съ этимъ въ головѣ моей начинаютъ бродить хвастливыя мысли о томъ: у кого изъ моихъ товарищей въ полку есть подобная-же награда? Спрашиваю есаула: тотъ сообщаетъ, что пока, кромѣ командира полка Левиса, ни у кого нѣтъ, но что представлены многіе.

Но этимъ однимъ мое благополучіе въ госпиталѣ не кончилось. Не помню, сколько времени спустя, ко мнѣ опять приходитъ тотъ-же худощавый старый есаулъ, въ томъ-же

темносинемъ халатѣ и туфляхъ, и тѣмъ-же горделивымъ тономъ кричитъ, помахивая номеромъ „Инвалида“:

— Поздравляю, въ есаулы произведенъ!

Я не вѣрю ему, выхватываю газету изъ рукъ и читаю: „Сотникъ Верещагинъ, за взятіе города Ловчи 22-го августа, производится изъ сотниковъ въ есаулы“. Радости моей не было конца.

Между тѣмъ, нога моя поправилась настолько, что я могъ ходить, опираясь на палку.

29-го ноября въ госпиталѣ стало извѣстно, что Плевна пала. Кровь моя невольно закипѣла. Впередъ, впередъ!—думаю—надо ѣхать за Дунай! Пойдемъ за Балканы, къ Адріанополю, къ Константинополю!.. Немедленно-же выписываюсь изъ госпиталя, и хотя доктора совѣтовали мнѣ остаться еще нѣсколько дней, я не слушаюсь ихъ и ѣду обратно въ армію, искать отрядъ генерала Скобелева.

До Фратешти я добрался спокойно, по желѣзной дорогѣ; но дальше, къ Зимницѣ, не вдругъ перескочишь! Выхожу изъ вокзала и, опираясь на палочку, направляюсь къ маленькому ресторану, находящемуся по близости. Небольшая комнатка сплошь набита офицерами всевозможныхъ родовъ оружія. Табакомъ накурено такъ, что и не продохнешь. Въ костюмахъ полная свобода и разнообразіе. Офицерскіе погоны виднѣются и на полушубкахъ, и на кожаныхъ пальто, и на бурочныхъ, и изъ солдатскаго сукна. Кто куритъ, кто въ карты играетъ. Два пѣхотныхъ офицера, должно быть только-что откуда-то пріѣхавшіе, крѣпко спятъ, растянувшись на полу, чуть не посреди комнаты, на разостланныхъ пальто. Въ головахъ у нихъ положены свернутыя байковыя одѣяла. Длинные сапоги сильно выпачканы грязью.

Отправляюсь искать подводу, чтобы добраться до Зимницы. Не вдалекѣ отъ ресторана стоитъ много различныхъ повозокъ. Есть и въ одну лошадь, и парой въ дышло, есть и прекрасныя коляски четверкой съ бубенчиками; въ гривы лошадей вплетены красныя ленточки. Красиво, хорошо, но цѣны, цѣны невозможныя! За 60 верстъ до Зимницы, на парѣ клячъ, въ

дрянной телегѣ, просятъ 4 полуимперіала съ человѣка; везетъ извощикъ не одного пассажира, а по крайней мѣрѣ троихъ. Въ коляскѣ съ одного просятъ 15 полуимперіаловъ; а если везти троихъ или четверыхъ, то по 7 полуимперіаловъ съ человѣка — итого, значитъ, за одинъ конецъ выручается отъ 15 до 30 полуимперіаловъ, что составитъ на наши деньги отъ 150—250 руб.—просто баснословно!

Я нашелъ двоихъ попутчиковъ, двухъ кіевскихъ гусаръ офицеровъ. Съ большимъ трудомъ удалось намъ нанять плохую повозочку, парой, за 10 полуимперіаловъ. Мы выѣхали въ тотъ-же день. Боже, что за дорога! Грязь по ступицу. Обгоняемъ тысячи различныхъ повозокъ, со всевозможными грузами,—артиллерійскими, интендантскими, войсковыми и т. п. Свѣжій вѣтеръ гулялъ кругомъ и насквозь пронизывалъ наши сѣрыя холодныя пальто, подбитыя одной ластиковой подкладкой. Спасибо буркѣ, она уже не разъ выручала меня, и здѣсь она пригодилась! Къ вечеру мы прибыли въ Зимницу, переночевали и на другой день утромъ перебрались въ Систово. Здѣсь мои попутчики гусары покидаютъ меня, я остаюсь одинъ и случайно узнаю, что черезъ нѣсколько часовъ долженъ выступить къ Плевнѣ порожній транспортъ Краснаго Креста за больными и ранеными. Начальникомъ транспорта былъ нѣкій графъ, еще молодой человѣкъ, блондинъ, высокаго роста, большой говорунъ. Одѣтъ въ полушубокъ при погонахъ жгутиками. Онъ очень охотно соглашается довести меня до Парадима, гдѣ въ то время находилась главная квартира.

Около полудня мы выѣхали изъ Систова. Транспортъ состоялъ изъ полусотни фургоновъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было по нѣскольку пудовъ клади, состоявшей изъ чая, сахара, разныхъ печеній, ящиковъ съ винами, консервами и т. п. При транспортѣ ѣхали, кромѣ графа, докторъ, фельдшеръ и четыре сестры милосердія, изъ которыхъ двѣ были очень хорошенькія; кучера и конюхи были по большей части пьяные румыны и валахи. Лошадей они гнали, мучили не на животъ, а на смерть: на станціяхъ не кормили, овесъ пропивали. Графъ, какъ большой баринъ, очень мало слѣдилъ за всѣмъ

этимъ и даже не входилъ ни въ какія хозяйственныя подробности.

Помню, пріѣзжаемъ мы ночевать въ маленькую деревушку и располагаемся въ просторной хаткѣ на отдыхъ. Пьемъ чай.

— Ѳедоръ!—кричитъ графъ своего лакея.

Слуга входитъ. Это презентабельный молодой человѣкъ, съ черными бакенбардами, съ бритымъ подбородкомъ, одѣтъ франтомъ, въ сѣренькомъ очень ловкомъ сюртучкѣ, должно быть, съ графскаго плеча, при часахъ на никелевой цѣпочкѣ; суконныя брюки заправлены въ длинные смазные сапоги.

— Сахару!—и графъ подаетъ жестянку.

— Сахару больше нѣтъ, ваше сіятельство, — предупредительно отвѣчаетъ тотъ,—прикажете откупорить новый ящикъ?

— Конечно,—восклицаетъ графъ, дѣлая на лицѣ нетерпѣливую гримасу.

Слуга направляется къ фургонамъ, достаетъ ящикъ, и черезъ нѣсколько минутъ возвращается съ полной жестянкой сахару, того самаго сахару, который, Богъ знаетъ изъ какихъ дальнихъ мѣстъ, ѣхалъ для раненыхъ и больныхъ солдатъ. Чай приправляется коньякомъ, ромомъ и другими ароматными напитками. Недостатку нѣтъ ни въ чемъ. На другой день, на первомъ-же привалѣ, происходитъ та-же самая сцена.

— Ваше сіятельство, сахаръ весь вышелъ. Прикажете откупорить новый ящикъ?—слышится вѣжливый голосъ Ѳедора.

— Конечно!—слѣдуетъ отвѣтъ. А въ ящикѣ пудъ сахару. Куда дѣвалъ Ѳедоръ этотъ сахаръ, и много-ли ящиковъ достигло своего назначенія—одинъ Богъ вѣдаетъ.

Дорога продолжаетъ идти все такая-же грязная и вязкая. Отъ множества повозокъ, колеи и выбоины сдѣлались ужасныя, лошади положительно выбивались изъ силъ.

День былъ сѣренькій, время клонилось къ вечеру, когда мы въѣхали въ Парадимъ. Миновавъ нѣсколько узенькихъ переулочковъ, добираемся до середины селенія. Здѣсь на площадкѣ раскинулась главная квартира. Боже мой, гдѣ она расположена! Просторная войлочная палатка Великаго Князя на-

ходится точно на острову среди моря черной полузамерзшей грязи. Только узенькая полоска желтаго песку соединяетъ ее съ большимъ обѣденнымъ шатромъ и съ войлочной теплой палаткой начальника штаба. Желѣзныя печныя трубы, торчащія изъ этихъ палатокъ, доказываютъ, что палатки отапливаются. По близости стоитъ еще нѣсколько войлочныхъ теплыхъ палатокъ—помощника начальника штаба и другихъ приближенныхъ лицъ. Кругомъ замѣтно сильное оживленіе: то тутъ, то тамъ мелькаютъ фигуры офицеровъ, солдатъ, казаковъ. По близости виднѣются болгарскія хатки, крытыя соломой и какъ-бы на половину ушедшія въ землю. На дворахъ стоятъ лошади подъ попонами и безъ попонъ.

Вотъ изъ одной мазанки показывается средняго роста полная фигура адъютанта полковника, съ подстриженной круглой рыжеватой бородкой, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и бѣлымъ кантомъ. Спустившись съ низенькаго крылечка, полковникъ находится первую минуту какъ-бы въ раздумьѣ, затѣмъ быстро наклоняется, поправляетъ длинныя голенища смазныхъ сапогъ со шпорами, подхватываетъ лѣвой рукой болтающіеся аксельбанты и широкими прыжками устремляется по жидкой грязи къ великокняжеской палаткѣ, стараясь попасть на тесинки, изрѣдка набросанныя по дорогѣ. Правую руку, вмѣстѣ съ какой-то книгой, онъ поднялъ надъ головой и балансируетъ ею. Полковникъ прыгаетъ очень ловко и скрывается въ палаткѣ главнокомандующаго.

Проѣхавъ площадку, я приказываю конюху остановиться почти на выѣздѣ изъ селенія у одного ресторана, устроеннаго подъ парусиннымъ навѣсомъ, и выхожу здѣсь. Ресторанъ полонъ офицерами. Встрѣчаю нѣсколькихъ знакомыхъ. Отъ одного изъ нихъ узнаю, что молодой Скобелевъ съ 16-й пѣхотной дивизіей находится въ самой Плевнѣ, верстахъ въ двадцати отъ Парадима; на другой день утромъ я ѣду туда.

Какъ измѣнилась дорога къ Плевнѣ! Зелени, конечно, и слѣда нѣтъ. Кругомъ вездѣ снѣгъ. Приближаюсь къ тѣмъ холмамъ, на которые я столько разъ ѣздилъ и 18-го іюля,

и 30-го августа. Сколько здѣсь убито, ранено и искалѣчено народу! Длинными линіями тянутся наши траншеи, какъ громадные удавы, сжимавшіе храбрыхъ защитниковъ Плевны. Подымаюсь на послѣдній пригорокъ передъ Плевной. Вправо отъ шоссе возвышается огромный турецкій редутъ: какое сильное укрѣпленіе, какой широкій глубокій ровъ, сколько валяется около него неразорвавшихся снарядовъ, и какихъ большихъ! Около самыхъ ногъ моей лошади торчитъ изъ земли побѣлѣвшая рука, точно алебастровая, отъ какого-то трупа, слегка присыпаннаго землей.

Редутъ начинаетъ терять свою первоначальную грозную форму: валъ и углы пообвалились, ровъ наполнился разной дрянью.

Ѣду дальше, Плевна виднѣется. Теперь она уже совсѣмъ не такъ красива, какъ казалась мнѣ 18-го іюля. Маленькая, грязная, постройки низенькія, развалившіяся. Влѣво отъ Плевны, внизу, на снѣжной равнинѣ, чернѣетъ мостъ черезъ рѣку Видъ.

Въѣзжаю въ городъ. Уже поздно, въ темнотѣ никого не замѣтно. Длинные развалившіеся заборы понемногу смѣняются домиками. Кое-гдѣ по сторонамъ начинаютъ мелькать огни. Вотъ кто-то идетъ на-встрѣчу—это болгаринъ.

— Гдѣ генералъ остановился? — спрашиваю его. Болгаринъ машетъ рукой вдоль улицы и говоритъ: — Тамо, капитане!—Ѣду дальше. Откуда-то доносятся русскіе голоса и брань. Раздаются взрывы отъ воспламенившихся разбросанныхъ по землѣ патроновъ; по окраинамъ города въ разныхъ направленіяхъ вспыхиваютъ огни, какъ-бы отъ пожаровъ.

Встрѣчаю солдатика, спрашиваю его, гдѣ генералъ Скобелевъ остановился?

— Пожалуйте, ваше благородіе,—отвѣчаетъ тотъ, поворачивается и ведетъ меня довольно широкой извилистой улицей. Проѣзжаю мимо базара. Кругомъ горятъ костры. Солдаты кучками толпятся около нихъ, грѣются, толкаются другъ съ другомъ, разговариваютъ, хохочутъ. Тутъ-же шмыгаютъ и суетятся услужливые болгары. Чѣмъ дальше подаюсь къ центру

города, тѣмъ воздухъ становится удушливѣе и заразительнѣе. Запахъ разлагающихся труповъ такъ и обдаетъ меня всего. Наконецъ, въѣзжаю въ узенькій переулочекъ. Мой проводникъ останавливается около воротъ и говоритъ: Вотъ здѣсь, ваше благородіе, генералъ Скобелевъ стоятъ!

Прямо противъ воротъ видѣнъ красивый бѣлый домикъ. Подъѣздъ освѣщенъ двумя фонарями. Въ окнахъ мелькаютъ огни. Направо отъ воротъ тянется низенькій, тоже бѣлый, флигель, и въ немъ горятъ огни. Отдаю лошадь встрѣчному казаку и иду направо во флигель. Въ растворенныя двери слышны шумъ и громкіе разговоры. Оказывается, я попалъ какъ разъ къ обѣду.

Обѣдаютъ въ двухъ просторныхъ комнатахъ. Заглядываю въ дверку и смотрю. Въ первой — ближайшей комнатѣ, за длиннымъ столомъ, накрытымъ бѣлой скатертью, сидятъ тѣ изъ офицеровъ, кто помельче чиномъ: субалтерны, поручики, штабсъ-капитаны, капитаны — до маіоровъ включительно. Во второй—обѣдаетъ начальство. За первымъ мѣстомъ, въ концѣ стола, возсѣдаетъ старикъ Скобелевъ въ своей синей гвардейской черкескѣ. Красный бешметъ, обшитый серебряными галунами, красиво выглядываетъ изъ-подъ его окладистой рыжей бороды. Дмитрій Ивановичъ нисколько не измѣнился за послѣднее время, и все такой-же сумрачный. По правую руку отъ него сидитъ его сынъ Михаилъ Дмитріевичъ, по лѣвую генералъ, командиръ бригады. Далѣе командиры полковъ и баттарей. Не подалеку отъ генераловъ сидитъ мой братъ Василій въ черномъ драповомъ пиджакѣ, съ Георгіемъ въ петлицѣ, а рядомъ съ нимъ Куропаткинъ, тоже съ Георгіемъ въ петлицѣ.

Обѣдъ въ полномъ разгарѣ. Михаилъ Дмитріевичъ, повидимому, очень веселъ. Его задушевный голосъ и смѣхъ покрываютъ всѣ остальные голоса. Завѣсившись, по обыкновенію, салфеткой подъ бакенбардами, онъ наклонился, ѣстъ что-то, затѣмъ откидывается назадъ и хохочетъ. Мнѣ очень пріятно видѣть его такимъ веселымъ и здоровымъ. Пока такъ разглядываю, слышу позади себя знакомый голосъ: „Здравія

желаю, ваше благородіе". Оглядываюсь, денщикъ генерала, Круковскій, протискиваясь мимо меня съ блюдомъ жареной говядины, радостно здоровается со мной.

— Здорово, Круковскій,—говорю ему,—генералъ, кажется, тамъ въ залѣ?

— Такъ точно, пожалуйте, жаркое уже кончили, — отвѣчаетъ онъ и проходитъ въ первую комнату. Я, опираясь на палку, вхожу въ залъ, гдѣ сидѣли генералы.

— А-а-а-а, Верещагинъ, здравствуйте, батенька,—картавитъ Михаилъ Дмитріевичъ. — Очень радъ васъ видѣть,—весело кричитъ онъ, увидѣвъ меня, беретъ за руку и дружески здоровается.—Ну, что ваше здоровье, батенька? Какъ нога,—спрашиваетъ онъ, и съ головы до ногъ оглядываетъ мою фигуру. Я жму генералу руку, затѣмъ здороваюсь съ его отцомъ. Тотъ въ полъ-оборота смотритъ на меня, мычитъ что-то въ видѣ привѣтствія и подаетъ два пальца. Затѣмъ я иду здороваться съ братомъ, съ Куропаткинымъ и съ другими знакомыми лицами.

Михаилъ Дмитріевичъ усаживаетъ меня подлѣ себя на уголъ стола, велитъ подавать мнѣ снова весь обѣдъ, наливаетъ шампанскаго, котораго бутылки стояли по всему столу, ласкаетъ и угощаетъ меня. Онъ видимо радъ моему возвращенію.

— А помнишь, Алексѣй Николаичъ, какъ онъ запищалъ у насъ, когда его ранили? — разсказываетъ Михаилъ Дмитріевичъ, обращаясь къ Куропаткину и кивая на меня головой. Во время разговора, генералъ мнетъ своими худощавыми, тонкими блѣдными пальцами мякишъ хлѣба, скатываетъ его въ шарикъ, опять сжимаетъ и вообще не можетъ держать рукъ въ покоѣ.

Скобелевъ въ духѣ.

— Представьте, какъ вы запищали, ну, представьте, — пристаетъ онъ, и, шутя, легонько дергаетъ меня за рукавъ черкески.

Скобелевъ хохочетъ, затѣмъ представляетъ, какъ я виз-

жалъ, когда меня ранили, и подъ веселымъ настроеніемъ киваетъ головой отцу, что пора вставать изъ-за стола. Старикъ, со вздохомъ, тяжело подымается. За нимъ и всѣ.

Скобелевы направляются въ свои апартаменты, которые помѣщались черезъ дворъ въ первомъ домѣ. За ними идемъ я и братъ. Приходимъ въ просторную теплую комнатку. Старикъ Скобелевъ немедленно-же разстегиваетъ черкеску, усаживается на широкій диванъ, покрытый персидскимъ коврикомъ, подбираетъ подъ себя ноги и принимаетъ свою любимую послѣобѣденную спокойную позу; Дмитрій Ивановичъ, какъ я потомъ узналъ, былъ присланъ въ Плевну главнокомандующимъ, чтобы собрать *точныя* свѣдѣнія, сколько въ Плевнѣ оказалось турецкихъ пушекъ, ружей и т. п.

Я всегда любовался, глядя на старика Скобелева. Его богатая синяя черкеска, украшенная серебромъ, красный бешметъ, широчайшія шаровары съ серебрянымъ лампасомъ, огненная борода, все это такъ шло къ его характерной, пышной, хотя и мрачной фигурѣ. Нельзя сказать, чтобы Дмитрій Ивановичъ былъ всегда угрюмъ; напротивъ, онъ очень часто смѣшилъ слушателей своими разсказами, но вообще его фигура имѣла въ себѣ что-то суровое, холодное.

Михаилъ Дмитріевичъ составлялъ совершенную противоположность съ отцомъ. Онъ не улегся на диванъ послѣ сытнаго обѣда, не задремалъ подъ тяжестью въ желудкѣ. Онъ только скинулъ мундиръ, надѣлъ коротенькую кожанную курточку на красной фланелевой подкладкѣ, и выправивъ изъ-за галстука „Георгія“, быстро сталъ шагать по комнатѣ взадъ и впередъ, засунувъ руки въ карманы.

— Ну, что-же вы, батенька, пойдете съ нами впередъ?— говоритъ Михаилъ Дмитріевичъ, обращаясь ко мнѣ.

— Не знаю, ваше превосходительство, какъ моя нога позволитъ. Мнѣ еще очень трудно ѣздить верхомъ,—говорю я, запинаясь дать рѣшительный отвѣтъ. Братъ Василій, желая вывести меня изъ затрудненія, отвѣчаетъ:—У него еще рана не зажила, ему тяжело будетъ слѣдовать за нами.

— Такъ пускай ѣдетъ въ моей коляскѣ. Эхъ, батенька, да развѣ вамъ придется когда во второй разъ переходить съ войсками Балканы? Я на вашемъ мѣстѣ хоть ползкомъ, да поползъ-бы.—И генералъ, сдѣлавъ рукой рѣшительный жестъ, воодушевляется и еще энергичнѣе принимается мѣрять шагами комнату. Кончаетъ-же онъ тѣмъ, что подходитъ къ дремавшему отцу и начинаетъ шалить съ нимъ, тормошить и дергать. Старикъ отмахивается отъ сына сколько есть силы, пихается ногами и гнусливо кричитъ:

— Миша, отста-а-ань, Ми-и-ша, не шали!

Затѣмъ Михаилъ Дмитріевичъ уходитъ къ себѣ въ маленькую комнатку и возвращается съ своей фотографической карточкой съ подписью, которую и подаетъ мнѣ.

Штабъ Скобелева расположился въ сосѣднемъ домѣ довольно удобно, но вонь отъ труповъ была тутъ страшная. Разсказывалъ мнѣ потомъ Куропаткинъ, что въ первый-же вечеръ по прибытіи сюда, велѣлъ онъ растопить въ своей комнатѣ мангалъ (жаровня съ угольями), чтобы согрѣться, и усѣлся читать бумаги,—нѣтъ возможности! Смрадъ откуда-то трупами несетъ такой, что изъ силъ выбиваетъ. Онъ посылаетъ людей искать, гдѣ причина, не могутъ найти. Наконецъ находятъ рядомъ въ домѣ, въ подвалѣ, 12 турецкихъ труповъ, совершенно разложившихся. И такъ было почти въ каждомъ домѣ, подвалѣ, мечети.

Такъ черезъ денекъ мнѣ понадобилось зачѣмъ-то съѣздить въ главную квартиру. Прихожу къ Михаилу Дмитріевичу и докладываю ему объ этомъ. Старикъ Скобелевъ, находившійся въ эту минуту тутъ-же, слышитъ нашъ разговоръ и гнусливо говоритъ мнѣ:

— Хотите, поѣдемте вмѣстѣ со мной въ коляскѣ, я ѣду къ Его Высочеству и могу васъ довезти, чѣмъ тащиться верхомъ съ больной ногой!

Я очень обрадовался этому предложенію, и черезъ часъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, рядомъ со старымъ генераломъ. Кучеръ Мишка, какъ его звалъ Дмитрій Ивановичъ, отставной солдатъ и георгіевскій кавалеръ, правилъ четверткой вороныхъ лошадей.

Осторожно поворачивая изъ одной грязной вонючей улицы въ другую, мы выбираемся понемногу изъ Плевны. Постройки становятся все рѣже и рѣже. Выѣзжаемъ за городъ. Гарь и вонь смѣняетъ чистый здоровый холодный воздухъ. День хотя и не солнечный, но ясный.

Передъ нашими глазами открывается опять знакомая мнѣ мѣстность. За эти послѣдніе дни она еще болѣе покрылась снѣгомъ. Мы ѣдемъ очень спокойно. Рессоры мягко покачиваютъ насъ. Лошади дружно бѣгутъ, пробивая до земли острыми шипами подковъ тонкій слой снѣга. Старикъ Скобелевъ глубже укутывается въ свою овчинную шубу и изрѣдка движеніемъ плечъ поправляетъ на себѣ черную блестящую бурку.

По временамъ онъ взглядываетъ на меня и какъ бы намѣревается вступить въ разговоръ.

— Стой, Мишка!—внезапно раздается его гнусавый старческій голосъ, и одновременно съ этимъ крикомъ Дмитрій Ивановичъ тычетъ кучера кулакомъ въ спину. Экипажъ останавливается.

— Что-же это я... да... не сосчиталъ, сколько пушекъ-то тамъ, — озабоченно тянетъ онъ и, немного сконфуженный, вопросительно смотритъ на меня.

— Пошелъ назадъ, Мишка, остановись около комендантскаго управленія. —Мишка поворачиваетъ лошадей, ворча что-то себѣ подъ носъ, и крупной рысью ѣдетъ назадъ. Минутъ черезъ десять снова въѣзжаемъ въ городъ и останавливаемся у крыльца большого двухъ-этажнаго дома.

— Сходите, пожалуйста, подымитесь, попросите отъ коменданта выписочку, сколько тамъ найдено всѣхъ пушекъ... ружей... пистолетовъ... и всего этого... Понимаете? — объяс-

няетъ старикъ и чертитъ рукой на своей ладони, чтобы я это принесъ ему письменно, на бумагѣ.

Подымаюсь по грязной обшлепанной лѣстницѣ во второй этажъ. Въ первой комнатѣ, очень просторной, за столомъ, заваленнымъ различными бумагами, сидитъ молодой офицеръ и что-то пишетъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, за другимъ столомъ, сидитъ писарь и тоже пишетъ. Налѣво въ маленькой комнаткѣ сидятъ нѣсколько офицеровъ пьютъ, курятъ и закусываютъ. Я уже прежде, изъ разговоровъ съ штабными офицерами, зналъ, что комендантомъ въ Плевнѣ Скобелевъ назначилъ, временно, полковника Панютина, командира углицкаго полка. По осанкѣ и фигурѣ, а главное по погонамъ, я сразу узнаю его. Это высокаго роста тучный мужчина съ баситымъ голосомъ. Полное красное лицо его точно лѣсомъ обросло густой рыжеватой бородой.

Представляюсь коменданту и объясняю ему, въ чемъ дѣло. Тотъ уходитъ и черезъ нѣсколько минутъ возвращается и передаетъ мнѣ записку. Я благодарю коменданта и возвращаюсь къ Скобелеву.

— Ну вотъ, спасибо, хорошо, теперь можно и дальше ѣхать. Пошелъ, Мишка!—и Дмитрій Иванычъ, разстегнувъ шубу, съ довольнымъ лицомъ прячетъ выписку турецкимъ пушкамъ и ружьямъ въ боковой карманъ черкески. Вторично выѣзжаемъ за городъ и съ четверть часа ѣдемъ безъ разговоровъ. Наконецъ генералъ прерываетъ молчаніе и какъ-бы въ благодарность за оказанную ему услугу спрашиваетъ меня монотоннымъ, растянутымъ голосомъ, когда мы, уже проѣхавъ редуты, начали приближаться къ траншеямъ:

— Вы знаете мѣсто, гдѣ убитъ вашъ братъ Сергѣй?—Въ эту минуту мы поднялись на гребень холма, покрытаго рѣдкими, оголенными отъ листьевъ, деревьями. Вправо, саженяхъ въ сотнѣ отъ подошвы холма, тянулась глубокая канава (траншея), покрытая снѣгомъ. Мѣстами черная насыпь рѣзко выдѣлялась изъ общей бѣлизны.

— Да вотъ, кажется, гдѣ-то здѣсь, ваше превосходительство,—говорю я, и указываю рукой на траншею.

— Вонъ, около того дерева, на гребнѣ, видите—м-м-м?—мычитъ генералъ, указывая направленіе большимъ пальцемъ съ крупнымъ брилліантомъ, и по мѣрѣ удаленія экипажа, лѣниво поворачиваетъ голову назадъ.

— Мнѣ Миша показывалъ,—многозначительно добавляетъ онъ, послѣ чего усаживается поудобнѣе въ экипажѣ, укутывается въ шубу, снова подергиваетъ плечами, чтобы поправить бурку, и углубляется въ самого себя.

Я продолжаю смотрѣть на снѣжную холодную мѣстность, гдѣ убитъ братъ. Экипажъ катится быстро, траншея все болѣе и болѣе сглаживается, сравнивается съ окружающей почвой и наконецъ совсѣмъ теряется. Только деревцо, стоящее на гребнѣ холма, деревцо, столь дорогое для меня, продолжаетъ приковывать мое вниманіе, но и оно скрывается!

— Вѣдь вашъ батюшка живъ еще?—слышится протяжный голосъ генерала, выводящій меня изъ задумчивости.

— Живъ, ваше превосходительство.

Происходитъ пауза.

— Вѣдь у него, кажется, хорошее состояніе? — продолжаетъ спрашивать старикъ пытливымъ тономъ, не оборачивая головы.

— Такъ точно, ваше превосходительство, хорошее,—спѣшу отвѣтить я, причемъ, замѣтивъ, что Дмитрій Ивановичъ очень любопытенъ, приготовляюсь отвѣтить, въ случаѣ, если-бы онъ спросилъ, сколько у моего отца именно доходу.

Опять молчаніе.

— А сколько у него душъ было?

— Около тысячи, ваше превосходительство, — отвѣчаю я, причемъ, не знаю почему, прибавляю цѣлыхъ пятьсотъ.

Молчаніе.

Кажется, отсталъ, думаю. Нѣтъ, не совсѣмъ. Дмитрій Ивановичъ оказывается гораздо любопытнѣе, чѣмъ я предположилъ спервоначалу.

— Ну, а земли сколько?

— Земли много, тысячъ семь десятинъ.

— Г-м-м-м-м. — А послѣ Сергѣя осталось что?

— Осталось, да немного.

— Г-м-м-м, — произноситъ въ отвѣтъ генералъ, успокоивается, и на этотъ разъ — уже до самаго Парадима.

ГЛАВА XXII.

Отъ Плевны до Казанлыка.

Возвратившись, черезъ сутки, изъ Парадима въ Плевну, я долженъ былъ съѣздить въ кавказскую бригаду, повидать командира полка Левиса, провѣдать товарищей и кстати получить жалованье, котораго накопилось чуть не за̀ полгода. Бригада, состоя въ это время въ отрядѣ генерала Гурко, находилась, по слухамъ, у подножія Балканъ, на Софійскомъ шоссе, около мѣстечка Правицы. Сопутствовать мнѣ вызвался одинъ всадникъ, осетинъ Абадзіевъ, прикомандированный къ конвою генерала Скобелева изъ нашего-же осетинскаго дивизіона. Это былъ юноша лѣтъ 22—23, высокій, стройный брюнетъ, очень красивый.

Уже стемнѣло, когда мы выѣхали изъ Плевны. Морозъ порядочный, градусовъ 8—9. Вдали передъ нами неясно очерчивается долина рѣки Видъ. Проѣхали мостъ. Ѣдемъ по шоссе дальше. Около самой дороги лежатъ, точно полѣнницы дровъ, сложенныя турецкія ружья. Ихъ уже запорошило снѣгомъ и пескомъ; а жаль, турецкія ружья отличныя и несравненно лучше нашихъ „Крынка“. Слѣдуя далѣе, видимъ, по обѣимъ

сторонамъ дороги, точно копны сѣна чернѣютъ,—что такое? Хочу подъѣхать ближе къ одной изъ нихъ, лошадь моя упирается, храпитъ и не хочетъ идти. Абадзіевъ, какъ лихой наѣздникъ, предупреждаетъ меня и быстро наскакиваетъ на груду. Тутъ я начинаю разбирать торчащія изъ груды руки, ноги, головы. Это были сложены турецкіе плѣнные, замерзшіе дорогой. Въ темнотѣ я не могъ хорошенько разглядѣть, сколько труповъ приблизительно находилось въ каждой кучѣ,—думаю штукъ съ полсотни. Отъѣхавъ еще нѣсколько верстъ, видимъ влѣво отъ шоссе, на снѣжной равнинѣ, отдыхаетъ какъ-бы стадо барановъ. Вблизи горитъ костеръ и около него грѣются освѣщенныя человѣческія фигуры,—должно быть пастухи. Отъ стада доносится какой-то странный гулъ — о-о-о-о-о... точно тысячи голосовъ стонутъ. Подъѣзжаемъ ближе, и что-же находимъ! — У костра грѣются не пастухи, а наши солдаты человѣкъ съ десятокъ. Предполагаемое стадо барановъ было ни что иное, какъ огромная партія турецкихъ плѣнныхъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Прижавшись другъ къ другу насколько возможно ближе, оборванные, голодные, обмотавъ руки и ноги различнымъ тряпьемъ, лежали они на голомъ снѣгу, скорчившись въ три погибели и стонали. У нѣкоторыхъ головы были прикрыты башлыками, капюшонами. Стонъ ихъ хотя былъ и сдержанный, но выходя отъ такой массы, былъ поистинѣ ужасенъ и захватывалъ душу каждаго, кто его слышалъ. Тѣмъ болѣе мнѣ тяжело было смотрѣть на этихъ несчастныхъ, что я сознавалъ свое безсиліе помочь имъ.

Около полуночи мы пріѣхали къ мѣстечку Горный Дубнякъ, гдѣ стояла гренадерская бригада генерала Гадона, моего двоюроднаго брата. Я переночевалъ у него, согрѣлся, отдохнулъ и отправился далѣе. Чѣмъ ближе подвигался къ Балканамъ, тѣмъ мѣстность становилась живописнѣе. Глядя на снѣжные холмы, я не вѣрилъ своимъ глазамъ, что нахожусь въ обѣтованной жаркой Турціи, о плодородіи и теплотѣ которой я, еще будучи ребенкомъ, столько читалъ и слышалъ. Я никакъ не предполагалъ, что здѣсь могла быть такая холодная зима.

Мы догоняемъ нашу пѣхоту. Это идетъ 30-я дивизія. Длинной, безконечной вереницей растянулись, по извилистой дорогѣ, повозки, фургоны, орудія, зарядные ящики. Въ одномъ мѣстечкѣ, саженей съ сотню отъ дороги, по свѣже-протоптанному снѣгу, лежитъ между кустиками что-то черное. Мой Абадзіевъ скачетъ впередъ и зоветъ меня. Я подъѣзжаю и дѣйствительно вижу лежитъ нашъ солдатикъ, да еще и не простой рядовой, а ефрейторъ, безъ шинели, въ мундирѣ, уткнувшись лицомъ въ снѣгъ, безъ признаковъ жизни. Мы слѣзаемъ съ лошадей, приподнимаемъ солдата и начинаемъ тереть ему уши сколько есть силы. Черезъ нѣсколько минутъ, тотъ начинаетъ мычать, затѣмъ стонать; а подъ конецъ и отмахиваться; должно быть больно стало. Мы очень обрадовались, что привели человѣка въ чувство, такъ какъ не найди его Абадзіевъ, онъ навѣрно-бы замерзъ; довели его до фургона и сдали тамъ.

Между тѣмъ шоссе становилось все хуже и хуже. Мнѣ, какъ верховому, ѣхавшему сторонкой гдѣ получше, вовсе не приходилось испытывать тѣхъ трудностей, какія переносили артиллеристы при орудіяхъ. Обледенѣлые камни, вывороченные посреди дороги, ямы, выбоины дѣлали шоссе непроходимымъ для тяжестей. Догоняю одно 9-ти-фунтовое орудіе. Шестерикъ вороныхъ лошадей, тощихъ, измученныхъ, полурасковaнныхъ, изъ всѣхъ силъ старается вытащить орудіе, попавшее однимъ колесомъ въ глубокую замерзшую колею. Первый уносный солдатъ, очевидно, командуетъ вторымъ. Повязанная башлыкомъ его кэпка съѣхала на затылокъ; полное красное лицо зарумянилось отъ морозу; рыжая бородка обледенѣла. Онъ прозябъ, выбился изъ силъ и казалось потерялъ надежду, на этотъ разъ, вылѣзть изъ ямы.

— Стой, стой, чего зря гнать! Остановись, братцы мои, покуримъ! кричитъ онъ, слѣзаетъ съ лошади, ласково треплетъ ее по шеѣ, поправляетъ холку и восклицаетъ: Эхъ ты, сердешная, животина-то ты добрая!—послѣ чего лезетъ въ карманъ за трубкой. Такимъ образомъ, отдыхая черезъ каждыя 50,—100 сажень, покуривая, похлопывая черными суконными ру-

кавичками и постукивая нога объ ногу обледенѣлыми сапогами, случалось проѣзжать имъ, какъ артиллеристы мнѣ сами сказывали, версты 2 — 3 въ день,—настолько шоссе испортилось, а до войны, по словамъ болгаръ, оно было превосходное.

Балканы совсѣмъ близко. Ихъ блестящія, снѣжныя вершины, освѣщенныя солнцемъ, смѣшиваются съ серебристыми облаками. Немного не доѣзжая мѣстечка Правицы, съ шумомъ катится съ горъ небольшая рѣчка. Теченіе ея настолько быстро, что она не замерзла даже въ самые сильные холода. За ней, въ котловистой мѣстности, раскинулась болгарская деревня, гдѣ расположилась кавказская бригада. Маленькія хатки, занесенныя высокими сугробами снѣга, казались еще меньше и ниже. Точно темныя пятнышки чернѣли онѣ въ общей бѣлизнѣ. Было около полудня, когда я въѣхалъ въ селеніе.

— Пастой, маіоръ, пастой, куда ѣдишь? къ намъ заходи! кричитъ чей-то знакомый голосъ.

Смотрю, на крылечкѣ маленькой хатки стоитъ въ бѣленькомъ, ситцевомъ бешметѣ, старикъ Есеновъ съ папироской въ зубахъ. Сѣдая голова ничѣмъ не покрыта, шаровары лѣтніе, коротенькіе, чевяки надѣты тоненькіе безъ поговицъ, такъ что голыя икры виднѣются. Старикъ машетъ мнѣ рукой и зоветъ къ себѣ. Я подъѣзжаю. — Давно прападаешь, гдѣ биль? говоритъ онъ, спускается съ крылечка и жметъ мою руку. Какъ 18-го іюля, подъ Плевной, я удивлялся его выносливости и силѣ, такъ и теперь поражаетъ меня Есеновъ своимъ здоровьемъ. На дворѣ морозъ градусовъ 12. Мнѣ, въ тепломъ бешметѣ, пальто и буркѣ, холодно, а ему старику въ ситцевомъ бешметѣ тепло. Перемѣны въ Есеновѣ я не нашолъ, только сѣдая борода его и щетинистые усы, мѣстами какъ будто еще болѣе прокоптѣли и пожелтѣли отъ табачнаго дыму.

— Какъ паживаешь, что генеларь *) Скобелевъ, какъ его здяровье? вопрошаетъ онъ, грѣя мои озябшія руки своими теплыми широкими ладонями. Въ эту минуту подъѣзжаетъ

*) Осетины говорили чаще «генеларь» вмѣсто генералъ.

Абадзіевъ и вступаетъ съ Есеновымъ въ разговоръ на своемъ родномъ языкѣ. Только что я тронулся далѣе, какъ изъ сосѣдней хатки увидалъ меня другой мой пріятель осетинъ, ротмистръ Абессаловъ *) и тоже машетъ и зоветъ къ себѣ. Я и къ нему заѣзжаю. Славный старикъ былъ Абессаловъ, не знаю, живъ-ли онъ теперь. Онъ и тогда былъ очень старъ. Еще во время Крымской кампаніи, подъ Карсомъ, онъ командовалъ сотней, а теперь, спустя 25 лѣтъ, состоялъ въ сотнѣ субалтерномъ, т. е. не впередъ пошолъ по службѣ, а назадъ. Ростомъ Абессаловъ былъ гораздо ниже Есенова, но шире въ плечахъ и коренастѣе. Это былъ совершенный типъ горца. Не смотря на старость, ни въ головѣ, ни въ бородѣ его не было ни одного сѣдого волоска, хотя зубовъ онъ уже давно многихъ не досчитывалъ. Волосъ у него былъ, какъ говорится, „смоловый“. Папаху Абессаловъ надѣвалъ очень низко. Говорилъ тихо, причемъ дѣлалъ на лицѣ выразительныя гримасы и такъ высоко приподнималъ густыя черныя брови, что онѣ касались мѣха папахи. Въ Абессаловѣ я нашолъ большую перемѣну, онъ сдѣлался гордѣе, неприступнѣе, точно выросъ на цѣлый аршинъ. Произошло это въ немъ вѣроятно по той причинѣ, что на шеѣ его красовался громадной величины орденъ Св. Станислава 2-й степени съ мечами, незадолго передъ тѣмъ полученный. Съ этимъ орденомъ старикъ Абессаловъ, по словамъ его-же племянника, не только ни на минуту не разставался, но даже и спалъ не снимая, почтительно придерживая ладонью, чтобы не помять.

Отсюда я ѣду искать начальство. Оно жило по близости, въ двухъ-этажномъ домикѣ. На просторномъ дворѣ нѣсколько казаковъ чистятъ лошадей. Слѣзаю съ лошади, передаю ее одному изъ казаковъ, и направляюсь по узенькой лѣсенкѣ во второй этажъ. Намерзнувшія деревянныя ступеньки качаются и скрипятъ подъ ногами, какъ въ нашихъ деревенскихъ избахъ. Полковникъ Левисъ разгуливалъ по крытой галлереѣ, вмѣстѣ съ новымъ бригаднымъ командиромъ, флигель-адъютантомъ

*) Абессаловъ служилъ по милиціи; тамъ чины считаются по кавалеріи.

полковникомъ Черевинымъ, замѣстившимъ Тутолмина. Съ Черевинымъ я познакомился еще въ Петербургѣ передъ самой кампаніей. Онъ командовалъ тогда конвоемъ Его Величества. Только благодаря его любезности, мнѣ удалось отправить купленную въ конвоѣ лошадь въ дѣйствующую армію, вмѣстѣ со всѣмъ конвоемъ, который отправлялся на Дунай.

Новый бригадный былъ лѣтъ 40, невысокаго роста, худощавый, съ орлинымъ носомъ, щеки брилъ, носилъ усы. Быстрые глаза смотрѣли изъ подлобья. Какъ Левисъ, такъ и Черевинъ, оба были одѣты въ черные ластиковые бешметы, только безъ таліи, на черномъ барашковомъ мѣху. Воротникъ и опушка на рукавахъ были изъ того-же мѣху. Такіе бешметы у казаковъ называются шубой. Папаха на Левисѣ была надѣта маленькая, съ чернымъ верхомъ, на Черевинѣ—высокая, съ краснымъ верхомъ. Начальство встрѣтило меня очень радушно. Немедленно-же было подано выпить и закусить. Разговоръ шелъ о движеніи нашихъ войскъ за Балканы.

Пока я закусывалъ, оба полковника ходили по галлереѣ, рядкомъ. Левисъ—закинувъ руки за спину, Черевинъ—заложивъ ихъ спереди, рукавъ въ рукавъ. Отъ времени до времени, они подходили къ столу, наливали изъ бутылки краснаго вина въ стаканы, чокались другъ съ другомъ, выпивали и снова принимались ходить и толковать, причемъ безпрестанно слышались фамиліи: Гурко, Раухъ, Вельяминовъ, Шуваловъ...

Вечеромъ мы отправились на шашлыкъ къ одному сотенному командиру. Слушали пѣсенниковъ. Изъ новыхъ пѣсенъ мнѣ въ особенности понравилась „Разлука“. Эта пѣсня была любимая Черевина и пѣлась еще у него въ конвоѣ. Онъ и нашихъ казаковъ научилъ ей.

Теперь кутежъ представлялъ нѣсколько другой характеръ, чѣмъ лѣтомъ. Не было той разгульности и приволья. И офицеры и казаки какъ-то болѣе жались другъ къ другу. Вонъ въ кругу пѣсенниковъ я вижу, освѣщенное огнемъ костра, худощавое, серьезное лицо казака запѣвалы. Черноватый, съ кудластой бородкой, онъ легонько водитъ передъ собой руками

и, исподоволь поворачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, поетъ осиплымъ теноромъ:

На скалѣ стоитъ она,
Неподвижна и блѣдна,
Какъ призракъ одинокій,
Что буря создала.

Дальше подхватываютъ всѣ присутствующіе офицеры и начальство:

Разлу-у-ка, разлу-у-ка съ любезной тяжела.

Окончивъ куплетъ, начинается, по обыкновенію, выпиваніе, провозглашеніе тостовъ, а за ними безконечное „ура“ и „многая лѣта“.

На другой день я простился съ бригадой, которая должна была слѣдовать черезъ Балканы въ Софію, и направился обратно къ Плевнѣ. Скобелевъ съ 16-й дивизіей уже выступилъ къ Габрову, по пути черезъ Ловчу и Сельви. Погода стояла морозная, зима въ полной силѣ, снѣгъ такъ и блестѣлъ отъ солнца. Подъѣзжая къ Ловчѣ, я еще издали увидалъ редуты, доставшіеся намъ съ такимъ трудомъ во время штурма. Не могу объяснить себѣ того чувства, какое я испытывалъ при въѣздѣ въ городъ. Обстановка совсѣмъ другая, чѣмъ 22-го августа. Какъ-то странно было видѣть всю эту мирную суетню, всѣ эти небритыя, усатыя лица болгаръ, спокойно выглядывавшія изъ своихъ лавчонокъ. Куда дѣвался пушечный и ружейный грохотъ, крики: ура, алла. И не странно-ли? Вѣдь кажется слѣдовало-бы радоваться тому, что всѣ эти ужасы здѣсь миновались, что уже теперь можно спокойно ѣхать по улицамъ, не опасаясь быть убитымъ шальной пулей, а между тѣмъ я съ сожалѣніемъ разсматривалъ каждое знакомое мнѣ мѣстечко, каждый домикъ, которые могли-бы напомнить минувшій бой.

Въ Сельви я догналъ Скобелева, а съ нимъ и брата Ва-

силія. Здѣсь мы прожили трое сутокъ и затѣмъ, 16-го декабря, двинулись въ Габрово, гдѣ остановились съ братомъ въ маленькомъ домикѣ возлѣ церкви. Помню, разъ мы долго съ нимъ наблюдали изъ окошка квартиры, какъ къ этой церкви двое солдатиковъ подвозили на дровняхъ трупы своихъ товарищей. Это были замерзшіе на Шипкѣ солдаты 24-й дивизіи, которой командовалъ генералъ Гершельманъ. Ихъ выгружали точно туши какія: трупъ брали за шею, за ноги, сначала раскачивали немного, и затѣмъ клали на паперть, послѣ чего несли въ церковь.

24-го декабря Скобелевъ тронулся къ Балканамъ, а я не рѣшился сопутствовать ему, все еще опасаясь за свою ногу. Оставшись въ Габровѣ, я прогуливался и осматривалъ городъ. Онъ находится у самаго подножія Балканъ. Быстрая горная рѣчка съ ревомъ несется и перерѣзаетъ городъ пополамъ. Въ ясные дни вершина горы Св. Николая отчетливо видна отсюда.

Въ то время, какъ я разгуливалъ по Габрову, у Скобелева шло горячее дѣло: 26-го декабря онъ спустился съ горъ, ночевалъ въ долинѣ, а на другой день имѣлъ бой при деревнѣ Иметли, гдѣ былъ раненъ Куропаткинъ. Съ нимъ я встрѣтился 28-го декабря. Помню, иду къ Габровскому монастырю, куда свозили раненыхъ офицеровъ, смотрю четыре солдата вытаскиваютъ кого-то изъ фургона; подбѣгаю и узнаю Куропаткина. Правая рука его подвязана бѣлой косынкой. Самъ онъ былъ блѣденъ и видимо страдалъ. Я подхватываю его, и по неосторожности берусь подъ правое плечо, т. е. подъ лопатку, а она-то у него и была ранена.

— Батюшка, что вы дѣлаете!—застоналъ Алексѣй Николаевичъ.

Кое-какъ мы внесли его въ монастырь и положили въ ту самую комнатку, гдѣ, четыре мѣсяца назадъ, лежалъ Драгомировъ.

Въ ночь съ 29-го на 30-е декабря, когда я уже спалъ, вдругъ кто-то будитъ меня; смотрю — братъ Василій, въ па-

пахѣ, въ бѣломъ болгарскомъ полушубкѣ и съ плетью въ рукѣ.

— Вставай скорѣй, ты знаешь Скобелевъ разбилъ Весселя-пашу подъ Шейновымъ, взялъ въ плѣнъ 40 таборовъ, всѣ орудія и весь лагерь. Онъ просилъ меня съѣздить къ Великому Князю разсказать ему все, какъ дѣло было.

Братъ торопился. Я далъ ему своего коня и онъ поскакалъ въ Сельви, гдѣ долженъ былъ находиться главнокомандующій; но дорогой братъ встрѣтился съ нимъ и въ то-же утро вмѣстѣ возвратился въ Габрово.

Великій Князь былъ чрезвычайно обрадованъ Шейновской побѣдой. Она окончательно развязывала ему руки и давала полный просторъ идти впередъ къ Адріанополю.

30-го декабря, около полудня, я выѣхалъ, въ сопровожденіи моего казака Ламакина, въ отрядъ Скобелева. День былъ пасмурный. За Габровымъ шоссе, верстъ 9—10, идетъ постепенно въ гору. Сначала, у подножія Балканъ, было довольно тепло, но по мѣрѣ того, какъ мы подымались выше, становилось холоднѣе и холоднѣе. Лошадь скользила. Вереницы повозокъ загораживали путь. Ночь готовилась наступить, когда, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ меня, снѣжная поверхность шоссе и всѣ извилины и гребни дороги, насколько хваталъ глазъ, покрылись черной сплошной массой, точно шло какое громадное войско. Ѣду дальше и убѣждаюсь, что это дѣйствительно войско, только не наше, а обезоруженное турецкое, тѣ самые баталіоны Весселя-паши, которые сдались подъ Шейновымъ. Боже мой, какъ ихъ тутъ было много. Угрюмые, измученные, шли турки, засунувъ окоченѣвшія руки, кто въ карманы, кто рукавъ въ рукавъ. Не было слышно ни шуму, ни разговоровъ. Точно какіе манекены, проходили они мимо меня въ ночной тиши,—тысяча за тысячей. Темныя фигуры ихъ, окутанныя сѣрыми башлыками, наводили неиріятное, жуткое чувство, въ особенности глаза турокъ—они ужъ очень

сердито глядѣли изъ подлобья. Тѣмъ болѣе все это казалось страннымъ, что при этой безконечно длинной колоннѣ плѣнныхъ только кое-гдѣ, изрѣдка, слышались сдержанные голоса нашихъ солдатъ.

Показался хвостъ колонны. Турки прошли. Отъѣхавъ съ полверсты, слышу передо мной какая-то возня, точно кто бранится. Подъѣзжаю, смотрю, посреди дороги лежитъ плѣнный турокъ, около него копошится одинъ изъ конвойныхъ солдатъ, кричитъ и бранится.

— Пошолъ, чего улегся, пропадать что-ли мнѣ съ тобой тутъ, и тычетъ того прикладомъ въ спину.

— М-м-мы... мычитъ тотъ отъ холоду и изнеможенія.

— Чего ты тутъ отсталъ? спрашиваю я.

— Да вотъ нейдетъ, заморился, бросать не велѣно, а отставать далече тоже не годится, восклицаетъ солдатъ и какъ-бы для очищенія своей совѣсти передъ начальствомъ, снова принимается толкать умирающаго турка.

Я ѣду дальше и встрѣчаю по пути еще нѣсколько такихъ-же отсталыхъ. Поздно ночью удалось мнѣ добраться почти до самаго перевала Балканъ и заночевать у одного пѣхотнаго офицера. На утро, когда простившись съ гостепріимнымъ хозяиномъ, вышелъ я изъ землянки и сѣлъ на лошадь, чтобы ѣхать дальше, глазамъ моимъ представилась величественная картина. Солнце только что показалось изъ-за горъ и позолотило безчисленныя снѣжныя вершины, торчавшія со всѣхъ сторонъ. Воздухъ густой, холодный, бѣлыя облака мѣстами точно перерѣзывали горы пополамъ, заставляя висѣть вершины въ пространствѣ. Глубокія, бездонныя пропасти и долины, кой-гдѣ заполненныя облаками и туманами, поросшія по бокамъ вѣковыми громадными деревьями, казались мнѣ съ вышины еще глубже и таинственнѣе. Милліарды морозныхъ искръ сверкали кругомъ разноцвѣтными огнями. Надъ всѣмъ этимъ нависло, исполинской чашей, свѣтло-синее небо съ маленькими бѣлыми облачками.

Около самого шоссе, на откосѣ горы, мнѣ пришлось проѣзжать мимо землянокъ, вырытыхъ нашими защитниками Шипки.

Землянки прикрыты толстыми балками и сверху завалены землей и снѣгомъ. Чѣмъ выше я подымался, тѣмъ становилось холоднѣе. Пронзительный вѣтеръ такъ и гулялъ, такъ и прохватывалъ насквозь, такъ и сковывалъ всѣ члены. Въ одномъ мѣстѣ, у самой дороги, возвышалась груда тѣлъ нашихъ замерзшихъ солдатъ. Дотрогиваюсь пальцемъ до одного лица— холодное и твердое, какъ мраморъ. Кругомъ почва была настолько камениста и тверда, что тѣла не успѣвали закапывать и ихъ стаскивали въ груды. Здѣсь мнѣ стало понятно, почему наши ретивые солдаты, стоя на постахъ въ цѣпи, безъ теплой обуви и одежды, погибали тысячами.

За гребнемъ Балканъ сейчасъ-же начинается спускъ на южную сторону. Отсюда виднѣется знаменитая долина рѣки Тунджи или „Долина Розъ“. Называется она такъ потому, что лѣтомъ долина эта, отъ самой подошвы Балканъ до Казанлыка и даже нѣсколько дальше, покрыта кустами розъ, и жители долины занимаются исключительно добываніемъ розоваго масла. Въ настоящее-же время, когда я ѣхалъ, долина была покрыта снѣгомъ. Спускъ съ горъ, мѣстами, былъ такъ крутъ и скользокъ, что приходилось слѣзать и везти лошадь въ поводу. Около полудня меня обогналъ главнокомандующій, верхомъ на красивой караковой лошади. За нимъ слѣдовала большая свита. Великій Князь нѣсколько разъ останавливался на пути и наблюдалъ, какъ артиллеристы спускали на веревкахъ свои орудія. Лошадей необходимо было отпрягать, въ противномъ случаѣ орудія легко могли задавить и людей, и лошадей, и сами полетѣть въ кручу. Я пристроился къ свитѣ Великаго Князя и сталъ спускаться вмѣстѣ съ ней. Въ долинѣ климатъ совсѣмъ другой. О холодѣ и стужѣ и помину нѣтъ, а такъ себѣ, градуса 2—3 ниже нуля. Изъ-подъ тонкаго слоя снѣгу, виднѣлась желтая, прошлогодняя трава и колючіе кустарники розъ. Воздухъ чистый, дышется легко.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ подножья Балканъ, близь деревни Шейнова, выстроился отрядъ генерала Скобелева для встрѣчи главнокомандующаго. Здѣсь я въ первый разъ уви-

далъ и полюбовался на болгарскую дружину, входившую въ составъ отряда. Какой все красивый народъ былъ въ ней.

Великій Князь вскорѣ подъѣхалъ къ отряду, поблагодарилъ Скобелева, офицеровъ, нижнихъ чиновъ, и затѣмъ направился къ Казанлыку, чтобы тамъ встрѣтить новый годъ.

Проѣзжая мимо Шейновскихъ редутовъ, я былъ пораженъ видомъ убитыхъ турокъ. Они лежали здѣсь впереди рвовъ, длинными, ровными рядами, точно залегли на ученьи. Въ лежачихъ-ли ихъ попали наши залпы, или стоя въ шеренгу, уже не могу объяснить, только такихъ ровныхъ рядовъ мертвыхъ тѣлъ я нигдѣ ни разу не видалъ, точно кто ихъ подкосилъ.

Скобелевъ со штабомъ и многіе изъ его офицеровъ ѣдутъ провожать главнокомандующаго. Я тоже ѣду съ ними и слѣдую за старикомъ Скобелевымъ, который въ черномъ дубленомъ полушубкѣ, при погонахъ, ѣхалъ на буланенькой лошадкѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Великаго Князя. Въ это время вокругъ насъ начинаетъ галопировать, на прекрасной гнѣдой арабской лошади, молоденькій казачій офицеръ—осетинъ. Великій Князь обращаетъ вниманіе на его лошадь и спрашиваетъ офицера:

— Откуда у тебя эта лошадь?

— Я ее отбиль, Васе Императорское Высоцество, у одного паси при стурмѣ Сеиновскаго редута (Шейновскаго),— говоритъ тотъ своимъ осетинскимъ акцентомъ.

Тогда Великій Князь говоритъ старику Скобелеву:

— Поторгуй у него лошадь.

— Сотникъ, подъѣзжайте сюда,—гнусливо кричитъ Дмитрій Иванычъ.

Офицеръ подъѣзжаетъ.

— Продаете коня? спрашиваетъ онъ, пытливо осматривая лошадь.

— Такъ точно, васе превосходительство.

— Сколько вы хотите?

— Восемьдесять полюимперіяловъ, васе превосходительство.

— Капитанъ, кричитъ старый генералъ красивому, стройному артиллерійскому офицеру.—Заплатите вотъ ему 80 полуимперіаловъ!

Капитанъ достаетъ изъ сумки большой холстяной мѣшокъ съ золотомъ и тутъ-же отсчитываетъ деньги.

Офицеръ осетинъ принимаетъ золото, немедленно пересаживается на своего стараго коня, который былъ въ поводу у его казака и совершенно счастливый продолжаетъ слѣдовать дальше.

Въѣзжаемъ въ Казанлыкъ. Городъ на половину разрушенъ. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ, красивыхъ домахъ черепичныя крыши провалились и сквозь разбитыя окна и двери далеко виднѣлись ярко расписанныя внутреннія стѣны, при чемъ я замѣтилъ, что преобладающія краски были синяя и желтая. Нарисованныя изображенія представляли, по большей части, различныхъ пашей съ кальянами въ рукахъ, прелестныхъ гурій, фрукты, цвѣты и т. п. Въ турецкихъ домахъ мнѣ въ особенности понравилась рѣзьба по дереву. Всѣ эти колонки, рѣшотки у оконъ, шкапчики наружные, внутренніе, столы, косяки, все это такъ вырѣзано, вытонено, обдѣлано, да и самое дерево такое твердое, что едва замѣтна черта, если проведешь ногтемъ, — точно кость. Расположеніе комнатъ тоже очень удобное и приспособлено къ здѣшнему жаркому климату.

3-го января вступилъ въ Казанлыкъ и Скобелевъ съ отрядомъ. Помню, уже стемнѣло, когда проходила его пѣхота мимо главнокомандующаго, который, опираясь на трость, стоялъ у подъѣзда своего домика, въ длинномъ тепломъ сюртукѣ, и радостно благодарилъ отдѣльно каждую роту. Но какъ ни весело проходили войска, съ разудалыми пѣснями и свистомъ, а все-таки, чрезвычайно малое число рядовъ во взводахъ наводило грустное впечатлѣніе, какъ на главнокомандующаго, такъ

и на присутствующихъ. А вѣдь было отчего и ослабѣть ротамъ. Одинъ переходъ черезъ Балканы, по такимъ тропинкамъ, гдѣ, по словамъ болгаръ, одни охотники и тѣ съ трудомъ пролѣзали, чего стоилъ отряду, не говоря уже о двухдневномъ жестокомъ боѣ, который ему пришлось выдержать съ непріятелемъ.

ГЛАВА XXIII.

Филиппополь.

Четвертаго января, рано утромъ, Скобелевъ съ отрядомъ двинулся изъ Казанлыка къ Адріанополю; въ авангардѣ шолъ генералъ Струковъ съ кавалерійской бригадой. Я остался временно прикомандированнымъ при главной квартирѣ Великаго Князя. Братъ Василій, уѣзжая впередъ со Струковымъ, просилъ своего пріятеля, полковника Скалона, не давать мнѣ засиживаться и постараться послать меня, при первомъ удобномъ случаѣ, съ какимъ-либо порученіемъ. Случай этотъ скоро представился и я былъ посланъ главнокомандующимъ съ письмомъ къ генералу Гурко въ Филиппополь, который тотъ наканунѣ занялъ съ бою. Передавая конвертъ, полковникъ Скалонъ предупредилъ меня, что одновременно со мной выѣзжаетъ другой ординарецъ Великаго Князя къ генералу Гурко и что тотъ поѣдетъ не передовой линіей, какъ я, а тыломъ, и потому я долженъ торопиться. Мой путь былъ гораздо опаснѣе. Откланявшись главнокомандующему, захожу къ помощнику начальника штаба, получаю отъ него приказаніе записывать все, что встрѣтится мнѣ на пути, т. е. какія части войскъ, въ какомъ количествѣ, каковы мосты, переправы и т. п.

Около шести часовъ вечера сажусь на своего неизмѣннаго кабардинца и въ сопровожденіи двухъ лейбъ-казаковъ трогаюсь въ путь. Погода отличная. Солнце свѣтитъ покойнымъ, потухающимъ блескомъ. Снѣгъ во многихъ мѣстахъ уже сталъ и земля оголилась; вдали чернѣютъ Малые Балканы, которые мнѣ часа черезъ два придется переѣзжать.

Малые Балканы несравненно ниже Большихъ Балканъ, но переходъ черезъ нихъ мнѣ показался труднѣе и утомительнѣе; здѣсь безпрестанные спуски и подъемы по узкимъ, каменистымъ и неровнымъ ущельямъ, тогда какъ на Шипкѣ дорога торная, широкая и въ теплое лѣтнее время переходъ тамъ долженъ быть очень легкій и пріятный. Часовъ въ одиннадцать ночи я пріѣхалъ въ Эски-Загру, отдохнулъ немного, и еще при лунѣ поѣхалъ дальше по направленію къ Чирпану. Здѣсь меня догналъ одинъ офицеръ, онъ тоже направлялся въ Филиппополь, и мы поѣхали вмѣстѣ. Да и замучился-же онъ ѣхать со мной. Моя лошадь шла очень большимъ шагомъ, у его-же лошади шагъ былъ маленькій, и чтобы поспѣвать за мною, попутчику приходилось ѣхать рысью. Протрусивъ верстъ десять, офицеръ теряетъ терпѣніе, горячится, дергаетъ лошадь, бьетъ и чтобы не ѣхать со мной рядомъ, скачетъ съ версту впередъ. Черезъ нѣсколько минутъ мой спутникъ смотритъ, я опять возлѣ него, онъ опять заскакиваетъ и такъ вплоть до Чирпана, куда мы пріѣхали около полудня. Въ Чирпанъ только-что прибылъ генералъ Карцевъ съ пѣхотной бригадой. Часа черезъ три, я съ тѣмъ-же спутникомъ выѣхалъ дальше къ Филиппополю. Но этотъ послѣдній переходъ былъ для насъ не такъ удаченъ. Отъ Чирпана до Филиппополя болгаре считаютъ 10-ть часовъ ѣзды; полагая по 6-ти верстъ въ часъ, выходило 60-тъ верстъ. Ночью, мы сбились съ дороги, и переправившись въ бродъ черезъ Марицу, которая хотя еще и не разлилась, но уже была выше уровня, попали на рисовыя поля. Ужасно утомительно ѣхать рисовыми полями. Ежеминутно приходилось перешагивать черезъ маленькіе валики и затѣмъ опять идти по жидкой, топкой грязи. Подъ утро, не доходя верстъ десять

до Филиппополя, мы наткнулись на одиночныхъ турецкихъ солдатъ, съ ружьями въ рукахъ. Около одного каменнаго сарая турокъ сидѣло человѣкъ 15-ть. Они сумрачно поглядѣли на насъ изъ подлобья и даже пальцемъ не шевельнули.

Филиппополь стоитъ на горѣ и видѣнъ издалека. Марицу пришлось намъ переѣзжать по временному деревянному мосту, наведенному войсками Гурко, такъ какъ постоянный мостъ былъ взорванъ Сулейманомъ. Только въ шесть часовъ утра я въѣхалъ въ городъ, проплутавъ съ четырехъ часовъ вечера. Генералъ Гурко еще спалъ, а потому я сначала явился его начальнику штаба, генералу Нагловскому, а черезъ полчаса— и самому Гурко.

— Ну, какъ здоровье Его Высочества?—первое, что спросилъ меня генералъ, принимая конвертъ.

Я отвѣтилъ, что слава Богу въ добромъ здоровьѣ.

— Когда вы выѣхали?

Я дотого усталъ отъ дороги, что даже не могъ сразу сообразить и сначала сказалъ „вчера", а затѣмъ уже вспомнилъ, что третьяго дня вечеромъ, и поправился.

— Ну, благодарю васъ. Пожалуйте ко мнѣ сегодня обѣдать,—сказалъ Гурко, прощаясь со мной.

Послѣ обѣда я пошолъ посмотрѣть на городъ. Филиппополь, сравнительно съ другими турецкими городами, довольно обширенъ и съ приходомъ сюда нашихъ войскъ, кишѣлъ народомъ. Не забыть мнѣ той комической сцены, какая произошла здѣсь передъ моими глазами во время этой прогулки. Выйдя на главную улицу, шириной всего сажени четыре или пять, я сталъ любоваться разнообразнѣйшимъ людомъ, который суетился на ней. Тутъ и болгаре, и армяне, и турки, и жиды, прибывшіе съ интендантскими транспортами, а всего больше нашихъ солдатъ гвардейцевъ. Всѣ они торгуются, спорятъ, бранятся. Торговля была въ полномъ разгарѣ. Встрѣчаю здѣсь моихъ товарищей владикавказцевъ, здороваюсь съ ними. Въ это время подходятъ еще кое-кто изъ знакомыхъ офицеровъ. Мы стоимъ посреди улицы, разговариваемъ, какъ вдругъ происходитъ что-то необыкновенное. Подымаются крики.

Всѣ, кто на улицѣ, спѣшатъ укрыться, куда попало. Стоявшій подлѣ меня пѣхотный генералъ, съ маленькой сѣдой бородкой, лѣзетъ въ ближайшее окошко, я совершенно безсознательно лѣзу за нимъ, черезъ меня переваливается громаднѣйшій солдатъ преображенецъ,—чуть не задавилъ совсѣмъ. Узенькая улица мгновенно пустѣетъ.—Что все это значитъ, что случилось? думаю я, глядя въ окошко. Въ это время, вижу, изъ подъ горы, глухо рыча, скачетъ медленнымъ, утомленнымъ галопомъ, громадный бѣшенный волъ пепельной масти. Косматая голова опущена книзу, глаза налились кровью, изъ разинутаго рта течетъ пѣна, острые длинные рога готовы пронзить каждаго, осмѣлившагося попасться ему по пути. Но что это такое тащится позади его? Всматриваюсь пристальнѣе—здоровенный болгаринъ, весь мокрый отъ поту, потерявъ шапку съ бритой головы, крѣпко намоталъ на руку хвостъ вола и, упираясь изъ всей силы босыми ногами, старался остановить бѣшеное животное. Волъ проносится мимо насъ, точно не чувствуя, что за него кто-то уцѣпился. — Все утихаетъ, улица снова наполняется народомъ; идутъ толки: чей волъ, не убилъ-ли онъ кого, каковъ молодецъ болгаринъ и т. д. Не прошло десяти минутъ, какъ тотъ-же самый волъ снова показывается, но уже съ противоположной стороны. Опять происходитъ давка и толкотня къ дверямъ и окошкамъ. Свирѣпое животное, съ помутившимися глазами, опять проносится мимо меня подъ гору, тѣмъ-же самымъ утомленнымъ галопомъ, волоча за собой на хвостѣ того-же самаго потнаго, упрямаго болгарина.

На другой день, т. е. 8-го января, около 5-ти часовъ вечера, генералъ Гурко призвалъ меня къ себѣ и объявилъ: Вы отправитесь обратно къ Его Высочеству и передадите вотъ это письмо. Я только что получилъ извѣстіе, что наша кавалерія, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Дмитрія Иваныча Скобелева, отбила у Сулеймана 60-ть орудій. Необходимо доставить это письмо завтра-же утромъ, такъ какъ въ Казанлыкъ прибыли изъ Константинополя паши съ мирными договорами и подобное извѣстіе будетъ какъ нельзя болѣе

кстати.—Я откланялся генералу и пошолъ собираться. Дорогой встрѣтилъ одного артиллерійскаго генерала, который то-же ѣхалъ въ Казанлыкъ. Мы сговорились ѣхать вмѣстѣ, и, въ 6-ть часовъ вечера, выѣхали по Адріанопольскому шоссе. Вправо отъ насъ виднѣлись покрытыя снѣгомъ Родопскія горы, куда бѣжали остатки разбитой арміи Сулеймана-паши. Мы ѣхали очень скорымъ шагомъ. Но какъ, думаю, ни торопись, а поспѣть къ утру въ Казанлыкъ, на той-же самой лошади, невозможно. Вѣдь изъ Казанлыка въ Филиппополь я ѣхалъ 38 часовъ; положимъ изъ нихъ часовъ пять или шесть проплуталъ лишнихъ, все-таки остается болѣе 30-ти часовъ ходу.

Часовъ около одиннадцати ночи мы пріѣхали въ мѣстечко Папасли, гдѣ стояла наша 1-ая гвардейская пѣхотная дивизія съ артиллеріей, подъ начальствомъ генерала Рауха. Еще не доѣзжая немного Папасли, я узналъ отъ болгаръ, что рѣка Марица, которую намъ предстояло вскорѣ переѣзжать, сильно разлилась и переправы нѣтъ. Что дѣлать? Я рѣшаюсь обратиться за помощью къ командиру Преображенскаго полка принцу Ольденбургскому. Принцъ еще не ложился спать и разговаривалъ съ генераломъ Раухомъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ генералъ Раухъ, когда доложили обо мнѣ.

— Я везу очень спѣшныя бумаги къ Его Императорскому Высочеству главнокомандующему, а черезъ Марицу переправиться нельзя, поэтому я рѣшился просить ваше превосходительство оказать мнѣ помощь для переправы.

— Какую-же мы вамъ можемъ оказать помощь? спрашиваютъ въ одно время Раухъ и принцъ,—у насъ нѣтъ ни казаковъ, ни драгунъ.—Дѣлать нечего, я извинился, что обезпокоилъ ихъ, пошелъ назадъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ дальше.

Верстъ пять-шесть отъ Папасли, стоитъ на самомъ берегу Марицы небольшая деревушка, въ которой расположилась наша батарея. Только-что я спустился съ крутаго берега къ рѣкѣ, сердце мое замерло. Боже, какая стала Марица, ее и не узнаешь! Два дня тому назадъ мы ее переѣзжали въ бродъ,

узенькую, мелкую, а теперь она такъ разлилась, что на противуположномъ берегу едва можно разобрать темныя фигуры нашихъ солдатъ, грѣвшихся около пылающихъ костровъ. То была та самая бригада генерала Карцева, которую я обогналъ въ Чирпанѣ. Въ ночной тиши неясно долетали ихъ разговоры. Мрачная поверхность рѣки, покрытая толстымъ слоемъ изломаннаго льда, быстро неслась, крутилась, шуршала ледяными обломками и холодила мою душу. Ночь темная, — страшно, а ѣхать надо. Мы стоимъ и молчимъ. Спутникъ мой, генералъ, первый нарушаетъ тишину и восклицаетъ:

— Ну, батюшка, вы какъ знаете, а я не поплыву, у меня дѣти есть, я лучше вернусь назадъ и проѣду по мосту,—прощается со мной и ѣдетъ на берегъ, ночевать въ батареѣ. Какъ-же, думаю, быть? Ворочаться назадъ и ѣхать на мостъ, значило сдѣлать лишнихъ 90 верстъ, когда-же-бы я поспѣлъ съ донесеніемъ? Рѣшаюсь переправиться во что-бы-то ни стало. Посылаю своихъ казаковъ въ деревушку искать между артиллеристами, не переправлялся-ли кто днемъ черезъ рѣку. На мое счастіе находится денщикъ баттарейнаго командира. Онъ переѣзжалъ рѣку на господской лошади. Фигуры его ночью я не могъ разглядѣть, знаю только, что онъ былъ молодецъ и сразу согласился указать мнѣ путь. Мы, благословясь, трогаемся. Впереди всѣхъ, конечно, ѣдетъ денщикъ, за нимъ одинъ изъ казаковъ, затѣмъ я, а позади меня второй казакъ.

Спачала идетъ довольно мелко; только брызги изрѣдка попадаютъ мнѣ въ лицо; затѣмъ становится глубже. Поджимаю ноги сколь возможно выше. Вотъ уже вода до сѣдла доходитъ, и смачиваетъ привязанную сзади бурку, а мы еще и до середины не добрались. Въ темнотѣ передъ моими глазами серебристый ледъ быстро крутится, шумитъ и кружитъ голову.

— Ваше благородіе, не смотрите внизъ, голова закружится,—кричитъ денщикъ, храбро разрѣзая грудью лошади ледяное сало. Крикъ его раздался во-время, такъ какъ я началъ чувствовать себя дурно. Сбираюсь съ силами, ободряюсь и, не глядя внизъ, начинаю погонять лошадь. Въ это время, смотрю, денщикъ быстро погружается въ воду, за нимъ

погружается и казакъ. Чувствую, что и моя лошадь то же теряетъ подъ ногами почву и начинаетъ дѣлать усиленные прыжки. „Батюшки, утопу“, мелькаетъ въ головѣ, и одновременно съ этимъ мнѣ представляется, какъ Скобелевъ переплывалъ Дунай и какъ моя лошадь не хотѣла за нимъ слѣдовать. Но тогда былъ теплый лѣтній день, на берегу стояло и смотрѣло на насъ много народу, а теперь ночь, никого нѣтъ, и моментально подумавъ объ этомъ, я опускаюсь по самую шею въ ледяную воду.

Денщикъ, точно зная мое отчаянное положеніе, опять кричитъ мнѣ:

— Не бойтесь, ваше благородіе, вотъ уже здѣсь мельче идетъ, только за мной держитесь, вотъ тутъ телѣги затоплены, во-о-онъ гдѣ оглобли торчатъ; днемъ здѣсь пѣхота хотѣла переправу устроить, да ихъ теченіемъ сбило!

И дѣйствительно, окунувшись разъ пять по шею, я увидалъ торчавшія изъ воды оглобли телѣгъ и разомъ почувствовалъ, что лошадь моя опять стала твердо ступать. Радость мою, когда я выбрался на противуположный берегъ, можетъ понять только тотъ, кто самъ испыталъ подобный случай. Я далъ денщику три рубля и, чтобы поскорѣе согрѣться, рысью пустился къ Чирпану, до котораго оставалось верстъ 7—8. Не доѣзжая до города, въ сторонѣ отъ дороги, я видѣлъ цѣлые обозы повозокъ, съ семействами и разнымъ имуществомъ. Это были турки, собравшіеся сюда изъ сосѣднихъ селеній. Они направлялись въ Андріанополь, но узнавъ, что и туда пошли наши войска, въ ужасѣ остановились и не знали что дѣлать. Они все опасались, что русскіе бросятся на нихъ, безоружныхъ, и перебьютъ. Въ Чирпанѣ я далъ отдохнуть лошади и самъ уснулъ немного. Затѣмъ, утромъ, поѣхалъ дальше и часовъ въ одиннадцать ночи пріѣхалъ обратно въ Казанлыкъ. У подъѣзда главнокомандующаго встрѣчаюсь съ полковникомъ Скалономъ.

— Пойдемъ, пойдемъ, я тебя сведу къ Великому Князю, радостно говоритъ Дмитрій Антоновичъ, узнавъ какую веселую вѣсть привезъ я.

— Какой Верещагинъ, Василій Василичъ?—слышу вопросительный голосъ Великаго Князя.

— Нѣтъ, братъ его, казакъ.

— Зови!

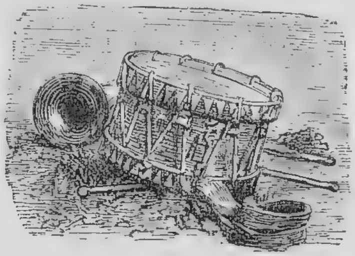
Я вхожу въ комнату. Великій Князь уже лежалъ въ постели и читалъ какія-то бумаги.

— Имѣю честь поздравить Ваше Императорское Высочество съ побѣдой! Генералъ Скобелевъ отбилъ у Сулеймана 60 пушекъ, говорю я, подавая главнокомандующему конвертъ.

— Какой Скобелевъ—паша? радостно воскликнулъ Великій Князь (онъ зналъ старика Скобелева пашой), и привскочивъ съ постели, обнялъ меня и поцѣловалъ.

Такъ кончилась эта поѣздка, стоившая мнѣ моего незамѣнимаго кабардинца. Онъ съ тѣхъ поръ разбился на переднія ноги, и больше не могъ поправиться. Но я все-таки утѣшалъ себя тѣмъ, что сдѣлалъ обратный путь 120 — 130 верстъ по гололедицѣ, включая сюда и переправу черезъ Марицу, въ 28 часовъ.

Въ это время въ Казанлыкѣ дѣйствительно были паши изъ Константинополя. Они безпрестанно гурьбой, съ сумрачными лицами, переходили черезъ улицу, то отъ начальника штаба къ главнокомандующему, то отъ главнокомандующаго къ помощнику начальнику штаба, и такъ цѣлый день. Сначала я думалъ, что турецкіе послы одѣваются очень роскошно, въ драгоцѣнные шелковые халаты, въ чалмахъ изъ тонкихъ шалей, и вдругъ увидѣлъ ихъ одѣтыми въ простые, статскіе, однобортные сюртуки, брюки тоже черные. Только красныя фески съ черными шелковыми кисточками отличали ихъ отъ европейцевъ.



ГЛАВА XXIV.

Подъ Константинополемъ.

Вскорѣ Великій Князь съ главной квартирой двинулся къ Адріанополю. Тутъ мнѣ въ первый разъ пришлось слѣдовать въ числѣ прочей свиты. За нами ѣхало множество повозокъ, съ посудой и служителями, и что за безшабашный народъ были эти служителя.

Для примѣра разскажу одинъ случай, происшедшій на моихъ глазахъ. Не помню уже къ какому мѣстечку подъѣзжали мы. Великій Князь проѣхалъ впередъ. Я и еще одинъ ординарецъ главнокомандующаго, поручикъ Преображенскаго полка, ѣдемъ рядомъ и разговариваемъ. День солнечный. Сзади насъ тянется безконечная вереница повозокъ, фургоновъ, экипажей съ лакеями, поварами, конюхами, денщиками и т. п. Въ это время поручикъ выѣзжаетъ впередъ и рысью направляется на мостикъ, что находился передъ нами, и какъ разъ по серединѣ лошадь его проваливается передними ногами въ дыру и не будучи въ силахъ выскочить, валится на бокъ, увлекая за собою и сѣдока. Все это такъ быстро происходитъ, что я успѣлъ подскочить на помощь, какъ уже онъ лежалъ

прижатый лошадью. и протянувъ голову вдоль мостовой. И вотъ въ эту-то самую минуту, смотрю, передняя повозка съ кухонной челядью, вмѣсто того, чтобы остановиться, рысью въѣзжаетъ на мостъ. Конюхъ, пристально вглядывается, какъ-бы не задѣть лежащаго, и едва-едва не задѣвая его волосъ на головѣ, спускается тѣмъ-же алюромъ. За этой повозкой въѣзжаетъ другая, третья, пока я не бросился и не остановилъ ихъ. Не забуду я лица поручика: оно было блѣдное и точно на плахѣ. И дѣйствительно, высвободиться не можетъ, а между тѣмъ каждую секунду рискуетъ быть задавленнымъ.

А то запомнился мнѣ другой случай во время поѣздки съ главной квартирой. Выѣхали мы съ ночлега, какъ-то ранѣе обыкновеннаго. Утро пасмурное. Я обгоняю повозку за повозкой, офицера за офицеромъ, съ знакомыми здороваюсь, незнакомымъ отдаю честь и все забираюсь впередъ, желая догнать конницу, которая должна была находиться впереди. Уже я кажется всѣхъ объѣхалъ, что-то никого и нѣтъ, ѣду одинъ, вдругъ вижу, впереди, сквозь легонькій туманъ, чернѣетъ чья-то повозка, подъѣзжаю ближе, смотрю стоитъ коляска Великаго Князя. Пара вороныхъ лошадей отпряжена, одну изъ лошадей держитъ въ поводу генералъ Непокойчицкій, а другую самъ Великій Князь; кучеръ-же, заѣхавъ по ошибкѣ въ какой-то развалившійся заборъ, старался изо-всѣхъ силъ выкатить экипажъ обратно на рукахъ. Кругомъ ни души и помочь некому.

— Голубчикъ, кликни-ка тамъ кого-нибудь!—кричитъ мнѣ Великій Князь.

Я скачу съ полверсты впередъ и вижу вправо отъ дороги, на равнинѣ выстроились нѣсколько эскадроновъ. Они видимо ожидали прибытія главнокомандующаго.

— Г-нъ подполковникъ, пошлите скорѣй нѣсколькихъ человѣкъ назадъ; тамъ у Его Высочесва лошади распряглись и Великій Князь самъ ихъ держитъ въ поводу, кричу я запыхавшись и подскакивая къ ближайшему командиру.

— Сегодня очередь не моя, вонъ просите у маіора, баситъ въ отвѣтъ.

Я бросаюсь къ слѣдующему командиру и кричу то-же самое.

— Какъ-же я фронтъ испорчу? Сейчасъ подъѣдетъ Его Высочество!—говоритъ тотъ съ недовольнымъ лицомъ.

— Да какъ-же онъ подъѣдетъ, если у его экипажа и лошади отпряжены?—убѣждаю я. И едва-едва добился, чтобы послали нѣсколькихъ человѣкъ.

14-го января Великій Князь вступилъ въ Андріанополь. Толпы жителей встрѣтили насъ еще при въѣздѣ въ городъ. Маленькія дѣти армяне, одѣтыя въ бѣлыя платья, пѣли пѣсни, женщины и дѣвушки подавали цвѣты.

Главнокомандующій расположился въ конакѣ, или полицейскомъ домѣ, который находился въ центрѣ города.

Адріанополь городъ большой, многолюдный, но какъ всѣ турецкіе города, чрезвычайно грязный. Есть въ немъ замѣчательныя постройки, такъ напримѣръ мечеть султана Селима, роскошнѣйшая изъ всѣхъ мечетей, какія я видѣлъ. Минаретъ ея очень высокъ и виденъ за много верстъ. Самая мечеть очень красива, внутренность ея поражаетъ легкостью формъ и богатствомъ свѣта; всю рѣзьбу и лѣпную работу можно разглядѣть до малѣйшихъ подробностей. Кромѣ этой мечети, есть здѣсь и другія, гораздо древнѣе и оригинальнѣе, но онѣ темны и мрачны. Но что по моему всего замѣчательнѣе въ Адріанополѣ, это мосты черезъ Марицу. Они сложены изъ огромныхъ камней, и очень стары. Одному изъ нихъ говорятъ болѣе пятисотъ лѣтъ, а онъ стоитъ себѣ точно сейчасъ построенъ.

По приходѣ русскихъ войскъ въ Адріанополь, повсюду стали раздаваться пѣсни на всевозможныхъ языкахъ, запестрѣли вывѣски ресторановъ, узенькія улицы наполнились фаэтонами и различными экипажами. Торгаши греки, армяне, жиды пооткрыли свои крошечныя мѣняльныя лавочки и ликовали отъ наживы. Помнится мнѣ, какъ быстро мѣнялся здѣсь курсъ нашего рубля. При въѣздѣ въ Адріанополь я размѣнялъ сторублевку за триста франковъ, а при выѣздѣ едва-едва за 240.

Произошло это, какъ мнѣ объяснили мѣнялы, отъ того, что по приходѣ нашемъ никто изъ нихъ не сомнѣвался, что русскіе займутъ Константинополь, а затѣмъ всѣ разочаровались въ этомъ, и курсъ нашъ упалъ.

Въ Адріанополѣ я въ первый разъ замѣтилъ слѣдующую особенность турецкихъ домовъ. Разъискивалъ я одного генерала. Подхожу къ маленькому, снаружи очень невзрачному домику, отворяю калитку, чтобы войти во дворъ, и глазамъ моимъ представилась совершенно иная картина. Небольшой, но красивый дворъ вымощенъ бѣлыми плитами; бесѣдки и кіоски разукрашены различными растеніями, балкончики и перила лѣстницъ покрыты пестрыми коврами. Точно хрусталь прозрачная вода струится въ изобиліи изъ мраморнаго фонтана. Фруктовыя деревья начинаютъ покрываться густою зеленью. Однимъ словомъ, сразу попалъ въ маленькій рай. И такіе контрасты я впослѣдствіи много разъ встрѣчалъ въ турецкихъ домахъ: снаружи — гадокъ и грязенъ, внутри — прелестенъ. Потомъ я убѣдился, что турки вообще очень мало обращаютъ вниманія на наружность своихъ жилищъ и заботятся только о ихъ внутреннемъ убранствѣ. Поэтому-то они вытаскиваютъ на улицы всякую гадость и дохлятину, предоставляя ее очищать собакамъ, сотнями бродящимъ по улицамъ.

Вскорѣ прибыли въ Адріанополь остальныя наши войска. Но въ какомъ видѣ! У нѣкоторыхъ гвардейскихъ пѣхотныхъ офицеровъ я замѣтилъ на ногахъ, вмѣсто сапоговъ, болгарскія опанки, обмотанныя веревками.

19-го января 1878 года въ Адріанополѣ былъ подписанъ предварительный миръ съ Турціей, а 10-го февраля Великій Князь съ главной квартирой отправился по желѣзной дорогѣ въ Санъ-Стефано, которое расположено на берегу Мраморнаго моря, верстахъ въ 17-ти отъ Константинополя.

Все могу я забыть въ своей жизни, но тѣ минуты, когда подъѣзжалъ къ Константинополю—никогда. Вотъ, думалъ я, стоя въ вагонѣ у дверей (за неимѣніемъ пассажирскихъ ваго-

новъ, свита и штабъ Великаго Князя ѣхали въ товарномъ) и поглядывая по сторонамъ, и война кончилась. Но зачѣмъ мы остановимся въ Санъ-Стефано, неужели не взойдемъ въ Константинополь, вздоръ,—не можетъ быть, это такъ только слухи одни; вѣроятно, будутъ ждать когда войска подтянутся, и тогда съ музыкой и развернутыми знаменами мы займемъ этотъ давно желаемый городъ. И странно, какое-то удивительное ощущеніе испытывалъ я при одной этой мысли; сердце мое начинало такъ сильно биться, точно готовилось выпрыгнуть.

Мы проѣзжаемъ городокъ Чаталджу; здѣсь довольно долго стоялъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ съ передовымъ отрядомъ. По близости желѣзной дороги виднѣются высокіе холмы съ сильными редутами. Турки оставили на нихъ даже и свои огромныя 24 фунтовыя бронзовыя орудія. Редуты соединяются между собой телеграфомъ.

До Санъ-Стефано осталась всего одна станція. Оживленіе въ вагонѣ достигаетъ наибольшей силы. Всѣ офицеры тискаются около дверей. Я крѣпко держусь за свое мѣсто и не уступаю его никому. Слышатся восклицанія:

— Во-о-онъ, за тѣмъ холмикомъ будетъ видно Санъ-Стефано.

— А Константинополь?

— А вотъ погоди немного, онъ дальше туда къ проливу.— Лица у всѣхъ какія-то восторженныя, — спать не хочется никому.

Съ правой стороны дороги идетъ лощина, покрытая высокимъ камышемъ; налѣво тянутся небольшія возвышенности, которыя отлого скатываются къ полотну желѣзной дороги.

Вотъ въ одномъ мѣстѣ на эти возвышенности взбирается турецкая пѣхота, табора два, въ синихъ курткахъ, обшитыхъ красными тесемками и синихъ-же шароварахъ; на ногахъ что-то въ родѣ нашихъ лаптей, на головахъ красныя фески. Солдаты поразбрелись. Къ моему удивленію, смотрю, между турками тащатся нѣсколько и нашихъ солдатиковъ, подогнувъ полы сѣрыхъ шинелей и держа ружья вольно; они преспокойно покуривали турецкій табачекъ, и очевидно уже и за-

были, что идутъ между недавними врагами своими. Нашъ поѣздъ идетъ очень тихо. Въ этомъ мѣстѣ незадолго передъ тѣмъ турецкій поѣздъ потерпѣлъ крушеніе. Разбитые локомотивъ и вагоны валялись по обѣ стороны пути.

Наконецъ, далеко впереди, солнечный лучъ, какъ брилліантъ, сверкнулъ въ давно ожидаемомъ нами лазуревомъ заливѣ Мраморнаго моря. Мы всѣ начинаемъ кричать: Ура! ура! море! море! Но это было не море, а маленькій заливецъ, очень узенькій и далеко вдавшійся въ материкъ. Что за чудный цвѣтъ воды, что за прозрачность! Какой-то грекъ, точно нарочно, чтобы подразнить насъ, катался по заливу въ легкой лодочкѣ. Я и лодочкой любуюсь: она совсѣмъ не такъ построена, какъ наши. Очень красиво выкрашена и легко скользитъ по водѣ.

Мы минуемъ заливъ, дорога сворачиваетъ влѣво, идетъ между холмами и затѣмъ мы опять выѣзжаемъ на равнину. Вправо отъ насъ, верстахъ въ десяти, блеститъ Мраморное море, а на берегу бѣлѣетъ маленькая кучка домиковъ — это Санъ-Стефано. Далѣе мы проѣзжаемъ чей-то роскошный садъ, рощицу, подымаемся незамѣтно нѣсколько въ гору и вдали, на горизонтѣ, показался Константинополь съ безчисленнымъ множествомъ остроконечныхъ мечетей и минаретовъ. Всѣ мы стоимъ, смотримъ, любуемся и, притаивъ дыханіе, долго не можемъ оторвать глазъ отъ этого города.

Все-таки, думалось мнѣ, я счастливецъ въ сравненіи съ многими моими товарищами по войнѣ. Сколько изъ нихъ погибло при переправѣ черезъ Дунай, подъ Ловчей, подъ Плевной, на Балканахъ! Между тѣмъ, одна такая минута,—взглянуть на Константинополь не простымъ путешественникомъ, а торжествующимъ русскимъ солдатомъ, вполнѣ вознаграждала за всѣ перенесенные труды и лишенія.

Въ Санъ-Стефано мы пріѣхали 12-го февраля на закатѣ солнца. Городокъ чистенькій, уютненькій. Центромъ служитъ площадь, вокругъ которой стоятъ лучшія постройки, въ томъ

числѣ и домъ Дадьяни, гдѣ расположился Великій Князь. Къ дому этому прилегалъ обширный тѣнистый садъ. Видъ изъ С.-Стефано на море прекрасный. Вдали, какъ-бы въ туманѣ, виднѣются Принцевы острова. Пароходы безпрестанно проходятъ мимо. Какъ только прибыла главная квартира въ С.-Стефано, на площади появились вывѣски ресторановъ съ надписями: Смуровъ, Елисѣевъ, Одинцовъ и другими, по фамиліи петербургскихъ торговцевъ. У пароходной пристани столпилось множество лодокъ изъ Константинополя съ устрицами, огромными омарами, рыбами и различными фруктами.

Первое время офицерамъ запрещено было ѣздить въ Константинополь, но затѣмъ разрѣшили, только въ статскомъ платьѣ, и все офицерство гурьбой устремилось туда съ накопленнымъ золотомъ, чтобы сколько-нибудь вознаградить себя за „понэсенны труды", какъ говорилъ мой пріятель казакъ Цвѣтковъ. Сотни торговцевъ армянъ и грековъ, наѣхавшихъ изъ Константинополя, ссужали нашимъ офицерамъ платье на прокатъ за невѣроятныя цѣны. Помню, я заплатилъ 30 франковъ за право поносить пять дней сквернѣйшую пиджачную пару, которую въ Константинополѣ за эту цѣну вѣроятно можно-бы было купить.

Нѣкоторые офицеры, чтобы не платить лишнихъ денегъ, брали напрокатъ только верхнюю одежду, да шляпу, оставаясь въ форменныхъ шароварахъ, а другіе даже и въ сапогахъ со шпорами. Одѣвшись такимъ образомъ, офицеръ думалъ, что онъ совершенно не узнаваемъ, и чрезвычайно удивлялся, когда въ Константинополѣ къ нему толпой подбѣгали мальчишки и протягивая руки, кричали: Капитане, дай паричка! (турченки уже успѣли выучиться выпрашивать деньги у русскихъ). А какъ-же офицера не узнать, когда онъ не только не перемѣнилъ брюкъ и длинныхъ сапоговъ со шпорами, но даже остался въ своей походной кумачевой рубахѣ, виднѣвшейся изъ-подъ жилета.

Хотя въ Константинополь нѣсколько ближе было ѣхать по желѣзной дорогѣ, но я предпочелъ прокатится на пароходѣ, чтобы поглядѣть на городъ съ моря. Черезъ чет-

верть часа пути, уже начинаются предмѣстья города. Почти каждыя пять минутъ нашъ пароходикъ останавливался около пристаней и то ссаживалъ, то принималъ новыхъ пассажировъ. Черезъ часъ мы завернули въ узкій проливъ. Налѣво отъ насъ, на высокомъ берегу, я увидалъ знаменитый Семибашенный замокъ, куда турки когда-то засаживали нашихъ пословъ передъ объявленіемъ войны. Направо на малоазійскомъ отлогомъ берегу виденъ городъ Скутари. Черезъ нѣсколько минутъ мы въѣзжаемъ въ Золотой Рогъ, — такъ называютъ турки свою чудную гавань. Даже и вода-то здѣсь имѣетъ какую-то особенную прозрачность и чрезвычайно красивый голубоватый цвѣтъ. Множество судовъ всѣхъ націй свѣта стоятъ здѣсь, начиная отъ огромныхъ неуклюжихъ мониторовъ и кончая легкими, какъ бабочки, греческими парусными лодочками.

Городъ расположенъ амфитеатромъ по скату горъ. Самыя причудливыя разнообразныя постройки занимаютъ здѣсь глазъ наблюдателя. Кто не видѣлъ раньше этого города, тотъ можетъ нѣсколько часовъ подрядъ смотрѣть на него и все-таки не насмотрится. Константинополь напомнилъ мнѣ отчасти нашу матушку Москву, тѣмъ, что возлѣ большихъ каменныхъ палатъ видишь маленькія грязныя лачужки. Чѣмъ больше разсматриваешь, тѣмъ больше восхищаешься. И не надо далеко ходить, а какъ пріѣхалъ въ Золотой Рогъ, такъ стой и смотри, лучше этого ничего не увидишь.

Что всего поразительнѣе, это блистающіе своей бѣлизной мраморные султанскіе дворцы, раскинувшіеся на самомъ берегу и такъ близко отъ воды, что кажется при самомъ легкомъ вѣтрѣ волна можетъ достигнуть зданія. За золотымъ Рогомъ, дальше по Дарданеламъ къ Черному морю, скаты береговъ тоже покрыты постройками въ родѣ нашихъ лѣтнихъ дачъ. Но что это за дачи, что за прелесть, какая легкость, всѣ съ разными навѣсами, балкончиками, башенками, и всѣ онѣ, спускаясь отъ вершины горъ, точно лѣпятся одна на другую, причемъ послѣднимъ едва-едва хватаетъ мѣста на самомъ урѣзѣ пролива. Вода здѣсь, какъ я слышалъ отъ жи-

телей, замѣчательно тиха, и въ то время, когда въ моряхъ по близости бываютъ волненія и бури, здѣсь она остается спокойна, какъ въ блюдечкѣ.

При выходѣ съ парохода на пристань, мнѣ пришлось сразиться съ носильщиками. Они цѣлой ватагой, грязные, оборванные, голодные, набрасываются на каждое новое лицо съ такимъ остервененіемъ, что если-бы я не былъ предупрежденъ заранѣе объ этомъ, то непремѣнно подумалъ-бы, что попалъ на шайку разбойниковъ. Они съ удивительнымъ хладнокровіемъ и стойкостью выдерживали всѣ удары палками и зонтиками, какими ихъ надѣляли пассажиры, но, несмотря на это, ловко защищая одной рукой лицо, другой все-таки улучали минуту выхватить чемоданчикъ или коробку, и тогда уже, завладѣвъ вашей вещью, они въ свою очередь яростно бросались на товарищей, махали, кричали и такимъ образомъ разсчищали вамъ путь и дорогу въ городъ. Первое, что меня удивило на берегу, это многолюдство и разношерстность толпы. Тысячи людей и черныхъ, и бѣлыхъ, и полубѣлыхъ наполняли улицу. За время войны они скопились сюда со всей Турціи. Европейцевъ не видно, пестрѣютъ однѣ чалмы да фески. Я съ товарищами втроемъ взяли плохенькій фаэтончикъ и велѣли везти себя въ гостинницу. За 20 франковъ мы получили очень хорошій номеръ въ двѣ комнаты, прекрасно меблированныя. Перекусивъ немного, послали за коляской, и въ сопровожденіи переводчика или, какъ здѣсь называютъ, чичероне, уже не помню какой націи, отправились осматривать городъ.

Широкихъ улицъ въ Константинополѣ мало и въ экипажахъ ѣздить удобно только въ европейской части города или Перѣ, по остальнымъ-же лучше ѣздить верхомъ. Соотечественниковъ нашихъ офицеровъ мы встрѣчали почти на каждой улицѣ, разъѣзжающихъ подобно намъ, преважно развалясь въ коляскѣ, съ чичероне на козлахъ. Кромѣ того, наши офицеры во множествѣ разъѣзжали верхомъ по городу, причемъ очень смѣшно было смотрѣть, какъ при подъемѣ въ гору, ихъ проводники, слѣдовавшіе пѣшкомъ, хватались при

этомъ за хвостъ лошади и такимъ образомъ облегчали себѣ путь.

Я пробылъ въ Константинополѣ пять дней, и съ утра и до вечера бродилъ по городу. Больше всего меня заинтересовалъ турецкій базаръ,—огромное крытое зданіе, и нестолько товары, какъ сами торговцы, большею частью армяне. Преуморительно выглядывая изъ маленькихъ лавочекъ, они цѣлый день безъ умолку спорили и тараторили съ сосѣдями, и казалось гораздо болѣе были заняты болтовней, нежели торговлей. Нѣкоторые-же изъ хозяевъ, поджавъ ноги калачемъ, важно сидѣли въ своихъ пестрыхъ шелковыхъ халатахъ, терпѣливо дожидаясь, когда покупатель самъ подойдетъ къ нимъ и пожелаетъ осмотрѣть ихъ богатства.

Здѣсь я очень много встрѣчалъ турецкихъ женщинъ, одѣтыхъ въ черныя шерстяныя мантіи, другія-же, вѣроятно побогаче—въ шелковыя. Лица у всѣхъ были закрыты до половины носа бѣлыми кисейными чадрами. Кучками человѣкъ въ пять, шесть, онѣ подолгу толкались по базару: подходили къ одной лавкѣ, прицѣнивались къ матеріи, перешептывались между собой, и съ любопытствомъ озирались по сторонамъ, при чемъ у нѣкоторыхъ красивые черные глаза очень кокетливо выглядывали изъ-за бѣлой кисеи. Въ иныхъ лавочкахъ товару было много, въ другихъ-же, какъ у насъ говорится — на грошъ: торчалъ какой-нибудь изломанный кальянъ, старыя женскія деревянныя туфли на высокихъ каблучкахъ, рѣзной столикъ съ осыпавшимся перламутромъ и, какъ необходимая принадлежность каждой лавки, металлическая чашечка со старинными монетами,—вотъ и все. А посмотрите на хозяина этого богатства, какимъ гордымъ взглядомъ окидываетъ онъ васъ съ головы до ногъ — умора, да и только!

Шумъ и гамъ на базарѣ страшный. И неудивительно, вѣдь здѣсь-же производится публичная продажа различнаго имущества несостоятельныхъ должниковъ. Помню, иду я узенькимъ проулкомъ между лавками, вдругъ навстрѣчу мнѣ турокъ ведетъ въ поводу лошадь, за нимъ идетъ солдатъ бара-

банщикъ, и оглушительно барабанитъ, чѣмъ и оповѣщаетъ по базару о продажѣ. За барабанщикомъ слѣдовалъ чиновникъ, а за нимъ толпа народу. Всѣ они тискались, давили другъ друга, подбѣгали къ лошади и осматривали ее.

Былъ я конечно и въ знаменитой Софійской мечети, но осмотрѣть ее не могъ, такъ какъ она была наполнена больными. Въ городѣ въ это время свирѣпствовалъ тифъ, госпиталя переполнились и больныхъ располагали по мечетямъ. Одинъ молодой, красивый софтъ (такъ называются здѣсь студенты духовныхъ училищъ) въ сѣромъ халатѣ и въ зеленой чалмѣ, при выходѣ моемъ изъ мечети, подалъ мнѣ, на память, горсточку четыреугольныхъ маленькихъ камешковъ. Это была мозаика изъ старинныхъ образовъ когда-то бывшаго храма святой Софіи. Въ настоящее время образа эти закрашены, и софты то и дѣлаютъ, что выковыриваютъ мозаику и по горсточкамъ продаютъ ее посѣтителямъ.

Осмотрѣлъ я и знаменитыя султанскія конюшни. Они находятся вблизи мраморнаго дворца, что стоитъ на берегу Золотого Рога. Прежде чѣмъ попасть въ конюшню, нужно было спросить позволенія одного паши. Тотъ былъ настолько любезенъ, что выслалъ чиновника, который и показалъ мнѣ все, что было интереснаго. Самое зданіе, конечно каменное, и хотя не особенно роскошное, но чрезвычайно удобно расположено для лошадей. Такъ какъ лошади здѣсь были по большей части арабскія, то онѣ распредѣлялись въ конюшняхъ по провинціямъ Аравіи: такъ по одной линіи шли все съ надписью Іемень, по другой — Геджасъ и т. д. Лошади не высокія, вершка полтора, два, но чрезвычайно кровныя, съ большими тонкими ноздрями, глаза тоже большіе, на выкатѣ. Масти преимущественно сѣрой и вороной. Гривы и хвосты коротенькіе и жидкіе. Въ одномъ отдѣленіи стояли два жеребца, перегороженные одинъ отъ другого толстой перекладиной. Одинъ былъ вороной безъ отмѣтинъ, другой совершенно бѣлый. Они стояли прикрѣпленные за лѣвыя переднія ноги кольцами, привинченными къ полу. Какъ мнѣ объяснилъ чи-

новникъ, это были лошади покойнаго султана, и что послѣднего на нихъ никто не имѣлъ права садиться.

Уже съ мѣсяцъ какъ мы стоимъ въ С.-Стефано,—порядочно и соскучались. Всѣмъ хочется поскорѣе домой. Нѣконецъ слышимъ — „завтра, 19-го февраля, парадъ, — миръ подписанъ“.

Наступило 19-ое февраля. День солнечный, прекрасный. Всѣ наши войска, что было въ окрестностяхъ, стягиваются на равнину за С.-Стефано и выстраиваются фронтомъ къ Константинополю.

Три часа пополудни. Великій Князь пріѣхалъ, а за нимъ и вся его свита и весь штабъ. Сейчасъ долженъ начаться молебенъ. Священникъ надѣлъ ризу, дьяконъ раздулъ кадило, а молебенъ не начинается. Чего ждутъ? Что такое мѣшаетъ?— Миръ еще не подписанъ! Игнатьева съ бумагой нѣтъ! шепчутъ кругомъ.

Вотъ уже и пять часовъ проходитъ, и шесть, уже седьмой въ началѣ, а посла нашего все нѣтъ и нѣтъ. Но вотъ онъ наконецъ показался верхомъ на гнѣдой лошади, съ бумагою въ рукѣ.

— Ура, ура, ура! восторженно кричитъ главнокомандующій, срывая съ своей головы фуражку.

— Ура, ура, ура! подхватываютъ войска.

И долго, долго, грохочетъ оно, переливаясь отъ одного фланга къ другому, пока наконецъ не раздалось „на молитву!“

Солнце уже сѣло. Въ С.-Стефано огни замелькали, когда наши знамена, въ виду Константинополя, медленно склонились къ землѣ, и войска опустились на колѣни.

Вскорѣ я взялъ отпускъ въ Россію, и совершенно счастливый сѣлъ въ Константинополѣ на пароходъ, отправлявшійся въ Одессу. Мнѣ тѣмъ болѣе было весело ѣхать домой, что незадолго передъ тѣмъ я получилъ орденъ Св. Владиміра 4-ой степени и чинъ маіора, за штурмъ Плевны 30 авгу-

ста. Въ особенности меня радовалъ чинъ. Я получилъ его на четырнадцатый мѣсяцъ всей моей дѣйствительной службы.

На шестой день, утромъ, я былъ въ Петербургѣ и стоялъ у дверей нашей квартиры. Прежде чѣмъ звонить, я расправилъ бантъ у „Владиміра", пріосанился немного, собрался съ духомъ отъ волненія, и наконецъ, звоню. Случайно дверь отворяетъ самъ отецъ. — Увидавъ меня, онъ не кричитъ отъ удивленія и радости, а какъ-то всхлипываетъ. Обхватываетъ мою шею руками, хотя и попрежнему такими-же теплыми, но уже нестоль мягкими, и прильнувъ къ лицу, долго не можетъ оторваться. Изрѣдка откидываетъ онъ голову назадъ и съ восторгомъ смотритъ на меня, какъ-бы желая разомъ насмотрѣться за все прошедшее время.

— А мамаша вчера въ деревню уѣхала, она все еще больна, со вздохомъ говоритъ отецъ, мѣняя счастливое выраженіе лица на озабоченное; но черезъ минуту, какъ-бы вспомнивъ, что теперь не время грустить, восклицаетъ горделивымъ тономъ:

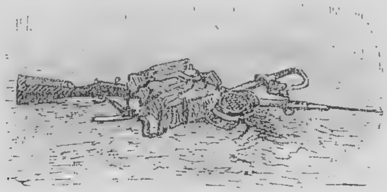
— А покажи-ка „Владиміра!" Читали, братъ, мы, читали! — и онъ съ любовью начинаетъ разсматривать орденъ и повертываетъ его на обѣ стороны.

— Ну, а золотая шашка гдѣ, — показывай и ее!

— Золотой нѣтъ, еще не выдали, вмѣсто нее вотъ пока темлякъ георгіевскій, говорю ему. Отецъ смотритъ и остается недоволенъ.

— Ну, это что! Ужь если царь золотую пожаловалъ, такъ золотую и надѣвай, весело восклицаетъ онъ.

И долго мы еще радовались въ этотъ счастливый день. Я разсказывалъ о различныхъ дѣлахъ, сраженіяхъ; на минуту переставали разговаривать, обнимались, цѣловались и снова принимались толковать о минувшей войнѣ.



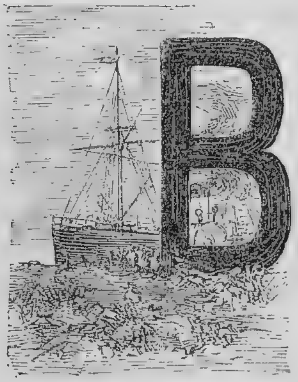
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОСПОМИНАНІЯ ОЧЕВИДЦА
о
ТЕКИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ

1880—1881 гг.

ГЛАВА I.

Отъ Петербурга до Чикишляра.



Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1879 года я занималъ посты съ своей 3-й сотней владикавказскаго казачьяго полка (которою командовалъ въ турецкую кампанію), по военно-грузинской дорогѣ, отъ Владикавказа до станціи Коби. Штабъ сотни находился въ маленькой старинной крѣпости Джерахъ, верстахъ въ десяти отъ знаменитаго Дарьяльскаго ущелья. Отъ нечего дѣлать, случалось, по цѣлымъ часамъ глядѣлъ я изъ оконъ крѣпости на причудливыя вершины горъ, какъ онѣ то заволакивались облаками, то опять появлялись на свѣтъ Божій. Маленькими бѣлыми пятнышками виднѣлись прилѣпившіяся кой-гдѣ по склонамъ горъ бѣдныя сакли туземцевъ. По шоссе, мимо крѣпости, ежедневно проѣзжало множество фургоновъ съ товарами, и различныхъ экипажей съ пассажирами.

Какъ-то разъ, вечеромъ, я поручилъ старшему офицеру посты, а самъ поѣхалъ во Владикавказъ въ клубъ. Тамъ узнаю печальную новость: наши войска въ Закаспійскомъ краѣ потерпѣли сильное пораженіе при штурмѣ текинской крѣпости Геокъ-Тепэ. Разсказывали это пріѣхавшіе оттуда офицеры, участники штурма, причемъ одинъ изъ нихъ, у котораго пра-

вая рука подвязана была черной косынкой, сопровождалъ свои разсказы такими грустными подробностями, что даже стыдно становилось за тамошнихъ военачальниковъ. — Говорятъ, будетъ новая экспедиція, Скобелева прочатъ въ начальники, — добавили офицеры въ концѣ разсказа. Узнавъ все это, я немедленно написалъ брату Василію въ Парижъ, чтобы онъ просилъ Скобелева взять меня съ собой въ походъ.

Вскорѣ получаю отвѣтъ отъ брата, что къ новому году онъ будетъ въ Петербургѣ и чтобы къ тому времени и я пріѣзжалъ туда. Я такъ и сдѣлалъ. Въ это время еще шли толки о томъ, кто будетъ начальникомъ экспедиціи. Называли многихъ, но больше всего вѣрили въ назначеніе Скобелева. Братъ Василій исполнилъ мою просьбу. Генералъ Скобелевъ, какъ только былъ назначенъ начальникомъ, зачислилъ меня къ себѣ состоящимъ въ его распоряженіи.

Конечно, три года тому назадъ, я ѣхалъ въ турецкій походъ съ совершенно другимъ чувствомъ. Тогда я весь горѣлъ желаніемъ поскорѣй увидать Болгарію, болгарскій народъ, посмотрѣть, какъ онъ живетъ, самому убѣдиться въ его бѣдствіяхъ, сразиться съ турками и отмстить имъ за болгаръ. На Дунаѣ тогда сосредоточивалась наша армія, тамъ былъ Государь, туда обращены были мысли и взоры всей Россіи. Текинская-же экспедиція далеко не могла представить того интереса. Да и самая цѣль ея была слишкомъ мала, чтобы можно было съ такимъ-же рвеніемъ стремиться для ея выполненія. Покорить, наказать какой-то маленькій неизвѣстный народишко, текинское племя! Передъ отъѣздомъ меня осыпали вопросами: — Гдѣ такой текинскій оазисъ? Не знаете-ли, не можете-ли вы мнѣ показать на картѣ его границы? Вы вотъ ѣдете въ текинскую экспедицію, объясните, пожалуйста, за что мы съ ними деремся? И, по правдѣ сказать, я не могъ хорошенько отвѣтить. Попасть я желалъ въ этотъ походъ только ради того, что начальникомъ экспедиціи былъ Скобелевъ. Его я хорошо узналъ въ прошлый походъ и высоко уважалъ, какъ боеваго генерала, и поэтому-то мнѣ и хотѣлось служить съ нимъ. Я былъ увѣренъ, что Скобелевъ не сдѣлаетъ тѣхъ

ошибокъ, какія были сдѣланы въ предшествовавшія экспедиціи, а поведетъ дѣло умно, энергично и быстро завоюетъ край. Кромѣ того, я хорошо зналъ, что всѣ участники похода будутъ получать большое жалованье, не говоря уже о служебныхъ наградахъ. Я не сомнѣвался, что получу за походъ слѣдующій чинъ и очередную награду. А оставаясь на Кавказѣ, я этого не получилъ-бы и въ десять лѣтъ. Не знаю почему, но только передъ турецкой кампаніей я очень мало мечталъ о наградахъ и, помню, когда получилъ первый орденъ Св. Станислава 3-й степени, то мнилъ себя чуть не генераломъ. И, не смотря на то, что очевидцы прошлыхъ экспедицій рисовали намъ текинскій походъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, я все-таки охотно пустился въ путь, заранѣе представляя себя скачущимъ на лихомъ туркменскомъ конѣ по безграничнымъ текинскимъ пустынямъ.

30-го апрѣля 1880 года день былъ солнечный. У пристани города Петровска, на берегу Каспійскаго моря, столпилось много публики. Тутъ видѣнъ былъ и простой народъ, и чиновники, и военный людъ, и дамы съ распущенными зонтиками, и дѣти. Всѣ они пришли провожать генерала Скобелева, отправляющагося въ Закаспійскій край покорять текинцевъ. Самого генерала не было тутъ, онъ ушелъ на пароходъ, который слегка шипя понемногу выпускалъ черезъ-чуръ накопившіеся пары. Солдаты, матросы, носильщики, казаки, осетины, торопливо то сбѣгаютъ, то подымаются по сходнямъ парохода. Офицеры, съ озабоченными лицами, спѣшатъ изъ города съ разною поклажею въ рукахъ и очень довольные, что во-время поспѣли, въ припрыжку спускаются съ берега къ пристани. Очень много виднѣется здѣсь чиновниковъ интендантскихъ и контрольныхъ. Въ ихъ движеніяхъ замѣтна большая разница. Первые суетятся, бѣгаютъ, хлопочутъ. Вторые, напротивъ, съ высоты величія своихъ обязанностей точно и не замѣчаютъ, что вокругъ нихъ творится, а тихонько прохаживаются вдоль пристани съ дорожными сумочками черезъ плечо. А инженеровъ-то здѣсь сколько! Они зачѣмъ? Желѣзную дорогу будутъ строить въ Текинскій оазисъ. Строитель дороги, генералъ

Анненковъ, маленькій, сѣденькій, очень подвижной, также ѣдетъ съ нами. Онъ ушолъ вмѣстѣ со Скобелевымъ и всѣмъ штабомъ осматривать каюты.

Каюты осмотрѣли. Временно командующій войсками въ Закаспійскомъ краѣ генералъ Скобелевъ первый показывается изъ глубины парохода. Фуражка на немъ бѣлая, китель суровенькій, на шеѣ, какъ и всегда, виситъ георгіевскій крестъ. Лицо немного пополнѣло со времени турецкаго похода, рыжія бакенбарды стали гуще и длиннѣе. Видъ у него бодрый и довольный. Выйдя на палубу, Михаилъ Дмитріевичъ подымается по крутой узенькой лѣсенкѣ на широкій балконъ; за нимъ слѣдуютъ гурьбой его штабные, почти всѣ въ бѣлыхъ кителяхъ. Тутъ и нашъ начальникъ штаба войскъ, полковникъ Гудима-Левковичъ, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, высокаго росту съ русыми усиками и съ худощавымъ бритымъ лицомъ. Рядомъ съ нимъ подымается другой полковникъ генеральнаго штаба, Гродековъ; онъ малъ ростомъ, совершенно лысый, въ очкахъ. Но по манерамъ, походкѣ и ухваткамъ замѣтно, что это человѣкъ бывалый. За нимъ идетъ, переваливаясь, ротмистръ Эрдели, въ адъютантской фуражкѣ. Рядомъ съ Эрдели идетъ капитанъ Баранокъ, единственный изъ окружающихъ офицеровъ, одѣтый не въ китель, а въ толстый суконный адъютантскій мундиръ при аксельбантахъ. Баранокъ серьезенъ и сосредоточенъ. Далѣе идутъ остальные состоящіе въ распоряженіи Скобелева: я, одѣтый въ легонькую шерстяную сѣренькую черкеску; мой пріятель поручикъ конно-гренадерскаго полка Ушаковъ, юноша лѣтъ 20-ти, очень добрый и симпатичный; генеральнаго штаба капитанъ Мельницкій, поручикъ гвардейской артиллеріи Кауфманъ, и еще нѣсколько другихъ.

Съ парохода раздается свистокъ. Матросы засуетились. На носу со скрипомъ и звономъ поднимаютъ якорь; снасти отвязываютъ. Пароходъ начинаетъ тихонько вздрагивать; колеса то въ ту, то въ другую сторону, слегка похлопываютъ крыльями по водѣ. Скобелевъ снимаетъ фуражку и раскланивается съ публикой. Мы всѣ тоже машемъ платками и фу-

ражками, знакомымъ и незнакомымъ. Съ берега отвѣчаютъ тѣмъ-же. Пароходъ, поворотивъ немного, даетъ ходъ, и быстро застучавъ колесами, плавно устремляется по голубой зеркальной поверхности моря.

И вотъ мы ѣдемъ къ сторонѣ раскаленныхъ песковъ, фалангъ, скорпіоновъ, къ сторонѣ, гдѣ жители, вольные какъ птицы, нападаютъ на всякаго чужого, грабятъ и убиваютъ его совершенно безнаказанно.

Спачала мы останавливаемся въ фортѣ Ново-Александровскѣ, затѣмъ въ городѣ Красноводскѣ, и только 7-го мая подъ вечеръ подъѣзжаемъ къ Чикишляру. Запасшись въ Петербургѣ отличнымъ биноклемъ, я еще издалека увидѣлъ берегъ. Но гдѣ-же Чикишляръ? Никакъ не могу его разглядѣть. Мнѣ онъ представлялся городомъ, а оказывается это маленькое мѣстечко съ нѣсколькими лачужками, построенными на низменномъ, песчаномъ, совершенно голомъ берегу.

Только небо одно приковываетъ здѣсь взоръ вновь прибывшаго человѣка. Небо здѣсь чудное, темносинее, безоблачное. Оно незамѣтно сливается въ безграничной дали съ раскаленными красноватыми песками.

Мнѣ вспомнилось теперь, съ какимъ нѣмымъ восторгомъ, вступивъ первый разъ на турецкій берегъ, я оглядывалъ тамъ каждый кустикъ, каждое деревцо и не могъ наглядѣться. А здѣсь что?—раскаленная пустыня, да и только! А придется еще ѣхать по ней, да и какъ далеко, да еще и сражаться! Положимъ, конному все легче, но каково несчастной пѣхотѣ! Каково ей шагать по этимъ пескамъ, по страшной жарѣ, безъ воды, съ ранцемъ за спиной и съ тяжелымъ ружьемъ на плечѣ. Но къ чему человѣкъ не привыкаетъ! Не прошло и недѣли, какъ я, подобно моимъ товарищамъ, бѣгалъ по песчаному, пыльному Чикишляру, исполняя различныя порученія Скобелева: провѣрялъ склады, перевѣшивалъ интендантскіе грузы, не обращая никакого вниманія на то, что такъ поразило меня при моемъ пріѣздѣ сюда: на это синее безоблачное небо, сливавшееся въ безпредѣльной дали съ раскаленными песками, и на палящее, жгучее солнце.

Трудно представить себѣ что-либо безотраднѣе Чикишляра. Солнце выжгло все кругомъ.

— Такъ вотъ онъ какой, Закаспійскій край, Ахалъ-Текинская земля! Ну, здѣсь не Турція, думалъ я, забравшись въ отведенную мнѣ комнатку, рядомъ съ полковникомъ Гродековымъ, и обтирая носовымъ платкомъ совершенно мокрую отъ пота шею и грудь. Да какъ-же здѣсь люди живутъ, въ этой жарѣ! Ни воды, ни растенія, ни даже тѣни нигдѣ и никакой!

И не скрою, первое время видъ Закаспійскаго края меня сильно смутилъ; въ головѣ мелкнуло что-то въ родѣ раскаянія, зачѣмъ я поѣхалъ въ эту проклятую сторону.

Въ Чикишлярѣ мы живемъ уже недѣлю. Скобелевъ каждый день, съ утра и до вечера, въ движеніи: осматриваетъ войска, госпиталя, интендантскіе склады. Провѣряетъ прежніе запасы, оставшіеся еще отъ прошлогодней кампаніи, а также и вновь прибывшіе изъ Россіи. Вскорѣ къ Чикишляру пригоняютъ верблюдовъ, закупленныхъ по всему Мангышлакскому полуострову, вслѣдствіе распоряженія Скобелева, еще до начала похода.

Самая главная задача заключалась въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе и какъ возможно больше продвинуть въ глубь оазиса различнаго продовольствія и артиллерійскихъ запасовъ. Поэтому, прежде чѣмъ стягивать войска, генералъ позаботился обезпечить ихъ всѣмъ этимъ.

Для перевозки грузовъ были сформированы верблюжьи транспорты. На каждаго верблюда навьючивали отъ 6 до 8 пудовъ клади; при 6 верблюдахъ находился одинъ вожакъ туркменъ. Нѣсколько сотъ, а иногда и тысячъ верблюдовъ составляли транспортъ, который поручался одному офицеру. Транспорту придавался конвой изъ роты или двухъ пѣхоты, и, казаковъ, смотря по количеству верблюдовъ.

ГЛАВА II.

Въ окрестностяхъ Яглы-Олума.

Н. И. Гродековъ.

15-го мая я былъ назначенъ начальникомъ летучаго отряда въ опорный пунктъ Яглы-Олумъ. Въ предписаніи моемъ было сказано: „Временно-командующій войсками назначилъ ваше высокоблагородіе начальникомъ особаго летучаго отряда въ составѣ: одной сотни таманскаго казачьяго полка, команды полтавска казачьяго полка, двухъ ротъ 83-го самурскаго полка, и команды джигитовъ. Отрядъ этотъ къ ночи 17 мая сосредоточится въ Яглы-Олумѣ. Цѣль этого отряда самымъ дѣятельнымъ образомъ охранять верблюжьи транспорты, направляющіеся въ укрѣпленіе Чатъ изъ Чикишляра. Надлежитъ обратить особенное вниманіе, во время расположенія на мѣстѣ и слѣдованія верблюжьихъ транспортовъ, на охраненіе всѣхъ переправъ вверхъ отъ Яглы-Олума по рѣкѣ: Атреку, Кизиль-Олумъ, Ходжа-Олумъ, Домцахъ-Олумъ, Байрамъ-Олумъ и прочія. Наблюдать разъѣздами пространство внизъ по Атреку. Въ случаѣ появленія непріятеля, летучій отрядъ долженъ самымъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствовать противъ него, „причемъ, однако (прибавлено было рукою самого Скобелева), къ атакѣ холоднымъ оружіемъ прибѣгать только въ случаѣ небольшаго превосход-

ства въ силахъ со стороны непріятеля, или при другихъ особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ". Дѣйствовать-же противъ него преимущественно огнемъ въ пѣшемъ строѣ. Временнокомандующій войсками приказалъ вмѣнить всѣмъ чинамъ отряда держаться въ сторонѣ отъ верблюжьихъ транспортовъ, въ высшей степени ласково обращаться съ верблюдовожатыми, отнюдь не позволяя себѣ насмѣшекъ и побоевъ, подъ личной отвѣтственностью начальника отряда".

Въ это время наши запасы стягивались въ укрѣпленіе Дузъ-Олумъ, находившееся отъ Чикишляра въ 140 верстахъ. Отъ Чикишляра до Яглы-Олума было около 60 верстъ.

Того-же дня вечеромъ сажусь на свою вороненькую лошадку, что купилъ себѣ во Владикавказѣ, навьючиваю вещи на двухъ верблюдовъ и, въ сопровожденіи сотни казаковъ, ѣду по безводной, песчаной пустынѣ въ Яглы-Олумъ. Мѣстечко это находится на берегу узенькой, сажени 2 или 3 шириной, рѣчки Атрека*). Эта рѣчка течетъ въ высокихъ обрывистыхъ берегахъ, поросшихъ мелкимъ кустарникомъ саксаула, единственнаго растенія, встрѣчающагося по всему оазису. Укрѣпленіе Яглы-Олумъ стоитъ на небольшой площадкѣ, обрытой валомъ, гдѣ помѣщалось десятка два войлочныхъ палатокъ, или, какъ здѣсь называется, юламеекъ, въ которыхъ былъ расположенъ гарнизонъ. Тутъ-же по близости стояли юламейки: телеграфная, госпитальная и ротныхъ командировъ.

Я помѣстился довольно удобно въ просторной юламейкѣ. Транспорты проходили какъ разъ мимо меня. Нагруженные верблюды безконечными вереницами тащились, вытянувъ шеи и пережевывая жвачку. Они привязаны одинъ къ другому за

---

*) Надо прибавить, что до настоящей экспедиціи рѣка Атрекъ была мало изслѣдована, и Скобелева увѣрили, что по Атреку могутъ ходить маленькіе паровые катера, а это было весьма важно въ виду затруднительной перевозки грузовъ. Въ распоряженіе начальника экспедиціи было назначено нѣсколько паровыхъ катеровъ, команда матросовъ, при двухъ офицерахъ, и 4 картечницы. Но Атрекъ оказался настолько ничтожнымъ и мелкимъ, что катера пришлось тащить нѣсколько десятковъ верстъ на рукахъ, а потомъ обратно тащить тѣмъ-же путемъ къ Чикишляру; команду-же съ картечницами двинули впередъ. Она горячо дѣйствовала при штурмѣ Геокъ-Тепэ.

коротенькія веревочки, одинъ конецъ которой продернутъ въ переносье, другой-же привязанъ къ хвосту предъидущаго животнаго. Длинныя ноги ихъ неслышно ступали мягкими подошвами по песчаной дорогѣ. Маленькія уродливыя головы, съ коротенькими оттопыренными ушами, качались на дугообразныхъ шеяхъ. Вожаки туркмены, въ порыжѣлыхъ халатахъ и въ высокихъ мохнатыхъ шапкахъ, мѣрно шагали, держа поводки въ рукахъ; нѣкоторые-же, взобравшись на горбатыя спины верблюдовъ и покачиваясь какъ маятники, напѣвали себѣ заунывныя безконечныя пѣсенки, понятныя только туземцамъ. Шагъ за шагомъ проходили усталые верблюды, подымая за собой облака пыли.

— И песокъ-то здѣсь отъ жары сдѣлался какой-то рыжій и верблюды рыжіе, и халаты на вожакахъ рыжіе. Солнце все здѣсь подогнало подъ одинъ цвѣтъ!—думалъ я, глядя на транспорты.

20-го мая получаю изъ Чикишляра отъ начальника штаба Гудимы-Левковича телеграмму. Онъ пишетъ: „Въ виду слуховъ о направленіи непріятельской шайки изъ текинскаго оазиса на Дашъ-Верды, вамъ слѣдуетъ усилить осторожность и бдительность“. Я посылаю разъѣзды по нѣскольку разъ въ день, самъ ѣзжу, но ничего не могу выслѣдить. Черезъ 2 или 3 дня получаю новую телеграмму отъ полковника Гродекова, въ которой говорилось: „Не забывайте Дашъ-Верды“. Затѣмъ вскорѣ получаю еще телеграмму отъ начальника штаба. Онъ писалъ: „Только что получено извѣстіе, что около колодцевъ Дашъ-Верды появилась шайка текинцевъ, подъ начальствомъ самого Тыкма-Сарьдаря *), численностью въ 500 человѣкъ. Усильте разъѣзды и охраняйте транспорты“. Я употребляю всѣ силы, но непріятеля не могу замѣтить.

Къ сѣверо-западу отъ Яглы-Олумъ, верстахъ въ семидесяти, находятся колодцы Дашъ-Верды, и такъ какъ время

*) Главный предводитель текинцевъ.

стояло жаркое, поэтому если шайки гдѣ и были, то конечно около этихъ колодцевъ. Очень захотѣлось мнѣ узнать и извѣстить генерала, были-ли тамъ дѣйствительно шайки, или нѣтъ. Кромѣ того, меня сильно заинтересовали разсказы одного изъ моихъ джигитовъ *), состоявшихъ при мнѣ, о старинныхъ развалинахъ города Дашъ-Верды, которыя находились какъ разъ у колодцевъ. Я рѣшилъ туда съѣздить.

Накануне приказываю изготовиться взводу казаковъ при офицерѣ, и съ утра, еще до восхода солнца, запасшись баклагами съ водой, направляемся къ колодцамъ. Казаки мои нѣсколько разъ ѣздили съ джигитами въ эту сторону, поэтому знали путь. Кругомъ мѣстность совершенно ровная. Куда ни взглянешь — вездѣ дорога, вездѣ песокъ. Кое-гдѣ, изрѣдка, торчитъ побурѣвшій отъ солнца кустикъ саксаула. Иногда, вслѣдствіе миража, такіе кустики кажутся намъ деревьями, а гдѣ такихъ кустовъ много, то тѣнистыми густыми садами. Легкіе джераны тоже виднѣлись кое-гдѣ вдали, но, по мѣрѣ нашего приближенія, они подымали мордочки, настораживали уши и какъ птицы летѣли по степи, мелькая своими бѣлыми брюшками. Впослѣдствіи я очень много видѣлъ джерановъ; въ особенности можно было хорошо подглядѣть цѣлыя стада ихъ, когда они утромъ и вечеромъ направлялись къ Атреку на водопой. Ростомъ и складомъ джеранъ похожъ на нашу козочку, шерсть у него коротенькая, спина и ножки рыженькія, брюшко-же, какъ я уже сказалъ, бѣленькое. Случалось, джигиты, сопровождавшіе меня въ моихъ поѣздкахъ, на прекрасныхъ туркменскихъ коняхъ, завидя джерановъ, пробовали гоняться за ними. Но гдѣ-же! Хоть туркменскій конь и быстро скачетъ, а джеранъ отъ него точно клубочекъ катится, точно его вѣтромъ относитъ, дальше и дальше, и наконецъ теряется изъ виду въ безграничной безводной степи.

Около полудня мы немного отдохнули и затѣмъ поѣхали дальше тѣмъ-же скорымъ шагомъ. Вода у насъ уже вся вышла. Часовъ въ пять вечера, мы поднялись на небольшой холмикъ

*) Наемные конные туркмены, служившіе при нашемъ войскѣ.

и отсюда увидали колодцы. Мѣстность дальше шла столь замѣчательно ровная, что я нарочно слѣзаю съ лошади, прикладываю голову къ землѣ, и старательно гляжу кругомъ, не увижу-ли хотя малѣйшей шероховатости. Ничто не мѣшаетъ глазу: на много верстъ впередъ, ни камешка, ни кустика, нигдѣ никакой травинки. Точно громадное гумно или токъ, мастерски вымазанный глиной и посыпанный мельчайшимъ бѣлымъ песочкомъ. Я никакъ не подозрѣвалъ, что на земномъ шарѣ могли быть такія обширныя ровныя пространства. Никакой Царицынъ лугъ, никакой плацъ не могутъ сравняться по гладкости съ здѣшнимъ природнымъ плацомъ. Почва-же настоль твердая, что за нами и слѣдовъ не оставалось.

Мы подъѣзжаемъ ближе къ колодцамъ, и въ недоумѣніи останавливаемся: у колодцевъ, видимъ, стоитъ нѣсколько большихъ партій конныхъ текинцевъ. Всѣ они на коняхъ, въ черныхъ мохнатыхъ шапкахъ, въ халатахъ; у нѣкоторыхъ значки въ рукахъ. Я протираю хорошенько стекла бинокля, смотрю еще разъ,—нѣтъ, не ошибся, въ самомъ дѣлѣ текинцы. Нѣсколько военачальниковъ скачутъ вдоль фронта, останавливаются, что-то машутъ значками и, повидимому, готовятся напасть на насъ.

Выѣзжая изъ Яглы-Олума, я никакъ не надѣялся столкнуться съ непріятелемъ, такъ какъ ихъ слѣдовъ казаки нигдѣ въ окрестностяхъ не встрѣчали. Поѣхалъ я просто потому, что соскучился сидѣть на мѣстѣ, да къ тому-же захотѣлось хвастнуть передъ генераломъ, что, вотъ-де, съѣздилъ со взводомъ въ Дашъ-Верды. Да и на развалины-то мнѣ захотѣлось взглянуть. Теперь-же, когда я увидѣлъ передъ собою такую массу непріятеля, мнѣ стало страшновато. Ну что, думаю, если текинцы на насъ бросятся,—изрубятъ! Если даже и не изрубятъ, а захватятъ кого-нибудь въ плѣнъ, то это кажется будетъ еще хуже. Что я тогда отвѣчу Скобелеву? Зачѣмъ, скажетъ, поѣхали вы такъ далеко? Я, уже и безъ того потный, при этихъ страшныхъ мысляхъ потѣю еще болѣе.

— Стой, командую казакамъ. Слѣзай, къ бою готовсь!

— Все равно, думаю, воды у насъ нѣтъ, назадъ ѣхать

60 верстъ невозможно. Мы должны пробиться къ колодцамъ во что-бы ни стало.

Тихонько ведя лошадей въ поводу, подвигаемся все ближе и ближе. Казаки уже вынули винтовки изъ чехловъ и зарядили. Вдругъ одинъ изъ нихъ кричитъ мнѣ:

— Ваше высокоблагородіе, чей-же это казакъ на горѣ стоитъ?

— Гдѣ на горѣ?—спрашиваю его.

— А вонъ, что возлѣ колодцевъ,—и тычетъ плетью.

Смотрю, дѣйствительно на вершинкѣ небольшой горы, саженей сто вправо отъ колодцевъ, стоитъ нашъ казакъ, съ ружьемъ за плечами, и очевидно смотритъ въ нашу сторону. Что-же это значитъ? — думаю. Смотрю еще разъ, и оказывается, что все это былъ — миражъ! Толпы текинцевъ стали разсѣеваться какъ туманъ, и черезъ нѣсколько минутъ пропали. Возлѣ колодцевъ, видимъ, стоитъ такое-же укрѣпленьице, какъ и въ Яглы-Олумѣ. Въ немъ размѣстилась рота солдатъ, только-что прибывшая изъ Чикишляра. Военачальники, скакавшіе кругомъ, были никто другой, какъ джигиты, находившіеся при ротѣ. Они въ свою очередь приняли насъ за текинцевъ, и такую подняли тревогу, что командиръ роты, капитанъ Подвысоцкій, сказывалъ мнѣ потомъ, что онъ чуть-чуть было не приказалъ открыть по насъ огонь.

Напившись чаю у гостепріимнаго капитана Подвысоцкаго, я предложилъ ему съѣздить со мной взглянуть на развалины. Запрягли ротную телѣгу тройкой, и въ сопровожденіи четырехъ джигитовъ мы поѣхали. Развалины находились верстахъ въ четырехъ къ западу отъ колодцевъ. Онѣ представляли четвероугольникъ версты полторы длины, съ версту ширины, окопанный широкимъ безводнымъ рвомъ. Въ старину по этому рву вѣроятно откуда-нибудь протекала вода. Внутренность четвероугольника сплошь покрыта кирпичными развалинами. Кирпичъ, какъ я замѣтилъ, маленькій, тоненькій и очень крѣпкій. Посреди развалинъ возвышается какъ-бы тріумфальная арка, украшенная разноцвѣтною глазурью. Снизу она пообвалилась, но верхъ остался цѣлъ, и синяя

превосходная глазурь, съ золочеными узорами, еще до сихъ поръ ярко блеститъ на солнцѣ, точно сейчасъ налѣпленная. Замѣчательно какъ въ старину красиво и прочно работали! Не у кого мнѣ было хорошенько распросить, когда и кѣмъ городъ Дашъ-Верды былъ построенъ, долго-ли онъ существовалъ и что за причина его разрушенія. Нѣкоторые остатки зданій есть здѣсь очень большіе. Всѣ они поросли травой. Изобиліе зелени доказывало, что гдѣ-то по близости должна находиться вода.

Долго ходилъ я по развалинамъ, разсматривалъ кирпичики, изразцы. Мой спутникъ нѣсколько разъ окликалъ меня, предлагая ѣхать, но мнѣ все не хотѣлось оставить это мѣсто, когда-то полное жизни, а въ настоящее время обреченное окончательно сгладиться вмѣстѣ съ окружающей мѣстностью и не напоминать болѣе никому о своемъ прошедшемъ.

И такъ, въ Дашъ-Верды непріятеля не оказалось. А между тѣмъ слѣды его нашлись въ двухъ верстахъ отъ Яглы-Олума.

Во время одного разъѣзда спускаюсь я въ широкій ровъ и нахожу совершенно свѣжій конскій пометъ и, мѣстами, разсыпанный ячмень. Потолковавъ съ казаками, прихожу къ тому убѣжденію, что еще сегодня ночью здѣсь ночевала партія текинцевъ. „Нехудо было-бы прислать сюда на ночь секретъ человѣкъ въ двѣнадцать, и чтобы онъ, подпустивъ шайку поближе, хорошенько грянулъ въ нее залпомъ“. Разсуждая такимъ образомъ, я уже заранѣе представляю себѣ, съ какой радостью пошлю донесеніе Скобелеву, что мой секретъ положилъ на мѣстѣ десять тѣлъ. Задумано — сдѣлано. Въ тотъ-же вечеръ отправляю секретъ, — но безуспѣшно. Цѣлую ночь солдаты прокараулили, не смыкая глазъ, текинцы не показывались. Сообщаю объ этомъ начальнику штаба,—но какой-же вышелъ изъ этого результатъ? 25-го мая командующій войсками, со всѣмъ штабомъ, проѣзжалъ мимо меня въ Дузъ-Олумъ. Я конечно выѣзжаю къ нему навстрѣчу. Скобелевъ очень любезно здоровается и въ то-же время полусердитымъ тономъ говоритъ мнѣ: Видно, батенька, что вы въ Азіи не бывали и азіятовъ не знаете! Какъ-же возможно высылать здѣсь се-

креты за нѣсколько верстъ? Вотъ если-бы съ нимъ случилось какое-либо несчастіе, такъ я-бы васъ перваго подъ судъ и отдалъ, въ примѣръ прочимъ. И дружески улыбнувшись, онъ останавливаетъ коня около приготовленной палатки, слѣзаетъ и идетъ отдохнуть.

Тыкма-Серьдарь.

ГЛАВА III.

Въ Бами.

Черезъ недѣлю я получаю предписаніе, сдать яглы-олумскій отрядъ старшему ротному командиру, а самому явиться въ распоряженіе временно командующаго войсками, который находился въ это время въ мѣстечкѣ Хаджамъ-Кала, верстахъ въ 75-ти за Дузъ-Олумомъ. Съ первымъ-же попутнымъ транспортомъ отправляюсь. Проѣзжая Дузъ-Олумъ, вижу, черезъ площадь ѣдетъ на встрѣчу офицеръ генеральнаго штаба съ двумя казаками. Всматриваюсь, узнаю полковника Гудиму-Левковича. Я очень обрадовался ему и кричу:

— Здравствуйте, полковникъ, куда вы ѣдете?

— Обратно въ Россію, уже я больше не начальникъ штаба, отвѣчаетъ онъ, здороваясь со мной. Смотрю, лицо полковника блѣдное, видъ усталый, болѣзненный, глаза впали.

— Что-же съ вами, почему вы ѣдете назадъ, кто-же заступилъ ваше мѣсто? спрашиваю его.

— У васъ теперь Гродековъ начальникомъ штаба, а я ѣду къ себѣ въ Петербургъ, я нездоровъ, — и, побесѣдовавъ со мной еще немного, Гудима-Левковичъ грустный прощается и мы разстаемся.

10-го іюня, рано утромъ, отрядъ выступилъ къ мѣстечку Бамй на Коджинскій перевалъ. Помню, было за полдень, когда мы переѣхали черезъ горы. Погода страшно жаркая. Вдали, сквозь раскаленный дрожащій воздухъ, виднѣются точно въ туманѣ глиняныя башенки и „калы“: такъ называются здѣсь загоны для скота, обнесенные высокими глиняными стѣнами.

Скобелевъ ѣдетъ на сѣрой красивой кобылѣ, очень скорымъ шагомъ, я ѣду немножечко позади его.

— Что, батенька, жарко? говоритъ онъ мнѣ:—а вѣдь вотъ представь я кого къ наградѣ, — сейчасъ скажутъ: за что? за какія дѣла? А развѣ эти жары не стоятъ сраженія?

По пріѣздѣ въ Бамй, сюда стали стягиваться массы провіанта и артиллерійскихъ грузовъ; посреди лагеря образовались, точно горы, высокіе бунты, накрытые брезентами. Бамй былъ послѣднимъ опорнымъ пунктомъ, гдѣ Скобелевъ рѣшилъ сосредоточить наибольшее количество запасовъ, и уже отсюда собравъ всѣ силы, окончательно двинуться для завоеванія оазиса Ахалъ-Текэ.

Мѣстечко Бамй было важно для Скобелева въ томъ отношеніи, что здѣсь соединялись два пути. Одинъ, шедшій отъ Михайловскаго залива, по которому предполагалось строить желѣзную дорогу, и двигались верблюжьи транспорты съ продовольствіемъ. Другой путь — Чикишлярскій, по немъ передвигались запасы, заготовленные на опорныхъ пунктахъ еще за время прежнихъ экспедицій. Чтобы съ Чикишлярскаго пути попасть въ Бамй, нужно было перевалить черезъ Копетъ-Дагскія горы, Бендесенскимъ переваломъ въ четырехъ верстахъ отъ Бами.

Въ Бами мы расположились довольно удобно. Лагерь раскинулся по обѣ стороны ручья. Палатка командующаго войсками была поставлена подъ тѣнью двухъ деревьевъ. Возлѣ нея выкопали прудъ, наполнили изъ ручья проточной водой и покрыли шалашомъ, такъ что генералъ могъ ку-

паться во всякое время. Кромѣ этаго пруда, среди лагеря были выкопаны еще два, одинъ для офицеровъ, другой для—солдатъ.

20-го іюня, рано утромъ, выхожу изъ палатки, чтобы идти купаться, смотрю, докторъ Студитскій, состоящій при Скобелевѣ, сбирается куда-то ѣхать верхомъ. Поблизости стоитъ, выровнявшись, конвой изъ 12-ти казаковъ. Докторъ былъ еще молодой человѣкъ, очень симпатичный. Я былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Онъ еще наканунѣ цѣлый вечеръ сидѣлъ у меня, разсказывалъ про свое житье-бытье въ Москвѣ, показывалъ карточку жены: онъ только-что передъ кампаніей женился.

— Куда вы, докторъ? спрашиваю я, подходя къ нему.

— Да вотъ, въ Бендесены ѣду, тамъ надо освидѣтельствовать трупъ казака, котораго вчера текинцы убили. И затѣмъ добавилъ шопотомъ, подъ секретомъ:—Генералъ думаетъ, ужь не наши-ли джигиты его измѣннически убили. Такъ вотъ надо откопать и постараться найти пулю. Мы простились, докторъ уѣхалъ.

На другой день утромъ опять иду купаться. Смотрю—генералъ вышелъ изъ своей палатки съ какой-то бумагой въ рукахъ, весь красный отъ слезъ. Завидя меня, онъ подзываетъ къ себѣ и съ грустью крикливо говоритъ:

— А вы знаете, что Студитскаго убили! А!.. Каковы подлецы текинцы! Цѣлая шайка напала, — разсказываетъ онъ захлебывающимся отъ слезъ голосомъ. Затѣмъ добавляетъ: Я все-таки очень доволенъ, что при немъ былъ конвой изъ 12-ти человѣкъ, это снимаетъ съ меня нравственную отвѣтственность. Ну что дѣлать, на войнѣ несчастіе со всякимъ можетъ случиться. Казаки цѣлый день отбивались, человѣкъ 20 текинцевъ убили. Ну, развѣ это не герои, ну какъ-же имъ не дать георгіевскихъ крестовъ?—И Скобелевъ началъ раздражительно ходить возлѣ палатки и слезливо сморкаться въ раздушенный носовой платокъ.

Въ тотъ-же день мнѣ привелось видѣть то мѣсто, гдѣ былъ убитъ Студитскій. Случилось это такъ. Черезъ часъ послѣ

разговора со Скобелевымъ, меня опять требуютъ къ нему. Отправляюсь. Генералъ сидѣлъ въ палаткѣ за маленькимъ столикомъ и чертилъ что-то карандашомъ на листѣ бумаги.

— Вы, батенька, отправитесь сегодня-же съ ротой пѣхоты, однимъ орудіемъ и съ полусотней казаковъ въ Бендесены, для встрѣчи транспорта, который идетъ изъ Хаджамъ-Кала. Транспортъ большой, слишкомъ двѣ тысячи верблюдовъ. Я боюсь, чтобы на него не напали текинцы. Ведетъ его войсковой старшина Дьяковъ. Онъ, какъ старшій, приметъ начальство надъ отрядомъ. Главное, обратите вниманіе въ Бендесенахъ на командующія высоты.—И при этихъ словахъ генералъ беретъ со стола разноцвѣтные карандаши и быстро набрасываетъ мнѣ позицію Бендесенъ. Объясняетъ до мельчайшихъ подробностей, какъ держаться противъ непріятеля, въ какомъ строѣ, какъ сопровождать транспортъ, отнюдь не растягиваться и т. д. Затѣмъ генералъ приказываетъ мнѣ получить отъ Гродекова предписаніе и отправиться.

Бендесенскій перевалъ—опасное мѣсто. Сотни скалистыхъ горныхъ вершинъ и гребней тянутся по сторонамъ дороги узкимъ ущельемъ. Между ними вьются безчисленныя, едва-едва замѣтныя тропинки, извѣстныя однимъ текинцамъ. Скалы изрѣдка покрыты тощими, чахлыми деревьями, на подобіе нашего можжевельника. Впослѣдствіи я слышалъ отъ нашей охотничьей команды, которая здѣсь разгуливала для обезпеченія пути, что въ глуши ущелій есть большія лѣсныя рощи, но самъ я ихъ не видалъ.

Былъ вечеръ, когда мы подошли къ Бендесенской долинѣ. Она была съ версту ширины и покрыта густой зеленой травой. За долиной тянулись отроги тѣхъ-же самыхъ Копетъ-Дагскихъ горъ.

При выходѣ изъ ущелья, я примѣтилъ влѣво отъ дороги на откосѣ горы, маленькую пещеру. Къ ней вилась узенькая тропинка. Подъѣхавъ ближе, я увидѣлъ въ скалѣ неглубокую впадину, прикрытую съ наружной стороны глиняной стѣнкой, въ которой были устроены бойницы для ружей. Чтобы войти въ пещеру, нужно было слѣзть съ лошади. Дно

ея было покрыто свѣжимъ конскимъ пометомъ и ячменемъ. Здѣсь очевидно еще недавно были хищники. Не изъ этого-ли, думаю, гнѣзда былъ убитъ казакъ? Бойницы изъ стѣнки глядѣли какъ разъ на то мѣсто дороги, гдѣ его подстрѣлили.

Близь ущелья, мы увидѣли транспортъ, расположившійся на отдыхъ. Войсковой старшина Дьяковъ съ офицерами сидѣли въ палаткѣ и пили чай. Я представился имъ, выпилъ чашку чаю и затѣмъ спросилъ: не можетъ-ли кто указать мнѣ мѣсто, гдѣ убитъ Студитскій. Нѣсколько офицеровъ предложили свои услуги, и мы пошли смотрѣть. Мѣсто стычки было какъ разъ напротивъ того мѣста, гдѣ остановился транспортъ, саженей за сто.

— Вотъ, ваше благородіе, здѣсь дохтура убили, вотъ и кровь ихъ, тутъ они и упали,—объясняетъ мнѣ низенькій молоденькій казакъ, съ рыжими усиками, который, узнавъ, зачѣмъ мы шли, побѣжалъ впередъ и, поднявшись саженей двадцать по крутой горѣ, остановился около двухъ большихъ камней.

— Ты почему знаешь, развѣ ты былъ съ докторомъ? спрашиваю я.

— Такъ точно,—отвѣчаетъ казакъ.—Они, ваше высокоблагородіе, ничего,—остались-бы живы, потому здѣсь, за камнями, текинцамъ съ нами ничего не подѣлать,—да браниться стали нехорошими словами, кричать:—Валяй ихъ, такихъ-сякихъ!—и захотѣлось имъ изъ-за своего камня, гдѣ со мной сидѣли, вылѣзть и перебраться вотъ за этотъ большой, гдѣ наши остальные сидѣли. Только приподнялись, какъ ихъ тутъ наповалъ и убило. Только они и успѣли крикнуть:—Братцы, женѣ моей кланяйтесь!—за бокъ схватились и упали. У нихъ, говорятъ, жонка молодая осталась,—сумрачно добавилъ казакъ вполголоса, очевидно недовольный Студитскимъ, что тотъ бранился и тѣмъ, по его мнѣнію, накликалъ на себя бѣду.

Вершины камней, гдѣ скрывались наши, были покрыты бороздами отъ непріятельскихъ пуль. Ясно было, что текинцы, близехонько засѣвшіе, мѣтили какъ разъ въ головы казаковъ, высовывавшихся при стрѣльбѣ. Но какъ ни отчаянно защи-

щались казаки, они все-таки неминуемо погибли-бы отъ утомленія и недостатка воды, если-бы въ это время не подоспѣла на выручку рота солдатъ, возвращавшаяся изъ Бами въ Хаджамъ-Кала. Текинцы какъ только завидѣли роту, моментально скрылись.

Еще разсказалъ мнѣ казакъ, что одинъ изъ его товарищей, въ ту минуту, какъ уже имъ пришлось очень плохо, осторожно спустился съ горы, ведя лошадь въ поводу, вскочилъ въ сѣдло и понесся долиной въ Хаджа-Кала — дать знать о случившемся. Пока текинцы опомнились отъ неожиданности, казакъ былъ уже далеко. Они бросились въ погоню, долго гнались за нимъ, но тотъ благополучно ускакалъ. Не желалъ-бы я очутиться въ такомъ положеніи: споткнись конь, потеряй одно мгновеніе, и пропалъ, пощады не жди.

Я кругомъ обошелъ мѣсто этой стычки. На гребнѣ горы, у самаго ската, на твердой желтоватой почвѣ, усѣянной мелкими камешками, лежалъ убитый текинецъ; изъ прострѣленной головы вытекло много крови, и она запеклась на землѣ темнымъ пятномъ. Бѣлая мохнатая папаха валялась по близости. Казакъ толкнулъ трупъ ногой, и онъ медленно, точно нехотя, покатился подъ гору, размахивая окостенѣвшими растопыренными руками, то показывая свое смуглое бородатое лицо, то снова отворачиваясь.

Возвратившись назадъ, я пошелъ взглянуть на транспортъ. Онъ уже располагался на ночлегъ, верблюдовъ развьючивали, вожаки туркмены сидѣли около горящихъ костровъ и варили рисъ. Вскорѣ стемнѣло и мы всѣ улеглись отдохнуть.

Въ походѣ я не могъ долго спать, и просыпался вообще очень рано. Такъ и теперь. Не знаю, много-ли прошло времени, проснулся, смотрю сквозь раскрывшіяся дверцы отсырѣвшей палатки, уже разсвѣтаетъ. Дьяковъ и другіе офицеры еще спятъ. Я тихонько выхожу изъ палатки. Дьяковъ испуганно сдергиваетъ съ своей сѣдой головы одѣяло, которымъ-было закрылся сглуха, быстро вскакиваетъ и выходитъ за мной. Свѣжій утренній воздухъ такъ и пробиваетъ наши легонькіе бешметы.

— Пора подыматься, говоритъ Дьяковъ вполголоса, чешетъ затылокъ, зѣваетъ, затѣмъ подпираетъ руками свою коренастую полную фигуру въ боки, точно не принявъ такой позы онъ и приказанія не могъ отдавать, кричитъ своимъ хохлацкимъ выговоромъ:

— Горнистъ, горнистъ!

Невдалекѣ, изъ-за ружейныхъ козелъ, приподымается солдатъ, спиной къ намъ; накинутая шинель съѣхала на бокъ. Онъ поправляетъ ее, надѣваетъ кэпи, беретъ свой мѣдный „струментъ“, и отправляется къ палаткѣ начальника транспорта.

— Играй по возамъ,—кричитъ Дьяковъ.

Горнистъ останавливается, сплевываетъ въ сторону, прилаживаетъ инструментъ ко рту, и черезъ нѣсколько секундъ далеко раздается въ общей тишинѣ продолжительная заунывная первая нота этого сигнала:

Ти-и-и-и-и... ти-та-ти и т. д.

Какое-то особенное впечатлѣніе производилъ на меня всегда въ походѣ этотъ первый протяжный звукъ. Все спитъ, все покоится безмятежнымъ сномъ, а горнистъ старается, наигрываетъ. Вотъ онъ кончилъ; продрогнувъ отъ холода, подергиваетъ плечами шинель и быстро скрывается за ружьями. Дьяковъ и я снова ложимся на свои мѣста, и дожидаемся, что вотъ лагерь сейчасъ начнетъ подыматься. Но проходитъ, пожалуй, добрыхъ полчаса, а нигдѣ неслышно никакого движенія. Намъ самимъ тоже не хочется вставать и сладко дремлется! Но, наконецъ, Дьяковъ опять выскакиваетъ изъ палатки и снова кричитъ:

— Горнистъ, горнистъ!

— Чего изволите, ваше скородіе?

— Что-же ты, игралъ? спрашиваетъ начальникъ, хотя самъ ясно слышалъ, какъ тотъ игралъ.

— Игралъ!

— Такъ худо игралъ, играй еще.

И начальникъ транспорта возвращается назадъ въ палатку. Черезъ минуту опять раздается:

«Ти-и-и-и... ти-та-ти и т. д.

Черезъ полчаса мы сидимъ съ Дьяковымъ, поджавъ ноги по-турецки, и пьемъ чай; къ намъ сбираются остальные офицеры и подсаживаются согрѣться чайкомъ. Солнечные лучи уже падаютъ на долину и скоро доберутся и до насъ. Кругомъ раздается оглушительный ревъ верблюдовъ: ихъ навьючиваютъ. Животныя лежатъ, подогнувъ подъ себя ноги, и какъ-бы желая показать, что имъ не нравится навьючиваніе, жалобно поворачиваютъ уродливыя головы то въ ту, то въ другую сторону и отчаянно ревутъ.

— Горнистъ, играй наступленіе! снова кричитъ Дьяковъ.

Онъ уже верхомъ на толстой и такой-же должно быть старой лошади, какъ онъ и самъ, объѣзжаетъ транспортъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ и горниста. Навьюченные верблюды поднялись на ноги и скопившись въ одно огромное стадо, кто куда мордой, смирно стоятъ и пережовываютъ жвачку. Нѣкоторые-же изъ нихъ лежатъ безъ вьюковъ, и какъ ихъ вожаки ни тычутъ въ бока, они не подымаются, а только жалобно ревутъ. Эти верблюды ослабѣли, и больше ужь не служаки: они пролежатъ еще нѣсколько дней, не сходя съ мѣста и такъ и издохнутъ.

Вожаки туркмены, собравшись въ кучки, сидятъ на корточкахъ и жадно курятъ изъ деревянныхъ кальяновъ самаго примитивнаго устройства. Прижавъ отверстіе кальяна къ своему усатому рту, туркменъ съ такимъ азартомъ и съ такой силой втягиваетъ въ себя дымъ, что только можно удивляться крѣпости его легкихъ. Раздается сигналъ наступленія:

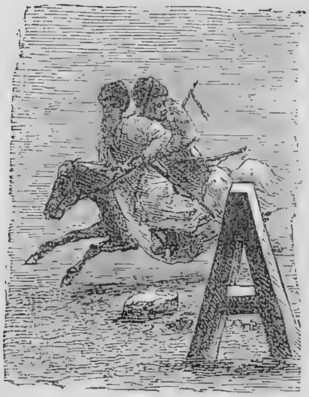
«Та-ті̀ та-та̀
Та-ті̀ та-та̀
Та-ті̀! та-ті̀....

Я посылаю часть моихъ казаковъ въ авангардъ, другихъ— въ боковые разъѣзды, самъ-же остаюсь съ Дьяковымъ, пока

вытянется весь транспортъ. Пѣхота еще не вся выстроилась и торопится стать въ шеренгу. Орудіе со звономъ трогается, гремя колесами. Вожаки въ черныхъ мохнатыхъ шапкахъ и коричневыхъ халатахъ, одинъ за другимъ, неслышно ступаютъ своими крючковатыми сапогами, держа въ рукахъ поводки верблюдовъ. Много, много верблюдовъ! Гдѣ тутъ справиться одной ротѣ, если непріятель вздумаетъ напасть, разсуждаю я, глядя на эту безконечную линію транспорта. Головные верблюды должны были подходить къ самому перевалу, когда аріергардная полурота, всего человѣкъ тридцать, поплелась за транспортомъ.

ГЛАВА IV.

6-го іюля. Въ первый разъ подъ Геокъ-Тепэ.



Ахалъ-текинскій оазисъ тянется отъ сѣверо-запада къ юго-востоку узкой длинной полосой, слишкомъ на двѣсти верстъ, если считать отъ Кизилъ-Арвата до Асхабада. Ширина его измѣняется отъ 5 до 10-ти верстъ. Аулы раскинуты на немъ, смотря потому, гдѣ есть вода. Гдѣ только съ горъ течетъ ручеекъ черезъ оазисъ, тутъ, смотришь, гдѣ-нибудь непремѣнно бѣлѣетъ маленькое поле пшеницы и темнѣютъ кучки фруктовыхъ деревьевъ; между деревьями возвышаются сѣрыя глиняныя калы съ башенками, соединяющимися между собой цѣлой сѣтью различныхъ глиняныхъ стѣнокъ и валиковъ. Стѣнки вышиной гдѣ въ аршинъ, гдѣ въ два, а гдѣ и выше сажени. Сначала мнѣ казалось страннымъ, какъ могъ здѣсь рости хлѣбъ, при этой жарѣ и засухѣ; но затѣмъ я узналъ, что жители окапываютъ свои маленькія поля валикомъ и образовавъ изъ поля какъ-бы сосудъ, отводятъ въ него изъ ручья воду. Вода долго стоитъ, напитываетъ почву и когда начинаетъ высыхать, то въ сырую землю бросаютъ сѣмена и урожаи бываютъ удивительно хороши. И чѣмъ дальше мы подвигались на

югъ, тѣмъ сильнѣе я убѣждался, что не даромъ эта узкая полоса земли называется оазисомъ.

1-го іюля, на закатѣ солнца, возлѣ бамийскаго лагеря выстроился нашъ небольшой отрядъ, состоящій изъ взвода саперъ, 3-хъ ротъ пѣхоты, 4-хъ сотенъ казаковъ, 4-хъ девятифунтовыхъ дальнобойныхъ орудій, 4-хъ картечницъ, конногорнаго взвода и ракетной команды, всего около 800 человѣкъ. Отрядъ направляется, подъ личнымъ начальствомъ Скобелева, къ сторонѣ Геокъ-Тепэ, чтобы осмотрѣть мѣстность, и, если возможно, пожечь хлѣбъ на корню, захватить скотъ и вообще какъ можно болѣе нанести непріятелю вреда. Главное-же — нагнать на него страхъ, такъ какъ непріятель, по выраженію Скобелева, сталъ „дерзокъ“ и, по слухамъ, самъ сбирался напасть на насъ.

Мы выступили поздно вечеромъ. Всю ночь шли скорымъ шагомъ и на разсвѣтѣ, не доходя верстъ десять до аула Арчмана, нашъ авангардъ, состоявшій изъ казаковъ и джигитовъ, замѣтилъ непріятеля и погнался за нимъ. Генералъ, въ сѣренькомъ лѣтнемъ пальто въ рукава, окруженный офицерами и конвоемъ осетинъ, пускается за авангардомъ рѣзвой иноходью на своемъ бѣломъ жеребцѣ „Шейповѣ“ *). Моя лошадь хотя и шибко могла идти рысью, но теперь безпрестанно сбивается вскачь. Туча пыли подымается за нами. Уже мы съ полчаса ѣдемъ такъ быстро. Разговоровъ не слышно, только звонъ подковъ о сухую глинистую почву, да фырканье вспотѣвшихъ лошадей нарушаютъ тишину. Чѣмъ дальше мы скачемъ, тѣмъ шибче и шибче. Ни ровики, ни глиняные валики не удерживаютъ насъ. Я, кое-какъ пробившись между офицерами, съ магазиннымъ ружьемъ за плечами, стараюсь не отстать отъ Скобелева. А генералъ все подшпориваетъ, да подшпориваетъ своего коня, который, весь темный отъ поту и пыли, приложилъ уши и такъ быстро переваливается съ боку на бокъ и перебираетъ ногами, что едва можно замѣтить. Генералъ откинулъ немного худощавое туловище и, слегка

*) На этой лошади Скобелевъ былъ еще въ Турціи во время Шейновскаго сраженія, почему она и получила свое имя.

покачиваясь, точно въ люлькѣ, серьезный и, какъ всегда въ такія минуты, поджалъ немного губы.

Впереди слышатся рѣдкіе ружейные выстрѣлы. И вотъ, сквозь разсѣявшіяся облака пыли, мы видимъ разбросанныя глиняныя постройки и среди нихъ маленькій зеленый садъ. Это аулъ Арчманъ. За нимъ, на горизонтѣ, между клубами пыли, можно было различить нѣсколькихъ всадниковъ, спасавшихся въ карьеръ. Аулъ пустой. Генералъ сдерживаетъ коня и шагомъ направляется къ саду. Разскакавшійся, было, конвой и офицеры стягиваются понемногу. Я ѣду позади генерала. Въ эту минуту, размахивая локтями, подскакиваетъ къ намъ джигитъ туркменъ, въ грязномъ замасляномъ халатѣ, торжественно поднявъ надъ головой какой-то мѣшокъ; развязываетъ его, и съ сіяющимъ лицомъ вытаскиваетъ отрубленную голову текинца. Генералъ съ отвращеніемъ отворачивается и кричитъ ѣхавшему рядомъ съ мной поручику Ушакову: Дайте джигиту 3 рубля. Ушаковъ немедленно достаетъ изъ сумки 3 серебряныхъ рубля и отдаетъ ихъ туркмену. Тотъ какъ ни въ чемъ не бывало, беретъ деньги, прячетъ свои трофеи обратно въ мѣшокъ и совершенно счастливый скачетъ прочь.

Отрядъ располагается въ Арчманѣ на дневку. Настаетъ полдень, а съ нимъ и жара. На солнцѣ навѣрное больше 50-ти градусовъ. Мы всѣ обливаемся потомъ. Такъ какъ, для легкости, ни офицерамъ, ни солдатамъ не велѣно было брать палатокъ, поэтому всякій, конечно, стремился усѣсться въ тѣни. Я-же успѣлъ-таки захватить изъ Бами одно полотнище отъ своей палатки, и теперь натянулъ его на палку, снялъ черкеску, подложилъ ее подъ голову и преспокойно улегся. Немного погодя, беру бинокль и начинаю осматривать горы Капетъ-Дагъ, что тянутся вдоль оазиса въ верстѣ отъ насъ. Вонъ на одной плоской вершинкѣ сидятъ двѣ человѣческія фигуры и спокойно смотрятъ на насъ.

— Вѣдь это текинцы! Но что-же дѣлать — не гнаться-же за ними въ горы?

Пока такъ разсматриваю, вдругъ слышу надъ собой знакомый голосъ:

— Скажи, пожалуйста, какой хитрый, у него и тѣнь есть!— Смотрю, Скобелевъ подбѣгаетъ ко мнѣ, безъ кителя, съ маленькой подушечкой подъ мышкой, сгоняетъ меня съ мѣста и съ удовольствіемъ растягивается. Генералъ сначала-было улегся подъ деревомъ въ тѣни, но черезъ нѣкоторое время, тѣнь ушла и солнце стало допекать его. Я, очень довольный, иду къ товарищамъ подъ дерево и располагаюсь рядомъ съ ними.

Здѣсь мы пробыли цѣлый день. Дали отдохнуть пѣхотѣ, артиллеріи. Ночевали, а съ утра тронулись дальше.

Уже не помню, какой аулъ проѣзжалъ я, вижу, нѣсколько казаковъ показываются изъ-за глиняной стѣнки сада: они ѣдятъ виноградъ. Я беру у одного изъ нихъ кисточку, пробую, — виноградъ ничего себѣ, только кисловатъ немного. Посылаю своего казака нарвать, а самъ остаюсь на дорогѣ и дожидаюсь. Авангардъ весь впереди, мы остались одни. Я съ безпокойствомъ посматриваю по сторонамъ, слышу, кто-то ѣдетъ шибкой рысью. Оглядываюсь — казакъ. Позади его на сѣдлѣ кто-то сидѣлъ скорчившись, въ одной рубахѣ, голова бритая, лицо кофейнаго цвѣта и обхвативъ казака руками жалобно стоналъ.

— Это кого тащишь? спрашиваю я.

— Персіянина, ваше высокоблагородіе, плѣнный у текинцевъ былъ. Онъ скованный, бѣжать не можетъ; я вонъ ѣду мимо той сакли, а онъ и стонетъ. И проговоривъ это—казакъ галопомъ пускается догонять своихъ. Только отъѣхалъ нѣсколько шаговъ, какъ персіянинъ сваливается съ лошади и еще жалобнѣе начинаетъ стонать. Я подъѣзжаю къ нему, и вижу, что ноги его, повыше ступней, скованы толстыми кандалами, пальца въ два шириной. Кольца соединялись толстой желѣзной неподвижной перекладиной. При такихъ кандалахъ человѣкъ могъ дѣлать только очень маленькіе шаги. Кожа у персіянина на ногахъ была содрана, и изъ ранъ сочилась кровь. Я помогъ ему снова взобраться на сѣдло, и казакъ поскакалъ дальше.

Въ тотъ-же день мы пріѣхали въ аулъ Дурунъ. Подъѣзжая къ аулу, генералъ приказываетъ казакамъ и джигитамъ все жечь и истреблять. Не прошло пяти минутъ, какъ весь аулъ

запылалъ одновременно въ различныхъ мѣстахъ. Казаки, точно духи носились по аулу, подкладывали огни, раздували, разжигали и быстро скакали дальше. То же самое произошло съ полями пшеницы. Вскорѣ отъ большаго селенія ничего не осталось, кромѣ груды пеплу и угольевъ.

Хотя въ отрядѣ и говорили, что мы идемъ только на рекогносцировку, и не предполагали, чтобы можно было съ такими ничтожными силами двинуться къ Геокъ-Тепэ, но всякій, кто зналъ характеръ Скобелева, кто побывалъ съ нимъ въ сраженіяхъ, могъ заранѣе предсказать, что онъ не ограничится одной мирной поѣздкой, и непремѣнно пожелаетъ столкнуться съ непріятелемъ или, какъ любилъ выражаться Михаилъ Дмитріевичъ: „вызвать огонь". Непріятель-же все отступалъ и отступалъ, покидая аулы. Мы подвигались все ближе и ближе къ Геокъ-Тепэ.

Скобелевъ, какъ и слѣдовало ожидать, рѣшился столкнуться съ непріятелемъ. Въ это время мы находились отъ Бами въ 110-ти верстахъ.

Утро 5-го іюля. Погода все такая-же жаркая. Солнце обливаетъ насъ палящими лучами, и такъ сильно свѣтитъ, что глазамъ больно. Раскаленный воздухъ дрожитъ и переливается. Мы подымаемся на бугорокъ. Передъ нами стелется открытая долина. Внизу, верстахъ въ четырехъ, виднѣется кала Ягинь-Батырь. Вокругъ нее темнѣютъ густые, тѣнистые сады, пересѣкаемые множествомъ глиняныхъ стѣнокъ. Генералъ останавливается, слѣзаетъ съ лошади и смотритъ въ бинокль.

Отрядъ тѣмъ временемъ подтягивается. Онъ-было немного растянулся, а дальше надо идти густой колонной: непріятель близокъ. До Ягинь-Батырь-калы версты четыре, а тамъ всего двѣнадцать верстъ и само Геокъ-Тепэ, гдѣ скопилось все населеніе оазиса, по слухамъ тысячъ сорокъ текинцевъ. Есть надъ чѣмъ Скобелеву призадуматься: двигаться-ли дальше, или нѣтъ? У насъ всего 3 роты пѣхоты, да 3 сотни казаковъ.

Правда, есть и пушки, но не надо забывать, что восемь мѣсяцевъ тому назадъ, нашихъ три тысячи человѣкъ съ двадцатью пушками пытались штурмовать Геокъ-Тепэ, да и то ихъ со срамомъ прогнали, причемъ наши потеряли много убитыми и ранеными. И вдругъ, послѣ такого пораженія, явиться подъ тѣми-же стѣнами, съ такою горстью солдатъ, передъ врагомъ уже самоувѣреннымъ и гордымъ побѣдой? Не наглость-ли это? Не дерзкая-ли насмѣшка надъ непріятелемъ!

Генералъ все продолжаетъ смотрѣть на долину. Я тоже беру бинокль и смотрю. За Ягинь-Батырь-калой долина постепенно возвышается и образуетъ продолговатый гребень. Такъ вотъ за этимъ-то гребнемъ, въ одномъ мѣстѣ, на горизонтѣ, едва-едва очерчивается вершина темнаго кургана. Курганъ этотъ находится въ самой крѣпости Геокъ-Тепэ или, какъ ее текинцы называютъ, Денгиль-Тепэ.

Непріятеля пока не видно. Кругомъ все тихо и мертво. Офицеры столпились позади генерала, и тихонько разговариваютъ, а одинъ изъ нихъ, поручикъ Кауфманъ, досталъ откуда-то желтое противное насѣкомое, на подобіе огромнаго муравья, насадилъ на палочку и несетъ показывать генералу. Что генералъ отвѣтилъ Кауфману я не слыхалъ, такъ какъ не тѣмъ былъ занятъ; знаю только что это за насѣкомое: это фаланга, я ихъ много видалъ въ Яглы-Олумѣ. Укушеніе ея иногда бываетъ смертельно, а въ большинствѣ случаевъ оканчивается тѣмъ, что укушенное мѣсто сильно опухаетъ и болитъ мѣсяца два.

Черезъ часъ мы трогаемся дальше. Тутъ, помню, случилось слѣдующее. Какъ только мы двинулись съ холма и уже порядочно отошли, смотримъ, нашъ военный топографъ Сафоновъ, оставшись на холмикѣ, продолжалъ снимать на планъ мѣстность; позади стоялъ казакъ и держалъ въ поводу лошадь. Генералъ, увидѣвъ это очень разсердился и кричитъ: Что за безпорядокъ, пошлите ему сказать, что здѣсь не Россія, здѣсь шагу нельзя отставать отъ отряда.

Подъѣзжаемъ къ Ягинь-Батырь-калѣ. Она оказывается пустая. Отрядъ занимаетъ ее и располагается въ садахъ.

Я поскорѣй отдаю свою лошадь казаку, скидаю съ себя все, что было лишняго, ружье, черкеску, шашку, беру бинокль и бѣгомъ направляюсь къ передней глиняной стѣнкѣ, взбираюсь на нее и съ жадностью смотрю впередъ. Отсюда, на горизонтѣ, уже гораздо отчетливѣе виднѣется сѣрая вершина кургана. Долина вся покрыта рѣдкимъ, выгорѣвшимъ отъ солнца, буроватымъ саксауломъ. Вправо, верстахъ въ двухъ, тянутся все тѣ-же горы Капетъ-Дагъ; влѣво—все тѣ-же безконечные, рыжеватые пески.

Въ это время, вблизи меня, образуется порядочная толпа офицеровъ, солдатъ и казаковъ. Всѣ они подошли къ стѣнкѣ, чтобы посмотрѣть, не видно-ли текинцевъ.

— Воо-о-онъ текинцы! восклицаю я, продолжая глядѣть въ бинокль.—Вонъ еще, еще, ой-ой, сколько ихъ оттуда выползаетъ.

— А лѣвѣе-то, маіоръ, видите, сколько ихъ показывается за той калой, говоритъ мнѣ, баситымъ голосомъ, красивый, молодцоватый капитанъ Полковниковъ, съ большими усами, въ бѣломъ кителѣ, съ шашкой черезъ плечо. Онъ взобрался рядомъ со мной на стѣнку и тоже смотритъ въ бинокль.

Изъ-за гребня холма, точно муравьи, начинаютъ появлятся текинцы, все конные. Они длинными, темными вереницами спускаются немного въ нашу сторону, останавливаются верстахъ въ пяти, слѣзаютъ съ лошадей и сбираются въ кучи, разсуждать, вѣроятно, о нашей смѣлости. Вотъ двое, похрабрѣе, подбираются къ намъ очень близко и останавливаются. Я впиваюсь въ нихъ глазами. Тотъ, что поближе, сидитъ на превосходной буланой лошади. Черная борода его вокругъ смуглаго лица ярко оттѣняется высокой мохнатой бѣлой папахой; халатъ свѣтло-коричневый, черезъ плечо шашка, за спиной ружье съ рогатками. Онъ внимательнымъ, гордымъ взглядомъ осматриваетъ лагерь. Но вотъ изъ передовой цѣпи кто-то выстрѣлилъ въ нихъ. Оба текинца, точно ужаленные, бросаются въ стороны, затѣмъ останавливаются, еще разъ пристально смотрятъ на лагерь, и широкимъ, растяжнымъ галопомъ направляются къ своимъ, размахивая локтями, какъ крыльями, точь-въ-точь какъ наши мужики.

По мѣрѣ того, какъ текинцы выползаютъ изъ своего гнѣзда, позади меня раздаются восклицанія:

— Экъ ихъ сколько валитъ, братецъ-ты мой! Сила, да и только! Ровно муравьи, кишмя кишатъ!

— А на курганѣ-то видишь?—говоритъ казачій урядникъ своему товарищу.

— Гдѣ на курганѣ?

— Да вонъ, что возлѣ горъ, вонъ, направо-то. И указываетъ плетью.

Я тоже смотрю по указанному направлемію, и вижу невысокій курганчикъ. Его плоская вершина вся покрыта пѣшими и конными текинцами.

— И гдѣ намъ тутъ съ ними справиться!.. слышатся возгласъ. Много-ли насъ, всего-ничего, а ихъ вишь сила какая! Тышчи (тысячи)!

Въ это время проходятъ мимо меня два молоденькихъ офицера, одинъ высокій, хорошенькій брюнетъ, другой низенькій, некрасивый, съ толстыми губами, въ очкахъ. Они толкуютъ между собой:

— Три роты, развѣ этого довольно?.. Что три роты!.. Казаковъ текинцы не боятся. Только отстань они отъ пѣхоты, такъ ихъ сейчасъ и изрубятъ!

— Да, конечно, поддакиваетъ другой, только на орудія, да на пѣхоту и надежда.

Кучка пѣхотинцевъ въ бѣлыхъ рубахахъ, подпоясанныхъ ремешками, стоитъ въ сторонкѣ и тоже разсуждаетъ. Одинъ изъ нихъ зѣваетъ, крестится и вполголоса смиренно говоритъ:

— Помоги Господи нашему генералу уйти отсюда по добру, по здорову. Экъ ихъ какая сила, все валитъ да валитъ, и конца нѣтъ!

Другой солдатикъ, низенькій, черненькій, усатый, приставивъ ладонь къ козырьку, чтобы удобнѣе защищаться отъ солнца, смотритъ на толпы непріятеля и, постоявъ немного, съ недовольнымъ видомъ уходитъ, ворча себѣ что-то подъ носъ. Изъ его ворчанья я слышу только слова:—„Востры были и до него, да...“

Текинцы, видя, что съ нашей стороны нѣтъ никакого движенія, спокойно сидятъ и разсуждаютъ. Стѣнка, гдѣ я стою, понемногу пустѣетъ, публика расходится. Я тоже отправляюсь въ садъ и нахожу своихъ товарищей подъ деревомъ. Они всѣ улеглись отдохнуть.

Неподалеку, подъ другимъ деревомъ, ходитъ Скобелевъ, безъ фуражки, китель растегнутъ; георгіевскій крестъ на черномъ галстукѣ ярко выдѣляется. Дѣлая жесты руками, онъ что-то диктуетъ полковнику Гродекову. Тотъ старательно пишетъ, изрѣдка поправляя очки; иногда-же прерываетъ работу, снимаетъ фуражку, прикладываетъ указательный палецъ къ лысинѣ и, нажимая имъ, заставляетъ скатываться потъ на землю, послѣ чего снова принимается за работу.

— Верещагинъ! слышу голосъ генерала.—Я вскакиваю, наскоро натягиваю черкеску, надѣваю шашку и бѣгу.

— Вамъ конечно извѣстно, что мы завтра предпринимаемъ рекогносцировку Геокъ-Тепе. Вы-же останетесь здѣсь, запретесь вонъ въ той калѣ съ командой, и въ случаѣ нападенія должны защищаться во что-бы то ни стало. Я на васъ полагаюсь. Не забудьте, что кала будетъ служить намъ базой. Вотъ вамъ предписаніе. Ступайте, займитесь укрѣпленіемъ и разчисткой эспланады.

Я отправляюсь къ себѣ подъ дерево и читаю предписаніе. Оказывается, что въ мое распоряженіе назначались полурота красноводскаго баталіона, затѣмъ конюха, денщики, прислуга, больные и слабые, и такъ какъ у всѣхъ ихъ были ружья, то всего набралось 70 винтовокъ. Глиняныя стѣны калы, толщиной около аршина, представляли отличное прикрытіе отъ пуль, но онѣ были слишкомъ высоки, аршина 4 или 5, поэтому пришлось устраивать подмостки, съ которыхъ можно было-бы стрѣлять черезъ стѣны. Всю ночь съ моей командой я возился и устраивался. Мы подтащили къ стѣнамъ фургоны, нагородили на нихъ тесины, балки, деревья, сдѣлали разныя приспособленія; разчистили эспланаду саженей на 50, т. е. разломали ближайшія стѣнки, срубили деревья; такъ что непріятель уже не могъ къ намъ подползти незамѣченный. Ворота

завалили чѣмъ попало, и такъ спѣшили, что ко времени выступленія отряда кала была вполнѣ готова для встрѣчи непріятеля. На одинъ уголъ стѣны, къ сторонѣ песковъ, поставили картечницу, которой командовалъ гардемаринъ Майеръ. Воды запасли на цѣлые сутки, и она стояла въ ротныхъ котлахъ посреди калы, прикрытая отъ солнца прокоптѣлыми грязными войлоками, которые мы нашли въ той-же калѣ.

За работой ночь прошла незамѣтно. Въ четвертомъ часу утра я уже сижу на стѣнкѣ, выходящей фронтомъ къ горамъ, и смотрю, какъ нашъ отрядъ выступаетъ изъ садовъ. Все, что могло стѣснить его, оставлено въ калѣ: всѣ лишнія вьючныя лошади, повозки и фургоны. Вообще отрядъ былъ сформированъ такъ, что мгновенно могъ быть поворочень въ любую сторону.

Отрядъ вытянулся сплошной колонной, и тихо, безъ шуму, приближается къ кургану, что находился верстахъ въ трехъ отъ насъ. Нѣсколько десятковъ джигитовъ, съ Нефесъ-Мергеномъ во главѣ, скачутъ впереди *). Я всматриваюсь въ бинокль и вижу, что за курганомъ, въ тѣни, совершенно незамѣтно для отряда, притаплась большая партія текинцевъ. Я боюсь, что они неожиданно выскочатъ на нашихъ и произведутъ переполохъ. Напрасное опасеніе: джигиты молодцы! Они совершенно какъ ищейки напали на слѣдъ прижавшагося непріятеля и обнаружили его.

Необыкновенно стремительно выносятся текинцы изъ-за кургана. Въ нихъ съ шумомъ летитъ маленькій, черненькій ракетный снарядъ, оставляя за собой во воздухѣ дугообразный бѣлый хвостъ, за нимъ другая граната, третья и непріятель поворачиваетъ и скачетъ назадъ.

Какъ только тронулся нашъ отрядъ изъ Ягинь-Батырь-калы, съ кургана Денгиль-Тепэ раздается глухой, раскатистый

*) Нефесъ-Мергенъ, туркменъ, очень лихой и бравый. Онъ сопровождалъ Скобелева еще въ его туркестанскихъ походахъ.

пушечный выстрѣлъ *). Съ кургана поднимается, точно облако, бѣлый клубъ дыму. Выстрѣлъ этотъ—вѣстовой; онъ служитъ сигналомъ тревоги, за нимъ всѣ защитники Геокъ-Тепэ должны спѣшить навстрѣчу врагу. И дѣйствительно, не прошло часу, какъ вся долина передо мной покрывается всадниками, да какими чудными, красивыми всадниками! Вотъ я на минутку оставляю отрядъ и смотрю влѣво къ пескамъ, и тамъ текинцы, смотрю вправо къ горамъ—и тамъ тоже текинцы. Ищу нашъ отрядъ,—гдѣ онъ, не могу найти, онъ потерялся, какъ челнъ въ морскихъ волнахъ! Во-о-отъ онъ, должно быть! И я вижу, какъ отъ одной темной кучки, окруженной разсѣявшимися всадниками, мелькаютъ во всѣ стороны пушечные огни и поднимаются клубы дыму. Мнѣ, съ вышины, удивительно хорошо было наблюдать это зрѣлище. Никогда ни одно большое сраженіе въ турецкой кампаніи не производило на меня такого впечатлѣнія.

Воздухъ чистъ, прозраченъ и настолько свѣжъ, что дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Только-что показавшееся изъ-за красноватыхъ песковъ золотистое солнце рѣзко очертило передо мной, на темно-синемъ небѣ, зубчатыя вершины скалистыхъ горъ. Возлѣ меня все тихо. Гарнизонъ, собравшись на передней стѣнкѣ, съ замираніемъ сердца смотритъ и прислушивается. Въ нѣсколькихъ верстахъ передъ нимъ тысячи текинцевъ, тѣхъ самыхъ, которые еще такъ недавно порубили сотни нашихъ солдатъ, какъ бѣшеные, крутятся возлѣ отряда, визжатъ, кричатъ, то сбираются въ кучи, то опять разлетаются. Они какъ-бы заранѣе увѣренные въ легкой побѣдѣ, видимо очумѣли отъ радости: вотъ какая отличная добыча идетъ имъ прямо въ руки!

Здѣсь я долженъ прибавить, что до этого дня, изъ всѣхъ разсказовъ, слышанныхъ мною о текинской конницѣ, объ удивительной легкости и выносливости ихъ лошадей, я составилъ пред-

*) У текинцевъ была въ крѣпости одна пушка, отнятая ими у персовъ, и помѣщалась въ центрѣ крѣпости, не курганѣ. Изъ нея стрѣляли каменными ядрами.

ставленіе, что это какая-то страшная, непобѣдимая сила. Недавное пораженіе нашихъ войскъ подъ Геокъ-Тепэ сильно настроило воображеніе нашего отряда. Замѣтно было, что какъ солдаты, такъ и нѣкоторые офицеры, неособенно-то сочувствовали этой рекогносцировкѣ и не ожидали благополучнаго исхода. Но Скобелевъ не даромъ послужилъ въ Туркестанѣ. Онъ хорошо изучилъ азіятовъ и былъ увѣренъ, что крѣпко сплоченный отрядъ, хотя и небольшой, но руководимый опытнымъ начальникомъ, непобѣдимъ для текинцевъ. Они были слишкомъ легки, неустойчивы, недостаточно дружны, чтобы, не взирая на ружейные залпы и пушечные выстрѣлы, могли броситься въ атаку на пѣхоту и врубиться въ нее. Кромѣ боязни лично за самихъ себя, текинцы чрезвычайно опасались потерять своихъ чудесныхъ дорогихъ коней.

Вотъ, съ лѣвой стороны отряда, скопляется цѣлая туча текинцевъ—больше, больше, больше, уже она готова броситься на отрядъ, готова совершенно задавить его. Сердце мое замираетъ, кровь застываетъ въ жилахъ.—Отрядъ на минуту останавливается, орудія быстро поворачиваются, лошади отъѣзжаютъ прочь, мелькаютъ огни, клубы дыма вспыхиваютъ, и я отчетливо вижу, какъ въ прозрачномъ, утреннемъ, еще не нагрѣвшемся воздухѣ, разрывается шрапнель. Но едва только мелькнулъ огонекъ въ первомъ орудіи, едва только дымъ показался, а шрапнель еще и не думала разрываться, какъ вся аттакующая масса съ воемъ поворачиваетъ назадъ и несется. Уже и шрапнель разорвалась въ воздухѣ бѣлымъ клубочкомъ, и дымки отъ пуль перестали куриться на землѣ, и артиллеристы снова на передки взяли орудія, а текинцы все еще продолжаютъ бѣшено скакать, съ ужасомъ оглядываясь и ожидая надъ головами своими осколковъ снарядовъ.

Только что артиллеристы успѣли отбить эту толпу, какъ уже со стороны горъ накопляется другая, еще грознѣе и темнѣе. Ихъ ножи въ зубахъ, шашки на-голо такъ и сверкаютъ на солнцѣ. „Алла, алла!“ ревутъ текинцы, и вотъ-вотъ готовы ринуться и уничтожить горсть храбрецовъ.

Но огни снова мелькаютъ, и снова въ воздухѣ, надъ го-

ловами текинцевъ, появляются бѣлые красивые клубочки отъ разорвавшейся шрапнели. Точно подхваченная вѣтромъ, летитъ назадъ текинская кавалерія, съ той-же бытротой, но не съ тѣмъ-же счастіемъ: нѣсколько лошадей, потерявъ сѣдоковъ, мечутся въ разныя стороны, путаясь въ длинныхъ поводахъ. За ними бросаются одиночные текинцы, и не будучи въ состояніи изловить, съ крикомъ размахиваютъ руками и гонять лошадей прочь отъ отряда.

Я такъ увлекся этимъ зрѣлищемъ, что совершенно забылъ о томъ, что нахожусь не въ театрѣ, и смотрю не на панораму, а на дѣйствительное поле сраженія; и только раздавшійся за моей спиной крикъ гардемарина Майера: Господинъ маіоръ, вонъ тамъ тоже, кажется, текинцы, — заставилъ меня оглянуться. Я спускаюсь съ подмостковъ, перебѣгаю на другую сторону калы, гдѣ стояла картечница, и смотрю въ бинокль. Даже простымъ глазомъ можно было ясно видѣть, какъ двѣ огромныя партіи текинцевъ, на порядочной дистанціи одна отъ другой, тянулись вдоль песковъ. Каждая изъ нихъ занимала пространство больше, чѣмъ весь нашъ отрядъ. Я отчетливо вижу, что партіи эти идутъ совершенно правильно: впереди ѣдутъ начальники, выдѣляясь отъ прочихъ всадниковъ гордой осанкой, а по бокамъ ихъ ѣдутъ разъѣзды.

— Что за чудные у нихъ кони!—восклицаю я. Одинъ лучше другаго. Вонъ тотъ сѣрый, а этотъ гнѣдой, шерсть на нихъ такъ и блеститъ. А легки-то какъ! Совершенно какъ англійскіе, красивые, худощавые. Гдѣ-же нашимъ казакамъ гоняться за ними!—Все равно, что вѣтеръ въ полѣ ловить. Всѣ эти текинцы должно быть были въ какомъ-нибудь дальнемъ набѣгѣ, и теперь, извѣщенные о прибытіи русскихъ, торопятся поспѣть на помощь своимъ. Они идутъ то рысью, то шагомъ, то пускаются вскачь. Показавшееся съ этой стороны солнце ярко выдѣлило обѣ партіи, какъ два громадныя черныя пятна на желтоватомъ пескѣ. Тѣнь, отъ нихъ падала въ нашу сторону и мѣшала разсматривать отдѣльныхъ всадниковъ. Сначала текинцы были далеко отъ насъ, но затѣмъ настолько приблизились, что можно было различить масть ихъ лошадей.

— Г-нъ маіоръ, не попробовать-ли, пожалуй хватитъ!— говоритъ мнѣ гардемаринъ Майеръ, берясь за ручку барабана картечницы, когда текинцы, минуя калу, подошли еще ближе къ намъ.

— Пожалуй, попробуйте,—отвѣчаю ему, хотя я заранѣе увѣренъ, что пули не долетятъ.

Майеръ ведетъ ручкой съ полъ-круга и частая сухая трескотня раздается въ калѣ. Ближайшіе всадники останавливаются, съ удивленіемъ смотрятъ въ нашу сторону и какъ-бы прислушиваются, затѣмъ, убѣдившись, что въ нихъ летятъ пули, а не что другое, галопцомъ отъѣзжаютъ прочь, и продолжаютъ свое движеніе, не обращая на насъ никакого вниманія.

И такъ, съ этой стороны намъ не было удачи. Я опять перехожу на свое прежнее мѣсто и принимаюсь слѣдить за отрядомъ. Онъ уже почти дошелъ до того гребня холма, гдѣ скрывалось Геокъ-Тепэ. Я съ трудомъ его различаю. Окруженный непріятелемъ, отрядъ медленно двигается правой стороной оазиса около горъ; только бѣлые пушечные дымки неясно указываютъ гдѣ наши. Вотъ онъ подается еще немного, спускается за холмикъ, и скрывается изъ глазъ. Пока я видѣлъ отрядъ, то все былъ спокоенъ, но когда онъ скрылся, сердцемъ моимъ овладѣло непріятное чувство: не то тоска, не то опасеніе воротятся-ли наши благополучно? Главное, я боялся, чтобы не убили Скобелева. Пока онъ живъ, думаю, текинцамъ съ отрядомъ ничего не подѣлать, а если убьютъ, то пожалуй плохо будетъ. Весь гарнизонъ мой, какъ и я, продолжалъ пристально смотрѣть на то мѣсто, гдѣ скрылся отрядъ, и прислушивается, раздаются-ли еще пушечные выстрѣлы. Пока они гудятъ, можно быть спокойнымъ.

Въ это время возлѣ меня подымаются оживленные крики:

— Сюда, сюда, ей Богу сюда, къ намъ! Смотри, смотри!

Всѣ, даже больные и слабые, бросаются къ стѣнѣ узнать, что случилось.

Гляжу, близехонько, точно изъ земли выросли, скачутъ къ намъ пятеро текинцевъ. Я оборачиваюсь и кричу своимъ—

убрать со стѣнъ ружья, чтобы штыки не сверкали на солнцѣ. Авось, думаю, текинцы такъ близко подъѣдутъ, что ихъ можно будетъ снять съ лошадей. Всѣ они пятеро ѣдутъ очень спокойнымъ галопомъ, очевидно и не подозрѣвая, что сейчасъ наткнутся на насъ. Саженяхъ въ пятидесяти отъ калы протекаетъ ручеекъ.—Текинцы уже никакъ, думаю, не проѣдутъ, чтобы не напоить лошадей. И не ошибся. Все тѣмъ-же галопомъ приближаются они, все яснѣе видно, какъ размахиваютъ локтями; халаты у однихъ желтые, у другихъ коричневые; папахи бѣлыя. Передній, на высокой, красивой, сѣрой въ яблокахъ, лошади, держитъ въ правой рукѣ плеточку, и какъ-бы шутя крутитъ ею въ воздухѣ. Онъ первый останавливается у ручья, быстро соскакиваетъ, и начинаетъ поить лошадь, причемъ, держа въ рукѣ поводъ, и самъ припадаетъ на колѣни и пьетъ. Текинцевъ этихъ вѣроятно товарищи послали узнать, не идутъ-ли за русскимъ отрядомъ еще войска.

Такъ какъ дорога проходила мимо самой нашей калы, то я запретилъ людямъ стрѣлять, пока текинцы не поѣдутъ мимо насъ.—Тогда однимъ дружнымъ залпомъ, думаю мы всѣхъ ихъ разомъ подстрѣлимъ.

Сдѣлавъ шопотомъ такое распоряженіе, я бросаюсь внизъ за своей магазинкой. Но пока бѣгалъ, слышу надъ головой раздается выстрѣлъ; одинъ изъ солдатиковъ не утерпѣлъ и выстрѣлилъ и конечно мимо. За нимъ пошли стрѣлять и остальные—одинъ хуже другого. Когда я прибѣжалъ на свое мѣсто, то уже текинцы скакали въ разныя стороны; тотъ-же, что былъ на сѣрой лошади, карьеромъ несся мимо калы, пригнувшись къ сѣдлу. Я высовываюсь изъ-за стѣны, цѣлю ему въ спину, стрѣляю,—текинецъ свертывается на бокъ, но затѣмъ понемногу опять взбирается на сѣдло, и испуганно озираясь въ нашу сторону, продолжаетъ скакать въ такомъ положеніи, пока не скрылся за дальними деревьями сада. Лицо этого текинца какъ сейчасъ у меня передъ глазами: бронзоваго цвѣта, съ черной бородой и блестящими черными глазами. Очень хорошо помню, что когда увидалъ я приближающихся текинцевъ, въ особенности, когда они подъѣхали къ ручью и стали поить лашадей, сердце

мое такъ сильно запрыгало, такъ застучало отъ радости, что я невольно схватился за бокъ, боясь, что оно выскочитъ; когда-же они у насъ ускакали изъ-подъ носу, то мною овладѣла такая тоска, апатія, что я пошелъ къ себѣ въ шалашикъ, устроенный подъ фургономъ, легъ и съ горя заснулъ.

Спалъ я недолго, часа полтора. Жара стала одолѣвать меня. Вода въ котлахъ согрѣлась и сдѣлалась противной, а за свѣжей послать боюсь, какъ-бы текинцы не напали. Тѣмъ временемъ, орудійные выстрѣлы стихли, должно быть наши далеко ушли. Текинцевъ не видно, всѣ пропали.

Часовъ около 4-хъ пополудни, снова послышались пушечные выстрѣлы, затѣмъ изъ-за холма показался и самый отрядъ. Вокругъ него съ воемъ скакали и кружились дикіе текинцы, точно разъяренные псы вокругъ утомленной добычи. Отрядъ подвигался все въ томъ-же сомкнутомъ, сжатомъ строѣ, все такъ-же отстрѣливаясь во всѣ стороны. Непріятеля теперь уже далеко не такъ много, какъ было утромъ. Онъ уже не скучивается въ огромныя сплошныя толпы, а держится въ разсыпную. Большая половина изъ нихъ, очевидно, предпочла возвратиться къ себѣ въ Геокъ-Тепэ, потерявъ на этотъ разъ надежду сломить стойкость маленькаго русскаго отряда.

Чѣмъ ближе подвигался отрядъ къ калѣ, тѣмъ больше и больше покидалъ его непріятель. Солнце уже было не высоко. Отъ зубчатыхъ вершинъ горъ падали въ нашу сторону длинныя темныя тѣни, когда я выѣхалъ за сады Ягинь-Батырь-калы, навстрѣчу Скобелеву. Генералъ, въ грязномъ пыльномъ кителѣ, потный, загорѣлый, сидѣлъ уже не на сѣрой кобылѣ, на которой выѣхалъ съ утра,—ее уже ранили,—а на бѣломъ „Шейновѣ". Начальникъ штаба, конвой, офицеры ѣхали за нимъ, тоже усталые и пыльные, но всѣ счастливые и довольные. Отрядъ возвращался благополучно. За нимъ вдали все еще виднѣлось нѣсколько сотъ самыхъ назойливыхъ текинцевъ.

— Ну что, батенька, какъ у васъ, все благополучно? еще издали спрашиваетъ меня генералъ своимъ картавымъ, пріятнымъ голосомъ. — А я боялся за васъ, думалъ, что на васъ

тутъ напали и перерубили всѣхъ. По тону голоса я вижу, что генералъ былъ доволенъ исходомъ рекогносцировки.

— Опасный непріятель, батенька, опасный, а смѣлости не хватило броситься на насъ въ шашки и довести атаку до конца, прибавляетъ Скобелевъ, слѣзаетъ съ лошади и, разминаясь всѣми суставами, направляется черезъ садъ къ своему шалашу. За нимъ спѣшитъ слѣзть съ лошади полковникъ Гродековъ и направляется за генераломъ, причемъ дорогой безпрестанно спотыкается о корни деревьевъ и кустарниковъ, и поправляетъ на носу очки.

Я бѣгу за нимъ и кричу:—Здравствуйте, полковникъ!

— А, здравствуйте, Верещагинъ! Вы знаете, что̀ генералъ говорилъ мнѣ сейчасъ дорогой? весело восклицаетъ Гродековъ, здороваясь со мной: — Ну, ежели у Верещагина есть убитые или раненые, то его надо немедленно представить къ Георгіевскому кресту. Придавъ лицу вопросительное выраженіе, онъ улыбается и, еще разъ споткнувшись обо что-то, скрывается между деревьями.

Когда я услышалъ это, мнѣ еще болѣе стало досадно на тѣхъ пятерыхъ текинцевъ, которые ускакали у насъ изъ-подъ носу. Вотъ, думаю, кабы они теперь лежали около нашей калы, такъ и было-бы чѣмъ похвастать.

Во время рекогносцировки у насъ было двое убитыхъ и нѣсколько раненыхъ.

Надо сказать, что наканунѣ, одновременно съ тѣмъ, когда генералъ отдалъ мнѣ приказаніе относительно защиты калы, онъ призвалъ капитана Баранка и сказалъ ему: Вы сегодняшнюю ночь должны спать на ноль (т. е. совсѣмъ не спать). Текинцы непремѣнно нападутъ на насъ. Я вамъ поручаю ночные посты и секреты.—Затѣмъ генералъ обошелъ съ Баранкомъ сады, указалъ мѣста, гдѣ разставить сторожевую цѣпь, гдѣ расположить резервы. И какъ сады были слишкомъ обширны и мы не могли ихъ всѣ занять, поэтому, чтобы не

дать возможности непріятелю подползти къ намъ незамѣченнымъ, пришлось часть деревьевъ вырубить, такъ-что съ тылу образовалась площадь, которая и спасла насъ. Въ помощь Баранку для провѣрки постовъ были назначены: Ушаковъ, Кауфманъ, капитанъ Ланге и Эрдели. Первая ночь, какъ уже извѣстно, прошла благополучно. Наступила вторая.

Капитанъ Баранокъ пошелъ разставлять ночные посты, а я, Ушаковъ, Кауфманъ и Эрдели прилегли отдохнуть на маленькой прогалинкѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ генерала. Лагерь стихъ.

Такъ уже за-полночь, въ просоньѣ, слышу какіе-то отдаленные крики и завыванія,—э-э-э-эй-й-й, точно пастухи скотину загоняютъ.

Открываю глаза — смотрю: луна свѣтитъ, значитъ, еще ночь и спать еще можно. И, въ полной увѣренности, что это дѣйствительно пастухи кричатъ, снова засыпаю. Не знаю черезъ сколько времени, опять просыпаюсь: завыванія и крики раздаются сильнѣе, а луна все еще продолжаетъ свѣтить своимъ спокойнымъ, однообразнымъ, серебристымъ блескомъ. Оглядываюсь—Ушаковъ сидитъ подлѣ меня подъ деревомъ въ буркѣ и точно къ чему прислушивается; рядомъ съ нимъ сидитъ Кауфманъ, то-же съ какимъ-то тревожнымъ лицомъ. Въ эту минуту что-то шлепается подлѣ меня въ землю.

— Да вѣдь это пуля должно быть!—И я моментально отрезвляюсь отъ сна. Черезъ минуту, другая шлепается.

— Текинцы стрѣляютъ! — вполголоса и не мѣняя положенія, говоритъ мнѣ Ушаковъ.

— Гдѣ-же генералъ? надо его разбудить.

— Да Баранокъ, кажется, уже убѣжалъ къ нему.

Въ это время черезъ прогалинку, освѣщенную луной, прыгаетъ какая-то фигура на корточкахъ, точно кенгуру, стараясь добраться до противуположной стѣнки.

— Кто-бы это такой? — думаю и всматриваюсь хорошенько.

По фуражкѣ и по одеждѣ узнаю, что это былъ переводчикъ армянинъ, состоявшій при генералѣ. Блѣдный, испуган-

ный, боясь приподняться, онъ добирается до стѣнки и скрывается за ней. Тѣмъ временемъ крики и завыванія становятся все громче и слышнѣе. Они уже ясно переходятъ въ голоса.

— Вотъ тебѣ и скотину загоняютъ! Просто къ намъ текинцы подползли, воспользовавшись темнотой, разсуждаю про себя.

Между тѣмъ въ лагерѣ все тихо. Я иду искать Гродекова. Онъ лежалъ неподалеку отъ генеральской палатки и не спалъ, а только прислушивался.

— Что такое, что такое! Ей Богу? отрывочно восклицаетъ онъ, узнавъ отъ меня что̀ случилось. Вскакиваетъ и бѣжитъ искать генерала.

А Скобелева давно не было въ палаткѣ. Онъ вмѣстѣ съ Баранкомъ уже обѣжалъ по линіи, ободрилъ войска, и все приготовилъ для встрѣчи непріятеля. Пули начинаютъ частенько пролетать надъ головами. Съ нашей стороны хранится полное молчаніе. Кругомъ садовъ раздаются страшныя завыванія и перекликанье голосовъ.

Луна незамѣтно пропадаетъ, а съ нею вмѣстѣ пропадаетъ и смѣлость текинцевъ. Налѣво отъ насъ, холмистые пески начинаютъ покрываться золотистыми лучами зари. А черезъ часъ и солнце показывается

Текинцы, подобравшіеся-было къ намъ въ громадныхъ массахъ за ночь очень близко, нѣкоторые даже къ самой площадкѣ, которую прорубилъ Баранокъ, не рѣшились броситься черезъ нее. Встрѣченные здѣсь залпами, они поворотили назадъ. Съ разсвѣтомъ и другія толпы отступили и, отойдя съ версту, остановились и глазѣли на лагерь. Я пробираюсь сквозь виноградные кусты и вѣтви деревьевъ, еще покрытые обильной росой, и выхожу къ глиняной стѣнкѣ, обращенной къ сторонѣ песковъ. Рота солдатъ, разставленная цѣпью, положила ружья на стѣнку и изрѣдка стрѣляла залпами, по командѣ ротнаго командира, высокаго поджараго поручика, съ рыжимъ угреватымъ заспаннымъ лицомъ. Непріятель разсѣялся такъ, что съ перваго взгляда его кажется

много, а присмотришься—и стрѣлять не въ кого. Вчерашній бой очевидно научилъ ихъ, какъ надо держаться подъ огнемъ. Позади меня, изъ саду, раздается пушечный выстрѣлъ. По сильному гулу догадываюсь, что это изъ дальнобойнаго выстрѣлили. Я невольно радуюсь, услышавъ, какъ шрапнель, сначала легонько шурша и посвистывая въ воздухѣ, вдругъ точно раскалывается надъ головами непріятеля и обдаетъ ихъ свинцомъ.

Вонъ одинъ текинецъ, на рыжей лошади, покрытой отъ шеи до хвоста бѣлой войлочной кошмой, подъѣзжаетъ къ намъ ближе другихъ, слѣзаетъ и, не выпуская изъ рукъ повода, снимаетъ изъ-за спины ружье съ рогатками, присаживается на корточки и долго цѣлитъ въ нашу сторону. Наконецъ, порохъ вспыхиваетъ, бѣлый дымочекъ, курясь, на мгновенье застилаетъ его самого. Слабый, сухой звукъ выстрѣла едва долетаетъ до моего уха, а текинецъ все еще сидитъ на корточкахъ и какъ бы озадаченный, пристально всматривается, попалъ онъ или нѣтъ?

Куда ни взглянешь, вездѣ видишь одиночныхъ всадниковъ. Одни съ визгомъ и гикомъ скачутъ, помахивая плетьми; другіе стрѣляютъ, сидя на корточкахъ, возлѣ своихъ коней, третьи подсаживаютъ позади себя, на спины лошадей, пѣшихъ товарищей и въ такомъ положеніи несутся куда-то. Смѣшно было видѣть, когда такая пара проскакивала мимо насъ: задній текинецъ, крѣпко обнявъ своего покровителя, вмѣстѣ съ нимъ такъ старательно и съ такимъ сумрачнымъ видомъ размахивалъ локтями въ темпъ галопа, что подумаешь, они и не вѣсть какую работу работали.

Какъ только солнце взошло, отрядъ нашъ трогается въ обратный путь. Непріятель замѣчаетъ это, и ярость его удваивается. Мы направляемся сначала не по дорогѣ, а напререзъ черезъ оазисъ, къ пескамъ, чтобы поскорѣй выйти изъ садовъ и не дать возможности непріятелю стрѣлять въ насъ изъ-за прикрытія. Я пристально слѣжу за калой, гдѣ сидѣлъ наканунѣ. Текинцы долго не рѣшаются занять ее, боясь какой-либо засады. Но вотъ двое смѣльчаковъ осто-

рожно приближаются, осматриваютъ, заѣзжаютъ съ одной стороны, съ другой—тѣмъ временемъ остальные зорко слѣдятъ за ихъ движеніями. Смѣльчаки рѣшаются въѣхать во внутрь калы. Съ гикомъ бросаются за ними остальные, не проходитъ минуты, какъ уже въ насъ сыплются изъ-за стѣнъ тысячи пуль. Но недолго потѣшаются текинцы. Мы скоро выходимъ изъ-подъ огня и спокойно направляемся вдоль песковъ, на старую бамийскую дорогу.

ГЛАВА V.

Назадъ отъ Геокъ-Тепэ до Бами.

Текинцы насъ болѣе не безпокоили, и только небольшая партія слѣдила за нами еще верстъ десять. Мы двигались очень медленно. Къ вечеру отошли всего верстъ двадцать и остановились на ночлегъ у „Горькой воды“.

Помню, наступила ночь и я легъ спать, когда мимо меня пронесли хоронить двухъ солдатъ, убитыхъ во время рекогносцировки. Трупы были обернуты, за неимѣніемъ ничего другого, въ траву и древесныя вѣтви.

Объ этихъ похоронахъ разсказалъ мнѣ потомъ Баранокъ слѣдующее: Скобелевъ и нѣсколько офицеровъ присутствовали при церемоніи, которая происходила въ полной тишинѣ. Могилу сравняли, чтобы и слѣдовъ не было, такъ какъ Скобелевъ опасался, чтобы непріятель, находившійся по близости, по уходѣ нашемъ, не отрылъ тѣлъ и не надругался надъ ними. По окончаніи церемоніи, священникъ, который еще во время рекогносцировки находился въ сильномъ волненіи, и теперь, послѣ благополучнаго ея исхода, пришелъ въ веселое настроеніе, вдругъ вздумалъ сказать надгробное слово. Въ

концѣ рѣчи, указывая рукой на заровненную пескомъ могилу, онъ громко и плаксиво воскликнулъ:

— И слава человѣческая, аки дымъ преходящій!

Когда мы шли обратно съ похоронъ, продолжалъ разсказывать Баранокъ, Скобелевъ идетъ рядомъ со мной и говоритъ:

— Вѣдь вотъ, Алексѣй Никитичъ: подгулялъ попъ, а дѣло сказалъ: „И слава человѣческая, аки дымъ преходящій".

Два года спустя, генералъ обѣдалъ въ Москвѣ, въ гостинницѣ Дюссо и, обращаясь къ Баранку, сказалъ:

— А помнишь, Алексѣй Никитичъ: „И слава человѣческая, аки дымъ преходящій?" Черезъ четыре часа послѣ этого Скобелева не было въ живыхъ.

Но возвращаюсь къ своему разсказу.

Проѣзжая опять черезъ Дурунъ, я въ первый разъ увидалъ чрезвычайно высокіе столбы пыли и песку, подымаемые вѣтромъ. Вотъ близехонько отъ меня, на глинистой плоскости, начинаетъ крутиться песокъ, сначала едва замѣтно, и все на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Вотъ уже вихорь образуется въ видѣ небольшого тонкаго столбика, совершенно темнаго. Не могу понять, отчего это столбъ принимаетъ такой черный оттѣнокъ. Затѣмъ столбъ становится выше, выше, вихорь крутится все сильнѣе и сильнѣе и, повидимому, хочетъ упереться въ небо. У, у... какой высокій сталъ! Я уже порядочно далеко отъѣхалъ, а столбъ все стоитъ на томъ-же мѣстѣ. Издали онъ походилъ на подпорку между небомъ и землей. Кромѣ этого столба, по сторонамъ виднѣлось еще нѣсколько. Нѣкоторые изъ нихъ, достигши наибольшей высоты, тихонько двигались, оставляя за собой въ воздухѣ черную полосу, точно отъ гигантской пароходной трубы. Подвигаясь впередъ, столбъ становился постепенно ниже и ниже и затѣмъ исчезалъ. Но какъ только одинъ пропадалъ, смотришь—по близости подымался другой.

На другой день, дойдя до Дуруна, часовъ въ 10 утра, Скобелевъ поручилъ отрядъ старшему офицеру, а самъ съ сотней казаковъ и нѣсколькими штабными офицерами по-

ѣхалъ налегкѣ въ Бамй. Во время этого движенія намъ пришлось очень плохо за недостаткомъ воды. Въ одномъ мѣстѣ генералъ, чтобы сократить путь, направляется прямикомъ, безъ дороги. День точно нарочно выпалъ жарче обыкновеннаго. Воды нѣтъ ни у кого. До Беурмы, гдѣ былъ ближайшій ручей, верстъ 30; назадъ ѣхать—столько-же. Лошади устали, нейдутъ. Въ эту поѣздку я въ первый разъ понялъ, что значитъ остаться безъ воды въ жаркой степи. Джигитовъ генералъ всѣхъ услалъ впередъ розыскивать воду. Гродековъ, Эрдели, я, Баранокъ, Кауфманъ, Ушаковъ, всѣ ѣдемъ за генераломъ совершенно измученные. Мы уже и разговаривать перестали, у каждаго одна мысль въ головѣ: скоро-ли до воды доберемся? Признаюсь, кажется, если-бы еще часа два-три, я-бы не въ состояніи былъ ѣхать. А вѣдь прошло всего десять часовъ. Но вотъ вдали показывается джигитъ. Онъ скачетъ къ намъ. Я пристально всматриваюсь, нѣтъ-ли у него въ рукахъ сосуда съ водой. Нѣтъ, у него руки пустыя, но онъ машетъ намъ и кричитъ что-то: — Су-су-су, слышу я, т. е. вода! вода! Генералъ пускается галопомъ. Лошадь моя точно поняла въ чемъ дѣло и тоже поскакала. Оглядываюсь назадъ, изъ всей сотни казаковъ, выѣхавшихъ съ нами утромъ, теперь слѣдовало всего человѣкъ двадцать, остальные растянулись по дорогѣ и едва-едва виднѣлись.

Отъѣхавъ съ версту влѣво, мы увидѣли ручеекъ. Всѣ соскакиваемъ съ лошадей и бросаемся съ жадностью пить, точно боясь, чтобы ручей не пересохъ. Помню хорошо, что мы долго наслаждались водой, пили, пили, безъ конца и только къ закату солнца пріѣхали въ Бамй.

Мы жили въ Бамй тихо и мирно. Дѣлъ не было никакихъ. Днемъ хотя жара стояла страшная, за то ночью было прохладнѣе. По ночамъ изрѣдка слышались залпы изъ секретовъ, стрѣлявшихъ по одиночнымъ текинцамъ, которые подползали къ лагерю, чтобы промыслить себѣ ружье у задремавшаго часоваго.

Утро. Я просыпаюсь; хоть еще и рано, а уже солнечные лучи начинают пропекать палатку.

— Погорѣловъ! кричу своему казаку.

Тотъ является въ коричневомъ бешметѣ, который я-же подарилъ ему.

— Накинь-ка бурку на палатку, вотъ съ того боку, да приподними снизу, чтобы продувало! Черезъ минуту, въ палаткѣ становится темнѣе, солнце не пробивается сквозь бурку, а подъ приподнятое полотно дуетъ легонькій вѣтерокъ.

Выглядываю наружу: ручей журча течетъ около самой палатки. По обоимъ берегамъ его стоятъ палатки штабныхъ офицеровъ. Рядомъ живутъ инженеры, подполковникъ Рутковскій и капитанъ Яблочковъ. У нихъ что-то тихо, должно быть еще спятъ; а вонъ изъ слѣдующей кто-то пронзительно кричитъ: Растеряевъ! Растеряевъ! — Разъ десять повторяется тотъ-же самый крикъ; наконецъ, изъ палатки показывается поджарая фигура господина безъ кителя, въ бѣлой рубахѣ, въ синихъ рейтузахъ, заправленныхъ въ походные сапоги. Голова коротко острижена.

— Гдѣ ты пропадаешь, сто разъ тебѣ кричать! скороговоркой, сердито кричитъ онъ деньщику, который появляется въ эту минуту изъ-за палатки.

— Давай чаю! и изобразивъ на заспанномъ, небритомъ лицѣ сердитую гримасу, отходитъ зачѣмъ-то въ сторону

Немного дальше, все на томъ-же берегу ручья, показывается изъ другой палатки, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и туфляхъ, знакомый мнѣ капитанъ. Онъ очевидно тоже только что проснулся и вышелъ подышать чистымъ воздухомъ. Сладко зѣвая своимъ полнымъ лицомъ, обросшимъ сѣдоватыми бакенбардами и усами, капитанъ щуритъ глаза отъ яркаго солнца, смотритъ сначала въ сторону генеральской палатки, затѣмъ постепенно обводитъ взоръ кругомъ всего лагеря, самодовольно похлопываетъ себя по объемистому животу, размышляетъ о чемъ-то. и уходитъ обратно къ себѣ.

— Давай умываться! кричу казаку, и выхожу. Кругомъ все тихо. Кое-гдѣ виднѣются солдаты въ бѣлыхъ рубахахъ, под-

поясанныхъ ремешками, и черныхъ брюкахъ. Нѣкоторые изъ нихъ идутъ куда-то за лагерь и скрываются. Взамѣнъ ихъ, точно изъ земли, выростаютъ другіе, и идутъ къ лагерю. Генералъ должно быть тоже проснулся; за его палаткой, подъ густымъ тѣнистымъ деревомъ, здоровенный рыжій гвардеецъ Петровъ, въ кителѣ, съ веснушками на лицѣ, возится съ умывальникомъ и тазомъ. Лакей Лей, должно быть изъ остзейцевъ, блондинъ, въ черномъ сюртукѣ, несетъ на серебряномъ подносѣ стаканъ чаю. Одновременно съ этимъ, гусаръ Бражниковъ подводитъ къ палаткѣ Скобелева уже осѣдланнаго и замундштученнаго жеребца „Шейнова". Значитъ генералъ ѣдетъ кататься. Надо, думаю, и мнѣ ѣхать, а то пожалуй замѣтитъ.

— Сѣдлай живо! кричу казаку.—Не проходитъ четверти часа, какъ уже къ палаткѣ Скобелева съѣзжается конвой осетинъ, и кое-кто изъ офицеровъ. Скобелевъ выходитъ въ бѣломъ кителѣ, сначала кричитъ осетинамъ: „Здорово, братцы!" на что тѣ отвѣчаютъ по своему: „Берекетъ берсенъ", т. е. покорно благодарю, затѣмъ здоровается за руку съ каждымъ изъ офицеровъ, садится на коня и шагомъ направляется по дорогѣ къ аулу Беурмѣ.

Въ концѣ іюля, генералъ отправился къ Михайловскому заливу, посмотрѣть, какъ тамъ подвигается желѣзная дорога, а полковникъ Гродековъ поѣхалъ къ Чикишляру, чтобы провѣрить и осмотрѣть опорные пункты. Я тоже сопутствовалъ ему въ этой поѣздкѣ.

Гродековъ неутомимо ѣздилъ верхомъ. Лошадь у него была отличная, купилъ онъ ее во Владикавказѣ у моего товарища Шанаева. Она шла, какъ и моя, проѣздомъ, такъ что мы дѣлали навѣрно 8 верстъ въ часъ. Гродековъ, бывало, отъѣдетъ верстъ 20—30, слѣзетъ съ лошади поразомнется, сгонитъ пальцемъ съ лысины потъ, поправитъ очки, снова сядетъ на лошадь и опять валяетъ дальше, какъ ни въ чемъ не бывало.

Ежели разсчитать, сколько мы въ первый день проѣхали,

при жарѣ слишкомъ въ 50°, на тѣхъ же самыхъ лошадяхъ, такъ теперь трудно и повѣрить. Отъ Бами до Бендесенъ—16 верстъ, отъ Бандесенъ до Хаджамъ-калы 30 верстъ. Отъ Хаджамъ-калы до Терсаканъ 45 верстъ, да тамъ 30 до Дузъ-Олума, — и выходитъ съ 4-хъ часовъ утра и до 11 часовъ вечера мы сдѣлали 121 версту. Въ особенности тяжело было ѣхать отъ Хаджамъ-калы къ Терсакану. Дорога здѣсь идетъ между горами и представляетъ какъ-бы раскаленный котелъ. Вершины голыхъ, сѣрыхъ скалъ, точно покраснѣли отъ жары. Солнце все кругомъ такъ нагрѣло, такъ накалило, что дышать было тяжело. Дорога песчаная, тяжелая, воды нигдѣ нѣтъ ни капли, ну положительно проклятое мѣсто. Труденъ былъ этотъ переходъ!

Когда мы выѣхали изъ Дузъ-Олума къ Чату, Гродековъ разсказывалъ мнѣ, что ему хотѣлось-бы послать кого-нибудь въ Россію, — закупить для отряда различныхъ инструментовъ: гармоній, бубенъ и т. п., чтобы люди могли въ свободное время повеселиться, и предлагалъ мнѣ съѣздить. Я конечно согласился, и заранѣе радовался, какъ пріѣду въ Астрахань, затѣмъ прокачусь въ Нижній, посмотрю ярмарку, накуплю всего, что мнѣ будетъ поручено, и возвращусь назадъ. И такъ рѣшено, я ѣду въ Россію.

Подъѣзжаемъ къ Чату, насъ встрѣчаетъ комендантъ и, отрапортовавъ начальнику штаба о „благополучіи", начинаетъ ему что-то объяснять вполголоса. Мы слѣзаемъ съ лошадей, начальникъ штаба уходитъ къ коменданту въ баракъ, и черезъ полчаса выноситъ мнѣ предписаніе освидѣтельствовать и перевѣсить чатскій продовольственный складъ. Комендантъ жаловался на смотрителя, что у него недочетъ въ провіантѣ и происходили различныя злоупотребленія. Освидѣтельствованіе склада вещь не легкая. Нужно было перевѣсить около 20 тысячъ пудовъ провіанту. Вотъ, думаю, и Россія и нижегородская ярмарка! Ничего дѣлать, надо приниматься за работу!

Гродековъ черезъ часъ уѣхалъ дальше, а я взялъ у коменданта роту солдатъ изъ гарнизона—и давай перемѣривать да перевѣшивать кули и мѣшки. Пять дней подрядъ возился я съ

этимъ дѣломъ, на этой сильной жарѣ, съ ранняго утра и до поздняго вечера. Оказались дѣйствительно какіе-то недочеты. Я собрался ѣхать обратно въ Бами, когда поздно вечеромъ пріѣхалъ въ Чатъ Скобелевъ, возвращавшійся изъ Михайловскаго залива черезъ Чикишляръ. Съ нимъ ѣхалъ Гродековъ и Ушаковъ. Отдохнувъ часокъ, они сѣли въ ротный фургонъ, запряженный тройкой лошадей, усадили меня съ собой и мы поскакали далѣе.

Изъ Чата мы выѣхали поздно ночью. Насъ конвоировала сотня казаковъ. Подъѣзжая къ самому опасному мѣсту, Хоролуму, гдѣ текинцы чаще всего нападали на транспорты, наша сотня должна была смѣниться другой, высланной изъ Дузъ-Олума. Но по чьей-то ошибкѣ та сотня не выѣхала. Къ счастью, здѣсь намъ встрѣтилась рота солдатъ. Генералъ отпустилъ казаковъ, посадилъ въ фургонъ двухъ солдатъ съ ружьями, и съ такимъ ничтожнымъ конвоемъ мы поѣхали дальше.

Ночь очень темная. Солдаты въ сѣрыхъ шинеляхъ сидятъ по бокамъ спиною другъ къ другу, ноги ихъ свѣшены снаружи, въ рукахъ ружья, съ примкнутыми штыками. Стукъ колесъ глухо раздается въ ночной тиши. Хоролумское ущелье все ближе и ближе. Вотъ мы въ него въѣзжаемъ, становится еще темнѣе. Я съ Ушаковымъ молчимъ, Гродековъ лежитъ на боку и изрѣдка посматриваетъ на насъ. Генералъ растянулся на днѣ фургона, напихалъ подъ голову сѣна, укрылся шинелью и какъ будто спитъ.

— Ну, что, думаю, если теперь нападутъ текинцы, перебьютъ насъ всѣхъ! Пропала тогда экспедиція!

Въ это время, смотрю, генералъ приподымается немного и, поправляя на головѣ смятую фуражку, восклицаетъ:

— А-а-а, луна! Съ какой стороны она показалась, замѣтили, господа?

Оглядываюсь, позади меня изъ-за горъ показался блѣдный серпъ молодой луны и тускло освѣтилъ окрестности.

— Съ правой, ваше превосходительство!—отвѣчаю ему.

— Съ правой, ну это хорошо! — мычитъ онъ вполголоса и успокоивается.

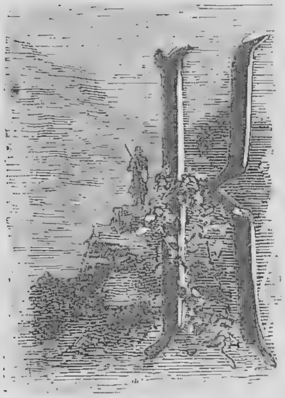
Я и не слыхалъ, что существуетъ такая примѣта о лунѣ, что ежели она, во время путешествія, покажется съ правой стороны, то это хорошій знакъ, а ежели съ лѣвой, то предвѣщаетъ несчастіе.

На другой день мы пріѣхали въ Бами.

А. Н. Баранокъ.

ГЛАВА VI.

Бендесены. Охотничья команда.



Когда генералъ уѣзжалъ къ Михайловскому заливу, баминскій лагерь оставался на попеченіи сѣдовласаго артиллерійскаго полковника Вержбицкаго. Около того-же времени, для безопасности Бендесенскаго ущелья, была сформирована охотничья команда изъ разныхъ войскъ. Преимущество охотниковъ заключалось въ томъ, что ихъ не назначали ни на какія работы, и они знали только свое дѣло—разыскивать слѣды текинцевъ и предупреждать ихъ нападенія. Случалось, день, и два, и три подрядъ, они лазили по горамъ, а затѣмъ столько-же времени лежали у себя въ землянѣ на боку. Все, что они отбивали, поступало въ ихъ пользу, конечно, кромѣ скота; а за оружіе выдавалась денежная награда.

18-го августа я получилъ предписаніе ѣхать въ Бендесены, начальникомъ отряда. На другое утро отправился я туда съ попутнымъ транспортомъ. День, по обыкновенію, наступилъ очень жаркій. Въѣхали мы въ ущелье, отошли версты четыре, какъ вдругъ скачетъ изъ авангарда казакъ и до-

кладываетъ мнѣ, запыхавшимся голосомъ, что впереди лежитъ убитый человѣкъ, должно быть кто изъ охотниковъ. Я и еще нѣсколько офицеровъ, бывшихъ при транспортѣ, скачемъ ущельемъ впередъ и видимъ—лежитъ, на самой дорогѣ, голый трупъ: по лицу и по коротко-обстриженной головѣ можно было узнать въ немъ нашего солдата. Пожелтѣвшая на солнцѣ кожа была во многихъ мѣстахъ исполосована глубокими сабельными ударами; голова прострѣлена пулею и изъ раны вытекла на землю кровь. На сабельныхъ-же ранахъ кровь запеклась по краямъ, изъ чего можно было заключить, что текинцы должно быть уже на мертвомъ солдатѣ пробовали доброту своихъ шашекъ. Удары приходились преимущественно по ногамъ и по рукамъ. Пока мы стояли и тоскливо разсматривали убитаго, вдругъ впереди раздались крики: Да здѣсь еще одинъ лежитъ! а затѣмъ слышимъ: Еще третій! Скачу опять впередъ. Вижу, немного въ сторонѣ отъ дороги, лежатъ еще два трупа, тоже голые и изрубленные: у одного голова едва держалась на затыльной кожѣ. При видѣ этихъ труповъ, намъ стало жутко. Какъ-бы, думаемъ, текинцы на насъ не напали! Поскорѣе отнесли убитыхъ въ сторону, завалили пескомъ, камнями, замѣтили мѣсто, чтобы прислать изъ Бендесенъ за тѣлами, и стали осторожно подвигаться впередъ. Непріятель не показывался, и мы благополучно добрались до своего мѣста. Оказалось, что наканунѣ изъ Бендесенъ отправили 16 ротныхъ лошадей въ Бами при четырехъ солдатахъ, въ томъ числѣ былъ посланъ съ казакомъ генеральскій конь „Шейновъ", который гулялъ тамъ на подножномъ корму. Какъ только солдаты спустились съ перевала, съ правой стороны изъ-за горки въ нихъ посыпались выстрѣлы, и передовой солдатъ былъ убитъ. Остальные трое и казакъ поскакали впередъ, но увидали толпу текинцевъ, которая бросилась на нихъ и ухватилась за лошадей. Солдатъ убили, а казакъ спасся только тѣмъ, что соскочилъ съ коня, бросилъ его среди дороги и, пользуясь суматохой, которая поднялась у непріятеля изъ-за лошадей, ускользнулъ въ горы. Съ этимъ казакомъ я нѣсколько разъ потомъ разговаривалъ и разспрашивалъ подробности

этого дѣла. Онъ видѣлъ, какъ къ „Шейнову“ съ гикомъ и воемъ толпой бросились текинцы; видѣлъ какъ одинъ изъ нихъ, высокій, широкоплечій, сѣдой старикъ (впослѣдствіи оказалось, что это былъ предводитель текинцевъ, Тыкма-Сардаръ) смѣло схватилъ коня подъ уздцы. При видѣ этого, сердце замерло у казака, и онъ едва живой отъ горя и страха дотащился до Бендесенъ. Но сколько, примѣрно, человѣкъ было въ шайкѣ, каковъ былъ ихъ видъ, что они кричали, и какъ онъ самъ успѣлъ соскочить съ лошади и убѣжать,—казакъ не помнилъ. Прибѣжавъ домой, онъ цѣлыя сутки лежалъ безъ языка, не пилъ и не ѣлъ.

Какъ только я пріѣхалъ въ Бендесены, тотчасъ-же послалъ за тѣлами убитыхъ. Ихъ привезли на другой день утромъ, и съ честью похоронили рядомъ съ той горкой, гдѣ похороненъ докторъ Студитскій.

Укрѣпленіе Бендесены расположено какъ разъ на вершинѣ той скалы, при выѣздѣ изъ ущелья въ долину, гдѣ я замѣтилъ при первой моей поѣздкѣ разбойничье гнѣздо или пещеру.

Наверху горы были расположены въ юламейкахъ 3-я и 4-я рота самурскаго полка и два орудія; внизу, подъ самой горой, по берегу ручья, расположились 14-я рота апшеронскаго полка, сотня казаковъ таманскаго полка и охотничья команда. Такъ что весь бендесенскій гарнизонъ, который былъ въ моемъ вѣдѣніи, простирался до 500 человѣкъ.

Бендесены, какъ выражался Скобелевъ, находятся какъ разъ въ „горлѣ“ у текинцевъ. Для ихъ набѣговъ это мѣсто представляло самое лучшее отдохновеніе. Вода въ родникѣ прекрасная; широкая долина, тянувшаяся съ сѣвера на югъ, покрыта сочной травой. Наши солдаты заготовляли здѣсь сѣно, поэтому мнѣ приходилось нѣсколько разъ проѣзжать по долинѣ. Во время этихъ заготовокъ, часовые, разставленные на командующихъ вершинахъ, зорко слѣдили, не покажется-ли гдѣ непріятель, и, не смотря на всю ихъ осторожность, текинцамъ разъ удалось-таки подкрасться и убить одного часового.

Это было уже осенью; день пришолся пасмурный, окрестныя горы и долины покрылись туманомъ. Часовой хотя и замѣтилъ непріятеля и успѣлъ дать одинъ выстрѣлъ, но было поздно. Текинцы бросились на него и изрубили. Выстрѣлъ-же сдѣлалъ свое дѣло, остальные солдаты успѣли собраться въ кучу около своихъ повозокъ. Я былъ тогда въ лагерѣ, внизу подъ горой, у командира апшеронской роты, поручика Чикарева, какъ вдругъ слышу барабанщикъ бьетъ тревогу. Тр-р-р-р... такъ и сыплется дробь. Что такое? Смотрю, отъ горъ по долинѣ скачетъ верховой и кричитъ:

— Тревога, тревога! на нашихъ напали! часового убили!

Подымается суматоха.

— Рота, стройся!—кричитъ дежурный ротный командиръ, выбѣгаетъ изъ своей юламейки, и быстро нацѣпляетъ шашку съ револьверомъ.

Черезъ минуту рота выстраивается. Я бѣгу къ ней, говорю, по какому направленію надо идти, и солдаты, скорымъ шагомъ, а гдѣ и въ припрыжку, направляются по долинѣ въ горы. А уже впереди пѣхоты, едва виднѣется полусотня казаковъ съ ихъ командиромъ, который, узнавъ въ чемъ дѣло, бросился за непріятелемъ. Погода какъ разъ помогала этой тревожной картинѣ. Небо, обыкновенно ярко-синее, заволокли густыя, сѣрыя облака. Солнце скрылось. Стало темно. Горы почти до самаго подножія тоже покрылись туманомъ. Весь отрядъ былъ на сторожѣ. Но все обошлось благополучно. Солдаты, заготовлявшіе сѣно, вскорѣ вернулись съ повозкой назадъ, и объявили, что текинцы не рѣшились напасть на нихъ. Погибъ только одинъ часовой.

Къ вечеру вернулись казаки и рота: они такъ и не видали непріятеля.

Охотничья команда жила внизу въ земляномъ баракѣ. Командиръ-же ихъ, прапорщикъ Усачевъ, совсѣмъ еще мальчикъ, лѣтъ 20-ти, брюнетъ, довольно полный, съ черными усиками, устроился подъ выступомъ скалы въ шалашикѣ.

Впрочемъ, охотникамъ жить въ лагерѣ приходилось очень мало. Цѣлый день они рыскали по горамъ, какъ звѣри. Я, признаться сказать, удивлялся ихъ смѣлости.

Если-бы они ходили большими партіями, человѣкъ по 20, или 30, то это еще ничего, а то смотришь, плетутся изъ горъ два солдатика, шинели надѣты въ рукава, чтобы бѣлыхъ рубахъ не было видно, кэпи безъ чехловъ, черезъ плечо холстяныя сумочки.

— Вы чего идете? спрашиваю ихъ.

— За хлѣбомъ, ваше высокоблагородіе.

— А ваши гдѣ?

— Командиръ съ командой туда, къ Нухуру *) пошли, а насъ шестеро осталось на перевалѣ.

Другой разъ ѣдешь ущельемъ съ казаками, и видишь, гдѣ нибудь на вершинѣ горы стоитъ нашъ солдатикъ, одинъ одинешенекъ и поглядываетъ себѣ по сторонамъ. А съ текинцами не шути! Такъ разъ, партія охотниковъ, человѣкъ 10, присѣла отдохнуть на самомъ перевалѣ. Составивъ ружья въ козлы, они пошли напиться къ роднику, который находился въ нѣсколькихъ саженяхъ. Какъ вдругъ на нихъ набросились текинцы. Пятерыхъ убили, остальные разбѣжались.

Больше всѣхъ мнѣ нравился въ охотничьей командѣ фельдфебель. Къ сожалѣнію, забылъ его фамилію. Молодчина былъ и отчаянно смѣлый. Средняго росту, худощавый, брюнетъ, глаза черные, живые.

Помню, какъ-то, я проснулся очень рано, вышелъ изъ юламейки и смотрю на долину. Солнце только что показалось со стороны Бами, изъ-за скалистыхъ горъ.

Вижу, изъ ущелья идутъ скорымъ шагомъ фельдфебель охотничьей команды и еще двое охотниковъ. Шинели надѣты въ рукава, на плечахъ ружья, — значитъ, ходили куда-то въ горы. Я подзываю фельдфебеля и спрашиваю его.

— Откуда это ты такъ рано?

---

*) Селеніе Нухуръ въ горахъ, верстъ 30 отъ Бендесенъ. Жители его были намъ покорны.

— Да ребята прибѣжали, сказывали, тутъ текинцы показались. Я взялъ сколько было дома людей и побѣжалъ. Во-о-онъ тамъ! говоритъ онъ и указываетъ рукой къ перевалу,—влѣво отъ дороги мы и примѣтили, бѣгутъ трое текинцевъ по тропинкѣ. Мы за ними бѣгомъ. Я впереди, и не вижу, что мои отстали. Смотрю—въ меня стрѣляютъ, близехонько, такъ вотъ около самыхъ ногъ пули падаютъ. А я, какъ намѣтилъ одного, все неохота отстать, замучился совсѣмъ, а таки догналъ и застрѣлилъ!

При этихъ словахъ, фельдфебель, очень довольный, улыбается, лѣзетъ къ себѣ въ правый карманъ шинели и вытаскиваетъ отрубленное ухо текинца. Оно было еще совсѣмъ мягкое, но уже блѣдное, холодное. Я никакъ не ожидалъ такого нагляднаго доказательства; взялъ въ руки ухо, осмотрѣлъ его, возвратилъ назадъ, похвалилъ фельдфебеля и обѣщалъ при первой встрѣчѣ съ генераломъ доложить о немъ. Фельдфебель, радостный, пошелъ къ себѣ въ землянку.

Спустя нѣсколько дней, пріѣзжаю я въ Бамй и, между прочимъ, разсказываю одному пріятелю моему, капитану, начальнику геліографовъ *), относительно охотничьей команды и текинскихъ ушей.

— Да это что, отвѣчаетъ онъ,—это пустяки. А вотъ наднях я видѣлъ: кажется, 4-го сентября, пріѣзжаетъ сюда въ Бамй сотенный командиръ, такой высокій, здоровый, рыжій мужчина, вы его знаете! Ну да не въ томъ дѣло. Съ нимъ ѣдетъ сзади нѣсколько казаковъ. Смотрю, у нихъ на сѣдлахъ болтаются мѣшки съ чѣмъ-то круглымъ. Сначала я подумалъ: съ капустой. Подхожу ближе, а казаки слѣзли и давай вытряхать изъ мѣшковъ отрубленныя текинскія головы. Они гдѣ-то столкнулись съ текинцами, побили ихъ, поотрубили головы и привезли въ штабъ, въ доказательство своей побѣды.

*) Геліографъ есть оптическій приборъ, помощью котораго, небольшими наклоненіями зеркала на горизонтальной оси производятъ сверканія въ условной послѣдовательности, чѣмъ изображаютъ знаки и буквы азбуки. Средняя дальность геліографированія нашими аппаратами до 25 верстъ.

А одни уши отрѣзать—это уже имъ послѣ позволили, чтобы легче возить было.

— Да скажите пожалуйста, зачѣмъ-же имъ эти уши и головы? спрашиваю я.

— Какъ зачѣмъ, вѣдь за нихъ въ штабѣ деньги выдаютъ, развѣ вы не знаете? Не могу навѣрно сказать сколько, кажется 3 рубля. Недавно еще я видѣлъ, продолжалъ разсказывать капитанъ, пришли отъ васъ изъ Бендесенъ нѣсколько охотниковъ. Смотрю, одинъ лѣзетъ къ себѣ за голенище, вытаскиваетъ завернутое въ бумажку ухо и отправляется съ нимъ въ штабъ получать деньги.

Услыхавъ это, я понялъ, почему фельдфебель охотничьей команды такъ старательно гнался за текинцемъ и, не взирая на пули, свиставшія надъ его головой, все-таки догналъ того, застрѣлилъ и отрѣзалъ уши.

Вскорѣ въ Бендесенахъ былъ устроенъ верблюжій лазаретъ, т. е. сюда пригоняли на подножный кормъ всѣхъ больныхъ верблюдовъ, прибывающихъ въ Бамй, и назначенъ былъ особый ветеринаръ Но здѣшній подножный кормъ, очень хорошій для лошадей, оказался совершенно негоднымъ для верблюдовъ, и они стали десятками околѣвать ежедневно. Въ окрестностяхъ распространилось зловоніе. Гарнизонъ изъ силъ выбился, закапывая околѣвшихъ животныхъ. Сотни шакаловъ появлялись по ночамъ и пожирали трупы. При этомъ шакалы подымали такой вой и драку, что я нерѣдко выходилъ изъ юламейки, чтобы разглядѣть, гдѣ они такъ близко воютъ.

Какъ-то офицеры выпросились у меня сходить на ночь подкараулить шакаловъ, но они просидѣли напрасно цѣлую ночь, около дохлаго верблюда, и воротились ни съ чѣмъ: шакалы не показались. А вѣдь какъ они, каждую ночь, отчаянно выли—невозможно передать словами. Вытье ихъ продолжалось всего какихъ-нибудь четверть часа и затѣмъ утихало.

Во время моего жить-бытья въ Бендесенахъ, мнѣ пришлось проводить телеграфъ къ Бамй и Хаджамъ-кала. Лѣсъ

рубили въ горахъ и привозили на больныхъ верблюдахъ. Хотя и тяжело было смотрѣть, какъ несчастныя, слабыя животныя тащили за собой на веревкахъ длинные, сырые столбы, но что-же было дѣлать,—телеграфъ приказано строить во что-бы ни стало, ну и строй! Годнаго для столбовъ лѣсу оказалось очень мало, и его трудно было доставать изъ ущелій. Командировавъ, однажды, офицера съ верблюдами за телеграфными бревнами, я поѣхалъ тоже вмѣстѣ съ нимъ. Мы отправились долиной къ югу. Я никогда еще такъ далеко не углублялся здѣсь въ горы, какъ этотъ разъ. Долина, широкая около Бендесенъ, все съуживалась, а затѣмъ развѣтвлялась, между горками и холмами, на множество маленькихъ долинокъ, покрытыхъ превосходной душистой травой. Вѣроятно вслѣдствіе того, что по всему Ахалтекинскому оазису очень мало зелени, здѣшнія мѣста мнѣ чрезвычайно понравились, въ особенности въ сравненіи съ протухшимъ отъ верблюжьей падали Бендесеномъ. Воздухъ былъ такъ чистъ, зелень такъ свѣжа, что и не ушелъ-бы отсюда. Въ концѣ одной маленькой долины, подъ тѣнью высокой, стройной рощи деревьевъ, похожихъ на наши серебристые тополи, мы нашли могилу какого-то текинскаго святого, покрытую большимъ камнемъ. Мы чрезвычайно обрадовались этой рощѣ, такъ какъ она намъ сразу давала около двадцати хорошихъ телеграфныхъ столбовъ. Признаюсь, жаль было рубить это святое для текинцевъ мѣсто; но можно-ли было иначе поступить и оставить ихъ стоять, когда намъ каждый столбъ былъ безконечно дорогъ, и за нимъ приходилось солдатамъ лазить Богъ знаетъ по какимъ горамъ? Нечего дѣлать, давай рубить, и дерево за деревомъ начали наклонять свои густыя, тѣнистыя вершины, а затѣмъ съ трескомъ падать на землю. Скоро отъ прохладной тѣни не осталось и слѣда около могилы святаго, и только свѣжіе пни бѣлѣли и свидѣтельствовали о нашемъ жестокосердіи.

Немного спустя, генералъ Скобелевъ запретилъ заготовлять сѣно своими солдатами, такъ какъ, не смотря на то, что люди заработывали себѣ этимъ деньги, оказывалось, что они привыкали смотрѣть, что имъ должна слѣдовать извѣстная плата

и за другую работу: какъ напр. за закапываніе верблюдовъ, рубку телеграфныхъ столбовъ и т. д. Поэтому былъ нанятъ подрядчикъ изъ персіянъ.

Въ концѣ октября, вершины горъ, около Бендесенъ, покрылись снѣгомъ. Дорога къ Хаджамъ-кала разгрязнилась. Ручей разошелся и затопилъ долину. Однимъ словомъ, наступила здѣшняя зима. Транспортъ за транспортомъ проходили мимо меня, сопровождаемые вновь прибывающими съ Кавказа войсками. Двигалось много орудій и зарядныхъ ящиковъ, и все это скоплялось въ Бамѝ, чтобы оттуда двинуться разомъ въ Геокъ-Тепэ.

Какъ-то вечеромъ подошелъ къ Бендесену очень большой транспортъ съ провіантомъ; съ нимъ прибыли войска чуть не всѣхъ родовъ оружія, и пѣхота, и артиллерія, и казаки. Транспортъ расположился на ночь подъ горой, при входѣ въ ущелье. Нѣкоторые изъ офицеровъ, въ томъ числѣ и мой сотенный командиръ, поднялись на гору, къ одному товарищу, попить чайку. Его юламейка стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей. Послѣ чая, тамъ пошло и другое угощеніе, коньякъ, разныя вина; началось провозглашеніе многолѣтія Скобелеву. Ротный командиръ позвалъ пѣсенниковъ. Вмѣсто обычной тишины, послѣ зари, по лагерю раздались пѣсни и гулъ барабана. Я посылаю дежурнаго съ просьбою, чтобы господа офицеры прекратили пѣсни. Тотъ возвращается и докладываетъ, что офицеры очень просятъ позволить имъ продолжать пѣсни. Что дѣлать! идти самому туда—можно нарваться на непріятность. Вышелъ я изъ юламейки, смотрю—ночь совершенно темная. По близости, около орудія, едва видѣнъ часовой. Кругомъ все тихо, только изъ палатки, гдѣ собралась компанія, доносятся веселые голоса и пѣсни. Скверно! думаю, какъ это я какъ ловко попался! Что-бы раньше предложить имъ разойтись; а теперь, когда прекратятся эти безобразія? А главное, ну если нападетъ непріятель, что тогда я буду дѣлать? Пока

такъ размышляю, подходитъ дежурный унтеръ-офицеръ и шопотомъ говоритъ мнѣ:

— Ваше высокоблагородіе, дозвольте съ какого-нибудь поста—тафъ-тафъ!

— Что такое? спрашиваю его, не понимая, что онъ хочетъ выразить.

— Изъ цѣпи значитъ выстрѣлъ дать, будто по текинцамъ! объясняетъ онъ съ улыбкою.

Я догадался въ чемъ дѣло и очень обрадовался этой мысли. Дѣйствительно, только одна тревога и могла отрезвить расходившихся офицеровъ.

— Смотри-же, говорю унтеръ-офицеру, осторожнѣе, не проболтайся!

Иду къ себѣ въ палатку, ложусь на постель, чтобы и виду не показать, что ожидаю чего-то. Минутъ черезъ пять, гдѣ-то далеко въ сторожевой цѣпи раздается глухой выстрѣлъ. Ему по близости вторитъ другой, за нимъ третій, четвертый! Слышны крики: Трево-о-га! Барабанщикъ выскакиваетъ изъ сосѣдней юламейки и бьетъ тревогу.

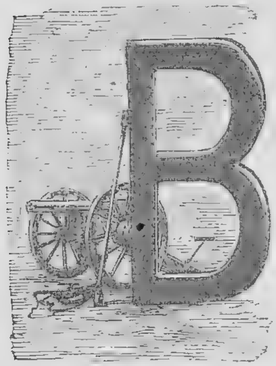
Пѣсни моментально прекращаются. Раздаются крики и возгласы: Гдѣ моя фуражка?— Господа, моя сабля?— Вонъ, вонъ, подай ее!..—Надо внизъ бѣжать скорѣй!

Выстрѣлы раздаются все чаще. Барабанщикъ все яростнѣе продолжаетъ бить. Гарнизонъ выбѣгаетъ изъ юламеекъ и занимаетъ вдоль вала свои мѣста. — Вскорѣ все стихаетъ. Я обхожу укрѣпленіе. Офицеры на своихъ мѣстахъ. Спрашиваю, что такое? Говорятъ, что, внизу, отъ горъ подъѣзжали всадники и затѣмъ скрылись. Одинъ солдатикъ увѣряетъ, что онъ самъ видѣлъ бѣлыя папахи на текинцахъ. Съ четверть часа ждали нападенія, затѣмъ я распустилъ роты по мѣстамъ и лагерь успокоился. Только одинъ сотенный командиръ пострадалъ: онъ второпяхъ, вмѣсто того, чтобы спуститься внизъ по тропинкѣ, свалился въ кручу и хорошо, что еще попалъ въ ровъ съ водой, а то могъ-бы

крѣпко разбиться, хотя и то сутки двое жаловался на плечо. Впрочемъ, врядъ-ли что могло ему приключиться. Это былъ дѣтина безъ малаго въ три аршина. Полное, круглое лицо его обросло широкой русой бородой. Такого виднаго молодца я рѣдко встрѣчалъ.

ГЛАВА VII.

Ягинь-Батырь-кала—Самурское укрѣпленіе.



Въ концѣ ноября въ Бами собралось достаточно войскъ и провіанта. Скобелевъ рѣшилъ двинуться къ Геокъ-Тепэ.

Въ ночь съ 29-го на 30-е декабря наши передовыя силы собрались въ деревнѣ Келетѣ, въ 35 верстахъ отъ Геокъ-Тепэ. Отсюда генералъ намѣревался занять Ягинь-Батырь-калу, или, какъ она была названа впослѣдствіи, Самурское укрѣпленіе, въ честь 1-го баталіона Самурскаго полка, бывшаго постоянно въ авангардѣ.

Войска были раздѣлены на четыре колонны. Я находился во время этого движенія съ кавалерійской колонной при Скобелевѣ.

Помню, въ то время, когда выстроивались казаки, все было тихо, слышался только топотъ тысячи копытъ, какъ вдругъ раздается, во весь голосъ, команда войсковаго старшины графа Орлова-Денисова:

— По-о-о-лкъ, стройся!—Скобелевъ сердитый подскакиваетъ къ нему и говоритъ:

— Что вы командуете, точно на парадѣ! Развѣ вы не видите, что это ночное движеніе? Надо соблюдать тишину!

Колонна вытянулась длинной черной, громадной змѣей, и направилась песками къ сторонѣ Геокъ-Тепэ. Надо было пройти около двадцати верстъ. Лошади безъ шуму шагали по сыпучему песку. Не смотря на то, что въ колоннѣ было безъ малаго тысяча всадниковъ, наше движеніе было почти неслышно, никто не курилъ, не разговаривалъ, каждый самъ понималъ, что теперь не время этимъ заниматься. Мы уже часа два ѣдемъ. Впереди гдѣ-то далеко блеснулъ огонекъ. Джигиты объясняютъ, что это пастухи стерегутъ баранту около Геокъ-Тепэ. Мы долго ѣдемъ по направленію этого огня, а онъ кажется все такъ-же далеко. Погода холодная. Луны нѣтъ, темень полная, едва видишь сосѣдняго всадника.

— Ну, Нефесъ-Мергенъ, пошелъ впередъ, что ты тутъ толчешься со своими джигитами! кричитъ Скобелевъ полусердитымъ голосомъ своему пріятелю туркмену, который молча ѣхалъ возлѣ „сардара", какъ онъ называлъ генерала. Нефесъ-Мергенъ быстро ѣдетъ впередъ, говоритъ что-то по туркменски джигитамъ, и вмѣстѣ съ ними скрывается въ темнотѣ.

— Если попадется непріятель — всѣхъ рубить! кричитъ имъ генералъ въ догонку.

Влѣво отъ насъ занимается заря, пустынныя окрестности понемногу освѣщаются. Въ это время нѣсколько джигитовъ подскакиваютъ къ генералу и говорятъ ему что-то. Скобелевъ трогается рысью, за нимъ и вся колонна, все шибче и шибче. Мы выскакиваемъ изъ песковъ на бугоръ, и видимъ на почернѣвшей долинѣ оазиса оголенныя деревья и сады Ягинь-Батырь-калы. Тамъ уже сновалъ Нефесъ-Мергенъ съ джигитами. Кала оказалась не занятою. Гродековъ, нѣсколько офицеровъ и я скачемъ туда. Колонна-же со Скобелевымъ направляется черезъ оазисъ къ горамъ, и, соединившись съ колонной капитана Баранка, захватываетъ огромное стадо барановъ.

Для непріятеля наше появленіе было такою неожиданностью, что онъ даже не успѣлъ отогнать подальше свои стада.

Текинцы вскорѣ выскакали изъ Геокъ-Тепэ и остановились

на приличномъ разстояніи. Долго глазѣли они на насъ въ этотъ день; пробовали было пустить нѣсколько пуль въ нашу сторону, и только къ вечеру удалились обратно въ свою крѣпость. На этотъ разъ отряду нечего было опасаться нападенія текинцевъ. Насъ теперь собралось двѣ тысячи человѣкъ, да двадцать пушекъ.

Тотчасъ-же по прибытіи въ Самурское, его начали укрѣплять. Къ сторонѣ горъ построили редутъ, глиняныя стѣнки соединили въ одну линію, а по угламъ устроили барбеты для орудій, такъ что теперь можно было знать, гдѣ проходила граница лагеря. Это было особенно важно ночью, при разставленіи постовъ. Въ калѣ былъ устроенъ складъ для артиллерійскихъ снарядовъ, а позади калы образовался провіантскій складъ. Генералъ поставилъ свою юламейку почти на томъ-же мѣстѣ, гдѣ и 6-го іюля, въ самомъ саду, хотя садъ уже теперь не имѣлъ зелени. Штабныя юламейки поставили по близости генеральской, въ двѣ линіи.

Не смотря на то, что теперь собралось въ Самурскомъ гораздо болѣе войскъ, чѣмъ во время рекогносцировки 6-го іюля, но не могу сказать, чтобы я спалъ въ первую ночь совершенно спокойно. Все-таки, думалось мнѣ, можетъ-же непріятель подползти и напасть на насъ всѣми силами. Положимъ, есть сторожевые посты, но далеко-ли они выставлены отъ черты лагеря? Самое большее — сажень пятьдесятъ, а пока текинцы пробѣгутъ это разстояніе, лагерь и въ ружье не успѣетъ встать.

На другой день, по занятіи Самурскаго, я проснулся очень рано. Сквозь растворенную дверку юламейки видна долина Геокъ-Тепэ. Она затянута легкимъ утреннимъ туманомъ, такъ что ни кургана въ Геокъ-Тепэ не видно, ни гребня, за которымъ скрывается крѣпость. Солнце еще низко, лучи его слабо пробиваются сквозь сырой воздухъ. Я съ удовольствіемъ потягиваюсь и гляжу на эту картину, какъ вдругъ вдали раздаются глухіе ружейные выстрѣлы и начинаютъ перекатываться все чаще и чаще. Всматриваюсь пристальнѣе,—вижу, такъ въ верстѣ отъ лагеря въ туманѣ мелькаютъ темныя фи-

гуры одиночныхъ текинскихъ всадниковъ. Одинъ изъ нихъ останавливается, слѣзаетъ съ лошади и стрѣляетъ. Синеватый дымокъ быстро сливается съ туманомъ и застилаетъ на мгновеніе и его, и лошадь. Текинецъ вскакиваетъ въ сѣдло и исчезаетъ.

Вонъ ближе показалась сомкнутая линія всадниковъ,—это казаки. Пока я разсматриваю, позади моей юламейки раздается топотъ нѣсколькихъ коней, и слышенъ голосъ Скобелева:

— Да прикажите, чтобы орудіе немедленно выѣзжало!

— Слушаю-съ! кричитъ кто-то въ отвѣтъ.

— Эхъ, нужно ему гоняться за каждой шайкой текинцевъ, думаю я, и вскакиваю сердитый съ постели.—Ну, показалась партія, выслалъ къ нимъ на встрѣчу роту пѣхоты, да сотни двѣ казаковъ, вотъ и конецъ. А то все самому хочется видѣть, вездѣ самому побывать. Теперь туманъ, долго-ли до бѣды, можетъ близехонько столкнуться съ непріятелемъ; изрубятъ или застрѣлятъ—вотъ и конченъ нашъ походъ!

Минутъ черезъ пять я уже скачу въ догонку за Скобелевымъ. Генерала едва видно. Онъ окруженъ конвоемъ осетинъ, съ отряднымъ значкомъ по серединѣ. Значокъ этотъ не тотъ, что былъ въ Турціи: его генералъ подарилъ моему брату Василію. Взамѣнъ-же стараго, изстрѣляннаго и побывавшаго, еще въ Туркестанѣ, въ 76-ти сраженіяхъ, братъ выслалъ Скобелеву изъ Парижа новый значекъ, сдѣланный изъ великолѣпной индѣйской матеріи краснаго и голубаго цвѣта.

Туманъ разсѣялся. Генерала я догналъ на курганѣ. Верхомъ на сѣрой кобылѣ (она уже давно поправилась отъ раны 6-го іюля), Скобелевъ весело хохоталъ, видя какъ Нефесъ-Мергенъ съ джигитами перестрѣливался съ текинцами. Текинцы были отъ насъ съ версту. У Нефесъ-Мергена ружье старинное, дрянное, поэтому ясно видно, какъ его пули, не долетѣвъ и половины разстоянія, падали на землю и подымали клубочками сухой песокъ.

— Кха-кха-кха... молодецъ Нефесъ-Мергенъ,—хохочетъ Скобелевъ, закидывая голову назадъ.

Офицеры, конвой, стоятъ немного позади своего началь-

ника, тоже улыбаются и шопотомъ дѣлаютъ другъ другу замѣчанія относительно непріятеля, который въ разныхъ направленіяхъ скоплялся все въ большія партіи.

Пули начинаютъ посвистывать надъ нашими головами. Нефесъ-Мергенъ все продолжаетъ стрѣлять со своей позиціи. По временамъ онъ съ довольнымъ видомъ оглядывается на своего сардаря, будучи, кажется, совершенно увѣренъ, что это онъ, Нефесъ-Мергенъ, задерживаетъ непріятеля напасть на насъ, хотя хорошо видитъ, что вправо отъ него, саженей полсотни впереди, стоитъ рота пѣхоты и залпами стрѣляетъ по текинцамъ.

— Сюда, сюда, прямо на курганъ! Ну-ка, по нимъ шрапнелью можете хватить?—кричитъ Скобелевъ молодому артиллерійскому офицеру въ очкахъ и съ толстыми губами, который галопомъ въѣзжалъ съ орудіемъ на курганъ.

— Сейчасъ, ваше превосходительство, — отвѣчаетъ офицеръ, соскакиваетъ съ лошади и торопитъ уносныхъ отъѣзжать.

Тѣ отъѣзжаютъ, орудіе поворачиваютъ, а черезъ минуту раздается команда: „Пли“—и знакомый пушечный гулъ далеко раскатывается и по долинѣ, и въ горахъ.

Почти пять мѣсяцевъ прошло со времени рекогносцировки 6-го іюля. Текинцы успѣли уже и отвыкнуть отъ этого страшнаго для нихъ гула, и теперь вдругъ онъ снова раздается здѣсь, подъ стѣнами ихъ родной крѣпости, вблизи ихъ женъ и дѣтей!

Съ перваго-же выстрѣла непріятель началъ подаваться назадъ, и мы возвратились въ Самурское.

Комендантомъ Самурскаго укрѣпленія былъ назначенъ подполковникъ Гайдаровъ,—старикъ, маленькаго росту, широкоплечій, живой, неутомимый. Я спящимъ Гайдарова никогда не заставалъ. Съ прибытіемъ нашимъ въ Самурское, сюда почти ежедневно прибывали транспорты и войска. Я удив-

лялся терпѣнію и хладнокровію Гайдарова. Дѣла ему было по горло. Его день и ночь осаждали просьбами: то укажи куда провіантъ складывать, то отведи мѣсто для такой-то части, то расположи кухни, то прикажи отпустить довольствіе, то выдай юламейки. И вѣдь все это сейчасъ дѣлай, сейчасъ подай, не откладывай.

Лагерь нашъ все разростается. Онъ уже въ нѣсколько дней вышелъ куда дальше за первоначальную черту. Передовую калу, что выходила саженей сто за лагерь, заняли охотники. Она впослѣдствіи такъ и называлась: „охотничья кала". Налѣво отъ палатки генерала стали ширванцы, направо—самурцы, еще правѣе, впослѣдствіи — ставропольцы и туркестанскій отрядъ. На передней линіи, фронтомъ къ Геокъ-Тепе, расположилась 4-ая дальнобойная баттарея капитана Полковникова. Остальныя части расположились по близости.

Днемъ войскамъ было очень много работы: то перегружать провіантъ, то рыть укрѣпленіе, то въ караулы, то верблюдовъ закапывать, которые съ прибытіемъ транспортовъ во множествѣ начали дохнуть въ окрестностяхъ. На работы ежедневно выходило нѣсколько ротъ, и работали съ утра и до вечера. Часто случалось, что тѣ-же люди, которые работали цѣлый день, должны были идти на ночь занимать караулы.

— Г-нъ маіоръ, прикажете посты разставлять?—спрашиваетъ меня вечеромъ офицеръ, дежурный по карауламъ, просовывая голову ко мнѣ въ юламейку (Скобелевъ поручилъ мнѣ разстановку всѣхъ ночныхъ постовъ и карауловъ).

— Развѣ зорю били? спрашиваю его.

— Никакъ нѣтъ-съ, сейчасъ бить будутъ.

Я надѣваю шашку и отправляюсь за офицеромъ. Солнце уже сѣло. Трескотня барабановъ начинаетъ оглашать лагерь. Стано-

вится холодно. Полушубокъ, что я купилъ недавно у Гродекова, пришелся мнѣ теперь какъ нельзя кстати. Кругомъ пылаютъ костры, отъ нѣкоторыхъ искры подымаются высоко къ потемнѣвшему небу. Черезъ полчаса будетъ совсѣмъ темно, надо торопиться.

— Отъ какихъ частей посты? спрашиваю офицера, направляясь за черту лагеря.

— Отъ 1-ой ширванской роты и 2-ой таманской сотни. (Кавалерія занимала посты ночью въ пѣшемъ строю).

Саженей 50 за лагеремъ стоитъ кучка людей. Солдаты въ шинеляхъ въ рукава; казаки въ буркахъ и съ винтовками за плечами. Я тихонько веду ихъ. Начинается разстановка постовъ. Въ глубокой тиши слышится только полушопотъ разводящаго унтеръ-офицера: Вотъ васъ трое здѣсь; Нехфедовъ, ты за старшаго. Затѣмъ идемъ дальше, — слышится опять тотъ-же голосъ: Вотъ васъ трое. Ивановъ, ты за старшаго.—Слушаю, отвѣчаетъ тотъ. Пока разставляли посты, стало совсѣмъ темно. Остается еще десять казаковъ при урядникѣ; ихъ я веду саженей сто впередъ и кладу въ узенькой лощинкѣ въ секретъ. Преимущество секретовъ то, что непріятелю они не видны, тогда какъ часовой на посту весь видѣнъ, и непріятель могъ очень легко подползти къ нему, незамѣченный, между кустиками или по канавкѣ. Кромѣ того, секретъ, замѣтивъ непріятеля, очень удобно можетъ подпустить его близко и встрѣтить залпомъ. За то, съ другой стороны, неудобство секретовъ заключается въ томъ, что люди, улегшись гдѣ-либо въ канавѣ, или въ густой травѣ, иногда невольно засыпали, въ особенности ежели днемъ они были на работѣ и устали. Тогда непріятель, наткувшись на такой секретъ, могъ легко его перерѣзать.

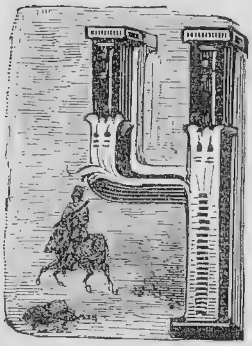
Но какъ ни опасно было выставлять секреты, я все-таки возлагалъ на нихъ большія надежды, такъ какъ часовому на посту рѣдко удавалось кого подстрѣлить. А какъ сердце

мое радовалось, когда, проходя ночью по лагерю, вдругъ слышишь раздается залпъ. Такъ ужь и знаешь, что это изъ секрета хватили!—И бѣжишь туда справиться, что за дичинка попалась? Если въ такую минуту я находился по близости палатки генерала, то слышалъ его голосъ:

— Кто тамъ? Ординарецъ! узнай, гдѣ стрѣляли!

ГЛАВА VIII.

Геокъ-Тепэ. 4-е декабря.



Четвертаго декабря, только что солнышко показалось изъ-за песковъ, возлѣ охотничьей калы выстроился отрядъ изъ 9-ти ротъ пѣхоты, 3-хъ сотенъ казаковъ и 16-ти орудій. Скобелевъ сегодня дѣлаетъ рекогносцировку Геокъ-Тепэ. Отрядъ двигается по тому-же направленію, какъ и 6-го іюля, т. е. правой стороной долины, вдоль горъ, къ селенію Янги-кала.

Утро отличное. Горы мѣстами покрыты снѣгомъ. Воздухъ совершенно чистъ и свѣжъ. Я оглядываюсь назадъ, смотрю: въ Самурскомъ одиноко бѣлѣютъ покинутыя палатки и юламейки. Оставшіеся солдаты въ коротенькихъ жолтыхъ полушубкахъ повзлѣзали на глиняныя стѣнки и смотрятъ, какъ мы удаляемся. Отрядъ идетъ развернутымъ фронтомъ, скорымъ шагомъ. На лѣвомъ флангѣ идетъ 4-ый баталіонъ апшеронскаго полка. Вонъ я вижу и знакомую мнѣ по Бендесенамъ 4-ую роту. Славная была рота! И фельдфебель въ ней какой бравый, высокій, полный, съ густыми русыми бакенбардами. Да и не могла быть эта рота неисправной. Командиръ ея, поручикъ Чикаревъ, былъ всегда за работой. Когда ни придешь къ нему, все онъ въ ротѣ, все съ солдатами возится.

Но странно, при моемъ разговорѣ съ нимъ, онъ каждый разъ мнѣ высказывалъ свое грустное предчувствіе, что ему не воротиться домой.

— Убьютъ меня, убьютъ, маіоръ, вотъ вы увидите, вспомните!—говорилъ онъ съ улыбкой, щуря свои узенькіе глаза.

Чикаревъ былъ еще молодой человѣкъ, живой, бодрый, лицо рыжее, безъ бороды, и все покрыто веснушками.

Отрядъ все тѣмъ-же скорымъ шагомъ продолжаетъ идти, широко развернувшись фронтомъ. Генералъ съ конвоемъ, отъѣхавъ немного впередъ, замѣчаетъ, что онъ опередилъ отрядъ, останавливаетъ сѣраго коня и поджидаетъ. Сначала слышенъ шумъ колесъ, зарядныхъ ящиковъ, звонъ орудій; затѣмъ, прислушавшись, можно разобрать, какъ пѣхота мѣрно отбиваетъ ногу. Отъ середины фронта, влѣво, краснѣютъ длинной узенькой полоской околыши апшеронцевъ; отъ середины вправо — чернѣютъ ширванскіе.

Мы такъ скоро шли, что только когда приблизились къ гребню холма, за которымъ скрывалось Геокъ-Тепэ, текинцы замѣтили насъ. Съ кургана крѣпости раздался пушечный выстрѣлъ, возвѣщавшій о нашемъ появленіи. Я въ первый разъ увидалъ Геокъ-Тепэ такъ близко. Крѣпость была отъ насъ верстахъ въ четырехъ на юго-востокъ. Прямо-же передъ нами, верстахъ въ двухъ, тянулись оголенные отъ листьевъ сады селенія Янги-кала. Они шли отъ крѣпости наперерѣзъ черезъ оазисъ къ горамъ, и съ версту не доходили до нихъ.

Мы спускаемся съ холма, подходимъ къ ручью, что течетъ съ горъ въ Янги-калу, и останавливаемся. Скобелевъ и всѣ офицеры смотрятъ на сады, куда изъ Геокъ-Тепэ непріятель спѣшитъ густыми массами, преимущественно пѣшій. Конные текинцы заскакиваютъ намъ съ лѣваго фланга въ тылъ, какъ-бы стараясь отрѣзать отступленіе къ Самурскому. Изъза каждой хатки, изъ-за каждой стѣнки торчатъ сотни непріятельскихъ головъ въ чорныхъ мохнатыхъ папахахъ. Пули какъ шмели начинаютъ летать черезъ насъ. Уже въ резервѣ кричитъ кто-то:—А-ай, а-ай! Генералъ стоитъ на невысокомъ

холмикѣ и продолжаетъ смотрѣть въ бинокль. Отъ пѣхоты отдѣляются кучки солдатъ и, отбѣжавъ саженей сто, залегаютъ за прикрытіями. Орудія въѣзжаютъ на пригорки и открываютъ огонь по садамъ. Текинцы замѣчаютъ группу офицеровъ, гдѣ стоитъ Скобелевъ, пули начинаютъ свистать чаще и чаще. Генералъ внезапно оборачивается къ намъ и кричитъ:—Прошу, господа, разойтись!

Я отхожу въ сторону. Самурскаго отсюда за холмомъ не видно. Конные текинцы громадной подковой, въ одну шеренгу, стоятъ у насъ въ тылу. Осмотрѣвшись кругомъ, я вижу невдалекѣ передъ собой небольшой пригорокъ, за нимъ залегли наши стрѣлки.

— Дай, думаю, пойду къ нимъ, пострѣляю, чѣмъ такъ стоять зря, и служить мишенью. Генералъ вѣрно не спроситъ меня.

Иду къ солдатамъ, ложусь между ними, беру у одного берданку и начинаю высматривать непріятеля. Сады пересѣкаютъ тысячи глиняныхъ стѣнокъ, по всевозможнымъ направленіямъ. Множество различныхъ башенокъ, домиковъ, виднѣются изъза этихъ стѣнъ. Надъ всѣми ими торчатъ мохнатыя папахи текинцевъ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наши снаряды падаютъ рѣже и стрѣлковыя цѣпи дѣйствуютъ не такъ рѣшительно, тамъ текинцы ободряются, дѣлаются смѣлѣе, и одинъ за другимъ, скорчившись и прижавшись около стѣнокъ, перебѣгаютъ ближе къ намъ. И наоборотъ: гдѣ шрапнель разрывается чаще, тамъ и непріятель робѣетъ и покидаетъ свое убѣжище.

Спустя нѣкоторое время, ни нашихъ, ни непріятеля не стало видно. И тѣ, и другіе стали осторожнѣе. Только артиллерія, окутавшись облаками синяго и бѣлаго дыму, продолжала отчетливо, не торопясь, разъ за разомъ, посылать непріятелю свои чугунные гостинцы. Вотъ одинъ снарядъ попалъ должно быть очень удачно. Изъ-за маленькой башенки поднялся густой черный столбъ песку и дыму, и вслѣдъ за нимъ—вдругъ повалила назадъ масса текинцевъ съ крикомъ и воемъ! Пестрые халаты ихъ такъ и замелькали

между оголенными деревьями и кустами. Я все продолжаю лежать и всматриваться. Во-онъ, саженей триста или четыреста передо мной, осторожно показывается изъ-за обломка стѣны фигура текинца, въ черной мохнатой шапкѣ и съ такой-же черной бородой. Стоя на колѣняхъ и опершись лѣвой рукой на землю, онъ пристальнымъ взоромъ всматривается какъ будто въ меня, хотя я такъ лежу, что онъ врядъ-ли могъ меня видѣть. Я хорошенько прилаживаю ружье, ставлю прицѣлъ на 1200 шаговъ и цѣлю. Лежа стрѣлять мнѣ очень удобно, я не тороплюсь. Солдатъ, у котораго я взялъ ружье, шепчетъ мнѣ на ухо:

— Цѣльте въ поясъ, ваше благородіе, а то перенесетъ.

Я нажимаю спускъ. Выстрѣлъ раздается, текинецъ быстро прячется за стѣнку.

— Кажись, не попали! говоритъ мнѣ солдатъ съ улыбкой

Я нѣсколько сконфуженно отворяю затворъ, при чемъ пустая гильза летитъ мнѣ черезъ голову, и вкладываю новый патронъ. Въ эту минуту, смотрю, мой текинецъ снова высовывается изъ-за стѣнки, еще болѣе осторожно, и цѣлитъ изъ ружья. Я поскорѣй уменьшаю прицѣлъ на 100 шаговъ, снова прилаживаюсь поудобнѣе, и стрѣляю. Текинецъ моментально скрылся, и больше въ этомъ мѣстѣ не показывался.

Пока артиллерія и пѣхота стрѣляли, бывшіе при отрядѣ топографы дѣлали съемку мѣстности Янги-калы и ея окрестностей: въ этомъ заключалась главная задача рекогносцировки.

Около полудня мы трогаемся отсюда, сначала немного влѣво, къ Самурскому, чтобы выйти изъ подъ выстрѣловъ, и затѣмъ направляемся наперерѣзъ оазиса—параллельно садамъ Янги-калы, къ Геокъ-Тепэ. Текинцы, замѣтивъ наше движеніе, густыми толпами устремляются обратно въ свою крѣпость. Верстахъ въ двухъ отъ Геокъ-Тепэ стоитъ кала, называвшаяся у насъ Опорная. Такъ вотъ, пройдя ее немного, отрядъ останавливается. Здѣсь повторяется тоже самое, что и подъ Янги-калой: артиллерія открываетъ огонь по крѣпости, пѣхота высылаетъ стрѣлковыя цѣпи, топографы принимаются за съемку. Теперь начала стрѣлять по насъ и текинская пушка. Помню,

стою я подлѣ топографа Сафонова и смотрю, какъ онъ работаетъ. Вдругъ что-то позади насъ съ шумомъ шлепается въ песокъ, оглядываюсь — каменное сплошное ядро величиной съ апельсинъ. Конечно, попасть такимъ ядромъ было очень мало вѣроятности, тѣмъ не менѣе пушечные выстрѣлы текинцевъ, съ такой командующей высоты, производили нравственное впечатлѣніе на самихъ-же защитниковъ и поддерживали въ нихъ духъ бодрости.

Было уже за полдень, когда Скобелевъ приказалъ командиру 1-го ширванскаго баталіона, подполковнику Гогоберидзе, дать залпъ по крѣпости цѣлымъ баталіономъ. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ четыре роты выстроились въ двѣ длинныя шеренги. Ротные командиры и субалтерны, зная, что на нихъ съ любопытствомъ смотритъ генеральское око, суетливо пробѣгаютъ передъ фронтомъ и провѣряютъ прицѣлы, которые совершенно подняты и, люди, держа ружья на перевѣсъ, цѣлятся въ самую верхушку мушки. Затѣмъ, передняя шеренга становится на одно колѣно; офицеры отбѣгаютъ за фронтъ; Гогоберидзе, стоя за фронтомъ, громко и протяжно командуетъ: „Ба-та-ліонъ!“ и, затѣмъ, точно отрываетъ—„Пли!“ Шестьсотъ пуль, какъ одна, летитъ въ крѣпость. Генералъ и всѣ мы смотримъ. Пули должно быть не долетѣли до цѣли: длинныя, сѣрыя стѣны крѣпости какъ были покрыты непріятельскими фигурами, такъ и остались.

— Подполковникъ Гогоберидзе, дайте еще залпъ, только на три тысячи шаговъ, говоритъ Скобелевъ.

Черезъ нѣсколько минутъ раздается второй залпъ—текинцевъ точно что смахнуло со стѣны. Всѣ пропали; только одиночные часовые кое-гдѣ продолжали виднѣться.

А большая крѣпость Геокъ-Тепэ! В-о-онъ гдѣ ея конецъ, къ самымъ пескамъ подходитъ, версты двѣ длины, разсуждаю я, глядя въ бинокль на высокія глиняныя стѣны. Да и толсты-же должно быть онѣ! Вонъ по нимъ въ одномъ вмѣстѣ разъѣзжаетъ всадникъ, вонъ онъ спустился и черезъ минуту поднялся въ другомъ мѣстѣ. Текинцы то тутъ, то тамъ, показываются изъ-за стѣнъ цѣлыми толпами. Въ бинокль можно хорошо разглядѣть ихъ лица, одежду, оружіе. Текинцевъ

множество. У нѣкоторыхъ въ рукахъ видны, вмѣсто ружей, длинныя палки съ желѣзными наконечниками. Шапки у однихъ черныя, у другихъ бѣлыя; халаты всевозможныхъ цвѣтовъ.

Со стѣнъ изрѣдко стрѣляютъ изъ фальконетовъ (большія старинныя ружья). Солдаты подняли нѣсколько такихъ пуль: онѣ чугунныя, величиной съ грецкій орѣхъ. Говорятъ, текинцы большіе мастера стрѣлять изъ фальконетовъ.

Солнце было уже далеко за полдень, когда мы начали отступать къ Самурскому. Непріятель, очевидно, только того и ожидалъ. Поднялся ужаснѣйшій вой, крикъ. Тысячами бросаются они изъ крѣпости, и конные и пѣшіе, и со всѣхъ сторонъ обхватываютъ отрядъ.

Двѣ сотни казаковъ, разсыпавшись цѣпью въ арьергардѣ и по флангамъ, въ видѣ серповъ, отстрѣливаются отъ непріятеля, не слѣзая съ коней. Кромѣ того, рота пѣхоты тоже идетъ въ арьергардѣ, безпрестанно останавливается и стрѣляетъ залпами. Обѣ арьергардныя сотни и рота составляютъ какъ-бы черту, дальше которой непріятель не долженъ приближаться къ отряду.

Солнце скрылось, становится темно. Но вотъ изъ-за песковъ выкатывается луна, и свѣтитъ серебристымъ зеленоватымъ блескомъ. Текинцы, все настойчивѣе, все смѣлѣе преслѣдуютъ насъ.

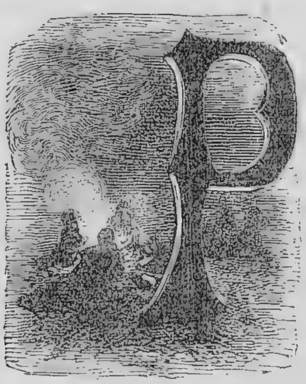
Нашъ флангъ подымается на песчаный холмикъ, который много выше другихъ. Я чувствую, что только мы начнемъ спускаться съ холма, непріятель займетъ его и чуть не въ упоръ будетъ стрѣлять. Оглядываюсь назадъ, вижу, толпа всадниковъ близехонько остановилась, скучилась и зорко слѣдитъ за нашимъ движеніемъ. Я невольно подталкиваю лошадь и скачу ближе къ своимъ. Не успѣли мы отъѣхать и ста саженей, черезъ наши головы засвистали непріятельскія пули.

Подлѣ меня въ цѣпи ѣхало нѣсколько осетинъ; одинъ изъ нихъ сваливается съ лошади, товарищи подскакиваютъ къ раненому и подхватываютъ (этотъ осетинъ на другой день умеръ). Текинцы, видя удачу, еще болѣе ожесточаются,

начинают сильнѣе визжать и учащают огонь. Генерал очень часто присылает в цѣпь казаков с приказаніями: то не отставать и держаться ближе к отряду; то, наоборот, сильнѣе задерживать непріятеля. Отряд идет очень медленно. Приходится поминутно останавливаться и стрѣлять. При ярком лунном свѣтѣ картина нашего отступленія была чрезвычайно эффектна. Впереди неясно очерчивается скученная масса отряда; по бокам арьергарда, в цѣпи казаков, огненной змѣйкой переливаются огоньки. В самом-же тылу от роты поминутно вспыхивают длинныя огненныя полоски. В ночной тиши грохочут залпы: тра-а-а, тра-а-а!.. Им гдѣ-то вдали вторит пронзительный вой текинцев: ги-и-и, ги-и-и! В дыму и огнѣ я вижу, как Скобелев быстро поворачивается на своем сѣром конѣ, объѣзжает солдат, ободряет их; слышно как тѣ отвѣчают ему „ради стараться, ваше превосходительство“ — вдруг среди всего этого настает полнѣйшая темнота, луна пропадает—происходит лунное затмѣніе. Текинцы, как мусульмане, принимают это за дурное предзнаменованіе, и, ошеломленные зловѣщим для них явленіем, перестают стрѣлять. Наши выстрѣлы тоже прекращаются, и мы, среди глубокой тишины, в темнотѣ, чуть не ощупью, без выстрѣла, доходим до Самурскаго. У нас оказалось 4 убитых солдата и 19 раненых, в том числѣ два офицера.

ГЛАВА IX.

Самурское укрѣпленіе. Ночные посты.



Рекогносцировка 4-го декабря еще сильнѣе убѣдила Скобелева, что непріятель храбръ и многочисленъ, что крѣпость Геокъ-Тепэ взять не легко и что осада дѣло нешуточное.

Силы наши все увеличиваются, свѣжія войска все пребываютъ, лагерь разростается. Теперь, если вечеромъ выйдешь разставлять посты, такъ огненные костры горятъ на такомъ обширномъ пространствѣ, что сердце радуется.

Я лежу не раздѣваясь въ своей юламейкѣ, то дремлю, то опять проснусь. Крѣпко заснуть нельзя, нужно идти провѣрять посты. Въ юламейкѣ градуса два-три, тепла. Тяжелые войлоки изнутри отсырѣли, а снаружи замерзли, такъ что до нихъ голой рукой и дотронуться противно. Зажигаю спичку, смотрю на часы, двѣнадцатый часъ: пора идти. Хоть и не хочется, а надо: генералъ сказалъ, что онъ на меня надѣется, что посты будутъ провѣрены. А какъ тепло лежать подъ буркой и полушубкомъ! Быстро вскакиваю съ постели, надѣваю полушубокъ, накидываю шашку, беру револьверъ и иду къ калѣ въ крымскую роту за разводящимъ. Воздухъ холодный. Луны нѣтъ, темнота полная. Идти скверно, безпрестанно спо-

тыкаешься: днемъ солнце разгрязнило почву, а теперь она замерзла неровными комьями. Костры почти всѣ погасли, и только у транспорта, что пришолъ сегодня изъ Бами, еще горитъ маленькій костеръ, вокругъ котораго собрались въ кружокъ вожаки туркмены. Подхожу къ нимъ ближе, слышу какое-то странное пѣніе, похожее немного на блеяніе овцы. Меня оно заинтересовало, и чтобы не испугать пѣвца, я осторожно приближаюсь къ костру, останавливаюсь и всматриваюсь. Лица вожаковъ, въ ихъ мохнатыхъ чорныхъ шапкахъ, по временамъ ярко освѣщаются вспыхивающимъ огнемъ. Старикъ пѣвецъ съ маленькой сѣдой бородкой, съ инструментомъ въ рукахъ, въ родѣ нашей балалайки, быстро наигрываетъ пальцемъ, и, закинувъ голову назадъ, дрожащимъ голосомъ тянетъ сначала громко, затѣмъ все слабѣе и слабѣе одну и ту-же ноту—э-э-э-э... Въ горлѣ у него точно что переливается; при этомъ самъ пѣвецъ слегка трясется, глаза закатываетъ подъ лобъ и въ такомъ положеніи замираетъ. Товарищи, усѣвшись въ кружокъ, съ наслажденіемъ вслушиваются, притаивъ дыханіе. На ихъ лицахъ выражается восторгъ. Они изрѣдка покачиваютъ головами въ знакъ одобренія, и чуть слышно, почти шопотомъ гортанно восклицаютъ: якши, якши! *). Это пѣніе, хотя очень странное, мнѣ понравилось: въ немъ было что-то увлекательное, все равно какъ въ какомъ-либо дикомъ танцѣ, гдѣ танцоръ или танцовщица начинаетъ бѣшено кружиться на одномъ мѣстѣ, затѣмъ все тише, тише, наконецъ ослабѣваетъ и останавливается. Одинъ изъ туркменъ, понимавшій немного по-русски, объяснилъ мнѣ, что въ этой пѣснѣ восхвалялся ихъ древній „батырь“ (богатырь) за свою храбрость и силу, и что у нихъ поется также пѣсня, гдѣ прославляется и нашъ Нефесъ-Мергенъ. Вотъ думаю, какъ скоро прославился Нефесъ-Мергенъ, даже попалъ въ народную пѣсню!

Посмотрѣвъ на туркменъ, иду дальше и натыкаюсь на вожаковъ киргизовъ. Они въ темнотѣ, въ своихъ уродливыхъ

*) Хорошо, хорошо.

мохнатыхъ шапкахъ, похожихъ на наши старинные женскіе мѣховые капоры, дѣлили на части распростертаго по землѣ верблюда. Верблюдъ этотъ былъ дохлый, я еще днемъ видѣлъ его лежащаго здѣсь. Но тогда киргизы не смѣли его тронуть; а теперь, когда всѣ улеглись спать, они втихомолку, точно гіены, напали на него и расправились. Для виду они прирѣзали ему горло; одинъ киргизъ вонъ уже и огонекъ разводитъ, чтобы поджаривать на немъ куски верблюжатины. — Отвратительно смотрѣть, какъ ѣдятъ киргизы. Они скорѣй не ѣдятъ, а пожираютъ; при этомъ хватаютъ окровавленное мясо прямо руками, и такъ жадно жуютъ и глотаютъ, что страшно становилось, какъ-бы они не подавились. Узенькіе косые глаза ихъ въ тѣ минуты смежаются еще уже; на бронзовыхъ лицахъ съ жиденькими бородками появляются уродливыя гримасы, выражающія наслажденіе. Туркмены, въ особенности текинцы, стоятъ гораздо выше киргизовъ въ отношеніи ѣды. Они никогда не рѣшатся ѣсть дохлятины, тогда какъ киргизамъ это ни почемъ. Я спросилъ ихъ: Какъ-же вы ѣдите дохлаго верблюда? На это одинъ изъ нихъ, отрѣзая ножомъ около самаго рта кусокъ сыраго мяса, совершенно спокойно отвѣтилъ мнѣ: Онъ, бачка *), только сейчасъ издохъ.

Вмѣсто того, чтобы искать разводящаго, я отправляюсь одинъ мимо самурцевъ, сквозь проломанную стѣнку, и подхожу къ посту. Часовой окликаетъ меня вполголоса:

— Кто идетъ?

— Свой, отвѣчаю ему, и тихонько спрашиваю:

— Ну что, все благополучно?

— Такъ точно.

— Ничего незамѣтно?

— Никакъ нѣтъ.

Остальные два солдата лежали возлѣ, окутавъ головы башлыками. Нашъ разговоръ разбудилъ ихъ и они усѣлись возлѣ часового.

— Гдѣ другой постъ? спрашиваю.

---

*) Господинъ.

— Эдта влѣво, ваше высокоблагородіе! Онъ вотъ сейчасъ видѣнъ былъ, а теперь потемнѣло, што-ли!—и солдатъ наклоняется и пристально всматривается въ темноту.

Я отхожу нѣсколько шаговъ впередъ, по указанному направленію, останавливаюсь, наклоняюсь, всматриваюсь (ночью чѣмъ ниже наклонишься, тѣмъ дальше видишь), ночь такая темная, что я ни взадъ, ни впередъ ничего не вижу.—„Кто идетъ?“ — слышу опять голосъ. Я откликаюсь, подаюсь еще нѣсколько, и въ трехъ шагахъ передъ собой вижу одиноко стоящаго часоваго. У насъ повторяется опять тотъ-же разговоръ: „Ничего не видно?“—„Никакъ нѣтъ“ и т. д.

Пройдя самурцевъ, обхожу посты, которые занимали тверскіе драгуны. Часовые исправно стояли, переминаясь съ ноги на ногу, и только бряцаніемъ шпоръ нарушали общую тишину. Отсюда заворачиваю вдоль лѣваго фланга лагеря. Здѣсь идти еще хуже: кругомъ все вытоптанные виноградные сады; ихъ корни чрезвычайно цѣпки и я поминутно спотыкаюсь, что въ темнотѣ производитъ на меня чрезвычайно непріятное впечатлѣніе. Я браню себя, что пошелъ одинъ, безъ разводящаго. Только что начинаю разбирать въ темнотѣ слѣдующій постъ, какъ съ него мелькаетъ огонекъ и раздается выстрѣлъ. Подбѣгаю, смотрю: всѣ трое солдатъ стоятъ и перешептываются.

— Чего вы тутъ стрѣляете? сердито спрашиваю ихъ вполголоса.

— Чакинецъ, ваше благородіе,—робко отвѣчаетъ часовой шопотомъ и, указывая рукой впередъ, посматриваетъ на товарищей. Онъ видимо самъ испугался своего выстрѣла. Товарищи съ просонья дрожали отъ холода всѣми суставами и кутались въ шинели. Я прихожу къ убѣжденію, что имъ померещился текинецъ, такъ какъ они что-то плохо отвѣчали на мои вопросы. А въ темнотѣ померещиться часовому могло очень легко: онъ стоитъ въ полночь свою смѣну, стоитъ, кажется, и конца не дождется. Товарищи сладко похрапываютъ возлѣ его ногъ, укутавшись шинелями. День провелъ онъ на работѣ, усталъ; сонъ слипаетъ глаза, а тутъ смотри, чтобы текинецъ не подползъ да не застрѣлилъ тебя. Только онъ за-

дремалъ, какъ ему представляется текинецъ; открываетъ глаза—темно, вѣтерокъ въ эту минуту наклоняетъ кустикъ, который въ настроенномъ воображеніи солдата, пожалуй, рисуется папахой текинца. Для смѣлости часовой тихонько будитъ товарища, тотъ съ просонья вскакиваетъ, смотритъ и шепчетъ: Чакинецъ! Ну часовой благословясь и стрѣляетъ.

Хотя такіе выстрѣлы и частенько случались, но рѣдкую ночь у насъ обходилось безъ того, чтобы гдѣ-нибудь на посту или въ секретѣ не подстрѣлили непріятеля. Помню того перваго, что застрѣлили изъ охотничьей калы. Такъ какъ ночью бѣжать туда узнавать было далеко, то я пошелъ на разсвѣтѣ. Шагахъ въ пятидесяти отъ калы лежалъ на боку убитый текинецъ, уже пожилой, съ маленькой черной бородкой, и точно спалъ. Больше всего меня удивили его руки: онѣ были маленькія, нѣжныя, совершенно женскія. Какъ мнѣ объяснили туркмены джигиты, убитый должно быть происходилъ изъ знатнаго роду „батырей", и потому никакой грубой работой не занимался.

Отъ ширванцевъ иду дальше. Прохожу посты таманскаго казачьяго полка, лабинскаго, оренбургскаго, пѣхотные дагестанскіе, крымскіе, заворочиваю къ горамъ: здѣсь тянутся ставропольскіе баталіоны. Это былъ лихой полкъ. Стоило только взглянуть на ихъ командира, полковника Козелкова, чтобы сразу понять, что у него солдатъ не задремлетъ на посту, да и офицеръ не прозѣваетъ.

Не знаю почему, но въ Козелковѣ мнѣ представлялся типъ командира полка старыхъ николаевскихъ временъ. Росту былъ онъ выше средняго, тучный, лицо съ двойнымъ подбородкомъ.

Кажется на второй-же день, какъ пришли ставропольцы въ Самурское, я захожу въ одинъ изъ баталіоновъ и говорю дежурному по полку насчетъ постовъ: почему у нихъ не хватило людей?—вдругъ за юламейкой раздается баситый голосъ Козелкова:

— Капитанъ Бабаевъ! — Изъ сосѣдней палатки, точно ошпаренный, выскакиваетъ старый высокій капитанъ и, засте-

гивая по пути портупею, направляется къ командиру полка. Я слышу ихъ разговоръ.

— Почему у васъ людей не хватило?—Молчаніе.

— *Вы* вчера дежурили?

— Я-съ, господинъ полковникъ—отвѣчалъ капитанъ осипшимъ голосомъ.

— Будете и завтра дежурить. Можете идти-съ! сухо отвѣчаетъ полковникъ,—и старый сѣдовласый капитанъ, командиръ роты, точно школьникъ, молча, на цыпочкахъ, понуривъ голову, уходитъ въ свою палатку.

Только что я обошелъ посты и направился къ своей юламейкѣ, какъ со стороны ширванцевъ раздается залпъ изъ секрета. Я бѣгу узнать. Подхожу къ секрету и сажусь между солдатами, чтобы насъ не было видно, и спрашиваю ихъ шопотомъ:

— Въ кого вы стрѣляли?

— Текинцы, ваше высокоблагородіе, проѣзжали, мимо, человѣкъ двадцать, отвѣчаетъ старшій.

— Убили кого?

— Кажись нѣтъ, далеко было. Они только услыхали выстрѣлъ, какъ загалдятъ пѣсню какую-то по своему, во все горло, да и поскакали туда къ пескамъ.

Я приказываю имъ быть осторожнѣе, подпускать ближе на выстрѣлъ, не торопиться, и отправляюсь назадъ мимо генеральской палатки, такъ какъ знаю, что генералъ слышалъ залпъ и пожелаетъ знать, въ чемъ дѣло. Не доходя немного до лагеря, смотрю, кто-то идетъ на встрѣчу въ буркѣ. Окликаю—Ушаковъ.

— Генералъ послалъ узнать, по комъ стрѣляли, говоритъ тотъ скороговоркой.

Я разсказываю, и мы идемъ назадъ вмѣстѣ.

— Ну, что тамъ такое? спрашиваетъ Скобелевъ изъ палатки, заслышавъ наши шаги.

— Текинцы подъѣзжали, человѣкъ двадцать, но довольно далеко, такъ что залпъ не задѣлъ никого,—объясняю ему, просовывая голову въ дверь палатки.

— Какіе это болваны въ секретѣ сидятъ, не могутъ подпустить на дѣйствительный выстрѣлъ, ворчитъ Скобелевъ сонливымъ недовольнымъ тономъ, ворочаясь на постелѣ.

— Пожайлуста, смотрите хорошенько, говоритъ онъ мнѣ, и отпускаетъ. Начинало разсвѣтать, когда я пришелъ къ себѣ въ юламейку.

---

11 и 12-го декабря у насъ опять были рекогносцировки Геокъ-Тепэ. Не помню, въ которую именно изъ нихъ выпросился у Скобелева одинъ изъ военныхъ чиновниковъ отряда, сопровождать генерала. Скобелевъ съ удовольствіемъ согласился. Чиновникъ вѣроятно думалъ, что это будетъ очень пріятная и интересная прогулка, и что въ случаѣ, если ему захочется вернуться, то онъ можетъ это исполнить во всякое время. А вышло иначе. Когда мы подошли ближе къ крѣпости и мимо нашихъ ушей начали летать пули, чиновникъ измѣнился въ лицѣ, оглянулся назадъ къ Самурскому, а тамъ уже заскакали текинцы, значитъ назадъ ѣхать нельзя. Надо ждать конца рекогносцировки. И вотъ, несчастный любитель сильныхъ ощущеній долженъ былъ цѣлый день, волей неволей, сидѣть въ сѣдлѣ какъ на иголкахъ, и ждать, что вотъ-вотъ шальная пуля ударится въ него.

Когда отрядъ вечеромъ возвратился въ Самурское, съ чиновникомъ сдѣлалось что-то въ родѣ нервной горячки. Всю ночь онъ не далъ намъ покою и кричалъ на весь лагерь. Только заснетъ немного, успокоится, какъ опять начинаетъ кричать страшнымъ голосомъ: Ай- ай, ай-ай... Его уложили въ госпиталь, и онъ пролежалъ чуть-ли не двѣ недѣли.

15-го декабря, часа въ два пополудни, мы всѣ обѣдали въ общемъ шатрѣ съ генераломъ, какъ вдругъ къ намъ входитъ, своей развалистой походкой, разминаясь отъ продолжительной

верховой ѣзды, полковникъ Куропаткинъ, въ длинномъ черномъ сюртукѣ.

— А! Алексѣй Николаичъ, другъ мой!—восклицаетъ Скобелевъ и обнимается съ нимъ.

Затѣмъ Куропаткинъ обходитъ всѣхъ сидящихъ за столомъ, здоровается, знакомится; замѣтивъ меня тоже пріятельски обнимается и восклицаетъ: А старый товарищъ, здравствуйте!

Я очень обрадовался Куропаткину. Мы съ нимъ не видались ровно четыре года, и вдругъ опять встрѣчаемся въ походѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я съ нимъ не видался, онъ на мой взглядъ сильно поправился, пополнѣлъ и сдѣлался молодцоватѣе.

Куропаткинъ привелъ изъ Туркестана отъ генерала Кауфмана отрядъ въ тысячу человѣкъ на подмогу Скобелеву.

Всего отъ Аму-Дарьи до Ахалъ-Текинскаго оазиса Туркестанскимъ отрядомъ было сдѣлано 900 верстъ, въ томъ числѣ 500 верстъ по песчаной и каменистой пустынѣ, безводной до такой степени, что 900 верблюдовъ отряда за весь этотъ путь были напоены два раза: на колодцахъ Ортакуй и колодцахъ Игды. Средняя величина 14-ти переходовъ по пустынѣ была по 36-ти верстъ каждый. Шли днемъ и ночью. Больныхъ за весь путь оказалось два человѣка, которыхъ и сдали въ Бамійскій госпиталь. Остальные совершенно свѣжими пришли въ Самурское.

Встрѣчая туркестанскій отрядъ, Скобелевъ отъ души хвалилъ ихъ за бодрый, молодецкій видъ и щеголеватость, судя по которымъ трудно вѣрилось, что отрядъ прошелъ до Самурскаго почти 900 верстъ форсированнымъ маршемъ.

Послѣ обѣда всѣ отправились встрѣчать туркестанскій отрядъ. Всего больше понравились мнѣ уральскіе казаки.

Гдѣ только Куропаткинъ подобралъ такихъ: молодецъ къ молодцу, росту высокаго, всѣ съ черными бородами, въ большихъ мохнатыхъ, черныхъ шапкахъ. Однимъ словомъ — внушительный народъ. Когда мнѣ привелось потомъ разставлять ихъ на почные посты, то какъ-то совѣстно становилось дѣлать имъ наставленіе: какъ надо держаться на посту, куда смотрѣть, откуда ждать нападенія, гдѣ опаснѣе. Уральцы казались такими опытными, бывалыми, что могли любаго офицера сами научить, какъ сидѣть въ секретѣ.

Теперь собрались въ Самурское почти всѣ силы, которыми Скобелевъ могъ располагать при штурмѣ Геокъ-Тепэ. Къ этому-же времени пріѣхали въ Самурское генералъ Анненковъ, строитель желѣзной дороги, и генералъ Петрусевичъ, начальникъ Закаспійской военной области. Петрусевичъ былъ чрезвычайно симпатиченъ: честнаго, прямого характера. Наружность имѣлъ представительную: высокаго роста, полный; лицо, обросшее длинной рыжей бородой, выражало умъ и энергію. Впослѣдствіи Скобелевъ самъ говорилъ о Петрусевичѣ, что это былъ незамѣнимый для него помощникъ. И дѣйствительно, проживъ много лѣтъ въ Закаспійскомъ краѣ, Петрусевичъ, кромѣ того, что сталъ владѣть въ совершенствѣ туркменскимъ языкомъ, превосходно изучилъ страну, обычаи и нравы тамошнихъ жителей. Всѣми этими познаніями онъ много помогъ Скобелеву въ подготовительныхъ трудахъ экспедиціи.

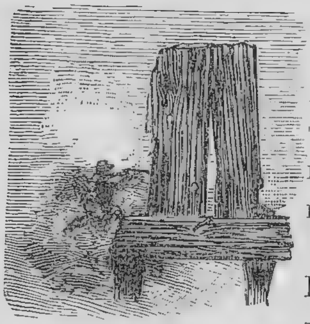
18-го декабря подъ Геокъ-Тепэ была произведена такъ называемая у насъ генеральская рекогносцировка. Названіе это она получила оттого, что въ ней принимали участіе не только-что всѣ начальники отдѣльныхъ частей, но и четыре генерала: Скобелевъ, Анненковъ, Петрусевичъ и Гродековъ, который только что передъ этимъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры за дѣло 6-го іюля. Я въ этой рекогносцировкѣ не былъ, но помню хорошо, что генералъ Анненковъ воротился

изъ нея раньше другихъ съ подвязанной правой рукой. Онъ, какъ мнѣ разсказывали товарищи, былъ раненъ именно въ ту минуту, когда отрядъ подошелъ къ аулу Янги-калѣ и Гродековъ сталъ читать начальникамъ частей диспозицію войскъ на 20-е декабря, для штурма Янги-калы. Пуля пробила пальто, шведскую куртку и скользнула по рукѣ. Генералъ Анненковъ остался въ Самурскомъ лѣчиться отъ раны.

Н. Г. Петрусевичъ.

ГЛАВА Х.

Во время осады Геокъ-Тепэ.



святнадцаго декабря, Скобелевъ, одѣтый, какъ и солдаты, въ дубленый полушубокъ, только съ погонами генеральнаго штаба, проѣзжалъ по лагерю. Встрѣчаетъ меня и говоритъ:

— Ну-съ, мы завтра выступаемъ подъ Геокъ-Тепэ, а вы остаетесь здѣсь комендантомъ. Слышите? И онъ нѣсколько ироническн смотритъ, какъ-бы желая знать, какое впечатлѣніе произведутъ на меня его слова.

Такой новости я дѣйствительно не ожидалъ. Какъ, думаю, всѣ мои товарищи пойдутъ впередъ, будутъ участвовать въ штурмѣ, конечно возьмутъ крѣпость, будутъ ликовать, получать награды, а я, точно отверженный какой, долженъ оставаться въ тылу и только завидовать имъ! — Все это моментально промелькнуло въ моей головѣ. Мнѣ стало больно, досадно; чувствую, какъ слезы навертываются на глазахъ. Я жалобнымъ тономъ обращаюсь къ генералу и говорю:

— Ваше превосходительство, за что-же вы хотите меня здѣсь оставить, вѣдь это уже во второй разъ?

— На войнѣ не разсуждаютъ. Что приказано, надо исполнять! строго восклицаетъ онъ. Затѣмъ, смилостивившись, съ

улыбкой говоритъ: — Впрочемъ, можете успокоиться, передъ штурмомъ я васъ вызову къ себѣ! — И, пожавъ мнѣ руку, генералъ поѣхалъ дальше по лагерю.

— Ну, что-же, говорю себѣ въ утѣшеніе; вѣрно онъ надѣется на меня, если поручаетъ такой важный постъ, какъ Самурское. Вѣдь въ немъ всѣ артиллерійскіе и интендантскіе склады, все то, на чемъ основанъ успѣхъ экспедиціи—и сообразивъ все это, я, совершенно довольный, иду къ Гайдарову принимать отъ него укрѣпленіе.

20-го декабря утро было отличное. Я, генералъ Анненковъ и почти весь гарнизонъ Самурскаго укрѣпленія стоимъ на передней глиняной стѣнкѣ и смотримъ, какъ всѣ наши войска—слишкомъ пять тысячъ человѣкъ, раздѣленныя впереди охотничьей калы на три колонны, направляются къ Геокъ-Тепэ. Первая колонна, полковника Куропаткина, 1,600 человѣкъ и 10 орудій, уже идетъ по знакомой дорожкѣ къ Янги-калѣ, правой стороной оазиса возлѣ горъ. Ее едва видно, и она вскорѣ скрывается за холмомъ.

Только она исчезла изъ виду, какъ трогается полковникъ Козелковъ съ своей колонной, прямикомъ на Янги-калу. Силы Козелкова немного меньше силъ Куропаткина: у него около 1,500 человѣкъ и тѣ же 10 орудій.

Одновременно съ Козелковымъ двигается Скобелевъ съ главными силами. Эта колонна очень внушительна: въ ней всего двѣ тысячи штыковъ, но 32 орудія съ прислугой и зарядными ящиками, да 7 эскадроновъ кавалеріи. Они придаютъ ей грозный видъ. И Козелковъ, и Скобелевъ двигаются такими сплошными черными массами, что любо глядѣть. Главныя силы направляются нѣсколько влѣво отъ Самурскаго, къ Опорной калѣ, въ промежутокъ между крѣпостью Геокъ-Тепэ и садами Янги-калы.

Защитники крѣпости должно быть почуяли, что для нихъ сегодня готовится что-то особое: едва войска выстроились, какъ уже съ ихъ кургана начали раскатываться пушечные выстрѣлы, возвѣщая о тревогѣ.

— Ну, голубчики, дождались вы, думаю я, глядя на ты-

сячи штыковъ, ярко сверкавшихъ на солнцѣ. Предлагали вамъ сдаться,—не хотѣли, ну теперь не прогнѣвайтесь, Скобелевъ шутить не будетъ!

У Куропаткина, на правомъ флангѣ, уже загудѣли пушки; мой гарнизонъ разошелся по юламейкамъ, генералъ Анненковъ тоже ушелъ къ себѣ, а я все еще продолжалъ любоваться, какъ наши войска, точно сбитыя гигантскими молотами въ двѣ громадныя желѣзныя глыбы, медленно, грозно, безъ выстрѣла двигались по долинѣ къ непріятелю, и наконецъ исчезли за холмомъ.

Проводилъ я войска и скорѣй бѣгу назадъ въ укрѣпленіе. Дѣла у меня пропасть. Положеніе серьезное. Я вполнѣ увѣренъ, что текинцы, замѣтивъ выступленіе войскъ, кинутся занять Самурское. Надо приготовиться отразить ихъ; а чѣмъ? Въ гарнизонѣ оставлено всего двѣ роты и двѣ сотни. Положимъ, пушекъ на эту ночь будетъ много—ихъ за недостаткомъ верблюдовъ нельзя было сразу взять — но завтра ихъ возьмутъ, и останется всего шесть, и тѣ безъ прислуги. День меня не страшилъ, — безпокоила ночь: гдѣ я постовъ наберусь? Лагерь обширный, войска ушли на-легкѣ, оставивъ здѣсь всѣ тяжести, госпитали, всѣ управленія; однихъ денегъ въ казначействѣ находилось слишкомъ полмилліона: все это надо сберечь. Такъ думалъ я, бѣгая по укрѣпленію и приказывая всѣмъ переноситься къ калѣ, гдѣ хранились артиллерійскіе припасы. Ихъ Скобелевъ приказалъ мнѣ беречь пуще глазу.

Но какъ я ни стягивался, какъ ни сокращалъ линію постовъ, все людей у меня не хватало; а объ резервѣ и говорить нечего: только и оставались, что больные да слабые.

Давай снова пересчитывать да распредѣлять свой гарнизонъ. Прежде всего внутренній караулъ: къ артиллерійскому складу надо 6 человѣкъ, къ провіантскому 6, къ казначейству 3, къ почтовому ящику 3, и т. д. Выходитъ 30 человѣкъ. Затѣмъ на посты, въ секреты... И если занять только самое необходимое, то въ случаѣ нападенія, встрѣтить непріятеля нечѣмъ. Какъ быть! Надо что-нибудь дѣлать! Сокращаю еще линію лагеря: ставлю къ почтѣ и казначейству одинъ

караулъ—3 человѣка, убавляю еще кое-гдѣ посты, къ складамъ ставлю только по 3 человѣка и, наконецъ, устраиваюсь. Чиновники безпрестанно, то одинъ, то другой, подходятъ ко мнѣ и спрашиваютъ:

— Что, маіоръ, обойдемся какъ-нибудь, не опасно?

— Ничего, не безпокойтесь, все отлично, — отвѣчаю я, а у самаго на сердцѣ кошки скребутъ.

Послѣ полудня бѣгу на барбетъ къ орудію, что стояло на лѣвомъ флангѣ передняго фаса, взглянуть, не видать-ли гдѣ нашихъ. По близости барбета помѣщалась юламейка генерала Анненкова; самъ генералъ тоже стоялъ на барбетѣ, въ пальто, правая рука подвязана бѣлой косынкой, и смотрѣлъ въ бинокль. Я становлюсь рядомъ съ нимъ, и вижу, что изъ-за гребня холма, въ промежуткѣ между крѣпостью и Янги-калой, уже торчатъ верхушки нашихъ юламеекъ.

— Слава Богу, значитъ наши заняли Янги-калу, и стали лагеремъ подъ Геокъ-Тепэ! И я, радостный, направляюсь къ своему дѣлу. Солнце уже низко, времени до ночи остается немного, а работы еще и на половину не кончены. Главное заботило меня, что когда лагерь стянулся, то кругомъ остались свободными всѣ глиняныя стѣнки, и ихъ требовалось или уничтожить, или занять постами; въ противномъ случ аѣ непріятель, при нападеніи, могъ отлично воспользоваться ими и въ упоръ открыть по насъ огонь. Попробовалъ я ломать ихъ, но они оказались такими крѣпкими, что пришлось только рукой махнуть. Пусть что будетъ.

Наступила ночь,—разставилъ посты; орудія приказалъ зарядить картечью, на всякій случай. Проходитъ часъ, другой, третій, я хожу отъ одного поста къ другому, отъ орудія къ орудію — все смирно, кругомъ тихо, только вонъ съ тылу раздается залпъ. Бѣгу узнать. Оказалось, подкрадывалось нѣсколько текинцевъ, вѣроятно провѣдать, насколько гарнизонъ остороженъ, но встрѣченные дружнымъ залпомъ, они поворотили назадъ. Вопреки моимъ предположеніямъ, ночь прошла благополучно.

На другой день, 21-го декабря, гарнизонъ оживился: со сто-

роны крѣпости Геокъ-Тепэ, показался нашъ транспортъ. Я выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Транспортъ велъ Петрусевичъ. Точно сейчасъ вижу, какъ онъ еще издали, сидя на своемъ маленькомъ сѣренькомъ киргизскомъ конѣ, привѣтливо раскланивается со мной. Сквозь очки ласково смотрятъ его добрые голубые глаза. По лицу его можно было угадать, что дѣла наши идутъ счастливо, и что можно быть спокойнымъ. Съ транспортомъ прибыло и нѣсколько моихъ товарищей. Начались разсказы, точно мы и вѣкъ не видались. Я узналъ, какъ и слѣдовало ожидать, что непріятель дерется отчаянно и о мирныхъ переговорахъ ничего и думать. На этотъ разъ къ намъ было привезено нѣсколько раненыхъ. На другое утро, Петрусевичъ забралъ интендантскіе грузы, орудія, массу артиллерійскихъ снарядовъ и отправился обратно. Съ того времени, какъ войска выступили подъ крѣпость, въ Самурское почти ежедневно приходили транспорты, подъ прикрытіемъ небольшаго отряда; они привозили раненыхъ, ночевали здѣсь и на слѣдующее утро, забравъ все что нужно было, уходили обратно подъ крѣпость. Мнѣ это было на руку—пользуясь приходившимъ прикрытіемъ, я бралъ изъ него людей и усиливалъ на ночь свои посты.

Не прошло двухъ сутокъ, какъ Петрусевичъ приводилъ въ Самурское транспортъ, у насъ распространяется слухъ, что онъ убитъ подъ Геокъ-Тепэ. Я бѣгу на геліографную станцію, которая помѣщалась на передней стѣнкѣ калы и переговаривалась съ отрядомъ, и прошу запросить начальника геліографовъ, капитана Максимовича, на сколько слухъ справедливъ. Черезъ четверть часа получаю отвѣтъ отъ Максимовича,

„Генералъ Петрусевичъ убитъ и похороненъ. Пришлите еще нѣсколько юламеекъ для моей команды“.

— Плохи, плохи наши дѣла, что-то дальше Господь дастъ!— думалъ я съ грустью, возвращаясь назадъ къ себѣ.

28-го декабря, вечеромъ, когда уже стемнѣло, я только-что разставилъ посты и возвращался въ укрѣпленіе, вдругъ слышу вдали надъ крѣпостью раздается гулъ орудій и частые безпорядочные ружейные выстрѣлы. Весь гарнизонъ нашъ выскочилъ изъ юламеекъ и смотритъ. Въ темнотѣ мы видимъ, какъ

надъ крѣпостью взвиваются свѣтлыя мортирныя бомбы съ огненными хвостами, на мгновеніе останавливаются въ зенитѣ своего полета и затѣмъ быстро летятъ внизъ. Нѣкоторые разрывы такъ отчетливо, съ такимъ яснымъ шипѣніемъ и свистомъ близехонько раздавались около насъ въ ночной тиши, что мы всѣ только подивились. Не знаю, чѣмъ объяснить это, чистотой-ли воздуха, или ночной тишиной. Крѣпко сжималось мое сердце, когда я слушалъ эту трескотню. Всѣ мы хорошо знали, что не даромъ она произошла, вѣрно текинцы напали на нашихъ. Помоги Господи нашимъ удержаться! крестясь шептали солдатики, и продолжали тревожно прислушиваться. Черезъ четверть часа все утихло.

На другой день мнѣ стало извѣстно, что текинцы сдѣлали вылазку и бросились на нашихъ въ траншеяхъ, гдѣ былъ 4-й апшеронскій баталіонъ: застали его врасплохъ, изрубили, захватили баталіонное знамя, одно горное орудіе и возвратились въ крѣпость. При этомъ больше всего досталось моей знакомой 14-й ротѣ: командиръ ея, Чикаревъ, былъ убитъ— предчувствіе не обмануло его. Распрашивалъ я потомъ нѣкоторыхъ солдатъ апшеронцевъ объ этомъ дѣлѣ, какъ оно случилось. Одинъ отвѣтилъ мнѣ: Да какъ, ваше высокоблагородіе. Темень была такая, что руки не видно, а слышишь, что ровно волна наплываетъ, что-то шуршитъ, стрѣлять не видно. Тутъ они какъ ахнутъ на насъ — и пошло дѣло. Оказалось потомъ, что текинцы, воспользовавшись темнотой, подкрались къ нашимъ траншеямъ безъ выстрѣла, съ шашками на-голо, и затѣмъ съ гикомъ бросились. Однимъ изъ первыхъ былъ убитъ командиръ апшеронскаго баталіона, подполковникъ Магаловъ, затѣмъ ротный командиръ Чикаревъ, его субалтернъ Готто, молоденькій, задумчивый брюнетъ, который, помню, въ Бендесенахъ бывало придетъ къ моей юламейкѣ, сядетъ на орудіе, что стояло возлѣ, и по цѣлымъ часамъ смотритъ куда-то въ даль, не отрывая глазъ.

30-го декабря текинцы повторили вылазку. Вечеромъ, послѣ заката солнца, слышу, опять подымаются пушечные раскаты и ружейные выстрѣлы. Бѣгу на барбетъ и застаю уже тамъ

генерала Анненкова. Передъ нами открывается та-же самая картина, что и 28-го декабря: въ ночной темнотѣ видимъ, надъ крѣпостью подымаются точно огненныя яблоки и затѣмъ быстро летятъ внизъ. Кругомъ насъ высыпавшіе изъ юламеекъ солдатики вполголоса переговариваются другъ съ другомъ и восклицаютъ: Что-то на этотъ разъ, поможетъ-ли нашимъ Господь Богъ? и т. д. Вторая вылазка была менѣе удачна для непріятеля, но ему все-таки удалось отбить одно горное орудіе и увезти съ собой.

Несмотря на вылазки, Скобелевъ продолжалъ земляныя работы и все ближе подвигался по траншеямъ къ крѣпости. Къ новому году нашъ лагерь отстоялъ отъ стѣнъ не больше какъ на 600 саженъ.

Не забуду я кануна новаго 1881 года. Помню, лежу въ своей юламейкѣ, время около полуночи. Я передъ этимъ провѣрялъ посты, утомился и теперь прилегъ вздремнуть. Вдругъ земля загудѣла, раздался страшный взрывъ, я чуть не свалился съ кровати, выбѣгаю смотрѣть, что случилось. Казалось, отъ такого взрыва вся крѣпость Геокъ-Тепэ должна была взлетѣть на воздухъ. Ничего не видно, кругомъ все тихо. Тутъ я вспомнилъ, что генералъ Скобелевъ обѣщался залпомъ по крѣпости изъ всѣхъ семидесяти орудій встрѣтить Новый годъ. Ну, вотъ онъ и встрѣтилъ!

Все это время погода стояла отличная, такая, какъ у насъ на сѣверѣ бываетъ въ началѣ апрѣля: днемъ солнце, тепло, утромъ и вечеромъ подмораживаетъ. Зима, очевидно, здѣсь уже прошла, о снѣгѣ и помину нѣтъ. Зато, случалось, подымался такой холодный, сильный вѣтеръ съ пескомъ и пылью, что залѣплялъ носъ, глаза, уши, и мы не знали, куда отъ него дѣться. Такой именно ураганъ поднялся разъ въ первыхъ числахъ января, въ самую полночь. Я испугался, какъ-бы въ это время непріятель не напалъ на насъ. Ужь если, думаю, текинцы могли смять въ отрядѣ цѣлый баталіонъ, то что-же-бы было съ нашимъ укрѣпленіемъ, гдѣ посты стояли чуть-ли не въ ста шагахъ одинъ отъ другого. Выскакиваю изъ юламейки, чтобы пробѣжать по постамъ, да куда!

— и думать нечего, вѣтеръ чуть не сбилъ меня съ ногъ. Темень сдѣлалась такая, что буквально не видно не зги. И я, отойдя всего два шага отъ юламейки, былъ радехонекъ, когда ощупью опять добрался до нея. Ураганъ длился съ четверть часа. Въ юламейкѣ все было засыпано пескомъ. Мелкая пыль пробилась вездѣ, въ платье, въ дорожныя сумы, подъ подушку, въ бѣлье.

Къ Новому году почти всѣ полевыя управленія, всѣ интендантскіе и артиллерійскіе грузы были перевезены въ дѣйствующій отрядъ. Въ Самурскомъ остался одинъ госпиталь, который все расширялся. Внутреннія стѣны калы заставились шатрами, гдѣ помѣщались раненые. Вмѣстѣ съ другими, прибыли въ Самурское знакомые мнѣ офицеры, подполковникъ Гогоберидзе и морякъ, капитанъ Зубовъ, оба раненые въ ноги. Я навѣщалъ ихъ каждый день и просиживалъ цѣлые часы. Въ особенности понравился мнѣ Зубовъ: георгіевскій кавалеръ, съ виду очень суровый, неразговорчивый, чрезвычайно высокаго роста и худощавый; когда сидѣлъ, то колѣни его достигали чуть не до самой груди. Несмотря на такой ростъ, въ Зубовѣ было что-то особенно привлекательное. Когда-же я стороной узналъ его служебное положеніе, какъ онъ, вслѣдствіе несчастнаго обстоятельства, былъ разжалованъ въ солдаты и ему пришлось вторично проходить всю службу до капитанскаго чина и снова заслуживать Георгіевскій крестъ, то Зубовъ еще болѣе возвысился въ моихъ глазахъ. Я смотрѣлъ на его суровую, спокойную фигуру, смуглое загорѣлое лицо съ густыми черными усами, и онъ представлялся мнѣ идеальнымъ капитаномъ корабля, который могъ въ самую сильную бурю, въ самую критическую минуту, когда весь экипажъ на волоскѣ отъ гибели, хладнокровно, не измѣнясь въ лицѣ, распоряжаться и отдавать приказанія своимъ сильнымъ басистымъ голосомъ.

Странныя вещи приходилось иногда видѣть на войнѣ, между ранеными: другой, кажется, такъ легко раненъ, что нечего-бы и вниманіе обращать, а черезъ нѣсколько времени, смотришь, человѣкъ умираетъ. Такъ, помню, еще въ турецкую кампанію

былъ раненъ подъ Плевной казакъ моей сотни, Андреевъ, такой здоровый рыжій парень. Когда я взглянулъ на его рану, то мнѣ даже странно показалось, стоило-ли изъ-за такого пустяка идти въ госпиталь: пуля едва скользнула по верхней части ступни, по подъему, и сдѣлала легкій шрамъ. Что-же!—недѣли черезъ двѣ, Андрееву отняли ногу, а черезъ день онъ умеръ. Почти то-же самое случилось съ бѣднымъ Зубовымъ: когда, уѣзжая изъ Самурскаго подъ Геокъ-Тепэ, я пришелъ съ нимъ проститься, то онъ уже ходилъ съ костылемъ. Я былъ увѣренъ, что онъ скоро совсѣмъ поправится и еще поспѣетъ вернуться къ штурму. Каково-же было мое изумленіе, когда дней черезъ 10-ть я услыхалъ, что Зубовъ умеръ; у него, отъ плохого леченія, сдѣлалось зараженіе крови.

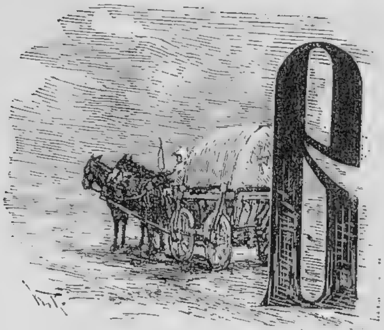
Всѣхъ тяжело раненыхъ изъ Самурскаго госпиталя отправляли въ Бами. Разъ обхожу я транспортъ фургоновъ, нагруженныхъ ранеными, смотрю—лицо одного унтеръ-офицера, ширванскаго полка, точно знакомо мнѣ.

— Гдѣ я тебя видѣлъ? спрашиваю его.

— Въ Бендесенахъ, ваше высокоблагородіе, я былъ фельдфебелемъ охотничьей команды, весело отвѣчалъ тотъ, приподнимаясь туловищемъ отъ повозки, точно и не раненый! Я очень радъ былъ повидать его и поговорить съ нимъ. У него былъ сорванъ пулей большой палецъ на ногѣ,—рана повидимому и не особенно тяжелая, но мучительная. Фельдфебель, въ свою очередь, тоже радъ былъ видѣть меня, и хотя по его блѣдному лицу иногда и пробѣгала дрожь отъ боли, но онъ все-таки продолжалъ со мной весело разговаривать и разсказывать, гдѣ и какъ его ранили. Не знаю, поправился-ли онъ, или его постигла та-же участь, что и капитана Зубова, и многихъ другихъ. А жаль если умеръ—молодецъ былъ!

ГЛАВА XI.

Передъ штурмомъ.



Въ самый Новый годъ я получилъ изъ Геокъ-Тепэ, отъ завѣдывающаго отдѣленіемъ Краснаго креста, князя Шаховскаго, телеграмму: „Отправляется транспортъ раненыхъ сто человѣкъ, изъ нихъ три офицера, прикажите приготовить помѣщеніе, пищу“. Сколько-жеостанетсявойскъ для штурма, если мы уже теперь, при возведеніи укрѣпленій, теряемъ чутьли не ежедневно по сту человѣкъ? думалъ я, направляясь отъ одного доктора къ другому, чтобы сдѣлать распоряженіе о пріемѣ раненыхъ.

3-го января получаю предписаніе Гродекова: приготовить какъ можно больше туръ, фашинъ, а также вырубить гдѣ только найдется въ окрестностяхъ лѣсъ, для устройства штурмовыхъ лѣстницъ. Я немедленно приказалъ рубить всѣ сады около Самурскаго, разослалъ копіи съ этого предписанія ближайшимъ начальникамъ сборныхъ пунктовъ, и черезъ нѣсколько дней все было готово и послано въ отрядъ.

Только что я получилъ это предписаніе, какъ получаю слѣдующую геліограмму: „Командующій войсками, предполагая имѣть васъ во время штурма при себѣ, приказалъ быть въ лагерѣ подъ Геокъ-Тепэ къ 9-му января“. Такъ я и сдѣлалъ: сдалъ укрѣпленіе сотенному командиру оренбургскаго казачьяго войска, маіору

Казанцеву, а самъ, съ небольшой попутной колонной, выступилъ въ лагерь подъ Геокъ-Тепэ.

Мы шли совершенно спокойно, по торной дорогѣ, проложенной нашими транспортами. Только въ одномъ мѣстѣ, около Опорной калы, выскочили-было на насъ текинцы въ небольшомъ количествѣ, но вскорѣ скрылись.

Я зналъ уже изъ разсказовъ раненыхъ офицеровъ довольно подробно, гдѣ наши стоятъ подъ Геокъ-Тепэ, какъ они устроились, зналъ, что наши траншеи постепенно подвигаются къ крѣпости и что весь лагерь находится подъ мѣткими непріятельскими выстрѣлами. Хотя наши и громили крѣпость изъ орудій, но сами они не имѣли покою ни днемъ, ни ночью. Какъ я все это хорошо ни зналъ, но мнѣ чрезвычайно интересно было увидѣть это самому лично: посмотрѣть, какъ и гдѣ помѣстился отрядъ? Какія вырыли укрѣпленія? А главное, хотѣлось узнать, чувствовалась-ли въ отрядѣ увѣренность въ счастливомъ штурмѣ. Конечно, думаю, въ Самурскомъ мнѣ было-бы гораздо безопаснѣе остаться, но какъ-же-бы я потомъ могъ глядѣть на Скобелева и на товарищей? Тѣ всѣ участвовали въ штурмѣ, а я, въ 10-ти верстахъ, сидѣлъ и ничего не видѣлъ! Кромѣ того, въ Самурскомъ меня сильно тяготила отвѣтственность, въ случаѣ ночнаго нападенія, тогда какъ въ отрядѣ я ни за что не отвѣчалъ. Соображая все это, я, очень довольный, что сейчасъ увижу товарищей, и не замѣтилъ, какъ транспортъ приблизился къ крѣпости.

Длинныя сѣрыя стѣны Геокъ-Тепэ теперь отъ меня саженяхъ въ семистахъ. На нихъ нигдѣ не видно живаго существа. Теперь уже не то, что во время прежнихъ рекогносцировокъ, когда стѣны бывали покрыты мохнатыми папахами, точно громаднымъ мѣховымъ воротникомъ. Очевидно, непріятель не можетъ безнаказанно высунуться изъ-за стѣны. Она такъ длинна, что дальній конецъ ея незамѣтно сливается съ песчанымъ горизонтомъ.

Но вотъ и нашъ лагерь. Онъ былъ не дальше, какъ въ верстѣ отъ крѣпости и поражалъ своей скученностью. Сѣрыя войлочныя юламейки, врытыя въ землю, чтобы представить

меньше цѣли для непріятеля, такъ плотно стоятъ одна около другой, что издали ихъ трудно различить. Вдоль всей передней линіи лагеря тянется длинная траншея. Ея гребень почти совершенно прикрываютъ юламейки.

Транспортъ направляется черезъ лагерь къ интендантскимъ складамъ, а я слѣзаю съ лошади, сдаю ее своему казаку, а самъ направляюсь искать Скобелева. Чтобы добраться до него, нужно пройти весь лагерь. Людей что-то не видно. Они, должно быть, всѣ находятся въ юламейкахъ. Изрѣдка кое-гдѣ солдатикъ выбѣгалъ наружу за какимъ-либо дѣломъ, и затѣмъ снова въ припрыжку возвращался къ себѣ.

Что-бы это значило, думаю, такое безлюдье? Въ эту минуту съ визгомъ пролетаетъ пуля и ударяется около лошадей, привязанныхъ позади одной юламейки. Вотъ оно что значитъ! Вѣдь здѣсь не въ Самурскомъ. И я поскорѣй спускаюсь въ траншею, и направляюсь по ней искать командующаго войсками. Дорогой мнѣ очень хотѣлось хорошенько разсмотрѣть стѣны Геокъ-Тепэ, но валъ траншеи скрывалъ, и чтобы увидать ихъ, нужно было искать мѣста, гдѣ гребень траншеи пообвалился. Вотъ я дошелъ до такого мѣста, гляжу, кругомъ сѣро и мрачно. Стѣны видны теперь гораздо яснѣе. Съ нихъ, то тутъ, то тамъ, поднимаются синеватые дымки и раздаются сухіе рѣзкіе выстрѣлы. Вправо и влѣво отъ меня тянется сѣрая глинистая равнина, перерѣзанная въ разныхъ направленіяхъ нашими траншеями. Гребни ихъ тянулись безконечными сѣроватыми змѣями. Кругомъ все было безжизнено, только сквозь обвалившіяся верхушки траншей мелькали солдатскія кэпи.

Я уже порядочно далеко отошелъ по траншеѣ отъ лагеря. Солдатъ, который указалъ мнѣ путь, не предупредилъ меня, что генералъ помѣстился такъ далеко, а только сказалъ: „Вотъ, ваше скоблагородіе, пожалуйте ефтой траншеей, тутъ и увидите генеральскую кибитку, тутъ рядомъ и начальникъ штаба живетъ“.

Отошелъ еще немного, вижу, рота солдатъ расположилась въ небольшомъ углубленіи, возлѣ траншеи; немного дальше

виднѣлась просторная кибитка командующаго войсками, обнесенная со стороны непріятеля мѣшками съ провіантомъ.

Немного далѣе виднѣлись конвойные осетины. И солдаты, и осетины видимо свыклись съ окружающей обстановкой, и чувствовали себя здѣсь какъ дома. Около кибитки генерала стоялъ воткнутый въ землю значокъ. Дверь въ кибитку отворена, я вхожу въ нее. Генералъ, пальто въ рукава, сидитъ и что-то пишетъ.

— А-а-а, здравствуйте, Верещагинъ. Ну, что думали-ли вы застать насъ въ такомъ грустномъ положеніи? восклицаетъ онъ, здороваясь. Скобелевъ все еще былъ подъ впечатлѣніемъ несчастныхъ для насъ вылазокъ текинцевъ.

— А все-таки мы возьмемъ крѣпость! говорю я генералу, желая развеселить его сколько возможно. Въ это время входятъ еще нѣсколько офицеровъ, пріѣхавшихъ изъ Самурскаго вмѣстѣ со мной. Скобелевъ вступаетъ съ ними въ разговоръ, а я, откланявшись, иду обратно въ лагерь.

11-го января, т. е. наканунѣ штурма, весь лагерь былъ замѣтно въ лихорадочномъ движеніи. Скобелевъ безпрестанно проходилъ мимо нашихъ юламеекъ. Команды солдатъ, совершенно невидимыя для непріятеля, сновали взадъ и впередъ по траншеямъ съ турами, фашинами, штурмовыми лѣстницами и носилками. Такъ какъ я пріѣхалъ подъ Геокъ-Тепэ всего за два дня до штурма, то мнѣ не пришлось разсмотрѣть хорошенько ни лагеря, ни укрѣпленій.

Разъ я пошелъ навѣстить моего раненаго товарища Яблочкова, который лежалъ въ одной изъ юламеекъ Краснаго Креста.

Маленькая площадка, гдѣ стоялъ Красный Крестъ, была защищена отъ непріятельскихъ выстрѣловъ довольно высокой стѣнкой, сложенной изъ мѣшковъ съ провіантомъ. Я вхожу къ Яблочкову. Онъ лежитъ на постелѣ, въ халатѣ, и слабо стонетъ. Подлѣ него сидитъ молоденькая сестра милосердія. Яблочковъ такъ похудѣлъ, что я чуть-было не вскрикнулъ. А вѣдь всего три недѣли какъ его ранили. Сразу было видно, что это не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ. Пуля повредила ему легкое и онъ харкалъ кровью. (Онъ вскорѣ и умеръ).

Яблочковъ страшно, безжизненно смотритъ на меня, и съ какимъ-то отчаяніемъ протягиваетъ свою исхудалую пожелтѣлую руку. Мнѣ всегда казалось на войнѣ, что въ умирающемъ развивается эгоизмъ, точно ему досадно смотрѣть на всякаго здороваго человѣка.

— Воды! тяжело шепчетъ Яблочковъ и съ трудомъ приподымается. Я смотрю, только длинная русая борода его одна не измѣнилась, и все такая-же красивая. Добрые голубые глаза куда-то далеко ушли въ орбиты и потеряли свою живость. Видъ раненаго былъ страшенъ. Сестра милосердія наклоняется со стаканомъ. Яблочковъ уцѣпляется за него костлявыми пальцами, и повиснувъ въ такомъ положеніи, начинаетъ тяжело, продолжительно, сухо откашливаться, причемъ старается ни на кого изъ насъ не смотрѣть. Какъ ни хотѣлось мнѣ остаться и побыть съ нимъ, но это было выше моихъ силъ. Я тихонько выхожу и съ тяжелымъ сердцемъ направляюсь къ себѣ въ юламейку, раздумывая о томъ, не придется-ли и мнѣ завтра лежать въ такомъ-же положеніи?

А стѣны Геокъ-Тепэ все также грозно выглядываютъ на пасмурномъ горизонтѣ, и точно хотятъ сказать собравшемуся около нихъ русскому войску: „Попробуй, попробуй,—посмотримъ, чья возьметъ!“

ГЛАВА XII.

12-е января. Штурмъ.

Было за полночь, когда нашъ маленькій отрядъ, состоящій изъ одного баталіона Самурскаго полка, команды охотниковъ, 5-ти орудій и сотни казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Гайдарова, выступилъ изъ лагеря въ обходное движеніе. Задача отряда заключалась въ томъ, чтобы занять маленькую калу, находившуюся въ полуверстѣ отъ сѣверо-западнаго угла крѣпости. А главное, чтобы всѣмъ этимъ движеніемъ сколько возможно отвлечь на себя вниманіе и силы непріятеля. Однимъ словомъ—обмануть его. Я находился при этомъ отрядѣ, и долженъ былъ, въ случаѣ убыли Гайдарова, занять его должность. По нашемъ выступленіи, главныя силы должны были сколь возможно незамѣтно для непріятеля сосредоточиться противъ юго-западнаго угла крѣпости, подъ который наши инженеры двѣ недѣли съ великимъ трудомъ вели подкопъ и наконецъ заложили сто пудовъ пороху.

Мы подвигались совершенно тихо. Луна тускло освѣщала путь. Отойдя версты три на сѣверо-западъ, мы остановились ждать разсвѣта.

Утро наступило теплое, пасмурное. Какая-то мгла мѣшала

разсматривать чернѣвшія на горизонтѣ длинныя стѣны Геокъ-Тепэ. Нашъ отрядъ снимается со своей стоянки и быстро двигается прямикомъ на мельничную калу.

Хоть и пасмурно, а непріятель замѣтилъ, насъ, и всѣ мы ясно видимъ, какъ онъ густыми темными массами бросается по стѣнамъ къ углу крѣпости, выходящему къ мельничной калѣ. Не смотря на ихъ сильный ружейный огонь, мы подаемся еще немного и останавливаемся саженяхъ въ четырехстахъ, на открытой песчаной равнинѣ. Орудія выстраиваются и открываютъ огонь по мельничной калѣ, изъ-за которой ясно виднѣлся уголъ крѣпости, сплошь усѣянный темными фигурами текинцевъ съ различнымъ дрекольемъ въ рукахъ. Въ это время со стороны нашихъ главныхъ силъ не было замѣтно никакого движенія. Мгла заволокла даже тотъ уголъ, гдѣ наши должны были скопиться. Я стою съ поручикомъ Ушаковымъ (его Скобелевъ тоже назначилъ на время штурма въ распоряженіе Гайдарова), и мы наблюдаемъ за стрѣльбой. Вотъ одна граната ловко попадаетъ въ тонкую стѣнку калы, пробиваетъ ее и образуетъ въ ней какъ-бы окошко. Оно стало ясно просвѣчивать на горизонтѣ.

Пѣхота казалась какою-то сѣрою въ этотъ день, и подходила подъ цвѣтъ окружающей природы. Она стоитъ выровнявшись по близости, держа ружья у ноги. Солдаты втихомолку разговариваютъ и переминаются съ ноги на ногу. Низенькій, коренастый, смуглый Гайдаровъ, пальто въ рукава, подтянутый ремнемъ при револьверѣ, черезъ плечо шашка, на шеѣ болтается толстый револьверный шнуръ, стоитъ и спокойно посматриваетъ то на стѣны калы, то на крѣпость, то на орудія. Оглянется на своихъ солдатъ, и опять смотритъ, какъ стрѣляютъ изъ орудій. Наконецъ, онъ оборачивается ко мнѣ и говоритъ: Вы переведете артиллерію вонъ противъ лѣвой стороны калы, а я пойду, и сказавъ это, онъ горячо жметъ мою руку и рѣшительно направляется къ ротамъ. Тѣ, замѣтивъ начальника, быстро выравниваются, офицеры бѣгутъ къ своимъ мѣстамъ. Гайдаровъ что-то командуетъ, обнажаетъ шашку, оборачивается, и скорымъ шагомъ ведетъ ихъ къ мельничной калѣ. Офицеры тоже обна-

жаютъ шашки, дорогой изрѣдка оборачиваются къ людямъ, и равняютъ ногу. Въ это время текинцы открываютъ на насъ чрезвычайно сильный огонь. Я уже не видалъ той минуты, когда наши бросились въ атаку на калу, такъ какъ садился на лошадь, чтобы ѣхать и передать баттарейному командиру приказаніе Гайдарова. Помню только, что когда я пустился вскачь, смотрю Ушаковъ, который стоялъ невдалекѣ, падаетъ, раненый. Къ нему подбѣжали съ носилками и понесли въ тылъ отряда. Мнѣ ужасно стало жалко Ушакова, и я чуть не заплакалъ. Когда я подскакалъ къ мельницѣ, Гайдаровъ съ ротами находился въ той самой калѣ, которую только-что передъ тѣмъ наша баттарея такъ старалась разрушить. Въ настоящую минуту кала очень пригодилась: Солдаты подъ защитою стѣнъ спокойно стоятъ и стрѣляютъ. Я слѣзаю съ лошади, тоже становлюсь около стѣнки, и съ живѣйшимъ любопытствомъ смотрю въ маленькую трещину, на Геокъ-Тепэ. Крѣпость отъ меня теперь очень близко, саженей двѣсти. Въ это время начинаетъ громить стѣны крѣпости наша артиллерія. Залпы орудій такъ и потрясаютъ воздухъ. Непріятель видитъ, что дѣло плохо. Вонъ по рву, что тянется подъ самыми стѣнами крѣпости, цѣлыми вереницами крадутся одиночные текинцы.

Вдругъ земля задрожала, раздается страшный гулъ. Черный, громадный столбъ песку и дыму взвивается къ небу. До насъ доносятся крики: „ура-а-а!“

Подкопъ взорвало. Часть стѣны взлетѣла на воздухъ. Скобелевъ и пять тысячъ нашихъ солдатъ должны быть уже на стѣнахъ Геокъ-Тепэ. Нашъ маленькій отрядъ необыкновенно воодушевляется и, прикрытый стѣнками калы, яростно вторитъ далекимъ „ура“.

— Рота, пли!—сколько есть силы командуетъ, возлѣ меня, осипшимъ голосомъ, длинный тощій ротный командиръ, съ лицомъ, изрытымъ оспой. Шеренга солдатъ въ шинеляхъ въ рукава, высовывается на мгновеніе изъ-за стѣнки, даетъ залпъ по крѣпости и тотчасъ же прячется обратно, при чемъ изъ всѣхъ силъ оретъ: „ура-а-а-а!“

“Рота пли!... Рота пли!... Рота пли!...“ только и слышится позади меня команды охрипшихъ ротныхъ командировъ. Въ это время, смотрю, подъ стѣнами крѣпости, во рву, начинаютъ скопляться толпы текинцевъ. Ихъ согнутыя спины, коричневые халаты и мохнатыя шапки теперь можно хорошо разсмотрѣть. Съ ружьями въ рукахъ, они съ ужасомъ озираются по сторонамъ и скрываются въ какомъ-то оврагѣ. Вонъ еще толпа показывается. Эта еще больше. Текинцы уже не крадутся, а просто бѣгутъ изъ крѣпости, побросавъ оружіе.

— Эхъ, кабы сюда горную пушку, такъ сразу можно-бы уложить штукъ съ полсотни! съ досадой кричу я. Сзади кто-то изъ офицеровъ подхватываетъ мое восклицаніе и посылаетъ сказать Гайдарову. Орудіе подвозятъ, ставятъ дуломъ въ проломанную стѣнку и стрѣляютъ вдоль рва, гдѣ все больше и больше скоплялось текинцевъ. Въ крѣпости, очевидно, уже наступила паника, и жители въ страхѣ покидали свою твердыню.

— Экъ вѣдь, стерва, маленькая; а какъ рванула! ворчитъ одинъ солдатикъ, который, полагая, что такая маленькая пушка не могла громко выпалить, не остерегся.—Оглушила, подлая!— И, прикрывъ ухо ладонью, онъ пробирается между усѣвшимися на землѣ солдатами, подальше отъ орудія.

Наконецъ и нашъ отрядъ выбѣгаетъ изъ калы и направляется по сыпучему песку къ крѣпости. А тамъ, на стѣнахъ уже виднѣются русскія знамена. Вотъ добѣжали мы до рва. Глубины онъ аршина полтора, но довольно широкъ. На днѣ его валяются трупы, все текинскіе, въ разнообразнѣйшихъ позахъ. Вонъ одинъ съ сѣдой бородой лежитъ на спинѣ съ раскинутыми руками. Колени согнуты. Желтый халатъ распахнулся, и за нимъ виднѣется грубая бѣлая рубаха. Чѣмъ ближе къ стѣнамъ,—тѣмъ больше труповъ. Команда охотниковъ первая подставляетъ къ стѣнамъ лѣстницы, которыя солдаты тащили съ собой, и мы всѣ быстро взбираемся наверхъ. Баталіонное знамя, воткнутое въ глиняную стѣну, захлопало по вѣтру своимъ полотномъ.

— Ура-а-а, ура-а-а! кричимъ мы, внѣ себя отъ восторга.

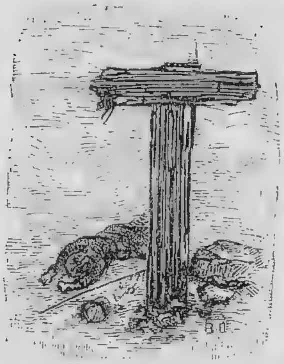
Стѣны высоки, сажени три, да и ширины такой-же. Я жадно вглядываюсь во внутрь крѣпости.

Боже, что тутъ творится!

Первое, что меня поражаетъ, это отсутствіе какихъ-бы то ни было построекъ тогда какъ я думалъ встрѣтить здѣсь различные дома, укрѣпленія, завалы, редуты и т. п. Вся крѣпость представляетъ площадь около трехъ квадратныхъ верстъ. Она чернѣетъ отъ множества закоптѣлыхъ войлочныхъ кибитокъ, тѣсно поставленныхъ одна возлѣ другой. Куда ни взглянешь, повсюду валяются трупы людей, лошадей, верблюдовъ, ословъ, собакъ, коровъ. Толпы женщинъ, закрывшись черными покрывалами, въ ужасѣ перебѣгаютъ отъ одной кибитки къ другой, волоча за собой своихъ безпомощныхъ ребятишекъ. Повсюду наши солдаты преслѣдуютъ непріятеля. Стоны раненыхъ, визгъ и крикъ женщинъ, плачъ дѣтей, ревъ животныхъ, крики: ура! алла! громъ орудій, все это слилось въ одинъ неопредѣленный, страшный гулъ. Мнѣ казалось, что я вижу картину страшнаго суда. Только Императорскій штандартъ, развѣвавшійся на высокомъ курганѣ, напоминалъ мнѣ о дѣйствительности.

ГЛАВА XIII.

Послѣ штурма.



Такъ вотъ оно, штука-то какая! Значитъ наша взяла, и походъ нашъ конченъ! съ радостной, спокойной душой думаю я, и все съ большимъ интересомъ всматриваюсь въ эту, хотя и страшную, но удивительно интересную картину. Я вижу передъ собой полнѣйшій погромъ дикаго народа, который многіе годы наводилъ ужасъ на всю сосѣднюю Азію. Онъ бѣжитъ, побросавъ все и вся.

Пока я стоялъ и разсматривалъ, оглядываюсь—и съ досадой вижу, что всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ я прибѣжалъ сюда, уже нѣтъ! Они ушли. Гдѣ ихъ искать? Въ это время мимо меня бѣжитъ знакомый молоденькій, хорошенькій прапорщикъ апшеронскаго полка. Въ лѣвой рукѣ его виднѣется обнаженная сабля, въ правой—револьверъ. Въ сопровожденіи толпы солдатъ стремился онъ, веселый, счастливый, весь раскраснѣвшійся, догнать текинцевъ. Фуражка его съ краснымъ околышемъ прострѣлена пулей, какъ разъ надъ кокардой. Прапорщикъ видимо гордился такимъ нагляднымъ доказательствомъ отличія, и нарочно такъ расправилъ фуражку, что дыра на ней виднѣлась издалека.

— Г-нъ маіоръ, пойдемте вмѣстѣ!—кричитъ онъ мнѣ. Что-же, думаю, оставаться тутъ одному, пожалуй еще какой-нибудь текинецъ изъ-за угла застрѣлитъ. Лучше пойду съ другими. Гайдаровъ вѣрно къ кургану побѣжалъ. И я спускаюсь со стѣны бѣгомъ, прыгаю черезъ ямы, опрокинутыя кибитки, чувалы *) съ пшеницей, просомъ, джугурой, и наконецъ догоняю апшеронцевъ. Они идутъ цѣпью, точь-въ-точь какъ на облавѣ звѣря. По пути заглядываютъ въ кибитки, въ землянки. Переворачиваютъ громадные мѣшки съ разной провизіей, хлѣбомъ, зерномъ, и вездѣ ищутъ живого существа.

Въ сторонѣ, за большой, совершенно новенькой бѣлой кибиткой, замѣтны фигуры двухъ солдатъ съ синими околышами. Они спорятъ между собой изъ-за текинскаго мальчика, лѣтъ 4-хъ. Одинъ хочетъ заколоть ребенка, другой не даетъ, хватается за штыкъ и кричитъ:

— Брось, что малаго трогать—грѣхъ!

— Чего ихъ жалѣть? Это отродье все передушить надо, мало что-ли они нашихъ загубили! восклицаетъ солдатъ и замахивается штыкомъ. Завидя насъ, они оба скрываются между кибитками, а мальчишка уползаетъ въ какое-то отверстіе въ землѣ. Такихъ отверстій или норъ я нашелъ потомъ множество по всей крѣпости. Подъ конецъ осады текинцы стали спасаться отъ нашихъ бомбардировокъ въ землянкахъ, на подобіе тѣхъ, какія роютъ кроты.

И вправо, и влѣво, повсюду видны солдаты. Всѣ они разбрелись кучками, человѣка по три, по четыре, снуютъ изъ кибитки въ кибитку, изъ землянки въ землянку, и роются въ нихъ, конечно, не безъ предосторожностей. Сначала лѣзетъ въ землянку одинъ, другіе-же остаются на верху и караулятъ, чтобы на нихъ не напалъ въ расплохъ непріятель. Пули изрѣдка все еще продолжаютъ посвистывать надъ покинутой крѣпостью.

Вонъ партія солдатъ, человѣкъ 5—6, подходитъ къ одной

*) Мѣшки.

землянкѣ. Она представляетъ изъ себя какъ-бы берлогу и помѣщается подъ землей, только круглое отверстіе или входъ въ нее чернѣетъ издали. Изъ землянки доносится чей-то плачъ. Солдаты останавливаются, наклоняются, прислушиваются, толкуютъ между собой, просовываютъ въ отверстіе ружья и стрѣляютъ въ темноту, на голосъ. Крики сначала замираютъ, но затѣмъ усиливаются. Солдаты хохочутъ, даютъ еще нѣсколько выстрѣловъ, и, повидимому, совершенно довольные, двигаются дальше.

На встрѣчу имъ, тихонько пробираясь между опрокинутыми кибитками, раззоренными землянками, разбросанной домашней рухлядью и хламомъ, тянется длинная вереница кубанскихъ казаковъ. У каждаго изъ нихъ на рукахъ по ребенку, а у нѣкоторыхъ и по два. Малютки въ крошечныхъ тюбетейкахъ на головахъ, въ страхѣ жмутся къ своимъ суровымъ охранителямъ.

Не доходя до кургана шаговъ сто, вижу сидятъ между кибитками нѣсколько женщинъ въ черныхъ капишонахъ. Онѣ, точно обезумѣвшія, поглядывали по сторонамъ. Между ними были двѣ-три хорошенькія, хотя сильно нарумяненныя, остальныя же старыя и очень некрасивыя. Это вѣроятно былъ остатокъ какого-нибудь гарема. Ихъ въ тотъ-же день, вмѣстѣ съ другими женщинами, начальство выпроводило изъ крѣпости и отдало подъ особый присмотръ.

Но вотъ мы добрались до того самаго кургана, въ который я столько разъ всматривался въ бинокль. Онъ имѣетъ видъ конуса, саженей десять вышины. Бока его всѣ покрыты тѣлами текинцевъ. Взбираюсь на вершину и подхожу къ знаменитой пушкѣ, изъ которой текинцы, не смотря на нашу ужаснѣйшую канонаду изъ семидесяти орудій, все-таки настойчиво продолжали стрѣлять до конца штурма. Пушка бронзовая, калибра такъ около 4-хъ фунтовъ, она поставлена на безобразнѣйшій деревянный лафетъ.

Съ вершины кургана видно очень далеко. Къ востоку, въ пескахъ, точно громадный муравейникъ, разсыпалось все населеніе Геокъ-Тепэ. Они бѣгутъ, побросавъ не только что имущество, но и малыхъ дѣтей. А Скобелевъ не зѣваетъ: съ дивизіономъ драгунъ

и нѣсколькими сотнями казаковъ онъ уже близехонько скачетъ по слѣдамъ бѣглецовъ. Верстъ двѣнадцать преслѣдуютъ ихъ: колятъ, рубятъ и стрѣляютъ. Пощады нѣтъ никому. По песчаной желтой равнинѣ сотни тѣлъ рѣзко указываютъ дорогу, гдѣ бѣжалъ напріятель. Какъ на курганѣ, такъ и кругомъ его въ крѣпости, куда ни взглянешь, повсюду виднѣется множество различныхъ труповъ. Нѣкоторые изъ нихъ очевидно давно здѣсь лежатъ и уже предались гніенію. Воздухъ такъ пропитался запахомъ разлагающихся тѣлъ и какой-то удушливой гарью, что съ души воротило. Нашихъ убитыхъ я что-то еще не вижу. Впрочемъ, вонъ одинъ лежитъ на самомъ скатѣ кургана, покрытый какимъ-то кускомъ полотна.

Я беру бинокль и осматриваю крѣпость. День немного разъяснился. За стѣнами Геокъ-Тепэ, къ югу, изрѣдка виднѣются невысокія деревья и глиняныя калы.

Внутри крѣпости, у подошвы кургана, происходитъ что-то въ родѣ торга. Толпы солдатъ стаскиваютъ сюда разныя разности. Въ ихъ рукахъ видны: ковры, мѣшки, одежда, посуда, оружіе. Спускаюсь внизъ. Здѣсь оказывается совершенная ярмарка. Вонъ идетъ солдатъ, фуражка съ чернымъ околышемъ. На одномъ плечѣ у него ружье, а на другомъ—превосходный текинскій коверъ. Согнувшись немного подъ тяжестью ковра, солдатъ предлагаетъ его желающимъ купить.

— Ваше благородіе, не угодно-ли?—говоритъ онъ своему-же офицеру.

— Что ты хочешь за него? спрашиваетъ молодой, красивый офицеръ, съ только что пробивающимися усиками. Онъ подходитъ къ солдату, нѣсколько сконфуженно осматриваетъ коверъ и щупаетъ доброту.

— Пять монетъ, ваше благородіе!

Офицеръ лѣзетъ за кошелькомъ, достаетъ пятирублевую бумажку и подаетъ солдату. Тотъ, очень довольный, сбрасываетъ прелестный коверъ прямо въ песокъ, прячетъ деньги и, перекинувъ ружье съ лѣваго плеча на правое, идетъ за новой добычей.

Тутъ только я услыхалъ, что Скобелевъ отдалъ крѣпость на произволъ своихъ солдатъ въ продолженіи трехъ дней.

Покупателей офицеровъ скопляется множество, а продавцевъ еще больше.

Другой солдатъ, артиллеристъ, нацѣпилъ на руку великолѣпную текинскую уздечку, украшенную серебромъ и сердоликомъ. Онъ толкается между товарищами и ищетъ покупателя. Казаки, одинъ передъ другимъ, *пытаютъ* купить ее. Но хозяинъ, видя, что вещь хороша, ломитъ должно быть слишкомъ дорого. Казаки одинъ за другимъ подходятъ къ нему, ругаются и отходятъ прочь.

— Что хочешь, эй, артиллеристъ? кричу я и машу ему.

— Пятнадцать монетъ, ваше высокоблагородіе!

— Десять!

— Пожалуйте.

Я подаю деньги и беру уздечку. Работа уздечки мастерская. Всѣ ремни выложены мельчайшими фигурными украшеніями, и съ такимъ вкусомъ, что залюбоваться можно.

И чего только нельзя было купить въ этотъ день у кургана: и ковровъ, и одеждъ, и оружія, и сбруи и т. д.

Я накупилъ порядочно разныхъ разностей. Сдаю все одному знакомому осетину, чтобы онъ отнесъ въ мою юламейку, а самъ снова взбираюсь на курганъ. Смотрю въ бинокль, и вижу, очень близко между кибитками, стоитъ текинскій конь-аргамакъ. Красавецъ, буланой масти, совсѣмъ осѣдланный: садись, да и трогай! Ну, думаю, ужь его я не упущу. Надо взять. Хозяинъ вѣрно убитъ, и если я коня не возьму, такъ другой кто захватитъ. Замѣчаю направленіе, спускаюсь съ кургана, прохожу нѣсколько кибитокъ и останавливаюсь.

Никакимъ перомъ невозможно описать, что тутъ мнѣ представилось. Груды умершихъ и умирающихъ людей перемѣшались съ животными и загораживали путь. Толпы женщинъ и дѣтей взывали о помощи. Сердце мое сжалось при видѣ этого, и я, точно ошеломленный, поварачиваю назадъ, совершенно забывъ о лошади.

Вдругъ передо мною, человѣкъ пять солдатъ вбѣгаютъ въ большую, прокоптѣлую кибитку, обмотанную какой-то шерстяной тесемкой. Навстрѣчу имъ выскакиваетъ изъ кибитки гро-

проглядывало звѣздное небо. Погода теплая. Часовой ходитъ возлѣ моей кибитки, съ такимъ равнодушнымъ видомъ, точно ему рѣшительно все равно, гдѣ шагать: здѣсь-ли въ Геокъ-Тепэ, или дома на Кавказѣ, въ какой нибудь Темирханъ-Шурѣ Кругомъ меня горитъ множество костровъ. Тучи искръ подымаются къ небу. Это солдаты жгутъ трупы и всякія нечистоты. Пока смотрю такъ, подъѣзжаетъ казачій патруль. Онъ ѣздилъ по крѣпости, для порядка.

— Ну, что все благополучно? спрашиваю урядника.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе. Только серединой и можно ѣхать, а тамъ чуть въ сторону, между кибитками, такая трущоба, что ни пройти, ни проѣхать! Все ямы, землянки; все завалено трупами, одна страсть!

— А часовыхъ отъ пѣхоты видѣлъ?

— Такъ точно, и по этой стѣнѣ стоятъ, и тамъ стоятъ, говоритъ онъ успокоителнымъ тономъ и показываетъ рукой. Я отпускаю его. Черезъ четверть часа около моей кибитки сбирается новый казачій разъѣздъ, и опять отправляется ѣздить по крѣпости.

Я иду къ себѣ, и ложусь на текинскій коверъ, который только что передъ этимъ купилъ у одного солдата за три рубля. Одинъ конецъ этого ковра оказался весь въ крови. Чтобы сколько-нибудь спастись отъ трупнаго запаху, проникавшаго снаружи въ кибитку, я закрываюсь съ головой одѣяломъ, буркой, и наконецъ засыпаю.

Часовъ 6—7 утра. Выхожу изъ кибитки, смотрю: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, на утоптанной площадкѣ, солдаты артиллеристы разстилаютъ превосходные текинскіе ковры, одинъ другаго лучше. Баттарейный командиръ, маленькій, худенькій, косой, одѣтый въ шведскую куртку, ходитъ отъ ковра къ ковру, и съ сердитымъ, дѣловымъ видомъ разсматриваетъ ихъ, щупаетъ, нѣкоторые приказываетъ поднять на свѣтъ, чтобы освидѣтельствовать, не прострѣленъ-ли, затѣмъ велитъ убирать. Я подхожу къ командиру, здороваюсь съ нимъ и говорю:

— Славные ковры, полковникъ, гдѣ это вы достали такіе?

— Да, ничего себѣ, коврики порядочные! сухо отвѣчаетъ командиръ, и, точно испугавшись, чтобы я не сталъ у него выпрашиваетъ ихъ, сердито кричитъ людямъ:

— Ну что-же вы копаетесь? Сказано убирать! Да складывай хорошенько!—И онъ тычетъ одпаго солдата въ бокъ, за то, что тотъ не расправилъ уголъ у ковра. Солдаты бережно складываютъ ихъ и несутъ убирать въ открытые зарядные ящики.

Въ это время проносится мимо меня, изъ лагеря, на лихомъ рыжемъ иноходцѣ, подбоченясь, старый, еще крѣпкій офицеръ, одинъ изъ начальства. Длинные сѣдые усы развѣваются по вѣтру. Косматыя, щетинистыя брови совсѣмъ нависли на быстрые сѣрые глаза. Офицеръ весь какъ-то изогнулся, сидитъ бочкомъ, часто проводитъ рукой по усамъ, и очевидно бьетъ на эффектъ. Человѣкъ пять, шесть казаковъ, его конвой, скачутъ за нимъ въ карьеръ.

— Э—то что такое!! слышу я крикъ стараго начальника.— Грабить! Знаешь, что вашему брату за это бываетъ!.. Въ плети его! кричитъ онъ конвойнымъ казакамъ. Тѣ наскакиваютъ на какого-то солдатика и замахиваются плетками.

— Сложить сейчасъ тутъ все!—Солдатъ кладетъ къ ногамъ мѣшокъ съ чѣмъ-то.

— Казакъ! Слѣзай! Становись тутъ! И караулить у меня этотъ мѣшокъ пуще глазу, пока я не пришлю за нимъ изъ лагеря! Сказавъ это, начальникъ еще разъ грозно оглядываетъ солдата, проводитъ рукой по усамъ, и какъ пуля несется вдоль крѣпости къ кургану. Солдатъ смотритъ ему вслѣдъ, чешетъ въ затылкѣ, и тихонечко идетъ обратно—шарить по текинскимъ кибиткамъ.

Я подхожу къ казаку, чтобы узнать, какія вещи находятся въ мѣшкѣ. Оказывается, тамъ лежатъ различныя женскія серебряныя украшенія, браслеты, ожерелья, серьги, разныя монеты и тому подобное.

Только я пришелъ съ себѣ въ кибитку, смотрю усатый офицеръ летитъ назадъ. Весь какъ чортъ изогнулся. Папаха на затылкѣ. Иноходецъ такъ и разстилается подъ нимъ. Конвой едва, едва поспѣваетъ вскачь. Вотъ онъ уже совсѣмъ близко.

— Казакъ!! Съ мѣшкомъ!! За мной!! слышенъ его крикъ,— и старый начальникъ несется дальше. Вдругъ онъ осаживаетъ коня и, какъ вкопанный останавливается. Что такое случилось?

— Подъ ко-зы-рекъ, милостивый государь! Подъ ко-зырекъ! кричитъ онъ старческимъ дребезжащимъ голосомъ, и весь трясется отъ злости. Лицо снова принимаетъ грозное выраженіе.

Я подхожу ближе, смотрю: передъ нимъ стоитъ молоденькій военный докторъ. Ничего не подозрѣвая, докторъ шелъ себѣ мимо въ раздумьи, и совсѣмъ не обратилъ вниманія на офицера, который очевидно надѣялся поразить каждаго своей осанкой и фигурой.

— Я... господинъ офицеръ... не обязаны отдавать чести! Я... не военный человѣкъ... я докторъ! оправдывается тотъ, и сконфуженно подноситъ руку къ козырьку.

— Какъ не обязаны?! Обязаны, сударь, обязаны!! Вы на службѣ состоите! кричитъ старикъ, кипятясь все болѣе и болѣе, и уже чуть не готовъ крикнуть: „Въ плети его!“ Въ эту минуту я подхожу къ нему.

— А-а-а, дорогой мой, здравствуйте! восклицаетъ онъ, уже другимъ голосомъ. Гнѣвъ его моментально исчезаетъ. Онъ начинаетъ обнимать меня, и затѣмъ съ паѳосомъ восклицаетъ:

— А! Каковъ Михаилъ Димитріевичъ! Ге-ні-аль-ный человѣкъ!! И какъ-бы въ доказательство своего величайшаго благоговѣнія къ Скобелеву, склоняетъ голову нѣсколько на бокъ и трясетъ ею. Затѣмъ выпрямляется и, указывая рукой на тысячи кибитокъ, торжественно, съ разстановкой говоритъ:

— Только онъ, Михаилъ Димитріевичъ Скобелевъ, могъ взять ихъ! Великій магъ и чародѣй!—Я хорошо понялъ, что этотъ господинъ говорилъ эти слова, надѣясь на то, что авось я ихъ передамъ генералу.

— Зайдемте ко мнѣ, чайку выпьемте! предлагаю ему.

— Не могу-у-у, батюшка, не могу-у-у! вотъ дѣла, по горло! восклицаетъ онъ, и тычетъ пальцемъ на орденъ, что висѣлъ у него на шеѣ. Вдругъ, какъ-бы вспомнивъ что-то необычайно важное, старый служака озабоченно жметъ мою

руку, хмуритъ густыя брови, поворачиваетъ коня и, взмахнувъ надъ головой плетью, какъ ураганъ выносится за крѣпость, вмѣстѣ со своимъ конвоемъ.

— Что онъ, шальной, что-ли какой? ворчитъ молоденькій докторъ.

Съ той минуты какъ на него обрушился старикъ, докторъ стоялъ возлѣ насъ, не смѣя шелохнуться.

— Не знаю, онъ всегда кажется такой, говорю я.

Докторъ прощается со мной и, задумчивый, продолжаетъ свой путь.

На другой же день, по взятіи штурмомъ крѣпости, сюда толпами устремились сосѣдніе жители, курды. Противнѣе и наглѣе народа я не встрѣчалъ. Узнавъ, что текинцы побиты, они пришли грабить ихъ имущество. Будь побѣждены русскіе, курды точно съ той-же яростью бросились-бы и ихъ преслѣдовать. Это были настоящіе шакалы въ образѣ человѣческомъ Цѣлый день съ утра и до вечера они рыскали по крѣпости изъ кибитки въ кибитку, изъ землянки въ землянку, съ громадными мѣшками за спиной. Грабили и хватали все, что попадало имъ подъ руку. Сначала курдамъ позволено было являться въ крѣпость. Но ихъ застали въ разныхъ звѣрствахъ и насиліяхъ надъ текинцами: они вырывали съ мясомъ серьги изъ ушей женщинъ, отрубали имъ кисти рукъ, чтобы снять браслеты. Тогда Скобелевъ строго запретилъ имъ входъ въ Геокъ-Тепэ. Но, несмотря на бдительность сторожевыхъ казаковъ, какъ бывало ни поѣдешь по крѣпости, все гдѣ-нибудь да встрѣтишь между кибитками согнутую подъ громаднымъ мѣшкомъ разбойничью фигуру курда.

Вскорѣ подъ стѣнами крѣпости образовался базаръ, куда съѣхались грузины, армяне, евреи, персы, курды и разные другіе народы скупать текинское добро.

Редакція журнала «Морской Сборникъ»
ПОГАШЕНО
Фундаментальная военно-научная библиотека ГШ ВМС
30880

АОУК № 44
Р. 40 К.

ЛКТ
Магазин № [illegible]
ц. 25 р.
Кв. №